PROPERTY OF
University of
Michigan
Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1876

№ 3 МАРТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CCXXV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).
1876.

ЗАПИСКИ БАРОНА АНДРЕЯ ЕВГЕНІЕВИЧА РОЗЕНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(1800—1827).

ГЛАВА III.

Религіозныя, литературныя и политическія тайныя общества,

отъ 1815 до 1825 года.

Масонство.—Литературныя общества.—Тайное Общество.—Раздѣленіе общества на Сѣверное и Южное.—Общество Соединенныхъ Славянъ.—Патріотическое общество Польское.—Тампліеры.—Вселенскій орденъ Возрожденія.—Причины основанія Тайныхъ Обществъ.

Политическія тайныя общества существовали до царствованія Александра I, въ вѣкъ Екатерины II, подъ видомъ религіозной цѣли. Образованные люди, не находя пищи для своихъ умственныхъ способностей ни въ службѣ государственной, ни въ частной жизни, уходили въ масонство: оно имѣло для нихъ заманчивость по своей таинственности, по своимъ внѣшнимъ формамъ, по доставленію занятій, бесѣдъ и трудовъ литературныхъ. Вліятельнѣйшими масонами въ Россіи были сначала: З. Г. Чернышевъ, И. В. Лопухинъ, Нартовъ, Новиковъ, Радищевъ, Гамалей, сей послѣдній въ высшей степени безсребренникъ.

Масонство начало распространяться и въ Англіи въ 1771 году. Начало масонству было положено *Розенкрейцерами*, которые, въ XVI столѣтіи, съ основателемъ своимъ И. В. Андреемъ—I. V. Andreae—ученымъ писателемъ, уроженцемъ изъ Виртемберга, составили союзъ для общаго очищенія и улучшенія церкви и государства.

Во Франціи составилось общество *Мартинистовъ*, основанное мистикомъ J. C. St. Martin, во второй половинѣ XVIII вѣка: онъ сочинилъ извѣстную книгу «О заблужденіяхъ и объ истинѣ»—Des erreurs et de la vérité—и много другихъ книгъ; онъ нашелъ себѣ учениковъ и въ Россіи.

Позже, въ 1776 году, былъ основанъ еще другой орденъ, *Иллюминатовъ*, профессоромъ Вейсгауптомъ въ Ингольштатѣ, въ Баваріи; профессоръ этотъ былъ воспитанъ іезуитами и возненавидѣлъ своихъ воспитателей. По тогдашней страсти къ тайнымъ братствамъ, онъ возмечталъ быть преобразователемъ и составилъ статуты *Перфектибилистовъ*—усовершенствователей, *Иллюминатовъ* — просвѣтителей. Для внѣшняго устройства ордена онъ принялъ масонскія формы; только, вмѣсто пінтизма, мистицизма, шарлатанизма, вкравшихся въ масонство, онъ стремился къ свободѣ мыслей, къ здравому смыслу и имѣлъ главною цѣлью—нравственную дѣятельность. Объ этомъ орденѣ Александръ I требовалъ разъясненій отъ Сперанскаго.

Когда масонство перестало быть препровожденіемъ времени или пустою формальностью и стало извѣстнымъ по нравственной и матерьяльной силѣ своей, тогда Екатерина II признала масоновъ и мартинистовъ за якобинцевъ: начались стѣсненія, развѣдыванія, отъ коихъ всѣхъ больше потерпѣлъ Новиковъ [1].

Императоръ Павелъ покровительствовалъ масонству, также и Александръ I; но въ 1822 году, 13 апрѣля изданъ былъ указъ на имя министра внутр. дѣлъ В. П. Кочубея, по коему повелѣно было закрыть всѣ масонскія ложи и взять подписки отъ всѣхъ служащихъ, военнныхъ и гражданскихъ, въ томъ, что они обязываются не принадлежать ни къ какимъ ложамъ и тайнымъ обществамъ [2]. Но еще до этого времени, кромѣ масонскихъ ложъ, существовали другія общества, пустившія такіе глубокіе корни, коихъ нельзя было вырвать указами.

Въ 1815 г. возникло литературное общество «Арзамасъ». Первыми основателями были Блудовъ, Дашковъ, Жуковскій; оно назвало себя этимъ именемъ по статьѣ Блудова «Видѣніе въ Арзамасѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей». Статья эта написана была по случаю отправленія художника Ступина въ Арзамасъ для основанія школы живописи. Ступинъ хотѣлъ грубую арзамасскую иконопись возвести въ искуство, образовать тамъ академію; оттого вышло наименованіе общества—«Арза-

---

[1] Смотри: Московскіе мартинисты и Новиковъ, изслѣдованіе М. Н. Лонгинова.

Русское масонство въ XVIII вѣкѣ, А. Пыпина.

[2] Главные основатели тайн. общ. были членами масонскихъ ложъ.

масской академіи» — или «Арзамасскаго ученаго общества» [1]. Общество это прекратилось въ 1818 и нашло себѣ подражателей въ основателяхъ общества «Соревнователей просвѣщенія и благотворительности».

Даже между военными составились литературныя общества или кружки, или вечера въ гвардейскихъ полкахъ, особенно въ старомъ семеновскомъ и въ измайловскомъ. Въ бесѣдахъ относительно исторіи и литературы говорили также о якобинцахъ, о кортесахъ, о карбонарахъ и о тугендбундѣ.—Молодежь всячески старалась быть участникомъ въ такихъ кружкахъ.

За литературными обществами слѣдовали по пятамъ политическія. Въ 1816 полковникъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ учредилъ политическое общество вмѣстѣ съ Никитою Михайловичемъ Муравьевымъ и съ кн. С. П. Трубецкимъ. Въ первыхъ совѣщаніяхъ участвовали братья М. И. и Сер. Ив. Муравьевы-Апостолы и И. Д. Якушкинъ. Въ 1817 присоединился къ нимъ Павелъ Ив. Пестель, и учредилось первое тайное общество:—«Союзъ спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества».—Уставъ былъ составленъ Пестелемъ; члены раздѣлялись на три степени: братій, мужей и бояръ.—Мужи имѣли право принять новыхъ членовъ-братій; боярами называли основателей общества; изъ нихъ избирали старѣйшинъ: блюстителя и секретаря. Къ поименованнымъ членамъ присоединились кн. Ѳ. Шаховской, Ѳедоръ Глинка, Новиковъ, Лунинъ. Для принятія членовъ были введены и клятвы. Въ это время М. Ѳ. Орловъ, гр. Мамоновъ и Н. И. Тургеневъ расположены были составить отдѣльное общество: «Русскіе рыцари», но послѣ нѣсколькихъ совѣщаній остались въ Союзѣ спасенія, куда вступили новые члены: Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, И. Г. Бурцовъ, Павелъ Колошинъ, братья И. А. и М. А. Фонвизины, но съ условіемъ, чтобы въ уставѣ отмѣнены были клятвы, слѣпое повиновеніе, насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ кинжала и яду. Уставъ составленъ былъ другой Александромъ Муравьевымъ, Трубецкимъ и Колошинымъ. Союзъ спасенія былъ переименованъ въ «Союзъ благоденствія»: всѣ члены раздѣлены были по занятіямъ на четыре отдѣленія:

1) Обязано было наблюдать за ходомъ частной и общественной благотворительности.

2) За умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ, содѣйствовать воспитанію юношества примѣромъ, разговорами, сочиненіями, смотрѣть за школами.

---

[1] Смотри: «Графъ Блудовъ и его время» Ег. Ковалевскаго стр. 108.

3) За дѣйствіями судовъ; не отклоняться отъ должностей по выборамъ, исправлять эти должности съ усердіемъ и съ точностью.

4) Заниматься по части политической экономіи: изыскивать средства общественнаго богатства, распространять народную промышленность, утверждать кредитъ, сопротивляться монополіямъ.

Основатели общества и первоначальные члены составляли Коренной союзъ; изъ нихъ избираемъ былъ совѣтъ Коренного союза, блюститель и пять засѣдателей; блюститель или предсѣдатель назывался главою союза. Члены Кореннаго союза, вмѣстѣ съ совѣтомъ, образовали Коренную управу.

Коренной совѣтъ имѣлъ власть исполнительную въ союзѣ; *Коренная управа* имѣла власть законодательную и была верховнымъ судилищемъ. Всѣ распоряженія оставались въ рукахъ основателей общества или коренныхъ членовъ. Управы, состоявшія изъ 10-ти или 20-ти членовъ, раздѣлялись на дѣловыя, побочныя и главныя.

Дѣловая получала первую часть устава; когда въ ней было 10 членовъ, то она могла учредить другую побочную.

Побочная становилась дѣловою, когда въ ней было не меньше 10 членовъ.

Главная принимала въ среду свою тѣ управы, кои завели три побочныя общества. Каждая управа имѣла своего блюстителя по избранію совѣта. Дѣла въ управахъ рѣшаемы были большинствомъ голосовъ. Члены имѣли право выходить изъ союза, оставить общество, не давъ обѣщанія хранить въ тайнѣ дѣла общества. Обрядовъ при принятіи новыхъ членовъ не было; вступающій давалъ только росписку, которая безъ вѣдома его была сожигаема.—Первая часть устава союза благоденствія была названа по цвѣту переплета *Зеленая книга*; вторая часть устава, написанная Трубецкимъ, не была одобрена Кореннымъ союзомъ и въ 1822 году была сожжена съ другими бумагами А. Н. Муравьевымъ.

Въ Москвѣ были двѣ управы: одна подъ предсѣдательствомъ А. Н. Муравьева, другая—кн. Шаховского.

Въ Петербургѣ были также двѣ: предсѣдателями одной былъ полковникъ И. Г. Бурцовъ, а другой—лейб-гвардіи егерскаго полка поручикъ А. В. Семеновъ. Въ Петербургѣ были еще побочныя или вольныя общества, независимыя отъ Союза благоденствія; они были учреждены кн. Е. П. Оболенскимъ, Токаревымъ и гр. Толстымъ.

Въ общихъ совѣщаніяхъ членовъ первоначальнаго общества

«Союза спасенія» преобладали идеи о конституціонномъ правленіи, о монархическихъ учрежденіяхъ. Первую мысль о республиканскомъ правленіи подалъ правитель канцеляріи новорос. генерал-губернатора Новиковъ, своимъ проектомъ конституціи. Въ совѣщаніяхъ членовъ коренной думы или управы «Союза благоденствія», Пестель объявилъ, что изъ всѣхъ существующихъ образовъ правленія онъ предпочитаетъ республиканскій [1]. Присутствовавшіе члены бо̀льшею частью утверждали, что совѣщаніе это не имѣло никакого дѣйствія, что по оному не сдѣлано никакихъ распоряженій, кромѣ *управы тульчинской*. Въ слѣдующихъ затѣмъ совѣщаніяхъ принято было предложеніе о введеніи республиканскаго правленія.

Между тѣмъ, число новыхъ членовъ увеличивалось, а изъ прежнихъ нѣсколько членовъ усомнились въ своемъ предпріятіи и рѣшились прервать всѣ сношенія съ тайнымъ обществомъ; въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ первыхъ основателей общества—Александръ Николаевичъ Муравьевъ. За то рѣшительнѣе дѣйствовалъ на югѣ П. И. Пестель съ А. П. Юшневскимъ: онъ предложилъ съѣздъ уполномоченныхъ союза; главная управа согласилась на это, и въ Москву были посланы изъ Петербурга Н. И. Тургеневъ и Ѳ. Н. Глинка, а изъ Тульчина—И. Г. Бурцовъ и подполковникъ Комаровъ. Кромѣ нихъ, присутствовали въ собраніи И. А. и М. А. Фонвизины, М. Ѳ. Орловъ, П. Х. Граббе, И. Д. Якушкинъ, М. Н. Муравьевъ, Охотниковъ. Предсѣдательствовалъ Н. И. Тургеневъ. Пренія обнаружили разногласія: Орловъ, Граббе, кн. Долгорукій и другіе письменно объявили свой выходъ изъ общества. Большинство остальныхъ членовъ видѣло невозможность засѣданія, боялось возбудить подозрѣніе полиціи, такъ что Н. И. Тургеневъ, въ концѣ февраля 1821, отъ имени собравшихся уполномоченныхъ, объявилъ общество Союза благоденствія уничтоженнымъ.—Бурцовъ и Комаровъ привезли это извѣстіе тульчинской управѣ.—Пестель и Юшневскій условились: 1) не признавать уничтоженія общества, и 2) удалить всѣхъ слабосердыхъ, выставляя имъ всѣ опасности и трудности предпріятія. Въ собраніи тульчинской думы, Юшневскій произнесъ рѣчь въ духѣ устрашенія; но рѣчь эта не только никого не могла удалить, но, напротивъ того, еще болѣе подстрекнула ихъ дѣятельность. Прежній уставъ, составленный Пестелемъ, вошелъ опять въ силу: члены раздѣлялись на братій, мужей и бояръ. Собраніе выбрало блюстителями Пестеля и Юш-

[1] Смотри: «Исторія Александра I и Россіи въ его время» томъ VI, стр. 446—449 М. Л. Богдановича—письменное показаніе П. И. Пестеля.

невскаго, а послѣ—Никиту Муравьева, не бывшаго въ Москвѣ на съѣздѣ. Но въ Петербургѣ общество было совершенно разстроено, и только въ исходѣ 1822 года, по возвращеніи гвардіи изъ Литвы, оно снова устроилось; тогда оно названо было *Сѣвернымъ* и раздѣлялось на *убѣжденныхъ* и на *соединенныхъ* или *согласныхъ*. Верхній кругъ состоялъ изъ убѣжденныхъ, изъ основателей, и избиралъ членовъ думы: онъ одинъ только зналъ средства достиженія цѣли и время начинанія дѣйствій. Никита Муравьевъ былъ начальникомъ, главою тайнаго общества, а въ концѣ 1823 рѣшили имѣть трехъ главныхъ блюстителей и къ нему присоединили кн. Трубецкого и кн. Оболенскаго; а когда Трубецкой, въ концѣ 1824, переведенъ былъ въ Кіевъ, въ штабъ 1-й арміи, то на мѣсто его избрали Рылѣева.

Тайное общество *южное* отличалось особенною дѣятельностью и рѣшимостью. Въ тульчинской думѣ первенствовалъ Пестель. Директорами были Пестель и Юшневскій; къ нимъ былъ послѣ выбранъ еще С. И. Муравьевъ-Апостолъ. Тульчинская дума состояла изъ двухъ управъ: изъ каменской, подъ предсѣдательствомъ полк. В. Л. Давыдова и генерала кн. С. Г. Волконскаго, и изъ васильковской управы—подъ предсѣдательствомъ С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина. Въ январѣ 1823, блюстители всѣхъ управъ съѣхались въ Кіевъ; на бывшихъ тамъ совѣщаніяхъ читаны были отрывки изъ «Русской Правды»—изъ конституціи, составленной Пестелемъ. Для перехода отъ монархическаго правленія къ республиканскому предположено было ввести временное правленіе, начать дѣйствія въ 1823, осенью, во время смотра въ лагерѣ въ Бобруйскѣ; расчитывали на содѣйствіе полк. И. С. Повало-Швейковскаго и В. С. Норова; но смотръ былъ отмѣненъ.—Въ апрѣлѣ 1824, было положено начать дѣйствія въ Бѣлой-Церкви на смотру 3-го пѣхотнаго корпуса, оттуда итти на Кіевъ и на Москву; изъ Москвы отрядить С. И. Муравьева-Апостола въ Петербургъ; но смотръ не состоялся, и проектъ лопнулъ.—Достовѣрно, что ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ не было уничтожено общество Союза благоденствія; желали только высвободиться отъ сильнаго вліянія Пестеля и отъ пылкой рѣшимости южнаго общества. Главнымъ двигателемъ въ Петербургѣ былъ тогда Никита Муравьевъ, составившій конституцію по образцу Сѣверо-американской при образѣ правленія монархическомъ, федеративномъ, съ раздѣленіемъ Россіи на державы и области, съ опредѣленіемъ ценза на должности служебныя, государственныя и общественныя, со сліяніемъ всѣхъ сословій.

Въ томъ же 1824, Пестель пріѣхалъ въ Птб., гдѣ на бывшихъ

совѣщаніяхъ, на коихъ присутствовали Трубецкой, Оболенскій, Рылѣевъ, М. И. Муравьевъ-Апостолъ и другіе, жаловался на бездѣйствіе сѣвернаго общества, на недостатокъ единодушія, на различіе статутовъ и предложилъ сліяніе обоихъ обществъ, имѣть общихъ блюстителей, рѣшать дѣла большинствомъ голосовъ. Предложеніе было принято, но оставалось разномысліе между Н. М. Муравьевымъ и Пестелемъ.

Неутомимая дѣятельность южнаго общества, съ помощью васильковской управы, открыла, въ 1825 г., существованіе двухъ новыхъ тайныхъ обществъ:—«Соединенныхъ славянъ» и «Патріотическаго общества польскаго или варшавскаго». Лѣтомъ 1825 года, 3-й пѣхотный корпусъ стоялъ лагеремъ близь мѣстечка Лещина, Волынской Губерніи, Житомірскаго Уѣзда. Офицеры часто сходились, и Бестужевъ-Рюминъ открылъ тайное общество, основанное въ 1823 г. артиллеріи подпоручиками П. И. Борисовымъ II и А. И. Борисовымъ I; оно состояло тогда изъ 36-ти членовъ. Цѣль общества заключалась въ совокупленіи славянскихъ племенъ, посредствомъ федеративнаго союза съ республиканскимъ правленіемъ, съ удержаніемъ взаимной независимости. На восьмиугольной печати означены были восемь колѣнъ славянскаго племени: русскіе, сербы-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словинцы и поляки, всѣхъ до 90 милліоновъ жителей. С. И. Муравьеву и Бестужеву-Рюмину удалось присоединить новое общество къ васильковской управѣ, къ южному обществу; для сношеній съ управой избраны были два посредника: поручикъ Горбачевскій для артиллерійскаго округа, а маіоръ И. М. Спиридовъ—для пѣхотнаго округа. Бестужевъ-Рюминъ сообщилъ славянамъ новый проектъ—Государственный Завѣтъ, содержавшій только сокращеніе «Русской Правды» Пестеля; потомъ принялъ отъ нихъ присягу, снявъ съ своей груди образъ Спасителя. Изъ числа 36-ти членовъ соединенныхъ славянъ, были осуждены верховнымъ судомъ 23 человѣка и, кромѣ нихъ, еще особеннымъ военнымъ судомъ въ Москвѣ были приговорены офицеры черниговскаго пѣхотнаго полка изъ славянъ: баронъ В. Н. Соловьевъ, А. И. Мозгалевскій, А. И. Быстрицкій, И. И. Сухиновъ и М. А. Щепилла; Ан. Д. Кузьминъ застрѣлился, что̀ составляетъ 29 изъ всѣхъ 36-ти человѣкъ и показываетъ, что, сравнительно съ числомъ членовъ сѣвернаго и южнаго общества, судъ выказалъ особенную строгость къ соединеннымъ славянамъ. Кромѣ особаго суда надъ офицерами черниговскаго пѣхотнаго полка, были судимы гораздо позже насъ, въ 1827 г., до окончанія слѣдствія польскаго комитета, піонернаго баталіона капитанъ баронъ К. Е. Игельстромъ и поручикъ А. И. Ве-

гелинъ, высланные къ намъ въ Читу и въ петровскую тюрьму. О соединенныхъ славянахъ остается еще замѣтить, что на послѣднемъ общемъ совѣщаніи съ членами южнаго общества постановлено было приготовиться и начать дѣйствовать въ августѣ 1826 года. Полковникъ В. К. Тизенгаузенъ, при этомъ, замѣтилъ: «что начать слѣдуетъ не чрезъ годъ, а развѣ чрезъ десять лѣтъ!» [1].

Въ 1820 году, составилось общество недовольныхъ въ Вильнѣ, подъ руководствомъ профессора Лелевеля; первоначальная цѣль была научная; но послѣ студентъ Ѳома Зȧнъ (Thomas Zan) образовалъ новое общество *Филаретовъ* «друзей добродѣтели»; между сообщниками былъ знаменитый Адамъ Мицкевичъ. Попечитель Новосильцевъ нарядилъ слѣдствіе въ 1823 году. Зȧнъ принялъ на себя всю отвѣтственность и былъ сосланъ въ Сибирь. Въ 1821 году, генералъ Уминскій въ Познани основалъ общество *Коссіонеровъ*, которое распространилось далеко.

Члены масонской ложи тайно съѣхались въ Варшавѣ, составили тамъ средоточіе для обсужденія дѣлъ отечественныхъ и положили начало *Патріотическому обществу варшавскому*. Однимъ изъ главныхъ вождей былъ маіоръ Валеріанъ Лукасинскій, участвовавшій во всѣхъ походахъ польскаго легіона отъ 1806 до 1814 года. Арестованіе и наказаніе первыхъ основателей общества не послужили къ закрытію его, а, напротивъ того, усугубили осторожность членовъ и заставили ихъ разъѣхаться, дѣйствовать повсемѣстно въ разсыпную и отдѣльно. Съѣзды членовъ состоялись только во время ярмарокъ въ Балтѣ, въ Бердичевѣ и въ Кіевѣ. Между тѣмъ, въ Варшавѣ ничего не могли вывѣдать отъ Лукасинскаго, и, по недостатку въ доказательствахъ, всѣмъ прочимъ обвиненнымъ объявлена была амнистія отъ императора Александра I. Послѣ этого члены «патріотическаго общества» стали опять собираться. Одинъ кругъ тайныхъ членовъ остался не узнаннымъ, не примѣченнымъ; главными дѣятелями этого круга были: подполковникъ Сѣверинъ Крыжановскій, кн. Антонъ Яблоновскій, казначей Гржимайло и секретарь Плихта; къ нимъ присоединился извѣстный графъ Станиславъ Салтыкъ. Въ 1824 году, нѣкто Гродецкій, въ Кіевѣ, получилъ порученіе отъ «патріотическаго общества варшавскаго» развѣдать о тайныхъ обществахъ русскихъ; агентъ этотъ кружился не далеко отъ Пестеля вокругъ Тульчина безъ успѣха. Еще въ 1823 г., князь Яблоновскій и графъ Викторъ Оссолинскій провѣдали молву о заговорахъ между офицерами и, при-

---

[1] Смотри: «Донесеніе слѣдственной коммиссіи». С.-Петерб. 1826 г., стр. 88.

бывъ въ Варшаву, передали о томъ обществу, которое по этому слуху дало упомянутое порученіе Гродецкому. Съ другой стороны, въ томъ же 1824 году, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ попали на слѣдъ тайнаго общества польскаго. Графъ Ходькевичъ познакомилъ ихъ съ Крыжановскимъ, чрезъ посредство котораго начались сношенія общества варшавскаго съ «управою васильковскою». При первомъ свиданіи съ представителями васильковской управы, Крыжановскій прямо объявилъ, что онъ не уполномоченъ заключить окончательное рѣшеніе, что онъ только назначенъ для сближенія между обоими обществами, чтобы вступить въ обоюдныя сношенія. Разговоры длились долго по различію вопросовъ относительно цѣли но они ни къ чему не повели по недостаточности уполномочія, даннаго Крыжановскому, почему нельзя было ничего ни рѣшить, ни скрѣпить.

Не скоро послѣдовалъ отвѣтъ изъ Варшавы касательно продолженія переговоровъ; наконецъ, князь Сергѣй Волконскій привелъ Гродецкаго къ Пестелю, а въ 1825 году Пестель увидѣлся съ княземъ Яблоновскимъ, имѣвшимъ инструкцію отъ патріотическаго общества варшавскаго. Крыжановскій, бывъ тогда тоже въ Кіевѣ, по случаю кончины отца своего, избѣгалъ всякихъ сношеній съ русскою партіей. Совѣщаніе было въ присутствіи князя Волконскаго. Пестель изложилъ цѣль тайнаго союза и сказалъ: «что ему необходимо знать намѣренія Польши, что нѣтъ средины—поляки должны быть или за насъ, или противъ насъ; мы можемъ добыть нашу свободу безъ всякой посторонней помощи, а, если вы пропустите предлагаемый вамъ случай, то отложите всякую надежду на существованіе, какъ нація отдѣльная; мнѣ нужно знать, какой образъ правленія думаютъ они ввести у себя, когда отечество ихъ получитъ свою независимость?» Князь Яблоновскій отвѣтилъ на это искренно и безъ околичностей, что главная цѣль патріотическаго общества, отъ имени коего онъ говоритъ, состоитъ въ пріобрѣтеніи независимости съ границами, существовавшими до 2-го раздѣленія Польши, что до всякаго дальнѣйшаго объясненія нужно знать, согласно ли русское общество на такое справедливое и умѣренное требованіе? Пестель возразилъ: «что это не представитъ затрудненій, и, если окажется какое сомнѣніе по этому предмету, то слѣдуетъ предоставить рѣшеніе мѣстному населенію этихъ губерній—желаютъ ли они остаться соединенными съ русскою націей или съ польскою?» Князь Яблоновскій объявилъ, что относительно образа правленія польское общество въ эту минуту еще ничего ие рѣшило, а личное его мнѣніе клонится въ поль-

зу монархическаго конституціонаго правленія. Пестель былъ другого мнѣнія и горячо отстаивалъ преимущества республиканскаго по образцу Соединенныхъ Штатовъ Америки. Преніе такого рода осталось безполезнымъ, потому что полякъ не допускалъ, чтобы русскіе заговорщики могли вмѣшиваться въ правленіе его страны; онъ сказалъ:—«если вы хотите управлять вмѣстѣ и Россіей, и Польшей, то это—все тоже, что обѣимъ странамъ оставаться подъ властью единаго общаго владыки». Пестель перешелъ къ другому вопросу. Князь Яблоновскій обязался прямо въ одномъ только пунктѣ: «что никакія обѣщанія или уступки со стороны цесаревича, во время революціи, не остановятъ дальнѣйшаго хода ея». Пестель этимъ не удовольствовался; онъ былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ. Яблоновскій только согласился съ нимъ: чтобы для пропаганды въ литовскомъ корпусѣ назначить для надзора полковника И. С. Повало-Швейковскаго и графа Петра Мошинскаго, дабы русскимъ не принимать въ общество поляковъ, а полякамъ не принимать русскихъ. Наконецъ, для скорѣйшаго хода переговоровъ, князь Яблоновскій прибавилъ, чтобы инструкціи были даны члену русскаго общества, имѣющему пребываніе въ Варшавѣ. Пестель обѣщалъ уполномочить для этого подполковника М. С. Лунина. Совѣщаніе кончилось тѣмъ, что назначено было съѣхаться опять въ Кіевѣ въ 1826 году, во время контрактовъ, для рѣшенія переговоровъ [1].

При вступленіи на престолъ Александра I, прошло только восемь лѣтъ со времени 3-го раздѣла Польши. Три державы, раздѣлившія между собою остальную Польшу, сначала такъ мало были увѣрены въ безспорномъ владѣніи, что отъ русскаго правительства назначенные начальники и чиновники въ округи Подольскій и Волынскій получили приказаніе отсрочить свой отъѣздъ впредь до особаго повелѣнія [2]. Поляки равно ненавидѣли русскихъ и нѣмцевъ, особенно вредили Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Поляки мѣшали Россіи слѣдовать собственному ея развитію и заставляли ее вмѣшиваться въ чужія дѣла, не славянскія.

На вѣнскомъ конгресѣ, Александръ I настаивалъ на созданіи новаго королевства польскаго. Важное дѣло это представляло различныя затрудненія съ различныхъ сторонъ. Лордъ Кэстель-

---

[1] Смотри «Journal de St.-Pétersbourg» № 297—313, 1827 года изъ донесенія варшавской комиссіи 3 января 1827 г., составленнаго умершимъ барономъ Моренгеймомъ, который, до представленія своего донесенія, имѣлъ очень частыя совѣщанія съ Д. Н. Блудовымъ.

[2] См. Записки Д. Б. Мертваго, № 8 и 9 «Русскаго Архива» 1867 года.

рей предостерегалъ императора и писалъ ему: «что одинъ шагъ отъ неограниченной власти къ конституціонной свободѣ можетъ измѣнить ходъ столѣтія, что его предпріятіе можетъ вызвать политическія тревоги въ собственномъ его государствѣ». Императоръ отвѣтилъ, что надо положить предѣлъ домогательствамъ поляковъ, что, чѣмъ долѣе останутся они стѣсненными, тѣмъ сильнѣе будутъ сопротивляться вліянію иноземному, и такая реакція по необходимости нарушитъ спокойствіе Россіи и всего сѣвера. Александръ I далъ полякамъ конституцію.

Но послѣ конгреса въ Ахенѣ все измѣнилось: императоръ началъ опасаться оппозиціи польскихъ представителей на сеймѣ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда начались переговоры между русскими и польскими тайными обществами. Русскій никогда не сдѣлается полякомъ; полякъ никогда не сдѣлается русскимъ, ни по вѣрѣ, ни по языку, ни по историческимъ своимъ преданіямъ. При невозможности совершеннаго слиянія, по причинѣ неравенства въ образованіи верхнихъ слоевъ общества и въ религіи низшихъ слоевъ общества у обоихъ народовъ, по различію въ стремленіяхъ народныхъ, въ относительномъ богатствѣ обѣихъ странъ, а главное еще препятствіе— по различію національныхъ характеровъ, Пестель и сообщники его хорошо знали, что нельзя перескочить чрезъ этнографическія, чрезъ историческія рогатки и препоны, и признавали единственное средство примиренія, а именно: конституція и союзъ федеративный, то-есть — дать независимое правленіе Польшѣ, бывшему Герцогству Варшавскому, отдѣльно отъ Литвы и отъ Подоліи съ Волынью отъ Украйны, и соединить всѣ эти отдѣльныя области, какъ и Финляндію и Прибалтійскій Край общимъ союзомъ. Правленіе общаго союза изложено въ «Русской Правдѣ» Пестеля, по образцу сѣверо-американской республики. Общее центральное правленіе предоставляетъ каждой отдѣльной области право своего внутренняго устройства; отъ этого нисколько не потерпитъ единство народа во всемъ объемѣ государства, потому что это единство скрѣплено общимъ гражданскимъ правомъ, которое даетъ гражданину каждой отдѣльной области право туземца любой изъ другихъ областей. Власть общаго центральнаго правительства распространяется на натурализацію, на торговлю, мореплаваніе, войско, ополченіе, почту, пути сообщеній и т. п. Если правленіе отдѣльной области оказало бы неповиновеніе закону, то общее центральное правительство имѣетъ полную власть и всѣ средства принудить его къ тому, въ военное время—силою, а въ мирное время—по опредѣленію общаго совѣта союза; центральное правительство можетъ объявить всю

область въ осадномъ положеніи и остановить на время отдѣльное ея правленіе.

Для дополненія этой главы остается упомянуть еще о двухъ тайныхъ обществахъ того времени, доказывающихъ, что тогда они были потребностью жизненной атмосферы. Въ 1820 году, штабс-ротмистръ гусарскаго или бѣлорусскаго полка, Маевскій, основалъ общество «Тампліеровъ»; корень общества былъ въ Волынской Губерніи. Маевскій назвалъ самъ себя гросмейстромъ ордена, а сообщники его, по выбору, занимали громкія мѣста: Карвицкій—намѣстника, Лаговскій—фатора, Булавскій—фельдмаршала, Загорскій—главнаго судьи, Карпинскій—обер-секретаря. При всѣхъ этихъ звучныхъ званіяхъ, общество не имѣло никакихъ средствъ. Маевскій, узнавъ въ 1825 году о существованіи тайныхъ обществъ въ Россіи, опасался, что останется въ сторонѣ отъ общаго хода, и рѣшился соединиться съ патріотическимъ обществомъ варшавскимъ, что̀ и удалось ему послѣ большихъ затрудненій [1].

Лейтенантъ русскаго флота, Д. Ир. Завалишинъ, во время продолжительнаго кругосвѣтнаго плаванія перебывалъ въ Англіи и Америкѣ, гдѣ имѣлъ случай на мѣстѣ оцѣнить всѣ учрежденія гражданской свободы. Плавая по неизмѣримымъ пространствамъ океана, останавливался въ Калифорніи и въ испанскихъ владѣніяхъ въ Америкѣ. Имѣвъ отъ юности своей религіозную наклонность, изучивъ хорошо св. писаніе, онъ учредилъ «Вселенскій орденъ возрожденія», для востановленія истины. По возвращеніи въ Петербургъ, въ 1825 году, онъ сообщилъ статуты своего ордена К. Ф. Рылѣеву, А. П. Арбузову, нѣсколькимъ членамъ сѣвернаго общества, представилъ статуты на воззрѣніе и утвержденіе императора. Государь похвалилъ его усердіе къ добру, но не принялъ проекта. Главная цѣль ордена заключалась въ распространеніи правды по всему міру, преимущественно въ Россіи, для чего написаны были особыя правила. Полученный отказъ огорчилъ его и заставилъ его пристать къ «тайному союзу» и дѣйствовать уже безъ согласія и безъ вѣдома государя. Статутовъ его я не читалъ, но слышалъ о нихъ отъ А. П. Бѣляева.

Остается еще упомянуть въ этой главѣ, что изъ числа членовъ «Союза спасенія» и «Союза благоденствія» были членами масонской ложи «Соединенныхъ друзей» и «Трехъ добродѣтелей» съ 1812 по 1817 годъ: князь С. Г. Волконскій, П. И. Пестель, князь И. А. Долгорукій, князь С. Г. Трубецкой, князь Алек-

[1] См. Донесеніе варшавской слѣдственной комиссіи 3 января 1827 г.

сандръ Ипсиланти, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, А. Н. Муравьевъ, Н. М. Муравьевъ, П. И. Колошинъ, В. С. Норовъ и другіе [1]; бо̀льшая часть изъ нихъ были основателями «Тайнаго союза».

Относительно «Тайнаго союза» вообще считаю нелишнимъ объяснить, какимъ образомъ могло случиться, что часть русской арміи и высшаго дворянства того времени могли дойти до такой необыкновенной политической дѣятельности, когда, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, она почти ни въ чемъ не выказывалась. Сперва надо замѣтить, что многочисленныя либеральныя преобразованія, предпринятыя въ началѣ царствованія Александра I, имѣли сильное вліяніе на образованные классы общества.

Къ тому, народная война 1812 года вызвала такую увѣренность въ народной силѣ и въ патріотической восторженности, о коихъ до того времени никакого понятія, никакого предчувствія не имѣли. Наконецъ, къ этому великому событію присоединились годы войны въ Германіи и во Франціи.

Послѣ вторичнаго взятія Парижа, русскія и прусскія войска стояли нѣсколько лѣтъ сряду въ крѣпостяхъ и въ городахъ Франціи. Между тѣмъ какъ прусскіе офицеры проникнуты были глубоко вкоренившеюся ненавистью къ французамъ, а частью и явнымъ отвращеніемъ къ французскимъ революціоннымъ идеямъ и питали одно только желаніе—ка̀къ бы поскорѣе вернуться домой и жить по прежнему — годы пребыванія русскихъ на землѣ французской подѣйствовали на русскихъ совершенно иначе. Для молодыхъ людей изъ русскихъ дворянъ, именно въ гвардейскихъ полкахъ, походъ по Германіи и Франціи былъ тоже, что вступленіе въ новый міръ образованный, о коемъ до того времени имѣли понятіе только отдѣльныя частныя лица, путешественники. Подъ небомъ болѣе пріятнымъ и нѣжнымъ, посреди новыхъ отношеній, обнаруживавшихъ высшее образованіе, подъ вліяніемъ болѣе кроткихъ нравовъ и болѣе человѣколюбивыхъ взглядовъ на жизнь вообще, много изъ русскихъ офицеровъ пріобрѣли новыя идеи и новыя воззрѣнія на состояніе своей родины. Молодые люди, проведшіе бо̀льшую часть своей жизни въ единообразіи отдаленныхъ русскихъ уѣздныхъ городовъ или среди шумныхъ вакханалій и пиршествъ столичныхъ, увидѣли вдругъ новый міръ, прелестямъ коего они предались

[1] См. Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ, А. Пыпина, «Вѣстникъ Европы» 1872 г. февраль, стр. 600—603. Рукопись московскаго музея № 64 въ журналѣ «Великой провинціальной ложи» 15 мая 1819 г.

съ полною восторженностью. Досуги гарнизонной службы, огромныя разстоянія, на коихъ расположены были отдѣльныя части войска, одна отъ другой, допускали такую свободу въ переѣздахъ и передвиженіяхъ, какой никто до того времени не полагалъ возможною. Борьба политическихъ партій, наполнявшая тогда Францію, находила въ молодыхъ иноземцахъ самыхъ внимательныхъ и самыхъ понятливыхъ зрителей и слушателей.

Когда пробилъ послѣдній часъ пребыванія во Франціи, то цвѣтъ офицеровъ вернулся домой съ намѣреніемъ пересадить все хорошее во Франціи—въ Россію. Между офицерами стали высказываться личности, занимавшіяся прилежнымъ чтеніемъ научныхъ книгъ. Бесѣды шумныя, казарменныя, о прелестяхъ чувственныхъ, о попойкахъ, объ охотѣ, становились рѣже, и вмѣсто нихъ все чаще слышны были сужденія о политической экономіи Сейя, объ исторіи, о народномъ образованіи, объ освобожденіи крѣпостнаго состоянія.

Такъ образовались въ бо́льшей части полковъ масонскія ложи съ чисто-политическимъ оттѣнкомъ. Когда эти ложи были закрыты и уничтожены, то члены сошлись въ тайныхъ обществахъ. Различныя обуздывающія мѣры оказались безполезными, потому что и часть солдатъ заразилась французскимъ духомъ: они желали для себя такого же обхожденія, къ какому они привыкли во Франціи. Самые ярые изъ заговорщиковъ, наконецъ, обратились къ идеалу республиканскому.

Еще прежде кончины Александра были частныя возстанія въ Петербургѣ и на югѣ Россіи; кончина его подвигнула къ началу предпріятія, еще далеко недозрѣвшаго. Полагали необходимымъ воспользоваться запутанностью дѣлъ, вслѣдствіе отреченія цесаревича Константина; и ударили тревогу до предварительнаго устройства возстанія.

Возстаніе началось почти одновременно въ двухъ мѣстахъ, и въ обоихъ было оно разбито и усмирено. Участники имѣли дѣло съ политическою невозможностью и сами виноваты, если сдѣлались жертвами...

ГЛАВЫ IV, V, VI и VII

. . . . . . , ...

ГЛАВА VIII.

Ссылка въ читинскій острогъ.

Первая отправка въ Сибирь.—Предосторожность.—Облегченіе. — Свиданія. — Прощаніе съ братьями.—Новые арестанты.—Прощаніе съ женою. — Моя отправка.—Шлиссельбургъ.—Контр-адмиралъ.—Ярославль. — Фельдъегерь. — Губернаторъ. — Благотворительность. — Красноярскъ. — Иркутскъ. — Крутой спускъ.—Грозная встрѣча.—С. Р. Лепарскій.—Цвинг-Ури.

Въ самый день исполненія приговора, 13-го іюля, начали отправку въ Сибирь.

Изъ первыхъ отправлены были, 13-го іюля, восемь товарищей: Оболенскій, Трубецкой, Волконскій, Давыдовъ, Якубовичъ, Арт. Зах. Муравьевъ и два брата Борисовыхъ. Послѣ нихъ отправляли все по четыре человѣка, черезъ день, всѣхъ приговоренныхъ на поселеніе. Ихъ размѣстили по одиночкѣ въ самой сѣверной полосѣ Сибири, отъ Обдорска до Колымска. Послѣ перемѣстили ихъ немного южнѣе, отъ Березова до Якутска и на берегахъ Лены. Тѣмъ изъ нихъ, которые были сосланы въ Гижигинскъ, въ Средній и Верхній Колымскъ, въ томъ числѣ М. А. Назимову, пришлось сдѣлать около 2,500 верстъ въ оба пути—отъ Якутска до мѣста назначенія и обратно, верхомъ, на перемѣнныхъ почтовыхъ якутскихъ лошадяхъ.

Въ одномъ изъ названныхъ городковъ, въ Средне-Колымскѣ, страдалъ и умеръ, въ царствованіе императрицы Елисаветы, изгнанникъ графъ Головкинъ, бывшій кабинет-министръ, за которымъ слѣдовала супруга его. Устное преданіе гласитъ тамъ, что, въ праздничные дни, его больнаго силою приводили въ церковь, чтобы тамъ терпѣть поруганіе и слушать, какъ священникъ, по окончаніи литургіи, читаетъ обвинительный актъ его и приговоръ его враговъ.

Вслѣдъ за приговоренными на поселеніе, отправили разжалованныхъ въ солдаты по крѣпостямъ и острогамъ сибирскимъ, откуда впослѣдствіи перевезли ихъ на Кавказъ.

Въ августѣ прекратилась отправка оттого, что насъ, осужден-

ныхъ въ каторгу, не хотѣли соединить всѣхъ въ Нерчинскѣ, не хотѣли также размѣстить по частямъ по другимъ рудникамъ, опасаясь возстанія въ большихъ заводахъ. Эта предосторожность была не лишняя, какъ послѣ оказалось въ Нерчинскѣ, по предпріятію Сухинова, о чемъ разскажу ниже въ своемъ мѣстѣ. Въ августѣ, до коронаціи, командиръ сѣверскаго конно-егерскаго полка, полковникъ Станиславъ Романовичъ Лепарскій, былъ назначенъ комендантомъ нерчинскихъ рудниковъ: ему велѣно было выбрать мѣсто за Байкаломъ, гдѣ удобнѣе можно было устроить временный острогъ, пока назначена будетъ другая мѣстность для прочной постройки обширной тюрьмы, по образцу американской системы одиночной или пенитенціарной. Лепарскій избралъ читинскій острогъ между Верхнеудинскомъ и Нерчинскомъ, на большой почтовой дорогѣ, въ 400 верстахъ отъ послѣдняго города. Въ ожиданіи его выбора и донесенія, остановили нашу отправку. Мы оставались въ крѣпости, гдѣ содержаніе арестантовъ, послѣ рѣшенія приговора, было не такъ строго, какъ во время допросовъ.

Облегченіе состояло въ томъ, что по очереди, по одиночкѣ, выпускали насъ изъ казематовъ въ переднія сѣни, гдѣ дверь и окно были открыты, гдѣ мы, чрезъ день, по 20 минутъ могли дышать свѣжимъ воздухомъ. Кромѣ того, по одному разу въ двѣ недѣли или черезъ десять дней, смотря по досугу трехъ инвалидныхъ офицеровъ, водили насъ, также по одиночкѣ, прогуливаться по крѣпости и по крѣпостному валу. Эта мѣра была необходима, потому что блѣдность и желтизна лица у многихъ показывали вліяніе спертаго, нечистаго и сыраго воздуха; у меня оказалась цынготная болѣзнь: десны опухли, побѣлѣли, зубы болѣли и выпадали. Другое очень важное облегченіе состояло въ томъ, что позволено было получать книги изъ дому. Помню, съ какимъ удовольствіемъ читалъ я всѣ романы Вальтера Скотта; часы пролетали такъ быстро и незамѣтно, что часто не слышалъ звона курантовъ. Чрезъ Соколова передавалъ я книги другимъ товарищамъ. Случалось иногда въ одинъ день прочесть четыре тома и быть мысленно не въ крѣпости, но въ зàмкѣ Кенильвортъ или въ монастырѣ, или въ гостиницѣ шотландской, или въ дворцахъ Людовика XI, Эдуарда и Елисаветы. Сердечно благодарилъ я сочинителя и вечеромъ радовался предстоящему утру. Ожиданіе скорой отправки и разстроенное здоровье не позволяли заняться болѣе полезнымъ чтеніемъ серьёзныхъ книгъ. Желалъ имѣть книги о Сибири, но тогда не было никакихъ печатныхъ свѣдѣній о сей странѣ, кромѣ путешествій Мартынова, Мартуса и записокъ нѣсколькихъ лицъ, отправлен-

ныхъ съ миссіей въ Китай чрезъ Кяхту. Всѣ эти свѣдѣнія были неполны, мѣстами ошибочны. Тѣ изъ моихъ соузниковъ, которые въ Петербургѣ не имѣли родственниковъ, получали книги изъ крѣпостной библіотеки и старинныя вѣдомости на сѣроватой и синеватой бумагѣ. Однажды, одинъ изъ моихъ товарищей переслалъ мнѣ листокъ отъ 1776 года; забавно было читать статью о Сѣверной Америкѣ, въ коей безпрестанно упоминалось о мятежническомъ генералѣ Вашингтонѣ.

Кончилась отправка разжалованныхъ. Для доставленія большаго простора въ петропавловской крѣпости для пріема новыхъ гостей, арестованныхъ поляковъ, отправили часть нашихъ осужденныхъ въ каторгу, въ шлиссельбургскую крѣпость и по крѣпостямъ Аландскихъ Острововъ.

Разрѣшено было для оставшихся въ петропавловской крѣпости имѣть еженедѣльныя свиданія съ ближайшими родными; такимъ образомъ, до моей отправки, имѣлъ я свиданіе съ женою по одному часу въ недѣлю. Видѣлся и простился съ родными братьями, съ дядею жены моей, съ П. Ѳ. Малиновскимъ, съ добрѣйшею тёткою А. А. Самборской и съ юною свояченицей моей, М. В. Малиновской, которыя, послѣ экзекуціи приговоровъ, денно и ночно изъ-за Харькова, на почтовыхъ, поспѣшили къ женѣ моей. Пріѣздъ ихъ былъ истиннымъ для меня утѣшеніемъ; сестра жены моей лучше всѣхъ умѣла ее утѣшать и ободрять. Мнѣ чрезвычайно отрадно было съ ними увидѣться, а, въ случаѣ неожиданной отправки, успокоила меня мысль, что жена моя и сынъ мой имѣютъ въ нихъ лучшихъ друзей.

Минулъ цѣлый годъ заточенія въ крѣпости. Зимою, послѣ первой отправки въ Сибирь, очищенные нумера въ казематахъ были заняты вновь прибывшими арестантами-поляками, имѣвшими сношенія съ тайными обществами русскими. Они умѣли скрыть дѣйствія варшавскаго патріотическаго общества, и только нѣсколько человѣкъ, въ числѣ ихъ гр. Мошинскій, Крыжановскій и Янушкевичъ, были сосланы въ Сибирь. Противъ моего нумера, на мѣстѣ отправленнаго Н. С. Бобрищева-Пушкина I, былъ запертъ полковникъ Ворцель. Онъ еще ничего не зналъ объ участи осужденныхъ; какъ будто для себя напѣвая французскую пѣсню, онъ спросилъ у меня о трехъ лицахъ; также на распѣвъ я долженъ былъ отвѣтить ему о двухъ, что они погибли на висѣлицѣ: Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ; о третьемъ, что̀ отправленъ въ Нерчинскъ—князь С. Г. Волконскій.

Послѣ новаго 1827 года, возобновились отправки въ Сибирь, все чрезъ день по четыре человѣка, въ сопровожденіи фельдъ-

егеря и четырехъ жандармовъ. 3-го февраля, въ день ангела жены моей, былъ очередной день нашего свиданія и послѣдняго прощанія въ крѣпости. Я зналъ это оттого, что въ этотъ день отправили Нарышкина, Лорера и двухъ братьевъ Бѣляевыхъ; за ними слѣдовала очередь моя. Предупредивъ жену, снова упросилъ ее не слѣдовать за мною, пока сынъ мой не укрѣпится послѣ прорѣзыванія зубковъ, пока не заговоритъ, не будетъ твердъ на ногахъ, чтобы могъ перенести и дальній путь, и неизвѣстное житье. Тогда мы еще не имѣли достовѣрности, что строжайше запрещено было матерямъ взять съ собою дѣтей своихъ. Я представилъ ей, какъ необходимо для моего здоровья быть на свѣжемъ воздухѣ, что часовое свиданіе разъ въ недѣлю не можетъ быть для нея отраднымъ, когда видитъ, какъ заточеніе уноситъ тѣлесное здоровье. Дѣйствительно, съ наступленіемъ зимы, когда прекратились наши рѣдкія минутныя прогулки, когда скудная лампада съ поплавкомъ едва позволяла читать нѣсколько минутъ сряду, безъ особеннаго напряженія зрѣнія; когда желѣзныя печки съ жестяными трубами, по неосторожности или сонливости сторожей, прожигали рукавицу или засаленную тряпку, отчего испорченный воздухъ портился еще болѣе, то невольно почувствовалъ медленное, но постоянное убавленіе силъ. Все, что можно было сказать женѣ моей въ присутствіи адъютанта, было ей сказано. Въ принятіи денегъ отказался вторично; позволено было каждому имѣть не больше девяносто-пяти рублей ассигнаціями, и то не на своихъ рукахъ, а подъ храненіемъ фельдъегеря. Мы другъ друга благословили; жена передала мнѣ деревянный крестикъ іерусалимскій, бывшій на груди ея и на груди сына. Въ тотъ день невозможно было привести сына ко мнѣ по причинѣ сильнаго мороза и золотушной сыпи на лицѣ. Вѣроятно, плац-адъютантъ охотно продолжилъ бы послѣднее свиданіе, но это не облегчило бы разставанія. Мать сама кормила грудью сына; онъ, вѣрно, ожидалъ ее со слезами. Съ молитвою мы простились, съ крѣпкою вѣрою и надеждою на свиданіе.

Наконецъ, 5-го февраля, долѣе обыкновеннаго просидѣлъ у меня плац-адъютантъ и предупредилъ меня, что ночью придетъ за мною для отправки въ путь. Недолго было мнѣ уложить несложную одежду, бѣлье и нѣсколько книгъ. Зимою отправляли всѣхъ насъ около полуночи. Я имѣлъ еще часокъ времени, чтобы наединѣ поручить себя и всѣхъ, мнѣ дорогихъ и любезныхъ, вселюбящему Господу. Куранты прозвонили въ 11 часовъ монотонную свою мелодію; я пожелалъ, чтобы это было въ послѣдній разъ для меня и для всѣхъ заточенныхъ.

Соколовъ отперъ поспѣшно дверь, и я успѣлъ обнять его до входа плац-адъютанта, съ которымъ поѣхалъ въ комендантскій домъ. У крыльца стояли пять троекъ. Лишь только вошелъ въ комнату, какъ привели туда трехъ моихъ товарищей: Н. П. Рѣпина, М. Н. Глѣбова и М. К. Кюхельбеккера, съ которыми я былъ въ одномъ разрядѣ. Мы дружно обнялись. У насъ была своя теплая одежда; только Кюхельбеккеръ стоялъ въ фризовой шинели, что̀ заставило меня придумать, какую одежду уступить ему изъ моей. Когда спросилъ его, имѣетъ ли онъ что̀-нибудь потеплѣе этой шинели, то онъ распахнулъ ее и съ улыбкою показалъ мнѣ славный калмыцкій тулупъ. Въ той же комнатѣ были плац-майоръ, два плац-адъютанта, фельдъегерь и, прислонясь къ печкѣ, стоялъ въ черномъ фракѣ докторъ—тотъ самый, который, въ первый день моего перемѣщенія въ крѣпость, пришелъ освѣдомиться о первой проведенной ночи въ казематѣ; на карнизѣ печки стояли стклянки. Николаевъ сказалъ мнѣ, что докторъ присутствуетъ при каждой отправкѣ, чтобы подать помощь въ случаѣ обморока или особеннаго припадка. Для насъ онъ оставался зрителемъ. Среди нашей живой бесѣды, вошелъ почтенный комендантъ, генерал-адъютантъ Сукинъ; за нимъ фейерверкеръ съ приподнятою полою шинели. Фейерверкеръ опустилъ приподнятую полу шинели, и объ полъ брякнули четыре пары кандаловъ. Обручи вокругъ ноги были складные; ихъ надѣли, заперли замка̀ми, ключи передали фельдъегерю. Когда мы выходили, то Рѣпинъ замѣтилъ, что такіе шпоры слишкомъ громко побрякиваютъ. Трудно было спуститься по лѣстницѣ; я держался за перила, товарищъ споткнулся и едва не упалъ; тогда плац-майоръ подалъ намъ красные шнурки, коими завязываютъ пучки перьевъ. Одинъ конецъ шнурка привязали за кольцо между двухколѣнчатыхъ кандаловъ, а другой конецъ приподнятыхъ желѣзъ—вокругъ пояса; такимъ образомъ, могли мы двигаться живѣе и дѣлать шагъ въ пол-аршина. Услужливые жандармы встрѣтили насъ у крыльца, посадили по одиночкѣ въ сани, и мы тронулись въ дальній путь, въ дальніе снѣга...

Свѣтъ луны и ярко горящихъ звѣздъ освѣщалъ нашу дорогу. Тихою рысью переѣхали Неву. Я все глядѣлъ на Васильевскій Островъ, благословлялъ жену и сына. Я зналъ, что жена моя въ эту ночь стояла на молитвѣ; она, извѣщая отца моего о моемъ отъѣздѣ и припоминая эту свѣтлую звѣздную ночь, написала ему слова̀ Паскаля: «il n'y a rien de plus beau dans le monde que le ciel étoilé et le sentiment du devoir dans le coeur de l'homme». Мы поднялись на другой берегъ Невы у мрамор-

наго дворца, поворотили къ Литейной, оттуда, чрезъ Офицерскую Улицу на Невскій Проспектъ, мимо Александровской Лавры къ Шлиссельбургской Заставѣ. Мало было домовъ освѣщенныхъ; улицы въ ночное время были пусты только слышны были отклики будочниковъ; и изрѣдка встрѣчались запоздалые праздно-ватели масляницы. У заставы остановились; фельдъегерь вошелъ въ караульную; ямщики пока развязывали язычки колокольчиковъ; часовой возвысилъ шлагбаумъ, и удалыя тройки помчали насъ, измученныхъ долгимъ сидѣніемъ въ казематахъ. Морозъ безъ вѣтра освѣжилъ насъ; ямщики старались прокатить насъ на славу, приговаривая: «масляница! — соколики! — гните ножки по бѣленькой дорожкѣ!» и въ часъ ѣзды достигли первой станціи. Въ нѣсколько минутъ были запряжены другія тройки; на станціяхъ знали напередъ очередь нашихъ отправокъ чрезъ день; усердные ямщики заботливо обвертывали ноги наши сухимъ сѣномъ, чтобы имъ не такъ холодно было отъ желѣзъ. На этой станціи нѣсколько родственниковъ и друзей пріѣзжали еще разъ проститься съ изгнанниками. П. Н. Мысловскій предупреждалъ ихъ объ очереди отправляющихся. Д. А. Чистяковъ, почтенный знакомецъ въ семействѣ жены моей, вызвался самъ, чтобы ожидать меня на станціи и передать мнѣ деньги; но жена моя отказала ему въ исполненіи, знавъ напередъ, что я не соглашусь подвергнуть кого бы то ни было отвѣтственности по этому дѣлу. Благородный генералъ Кошкуль открыто помогъ старому другу своему въ Новой Ладогѣ, во время проѣзда его.

Съ безпокойнымъ чувствомъ, съ мрачными думами приближался я къ Шлиссельбургу, опасаясь чтобы насъ не оставили въ его стѣнахъ; я зналъ, что нѣсколько человѣкъ изъ моихъ товарищей содержались тамъ послѣ приговора, а, право, нѣтъ ничего хуже, какъ сидѣть въ крѣпости. Тройки повернули вправо къ селенію, и я вздохнулъ свободнѣе и перекрестился. Перемѣнили коней, поскакали далѣе: еще виднѣлись стѣны, бывшія свидѣтелями храбрости русскихъ воиновъ, когда штурмовали ихъ противъ шведовъ. На бѣду, при штурмѣ, лѣстницы оказались короткими; пылкій Петръ, увидѣвъ невозможность, приказалъ отступить.—«Скажи Петру, отвѣтилъ начальникъ атаки князь Голицынъ:—что я теперь принадлежу не ему, а Господу Богу: впередъ ребята!»—взобрался самъ на плечи солдата, стоявшаго на высшей перекладкѣ, первый былъ на валу, и крѣпость была взята.

Мы не ѣхали, а летѣли, чрезъ Тихвинъ, Устюжну, Мологу; гдѣ обѣдали, гдѣ ужинали, тамъ находили готовые блины и стерляжью уху не хуже Демьяновой, которая пріѣлась намъ, какъ

бѣдному Фокѣ, только не отъ подчиванія хозяевъ, но отъ безпрестаннаго повторенія одной и той-же ухи, отъ жирнаго навара, такъ что за Костромою, на первой недѣлѣ поста, предпочелъ ухѣ холодную похлёбку изъ квасу съ тертымъ хрѣномъ, согрѣвавшую желудокъ лучше горячаго бульона.—Около полуночи, пріѣхали мы въ Рыбинскъ, гдѣ, въ первый разъ по выѣздѣ изъ столицы, собрались отдохнуть нѣсколько часовъ; на станціи были двѣ комнаты; въ первой стояли только столы и стулья, вторая съ диванами была занята проѣзжающими. Усталость требовала отдыха: мы расположились лечь на полъ, какъ вышелъ изъ задней комнаты заслуженный морякъ съ георгіевскимъ крестомъ, въ сопровожденіи двухъ заспавшихся отроковъ, державшихъ въ рукахъ по подушкѣ и по узлу. Мы извинились, что, вѣроятно, неловкими шпорами нашими помѣшали имъ отдохнуть.—«Прошу васъ господа, отвѣтилъ проѣзжающій:—помѣняться со мною комнатами; въ моей теплѣе и есть диваны, тамъ вы лучше отдохнете; вашъ путь далекъ, мой близокъ—до Петербурга».—Незнакомецъ ѣхалъ для опредѣленія сыновей въ морской кадетскій корпусъ; онъ, на самомъ дѣлѣ, далъ добрый урокъ своимъ дѣтямъ.

Въ воскресенье, къ раннему обѣду, пріѣхали въ Ярославль; остановились на площади въ гостинницѣ, гдѣ перемѣнили лошадей. На площади никого не было; жители послѣ обѣдни обѣдали или отдыхали, или катались на Волгѣ. Пока намъ накрыли на столъ, ходилъ я взадъ и впередъ по комнатѣ, и послышалось мнѣ, будто кто-то нѣжною рукую стучитъ въ боковую дверь; я подошелъ—женскій голосъ спросилъ:—«здѣсь-ли И. Д. Якушкинъ?—Гдѣ онъ? скоро-ли будетъ?»—То была премилая молоденькая жена его и преумная почтенная тёща его, Над. Ник. Шереметьева. На вопросы ихъ ничего не могъ отвѣчать положительнаго; только зналъ, что Якушкина уже давно перевезли изъ крѣпости въ другую на Аландскіе Острова. Жена и тёща его жили въ этой гостинницѣ долго и ждали напрасно, потому что его не прежде лѣта отправили въ Сибирь.—Пока мы обѣдали, народъ сталъ собираться на площади; въ четверть часа она такъ густо была набита народомъ, что, еслибы бросить яблоко сверху, то оно не упало бы на снѣгъ, а легло бы на шапку или на плечо. Кони наши стояли внутри двора; ворота были заперты; сверхъ того, два жандарма стояли съ наружной стороны съ голыми саблями.—Въ коридорѣ встрѣтили насъ Шереметьева и Якушкина, благословили насъ образками на дорогу. Когда мы сошли съ лѣстницы, то фельдъегерь грозно прикрикнулъ:—«тройка фельдъегерская впередъ! жандармы, смотри

не отставать отъ меня!»—Во дворѣ мы усѣлись въ сани. Какъ только часовые отперли ворота, то мы стрѣлой пустились чрезъ площадь, по узкому промежутку между безчисленнымъ народомъ; едва успѣлъ я снять шапку и поклониться народу, какъ въ мигъ всѣ съ поклономъ сняли шапки и фуражки. Кони промчали прямо чрезъ Волгу. Въ Читѣ разсказывалъ мнѣ товарищъ мой П. В. Абрамовъ, слѣдовавшій также чрезъ Ярославль шестью днями раньше меня, что площадь также усѣяна была народомъ, что онъ также, какъ я, хотѣлъ снять шапку и поклониться народу, но она была у него такъ крѣпко подвязана подъ подбородкомъ, что онъ не могъ ее снять, и, вмѣсто того, знаменіемъ креста благословилъ народъ на обѣ стороны; народъ поклонился и слышны были возгласы:—«Господи помилуй! и митрополита везутъ въ Сибирь!»

Насъ везли, дѣйствительно, по фельдъегерски. Скакали день и и ночь: въ саняхъ неловко было дремать; ночевать въ одеждѣ и въ кандалахъ было не спокойно; потому дремали на станціяхъ по нѣскольку минутъ во время перепряжки. Быстрая ѣзда какъ то меньше утомляетъ. Кострома, Макарьевъ, Котельничъ, Вятка, Глазовъ, Пермь, Кунгуръ, Екатеринбургъ, Камышловъ, Тюмень только мелькнули на нашемъ пути. Въ Глазовѣ ночевали, и на нѣсколько минутъ отомкнули желѣза, чтобы можно было перемѣнить и нижнее бѣлье.—Кажется, въ нашъ вѣкъ почти всѣ заразились наживаніемъ денегъ; почему-же и фельдъегерю не накоплять себѣ капитальчикъ?—И нашъ проводникъ былъ достойный сынъ вѣка, и вотъ какимъ образомъ наполнялъ свой бумажникъ благопріобрѣтенными деньгами. Отъ Тихвина онъ бралъ только четыре тройки; меня пригласилъ ѣхать съ нимъ, а моего жандарма посадилъ въ другіе сани; такимъ образомъ, прогоны за тройку на 3000 верстъ остались въ его карманѣ; этимъ средствомъ онъ никого не обижалъ—ни старосты, ни ямщиковъ, ни почтовыхъ лошадей, потому что не тяжело вести одной тройкѣ, зимою, одного моего товарища съ двумя жандармами; даже предъ казною былъ онъ правъ: она отпустила ему сумму опредѣленную, лишь-бы довезъ арестантовъ до мѣста. Но онъ не довольствовался сотнями рублей; онъ лучше умѣлъ устроить свои дѣла: какъ только запрягли коней, онъ повелительно спрашивалъ у старосты: «много-ли тебѣ слѣдуетъ получить прогонныхъ денегъ?»—если тотъ потребовалъ только половину, то приказывалъ, чтобы фельдъегерская тройка ѣхала позади, а жандармамъ ѣхать впереди. Такимъ порядкомъ ѣхали мы хорошею полною рысью; на иныхъ станціяхъ и потише, тогда сосѣдъ мой дремалъ или притворялся спящимъ, и мы ѣхали раз-

умно и благополучно. Если-же староста требовалъ прогоновъ сполна или три четверти, то гремѣлъ приказъ:—«фельдъегерская тройка впередъ! жандармы не отставать!»—и тутъ уже, хоть попадись намъ рысаки Орлова, онъ заставитъ ихъ скакать во весь карьеръ; только и дѣло, что тычетъ саблею ямщика, повторяя: «пошелъ! да пошелъ! ты—огородникъ, а не ямщикъ! ты мертвыхъ возишь, а не фельдъегеря!»—Случалось мнѣ рукавомъ шубы закрывать себѣ ротъ и носъ: быстрота ѣзды захватывала дыханіе. При такихъ продѣлкахъ, пало у насъ семь лошадей до Тобольска. Я его упрашивалъ, однажды побранилъ его серьёзно, когда ямщикъ такою ѣздою лишился любимой лошадки своей, лѣвой пристяжной сѣрой масти, и съ рыданіями обрѣзалъ постромки. Я хотѣлъ, чтобы онъ далъ ему на станціи росписку, по коей хозяинъ лошади получилъ-бы 20 рублей, хотя павшій конь стоилъ вдвое дороже.—«Помилуйте, возразилъ онъ:—ка̀къ вы можете просить за мошенника и жалѣть его? онъ, бестія, нарочно запрегъ мнѣ больную лошадь или старую: это—старая замашка этихъ бездѣльниковъ; они меня не проведутъ!»—На нѣсколькихъ станціяхъ татарскихъ, и по обѣимъ сторонамъ Тюмени надули молодца: брали полное число прогоновъ до послѣдней копеечки и возили такъ, что нельзя было придраться. За то, лишь только подъѣзжали къ станціи, то десятокъ ямщиковъ у подъѣзда подымали насъ изъ саней, чтобы конямъ не дать постоять ни минуты, сами толкали сани съ мѣста и потомъ проваживали по цѣлому часу. Съ торжествомъ и съ злорадною улыбкою поглядывали на фельдъегеря, приговаривая:—«ничего, бачка! ничего, доѣдемъ, кони наши легки и быстры, какъ вѣтеръ».

22 февраля, рано утромъ, пріѣхали въ Тобольскъ; остановились у дома полицеймейстера, гдѣ встрѣтилъ насъ квартальный надзиратель, просилъ не выходить изъ саней и преучтиво провелъ насъ въ съѣзжій домъ. Намъ странно показалось: ка̀къ сообразить вѣжливую встрѣчу и отводъ подобнаго помѣщенія? «И такъ, пришлось намъ побывать и въ полицейскомъ съѣзжемъ домѣ», замѣтилъ я Рѣпину, который смѣялся и острилъ. Между тѣмъ, почтовыхъ троекъ нашихъ не отпускали, чемодановъ не вынимали, и вскорѣ разъяснилась загадка. Мы ѣхали такъ скоро, что нагнали товарищей, отправленныхъ изъ Петербурга двумя днями раньше насъ; пока ихъ снарядили въ дальнѣйшій путь, насъ помѣстили въ полицію, откуда, чрезъ часъ, перевезли въ домъ къ полицеймейстеру Алексѣеву, гдѣ намъ дали два дня отдыху, гдѣ насъ помѣстили въ его гостиныхъ и угостили какъ невозможно лучше, на счетъ гражданскаго губернатора Бантыша-Каменскаго. Помню, что къ завтраку подали двѣнадцать родовъ

различной рыбы, во всѣхъ видахъ, изъ обильныхъ рѣкъ сибирскихъ—и сушеную, и вяленую, и соленую, и печеную, и жаренную, и вареную, и маринованную. Отдыхъ былъ намъ нуженъ, и мы славно отдохнули. На другой день, поутру, отправили насъ въ путь: вмѣсто фельдъегеря дали въ проводники засѣдателя курганскаго окружнаго суда И. М. Гарасимова, бывшаго аудитора 15 пѣхотной дивизіи барона Гр. Вл. Розена, удаленнаго изъ гвардіи послѣ возстанія семеновскаго полка; вмѣсто почтовыхъ лошадей, давали обывательскихъ. Предъ самымъ выѣздомъ изъ Тобольска, повезли насъ къ губернатору, который принялъ насъ вѣжливо, спросилъ: какъ здоровье наше переноситъ дальнюю ѣзду послѣ заточенія въ крѣпости? не нуждаемся-ли въ чемъ? потомъ съ участіемъ образованнаго и честнаго начальника края, простившись съ нами и обратившись къ Гарасимову, сказалъ ему:—«они—ваши арестанты, но обращайтесь съ ними какъ съ людьми благородными».

Мы слѣдовали по главной дорогѣ столбовой съ почтовыми станціями, съ прилежащими къ нимъ селами и деревнями; огромныя пространства на югѣ Сибири гораздо болѣе населены. Города, по причинѣ малаго населенія всего края, отстоятъ одинъ отъ другого на сотни верстъ, нерѣдко и на 400 верстъ. Въ Тарѣ мы не могли воспользоваться гостепріимствомъ городничаго Степанова, кавказскаго офицера временъ Ермолова, потому что ночью проѣхали городъ; но я узналъ послѣ отъ товарищей, что этотъ городничій принималъ ихъ у себя отлично хорошо, особенно отправленныхъ вскорѣ послѣ приговора; на своей квартирѣ предлагалъ не только отдыхъ, хлѣбъ-соль, но предлагалъ и бумажникъ свой. Однажды силою остановилъ онъ фельдъегеря, который поневолѣ покорился, потому что Степановъ объявилъ о себѣ, что онъ—Николай I въ Тарѣ. Добрый человѣкъ не избѣгнулъ доноса, но отдѣлался благополучно, отвѣтивъ, что онъ такъ поступалъ по чувству состраданія по предписанію евангельскому.—Обывательскихъ лошадей перемѣняли въ волостныхъ правленіяхъ, гдѣ не разъ заставали мірскія сходки и удивлялись и радовались расторопному и разумному ходу дѣлъ, ясному и простому изложенію мнѣній мужиковъ. На ночлеги или на время обѣда и ужина останавливались въ чистыхъ и опрятныхъ избахъ, гдѣ хозяева радушно насъ угощали и ни за что не хотѣли платы. Вообще, о Сибири и ея жителяхъ разскажу подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, когда, на обратномъ пути, короче познакомился съ ними лѣтомъ. Здѣсь упомяну только о благотворительности сибиряковъ: въ извѣстные дни и близъ мѣстъ, назначенныхъ для приваловъ ссыльныхъ, встрѣчалъ я толпу обыва-

телей на саняхъ и пѣшихъ, стоявшую при дорогѣ подъ открытымъ небомъ, во всякую погоду.—«Что̀ эти люди тутъ дѣлаютъ»? спросилъ я ямщика.—Они съѣхались изъ ближнихъ деревень и дожидаются партій *несчастныхъ* (такъ въ Сибири называютъ ссыльныхъ), чтобы богатымъ продать, а бѣднымъ подарить пироги, булки, съѣстное, теплую обувь и что̀ Богъ послалъ.—Они знаютъ назначенные дни, въ кои слѣдуютъ ссыльные по этапамъ—дважды въ недѣлю—и соблюдаютъ между собою очередь; отъ нихъ узналъ я, что этотъ обычай ведется давно, по наставленіямъ ссыльныхъ родителей и дѣдовъ.—Повсемѣстно, отъ Тобольска до Читы, принимали насъ радушно, навязывали будки на сани противъ непогоды, укутывали насъ чѣмъ могли, провожали съ благословеніями.

Путь нашъ изъ Тобольска велъ чрезъ города Тару, Каинскъ, Колывань, Томскъ, Ачинскъ, Красноярскъ, Канскъ, Нижнеудинскъ, Иркутскъ; девять городовъ на разстояніи 3,000 верстъ. Въ Красноярскъ мы въѣхали на колесахъ; по мѣстности и по почвѣ, тамъ весною не долго держится снѣгъ. Волнистыя горы желто-красноватаго цвѣта, обращенныя на югъ, сбросили снѣгъ, и дорога пылилась на цѣлую станцію. Главная улица обстроена хорошими каменными домами въ два этажа; насъ остановили на площади противъ полицейскаго управленія, гдѣ долго спорили объ отводѣ квартиры, пока старецъ не подошелъ къ полицеймейстеру и попросилъ позволенія принять насъ у себя. Почтенный купецъ Старцевъ предоставилъ намъ свои парадныя комнаты въ верхнемъ этажѣ, по европейски меблированныя; угостилъ насъ побарски обѣдомъ и ужиномъ, а вечеромъ, по—русски славною банею. Представилъ намъ сыновей своихъ женатыхъ и невѣстокъ; мы имѣли съ нимъ пріятную бесѣду о новомъ для насъ краѣ.

22 марта, пріѣхали мы въ Иркутскъ: слѣдственно, проѣхали другія 3,000 верстъ вдвое долѣе, чѣмъ первыя отъ Петербурга до Тобольска; зато не загнали ни одной лошади и ночевали почти каждую ночь. Въ Иркутскѣ имѣли мы дневку и очень худое и сырое помѣщеніе — въ острогѣ. Здѣсь мы разстались съ Гарасимовымъ: доро̀гою и на станціяхъ и ночлегахъ имѣли много забавныхъ бесѣдъ и похожденій, и не знаю, за что̀ онъ прозывалъ меня то Елотомъ, то львомъ; тогда слово это не могло имѣть нынѣшняго значенія, а, вѣроятно, онъ понималъ его по своему и употреблялъ его каждый разъ, когда городскіе и путевые властители дѣлали ему прижимки за лошадей и за квартиры и мнѣ удавалось нѣсколькими словами выручать его изъ затрудненій. Въ Иркутскѣ дали намъ въ проводники казацкаго урядника: со

станціи Лиственной переѣхали Святое Море или Байкальское Озеро, 60 верстъ въ ширину на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ. Ямщики имѣли въ саняхъ запасныя доски, чтобы, въ случаѣ попадающихъ широкихъ прососовъ или трещинъ, устроить мостъ на льду. Чрезъ трещины шириною въ аршинъ кони перескакивали съ такою быстротою, что длинныя сани не прикасались воды. Вообще по всей Сибири кони необыкновенно сносны, быстры, хотя малорослы; они безъ всякой натуги проскакиваютъ до 80 верстъ безъ корму, безъ остановки. На другой берегъ Байкала мы выѣхали у Посольскаго монастыря; всѣ виды, коими наслаждался послѣ въ лѣтнее время, были завѣшаны бѣлымъ саваномъ, и томительное разнообразіе бѣлаго покрывала только изрѣдка дорóгою прерывалось селеніемъ, горами и лѣсами. За двѣ станціи до читинскаго острога показались юрты кочующихъ бурятъ. На послѣдней станціи, въ Ключевой, вмѣсто саней, запрягли повозки, потому что около Читы и самаго острога почти никогда не бываетъ снѣгу; тамъ большая возвышенность мѣста имѣетъ почти всегда ясное небо, а, когда изрѣдка выпадаетъ снѣгъ, то не скрѣпляется на песчаномъ грунтѣ легкій вѣтерокъ уноситъ его въ долины въ нѣсколько часовъ. Это не мѣшаетъ морозамъ доходить до 40° по Реомюру, такъ что ртуть замерзала въ термометрѣ, и тогда только по спиртовому термометру узнавали силу мороза.

29 марта, ѣхалъ я послѣднюю станцію съ Глѣбовымъ въ крытой повозкѣ: ямщикъ былъ бурятъ, сбруя была веревочная съ узлами. На десятой верстѣ отъ станціи поднялись въ гору; показалась долина Читы, а тамъ небольшое селеніе на горѣ, окруженной горами. Мы спускались шагомъ; вдругъ лопнула шлея коренной лошади; лошади понесли, переломился деревянный шкворень — въ одинъ мигъ мы были выброшены изъ повозки: Глѣбовъ чрезъ правую пристяжную свалился на землю, ямщикъ выбросился въ сторону, я повисъ правою ногою на оглоблѣ, лѣвою ногою на постромкѣ и на шлеѣ лѣвой пристяжной лошади, и обѣими руками ухватился за гриву коренной. Въ такомъ положеніи кони таскали меня двѣ версты, пока впереди насъ ѣхавшіе Рѣпинъ и Кюхельбеккеръ и ямщикъ ихъ, видѣвшіе снизу горы мое бѣдствіе, не остановили коней и не сняли меня; въ кандалахъ, запутавшихся въ оглобли, я самъ себѣ помочь не могъ. Не только остался я невредимъ, но даже одежда моя не была нигдѣ ни замарана, ни изодрана. Я скатился, какъ на масляницѣ скатываются мальчишки, ложась брюхомъ на салазки, съ тою разницею, что, вмѣсто салазки, подо мною были оглобля и постромка, и кони могли легко избить меня въ кусочки. Съ

горы стащили опрокинутую повозку безъ передка, вложили новый шкворень и, чрезъ часъ, подвезли насъ къ острогу, небольшому строенію, обведенному частоколомъ. Мы ожидали найти нѣсколько товарищей, отправленныхъ изъ крѣпости прежде насъ, но они находились въ другомъ временномъ острогѣ, который могъ помѣстить не больше 24-хъ человѣкъ.

Насъ встрѣтили ротный командиръ сибирскаго линейнаго баталіона, капитанъ Ивановъ, плац-адъютантъ П. А. Куломзинъ, комендантскій писарь и часовые. Въ двухъ комнатахъ вокругъ стѣнъ устроены были нары. Капитанъ спросилъ: не имѣемъ ли при себѣ денегъ или драгоцѣнныхъ вещицъ, кои запрещены? я разстегнулся, снялъ съ шеи шелковый шнурокъ, на коемъ висѣли небольшой медальонъ съ портретомъ жены моей и нѣсколько перстней памятныхъ, и другой медальонъ съ волосами родителей моихъ и сына, и со щепоткою земли изъ родины. Когда я отдалъ эти вещи капитану, онъ замѣтилъ на пальцѣ моемъ золотое колечко. «Это чтò у тебя еще на пальцѣ?» — «Обручальное кольцо» — «Долой его!» Я на это замѣтилъ ему самымъ вѣжливымъ образомъ, что, бывъ арестованъ въ зимнемъ дворцѣ и потомъ посаженъ въ казематъ, я постоянно носилъ это кольцо, что отбирали ордена, перстни, табакерки, но что обручальнаго кольца ни у кого не отнимали. «Долой его! тебѣ говорю!» Тутъ ужь я разсердился за такую невызванную грубость и отвѣтилъ: «Возьмите его вмѣстѣ съ пальцемъ»; потомъ сложилъ руки на крестъ на грудь, прислонился къ печкѣ и ожидалъ развязки. Адъютантъ не далъ капитану времени вымолвить слово, сказалъ ему чтò-то на ухо, взялъ у него шнурокъ съ портретомъ и перстнями и вышелъ. Между тѣмъ, писарь перебиралъ наши вещи и книги изъ чемодановъ и все записывалъ. Чрезъ полчаса, вернулся адъютантъ и, вручая мнѣ портретъ жены моей, сказалъ, что комендантъ позволилъ мнѣ носить обручальное кольцо и возвращаетъ мнѣ портретъ съ условіемъ, чтобы носилъ его не на показъ, а что прочія памятныя вещи будутъ сбережены. Такъ окончилась благополучно первая встрѣча въ Читѣ; конечно, я сдѣлалъ бы лучше, еслибы отдалъ ему обручальное кольцо; всего лишившись, я могъ бы лишиться и этого или послѣ выпроситъ его у коменданта; но грубое обращеніе, похожее на манеры Аракчеева, съ которымъ капитанъ имѣлъ разительное сходство по чертамъ лица, было невыносимо для меня; оно вызвало гнѣвъ. Послѣ этого, капитанъ Ивановъ, во все время пребыванія моего въ острогѣ и въ тюрьмѣ петровской, обходился со мною постоянно вѣжливо.

На другой день посѣтилъ насъ комендантъ нашъ, генерал-

майоръ Станиславъ Романовичъ Лепарскій, пожилой холостякъ, старый кавалеристъ, командовавшій слишкомъ двадцать лѣтъ сѣверскимъ конно-егерскимъ полкомъ, котораго шефомъ былъ императоръ, бывъ еще великимъ княземъ. Когда въ гвардейскихъ полкахъ случались непріятности между офицерами, вслѣдствіе коихъ приходилось перевести ихъ въ другіе полки армейскіе, то такъ-называемыхъ безпокойныхъ перемѣщали въ полкъ Лепарскаго, который умѣлъ обходиться со всѣми, умѣлъ жить, не наживая себѣ личныхъ враговъ, и на печати своей вырѣзалъ ёлку съ надписью: «не перемѣняется». Хотя онъ полвѣка провелъ въ строевой службѣ, въ манежахъ, на ученьяхъ и въ походахъ, но видно было, что онъ въ юности получилъ хорошее образованіе. Онъ былъ питомцемъ іезуитовъ въ Полоцкѣ, зналъ языкъ латинскій, свободно и правильно выражался и писалъ по французски и по нѣмецки, читалъ классическихъ писателей на этихъ языкахъ, но главное дѣло — онъ былъ честный человѣкъ вполнѣ и имѣлъ доброе сердце. Если кто изъ моихъ товарищей безусловно не согласится съ мнѣніемъ моимъ, то дѣйствія Лепарскаго, о коихъ упомяну далѣе, докажутъ правдивость словъ моихъ. Старецъ съ участіемъ распрашивалъ: кàкъ мы довершили дальній путь? не нуждаемся ли въ пособіи лекаря? и прибавилъ, что охотно будетъ содѣйствовать къ облегченію нашего жребія. Одежда моя обратила на себя его вниманіе: я носилъ сюртукъ изъ шкуръ молодыхъ оленей, мѣхомъ наружу. «Вы только-что успѣли пріѣхать въ Сибирь и уже успѣли завести себѣ одежду по здѣшнему климату изъ здѣшнихъ мѣховъ; вѣрно, трудно было достать ихъ въ Петербургѣ?» Я объяснилъ, что близъ столицы Архангельская Губернія изобилуютъ оленями.

Мы не могли видѣться съ товарищами, помѣщенными въ другомъ острогѣ, также за частоколомъ; стража окружала насъ днемъ и ночью, а отъ вечерней до утренней зари запирали наши комнаты на замòкъ. Чрезъ два дня, пріѣхала къ намъ другая партія нашихъ: Лихаревъ, Кривцовъ, Тизенгаузенъ и Толстой. Послѣ нихъ, чрезъ два дня еще, Люблинскій, Вигадовскій, Лисовскій и Загорѣцкій; а за ними, чрезъ два дня, фон-деръ-Бриггенъ, Ентальцевъ, Черкасовъ и И. Б. Аврамовъ. Намъ было тѣсно но не скучно; цѣпи наши не давали намъ много ходить, но по, мѣрѣ, какъ стали къ нимъ привыкать и пріучились лучше подвязывать ихъ на ремнѣ или вокругъ пояса, или вокругъ шеи на широкой тесьмѣ, то могли ходить въ нихъ довольно скоро, даже вальсировать. Между домикомъ и частоколомъ было пространство въ двѣ сажени ширины, по коему прохаживались нѣсколько разъ въ день. Въ концѣ мая, оттаяла земля настолько, что можно было

приняться за земляную работу. 24 мая, поутру, насъ вывели съ вооруженнымъ конвоемъ на открытое просторное мѣсто, гдѣ встрѣтили товарищей, приведенныхъ туда же изъ другого острога. Свиданіе было радостное; оно повторялось дважды въ день отъ 8—12 часовъ, а послѣ обѣда—отъ 2–5 часовъ. На площадкѣ лежали заступы, кирки, носилки и тачки. Первая наша работа началась тѣмъ, что мы сами рыли фундаментъ новой нашей темницы и ровъ въ сажень глубины для частокола въ 5 сажень вышины. Невольно припомнили, какъ швейцарцевъ заставили построить для самихъ себя крѣпость Цвингъ-Ури. Караульный унтеръ-офицеръ каждый день рабочій провозглашалъ: «Господа! пожалуйте на работу!» Обыкновенно выходили мы съ хоральными пѣснями, работали по силамъ, безъ принужденія: этимъ обязаны были нашему коменданту; онъ умѣлъ представить, что между нами есть люди пожилые и слабаго здоровья, и раненые, и получилъ разрѣшеніе, за подписью А. Х. Бенкендорфа, поступать относительно работъ по своему соображенію.

ГЛАВА IX.

Пребываніе въ читинскомъ острогѣ.

Чита.—А. Г. Муравьева.—Е. П. Нарышкина.—А. В. Ентальцова.—Е. И. Трубецкая.—М. Н. Волконская.—Острогъ.—Работа.—Академія.—Музыка.—Снятіе желѣзъ.—Н. Д. Фонвизина.—А. И. Давыдова.—П. Г. Анненкова.—Сухиновъ и попытка къ освобожденію.

Въ концѣ мая, зеленѣлись горы и луга. Читинскій острогъ, бывшій этапъ или мѣсто ночлега для проходящихъ партій ссыльныхъ въ каторгу, въ небольшомъ селеніи съ ветхою деревянною церковью, съ двадцатью дворами горнозаводскихъ крестьянъ, съ домомъ обергиттенфервальтера Смольянинова, съ небольшимъ хлѣбнымъ магазиномъ, съ амбаромъ для склада угля, находится между нерчинскими и байкальскими горами, на почтовой дорогѣ, ведущей въ Нерчинскъ, на возвышенной мѣстности, окруженной съ двухъ сторонъ высокими горами. Рѣка Чита изливается въ виду селенія въ рѣку Ингоду и образуетъ прелестную долину. Съ сѣверной стороны видно Озеро Ононское; на берегахъ его дневалъ Чингисъ-Ханъ, совершалъ судъ и расправу на походѣ изъ Китая въ Россію. Преданіе мѣстное, устное, гласитъ, что въ огромныхъ котлахъ кипятили воду или растопляли смолу и обваривали подсудныхъ непокорныхъ монголовъ.

Потомки монголовъ, буряты, еще теперь кочуютъ въ окрестностяхъ Читы, изобилующихъ травами и водами: они кочуютъ съ войлочными юртами или палатками; днемъ всегда на конѣ съ ружьемъ, также съ луками и стрѣлами, для сбереженія пороха. Часть бурятъ становится осѣдлою, успѣшно занимается землedѣліемъ и не хуже миланцевъ орошаетъ свои поля, посредствомъ искусно прорытыхъ канавъ и проведенныхъ бороздъ, по теченію горныхъ источниковъ. Наклонная мѣстность и паденіе воды указываютъ сами нивеллированіе. Возвышенная мѣстность Читы хотя увеличивала силу морозовъ, доходившихъ до 37° по спиртовому термометру, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствовала къ очищенію воздуха. Небо почти всегда было ясное, кромѣ августа мѣсяца, когда по нѣскольку дней сряду громъ гремѣлъ безпрерывно, за коимъ слѣдовалъ дождь проливной, начинавшійся необыкновенно крупными каплями. Гористая мѣстность раздавала и повторяла такой грохотъ, такіе раскаты, какіе послѣ Читы случалось мнѣ слышать только за Кавказомъ. Послѣ сильнѣйшихъ дождей, въ нѣсколько часовъ, улицы были сухи: вода повсюду имѣла стокъ. Еще примѣчательна была сила электричества въ воздухѣ: зимою, малѣйшее прикосноеніе къ суконному платью или шерстяному платку извлекало искры, производило трескъ.

Вообще, климатъ былъ самый здоровый; растительная сила была неимовѣрная: оттого въ пять недѣль, отъ іюня, когда прекращались ночные морозы, до половины іюля, когда начинались осенніе морозы, поспѣвали хлѣбъ и овощи. Изъ различныхъ породъ овощей, почти всѣ были неизвѣстны за Байкаломъ: сѣяли и сажали только лукъ и капусту. Товарищъ нашъ, А. В. Поджіо, первый возрастилъ въ оградѣ нашего острога огурцы на простыхъ грядкахъ, а арбузы, дыни, спаржу, цвѣтную капусту и кольрабій—въ парникахъ, прислоненныхъ къ южной стѣнкѣ острога. Жители съ тѣхъ поръ съ удовольствіемъ стали сажать огурцы и употреблять ихъ въ пищу. Долина Читинская знаменита своею флорою, почему и называется садомъ или цвѣтникомъ Сибири. Формы цвѣтовъ изумительны; разнообразіе лилій «арисъ», вообще луковичныхъ растеній безчисленно; цвѣта такъ ярки и блестящи, что наши сосѣди китайцы, вѣроятно, по образцу этихъ цвѣтовъ составляли свои отличныя краски.

Жители Читы были малочисленны и бѣдны, какъ всѣ заводскіе крестьяне: они жили хлѣбопашествомъ и рыбнымъ промысломъ изъ рѣки Ингоды и Озера Ононскаго, богатаго большими и жирными карасями. Обязанность и заводская работа крестьянъ заключалась въ выжиганіи угля и въ доставкѣ его

въ нерчинскіе рудники. Мѣстнымъ начальникомъ ихъ былъ горный чиновникъ Смольяниновъ, который, въ первые четыре мѣсяца нашего пребыванія, доставлялъ намъ пищу на собственныя наши деньги; казна отпускала намъ провіантъ и по двѣ копейки мѣди въ сутки на человѣка. Въ три съ половиною года нашего пребыванія въ Читѣ, этотъ старинный острогъ получилъ другой видъ отъ многихъ новыхъ построекъ и отъ многихъ жильцовъ бездомныхъ. Сначала было нашихъ всего тридцать человѣкъ въ Читѣ. Восемь товарищей, которыхъ я назвалъ выше, были отправлены тотчасъ послѣ приговора въ подземныя работы нерчинскихъ рудниковъ, а остальныхъ держали въ крѣпостяхъ шлиссельбургской и Аландскихъ Острововъ, откуда всѣ перевезены были къ намъ въ августѣ, когда окончилась постройка новаго временнаго острога, который могъ насъ всѣхъ помѣстить, хотя и тѣснѣйшимъ образомъ. Когда вырыли фундаменты для новой тюрьмы и частокола, то начали заваливать глубокій и широкій оврагъ подлѣ самой почтовой дороги; промоины грозили перерѣзать всю дорогу отъ стока горныхъ водъ. Въ нѣсколько дней вода уносила работу цѣлаго лѣта, такъ что въ слѣдующемъ году принуждены были устроить плотину бревенчатую, которая удержала нашу насыпь изъ песку и земли. Эту часть оврага мы прозвали «чортовой могилой». Книгъ было у насъ сначала очень немного; строжайше запрещено было имѣть чернила и бумагу; за то бесѣды не прекращались; впослѣдствіи составился хоръ отличныхъ пѣвцовъ. Въ первоначальномъ маленькомъ кругу нашемъ, въ отдѣльномъ загороженномъ домикѣ, развлекали насъ шахматы и пѣсни С. И. Кривцова, питомца Песталоцци и Фелленберга; бывало запоетъ «Я вкругъ бочки хожу»—то Ентальцевъ въ восторгѣ воскликнулъ:—«Кто повѣритъ, что онъ въ кандалахъ и въ острогѣ!» а Кюхельбеккеръ дразнилъ его, что Песталоцци хорошо научилъ его пѣть русскія пѣсни. Чрезъ часовыхъ и сторожей могли бы достать карты, но по общему соглашенію положили сами и сдержали слово—не играть въ карты, дабы удалить всякій поводъ къ распрямъ и ссорамъ. Тѣснота нашего помѣщенія не позволяла содержать наши каморки въ совершенной опрятности; спали и сидѣли мы на нарахъ, подкладывая подъ себя войлоки или шубы; подъ нарами лежали чемоданы и сапоги. Ночью, при замкнутыхъ дверяхъ и окнахъ, спирался воздухъ; двери отмыкались съ утреннею зарею, которую я ни разу не проспалъ, и тотчасъ выходилъ на воздухъ, чтобы освѣжиться.

Одна душа была въ Читѣ, о которой я душевно соболѣзновалъ—Александра Григорьевна Муравьева, рожденная графиня

Чернышева. Мужъ ея, Никита Михайловичъ, уже въ февралѣ прибылъ въ Читу; супруга его разсталась съ двумя дочерьми и сыномъ, передавъ ихъ бабушкѣ, Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Муравьевой, потому что матерямъ запрещено было взять съ собою дѣтей своихъ; она поспѣшила въ Сибирь, чтобы съ мужемъ раздѣлить изгнаніе и всѣ испытанія. Но какъ жестоко была обманута, когда, по пріѣздѣ въ Читу, ей было объявлено, что она вмѣстѣ съ мужемъ жить не можетъ, а только дозволяется ей имѣть свиданія съ нимъ дважды въ недѣлю, по одному часу, въ присутствіи дежурнаго офицера, какъ водилось въ петропавловской крѣпости въ Петербургѣ. Въ первый разъ увидѣлъ я эту славную жену, когда повели насъ на работу противъ ея квартиры. Наемный домикъ ея стоялъ черезъ улицу противъ временнаго перваго острога, въ которомъ содержался мужъ ея; дабы имѣть предлогъ увидѣть его хоть издали, она сама открывала и закрывала наружныя ставни свои. Кромѣ мужа, имѣла она въ острогѣ зятя своего А. М. Муравьева, двоюроднаго брата своего Ѳ. Ѳ. Вадковскаго и родного своего брата, графа Захара Григорьевича, единственнаго мужескаго колѣна наслѣдника огромнаго майората, коего доискивался военный министръ А. И. Чернышевъ, но получилъ отказъ отъ государственнаге совѣта. Членъ совѣта, Н. С. Мордвиновъ, доказалъ, что истецъ, не бывъ ни въ какомъ родствѣ съ этимъ семействомъ, не имѣетъ права на его достояніе. Имѣніе и фамилія, и графскій титулъ перешли къ полковнику Кругликову, который женился на старшей сестрѣ изъ семьи, на гр. Софьѣ Григорьевнѣ.

Наша милая Александра Григорьевна, съ добрѣйшимъ сердцемъ, юная, прекрасная лицомъ, гибкая станомъ, единственная бѣлокурая изъ всѣхъ смуглыхъ Чернышевыхъ, разрывала жизнь свою сожигающими чувствами любви къ мужу, заключенному въ острогѣ, и къ отсутствующимъ дѣтямъ. Мужу своему показывала себя спокойною, довольною, даже радостною, чтобы не опечалить его, а наединѣ предавалась чувствамъ матери самой нѣжной. Къ тому же, она знала, что при дѣтяхъ никто не могъ ее замѣнить для истиннаго воспитанія. Бабушка любила и берегла ихъ, какъ глазъ свой, но ея любовь, ея обхожденіе съ дѣтьми были не любовь и обхожденіе матери; чрезъ годъ, умеръ единственный сынъ; а дочери окончательно лишились здоровья.

Это распоряженіе оставалось неизмѣннымъ еще на три года, пока не привели всѣхъ насъ въ постоянную государственную темницу, заботливо и капитально устроивавшуюся во время всего нашего пребыванія въ читинскомъ острогѣ. Здоровье Александры Григорьевны видимо ослабѣвало годъ за годомъ; жизнен-

ныя силы угасали, но душевныя еще превозмогали до назначеннаго часу, до петровской тюрьмы, гдѣ нашла свою могилу.

Въ концѣ мая, пріѣхала въ мѣсто нашего заточенія Елисавета Петровна Нарышкина, рожденная графиня Коновницына, въ сопровожденіи Александры Васильевны Ентальцевой. Онѣ были подвергнуты той же участи А. Г. Муравьевой: могли только дважды въ недѣлю, по одному часу, видѣться съ мужьями. Страданія ихъ были увеличены близкимъ разстояніемъ отъ острога: онѣ могли только глядѣть на мужей сквозь тѣсныя щели частокола или, когда случалося проходить околицею, мѣсто нашихъ работъ, и притомъ не слышать роднаго слова, не пожать родной руки. Признаюсь, я каждый день благодарилъ Бога, что жена моя рѣшилась свято исполнить мою просьбу, оставалась при сынѣ, пока не поставитъ его на ноги, пока не прорѣжутся зубки и пока не будетъ въ состояніи говорить. Всѣ эти предосторожности были бы лишни и безполезны, еслибы вышло разрѣшеніе матерямъ взять съ собою дѣтей своихъ. Къ счастію Е. П. Нарышкиной, разставшись съ родными и съ родиною, не оставила у нихъ дѣтей: она имѣла дочь, которой лишилась въ Москвѣ до осужденія мужа. Отроду было ей 23 года; единственная дочь героя отца и примѣрно нѣжной матери, рожденной Корсаковой, она въ родительскомъ домѣ значила все, и всѣ въ домѣ исполняли ея желанія и прихоти. Въ первый разъ увидѣлъ я ее на улицѣ, близъ нашей работы на «Чортовой Могилѣ»: она была въ черномъ платьѣ, съ таліей тонкой въ обхватѣ; лице ея было слегка смуглое съ выразительными умными глазами; головка повелительно поднятая; походка легкая и граціозная. Въ своемъ мѣстѣ разскажу о ней подробнѣе, когда ближе познакомился съ нею въ Курганѣ на поселеніи. Въ Читѣ жила она въ одномъ домѣ съ Муравьевой; трудно было ей пріучиться къ новой жизни. Муравьева, кромѣ мужа, имѣла въ острогѣ брата, зятя, двоюроднаго брата; то тотъ, то другой пересылалъ ей вѣсточку со сторожемъ, а Нарышкина—все одна да одна, и тѣмъ болѣе, что съ другими дамами не была она сообщительна, оттого и страдала больше отъ одиночества. Такое состояніе супруговъ было тягостное; но прибытіе нашихъ женъ имѣло во всѣхъ отношеніяхъ самое благодѣтельное вліяніе на весь нашъ бытъ. Намъ запрещено было писать самимъ во все время нахожденія нашего въ каторжной работѣ; нѣсколько нашихъ товарищей были совершенно забыты и покинуты родными; можетъ быть, таковъ былъ бы жребій и многихъ, если бы наши дамы не пріѣхали къ мужьямъ своимъ, не переписывались бы съ нашими родными и письмами своими, и вліяніемъ, и родствомъ,

не поддерживали памятованія о многихъ. Онѣ были нашими ангелами-хранителями, и во всей мѣстности нашего заточенія для всѣхъ нуждающихся открыты были ихъ кошельки; для больныхъ упросили онѣ устроить больницу. А. Г. Муравьева, чрезъ тещу свою, Екатерину Ѳедоровну Муравьеву, получила отличную аптеку и хирургическіе инструменты; товарищъ, бывшій штаб-лекарь Ф. Б. Вольфъ, жилъ въ этой больницѣ, всегда успѣшно помогалъ больнымъ. Мы даже изустно не могли благодарить нашихъ благодѣтельницъ, видѣли ихъ только издали, когда онѣ проходили мимо работъ или прогуливались по гористымъ окрестностямъ.

Александра Васильевна Ентальцова въ дѣтствѣ своемъ лишилась родителей, не имѣла дѣтей и поспѣшила раздѣлить и облегчить участь мужа. Ей пришлось только нѣсколько мѣсяцевъ быть съ нами въ Читѣ, потому что мужъ ея, бывъ приговоренъ въ каторжную работу на одинъ только годъ, въ скоромъ времени уѣхалъ отъ насъ. Жизнь на поселеніи, въ первые годы, была для нихъ гораздо хуже и труднѣе нашей: имъ назначено было жить въ Березовѣ, гдѣ холодъ, безконечныя ночи мало согрѣвали и короткіе дни мало освѣщали жизнь изгнанниковъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ они были переселены въ лучшее мѣсто, гораздо южнѣе, въ Якуторовскъ, гдѣ мужъ ея скончался въ 1847 году, а вдова его не получила разрѣшенія возвратиться на родину и оставила бы тамъ старческія кости свои, еслибы не воротилъ ее домой манифестъ Александра II, отъ 26-го августа 1856 года.

Къ осени 1827 года былъ достроенъ большой острогъ съ пятью отдѣленіями. Въ сентябрѣ, прибыли восемь нашихъ товарищей изъ Нерчинска: Трубецкой, Оболенскій, Давыдовъ, Арт. Зах. Муравьевъ, Волконскій, Якубовичъ и оба брата Борисовыхъ, и съ каждою недѣлею прибывали къ намъ остальные изъ дальнихъ крѣпостей. Первымъ изъ нихъ изъ Нерчинска сопутствовали двѣ дамы, еще два ангела-хранителя: княгини Трубецкая и Волконская.

Екатерина Ивановна Трубецкая, рожденная графиня Лаваль, еще въ 1826 году, тотчасъ по отправкѣ мужа изъ петропавловской крѣпости, первая изъ нашихъ женъ, отправилась вслѣдъ за нимъ, въ сопровожденіи отцовскаго секретаря. Въ Красноярскѣ сломалась карета, заболѣлъ провожатый, медлить было нѣкогда: она пересѣла въ тарантасъ и безъ чиновнаго проводника, только съ прислугою, прискакала въ Иркутскъ. Мужъ ея уже тогда съ фельдъегеремъ прибылъ въ Нерчинскъ; ей оставалось ѣхать только 700 верстъ; она обратилась къ губернатору И. Б.

Цейдлеру, чтобы имѣть нѣкоторыя необходимыя свѣдѣнія и получить проводника. Тутъ начались самыя горькія для нея испытанія: мѣстное главное начальство имѣло повелѣніе употребить всѣ средства, чтобы удержать женъ государственныхъ преступниковъ отъ слѣдованія за мужьями. Губернаторъ представилъ ей сперва затрудненія жизни въ такомъ мѣстѣ, гдѣ находятся до пяти тысячъ каторжныхъ, гдѣ ей придется жить въ общихъ казармахъ съ ними, безъ прислуги, безъ малѣйшихъ удобствъ. Она этимъ не устрашилась и объявила свою готовность покориться всѣмъ лишеніямъ, лишь бы ей быть вмѣстѣ съ мужемъ. На слѣдующій день тѣ же препятствія со стороны губернатора, который объявилъ, что имѣетъ приказаніе взять отъ нея письменное свидѣтельство, по коему она добровольно отказывается отъ всѣхъ правъ на преимущества дворянства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ всякаго имущества недвижимаго и движимаго, коимъ уже владѣетъ и какое могло бы достаться въ наслѣдство. Ек. И. Трубецкая безъ малѣйшаго возраженія подписала эту бумагу, въ увѣренности полной, что съ этимъ отреченіемъ открыла себѣ путь къ мужу. Не тутъ-то было: нѣсколько дней сряду губернаторъ не принималъ ея, отговариваясь болѣзнію. Наконецъ, онъ рѣшился употребить послѣднее средство, уговаривалъ, упрашивалъ и, увидѣвъ всѣ доводы и убѣжденія свои отринутыми, объявилъ, что не можетъ иначе отправить ее къ мужу, какъ пѣшкомъ, съ партіею ссыльныхъ, по этапамъ и по канату. Она спокойно согласилась и на это; тогда губернаторъ заплакалъ и сказалъ: «вы поѣдете». Въ это самое время прибылъ въ Иркутскъ нашъ комендантъ Лепарскій изъ Петербурга; онъ былъ глубоко тронутъ рѣшимостью княгини Трубецкой и содѣйствовалъ къ прекращенію этихъ уговоровъ. Женщина съ меньшею твердостью стала бы колебаться, условливаться, замедлять дѣло перепискми съ Петербургомъ и тѣмъ удержала бы другихъ женъ отъ дальняго напраснаго путешествія. Ка̀къ бы то ни было, не уменьшая достоинствъ другихъ нашихъ женъ, раздѣлявшихъ заточеніе и изгнаніе мужей, долженъ сказать положительно, что княгиня Трубецкая первая проложила путь, нетолько дальній, неизвѣстный, но и весьма трудный, потому что отъ правительства дано было повелѣніе отклонить ее всячески отъ намѣренія соединиться съ мужемъ. Ек. И. Трубецкая была не красива лицомъ, не стройна, средняго росту, но когда заговоритъ, такъ что̀ твоя краса и чудные глаза! она просто обворожитъ каждаго спокойнымъ, пріятнымъ голосомъ и плавною, умною и милою рѣчью, такъ что все слушалъ и слушалъ бы ее. Голосъ и рѣчь были отпечаткомъ добраго сердца и очень

образованнаго ума отъ разборчиваго чтенія, отъ путешествій и пребыванія въ чужихъ краяхъ, отъ сближенія со знаменитостями европейской дипломатіи по служебнымъ отношеніямъ отца, гр. Лаваля.

Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ отъѣзда княгини Трубецкой, выѣхала кн. Марья Николаевна Волконская, рожденная Раевская. Отецъ ея, знаменитый герой 1812 года Н. Н. Раевскій, не соглашался на отъѣздъ дочери. Онъ зналъ, что дочь его, молодая, недавно замужемъ, соединяла судьбу свою съ княземъ С. Г. Волконскимъ, который за сраженіе подъ Лейпцигомъ произведенъ былъ въ генералы и по лѣтамъ своимъ могъ быть отцемъ ея; онъ зналъ, что она не по личной страсти, не по своей волѣ вышла замужъ, но только изъ любви и послушанія къ отцу; кромѣ этого, могъ ее удержать грудной младенецъ, первородный сынъ, требовавшій присутствія матери. Она рѣшилась исполнить тотъ долгъ свой, ту обязанность, которая требовала болѣе жертвы, болѣе самоотверженія: сказала больному и престарѣлому отцу, нѣжно любимому, что ѣдетъ только на время для свиданія съ мужемъ; сына оставила у бабушки, у статс-дамы въ зимнемъ дворцѣ, и немедленно уѣхала въ Сибирь. Въ Иркутскѣ ждали ее тѣ же продѣлки, долженствовавшія остановить кн. Трубецкую: она также дала подписку въ добровольномъ отреченіи отъ всѣхъ правъ состоянія и имуществъ; такая подписка была взята отъ всѣхъ нашихъ дамъ, слѣдовавшихъ за мужьями въ Сибирь, также отъ жены моей, которая, по данному мнѣ слову, не могла пріѣхать ко мнѣ раньше, и ей суждено было заключить число женъ, раздѣлявшихъ добровольно заточеніе и изгнаніе мужей; она пріѣхала ко мнѣ въ 1830 году и встрѣтила меня на походѣ изъ читинскаго острога въ петровскую тюрьму.

Кн. Марья Николаевна Волконская, молодая, стройная, болѣе высокаго, чѣмъ средняго роста, брюнетка съ горящими глазами, съ полусмуглымъ лицемъ, съ немного вздернутымъ носомъ, съ гордою походкою, получила у насъ прозванье: «la fille du Gange», дѣвы Ганга. Она никогда не выказывала грусти, была любезна съ товарищами мужа, но горда и взыскательна съ комендантомъ и начальниками острога. Княгини Трубецкая и Волконская были первыя изъ пріѣхавшихъ женъ къ мужьямъ своимъ, какъ я уже сказалъ; онѣ должны были ѣхать и дальше, и опаснѣе, и труднѣе—въ Нерчинскъ. Положеніе ихъ было ужасное; сначала еще не было подробной инструкціи начальникамъ, которые боялись запросовъ свыше и доносовъ снизу. Собственныя ихъ корреспонденціи, при разстояніи 7,000 верстъ отъ столицы, шли мед-

ленно; родственники сначала не знали, куда и къ кому обратиться для высылки денегъ—къ дежурному ли генералу Потапову или къ А. Х. Бенкендорфу; оттого сперва терпѣли недостатокъ и подверглись многимъ лишеніямъ, нетолько отъ мѣстной скудости, но и отъ недостатка въ деньгахъ; довольно сказать, что онѣ терпѣли зимою 1826 года и отъ холода, и голода. Страннымъ показалось бы, еслибы я вздумалъ подробно описать, какъ онѣ сами стирали бѣлье, мыли полы, питались хлѣбомъ и квасомъ, когда страданія ихъ были гораздо важнѣе и другого рода, когда видѣли мужей своихъ за работою въ подземельи. По присоединеніи ихъ въ Читу, перемѣнился и образъ ихъ жизни. Пересылка писемъ и денегъ шла чрезъ губернатора и нашего честнаго коменданта С. Р. Лепарскаго; суммы денегъ были неограничены; только не находились въ нашихъ собственныхъ рукахъ, а израсходовались чрезъ комендантскую канцелярію. Посылкамъ не было конца; приходъ почты разъ въ недѣлю составлялъ важную эпоху; впослѣдствіи, въ 1828 году, дозволено было получать русскіе и иностранные журналы и газеты.

Въ сентябрѣ 1827 г. всѣхъ насъ, кромѣ М. С. Лунина, остававшагося въ отдѣльной избушкѣ, перемѣстили изъ временныхъ остроговъ на новоселье, во вновь устроенный острогъ. Въ концѣ книги приложенъ фасадъ острога, шесть видовъ Читы и планъ селенія. Комендантъ размѣстилъ насъ по комнатамъ; всѣхъ покоевъ было: четыре для насъ, одинъ для дежурнаго офицера и сѣни. Въ одну комнату помѣстилъ онъ восемь вновь прибывшихъ товарищей изъ Нерчинска; въ остальныя три комнаты онъ распредѣлилъ насъ не по списку разрядовъ, но по собственному своему усмотрѣнію; въ одну, прозванную нами Москвою, расположились, бо̀льшею частью, урожденцы московскіе; другая была названа нами Новгородомъ, по причинѣ громкихъ безпрестанныхъ преній; третья, въ которой я находился съ 17-ю товарищами, въ числѣ ихъ Оболенскій, Кюхельбекеръ, Басаргинъ, Бобрищевъ-Пушкинъ II, Вольфъ, и другіе, названа была нами Псковомъ, младшею сестрою Новгорода.

Вмѣсто наръ, заказаны были на собственныя деньги кровати, не для того, чтобы спокойнѣе спать, но чтобы держать комнаты въ бо̀льшей опрятности; подъ кроватями можно было мыть и мести полъ. Столъ былъ у насъ общій; обѣдали по своимъ комнатамъ, накрывали столы сами по очереди, по дежурству сами ставили самовары. По правиламъ повсемѣстнаго содержанія остроговъ, было и намъ позволено изъ среды своей избрать старосту или хозяина, который, въ нуждахъ общихъ и частныхъ, относился или къ дежурному офицеру, или, чрезъ его посредство,

прямо къ коменданту. Хозяинъ распоряжался артельною суммою, заказывалъ припасы, но не имѣлъ ни копейки на рукахъ, а по его запискѣ платила комендантская канцелярія. Въ двадцати саженяхъ отъ острога находилась наша кухня и кладовая съѣстныхъ припасовъ. Хозяинъ или староста, во время дня, имѣлъ позволеніе ходить туда въ сопровожденіи конвойнаго; хозяинъ избираемъ былъ на три мѣсяца; первымъ хозяиномъ былъ избранъ И. С. Повало-Швейковскій, который съ баталіономъ своимъ первый вступилъ въ Парижъ въ 1814 году: онъ исполнялъ должность хозяина два срока сряду. Пища была у насъ простая и здоровая; часто удивлялся я умѣренности и довольствованію тѣхъ изъ товарищей, которые привыкли всю жизнь свою имѣть лучшихъ поваровъ и отборныя вина, а теперь, безъ сожалѣнія о прошломъ, довольствовались щами, кашею, запивали квасомъ или водою. Гастрономовъ было много между нами; они сознавались, что никогда теперь не терпѣли отъ голода, но за то никогда досыта не наѣдались. Я уже упомянулъ, что половина моихъ товарищей были или не богаты, или были забыты родными; другіе были очень богаты. Никита Мих. Муравьевъ съ братомъ своимъ Александромъ получали ежегодно 40 тысячъ рублей ассигнаціями, кромѣ посылокъ. Чрезъ каждые три мѣсяца, при выборѣ новаго хозяина, каждый изъ артели назначалъ, сколько могъ по своимъ средствамъ въ общую артельную сумму, которою распоряжался хозяинъ, на пищу, чай и сахаръ и мытье бѣлья. Одежду и бѣлье носили мы все собственныя; имущіе покупали и дѣлили съ неимущими. Рѣшительно все дѣлили между собою—и горе, и копейку. Дабы не тратить денегъ по напрасно или на неспособныхъ портныхъ, то нѣкоторые изъ числа товарищей сами кроили и шили платья. Отличными закройщиками и портными были П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ II, Оболенскій, Мазганъ, Арбузовъ. Щегольскія фуражки и башмаки шили Бестужевы и Фаленбергъ; они же и Рѣпинъ снимали виды Читы и чертили планы окрестныхъ мѣстностей; они трудами своими сберегали деньги, коими можно было помогать и другимъ нуждающимся внѣ нашего острога. Когда протоіерей казанскаго собора П. Н. Мысловскій узналъ эти подробности нашей жизни отъ А. О. Корниловича, то поспѣшилъ сообщить ихъ женѣ моей и замѣтилъ ей: «Въ Читѣ, въ острогѣ, ведутъ жизнь совершенно апостольскую».

Общія работы наши продолжались по прежнему: отъ мая до сентября, когда можно было рыться въ землѣ, мы засыпали «Чертову Могилу», исправляли почтовую дорогу, сажали, поливали, пололи въ огородѣ, который доставлялъ намъ овощи и

картофель на круглый годъ. Когда, послѣ И. С. Повало-Швейковскаго, избрали меня быть старостою или хозяиномъ, то на годовой запасъ, въ большихъ сороковкахъ, посолилъ 60 тысячъ огурцовъ: валили въ перемежку рядъ листьевъ черной смородины и укропу и рядъ огурцовъ, до верху бочки, потомъ заливали все изъ большихъ артельныхъ котловъ кипяткомъ съ разсоломъ, на каждое ведро воды 2 фунта соли; верхъ бочки покрывали деревяннымъ кругомъ съ небольшимъ нажимомъ или камнемъ, такъ чтобы при употребленіи огурцовъ, остальные въ бочкѣ были бы достаточно покрыты разсоломъ. Съ тѣхъ поръ у меня, въ частномъ моемъ хозяйствѣ, никогда иначе не солили огурцовъ въ боченкахъ или кадкахъ, и такимъ образомъ соленые огурцы держались превосходно цѣлый годъ до свѣжихъ огурцовъ.

Отъ сентября до мая, водили насъ, ежедневно по два раза, въ отдѣльную просторную избу, въ коей устроены были ручныя мельницы; каждому приходилось молоть по два пуда ржи на урокъ. Сначала эта работа была трудна, пока рука не привыкла. Здоровые товарищи доканчивали уроки больныхъ или слабосильныхъ; я съ удовольствіемъ мололъ всегда за М. Ф. Митькова. Работы наши нерѣдко сопровождались пѣніемъ самымъ гармоническимъ. П. Н. Свистуновъ былъ регентомъ или капельмейстеромъ; лучшіе голоса были: басъ—братьевъ Крюковыхъ, теноръ—Щепина-Ростовскаго, сопрано—Тютчева. Церковное пѣніе Бортнянскаго пѣли они необыкновенно хорошо. Въ церковь насъ никогда не водили, кромѣ одного раза въ годъ, въ недѣлю великаго поста для пріобщенія святыхъ таинъ; но въ большіе праздники приходилъ къ намъ въ острогъ священникъ, и служилъ молебствія наканунѣ. Никогда не забуду, какъ трогательна и превосходна была служба и пѣніе въ острогѣ, въ великую субботу предъ Христовымъ воскресеніемъ въ 1828 году, когда, въ 9 часовъ вечера, по пробитіи вечерней зари, послѣ торжественнаго восклицанія «Христосъ воскресе!» вдругъ зазвенѣли цѣпи узниковъ, бросившихся другъ другу въ объятія съ братолюбивыми лобзаніями. Этотъ восторгъ не былъ нарушенъ разгавливаніемъ; часовые заперли двери на замокъ, и мы мысленно продолжали обнимать нашихъ отдаленныхъ родныхъ, благословляя ближнихъ не по мѣстности, а по сердцу. Для насъ, по тюремному положенію, раздалось радостное Христосъ воскресе! тремя часами раньше, чѣмъ для наслаждавшихся свободою.

Въ часы, досужные отъ работъ, имѣли мы самое занимательное и поучительное чтеніе. Кромѣ всѣхъ журналовъ и газетъ русскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ, дозволенныхъ

цензурою, имѣли мы хорошія библіотеки Никиты Муравьева, С. Г. Волконскаго, С. П. Трубецкаго. Невозможно было одному лицу прочитать всѣ журналы, получаемые отъ одной почты до другой, почему они были распредѣлены между многими читателями, которые передавали изустно самыя важныя новости, открытія и событія. Сверхъ того, многіе изъ нашихъ товарищей получили классическое образованіе; бесѣды ихъ были полезнѣе всякой книги; изъ нихъ мы упросили читать намъ лекціи въ продолженіе долгихъ зимнихъ вечеровъ. Никита Муравьевъ, имѣвъ собраніе превосходнѣйшихъ военныхъ картъ, читалъ намъ на память лекціи стратегіи и тактики; Ф. Б. Вольфъ о физикѣ, химіи и анатоміи; П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ II о высшей и прикладной математикѣ; А. О. Корниловичъ и П. А. Мухановъ читали исторію Россіи; А. И. Одоевскій читалъ о русской словесности. Съ особенною любовью вспоминаю здѣсь Одоевскаго: онъ имѣлъ терпѣніе заниматься со мною четыре года, и донынѣ храню главныя правила, написанныя его рукою о русской грамматикѣ, и въ спорныхъ случаяхъ, когда другіе ссылались на академическій словарь, онъ ссылался на правила логики.

Насъ запирали въ 9 часовъ вечера, и, по пробитіи зари, не позволяли имѣть свѣчей, а, какъ невозможно было такъ рано уснуть, то мы или бесѣдовали въ потемкахъ, или слушали разсказы М. К. Кюхельбеккера о кругосвѣтныхъ его путешествіяхъ и А. О. Корниловича изъ отечественной исторіи, которою онъ прилежно занимался, бывъ издателемъ журнала «Русская Старина». Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, Корниловичъ съ профессоромъ Куницынымъ имѣлъ свободный входъ въ государственный архивъ, гдѣ почерпнулъ любопытныя свѣдѣнія, особенно о царствованіяхъ императрицъ Анны и Елисаветы. Чрезъ полгода, мы лишились нашего отличнаго собесѣдника: фельдъегерь, который привезъ къ намъ Вадковскаго изъ Шлиссельбурга, увезъ отъ насъ Корниловича. Послѣ мы узнали, что его отвезли обратно въ петропавловскую крѣпость, гдѣ снова допрашивали его по дѣлу польскихъ тайныхъ обществъ, коихъ члены заняли наши упраздненные казематы. Наконецъ, въ 1834 году, отправили его на Кавказъ солдатомъ, гдѣ участвовалъ въ экспедиціяхъ. Полкъ, въ которомъ онъ числился, былъ въ походѣ въ осеннее время; кавказскія рѣки по большей части бурны, горные потоки необыкновенно стремительны, и на одной переправѣ случилось, что солдатъ былъ сбитъ съ ногъ стремительностью теченія и тонулъ; А. О. Корниловичъ спасъ ему жизнь, поплатившись своею—онъ схватилъ горячку и сошелъ въ могилу.

Образованность умныхъ товарищей имѣла большое вліяніе на

тѣхъ изъ насъ, которые прежде не имѣли ни времени, ни средствъ обогатиться познаніями. Нѣкоторые изъ нашихъ начали учиться иностраннымъ языкамъ; изъ нихъ изумительные успѣхи сдѣлалъ Дм. Ир. Завалишинъ, который научился писать и выражаться на многихъ языкахъ. Для важнѣйшихъ языковъ древнихъ и новѣйшихъ находилъ онъ учителей между товарищами, а для прочихъ главнымъ ключемъ служило для него Евангеліе. Многіе изъ нашихъ изучили не только языкъ книжный, но и разговорный. Въ послѣднемъ отношеніи всего забавнѣе было съ англійскимъ языкомъ по выговору словъ—сколько споровъ и сколько смѣху! и сколько звуковъ, нисколько не соотвѣтствовавшихъ сложенію буквъ! такъ что М. С. Лунинъ, знавшій до совершенства этотъ языкъ, всегда упрашивалъ: «читайте, господа, и пишите по англійски сколько хотите; только не говорите на этомъ языкѣ!»

Комнаты наши были тѣсны, заставлены по всѣмъ четыремъ стѣнамъ кроватями; некуда было помѣстить станокъ столярный или токарный. Иные желали учиться играть на скрипкѣ, на флейтѣ, но совѣстно было терзать слухъ товарищей; по этой причинѣ избралъ я для себя самый скромный, тихій, но и самый неблагодарный инструментъ — чеканъ; съ помощью печатнаго самоучителя разобралъ я ноты, и каждый вечеръ употреблялъ на то условленные полчаса. На этомъ инструментѣ учился со мною П. И. Фаленбергъ. На слѣдующій годъ позволили выстроить во дворѣ острога два домика; въ одномъ помѣстили въ двухъ половинахъ станки столярный, токарный и переплетный; лучшими произведеніями по симъ ремесламъ были труды Бестужевыхъ, Бобрищева-Пушкина, Фролова и Борисова I. Въ другомъ домикѣ поставлены были рояль и фортепіано; туда, по распредѣленнымъ между нами часамъ, приходили играть по очереди на скрипкѣ, на флейтѣ, на гитарѣ. Ф. Ф. Вадковскій превосходно игралъ на скрипкѣ, П. Н. Свистуновъ—на віолончели; на роялѣ игралъ А. П. Юшневскій съ такою бѣглостью, что, чѣмъ труднѣе были ноты, тѣмъ пріятнѣе для него: такъ что онъ радовался тѣмъ нотамъ, отъ коихъ трещали его пальцы; онъ также игралъ на скрипкѣ и, вмѣстѣ съ Свистуновымъ, съ Вадковскимъ, Крюковымъ II, составляли отличный квартетъ, который 30 августа, когда было у насъ шестнадцать имянинниковъ, въ первый разъ игралъ для всѣхъ насъ въ большомъ острогѣ, гдѣ въ Новгородѣ взгромоздили кровати, очистили комнату для помѣщенія оркестра и слушателей.

Живописью занимались: Н. А. Бестужевъ—акварелью; онъ со всѣхъ насъ снялъ портреты. Н. П. Рѣпинъ, П. И. Фаленбергъ

и И. В. Кирѣевъ сняли виды Читы, планы и внутренность острога. Я. М. Андреевичъ писалъ маслеными красками алтарный образъ Спасителя, носящаго крестъ; образъ подаренъ имъ читинской церкви съ надписью. Н. А. Загорѣцкій ножемъ и циркулемъ сдѣлалъ деревянные стѣнные часы. К. П. Торсонъ построилъ модели жатвенной и молотильной машины.

Чрезъ годъ по прибытіи нашемъ въ Читу, разстались мы съ нашими товарищами VI разряда, которые, по сроку сентенціи, уѣхали на поселеніе: мы, радуясь за нихъ, что будетъ имъ свободнѣе, они—жалѣя, что покидаютъ насъ въ узахъ и за частоколомъ; но на самомъ дѣлѣ вышло, что намъ было лучше, нежели имъ. Общество умныхъ и честныхъ людей украшаетъ столько же жизнь въ неволѣ или тюрьмѣ, сколько общество бездѣльниковъ и плутовъ можетъ помрачить жизнь на волѣ. Поселенцамъ нашимъ сначала было очень худо въ мѣстахъ отдаленнаго сѣвера и въ одиночествѣ; чрезъ нѣсколько лѣтъ перевели ихъ южнѣе, гдѣ могли жить спокойнѣе и гдѣ соединяли товарищей по два и по три вмѣстѣ. Я уже упомянулъ объ участи нашихъ соизгнанниковъ VII разряда, отправленныхъ на поселеніе прямо изъ Петропавловской крѣпости.

Въ началѣ августа 1828 года, прибылъ фельдъегерь въ Читу, никого не привезъ и не увезъ; ничего не узнали о причинѣ пріѣзда его; никакая не воспослѣдовала перемѣна для насъ. Въ концѣ сентября ожидали коменданта въ острогъ: онъ вошелъ въ полной парадной формѣ съ новою лентою чрезъ плечо, собралъ насъ всѣхъ въ кружокъ и объявилъ, что государь императоръ, во вниманіе къ нашему поведенію, всемилостивѣйше приказалъ снять съ насъ кандалы.—Я уже сказалъ, что они были на насъ надѣты не по прежнимъ уставамъ, также не для удержанія насъ отъ побѣга во время пути, потому что мы, по прибытіи на мѣсто, носили ихъ еще полтора года. Какъ бы то ни было, но мы послѣ узнали, что государь, 8-го іюля, въ день казанской Божіей матери, выходя изъ казанскаго собора, приказалъ отправить фельдъегеря въ Читу съ повелѣніемъ снять желѣзы съ тѣхъ государственныхъ преступниковъ, которые того заслужили хорошимъ своимъ поведеніемъ. Комендантъ получилъ это повелѣніе въ началѣ августа, но рѣшился утаить его на время, пока не получитъ отвѣта на свое представленіе. Онъ зналъ невозможность снять кандалы съ одной части изъ насъ по своему выбору; если же снялъ бы со всѣхъ, то подвергалъ себя упреку или заподозрѣнію со стороны высшихъ властей, которыя могли-бы смѣнить его и назначить намъ другого, такого молодца, что Боже упаси! Онъ старался держаться на этомъ

мѣстѣ для нашей же пользы; донесъ, что всѣ равно отличаются хорошимъ поведеніемъ, и спрашивалъ позволенія снять желѣзы со всѣхъ насъ безъ исключенія, чтò и было дозволено и исполнено. Унтер-офицеръ пришелъ съ ключами, отомкнулъ замки кандаловъ; они брякнули объ полъ, и мнѣ было какъ-то жаль съ ними разстаться: они часто вторили моимъ пѣснямъ, когда для такта ударялъ ногою объ ногу, какъ шпорами. Въ первыя ночи по снятіи желѣзъ, все еще казалось, что они на ногахъ, оттого что ноги привыкли лежать въ такомъ положеніи, чтобы не было ни очень больно, ни очень холодно отъ нихъ; наконецъ, и ходить, и спать безъ нихъ было гораздо легче и лучше, но пѣть безъ нихъ было мнѣ грустнѣе.—Не помню, кому изъ насъ удалось вымѣнить одну пару кандаловъ; изъ нихъ сковали памятныя вещи; донынѣ имѣю крестикъ и кольцо полировки Якубовича. Иному покажется, что я такъ подробно и нѣжно упоминаю о желѣзахъ для того только, чтобы напоминать о нихъ или похвастать, или разжалобить ими. Нѣтъ...

Въ это время былъ я избранъ въ должность хозяина или старосты и смѣнилъ Повало-Швейковскаго. По нуждамъ моихъ товарищей имѣлъ случаи побывать иногда у коменданта: онъ принималъ меня чрезвычайно вѣжливо и часто повторялъ о своемъ странномъ положеніи:—«Чтò скажутъ и напишутъ въ Европѣ обо мнѣ? скажутъ, что я—бездушный тюремщикъ, палачъ, притѣснитель! а я дорожу этимъ мѣстомъ только для того, чтобы защитить васъ отъ худшихъ притѣсненій, отъ несправедливостей безсовѣстныхъ чиновниковъ. Какая польза мнѣ отъ полученныхъ чиновъ и звѣздъ, когда здѣсь даже некому ихъ показать? Дай Богъ, чтобы меня скорѣе освободили отсюда, но только вмѣстѣ съ вами!»

Въ 1828 году, пріѣхала къ мужу Наталія Дмитріевна Фонвизина, рожденная Апыхтина. По причинѣ малолѣтства двухъ сыновей, она не могла пріѣхать раньше. Въ первой молодости имѣла она такое религіозное стремленіе, что хотѣла удалиться въ монастырь и посвятить себя только Богу. Потомъ, вышедъ замужъ за благороднѣйшаго человѣка, за генерала М. А. Фонвизина, она раздѣляла изгнаніе и страданія мужа, покорялась волѣ Божіей, но нервы ея такъ разстроились, что она постоянно хворала. Она была очень хороша собою; о ней упомяну еще въ своемъ мѣстѣ нѣсколько разъ. Ей суждено было лишиться мужа по возвращеніи на родину, выйти замужъ вторично за другого товарища моего, И. И. Пущина, и вторично овдовѣть.

Въ томъ-же году пріѣхала въ Читу Александра Ивановна Давыдова, супруга Василія Львовича, которая оставила большое

семейство, почему ей надобно было пристроить дѣтей и помѣстить ихъ у родныхъ до отъѣзда въ Сибирь. Необыкновенная кротость нрава, всегда ровное расположеніе духа и смиреніе отличали ее постоянно. Василій Львовичъ Давыдовъ, отличавшійся въ гусарахъ, въ обществѣ и въ ссылкѣ, своею прямотою, бодростью и остроуміемъ, былъ поселенъ въ Красноярскѣ, гдѣ скончался въ октябрѣ 1855 года, и только нѣсколько мѣсяцевъ не дожилъ до манифеста освобожденія.

Въ томъ-же году еще, прибыла въ Читу Прасковья Григорьевна, невѣста И. А. Анненкова; ей дано было гласное позволеніе ѣхать къ жениху, лично отъ самого императора, къ которому она геройски обратилась съ просьбою послѣ манёвровъ при Бѣлой Церкви. Императоръ принялъ ее ласково, съ участіемъ, и приказалъ ей выдать три тысячи рублей на дорогу. Съ нею было у насъ въ Читѣ всѣхъ восемь дамъ.—Сначала, всѣхъ нашихъ товарищей въ Читѣ было 82 человѣка; а, по отъѣздѣ VI разряда на поселеніе, Толстого въ Грузію, Корниловича въ петропавловскую крѣпость обратно, осталось насъ 70 человѣкъ и 7 дамъ; Ал. В. Ентальцова уѣхала съ мужемъ на поселеніе въ Березовъ.—Вновь прибывшихъ, осужденныхъ не вмѣстѣ съ нами, но особымъ судомъ военнымъ, привезли къ намъ въ Читу: К. Ев. Игельстрома, А. И. Вегелина и Рукевича, а изъ Нерчинска перевели къ намъ еще трехъ бывшихъ офицеровъ черниговскаго пѣхотнаго полка: барона Соловьева, Мазалевскаго и Быстрицкаго.

Всякому невольнику безпрестанно на мысль приходитъ воля. Всѣ думали, кàкъ бы освободиться всѣмъ вмѣстѣ и, въ томъ числѣ, и наши безвинно страждущія дамы; о томъ же думали и другіе изгнанники на каторжной работѣ, внѣ нашего острога. Въ Нерчинскѣ, гдѣ въ шахтѣ работали сначала восемь нашихъ товарищей, оставалось еще нѣсколько человѣкъ изъ бывшихъ офицеровъ черниговскаго полка; въ ихъ числѣ былъ Сухиновъ. За освобожденіе Матвѣя и Сергѣя Ивановичей Муравьевыхъ-Апостоловъ изъ подъ ареста Сухиновъ рѣшился поднять всѣхъ каторжныхъ, съ помощью ихъ освободить насъ изъ острога и предоставить намъ дальнѣйшія распоряженія и предпріятія. Большинство вожаковъ нерчинскихъ рудокоповъ согласилось; условлено было обезоружить караулъ и начать рано утромъ слѣдующаго дня, какъ наканунѣ предатель открылъ все дѣло, и Сухиновъ съ главными зачинщиками были закованы въ желѣзы Дѣло было донесено въ Петербургъ; нарядили военный судъ; нашъ комендантъ назначенъ былъ предсѣдателемъ суда. Сухинова и еще десять человѣкъ приговорили къ смерти; за день до исполненія приговора, Сухиновъ самъ повѣсился на бокаушкѣ

печи своей тюрьмы. Веньяминъ Н. Соловьевъ сослуживецъ его, передаетъ подробнѣе это дѣло и разсказываетъ—«что наканунѣ казни Сухиновъ казался веселымъ: онъ упросилъ одного изъ арестантовъ разсказывать сказки на ночь и, когда всѣ уснули, отвязалъ ремень отъ кандаловъ, привязалъ его къ колу, вбитому надъ нарами, и удавился почти въ лежачемъ положеніи».—Другіе участники заговора были разстрѣлены, а Соловьева, Мазалевскаго и Быстрицкаго перевели къ намъ въ Читу, дабы отклонить ихъ отъ подобныхъ предпріятій.

Вѣроятно, по этой же причинѣ предпочли содержать насъ особенно, не вмѣстѣ съ другими преступниками въ большихъ рудникахъ. Утверждаютъ, что эта мысль представлена была императору генерал-губернаторомъ восточной Сибири, Лавинскимъ, которому государь, при прощаніи съ нимъ въ Москвѣ, послѣ коронаціи, сказалъ: «Смотри-же, ты отвѣчаешь мнѣ за этихъ господъ!» — на что генерал-губернаторъ отвѣтилъ, что всякій надзоръ будетъ невозможенъ, если они будутъ распредѣлены въ различныхъ рудникахъ Сибири.

Въ Читѣ насъ караулила рота пѣхоты и полсотни сибирскихъ казаковъ. Нѣсколько человѣкъ изъ нашихъ товарищей крѣпко занялись приготовленіями къ побѣгу, особенно изъ высшихъ разрядовъ, приговоренныхъ на двадцати-лѣтнее заточеніе въ каторжной работѣ. Другіе-же, сперва въ меньшинствѣ, а послѣ въ большинствѣ, видѣли явную невозможность такого предпріятія и откровенно доказывали это и противудѣйствовали рѣшительно. Съ карауломъ было бы не трудно справиться: солдаты были намъ весьма преданы; они волею или неволею передали-бы свое оружіе; слѣдственно, изъ острога могли-бы освободиться; но куда итти?—На югъ, чрезъ Манжурію и Даурію, въ Китай былъ-бы путь ближайшій за границу; но китайцы выдали-бы; кромѣ того, до границы достаточно было-бы полсотни казаковъ, которые, преслѣдуя насъ денно и ночно, не давая намъ часоваго покоя, могли-бы извести насъ въ недѣлю. Отъ мѣстныхъ жителей, кочующихъ бурятъ, не было-бы никакой защиты: они за одежду и за шапку застрѣлили-бы насъ, какъ пушного звѣря.—Другой путь указывалъ на юго-востокъ: добраться до берега Амура въ лодкахъ и, по направленію рѣки, плыть къ Великому Океану и спастись въ Америку. Но, до достиженія Амура и океана, предстояли тѣже препятствія, какія встрѣтились-бы по первому направленію къ китайской границѣ, и, не достигнувъ еще Амура, были-бы преслѣдуемы вдоль обоихъ береговъ Ингоды и Шилки; изъ прибрежныхъ селеній захватили-бы или затопили-бы нашу флотилію.—На западъ дорога вела 4000 верстъ до границъ Ев-

ропейской Россіи; на такомъ протяженіи представлялись сотни преградъ для бѣгущей кучки.—На сѣверъ путь велъ по тундрамъ безхлѣбнымъ къ Ледовитому Морю. По одиночкѣ легче представлялась возможность укрыться и освободиться: ежегодно изъ Нерчинска спасаются бѣгствомъ нѣсколько человѣкъ отдѣльно. Трое изъ сосланныхъ черкесовъ добрались до своей родины чрезъ озера Аральское и Каспійское. Но одиночное бѣгство изъ нашего острога имѣло-бы неминуемымъ слѣдствіемъ строжайшія мѣры противъ оставшихся арестантовъ; никто не хотѣлъ взять на себя такую отвѣтственность.—Вблизи все караулы пѣшіе и конные, а тамъ неизмѣримая, голая и голодная даль. Въ обоихъ случаяхъ—удачи и неудачи—побѣгъ подвергнулъ-бы новымъ испытаніямъ и усиленному надзору всѣхъ остальныхъ товарищей по всей Сибири.

ГОРЕ СТАРАГО НАУМА.

(Волжская быль).

I.

Науму паточный заводъ
И дворикъ постоялый
Даютъ порядочный доходъ.
Наумъ—не глупый малый:

Задаромъ снявъ клочекъ земли,
Крестьянину съ охотой
Въ нуждѣ ссужаетъ онъ рубли,
А тотъ плати работой —

Такъ обращенъ нагой пустырь
Въ картофельное поле...
Вблизи—«Бабайскій» монастырь,
Село «Большія Соли»,

Недалеко и Кострома.
Наумъ живетъ — не тужитъ,
И Волга-матушка сама
Его карману служитъ.

Питейный домъ его стоитъ
На самомъ «перекатѣ»;
Какъ лѣто Волгу обмелитъ,
Къ пустынной этой хатѣ

Тропа знакома бурлакамъ:
Выходитъ много «чарки»...
Здѣсь ходу нѣтъ большимъ судамъ;
Здѣсь «паузятся» барки.

Купцы бѣгутъ: «помогу дай!»
Наумъ купцовъ встрѣчаетъ,
Мигнетъ народу: не плошай!
И самъ не оплошаетъ...

Кипитъ работа до утра;
Все весело, довольно.
Итакъ, нѣтъ худа безъ добра!
Подумаешь невольно,

Что ты, жалѣя бѣдняка,
Мелѣешь годъ отъ года,
Благословенная рѣка,
Кормилица народа!

II.

Люблю я краткой той поры
Случайныя тревоги,
И трудъ, и пѣсни, и костры.
Съ береговой дороги

Я вижу сотни рукъ и лицъ,
Мелькающихъ красиво,
А паруса, что̀ крылья птицъ,
Колеблются лѣниво,

А мѣсяцъ медленно плыветъ,
А Волга чуть лепечетъ.
Чу! рѣзко свиснулъ пароходъ;
Бѣжитъ и искры мечетъ,

Ущелья темныхъ береговъ
Стогласымъ эхомъ полны...
Не все же пѣснямъ бурлаковъ
Внимаютъ эти волны.

Я слушалъ жадно иногда
И тотъ напѣвъ унылый,
Но гулъ довольнаго труда
Мнѣ слаще слышать было.

Увы! я дожилъ до сѣдинъ,
Но измѣнился мало.
Иныхъ временъ, иныхъ картинъ
Провижу я начало

Въ случайной жизни береговъ
Моей рѣки любимой:
Освобожденный отъ оковъ,
Народъ неутомимый

Созрѣетъ, густо заселитъ
Прибрежныя пустыни;
Наука воды углубитъ:
По гладкой ихъ равнинѣ

Суда-гиганты побѣгутъ,
Несчетною толпою,
И будетъ вѣченъ бодрый трудъ
Надъ вѣчною рѣкою...

III.

Мечты!.. Я вѣрую въ народъ...
. . . .
. . . .
. . . .

IV.

Науму слишкомъ пятьдесятъ,
А ни дѣтей, ни жонки.
Наумъ былъ сердцемъ суховатъ,
Любилъ одни деньжонки.

Онъ говорилъ: «жениться — взять
Обузу! а «сударки»
Еще тошнѣй: и время трать,
И деньги на подарки».

Опровергать его рѣчей
Тогда не приходилось,

Хоть, может быть, въ груди моей
Иное сердце билось,

Хотя у насъ, какъ ледъ и зной,
Причины были розны:
«Надъ одинокой головой
Не такъ и тучи грозны;

Пускай лѣнтяи и рабы
Идутъ путемъ обычнымъ,
Я долженъ быть своей судьбы
Царемъ единоличнымъ!»

Я думалъ гордо. Кто не радъ
Оставить міру племя?
Но я родился не впопадъ —
Лихое было время!

Забыло солнышко свѣтить,
Погасъ и мѣсяцъ ясный,
И трудно было отличить
Отъ ночи день ненастный.

Громъ непрестанно грохоталъ
И вихорь былъ ужасенъ,
И человѣкъ подъ нимъ стоялъ
Испуганъ и безгласенъ.

Былъ краткій мигъ: заря зажгла
Роскошно край лазури,
И буря новая пришла
На смѣну старой бури.

И новымъ силамъ новый бой
Готовился... Усталый,
Поникъ я буйной головой.
Погибли идеалы,

Ушло и время... Мѣста нѣтъ
Желанному союзу.
Умру — и мой исчезнетъ слѣдъ!
Надежда вся на музу!

V.

Стрѣляя сѣрыхъ куликовъ
На отмели песчаной,
Заслышу говоръ бубенцовъ
И свистъ, и топотъ рьяной,

На кручу выбѣгу скорѣй:
Знакомая тележка,
Нарядны гривы у коней,
У сѣдока — усмѣшка...

Лихая пара! На шлеяхъ
И бляхи, и чешуйки.
Въ личныхъ, высокихъ сапогахъ,
Въ солидной, синей чуйкѣ,

Въ московскомъ, новомъ картузѣ,
Самъ правя пристяжною,
Наумъ катитъ во всей красѣ.
Увидитъ — радъ душою!

Кричитъ: «Довольно вамъ палить,
Пора чайку покушать!..»
Наумъ любилъ поговорить,
А я любилъ послушать.

Закуску, водку, самоваръ
Вносили по порядку
И Волги драгоцѣнный даръ —
Янтарную стерлядку.

Наумъ усердно предлагалъ
Рябиновку, вишневку,
А, расходившись, обивалъ
«Смоленую головку».

— Ну, какъ дѣлишки? «Въ барышѣ»,
Съ улыбкой отвѣчаетъ.
Разговорившись по душѣ,
Подробно исчисляетъ,

Что̀ дало въ годъ ему вино
И сколько отъ завода.
«Накопчено, насолено —
Чай хватитъ на три года!

«Все лѣто занято трудомъ,
Хлопотъ по самый воротъ.
Придетъ зима — лежу суркомъ,
Не то поѣду въ городъ.

«Начальство—други-кумовья,
Стрясись бѣда — поправятъ,
Работы много — свисну я:
Сосѣди не оставятъ;

«Округа вся въ горсти моей,
Казна — надёжнѣй цѣпи:
Ужь нѣтъ помѣщичьихъ крѣпей,
Мои остались крѣпи.

«Судью за денежки куплю,
Умилостивлю Бога»...
(Русакъ природный — во хмѣлю
Онъ былъ хвастливъ немного)...

VI.

Полвѣка прожилъ такъ Наумъ
И не тужилъ ни мало,
Работалъ въ немъ житейскій умъ,
А сердце мирно спало.

Встрѣчаясь съ нимъ, я вспоминалъ
Невольно дубъ красивый
Въ моемъ саду: тамъ сѣти ткалъ
Паукъ трудолюбивый.

Съ утра спускался онъ не разъ
По тонкой паутинкѣ,
Какъ по канату водолазъ,
Къ какой-нибудь личинкѣ,

То комара подстерегалъ
И жадно влекъ въ объятья.
А, пообѣдавъ, продолжалъ
Обычныя занятья.

И вывелъ, точно на показъ,
Паукъ мой паутину.
Какая ткань! Какой запасъ
На черную годину!

Тамъ мошекъ цѣлыя стада
Нашли себѣ могилы,
Попали бабочки туда —
Летуньи пестрокрылы;

Его сосѣдъ, другой паукъ
Качался тамъ, замученъ,
А мой — отъѣлся вонъ изъ рукъ!
Доволенъ, гладокъ, тученъ,

То мирно дремлетъ въ уголку,
То мухою закуситъ...
Живется славно пауку:
Не тужитъ и не труситъ!

Съ Наумомъ я давно знакомъ;
Еще какъ былъ моложе,
Наума съ этимъ паукомъ
Я сравнивалъ... И что̀ же?

Ужь округлился капиталъ,
Въ купцы бы надо вскорѣ,
А человѣкъ затосковалъ!
Пришло къ Науму горе....

VII.

Сидѣлъ онъ поздно у воротъ,
Въ разсчеты погруженный;
Послѣднiй свиснулъ пароходъ
На Волгѣ полусонной,

И потянулись на покой
И человѣкъ, и птица.
Зашли къ Науму той порой
Молодчикъ, да дѣвица:

У Тани русая коса
И голубыя очи,
У Вани вьются волоса.
«Укрой отъ темной ночи!»

— А самоварчикъ надо грѣть?
«Пожалуй»... Ни минутки
Не могутъ гости посидѣть:
У нихъ и смѣхъ, и шутки,

Задѣть другъ дружку наровятъ
Ногой, рукой, плечами,
И такъ глядятъ... и такъ шалятъ,
Чуть отвернись, губами!

То вспыхнетъ личико у ней,
То бѣлое, какъ сливки...
Поѣли гости калачей,
Отвѣдали наливки:

«Теперь уснемъ мы до утра,
У васъ покой, приволье!»
— А кто вы? — «Братецъ и сестра,
Идемъ на богомолье».

Онъ думалъ:—Вретъ! поди сманилъ
Купеческую дочку!
Да что̀ мнѣ? Лишь бы заплатилъ!
Пускай ночуютъ ночку.

Онъ имъ подушекъ пару далъ:
— Уснете на диванѣ.
И доброй ночи пожелалъ
И молодцу и Танѣ.

Въ своей коморкѣ на часахъ
Поддернулъ къ верху гири

И утонулъ въ пуховикахъ...
Проснулся: бьетъ четыре,

Еще темно; во рту горитъ.
Кваску ему желалось,
Да квасъ-то въ горницѣ стоитъ,
Гдѣ парочка осталась.

«Жаль! не пришло вчера на умъ!
Да я пройду тихонько,
Добуду! (думаетъ Наумъ)
Чай спятъ они крѣпонько,

Не скоро ихъ бы разбудилъ
Теперь и конскій топотъ»...
Но только дверь пріотворилъ,
Услышалъ тихій шопотъ:

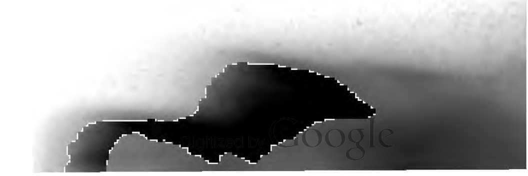
«Покуримъ, Ваня!» говоритъ
Молодчику дѣвица.
И спичка чиркнула — горитъ...
Увидѣлъ онъ ихъ лица:

Красиво Ванино лицо,
Красивѣе у Тани!
Рука согнутая въ кольцо
Лежитъ на шеѣ Вани,

Нагая, полная рука!
У Тани грудь открыта,
Какъ жаръ горитъ одна щека,
Косой другая скрыта.

Еще онъ видѣлъ на лету,
Какъ встрѣтились ихъ очи.
И вновь на юную чету
Спустился пологъ ночи.

Назадъ тихонько онъ ушелъ,
И съ той поры Наума
Не узнаютъ: онъ вѣчно золъ,
Сидитъ одинъ угрюмо



Или пойдетъ бродить окрестъ
И къ ночи лишь вернется,
Соленыхъ рыжиковъ не ѣстъ,
И чай ему не пьется.

Забылъ наливки настоять
Душистой поленикой.
Хозяйство стало упадать—
Грозитъ уронъ великій!

На счетахъ спутался не разъ,
Хоть счетчикъ былъ отмѣнный...
Двѣ пары глазъ, блаженныхъ глазъ,
Горятъ предъ нимъ безсмѣнно!

«Я сладко пилъ, я сладко ѣлъ»,
Онъ думаетъ уныло:
«А кто мнѣ въ очи такъ смотрѣлъ?..»
И все ему постыло...

Н. Некрасовъ.

1874 г.

СИЛА ХАРАКТЕРА.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Когда генералъ страдалъ безсонницей, онъ приказывалъ среди ночи разбудить Марью Николаевну, которая и являлась къ нему недовольная, заспанная и говорила, зѣвая во весь ротъ:

— Что̀ это, Господи, покоя людямъ не даютъ. Только было заснула, право...

Ей всегда казалось, что она только что заснула, хотя бы этому прошло часа три.

— Чортъ его знаетъ, говорилъ генералъ въ свое оправданіе:— которую ужъ ночь заснуть не могу! Днемъ онъ спалъ между завтракомъ и обѣдомъ, потомъ послѣ обѣда отдыхалъ до чаю— всего, въ сложности, часовъ шесть, и, когда ночь приходила, всегда удивлялся, что не можетъ еще спать. Онъ тогда приписывалъ это своей болѣзни, которую тотчасъ же и придумывалъ, смотря по обстоятельствамъ. То ему казалось, что у него въ глазахъ мелькаетъ, то находилъ онъ у себя ревматизмъ въ спинѣ, и тогда ужъ покою не давалъ Марьѣ Николаевнѣ, заставляя ее растирать себя, или просто посылалъ за ней, чтобы она сидѣла около него, а самъ лежалъ и стоналъ. Какъ и всѣ поч-

ти мужчины, въ болѣзни онъ былъ очень нетерпѣливъ. На него никто тогда угодить не могъ, а Марьѣ Николаевнѣ доставалось пуще всѣхъ.

— Чтò вы все мимо меня ходите! говорилъ онъ сердито.—Мѣста, чтò ли, вамъ нѣтъ нигдѣ ходить, кромѣ, какъ у меня подъ носомъ.

Съ лекарствомъ ли придетъ Марья Николаевна, онъ и тутъ бранится.

— Чортъ знаетъ! только-было глаза закрылъ:—лѣзутъ! Да уйдите вы, пожалуйста, прочь!

Но только Марья Николаевна уходила, какъ онъ опять за ней посылалъ. Онъ жить безъ нея не могъ, и, если нужно было одѣяло поправить или сдѣлать лимонную воду для питья, такъ и тутъ безъ нея дѣло не обходилось.

Во время безсонницы, генералъ былъ чуть ли не еще капризнѣе, чѣмъ во время болѣзни. Онъ тогда тотчасъ же, какъ только Марья Николаевна приходила, начиналъ ей выговаривать, что въ комнатахъ жарко или угарно и что это она все виновата. Та со сна была сердита и отвѣчала срыву. Генералъ нѣсколько времени ей противорѣчилъ, потому что его занималъ самый процессъ разговора, потомъ говорилъ нѣсколько уже заискивающимъ тономъ:

— Вы хоть бы почитали чтò-нибудь. Чортъ знаетъ, скука какая! Вонъ тамъ на столѣ книга лежитъ.

Книга эта всегда оказывалась романомъ таинственнаго и ужаснаго содержанія: «Тайны мадридскаго двора» или «Всадникъ безъ головы», или «Кровавая маска». Генералъ другихъ не читалъ. Въ литературѣ онъ былъ вкуса кровожаднаго и романы съ убійствомъ предпочиталъ всѣмъ другимъ. Но и тутъ, если встрѣчались какія-нибудь длинныя описанія природы или платоническія объясненія въ любви, онъ начиналъ ужъ дремать. Дойдя до такого мѣста, Марья Николаевна потихоньку тушила свѣчку и, прокравшись на цыпочкахъ къ дивану, укладывалась тамъ спать. Не проходило четверти часа, какъ генералъ опять ужъ кричалъ:

— Марья Николаевна?

— Чтò вамъ? отзывалась та недовольнымъ голосомъ.

— Чтò-жъ вы дальше не читаете?

— Да чтò это, Господи, только-было уснула!

— Чтò-жъ вы главу-то не дочитали?

— Да чтò-жъ мнѣ читать, когда вы спите.

— Гдѣ я сплю! Чтò вы! Я все слышалъ.

— Вотъ наказанье то! ворчала Марья Николаевна, поднимаясь съ дивана и нетвердой рукой ощупывая спички.

И чтеніе начиналось вновь, опять до перваго описанія природы, гдѣ генералъ также исправно засыпалъ, слегка даже всхрапывая и присвистывая.

Въ одну изъ такихъ безсонныхъ ночей, Марья Николаевна, сверхъ обыкновенія, на зовъ не явилась. Посланный за ней человѣкъ пришелъ сказать, что онѣ сидятъ у своей сестрицы, не изволили еще отъ нихъ вернуться. Дѣйствительно, во второмъ этажѣ, несмотря на поздній часъ, въ двухъ окошкахъ свѣтился огонь. Сквозь спущенную стору можно было видѣть, какъ мелькала тѣнь ходившей по комнатѣ особы. Это ходила сама Марья Николаевна, докуривая чуть ли не сотую папироску и стряхивая пепелъ куда попало, за что̀ получала всегда выговоры отъ сестры, которая сердилась, когда видѣла въ комнатѣ соръ. Она отдѣлала себѣ квартиру, какъ игрушку, и всѣ парадныя комнаты заперла, чтобы оградить ихъ отъ вторженія такихъ ярыхъ курильщиковъ, какъ Марья Николаевна.

Теперь онѣ обѣ сидѣли въ уборной, гдѣ тоже все было чисто до педантичности. По нѣскольку разъ въ день приходила дѣвушка съ тряпкой вытирать пыль со столовъ и съ черныхъ, деревянныхъ, полированныхъ стульевъ, съ высокой спинкой и съ золоченымъ узоромъ въ русскомъ вкусѣ. Туалетъ былъ также убранъ русскими шитыми полотенцами; около зеркала стояли двѣ большія солоницы съ духами, пудрой и разной мелочью. Одинъ уголъ очень картинно былъ уставленъ образами, въ яркихъ блистающихъ ризахъ и съ лампадкой. Дубовыя полки, тоже по русски вдѣланныя въ стѣну, уставлены были сверху деревенскими жбанами и кувшинами, за которые недешево было заплачено въ магазинахъ, а снизу книгами въ красивыхъ переплетахъ, очевидно, никогда нечитавшимися. Тутъ были все классики. «Le Génie du Christianisme», Байронъ во французскомъ переводѣ, Шекспиръ и Дантъ, тоже по французски, «L'Imitation de Jésus Christ» и еще нѣсколько книжекъ духовно-нравственнаго содержанія. На письменномъ столѣ лежало маленькое евангеліе. Но болѣе всего, какъ видно, читался тутъ лежавшій на козеткѣ и открытый на одной изъ послѣднихъ страницъ романъ Бело̀ «Огненная Женщина».

Надежда Николаевна, хотя имѣла средства хорошія, но тратила на себя гораздо больше, чѣмъ имѣла; отъ этого они съ мужемъ никогда не выходили изъ долговъ. Она говорила, что не можетъ жить кое-какъ. Она не могла понять, чтобы въ комнатахъ было меньше пяти человѣкъ прислуги, не могла ходить

пѣшкомъ или ѣздить на дурныхъ извозчикахъ. Она не могла носить дешевыхъ платьевъ, не выносила, чтобы мебель въ комнатахъ была разнокалиберная, не стала бы жить въ квартирѣ, которая выходитъ окнами на дворъ. Если она чтò-нибудь покупала, такъ всегда въ хорошихъ магазинахъ, чтобы не стыдно было сказать, гдѣ вещь куплена, и всегда считала стыдомъ торговаться. Деньгамъ она до тридцати лѣтъ не знала цѣны и ставила это себѣ въ заслугу.

Она, дѣйствительно, разстраивала этимъ не себя, а мужа, который часто не могъ придумать, гдѣ найти источники для покрытія всѣхъ расходовъ. Онъ обрѣзывалъ себя во всемъ и носилъ даже рубашки изъ толстаго, грубаго полотна, думая хоть этимъ съэкономить. Зато его Надя другихъ не носила, кромѣ самыхъ тонкихъ, всегда шитыхъ и всегда заплаченныхъ въ десять разъ дороже, чѣмъ онѣ стоютъ. Все это она объясняла не прихотью своей, а тѣмъ, что у нея необыкновенно изящный вкусъ.

— У меня такая ужъ натура! говорила она.—Если передо мной вещь стоитъ не изящно сдѣланная, я не могу ее выносить. Я лучше ужъ совсѣмъ откажу себѣ въ этой вещи. Можетъ быть, это глупо—я не спорю; но я такая ужъ родилась.

И потому, что она такая ужъ родилась, Надежда Николаевна ни въ чемъ не ограничивала своей артистической натуры и за какую-нибудь фарфоровую этажерку отдавала тѣ деньги, которыя надо было отдать учителю за уроки, а, когда приходило время расплачиваться съ нимъ, она очень наивно объясняла ему:

— У меня теперь денегъ нѣтъ; вы подождите, пожалуйста.

Ей и въ голову не приходило, что онъ разсчитывалъ, можетъ быть, на эти деньги, какъ на очень важные для него рессурсы. Одного учителя она, такимъ образомъ, водила нѣсколько недѣль. Выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, онъ при ней началъ разговоръ о томъ, какая разница между бѣдными и богатыми людьми.

— Бѣдные люди, говорилъ онъ:—въ денежномъ отношеніи всегда деликатнѣе богатыхъ. Бѣдный человѣкъ, какъ получитъ только жалованье, первымъ долгомъ заплатитъ за квартиру, расплатится со всѣми долгами. Богатый швырнетъ деньги куда попало; доктору же не отдать, учителю, долговъ не заплатить... для нихъ это—самая обыкновенная вещь.

Надежда Николаевна, услыхавши это, заняла денегъ у сестры, отдала ихъ учителю и на другой же день отказала ему отъ

дому. Она вообще не терпѣла никакихъ замѣчаній. У ней даже вся прислуга была выдержана строго. Она хорошо платила ей, но за малѣйшую грубость тотчасъ же прогоняла. За какую-нибудь соринку въ супѣ или за то, что скатерть ей подали съ пятнами, она дѣлала такую сцену, что потомъ сама цѣлый день жаловалась на боль въ вискѣ. Обѣдъ ли ей подали, постель ли ей оправили, она вездѣ искала, нѣтъ ли какого-нибудь недосмотра, и вездѣ находила его. Она сердилась, волновалась, жаловалась, что эти дрязги разстраиваютъ ее, а сама безъ нихъ жить не могла. Еслибъ ей дали идеально-совершенную прислугу, которая по одному знаку исполняла бы всякое ея приказаніе, ей нѣчего было бы дѣлать.

Какъ и бо̀льшая часть нашихъ барынь, она неизвѣстно въ чемъ проводила свой день и всегда говорила, что у нея дѣла по горло. Она рѣдко даже одѣвалась и ходила всегда въ капотахъ, увѣряя, что ей некогда думать о своемъ туалетѣ; но только капоты ея были всѣ въ кружевахъ и шиты всегда изъ дорогой матеріи и у дорогой портнихи.

Несмотря на поздній часъ ночи, между обѣими сестрами происходилъ довольно оживленный разговоръ. Марья Николаевна въ волненіи ходила по комнатѣ, разбрасывая направо и налѣво папиросные окурки; Надежда Николаевна тоже была такъ взволнована, что забывала остановить ее въ этомъ.

— Я надъ собой никакихъ судей не признаю, говорила она рѣзко.—Я въ жизни своей никогда никому отчета не давала.

— Я это знаю, Надя. Этимъ хвалиться нѣчего.

— Что̀ за мораль такая, я не понимаю! живи та̀къ, ка̀къ угодно твоимъ сестрицамъ, бабушкамъ, тётушкамъ... Я живу прежде всего та̀къ, ка̀къ мнѣ это нравится.

— Еслибъ ты была одинокая, никто бы тебѣ слова не сказалъ. У тебя дѣти есть.

— Ахъ, оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ. Мнѣ всѣ уши протрубили тѣмъ, что у меня есть дѣти. Я въ отношеніи своихъ дѣтей не считаю себя ни въ чемъ виноватой. И никогда я не допущу даже мысли, чтобы дѣти могли судить свою мать. Что̀ такое? Мои дѣти выростутъ и спросятъ съ меня отчетъ въ моемъ прошломъ?! Да ка̀къ смѣютъ они сдѣлать это? Каково бы ни было мое прошлое, оно принадлежитъ только мнѣ одной. Это нынче—духъ времени, видите ли! Нынче говорятъ только объ обязанностяхъ родителей къ дѣтямъ; а объ обязанностяхъ дѣтей къ родителямъ, нынче не говорятъ. Мать! Что̀ такое мать? Это—раба какая-то, это—существо, которое не должно имѣть ни воли своей, ни свободы—ничего! а должна жить, видите ли, для

дѣтей!.. Для этихъ дѣтей, которыя потомъ скажутъ ей:—ты, мать, не исполнила своихъ обязанностей въ отношеніи насъ! И чѣмъ больше вы жертвъ имъ приносите, тѣмъ больше они отъ васъ требуютъ и тѣмъ меньше цѣнятъ они васъ. Нѣтъ, я буду умнѣе этихъ матерей, которыя убиваютъ свою жизнь для какой-нибудь дочки или сынка, для того, чтобы тѣ послѣ наплевали на мать и сказали, что она недостаточно хорошо свои обязанности исполняла. Я знаю, что въ старости мнѣ отрады ждать нѣчего; поэтому, я стараюсь свою молодость провести такъ, чтобы это было мнѣ пріятно.

Марья Николаевна ужаснулась.

— Если всѣ такъ будутъ разсуждать, такъ это и семьи не будетъ.

— Я лишаю себя этимъ, конечно, права, продолжала сестра, не слушая ея:—говорить потомъ: ахъ! вотъ я всѣмъ пожертвовала и вотъ какая мнѣ благодарность! Да чортъ васъ возьми совсѣмъ! не нужно мнѣ вашей благодарности. Придетъ пора умирать—умру! Жаловаться я на свою судьбу никогда не стану никому! ни самому Господу Богу! Но молодость свою приносить въ жертву изъ за какихъ-то будущихъ благъ—тоже не хочу.

— Я удивляюсь этому эгоизму, Надя! этому глубокому эгоизму! Ты ни объ комъ, кромѣ себя, не думаешь.

— А обо мнѣ кто-нибудь думаетъ? Кто это, позвольте спросить? Не дѣти ли? Они, какъ только на ноги станутъ, такъ первымъ долгомъ скажутъ: прощайте, мамаша! Вы жили для насъ, мы будемъ жить для другихъ. Мы этотъ долгъ отдадимъ будущему поколѣнію. И мамаша останется одна, какъ перстъ съ пріятнымъ сознаніемъ, что она никому не нужна... И для этого-то я стану жертвы приносить? Да сохрани меня Господи!

Марья Николаевна, которая давно ужъ ждала, когда ей можно будетъ вставить словечко, распалилась въ свою очередь.

— Если такъ смотрѣть на семью, такъ не нужно было и замужъ выходить.

— Я, что ли, выходила замужъ? Сдѣлайте одолженіе! Меня даже и не спрашивали. Меня взяли и выдали. Ужъ, конечно, еслибъ меня спросили, такъ я не надѣла бы на себя эту петлю съ семнадцати лѣтъ. А, если угодно было сбыть меня, какъ вещь, первому встрѣчному, такъ всѣ знали хорошо, что дѣлали—и тотъ, кто отдавалъ, и тотъ, кто бралъ. А мнѣ сказать: зачѣмъ ты шла? я нахожу даже странно немножко. Я не шла, а меня отдали.

— Это—не оправданіе. Мало ли въ какихъ положеніяхъ мы

бываемъ! Надо все-таки свои обязанности честно исполнять. Я, по крайней мѣрѣ, та̀къ на это смотрю.

— Что̀ такое честно? Надо прежде знать, ка̀къ мы понимаемъ, что̀ честно и что̀ не честно. Наши понятія о нравственности, кажется, совсѣмъ разныя. Я смотрю по своему, ты—по своему, и сколько мы ни будемъ говорить, мы никогда ни до чего не договоримся.

— Да̀, потому, что ты никого слушать не хочешь. Ты считаешь, что ты одна на свѣтѣ права.

— Всякій человѣкъ, милая моя, считаетъ, что онъ правъ.

— Нѣтъ; но ты часто и видишь даже, что ты неправа, а все-таки никогда въ этомъ не сознаешься.

— Нѣтъ, я именно этого и не вижу.

— Ты, вѣдь, Надя, не можешь не понимать, что бросить мужа и жить на два дома, когда въ этомъ никакой надобности нѣтъ...

— Нѣтъ, въ этомъ есть надобность: я пріѣхала лечить сына.

— Хорошо, это нынѣшнюю зиму, положимъ. Ну а потомъ, на будущій годъ, что̀ ты скажешь?

— Мнѣ кажется, тутъ и говорить нѣчего! я пріѣду сюда воспитывать дѣтей.

— Развѣ ты тамъ у себя ихъ не можешь воспитать.

— Не могу. Если у меня есть средства, я считаю своей обязанностью дать имъ лучшее воспитаніе, какое только мои средства позволяютъ мнѣ. Я лучше себѣ въ чемъ-нибудь другомъ откажу.

— Ни въ чемъ ты себѣ не откажешь. Вѣдь это говорится только.

— Да̀, ну это—другой вопросъ. Я никогда не имѣю счастія угодить тебѣ въ чемъ-нибудь. Я—мотовка, я—дурная мать, я—отвратительная жена... мы объ этомъ ужъ не будемъ говорить...

— Да нѣтъ, Надя, не въ этомъ дѣло теперь. Я говорю: если ты хочешь воспитывать своихъ дѣтей въ Москвѣ, развѣ ты не можешь помѣстить ихъ куда-нибудь въ хорошій домъ? Я, наконецъ, тутъ живу; я бы за ними всегда присмотрѣла. Какая тебѣ необходимость бросать мужа и переѣзжать сюда самой.

— Ну, вотъ видишь ли, я—дурная мать, я—отвратительная мать! а отпустить дѣтей безъ себя за тысячу верстъ, я никогда не отпустила бы.

— Теперь мужъ у тебя за тысячу верстъ живетъ.

Надежда Николаевна пожала плечами.

— О чемъ мы съ тобой говоримъ, Маша, я не понимаю. Чего ты отъ меня хочешь? чтобы я тебѣ объяснила, зачѣмъ я

пріѣхала въ Москву, или ты хочешь знать, кàкъ я это буду объяснять другимъ?

— Я хочу только тебя убѣдить, что тебѣ не слѣдуетъ оставаться въ Москвѣ.

— Ахъ, Маша, я знаю, что ты желаешь мнѣ добра, и я тебѣ очень благодарна за это; но ты мнѣ ужасно надоѣла этимъ.

Марья Николаевна обидѣлась.

— Дѣлайте, кàкъ хотите. Я ни во что̀ больше вмѣшиваться не буду.

Конечно, это только такъ говорилось. Она никогда серьёзно не думала о томъ, чтобы можно было не вмѣшиваться въ дѣлà сестры.

— Да нѣтъ, Маша: мы можемъ говорить съ тобой объ чемъ хочешь и даже по два, по три дня говорить одно и тоже, что̀ мы и дѣлаемъ, но только убѣждать меня въ чемъ-нибудь... я тебя прошу ужь оставить этотъ трудъ. Я, можетъ быть, поступаю глупо, безразсудно, но что̀-жь дѣлать! я не люблю, когда меня учатъ. Я вышла ужь изъ тѣхъ лѣтъ, когда нужны учители.

— Ты, однако, позволяешь учить себя такому человѣку, который меньше всѣхъ имѣетъ на это право.

Надежда Николаевна вспыхнула.

— Я тебя прошу не дѣлать мнѣ намёковъ, сказала она измѣнившимся голосомъ.

— Я это не для того говорю, чтобы уколоть тебя. А ты обрати на это вниманіе: не хорошо, если другіе будутъ это замѣчать.

— Что̀ это замѣчать? Что̀, я себя держать, что̀ ли, не умѣю?

— Не ты, а онъ. Онъ, съ тѣхъ поръ, какъ ты пріѣхала сюда въ Москву, совсѣмъ какъ-то перемѣнилъ свое обращеніе съ тобой. Прежде онъ не такъ себя держалъ, я помню.

— А кàкъ же онъ себя теперь держитъ? спросила Надежда Николаевна, измѣняясь въ лицѣ.

— Онъ какъ будто и недоволенъ тѣмъ, что ты пріѣхала, и... и я не знаю ужь! Что̀-то въ немъ есть странное.

— Это—твои собственныя умозаключенія! замѣтила сестра холодно.

— Надя, я вотъ что̀ думаю: хорошо ли ты сдѣлала, что пріѣхала сюда за нимъ? Увѣрена ли ты въ томъ, что онъ желалъ этого? Что̀, если ты вотъ такъ жертвуешь для него всѣмъ, а онъ тебѣ Богъ знаетъ еще чѣмъ заплатитъ за это? Вотъ гдѣ страшна неблагодарность! Ты говоришь о дѣтяхъ. Что̀ дѣти? Дѣти, если и будутъ неблагодарны, такъ это на нихъ падетъ

позоръ, а не на тебя. А тутъ вотъ... тутъ что̀ тебя ждетъ? Ты и требовать ничего не можешь. Ты молчать должна, молча все переносить!

— Молча?! (Надежда Николаевна встала, глаза у нея заискрились). Ты ошибаешься. Я оскорбленія никому не прощаю! а ему менѣе, чѣмъ кому-нибудь. Я ему все отдала—это правда; но за то я и спрошу съ него многое. Въ настоящую минуту, я, можетъ быть—его раба, но, пусть только случится что-нибудь, и онъ тогда увидитъ!..

— Ты очень самонадѣянна, Надя. Ты ужасно самонадѣянна.

— Нѣтъ, я не самонадѣянна. Но вы меня никто не знаете. Вы никто и судить не можете, что̀ я могу сдѣлать, на что̀ я могу быть способна!

— Да что̀ же ты могла бы сдѣлать?

— Объ этомъ ужь предоставь судить мнѣ.

— Я не знаю, еслибъ я была на твоемъ мѣстѣ...

— Ахъ, пожалуйста, только не говори о томъ, что̀ *ты* сдѣлала бы на моемъ мѣстѣ! Это—нелѣпое сравненіе. У насъ съ тобой настолько разные характеры, настолько разные взгляды, что ты бы на моемъ мѣстѣ сдѣлала, можетъ быть, совершенно обратное тому, что̀ я сдѣлаю.

— Да̀, потому что ты сдѣлаешь всегда такъ, ка̀къ люди не дѣлаютъ.

— Ну, и прекрасно. Я подражаніемъ никогда не была заражена. Я поступаю такъ, ка̀къ мнѣ мой разумъ говоритъ.

Обѣ сестры начинали ужь сердиться, но во̀-время какъ-то спохватились; обѣ вдругъ вспомнили, что поздно ужь, пора спать, и стали прощаться, пока еще не поссорились.

II.

Чтобы понять только-что происходившій разговоръ, нужно заглянуть въ прошлое и разсказать исторію одной преступной любви.

Надежда Николаевна, тотчасъ же по выходѣ изъ института, была выдана своей матерью замужъ, нельзя сказать, чтобы *противъ* своей воли, но *помимо* своей воли. Ей показали недурнаго собой мужчину, сказали, что это—ея женихъ, и стали ей шить приданое. Въ доказательство того, что она должна, не теряя времени, выходить за него, ей привели въ примѣръ старшую сестру, которая все разбирала, разбирала и кончила тѣмъ, что пошла жить въ чужой домъ, а мужа себѣ такъ и не нашла.

Надѣ было семнадцать лѣтъ; ей болѣе всего было досадно то, что ея не будутъ вывозить. По ея мнѣнію, ее должны были сначала одну или двѣ зимы вывозить, а потомъ ужь, пожалуй, она и вышла бы замужъ. Но ея мнѣнія никто не спрашивалъ. Ея властолюбивый, своенравный характеръ не имѣлъ еще случая проявить себя; она боялась матери, которая держала ее строго. Отъ матери своей наслѣдовала потомъ и неуступчивость, и деспотизмъ, и строгую манеру обращенія съ дѣтьми, которыхъ, по ея мнѣнію, надо было держать въ страхѣ, чтобы заставить ихъ уважать себя. Какъ только она вышла замужъ, такъ тотчасъ-же и вступила во всѣ права, нетолько свои, но даже и тѣ, которыя, по закону, принадлежали ея мужу. Вообще, она нигдѣ и никакихъ правъ, кромѣ своихъ не признавала. Соловой говорилъ про нее, что она и на молитвѣ извѣстныя слова: «да будетъ воля Твоя» читаетъ такъ: «да будетъ воля моя». Сама мать не узнала ея послѣ свадьбы и увидѣла въ ней достойную себѣ дочь, которая никогда никакихъ резоновъ слушать не будетъ, а всегда все сдѣлаетъ по своему. Она умерла поэтому спокойная и только нѣсколько скорбѣла о томъ, что не могла такъ же пристроить старшую дочь, какъ пристроила младшую.

Надежда Николаевна первый годъ своего замужества много выѣзжала, но потомъ, когда у ней родился ребенокъ, она не знала, что съ нимъ дѣлать. На помощь къ ней явилась тогда сестра. Марья Николаевна, тогда сама еще не старая женщина, жила уже въ домѣ генерала въ качествѣ чего-то такого—бонны ли, экономки или гувернантки — никто хорошенько не зналъ. Объ настоящемъ ея ходило много сплетень, о прошедшемъ тоже говорили съ двусмысленной улыбкой; говорили, что въ жизни ея была какая-то романическая исторія, вслѣдствіе которой она и отъ замужества отказалась, и съ матерью поссорилась. Но этого достовѣрно никто, даже сестра ея не знала; со смертью матери эта тайна ушла въ могилу. Марья Николаевна о своемъ прошломъ никогда не говорила, а въ настоящемъ это была очень обыкновенная женщина, которая рѣшительно ничего романическаго въ себѣ не имѣла. Вѣчно суетливая, озабоченная, она всегда имѣла такой видъ, какъ будто боялась куда-то опоздать. Разрываясь на части между домомъ генерала, который безъ нея жить не могъ, и сестринымъ домомъ, гдѣ на ея попеченіи былъ новорожденный ребенокъ, она ужь на всю жизнь пріобрѣла себѣ манеру куда-то торопиться; она даже въ одной комнатѣ не могла долго просидѣть.

За ней Надежда Николаевна жила, по словамъ всевидящей прислуги, какъ за каменной оградой. Всѣ ея дѣти, одинъ за

однимъ, переходили на ея попеченіе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ дѣти генерала были отданы въ учебныя заведенія. Надежда Николаевна совсѣмъ избавилась тогда отъ домашнихъ заботъ; она скучала, искала себѣ развлеченій, жаловалась на то, что жизнь ея не полна, монотонна, что молодость ея проходитъ даромъ. Наконецъ, развлеченіе нашлось.

У мужа ея былъ братъ, котораго она изрѣдка видала, о которомъ много слышала, какъ о молодомъ человѣкѣ, начавшемъ свою жизнь очень бурно. Она сама искала въ жизни бурь. Братъ этотъ заинтересовалъ ее. Послѣ шумно проведенной зимы, которую она всю протанцовала до упаду, не переставая жаловаться на скуку, она уѣхала съ мужемъ на лѣто въ деревню. Туда же пріѣхалъ на мѣсяцъ или на два и братъ его, тогда еще двадцатитрехлѣтній молодой человѣкъ, почти ровесникъ Надеждѣ Николаевнѣ. Она съ перваго же дня стала называть его голубчикомъ и цѣловать его въ лобъ. Онъ былъ очень недуренъ собой, ловокъ и смѣлъ въ обращеніи. О женщинахъ онъ говорилъ свысока, увѣряя, что онѣ—тормазъ всякаго развитія и не имѣютъ даже вѣрнаго понятія о томъ, что̀ такое добро и зло.

Жизнь въ деревнѣ была не такъ однообразна, какъ этого можно было ожидать. Надежда Николаевна перестала жаловаться на скуку, съ утра одѣвалась вся въ прозрачную кисею, дѣлала себѣ прическу изъ локоновъ и сама шла съ дѣтьми гулять, что̀ прежде всегда дѣлала нянька. На этой прогулкѣ она рѣдкій разъ не встрѣчалась съ своимъ бо-фреромъ, который тогда лечился отъ какой-то болѣзни и каждое утро съ бутылкой минеральныхъ водъ ходилъ по рощѣ. Роща эта высокая, но рѣдкая, изъ необыкновенно прямыхъ и красивыхъ сосенъ, содержалась очень чисто и вся была невелика, такъ что встрѣча въ ней была почти неизбѣжна. Ни чащи, ни кустовъ, ни высокой травы, а только ровный песчаный грунтъ, усыпанный сосновыми иглами, да прямыя, точно мачты, деревья, съ вѣчнымъ глухимъ шумомъ въ вышинѣ. Въ одномъ мѣстѣ даже лавочки были поставлены и выкрашенный въ зеленую краску, круглый деревянный столъ; но никто тутъ никогда не сидѣлъ, а только дѣти иногда лазили по скамейкамъ и прыгали оттуда на песокъ. Мѣсто это такъ и можно бы обозначить на картѣ, какъ любимое мѣстопребываніе дѣтей Надежды Николаевны, которая обыкновенно и оставляла ихъ тутъ съ строгимъ приказаніемъ не шалить, а сама шла съ своимъ бо-фреромъ дальше, бо̀льшею частію до рѣчки, гдѣ роща ужь кончалась.

Нельзя сказать, чтобы при этомъ разговоры ихъ были сантиментальные. Напротивъ, они говорили даже рѣзко, потому что

оба были характера неуступчиваго. Все, что̀ бы Надежда Николаевна ни сдѣлала, молодой человѣкъ тотчасъ же начиналъ критиковать.

— Зачѣмъ это, говорилъ онъ ей:—вы въ локонахъ ходите? Развѣ это прилично въ деревнѣ ходить въ локонахъ? Въ деревнѣ надо вести простую жизнь. Ситцевое платье и больше ничего.

— Я терпѣть не могу, возражала ему на это его красивая невѣстка:—когда мужчины вмѣшиваются не въ свое дѣло.

— Мнѣ жаль не васъ, конечно, продолжалъ онъ:—а мнѣ жаль вашихъ дѣтей. По моему, это—варварство одѣвать ихъ та̀къ, какъ будто вы ихъ куда-нибудь въ Тюльери ведете на гулянье.

— Еслибъ мнѣ даже мужъ сталъ дѣлать такія замѣчанія, такъ я бы и ему сказала, что это—не его дѣло.

— Это—ваше счастіе, что вы напали на такого мужа.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Еслибъ я былъ на мѣстѣ вашего мужа, я бы заставилъ васъ слушать мои замѣчанія.

Надежда Николаевна вспыхивала до ушей.

— Еслибъ я была вашей женой, говорила она:—я бы васъ черезъ недѣлю бросила.

Онъ при этомъ съ усмѣшкой смотрѣлъ на нее и замѣчалъ, что у нея очень выразительные глаза и что выступившій у нея отъ гнѣва румянецъ очень идетъ къ ней. Но и послѣ этого онъ не только не уступалъ ей, а часто доводилъ ее своими дерзостями чуть не до слезъ. Вѣроятно, это ей нравилось, однакожь, потому что на слѣдующее утро она точно также искала съ нимъ встрѣчи, какъ и наканунѣ. При мужѣ она держала себя съ нимъ свободно, называла его по прежнему голубчикомъ, цѣловала въ голову и даже при этомъ иногда шутя обнимала его. Онъ никогда не отвѣчалъ ей на эти родственныя ласки и принималъ ихъ молча. Мужъ ея, который имѣлъ маленькую слабость ревновать ее ко всѣмъ мужчинамъ, тутъ оставался совершенно спокоенъ.

Время шло. Надежда Николаевна продолжала опасную игру въ любовь. Мужа она никогда не любила. Тѣ поклонники, которые у нея были до сихъ поръ, удовлетворяли только ея тщеславію. Но вотъ явился, наконецъ, человѣкъ, который затронулъ ея сердце. Онъ покорилъ ее тѣмъ, что̀ могло бы оттолкнуть другую женщину—вѣчнымъ постояннымъ противорѣчіемъ ей. Ей показалось это странно и ново. Ей захотѣлось его любви; а отказать себѣ въ своемъ желаніи она не умѣла, да и не пробовала никогда.

— Я несчастна! говорила она себѣ:—моя молодость пропадаетъ

даромъ. И эта мысль даже озлобляла ее. Ничто такъ не ожесточаетъ человѣка, какъ воображеніе, что другіе заѣдаютъ его вѣкъ. Ни разу сожалѣніе къ мужу не шевельнулось у нея въ душѣ, когда она задумывала измѣну ему. Какъ могла она сожалѣть своего перваго, своего главнаго врага, который хотѣлъ загубить ея молодость! Къ тому же, она слишкомъ была занята мыслью о томъ, какъ обставить эту измѣну такъ, чтобы она осталась тайною для всѣхъ. Ее занимала теперь чисто внѣшняя сторона; внутреннее содержаніе вопроса было давно ужь рѣшено. Ея взглядъ на вещи былъ такой: главная цѣль жизни есть счастье. И, какъ всѣ люди, разсуждающіе такимъ образомъ, она смотрѣла легко на то, что̀ другіе называютъ долгомъ или совѣстью. Она всегда въ оправданіе себя находила тысячу софизмовъ и, по легкому взгляду своему на всѣ великіе вопросы жизни, тотчасъ же этими софизмами и удовлетворялась. Соловой однажды, въ самый разгаръ ея разсужденій о томъ, что̀ нравственно и что̀ безнравственно, сказалъ ей:

— Вы на все великое смотрите черезъ уменьшительное стекло, а на все, нестоющее вниманія, черезъ увеличительное. Впрочемъ, прибавилъ онъ, нѣсколько подумавши:—васъ за это и винить нельзя. Женщины всѣ почти таковы.

И, дѣйствительно, Надежда Николаевна была такова: простое какое нибудь несоблюденіе свѣтскихъ приличій въ отношеніи ея она казнила безпощадно, называя это и безтактностью, и необразованіемъ, и всѣмъ, что̀ ей только тогда на языкъ попадалось. Но когда сама она дѣлала какую нибудь грубую ошибку въ жизни, она винила тогда не себя, а глупый складъ нашей жизни, глупые законы, общественные или государственные. Единственную ошибку, которую она признавала за собой, это— ту, что она позволила себя выдать замужъ. Объ этомъ она не разъ ужь говорила, по привычкѣ многихъ замужнихъ женщинъ жаловаться на свою судьбу; но въ то лѣто, когда она встрѣтилась съ Николаемъ Павловичемъ, это сдѣлалось любимой тэмой ея разговора.

— Вотъ, говорила она:—какое преступленіе дѣлаютъ тѣ матери, которыя дочь, еще ребенка почти, выдаютъ замужъ.

Онъ никогда на эти вызывающія слова̀ ей не отвѣчалъ, но часто потомъ сидѣлъ задумавшись. Ему съ каждымъ днемъ яснѣй становилось, ка̀къ непрочно счастіе его брата. Онъ горячо любилъ своего брата, и это открытіе сразило его. Онъ сталъ сожалѣть о томъ, что пріѣхалъ такъ не во̀-время, какъ бы для того только, чтобъ открыть чужую тайну. Еслибъ этотъ человѣкъ не былъ его братъ, онъ бы, конечно, и не сталъ такъ уп-

рекать себя. Что за дѣло до того, что молодая, красивая женщина жалуется на свое несчастье. Мало ли есть несчастныхъ женщинъ! Но зачѣмъ она жаловалась ему? Зачѣмъ она дѣлала его какъ бы судьей между нею и его братомъ? Нѣсколько разъ онъ порывался даже уѣхать, но всегда, по непонятнымъ для себя причинамъ, оставался. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе онъ старался избѣгать всякихъ щекотливыхъ вопросовъ о семейномъ счастіи, объ ошибкахъ въ выборѣ, о несходствѣ характеровъ. Онъ сталъ холоденъ, сдержанъ, говорилъ или общими мѣстами, или о предметахъ, очевидно неинтересныхъ для женщины и которые ужь никакимъ образомъ на семейное счастіе не могли свернуть.

Но съ той минуты, какъ онъ не выбралъ единственнаго остававшагося ему благоразумнаго исхода—уѣхать отъ брата совсѣмъ—онъ погибъ. Борьба съ такой искусной и опытной кокеткой, какъ Надежда Николаевна, была ему, тогда еще слишкомъ молодому и неопытному человѣку, не подъ силу. Онъ не понималъ тысячи ея уловокъ, которыми она опутывала его сознательно, чтобы увидать его у своихъ ногъ и услыхать отъ него преступное сознаніе въ своей любви. Первое время онъ былъ обманутъ ея родственными чувствами и родственными ласками. Когда она, при мужѣ, какъ бы шутя, брала его подъ руку и при этомъ глядѣла на него своими нѣжными, потемнѣвшими глазами, онъ проклиналъ себя внутренно за то, что не можетъ отвѣтить ей тѣмъ же спокойнымъ, дружескимъ чувствомъ. Онъ съ ужасомъ сталъ замѣчать, что эта женщина—несовсѣмъ посторонняя для него, но и не то, чѣмъ должна бы быть жена его брата. Каждодневныя встрѣчи на прогулкахъ ни мало не способствовали тому, чтобы потушить его чувства. Онъ хотя и смѣялся вслухъ надъ ея локонами, но втайнѣ любовался ими. Всякое ея движеніе онъ находилъ полнымъ граціи; ея капризъ, даже ея гнѣвъ восхищали его. Она, конечно, тотчасъ же предложила ему свою дружбу и стала говорить о томъ, что она, хотя по годамъ и ровесница ему, но, по опытности, на десять лѣтъ старше. Онъ увѣровалъ въ безмятежный покой ея души и въ ея родственныя чувства къ нему. Не будучи никогда пуристомъ въ отношеніи женщинъ, онъ ни разу и мысли даже не допускалъ о возможности вторженія въ семейное счастіе брата, котораго онъ глубоко уважалъ.

— Дà, она мнѣ нравится, говорилъ онъ себѣ.—Но что же изъ этого? Неужели мнѣ бѣжать отсюда? Напротивъ, я долженъ остаться, чтобы пережить это чувство, чтобы оно перегорѣло во мнѣ, потухло, оставляя только ту родственную теплоту, которую

я долженъ чувствовать къ женѣ моего брата. Бѣжать отсюда значило бы подвергаться опасности новой встрѣчи и новой любви или обречь себя на вѣчную разлуку съ братомъ. У насъ есть разсудокъ, наконецъ, есть сила воли. Желать вещи невозможной еще можно, но продолжать желать ея, убѣдившись въ ея невозможности—безумно! Я могъ бы влюбиться въ англійскую королеву; но англійская королева никогда не будетъ принадлежать мнѣ, и я смиренно отойду прочь, и любовь моя потухнетъ—и такъ все въ этомъ мірѣ.

Если, говорилъ онъ:—человѣкъ въ критическія минуты не подчиняется разсудку, а чему нибудь другому, онъ самъ себя этимъ казнитъ и надѣваетъ на себя вѣчное клеймо негодности. Онъ не зналъ тогда, конечно, что произносилъ приговоръ себѣ и что это позорное клеймо онъ наложитъ на себя самъ, отуманенный женской красотой, забывая волю и разсудокъ передъ чарующимъ вліяніемъ женскихъ глазъ.

Если прежде, обманутый чувствами своей невѣстки и надѣясь на ея нравственную поддержку, на ея холодность къ нему и вѣрность мужу, онъ не поборолъ своей страсти и не призвалъ на помощь своего разсудка, то послѣ, когда обманъ открылся, когда съ каждымъ днемъ яснѣй становилось, чего хочетъ эта женщина, онъ только быстрѣй пошелъ по той дорогѣ, которая ведетъ къ паденію, потому что обманъ родного брата, и обманъ такой позорный, былъ паденіемъ и для него не менѣе, чѣмъ для нея.

Первое время Надежда Николаевна старалась больше подѣйствовать на его внѣшнія чувства. Она знала, что мужчина прежде всего смотритъ на наружность. Она выходила къ нему то одѣтая какъ картинка, то полу-одѣтая, въ одной утренней блузѣ; она заставляла его подавать себѣ умываться, чесалась передъ нимъ, распуская свои длинные, бѣлокурые волосы, и все это дѣлала съ такой наивной простотой, которая еще болѣе кружила ему голову. Но потомъ, когда она убѣдилась, что съ этой стороны сдѣлано достаточно, она вдругъ перемѣнила обращеніе: она стала удаляться, сдѣлалась болѣе задумчивой, болѣе сентиментальной; въ обращеніи ея вдругъ пропала прежняя свобода. Это былъ сигналъ; явное указаніе на то, что «намъ надо избѣгать другъ друга». Она больше не пожимала ему руки, не цѣловала его въ голову, а только какъ-то печально, задумчиво смотрѣла на него. Сентиментальность необыкновенно какъ шла къ ней; она окружила ее какимъ-то ореоломъ женственности, которой не было у нея въ другое время, при ея вспыльчивомъ, жесткомъ характерѣ. Она не разставалась почти съ дѣтьми, которыхъ не отпускала отъ себя ни на шагъ, а только съ той же

печалью смотрѣла на нихъ, какъ будто перенося на нихъ ту нѣжность, которую не смѣла перенести на другого. Для влюбленнаго въ нее страстно Солового такое положеніе становилось невыносимо; ему казалось, что она таетъ и страдаетъ у него на глазахъ. Онъ рѣшилъ одно изъ двухъ: уѣхать или признаться. Онъ думалъ, что это въ его власти, но это вполнѣ зависѣло отъ нея. Когда женщина захочетъ довести влюбленнаго въ нее мужчину до признанія, то онъ, если не возьметъ тотчасъ же экстренный поѣздъ и не уѣдетъ безъ оглядки — погибъ безвозвратно.

Неравная борьба между самонадѣяннымъ, но неопытнымъ человѣкомъ и опытной женщиной кончилась. Къ чести его нужно сказать, что онъ боролся съ своимъ чувствомъ гораздо долѣе, чѣмъ она. Она, какъ мы видѣли, внутренно почти и не боролась, а то время, которое онъ употребилъ на эту борьбу, она употребила только на то, чтобы отнять у него волю и довести его до сознанія, что не однѣ только женщины лишены вѣрнаго понятія о томъ, что̀ такое добро и зло.

Ее одно только и пугало, чтобы это чувство долга не остановило его; сама она перескочила черезъ него легко, опять таки по отсутствію тѣхъ понятій о великомъ и нравственномъ, за которые онъ такъ часто упрекалъ ее.

Но развѣ онъ, сдѣлавшись теперь ея сообщникомъ, лучше былъ въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ она? Она съ какимъ-то торжествомъ созналась себѣ, что они стоятъ теперь оба на одномъ уровнѣ. Ее радовало то, что онъ спустился до нея. Теперь они связаны навѣки. Она чувствовала въ себѣ достаточно силы для того, чтобы не выпустить болѣе этого человѣка изъ своихъ рукъ. Ея любовь была куплена такою дорогою цѣною, что онъ не могъ теперь легко разстаться съ нею.

III.

Такъ кончился первый актъ этой драмы, которая черезъ много лѣтъ должна была разыграться очень печальной катастрофой. Объ этой катастрофѣ не думалъ тогда ни одинъ изъ влюбленныхъ, а менѣе всего, конечно, Надежда Николаевна. Всѣ ея мысли были поглощены теперь новой борьбой, которая, начавшись съ этой минуты, никогда уже потомъ и не прекращалась. Она, привыкшая до сихъ поръ къ спокойной любви мужа, и не то, чтобы къ покорности его, а къ какой-то пассивности, которая оставляла ей полный просторъ дѣйствовать какъ ей вздумается,

она, не видавшая до сихъ поръ противорѣчій и никакого серьёзнаго отпора, вдругъ увидѣла себя лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который неспособенъ былъ ни на какія уступки и самъ былъ деспотомъ не менѣе ея. Разсчитывая на силу своей красоты, она вздумала было сначала принять съ нимъ повелительный тонъ. Но съ первыхъ же дней она увидала, къ величайшему своему изумленію, что это будетъ не такъ легко, какъ она думала.

Однажды она, при мужѣ и при нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ, восхваляла какого-то генерала, который, по ея словамъ, былъ замѣчательный военный геній. Нѣкоторые промолчали, потому что не знали ничего объ этомъ генералѣ; другіе же стали вѣжливо оспоривать. Надежда Николаевна, если разъ что нибудь сказала, никогда ужь потомъ изъ самолюбія не уступала и никого слушать не хотѣла. Генералъ былъ геній, говорила она, это она знала навѣрное, и это всѣ скажутъ, и къ тому же она читала его записки, и тамъ изъ каждой строчки видно, что онъ—геній. Какъ и многіе вспыльчивые люди, она всякое серьёзное противорѣчіе въ спорѣ считала личной обидой себѣ. Поэтому, замѣтивши, что барыня сердится, изъ благоразумія поспѣшили ей уступить.

— Этотъ генералъ былъ просто ловкій пролазъ, замѣтилъ Соловой:—то, что̀ называютъ исполнительный человѣкъ. Ему говорятъ: ѣшь! онъ ѣстъ, бѣги! онъ бѣжитъ. Аракчеевъ любилъ исполнительныхъ людей—вотъ онъ и пошелъ въ ходъ.

— А его послѣднее сраженіе? сказала, вспыхнувъ, Надежда Николаевна.—Вы читали объ немъ.

— Да̀, онъ велъ себя, какъ Фридрихъ Великій.

— Я, конечно, не сравниваю его съ Фридрихомъ Великимъ, начала она, видимо уже раздраженная.—Я никогда не дѣлаю такихъ нелѣпыхъ сравненій...

— Вы не дали мнѣ договорить. Онъ велъ себя, какъ Фридрихъ Великій въ первой своей компаніи: онъ струсилъ и убѣжалъ.

Надежда Николаевна покраснѣла еще сильнѣе.

— Вы, вѣроятно, не имѣете понятія, о комъ я говорю, сказала она высокомѣрно.

— Я никогда не говорю о томъ, о чемъ я не имѣю понятія, отвѣчалъ онъ ей съ удареніемъ.

Она даже поблѣднѣла. Наканунѣ только, этотъ человѣкъ клялся ей въ свей любви, увѣряя ее, что онъ жизнь свою готовъ положить къ ея ногамъ. Противорѣчіе это показалось ей дерзостью, за которую она рѣшила въ душѣ строго наказать его.

— Я совершенно остаюсь при томъ мнѣніи, повторила она, стараясь казаться хладнокровной:—что вы не знаете, объ комъ вы говорите. Тутъ, вѣроятно, есть какое нибудь недоразумѣніе.

— Рѣшительно никакого. Вы просто не хотите понять, что кто нибудь можетъ быть неодинаковаго мнѣнія съ вами. А между тѣмъ, это—вещь такая обыкновенная, что вамъ непремѣнно надо со временемъ привыкнуть къ этому. Постарайтесь пріучить себя къ мысли, что всякій разсуждаетъ по своему и что ваши взгляды, хотя, можетъ быть, весьма справедливые и весьма разумные, рѣшительно ни для кого не обязательны.

Несмотря на внѣшній видъ хладнокровія, въ словахъ споривших слышалось тайное раздраженіе. Ихъ видимо сдерживало только присутствіе постороннихъ. Мужъ Надежды Николаевны поспѣшилъ вмѣшаться и перевелъ разговоръ на другой предметъ. Послѣ, оставшись съ братомъ наединѣ, онъ сказалъ ему:

— Ты, пожалуйста, извини иногда Надю. Она рѣзка немножко, но у нея доброе сердце. Она и сейчасъ ужь, я пари держу, не помнитъ, что̀ тебѣ говорила.

— Это—извиненіе плохое. Всякій, напротивъ, долженъ помнить, что̀ онъ говорилъ.

— Это отъ характера зависитъ; другой погорячится, но сейчасъ же все и забудетъ.

— Такіе характеры надо обуздывать, если они сами себя не обуздываютъ.

Старшему брату не понравилась такая нетерпимость въ младшемъ, и онъ не продолжалъ съ нимъ этого разговора. Но, не желая оставить роли примирителя, онъ обратился потомъ къ женѣ.

— Ты, пожалуйста, будь осторожнѣе съ братомъ. Если ты будешь такъ съ нимъ при постороннихъ говорить, онъ тебѣ и не то еще скажетъ.

— Что̀ же онъ такое мнѣ скажетъ?

— Ты знаешь, какой онъ человѣкъ. У него доброе сердце, но онъ горячъ; онъ очень горячъ.

— Поэтому ты находишь, что онъ можетъ выходить изъ границъ, и мы должны позволять ему это? Нетолько я не позволю ему этого, но я еще намѣрена показать ему, что онъ долженъ со мною быть очень остороженъ.

— Смотри, ты его не передѣлаешь. Это поведетъ только къ непріятностямъ.

— Я его не передѣлаю? (какіе пустяки! добавила она мысленно). Я и не намѣрена, впрочемъ, передѣлывать его, продолжала она вслухъ.—Но я заставлю его помнить, что въ моемъ

домѣ онъ обязанъ мнѣ уваженіемъ, и повѣрь, что твой братъ— неглупый человѣкъ, онъ пойметъ это.

На другой день, Надежда Николаевна была холодна, суха и едва говорила съ своимъ бо-фреромъ. Вечеромъ, когда были гости и ей для партіи пришлось сѣсть съ нимъ въ преферансъ (она въ карты играла только тогда, когда недоставало партіи), она съ убійственной холодностью говорила ему:

— Потрудитесь снять! Не угодно ли вамъ открыть!

И больше ни слова. Изрѣдка она бросала на него полные значенія гнѣвные взгляды, но онъ сидѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало и игралъ даже съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

На другой день, она усилила свою холодность; въ голосѣ ея явилось что-то непріятное, отталкивающее, что̀ является всегда у женщинъ, когда онѣ хотятъ досадить кому-нибудь. Выраженіе лица у нея было неестественное, натянутое, какъ бы говорившее: если вы теперь подойдете ко мнѣ, вы сдѣлаете большую ошибку; я желаю быть какъ можно дальше отъ васъ. Всѣ эти уловки были ей совершенно новы; она отыскивала ихъ по инстинкту, потому что съ мужемъ ей не приходилось употреблять ихъ: съ мужемъ она прямо брала крикомъ; на него она всегда съ гнѣвомъ набрасывалась, а онъ, по невозмутимому спокойствію своего характера тотчасъ же ей уступалъ. Но тутъ, она видѣла, такой способъ никуда не годится. Ка̀къ накинуться на человѣка, который самъ способенъ отвѣтить тысячью дерзостей? Къ чему это могло привести ее?

Поэтому она избрала другой путь. Она сказала себѣ:

— Я буду холодна, невнимательна. Онъ влюбленъ. Онъ этого не перенесетъ и черезъ день будетъ у моихъ ногъ. Я скажу ему, что я оскорблена, и мы должны разстаться. Онъ скажетъ, что разлука для него невыносима; лучше смерть, чѣмъ разлука. Я скажу, что это ему только такъ кажется, что, еслибы онъ любилъ меня дѣйствительно, онъ не сталъ бы оскорблять меня. Потомъ я прощу его.

По этому плану она открыла компанію. Но, къ ужасу своему, она скоро замѣтила, что и этотъ планъ не годится. Соловой, и виду даже не показывая, что его безпокоитъ ея гнѣвъ, уѣхалъ на нѣсколько дней въ городъ, потомъ, вернувшись, самъ уже мало обращалъ на нее вниманія и мало говорилъ съ ней. Это ее совсѣмъ сразило; у нея сердце замерло отъ мысли, что онъ можетъ охладѣть къ ней. Она попробовала сдѣлаться больной, не ѣла ничего за обѣдомъ, жаловалась на головную боль—мужъ тронулся, но онъ нисколько. Онъ еще ушелъ на охоту и вер-

нулся только поздно вечеромъ, такъ что она его въ этотъ день больше и не видала.

Что̀ это было? упрямство или равнодушіе? Если упрямство, такъ она надѣялась еще его сама переупрямить. Но если равнодушіе?.. Она не спала всю ночь и, на самомъ дѣлѣ, чуть не заболѣла, раздумывая о томъ—уступить ей или подождать еще. Сердце говорило ей: уступи! Минутами она готова была бѣжать къ нему и, обливаясь слезами, просить его, чтобъ онъ простилъ ей. И затѣмъ послѣдовало бы сладкое примиреніе, и все было бы забыто. Но минутами какой-то злой духъ шепталъ ей: онъ самъ только выдерживаетъ характеръ, не покоряйся! И она, приподнимаясь тогда на подушкѣ, съ блистающими глазами, говорила себѣ: не покорюсь! Какъ и всегда почти, злой духъ бралъ верхъ.

Она на другое утро выходила холодная, какъ могила, и потомъ весь день ужь не снимала съ себя этой ледяной маски. Такъ уходили дни за днями. Онъ молчалъ, она—тоже. Мужъ, замѣтившій между ними эти холодныя отношенія и не видѣвшій возможности примирить ихъ, втайнѣ ужь началъ желать, чтобы братъ уѣзжалъ поскорѣе. Разъ онъ высказалъ это и женѣ. Та похолодѣла отъ ужаса. Разлука при такихъ условіяхъ могла быть уже вѣчной разлукой! А потерять его, она чувствовала это теперь, значило бы для нея потерять все въ жизни. Она безумно любила его.

Любовь взяла, наконецъ, верхъ. Вдругъ, все какъ-то разомъ померкло передъ нею: самолюбіе, упрямство, желаніе поставить на своемъ; ничего не оставалось, кромѣ безумнаго желанія удержать его, не дать ему уѣхать въ такомъ настроеніи. Уступить теперь значитъ уступать и впредь. Она понимала это хорошо, и все-таки настала минута, когда она не выдержала: она первая подошла къ нему.

Когда она стала, путаясь въ словахъ, просить его, чтобы онъ не сердился больше на нее, онъ молча обнялъ ее и долго не могъ сказать ей ни слова. У обоихъ сердце такъ наболѣло, что они не могли говорить; у обоихъ на глазахъ были слезы.

— Я мучился не меньше тебя, сказалъ онъ ей на ея признаніе, что она была очень несчастна.

И все это изъ-за того, что ни одинъ не хотѣлъ первый произнести того слова, которое, какъ оказалось потомъ, такъ легко было произнести. Онъ признался ей самъ, что, еслибъ она не подошла къ нему первая, онъ бы такъ и уѣхалъ, не сдѣлавши ни шагу для примиренія.

— Я готовъ, если нужно, отдать за тебя свою жизнь, но подчиняться твоимъ капризамъ я не могу. Требуй отъ меня чего

хочешь: преданности, вѣчной вѣрности тебѣ, всякихъ жертвъ для тебя, но никогда не пробуй сдѣлать изъ меня то, что̀ ты сдѣлала изъ моего брата. Та̀къ, какъ онъ, я подчиняться женщинѣ не могу и никогда не стану. Я люблю тебя безумно, но, если ты не хочешь сдѣлать несчастными себя и меня, не требуй отъ меня такихъ уступокъ.

Она слушала его молча и инстинктивно чувствовала, что онъ указывалъ ей вѣрный путь, по которому они оба могли бы идти безъ столкновеній и настолько спокойно, насколько это возможно было при ихъ положеніи. Надъ *ней* тяготѣлъ вѣчный страхъ, что откроется что-нибудь мужу, надъ *нимъ*—вѣчныя угрызенія совѣсти. Только время, благодѣтельное время притупило эти чувства. Одна стала меньше бояться, другой сталъ рѣже упрекать себя. Разъ потухнувшее ощущеніе рѣдко уже возобновляется потомъ съ прежней силой. Если человѣкъ сразу надъ чѣмъ-нибудь не остановится, послѣ ему ужь трудно остановиться—привыкаетъ.

Послѣ перваго столкновенія, вызваннаго споромъ о геніальности одного генерала, борьба далеко еще не кончилась. Надежда Николаевна была не такая женщина, чтобы скоро уступить. Когда первый страхъ прошелъ, она опять подняла тонъ. Узнавши, что ея возлюбленный ведетъ несовсѣмъ правильную жизнь, что онъ какъ-то цѣлую недѣлю кутилъ и потомъ въ пухъ и прахъ проигрался въ карты, она рѣшилась, наконецъ, сдѣлать ему сцену. Передъ этимъ она нѣсколько разъ уже заводила съ нимъ рѣчь о томъ, что ни одинъ порядочный человѣкъ, который себя уважаетъ, не можетъ напиться пьянъ до такой степени, чтобы не помнить, что̀ онъ дѣлаетъ. Онъ на всѣ такія замѣчанія ея отзывался, что это—узкая женская мораль.

— Человѣкъ, говорилъ онъ:—можетъ дѣлать свободно все то, что̀ не вредитъ другому.

— Можетъ даже забывать свое достоинство? сказала она горячо.

— Въ чемъ это, позвольте васъ спросить, состоитъ достоинство? Мнѣ интересно было бы знать, ка̀къ вы его понимаете?

— Я понимаю его такъ, что, если гдѣ чувственная сторона ставится выше разума, такъ тамъ ужь достоинство забыто.

— А вы—поклонница чистаго разума? спросилъ онъ съ насмѣшкой.—Не знаю, ка̀къ вы, а я—рабъ своихъ страстей.

— Да̀, но вѣдь и страсти бываютъ разныя, сказала она, уже начиная внутренно дрожать отъ негодованія.—Есть страсти, которыя не унижаютъ человѣка. Но страсти низкія, животныя, страсть къ водкѣ, напримѣръ...

— Если отъ высокихъ страстей голова иногда трещитъ, такъ водка очень кстати. Нужно вамъ замѣтить, впрочемъ, что я водки никогда не пью; я пью только благородныя вина. Вотъ, и сегодня мнѣ предстоитъ случай пить отличную мадеру, обратился онъ ужь къ брату.

— Гдѣ это такое?

— Тутъ у однихъ закомыхъ. Сегодня вечеромъ будетъ повальное пьянство.

— И вы туда отправитесь? спросила Надежда Николаевна.

— Непремѣнно. Я объ этомъ ужь нѣсколько дней думаю. Я даже приготовляю себя къ этому воздержаніемъ.

Онъ указалъ на пустыя рюмки, стоявшія передъ его приборомъ. Это было за обѣдомъ. Надежда Николаевна ничего на это не сказала ему, но такъ посмотрѣла на него, какъ будто хотѣла, чтобы онъ отъ этого взгляда остался пригвожденнымъ къ мѣсту. Онъ, однако-жь, всталъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Послѣ этого вечера, на которомъ былъ онъ пьянъ или нѣтъ, это ей осталось неизвѣстнымъ, она стала держать себя съ нимъ сухо. Разъ только, почувствовавши порывъ нѣжности къ нему, она остановила его, когда онъ хотѣлъ уходить.

— Я васъ ужо вечеромъ, послѣ театра, жду къ себѣ чай пить.

— Извините, не могу. Я ужо вечеромъ, по всей вѣроятности, буду пьянъ.

Надежду Николаевну какъ водой обдало. Она отшатнулась отъ него и гордо отвѣтила:

— Пьяныхъ я, конечно, къ себѣ въ домъ не зову.

— Я, поэтому, и не буду имѣть чести быть у васъ.

Послѣ этой выходки его, она рѣшила, при первомъ же случаѣ, какъ только останется съ нимъ наединѣ, наговорить ему тысячу непріятностей. Случай этотъ представился на другой же день. Онъ пришелъ утромъ нахмуренный и недовольный; можетъ быть, послѣ вчерашняго у него болѣла голова, можетъ быть, что̀-нибудь другое, но только онъ былъ не въ духѣ. Мужа не было дома, и Надежда Николаевна видѣла, что объясненію ихъ никто не помѣшаетъ. Она была такъ раздражена сама, что неспособна была въ эту минуту что̀-либо соображать.

— Что̀, вы намѣрены такой образъ жизни долго еще продолжать? спросила она, стараясь поддѣлаться подъ тонъ убійственной холодности.

Онъ обернулся въ ея сторону, замѣтно удивленный.

— Вы это для чего спрашиваете?

— Для того, что мнѣ хотѣлось бы знать, съ кѣмъ я имѣю дѣло—съ порядочнымъ ли человѣкомъ или съ какимъ-нибудь на-

халомъ, который ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ пять дней въ недѣлѣ бываетъ пьянъ.

Первый разъ еще Соловой слышалъ изъ устъ ея такія рѣзкія выраженія. Она показалась ему противна въ эти минуты.

— А вамъ какое дѣло до того, сказалъ онъ запальчиво: — какую я жизнь веду? Я вамъ отчетомъ развѣ обязанъ?

— Да̀, вы обязаны мнѣ отчетомъ, перебила она, уже не владѣя собой, замѣтно дрожавшимъ отъ гнѣва голосомъ.—Вы обязаны отчетомъ женщинѣ, которая вамъ всѣмъ пожертвовала, которая въ ваши руки отдала свою честь! Я могу спросить васъ о томъ, гдѣ вы проводили эти дни, потому что я не увѣрена даже, что вы въ этихъ оргіяхъ не назвали вашимъ пьянымъ пріятелямъ мое имя. У меня есть дѣти, и, если не для себя, то для нихъ я желала бы сохранить его. А я ни одной минуты не могу быть теперь спокойна за то, что оно не выставлено на позоръ. Когда я довѣрялась вамъ, я васъ считала порядочнымъ человѣкомъ. Конечно, еслибъ я могла знать тогда, къ чему это меня приведетъ!..

— Вы напрасно безпокоитесь за свое имя, перебилъ онъ. — Интрига съ вами столько же мало чести дѣлаетъ мнѣ, сколько и вамъ; по этому ужь, если не почему-нибудь другому, вы можете быть спокойны, что я объ ней никогда и не упомяну.

— Человѣкъ въ пьяномъ видѣ не можетъ за себя отвѣчать. Поэтому, я вамъ предлагаю одно изъ двухъ: или оставить эти ваши привычки, или разстаться со мной.

— Вы думаете этимъ напугать меня?

— Я ничего не думаю. Я сказала вамъ, чего я хочу. Ваше дѣло—выбирать.

— Вы больше вѣдь останетесь въ проигрышѣ, чѣмъ я.

— Это почему? спросила она, и при этомъ глаза у нея заискрились.

— Вы будете причиной разрыва, и вы никогда себѣ этого не простите. А я васъ, помните, предупреждалъ, чтобы вы со мной повелительницы не разыгрывали. Я вамъ давно сказалъ, что вамъ меня себѣ не подчинить. И напрасно вы пробуете! Это ни къ чему хорошему не поведетъ.

— Ка̀къ! Вы это называете подчиненіемъ? Я требую отъ васъ, чтобы вы, какъ честный человѣкъ, оберегали мое имя, а вы говорите, что я васъ подчинить хочу!

— Ваше имя для меня свято; но ваши капризы для меня ровно ничего не значатъ. И всякій разъ, какъ вы только будете учить меня, ка̀къ я долженъ жить, я вамъ скажу, что это—не ваше дѣло. Вторгаться вамъ въ свою жизнь я не позволю! Про-

сить меня вы можете объ чемъ вамъ угодно, но приказывать мнѣ—никогда! взыскивать съ меня—еще того менѣе! Неужели вы думали, что я пойду къ вамъ въ кабалу? Да я теперь не только не брошу пить—я теперь каждый день буду пьянъ! Слышите? каждый день. Если это вамъ не нравится, вы можете меня не принимать. Скажите вашему лакею, чтобы онъ меня не пускалъ. Вотъ это—ваше полнѣйшее, святое право. Но замѣчанія мнѣ дѣлать — нѣтъ, Надежда Николаевна! Я замѣчаній ни отъ кого не принимаю.

— Это—самый легкій способъ, конечно, чтобъ дѣлать все, что̀ вздумается. Это, другими словами, значитъ: я знать никого не хочу! Прекрасная мораль! И если всѣ такъ въ жизни будутъ разсуждать, такъ это можно себѣ вообразить, что̀ изъ этого выйдетъ.

— Я не позволяю никому вмѣшиваться въ свою жизнь. Я вчера проигралъ въ карты болѣе трехсотъ рублей. Еслибъ это ваши были деньги, вы могли бы меня казнить за это, вы могли бы пилить меня цѣлый мѣсяцъ; но такъ какъ это—деньги мои, то теперь, если вы вздумаете по этому поводу дѣлать мнѣ замѣчанія, я вамъ скажу, что это — не ваше дѣло.

— Конечно! Вы забываете только одно: что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это касается даже и меня. Это мнѣ показываетъ, что я ошиблась въ человѣкѣ; я думала объ васъ не то, что̀ вы есть на самомъ дѣлѣ.

— Позвольте! я нисколько не отвѣтственъ передъ вами за то, что̀ вы обо мнѣ думали. Вы могли думать обо мнѣ все, что̀ вамъ угодно. Еслибъ я самъ представлялъ вамъ себя въ какихъ-нибудь удивительныхъ краскахъ—дѣло другое. Я себя передъ вами никогда не раскрашивалъ. Даже, сколько мнѣ помнится, я и не скрывалъ отъ васъ, какого рода жизнь я велъ до сихъ поръ. Откуда вы взяли, что я — очень нравственный человѣкъ, я не знаю. Но я-то чѣмъ же виноватъ, помилуйте! Я васъ никогда не обманывалъ. Вы, въ этомъ случаѣ, сами себя обманули.

— Хороша же была ваша любовь, сказала она запальчиво:— когда вы не могли даже перемѣнить вашъ образъ жизни!

— Да я развѣ вамъ обѣщалъ это?

— Конечно, продолжала она, не слушая его:—конечно, еслибъ я знала это, мы всегда были бы посторонніе съ вами.

— Замѣтьте, вы ужь, по крайней мѣрѣ, разъ десять повторили, что, еслибъ вы знали! да еслибъ вы предвидѣли!.. Эти слова̀ всегда оставляютъ осадокъ горечи. Ихъ никогда безъ надобности говорить не слѣдуетъ. Если это—только слова̀, такъ

зачѣмъ же ихъ и говорить! Но если вы, дѣйствительно, раскаяваетесь въ своемъ поступкѣ, такъ его еще можно поправить. Разстаться намъ никогда никто не помѣшаетъ, и я, вы можете быть увѣрены, никогда вашей совѣсти насиловать не стану. Если совѣсть васъ мучаетъ—разстанемтесь.

Надежда Николаевна вдругъ зарыдала.

— Перестаньте! сказалъ онъ поспѣшно.—Васъ прислуга можетъ услышать.

Но она не обратила на это вниманія и продолжала рыдать Онъ подошелъ къ дверямъ посмотрѣть, нѣтъ ли, дѣйствительно. кого-нибудь по близости, и одну изъ нихъ на всякій случай заперъ.

— Перестаньте! повторилъ онъ, стараясь придать своему голосу строгость, которой въ немъ уже не было. Слезы ея пробудили въ немъ опять жалость къ ней и въ то же время возбуждали сомнѣніе въ томъ, искреннія ли онѣ. Онъ скорѣй склоненъ былъ думать, что это дѣлается нарочно, чтобы его тронуть. Поэтому онъ далъ себѣ слово не уступать и, главное, отучить ее сразу, чтобы она впередъ ему такихъ сценъ не дѣлала.

— Послушайте, сказалъ онъ, подходя къ ней:—если вы будете продолжать, я сію же минуту уйду.

Она не переставала рыдать, даже головы не подняла. Онъ взялъ фуражку и, ни слова не говоря, ушелъ.

Она и послѣ него плакала, но уже тише гораздо, во-первыхъ, потому, чтобы прислуга не услыхала, и, во-вторыхъ, потому, что ея никто не утѣшалъ: когда утѣшаютъ, то плакать хочется сильнѣе.

«Что̀ же это такое? думала она. — Что̀ мнѣ дѣлать съ этимъ человѣкомъ? Онъ бить меня, наконецъ, будетъ!»

Эта фраза, которую она сказала себѣ вслухъ, такъ растрогала ее, что она заплакала опять громче и, въ тоже время, стала сожалѣть, что ей не пришло въ голову сказать это ему самому. «Вы меня бить, наконецъ, будете!» Эти слова̀, вѣроятно, сразили бы его. Несмотря на свой умъ, Надежда Николаевна любила иногда грубую соль нѣкоторыхъ намёковъ. Она думала, что, чѣмъ оскорбительнѣе слово, тѣмъ оно скорѣй подѣйствуетъ.

Послѣ ухода Солового долго думала она о томъ, ка̀къ ей теперь поступить. Укорять его, она видѣла ясно, было бы безполезно и ни къ чему бы, кромѣ непріятностей, не повело. Неужели молчать?.. Болѣе всего ее сразило то, что онъ даже на ея слезы не посмотрѣлъ, а ничего не нашелъ лучше, какъ взять фуражку и уйти. Это такъ озадачило ее, что она сама, нако-

нецъ, осушила свои слезы и въ какомъ-то недоумѣніи смотрѣла на ту дверь, въ которую онъ вышелъ.

— Можетъ быть, онъ, однакожъ, самъ теперь мучается не меньше меня!

Эта мысль значительно утѣшила ее. Она пришла къ такому заключенію, что онъ теперь, по всѣмъ вѣроятіямъ, все-таки, броситъ пить, и хотя, можетъ быть, нѣкоторое время и не будетъ говорить съ ней, но образъ жизни свой непремѣнно измѣнитъ.

Она жестоко ошибалась. Онъ не только не бросилъ пить, но даже и мужа ея совратилъ съ пути. Мужъ ея часто теперь говорилъ ей послѣ обѣда:

— Надя, ты ступай, а намъ пришли бутылку коньяку.

Въ другое время, она сдѣлала бы ему сцену, но теперь молча уходила и присылала имъ съ человѣкомъ вино. Сердце ея обливалось кровью, но она думала хоть молчаніемъ своимъ тронуть неумолимаго человѣка. Объ мужѣ она не думала; это былъ какой-то безполезный придатокъ, который могъ пить или не пить— это ей было все равно.

Разъ какъ-то, когда она сидѣла, по обыкновенію, одна, человѣкъ пришелъ сказать ей, что господа приказали просить бутылку коньяку. Ей было совѣстно передъ лакеемъ; она старалась даже не глядѣть на него.

— Да, вѣдь, ты недавно отнесъ имъ бутылку.

— Они еще приказали подать.

Она вынула изъ кармана ключи и, не глядя, подала ему.

— Ступай, возьми въ буфетѣ, сказала она просто.

Обыкновенно, она дѣлала это сама, но теперь ей было это противно. Она съ трудомъ удерживалась, чтобы не заплакать. Какое униженіе! Мужъ и его братъ каждый день на глазахъ прислуги напивались пьяны. И это—въ ея домѣ! Она болѣе часу просидѣла такъ въ темнотѣ, не давая себѣ отчета, о чемъ она думаетъ.

Вечеромъ, когда она пошла зачѣмъ-то въ буфетъ, она съ удивленіемъ увидала, что единственная остававшаяся тамъ бутылка коньяку оставалась цѣла. Она знала, между тѣмъ, что это была послѣдняя и что ее именно спрашивали къ столу. Она позвала лакея.

— Что̀ ты подалъ давеча господамъ?

— Вино-съ.

— Ты что̀-нибудь другое имъ подалъ, не коньякъ. Коньякъ тутъ остался.

— Я не знаю-съ. Они спрашивали коньякъ. Я имъ подалъ-съ. Они ничего не сказали-съ.

— И выпили?

— Пили-съ.

Надежда Николаевна сама пошла въ столовую. И мужъ ея, и его братъ, оба спали мертвымъ сномъ, положивши головы на столъ. Одинъ при этомъ былъ ужь безъ сюртука, а другой нетолько въ сюртукѣ, но еще скатертью себя накрылъ. Передъ ними стояли двѣ откупоренныя бутылки. Надежда Николаевна взяла ихъ посмотрѣть. Одна была пустая, въ другой что̀-то плескалось. Она осторожно попробовала: это была святая вода, которая стояла у нея обыкновенно въ буфетѣ отъ Крещенья до Крещенья. Когда лакея послали за виномъ, то онъ, не зная, гдѣ что̀ стоитъ, взялъ, вмѣсто коньяку, бутылку со святой водой. Господа ему ничего не сказали, потому что господа такъ ужь были пьяны, что сами этого не разобрали. Они спали такъ крѣпко, что и разбудить ихъ теперь не было ужь никакой возможности. Надежда Николаевна такъ ужь и не приказала ихъ трогать; велѣла только со стола убрать.

Часу во второмъ ночи, Николай Павловичъ вышелъ изъ столовой съ мутными еще глазами, но ужь трезвый. Хмѣль выскакивалъ у него какъ-то сразу, оставляя только тупую боль въ головѣ и мрачное настроеніе. Надежда Николаевна это знала и не ложилась спать; она ждала его въ залѣ. Когда онъ вошелъ туда, она, не давая ему опомниться, упала передъ нимъ на колѣни и, схвативъ его за руку и обливая ее слезами, могла только выговорить:

— Ты самъ оставилъ мнѣ право просить тебя...

Испуганный, озадаченный, онъ твердилъ только:

— Что̀ съ вами!

И хотѣлъ ее поднять. Но она, не вставая и не выпуская его руки, прижалась къ ней лицомъ.

— Я могу просить тебя объ чемъ хочу—ты самъ сказалъ это. Послушай же моей мольбы: брось ты это вино. Что̀ ты съ собой дѣлаешь? Неужели ты дѣлаешь это изъ мести ко мнѣ? Такъ вотъ смотри, я на колѣняхъ умоляю тебя...

Онъ силой почти поднялъ ее и посадилъ на стулъ. Онъ самъ теперь бросился къ ея ногамъ и въ какомъ-то безумномъ восторгѣ цѣловалъ края ея платья.

— Ты — чудная женщина! говорилъ онъ ей: — и я не сто̀ю твоего прощенія. Я знаю, что я заставилъ тебя вытерпѣть адскія, невыносимыя муки! я знаю это, потому что я вынесъ ихъ самъ. Прости мнѣ хоть за то, что я, наказывая тебя, наказы-

валъ и себя вмѣстѣ съ тѣмъ. Не думай, чтобы мнѣ было лучше, чѣмъ тебѣ.

— Я такъ люблю тебя, говорила она, закрывая лицо руками:—что, еслибъ ты бросилъ меня теперь, еслибъ ты презиралъ меня, ненавидѣлъ—я бы, все-таки, молилась на тебя.

Онъ отвелъ руки отъ ея лица и, не отрываясь, смотрѣлъ теперь въ ея потемнѣвшіе отъ страсти глаза. Восторгъ примиренія отражался въ нихъ вмѣстѣ съ безграничной какой-то нѣгой и лаской. Послѣ испытанныхъ нравственныхъ мукъ оба чувствовали теперь безконечное блаженство.

Этой сценой закончился второй актъ ихъ драмы. Надежда Николаевна покорилась. Онъ былъ господинъ! она во всемъ отнынѣ рѣшилась уступать ему. Сохраняя свой повелительный и властолюбивый тонъ со всѣми другими, она передъ нимъ однимъ усмиряла себя, а, если и противорѣчила иногда, то слабо. Его желаніе было для нея законъ; она же отъ своихъ желаній для него отказывалась очень легко. Она даже вкусы свои мѣняла въ угоду ему.

Если онъ увидитъ у нея, бывало, романъ на столѣ, онъ скажетъ:

— Что̀ это, вы, что̀ ли, читаете? Неужели вы лучше ничего не нашли!

Если увидитъ какую-нибудь неизмѣримо-нравственную книгу, гдѣ говорится объ идеалахъ и о томъ, что̀ есть прекрасное, онъ тоже замѣтитъ:

— Бросьте вы этотъ вздоръ, пожалуйста!

Ученыхъ книгъ онъ ей тоже не позволялъ читать, потому, говорилъ онъ, что:

— Вы тутъ ничего не поймете. Развѣ вы можете тутъ что̀-нибудь понять?

Онъ допускалъ, что она можетъ читать только путешествія и историческія книги не очень головоломнаго содержанія. Она читала, конечно, и другое, но старалась тогда, чтобы эти книги не попадались ему на глаза. Въ этомъ случаѣ она боялась не его самого, а скорѣй его насмѣшекъ, его длинныхъ разсужденій по поводу того, на что̀ могутъ быть способны женщины и на что̀ онѣ рѣшительно неспособны. Онъ ей нѣсколько разъ такъ неопровержимо доказалъ, что она не можетъ себя считать даже образованной женщиной, что она стала съ тѣхъ поръ избѣгать этихъ разговоровъ.

Первая разлука съ нимъ, когда онъ уѣхалъ по службѣ въ Петербургъ, подѣйствовала на нее очень тяжело. Онъ обѣщалъ ей, впрочемъ, хлопотать о перемѣнѣ службы, чтобы жить съ

ней въ одномъ городѣ. А между тѣмъ, возникъ важный вопросъ о томъ, кàкъ переписываться, не возбуждая подозрѣній? Надежда Николаевна рѣшила сдѣлать посредницей свою сестру съ тѣмъ, чтобы она пересылала ей его письма вмѣстѣ съ своими въ одномъ конвертѣ. Онъ сначала возсталъ противъ этого, но она успокоила его, увѣривши въ преданности своей сестры.

Когда Марья Николаевна узнала все, она долго не могла придти въ себя. Но когда она вздумала говорить сестрѣ о Богѣ и о святости супружескихъ обязанностей, та такъ вспылила, что чуть не рассорилась съ ней на смерть. Два дня продолжались между ними бурныя объясненія. Надежда Николаевна говорила, что она уйдетъ отъ мужа въ монастырь или сдѣлаетъ огласку и уйдетъ къ Николаю Павловичу, что приковать себя насильно къ нелюбимому человѣку она не позволитъ, что она разорветъ всякія цѣпи, что она или сама отравится, или его отравитъ... Много еще ужасныхъ исходовъ придумывала она. Наконецъ, съ ней сдѣлался сильный нервный припадокъ. Марья Николаевна перепугалась на смерть. Видъ физическихъ страданій подѣйствовалъ на нее сильнѣе всего другого.

«Чтò-жы! рѣшила она: — видно ужь этому горю ничѣмъ не поможешь».

Она была въ душѣ немножко фаталистка и на все случавшееся въ жизни смотрѣла, какъ на предопредѣленіе.

— Чтò-жы! сказала она, когда заплаканная Надя при ея входѣ отвернулась, чтобы не продолжать съ ней разговора. — Воля Божія! Выше Бога не будемъ!

И, обнявши сестру, сама горько заплакала. И не только послѣ всѣ любовныя письма пересылала ей подъ своимъ конвертомъ, но даже явилась какой-то охранительцей ея любви. Она Соловаго въ одно время и ненавидѣла, и оберегала, какъ предметъ, дорогой для ея сестры.

Первое время, когда жизнь не вошла еще въ берега и онъ не составлялъ еще почти постояннаго члена семьи въ домѣ брата, ему часто приходилось жить въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ разлукѣ съ Надеждой Николаевной. Но потомъ устроилось какъ-то такъ, что стали жить всѣ втроемъ, и гдѣ служилъ одинъ братъ, тамъ служилъ и другой. Въ обществѣ, гдѣ скорѣй сочинятъ что-нибудь лишнее, чѣмъ оставятъ чтò-нибудь безъ вниманія, тотчасъ же стали ходить темные слухи о томъ, чтò, дѣйствительно, было не далеко отъ истины. Одинъ изъ этихъ намёковъ былъ разъ сдѣланъ и при Соловомъ, но онъ съ искаженнымъ и поблѣднѣвшимъ лицомъ такъ искренно пообѣщалъ разбить голову первому, кто это повторитъ, что съ тѣхъ поръ

ничего подобнаго въ его присутствіи ужъ и не говорили. Надо, впрочемъ, отдать справедливость, что очень немногіе вѣрили этимъ слухамъ. Кто видѣлъ Надежду Николаевну въ обществѣ ея бо-фрера, всѣ почти думали, что, кромѣ родственныхъ отношеній, между ними ничего нѣтъ.

Она такъ искусно, такъ умно поставила себя, что подъ нее, какъ говорится, иголки нельзя было подточить. Правда, что и семилѣтняя опытность немало уже помогала ей въ этомъ. Она давно уже перестала бояться, что интрига ея можетъ открыться когда-нибудь. Она смѣло теперь глядѣла всѣмъ въ глаза, какъ глядитъ опытный артистъ, который знаетъ, что смычекъ не измѣнитъ ему и не возьметъ фальшивой ноты.

Опытность многому научила ее и въ ея отношеніяхъ къ Николаю Павловичу. Давно уже кончились у нихъ тѣ бурныя столкновенія, которыми ознаменовалось начало ихъ любви. Она вглядѣлась въ него пристальнѣе, узнала его хорошенько и съ тѣхъ поръ уже не повторяла своихъ ошибокъ. Мы видѣли, что она покорилась, что она даже въ мелочахъ старалась уступать ему. Но подъ этой внѣшней, видимой покорностью была невидимая для него нить, которою она опутывала его по рукамъ и по ногамъ. Довольный своей побѣдой и ея кажущимся подчиненіемъ, онъ не давалъ себѣ труда вглядываться въ душу этой женщины. А она непрерывно, настойчиво продолжала свою работу: она изучала его; она знала его со всѣхъ сторонъ, знала каждую его привычку, каждую его слабость. И, вотъ, эти-то привычки и слабости и были тѣ неразрывныя нити, которыми она связала его съ собой.

Она поспѣшила вездѣ сдѣлать себя необходимой для него: боленъ ли онъ—она за нимъ ходитъ; не въ духѣ онъ—она его развлекаетъ. Задумалъ ли онъ что̀-нибудь — онъ къ ней идетъ, ей первой разсказываетъ объ этомъ. Она, которая, по его словамъ, не могла понять ни одной серьёзной книги, разъ обсуждала съ нимъ всѣ тонкости юридическаго вопроса въ одномъ запутаннѣйшемъ гражданскомъ процессѣ, который онъ, не будучи тогда еще прокуроромъ, взялся вести въ судебной палатѣ. Онъ нѣсколько вечеровъ сряду сидѣлъ съ ней за толкованіями этого процесса и самъ потомъ признался, что она много помогла ему къ уясненію его. Къ ней онъ приходилъ послѣ всякой непріятности по службѣ, и она, въ обыкновенное время пустая и легкомысленная, съ какимъ-то рѣдкимъ, непонятнымъ ему спокойствіемъ поддерживала его въ тѣ минуты, когда онъ падалъ духомъ.

Онъ не сознавалъ этого, онъ не отдавалъ себѣ въ этомъ от-

чета, но она рѣшительно завладѣла имъ. Они слишкомъ ужь привыкли другъ къ другу, чтобы разойтись теперь и начинать жизнь съизнова. Только страсть его къ ней послѣднее время значительно ослабѣла. Онъ сталъ даже сомнѣваться въ томъ, что любитъ ее. Онъ сталъ какъ будто тяготиться ея невидимымъ, смутно сознаваемымъ вліяніемъ. Встрѣча съ Августой довершила все остальное. Ни одной черты не было въ этой дѣвушкѣ общей съ Надеждой Николаевной: во всемъ рѣшительно онѣ составляли два разные полюса. Это, кажется, больше всего поразило его. Ему показалось, что онъ нашелъ, наконецъ идеалъ, который давно рисовался въ его воображеніи. Преступность его первой любви стала опять тяготить его; онъ находилъ въ ней теперь много и отталкивающаго, и возмутительнаго.

Онъ рѣшилъ покончить съ своимъ прошлымъ. Но онъ не разсчиталъ своихъ силъ. Онъ не зналъ также той, съ которой ему приходилось теперь начать борьбу.

IV.

«Важное извѣстіе! воскликнулъ разъ съ ироніей лордъ Байронъ:—голландцы взяли Голландію»! (Это было въ 1813 г.).

То же почти можно было теперь сказать про генерала. Онъ праздновалъ побѣду: онъ отвоевалъ назадъ нѣкоторыя свои утерянныя права, право спора, напримѣръ, въ своемъ собственномъ домѣ. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ опять, не стѣсняясь присутствіемъ Соловаго, осуждать вкривь и вкось міровые и политическіе вопросы. Всякій разъ, какъ Соловой былъ занятъ чѣмъ-нибудь другимъ и нельзя было опасаться его критическихъ замѣчаній, генералъ шелъ отыскивать Отто и говорилъ ему:

— Ну что̀? Ваши позитивные философы, я слышалъ, еще одну книгу написали. Теперь ужь можно цѣлый сундукъ набить. Купите, смотрите.

Или:

— Что̀ ваши умные англичане? еще не выдумали ли чего? У нихъ вотъ, я вчера-съ читалъ, съ королевы за письма деньги на почтѣ берутъ. Не пиши, значитъ, много! усчитываютъ свою королеву-то.

— У нихъ всѣ и казенные пакеты оплачиваются, отвѣчалъ ему на это инженеръ.

— Ка̀къ же! хорошіе порядки! славные порядки! продолжалъ насмѣшливо генералъ. Англичане съ отца роднаго возьмутъ.

Англіи генералъ не любилъ, но представлялъ ее себѣ какъ-

то смутно. Объ аристократіи тамошней онъ былъ такого мнѣнія, что всѣ старшіе сыновья у лордовъ богаты и пьяницы, а младшіе бѣдны и мошенники. Болѣе всего онъ не любилъ англичанъ за то, что они, по его мнѣнію, не давали Россіи Константинополя и хотѣли оттягать у нея Среднюю Азію. Отто говорилъ ему на это, что въ политикѣ выраженія «оттягать» и «захватить» не должны допускаться, что Константинополь долженъ перейти къ тому, кому онъ самъ пожелаетъ принадлежать, и что ни Англія, ни Россія не имѣютъ права смотрѣть на него, какъ на свою добычу.

Вообще, Отто во взглядахъ своихъ былъ отъявленный радикалъ, всегда во всемъ стоялъ за неограниченную свободу и даже разъ, на вопросъ о томъ, можетъ ли воръ быть выбранъ депутатомъ въ законодательное собраніе, отвѣчалъ, что «отчего же нѣтъ, если такова воля избирателей?» На эти крайности онъ вызывался, впрочемъ, другими крайностями генерала, который находилъ, что, если людей не обуздать, то они сейчасъ же всѣ другъ друга перерѣжутъ. Ни тотъ, ни другой, конечно, этихъ взглядовъ въ жизни не проводили, а въ теоріи можно было, не стѣсняясь, идти до послѣднихъ предѣловъ. Генералъ, напримѣръ, говорилъ, что, кабы его воля была, такъ онъ всѣхъ новѣйшихъ умниковъ и позитивистовъ отдалъ бы въ монастырь на покаяніе. Но еслибъ его воля была дѣйствительно, то онъ ужь никакъ не послалъ бы ихъ въ монастырь (онъ монаховъ самъ терпѣть не могъ), а скорѣй позвалъ бы ихъ къ себѣ и сталъ бы съ ними спорить до упаду, опровергая ихъ доводами св. писанія.

Отто тоже, хотя и говорилъ, что воръ можетъ быть депутатомъ, если такова воля избирателей, но самъ въ душѣ былъ глубоко честный человѣкъ, даже до мелочности щепетильный въ своихъ разсчетахъ съ подрядчиками и съ казною. Онъ, указывавшій въ спорахъ, куда должно идти заблудившееся человѣчество, на дѣлѣ строилъ только шоссе и мосты и никогда больше ни во что̀ не вмѣшивался. Ни интриги по службѣ, никакіе выгодные порядки его не занимали; никогда, подобно Соловому, не имѣлъ онъ исторій съ начальствомъ. Онъ дѣлалъ свое дѣло молча, сосредоточенно, ни съ кѣмъ изъ сослуживцевъ никакихъ отношеній, кромѣ необходимыхъ по службѣ, не имѣлъ; въ обществѣ бывалъ рѣдко, а въ свободное время читалъ позитивныхъ философовъ и игралъ на цитрѣ. Читалъ онъ много и, зная хорошо иностранные языки, выписывалъ все почти, что̀ выходило замѣчательнаго въ Западной Европѣ. Такимъ образомъ, у него составилась хорошая библіотека, очень рѣдкая у русскихъ, гдѣ

всякій тратится на ѣду, на удовольствія—на чтò хотите, только не на книги. Своими разнообразными свѣдѣніями онъ испугалъ разъ одну барыню, которая, предполагая въ немъ узкаго спеціалиста, сама хотѣла удивить его знаніями, но ошиблась въ разсчетѣ.

— Это удивительно! говорила она потомъ.—Я никогда не видала человѣка, который бы столько читалъ.

До сихъ поръ она привыкла, что всѣ умные люди въ Россіи говорятъ обыкновенно:

— Такая досада! дѣла пропасть, читать рѣшительно некогда.

Отто имѣлъ рѣдкую память и чтò разъ прочелъ, то помнилъ потомъ нѣсколько лѣтъ, но онъ, какъ мы видѣли, не имѣлъ совсѣмъ дара слова и никогда не могъ толково изложить своей мысли другому. Вслѣдствіе этого, онъ избѣгалъ разговоровъ въ мало знакомомъ ему обществѣ. Онъ въ обществѣ обыкновенно угрюмо молчалъ, но, если ужь начиналъ говорить, то рѣдко потомъ останавливался. Съ генераломъ, въ которомъ встрѣтилъ неумолимаго себѣ антагониста во всемъ, онъ способенъ былъ говорить неумолкая по цѣлымъ днямъ и, конечно, еслибъ тотъ болѣе сходился съ нимъ во мнѣніяхъ, онъ не находилъ бы такого удовольствія въ его обществѣ.

Научные споры ихъ были не менѣе азартны, чѣмъ и политическіе. Однажды Отто разсказалъ ему, что недавно прочелъ книгу о вулканахъ, въ которой отрицаютъ, чтобы земля внутри была расплавлена.

— Новѣйшіе ученые сомнѣваются въ этомъ, говорилъ онъ, видимо самъ довольный этимъ сомнѣніемъ. Онъ любилъ, когда новые ученые отрицали что-нибудь въ пику старымъ. Онъ сейчасъ же становился тогда на сторону отрицателей. Всякую новую гипотезу онъ поддерживалъ съ восторгомъ.

— Чтò же земля насквозь вся твердая? спросилъ генералъ съ видимой насмѣшкой.

— Этого навѣрное еще никто не знаетъ, но вотъ новѣйшіе ученые полагаютъ, что она—твердая.

— Да-съ, а почему же это, ежели мы внизъ, вглубь земли спускаемся, градусы тепла все увеличиваются? Ежели бы не было внутри расплавленнаго очага, то откуда-бъ это тепло взялось? Это кàкъ ваши ученые объясняютъ?

Онъ считалъ такимъ вздоромъ это объясненіе новыхъ ученыхъ, что говорилъ объ немъ съ насмѣшкой.

— Это объясняютъ химическими процессами, началъ Отто, очень довольный тѣмъ, что онъ сейчасъ побьетъ генерала.—Полагаютъ такъ, что земля поглощаетъ теплородъ солнечныхъ лу-

чей, и вотъ этотъ теплородъ скопляется въ верхнихъ слояхъ, и тамъ начинаются разные химическіе процессы. Что это именно отъ процессовъ зависитъ, а не отъ внутренняго огня, такъ это вотъ чѣмъ доказывается: еслибъ былъ внутренній какой нибудь очагъ, такъ теплота тогда равномѣрно бы увеличивалась, по мѣрѣ того, какъ вы бы къ этому очагу приближались; тогда бы, чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ теплѣй становилось.

— А по вашему что̀-жь? Чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ холоднѣй?

— Нѣтъ, не холоднѣй, а вотъ что̀ странно: теплота не одинаково увеличивается. Въ одномъ мѣстѣ та̀къ, а въ другомъ иначе. Въ каменно-угольныхъ пластахъ она, напримѣръ, увеличивается скорѣй, чѣмъ въ металлическихъ. Поэтому, нѣкоторые ученые полагаютъ, что тутъ не внутренній огонь играетъ роль, а химическіе процессы, которые въ каменномъ углѣ сильнѣе, чѣмъ въ металлахъ.

— Нѣтъ-съ, милостивый государь, сказалъ генералъ уже запальчиво:—это можно такія объясненія только нетвердымъ умамъ представлять! Химическіе, извольте видѣть, процессы! Это потому, что нынче мода вездѣ химію совать! Нынче съ химіей человѣка хотятъ сдѣлать. И души, говорятъ, не надо; душа—вздоръ! на мѣсто ея будутъ химическіе процессы. Та̀къ и тутъ! Всѣ великіе ученые, Гумбольдтъ даже, ужь на что̀, кажется, умный человѣкъ... (Генералъ остановился, потому что ему показалось, что Отто улыбается). Нѣтъ, Гумбольдтъ-то—что̀, умный, по вашему, человѣкъ?

— Вы досказывайте вашу мысль, замѣтилъ Отто серьёзно.

— Да, такъ и Гумбольдтъ, и Лапласъ тамъ, и всѣ говорили, что, по мѣрѣ, говорятъ, приближенія къ центру земли, температура увеличивается, потому что внутри земля расплавлена, а нынче, изволите видѣть, это—химическіе какіе-то процессы. Вездѣ химія! И въ человѣкѣ химія, и въ землѣ химія!

— Да это—что̀-жь за доказательства! вступился Отто ужь горячо.—Потому что тепло увеличивается въ верхнихъ слояхъ, въ которые человѣкъ только и могъ проникнуть, а развѣ мы далеко проникли? поэтому мы заключаемъ, что тамъ дальше такой жаръ, что все кипитъ. Та̀къ еще нельзя разсуждать! Мы вотъ замѣтили, что на горахъ холоднѣе и что вообще, чѣмъ выше, тѣмъ холоднѣе. Поэтому мы должны заключать, что, по мѣрѣ удаленія отъ земли и приближенія къ солнцу, температура все падаетъ, и тамъ, гдѣ-нибудь на извѣстной вышинѣ, холодъ долженъ доходить до пяти тысячъ градусовъ?

— Этого, милостивый государь, никто не говоритъ, потому

что солнце есть источникъ всякаго тепла—слѣдовательно, чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ теплѣе, а не холоднѣе.

— Однакожь, мы вотъ...

— А то, что это несообразности ваши ученые говорятъ, продолжалъ генералъ, не слушая его:—такъ это мнѣ вулканы доказываютъ! Изверженія вулкановъ мнѣ это доказываютъ!

— Замѣтьте двѣ вещи, говорилъ Отто, едва успѣвая слѣдить за быстрыми полетами его мысли:—замѣтьте, что, вопервыхъ, всѣ вулканы находятся по близости моря, вовторыхъ, что всѣ они выбрасываютъ всегда огромное количество водяныхъ паровъ.

— Ну-съ?

— Объясняютъ это тѣмъ, что морская вода подземными каналами проходитъ въ такое мѣсто, гдѣ особенно сильны химическіе процессы...

— Ежели вы мнѣ это опять химіей будете доказывать...

— Дайте мнѣ договорить-то; вы послѣ можете со мной не соглашаться. При появленіи воды, химическіе процессы усиливаются, развивается огромное количество теплорода, такъ что нѣкоторыя вещества расплавляются, а вода вся обращается въ паръ. Тогда отъ давленія этихъ паровъ и происходитъ то, что̀ называется изверженіемъ. Силу пара вы знаете...

— Слышите! Августа, Надежда Николаевна, идите-ка сюда! кричалъ генералъ въ какомъ-то неистовствѣ.—Слышите, отчего изверженія бываютъ?

— Послушайте, да вѣдь это—гипотеза, говорилъ Отто.

Но генералъ и слушать ничего не хотѣлъ. Онъ призвалъ всѣхъ домашнихъ и заставлялъ Отто разсказать имъ сначала, ка̀къ нынѣшніе ученые объясняютъ вулканы. Отто разсердился и не сталъ разсказывать. Онъ ушелъ въ другую комнату и тамъ, остановившись около этажерки съ книгами, сдѣлалъ видъ, что внимательно разсматриваетъ ихъ. На самомъ дѣлѣ, онъ былъ разстроенъ и неожиданнымъ окончаніемъ этого спора, и, главное выраженіемъ лица Августы, которая на зовъ отца пришла, но съ какимъ-то недоумѣвающимъ видомъ, какъ будто желая показать, что она вовсе не хочетъ вмѣшиваться въ этотъ споръ, и потомъ, онъ ясно замѣтилъ это, она переглянулась съ Соловымъ.

Что̀ значилъ этотъ взглядъ? Насмѣшка надъ нимъ? Но что̀ же было въ немъ смѣшнаго? Неужели то, что̀ онъ говорилъ о научныхъ открытіяхъ, когда они тамъ сидѣли и переливали изъ пустого въ порожнее.

Неизмѣримая злоба противъ Солового, въ которомъ онъ инстинктивно чувствовалъ своего соперника, кипѣла у него на

душѣ. Онъ одинъ теперь во всемъ домѣ догадывался объ отношеніяхъ любимой дѣвушки къ этому ненавистному для него человѣку. Эти догадки были еще смутныя, но онѣ ужь желѣзнымъ кольцомъ охватывали ему сердце. Онъ ощущалъ почти какую-то физическую боль въ груди, всякій разъ какъ видѣлъ ихъ вмѣстѣ. Его ненависть къ Соловому росла съ каждымъ днемъ. До сихъ поръ онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы сдерживать ее въ должныхъ границахъ, но скоро, онъ сознавалъ это, не онъ будетъ управлять своими чувствами, а они имъ.

Вдругъ мысли его обратились на другой предметъ: въ книгѣ, которую онъ машинально раскрылъ, онъ увидалъ конвертъ съ письмомъ. Надписи на конвертѣ не было, а, между тѣмъ, онъ былъ запечатанъ и, какъ можно было судить по наружному виду, вложенъ въ книгу недавно. Отто никогда не вѣрилъ ни въ предчувствія, ни въ какіе тайные голоса, но тутъ онъ вдругъ почувствовалъ непреодолимое желаніе украсть это письмо, не зная еще, что̀ въ немъ заключается и можетъ ли оно имѣть какое-нибудь значеніе для него. Онъ попробовалъ-было закрыть книгу и положить ее на мѣсто, но какой-то сильный внутренній толчекъ измѣнилъ направленіе его руки.

— Нѣтъ, рѣшительно, я украду это письмо, сказалъ онъ самъ себѣ и съ какой-то злостью опустилъ его въ карманъ.

Первый разъ въ жизни онъ дѣлалъ сознательную подлость.

Закрывая книгу, онъ вдругъ съ радостью увидѣлъ, что это была его книга. Это былъ толстый томъ Даля, сборникъ русскихъ пословицъ, который онъ давно когда-то, чуть ли не съ годъ тому назадъ, принесъ по просьбѣ генерала и потомъ забылъ о немъ. Книга эта, какъ не предназначавшаяся для легкаго чтенія, была заложена на самую верхнюю полку и тамъ, очевидно, забыта всѣми. Исторія попавшаго въ нее совсѣмъ свѣжаго письма становилась тѣмъ загадочнѣе. Но то обстоятельство, что это была именно его книга, показалось Отто значительно оправдывающимъ его. Могло, вѣдь, наконецъ, это письмо и къ нему адресоваться, если ужъ оно положено въ его книгу. Онъ хорошо зналъ, что письмо не къ нему, но *могло*, вѣдь, быть къ нему.

Онъ вышелъ въ гостинную только слегка блѣднѣе обыкновеннаго. Надежда Николаевна, которая сидѣла около сестры и помогала ей въ соображеніяхъ какого-то очень труднаго пасьянса, пригласила и его сѣсть около себя. Онъ молча сѣлъ. Занятый постоянно другими мыслями, онъ едва ли даже когда либо замѣчалъ, какія попытки дѣлала Надежда Николаевна, чтобы влюбить его въ себя. Она не могла видѣть равнодушно мужчину,

безъ того, чтобы не испробовать надъ нимъ силу своей красоты. Она съ ранней молодости привыкла къ мысли, что нравится мужчинамъ, и въ этомъ едва ли ошибалась; но она нѣсколько преувеличивала силу своего вліянія. Со всякимъ мужчиной она начинала какую-то безмолвную игру во взгляды и улыбки, собственно только изъ любопытства, чтобы посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ—покоритъ она его или не покоритъ. Эта забава ей всегда очень нравилась. За то женскаго общества она не любила.

— Съ женщинами, говорила она: — не знаешь, о чемъ и разговаривать. Я знаю, что онѣ меня не занимаютъ, да и я ихъ тоже.

— Что̀ вы нынче скучны что̀-то? обратилась она къ Отто, когда онъ сѣлъ около нея съ украденнымъ письмомъ въ карманѣ.—О чемъ это вы давеча спорили?

— О вулканахъ, отозвался Соловой, который сидѣлъ тутъ же и, по обыкновенію, съ книгой. Онъ всегда почти въ общихъ разговорахъ участвовалъ только на половину и непремѣнно что̀ нибудь читалъ, обыкновенно, что̀ первое попалось подъ руку.

Отто въ его голосѣ послышалась ужь насмѣшка; онъ сталъ ждать, не скажетъ ли тотъ еще чего-нибудь такого, на что̀ можно бы отвѣчать дерзостью. Но тотъ ничего больше не сказалъ. Отто и это взбѣсило.

— Вы, вѣрно, что̀-нибудь интересное читаете? спросилъ онъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ.

Тотъ посмотрѣлъ на обертку, какъ бы для того, чтобы узнать сначала самому, что̀ это онъ читаетъ.

— Сочиненія Дружинина, объявилъ онъ коротко.

И продолжалъ чтеніе. Въ эту минуту въ комнату вошла Августа. Отто опять посмотрѣлъ на своего врага: тотъ даже не обернулся, читалъ очень внимательно. На лицѣ Августы былъ отпечатокъ какого-то безпокойства. Первый ея взглядъ былъ не на Солового—напротивъ: она на всѣхъ сначала посмотрѣла, а потомъ ужъ на него, но Отто поймалъ этотъ взглядъ: въ немъ было какое-то не то недоумѣніе, не то упрекъ.

— То, что̀ ты ищешь теперь, у меня въ карманѣ! воскликнулъ про себя Отто.

И онъ ощутилъ какое-то злорадство при мысли о подлости своего поступка. Совѣсть, начинавшая уже мучить его, мгновенно замолкла при видѣ этого бѣглаго, но полнаго значенія взгляда. *Ее* онъ поймалъ окончательно; теперь надо было поймать *его*.

Но онъ былъ на сторожѣ. Онъ не Отто боялся, а Надежды Николаевны. Ему даже Марья Николаевна была страшнѣе, чѣмъ

Отто. Эти двѣ женщины, онъ зналъ, не легко теперь выпустятъ его изъ рукъ. Онѣ казались ему теперь какими-то грозными драконами, и самое спокойствіе ихъ было грозно. Онѣ были спокойны, потому что онѣ ничего не знали. Всякій разъ, какъ Надежда Николаевна останавливала на немъ свои голубовато-сѣрые глаза, онъ чувствовалъ на душѣ что̀-то скверное, какое-то напряженно-выжидательное состояніе, что вотъ-вотъ откроется его обманъ. Въ каждомъ самомъ невинномъ взглядѣ ея онъ видѣлъ заднюю мысль. Тутъ были двѣ женщины, которыхъ онъ одинаково обманывалъ, скрывая отъ каждой, какія отношенія связываютъ его съ другой.

Отто, занятый теперь своими собственными горькими чувствами, конечно, далекъ былъ отъ мысли, что̀ происходитъ въ душѣ его соперника. Онъ считалъ его, напротивъ, счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ и за это еще болѣе ненавидѣлъ его.

— А что̀, не поиграть ли намъ въ карточки? продолжалъ генералъ, ни къ кому въ особенности не обращаясь.

— Я готова съ удовольствіемъ, отозвалась Надежда Николаевна, которой хотѣлось оторвать своего друга отъ книги.

Но Соловой какъ-то даже испугался этого.

— Меня извините, я не могу. Мнѣ надо домой идти.

— Это зачѣмъ? спросила Надежда Николаевна.

— Мнѣ надо къ завтрашнему дню дѣла̀ просмотрѣть. Завтра въ съѣздѣ я даю заключенія. Ни одного дѣла еще не видалъ.

— Ну, пустяки какіе! ляжете попозже.

— Вы меня извините, возразилъ онъ холодно:—но я никакъ остаться не могу.

Надежда Николаевна знала, что въ такихъ случаяхъ противорѣчить ему было бы безполезно—онъ всегда сдѣлаетъ по своему—и ничего больше не сказала.

— Жаль, жаль, замѣтилъ генералъ.—Славно бы теперь пулечку съиграть. А, Марья Николаевна?

— Что̀-жъ, съиграемте. Мы и втроемъ можемъ.

— Да̀, ну, что̀ жъ! въ самомъ дѣлѣ втроемъ. А то останьтесь, обратился онъ опять къ Соловому.

— Рѣшительно не могу.

— Служба прежде всего? а? Ну, что̀-жъ, это хорошо, похвалилъ генералъ, довольный тѣмъ, что пулька, все-таки, составляется. Для насъ это не хорошо, а для службы хорошо.

— Едва ли отъ этого служба выигрываетъ, отозвался вдругъ Отто:—что господа прокуроры чуть не въ самомъ судѣ въ дѣла̀ только первый разъ заглядываютъ. Хорошее, вѣрно, понятіе они объ этихъ дѣлахъ имѣютъ!

— Привычка! замѣтилъ односложно Соловой.

— Привычка? Нѣтъ-съ, по моему, это—недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Я не о васъ, конечно, говорю; присутствующіе исключаются.

— Нѣтъ, мнѣ кажется, что вы говорите именно обо мнѣ.

— Нѣтъ-съ, не о васъ. Въ уѣздъ, напримѣръ, пріѣдетъ прокуроръ,—что̀ это такое? Только и думаетъ, ка̀къ бы поскорѣе удрать. А вѣдь семдесятъ пять рублей авансомъ получаетъ. Гонитъ дѣла̀ во весь духъ, какъ попало. Свидѣтели запоздали — отложить! до слѣдующей сессіи! Какого-нибудь пустаго свидѣтеля нѣтъ, который для дѣла-то и ненуженъ вовсе — отложить! Я, говоритъ, его показанія считаю весьма важными. А арестантъ еще шесть мѣсяцевъ въ острогѣ просидитъ—какая важность! Господину прокурору надо скорѣй въ столицу. У него тамъ абонементъ въ итальянской оперѣ пропадаетъ.

— Чтобы судить объ какомъ-нибудь дѣлѣ, надо хорошо знать его, сказалъ холодно Соловой и тотчасъ же сталъ прощаться съ хозяевами.

Отто самъ ужъ почувствовалъ, что сдѣлалъ неловкость. Онъ сталъ теперь слѣдить за тѣмъ, ка̀къ Августа будетъ прощаться съ его врагомъ; но они простились самымъ обыкновеннымъ образомъ. Только послѣ ухода его, Августа не осталась съ Отто, а какъ-то разсѣянно посмотрѣла на него, сказала ему нѣсколько словъ и ушла играть. Онъ прислушивался и долго не могъ припомнить, что̀ такое она играла. Ему казалось, что эта музыка была написана на его именно чувства, такая въ ней слышалась раздирающая душу тоска. Онъ вспомнилъ, наконецъ: это была интродукція Шопена.

Онъ слышалъ эту пьесу въ концертѣ, въ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней своей жизни, когда ему казалось, что Августа будетъ ему принадлежать. Тогда эта музыка была сладкая, убаюкивающая; въ самой грусти ея было что̀-то сладостное; за печальной интродукціей слѣдовалъ бѣшеный краковякъ, который тогда выражалъ какъ нельзя лучше его собственный восторгъ. Теперь ему невыносимо было слушать его; онъ опять ощутилъ въ груди то чувство физической боли, которое нѣсколько разъ уже въ этотъ вечеръ сжимало его желѣзнымъ кольцомъ.

Онъ всталъ, чтобы идти домой.

Въ залѣ играли въ карты, Надежда Николаевна была очень не въ духѣ, и слышно было, ка̀къ послѣ каждой игры говорила, что терпѣнья нѣтъ никакого, что она это послѣдній разъ въ жизни играетъ. Когда сестра сдѣлала какую-то ошибку, она напала на нее, та—на генерала, генералъ тоже сталъ кричать.

*

— Это вы все! вскричала Марья Николаевна.—Вы меня сбили!

— У васъ, сударыня, есть свой царь въ головѣ! Свой царь!

— Куда ты пики берегла? кричала Надежда Николаевна.

— Вы лапти плетете, сударыня!

— Я не могу такъ играть, выскочила Марья Николаевна:—когда мнѣ подъ руку говорятъ! Я и та̀къ ничего не понимаю, а тутъ еще подъ руку говорятъ!

Подъ конецъ, всѣ выскочили изъ за стола. Шумъ поднялся невообразимый. Но потомъ всѣ успокоились и опять сѣли играть. Такія баталіи случались всякій разъ, когда генералъ игралъ съ дамами.

Отто ушелъ домой. Тамъ онъ тотчасъ же сѣлъ къ свѣчкѣ и вынулъ украденный конвертъ. Видъ его не возбуждалъ теперь въ немъ никакихъ угрызеній совѣсти—ничего, кромѣ сжигающаго любопытства и страха. Онъ ни минуты болѣе не сомнѣвался, что это письмо или отъ Августы, или къ ней. Въ обоихъ случаяхъ оно должно имѣть для него роковое значеніе.

Когда онъ разрывалъ конвертъ, онъ невольно подумалъ:

— Вѣдь это я разрываю послѣднюю свою надежду!

Когда конвертъ былъ вскрытъ, онъ медлилъ вынимать письмо. «Надежда есть еще!» Онъ вынулъ письмо, развернулъ его— «Надежды нѣтъ болѣе!». Онъ самъ добровольно вырвалъ изъ сердца то, что̀ долго еще могло поддерживать его. Онъ вырвалъ самое драгоцѣнное благо человѣка — надежду, которая, если и обманываетъ насъ, то всегда въ нашу пользу. Все рухнуло! Ни одной мечты теперь не на чемъ построить — основанія нѣтъ! оно провалилось въ страшную бездну, увлекая за собой его будущее. Осталась пустота, одна только неизмѣримая пустота! Не за что̀ ухватиться, не къ чему прицѣпить даже тѣнь какой-нибудь мечты; онъ самъ смелъ все до-чиста своимъ безумнымъ поступкомъ.

Письмо было написано неизвѣстно къ кому; имени не было нигдѣ.

«Дни уходятъ за днями, читалъ Отто: — а мы все еще такъ же далеки, какъ и прежде. Мы ни слова не можемъ сказать другъ другу, ни минуты остаться безъ свидѣтелей. Когда я сижу въ одной съ вами комнатѣ и не смѣю глядѣть на васъ, ка̀къ мнѣ хотѣлось бы, чтобы сняли съ насъ эти цѣпи! Но потомъ я думаю, что̀ намъ до нихъ, когда наши мысли всегда вмѣстѣ! Развѣ можетъ что̀-нибудь разлучить насъ теперь, когда наша любовь соединила насъ на вѣки. Одинъ взглядъ вашъ, невидимый для всѣхъ, понятный для меня одной, возвращаетъ

мнѣ и радость, и надежду. Мнѣ нужна эта поддержка, потому-что я не всегда вѣрю въ свое счастіе; оно все еще кажется мнѣ сномъ. Найти лучшее въ жизни, найти любовь и такую еще горячую, беззавѣтную, какую вы мнѣ внушили!.. я не думала прежде, чтобы это было возможно для меня. Я сама не знала, что можно полюбить человѣка такъ, ка̀къ я полюбила васъ. Если вы можете хоть въ половину отплатить мнѣ тѣмъ же, то какое будущее насъ ждетъ!..

«Эта жизнь для другого, гдѣ все дорого только потому, что можно подѣлить его съ другимъ; въ ней только въ одной и есть то высшее, лучшее счастіе, котораго ничто больше на землѣ дать не можетъ. И свободу, и славу, еслибы она у меня была, и всѣ блага міра я отдала бы за одну радость, за радость подѣлить свою жизнь съ вами! Назвать васъ своимъ другомъ, быть самой другомъ для васъ... Нѣтъ, я не смѣю заглядывать въ будущее; я боюсь, что оно не дастъ мнѣ того, что̀ обѣщаетъ...

«Вы говорите, что цѣлая жизнь еще ждетъ насъ впереди, то можно пожертвовать нѣсколькими мѣсяцами. Да̀, но мнѣ жаль этихъ мѣсяцевъ. За что̀ разлучены мы теперь? А развѣ это — не разлука, наши теперешнія свиданія? Есть тысяча вещей, которыя я хотѣла би сказать вамъ, и что̀ же? Вы для меня—болѣе, чѣмъ посторонній. Съ посторонними я говорю свободнѣе. Васъ я боюсь, потому-что я боюсь измѣнить себѣ. Я не хочу, чтобы вы когда-нибудь упрекнули меня въ томъ, что я измѣнила нашей тайнѣ. Я не знаю, на что̀ она нужна, но я и не хочу знать этого. Я во всемъ довѣряюсь вамъ. Вы—мой дорогой, лучшій другъ. Все, что̀ вы дѣлаете, вы дѣлаете для нашего же общаго счастья.

«Я часто думаю теперь о томъ времени, когда никто уже не въ правѣ будетъ разлучить насъ. Неужели настанетъ, наконецъ, это время, что намъ не нужно будетъ болѣе разставаться? Если и тогда ждетъ насъ какая-нибудь необходимая разлука, мнѣ тяжело будетъ переносить ее. Во мнѣ нѣтъ и не будетъ никогда того спокойствія, которое я вижу у Надежды Николаевны. Я часто удивляюсь ей, ка̀къ можно быть такъ спокойной вдали отъ того, кто для насъ дороже всего на свѣтѣ. Я увѣрена, что она любитъ своего мужа, но у ней такой ужъ характеръ: ей разлука не страшна. Нѣтъ, я боюсь разлуки. Дайте мнѣ слово, что мы не будемъ съ вами разставаться никогда!

«Прощайте, мой лучшій, дорогой другъ. Помните, какіе грустные, безотрадные дни для меня тѣ, когда вы не приходите. Не забывайте же вашей Августы!»

Таково было письмо, убившее всѣ надежды Отто. Но какимъ

образомъ попало оно на этажерку? Августа и Соловой, послѣ перваго своего объясненія, почти не имѣли случая оставаться наединѣ. Этотъ недостатокъ свиданій они рѣшили замѣнить письмами; но, такъ какъ обыкновеннымъ способомъ они не могли бы переписываться, то они и условились, что почтовымъ ящикомъ будетъ имъ служить какая-нибудь старая книга на этажеркѣ. Выборъ палъ на сборникъ Даля за его толщину: его легко было ощупать на верхней полкѣ.

Каждое почти свиданіе Августа взглядами спрашивала своего возлюбленнаго: вынули вы письмо? Тотъ взглядами тоже отвѣчалъ ей: да̀, вынулъ! или: нѣтъ еще, не вынималъ! Это составляло для него немалый предметъ пытки. Онъ всякій разъ боялся, что его поймаютъ. И, главное, онъ не могъ простить себѣ, что позволилъ себѣ играть такую глупую роль.

— Я поступаю, какъ мальчишка, думалъ онъ.—Чортъ знаетъ, какая глупость! Я дѣлаю въ тридцать лѣтъ то, чего никакъ не сдѣлалъ бы въ двадцать.

Темная ночь заволокла все въ глазахъ Отто, когда онъ прочелъ письмо. Даже мысли его всѣ заволокло, и только стучало что̀-то медленно и равномѣрно въ головѣ, точно волна какая-то поднималась и опускалась у него подъ черепомъ и глухо ударяла ему въ уши. Онъ теперь только понялъ, ка̀къ крѣпко сидѣлъ въ немъ этотъ слабый, казалось, кончикъ надежды, который онъ вырвалъ сгоряча, не думая о послѣдствіяхъ. Онъ не зналъ себя самъ. Онъ не зналъ, что всякая мысль, засѣвшая въ немъ, засядетъ крѣпко, глубоко — и не скоро ее потомъ вытащишь оттуда, а, если и вытащишь, такъ надо прежде расшатать весь организмъ. И онъ, какъ надломленный и выкинутый бурею столбъ, потерялъ теперь точку опоры въ жизни и смотрѣлъ какими-то безумными глазами на лежавшее передъ нимъ письмо, въ которомъ каждая строчка дышала безпредѣльной любовью.

V.

Любовь эта была къ другому. Всѣ восторги, всѣ порывы влюбленной дѣвушки, въ которыхъ онъ нашелъ бы чудную поэзію, еслибы они обращались къ нему, теперь показались ему возмутительными, преступными. Августа была въ его глазахъ преступницей. Она обманула его мечты и, имѣя видъ недоступной, въ то же время жаждала тайныхъ свиданій и писала потихоньку любовныя письма. Онъ съ какой-то яростью сбросилъ ее мысленно съ пьедестала и осыпалъ ее своимъ презрѣніемъ. Не было

такого унизительнаго названія, котораго бы онъ не давалъ ей въ своемъ изступленномъ отчаяніи. Онъ увидалъ въ божествѣ своемъ самую обыкновенную женщину, и это открытіе привело его въ бѣшенство. Та любовь, которая возвысила бы ее и придала бы ей новую, чудную красоту, еслибы обращена была на него, теперь, когда она отдана была другому, унизила ее, сдѣлала ее достойной презрѣнія въ его глазахъ. Она должна была или никого не любить, или любить его! Онъ ненавидѣлъ ее до такой степени, что готовъ былъ въ эту минуту на все, что̀ могло бы повредить ей или погубить ее совсѣмъ.

Письмо, которое онъ держалъ теперь въ рукахъ, казалось, могло бы послужить ему къ этому отличнымъ орудіемъ. Нѣсколько дикихъ мыслей пронеслось у него въ головѣ. Сказать ей завтра, что онъ прочелъ это письмо, что онъ принимаетъ его на свой счетъ, такъ какъ нашелъ его въ своей книгѣ, безъ адреса. Посмотрѣть ей въ глаза при этомъ дерзко, нахально, какъ смотрятъ на женщинъ, заслуживающихъ презрѣнія! Или отдать это письмо отцу ея. Или, еще лучше, прочесть его при всѣхъ въ гостиной, дѣлая видъ, что не знаетъ, отъ кого и къ кому.

Всѣ эти мысли безсвязной вереницей проносились въ головѣ его. Онъ, навѣрное, зналъ, что ни одной изъ нихъ не приведетъ въ исполненіе, но за каждую, все-таки, хватался съ жадностью. Всѣ онѣ имѣли одну цѣль — месть! Всѣ онѣ были нелѣпы, но онъ все-таки упивался ими; онъ рисовалъ себѣ тѣ картины, тѣ послѣдствія, которыя онѣ должны были имѣть по его соображеніямъ — и злая радость вспыхивала въ его глазахъ. Онъ мстилъ мысленно. Это нѣсколько облегчило его. Накипѣвшая злоба нашла, наконецъ, исходъ. Онъ отрезвился.

Мысли тогда приняли другой оборотъ. Передъ нимъ носился опять образъ Августы; Августы, такой же обожаемой, недоступной и какъ-бы очищенной отъ той грязи, которою онъ недавно осыпалъ ее. Онъ вдругъ представилъ ее себѣ съ любимымъ человѣкомъ, нѣжную, счастливую, сіяющую радостью. Онъ почувствовалъ, что любитъ ее безумно, что уступить ее другому значитъ уступить лучшую часть своей жизни. Невыносимая, жгучая, сжимающая боль схватила его опять своими желѣзными клещами. Ему показалось, что изъ него вынимаютъ душу и оставляютъ только одинъ ни на что̀ негодный, никому ненужный трупъ. Онъ упалъ головой на столъ и зарыдалъ.

Сколько времени пробылъ онъ въ такомъ состояніи, онъ самъ не помнилъ. Когда онъ очнулся, онъ схватилъ письмо и прочелъ его опять сначала до конца. Теперь только бросилось ему въ

глаза то, на что̀ онъ не обратилъ вниманія сначала: тайна! Что̀ это была за тайна?

Мрачныя подозрѣнія закрались къ нему въ душу. Онъ никогда не чувствовалъ довѣрія къ Соловому. Что̀, если этотъ человѣкъ думалъ только завлечь и бросить ту, которая такъ слѣпо довѣрялась ему теперь? Какія намѣренія могли быть у него, если онъ не хотѣлъ дѣйствовать честно и открыто, а облекалъ все въ такую странную форму?

Отто нѣсколько разъ сряду прочелъ ту страницу, гдѣ Августа говорила: «Я не знаю, на что̀ нужна эта тайна, но я и не хочу знать этого». Чуть замѣтная сначала искра подозрѣнія разрослась до яркаго, разомъ все освѣтившаго пламени. Сомнѣнія больше не было: Августа была жертвой самаго грубаго обмана. Соловой никогда и не думалъ жениться на ней. Для него это была забава, можетъ быть, даже и не особенно интересная, а такъ-себѣ, выбранная отъ нѣчего дѣлать его испорченнымъ, развращеннымъ воображеніемъ. Онъ всегда смотрѣлъ на него, какъ на самонадѣяннаго фата.

— Забава! повторялъ Отто съ яростью. — Я покажу тебѣ, низкое животное, что ты ошибаешься въ своихъ разсчетахъ! Я стану между тобой и твоей жертвой, и посмотримъ, кто изъ насъ долженъ будетъ уступить!

Онъ рѣшилъ, что, въ случаѣ надобности, если Августа останется глуха ко всѣмъ увѣщаніямъ, онъ убьетъ ее собственными руками, но не допуститъ до паденія ту, которую онъ далъ себѣ слово охранять отнынѣ, несмотря ни на что̀.

Нѣсколько дней послѣ этого, Отто не выходилъ изъ дому; не выходилъ онъ потому, что чувствовалъ въ себѣ звѣря. Не совсѣмъ еще заглохнувшій разсудокъ говорилъ ему, что надо сначала укротить эти чисто животные порывы бѣшенства. Еслибы нужно было пойти и, ни слова не говоря, схватить своего врага за горло, онъ сдѣлалъ бы это тотчасъ же; онъ даже сдѣлалъ бы это теперь лучше, чѣмъ когда-либо. Но не это предстояло ему тогда, а трудная задача слѣдить незамѣтно за врагомъ и потомъ, когда настанетъ удобная минута, открыть глаза любимой дѣвушкѣ. Онъ далъ себѣ клятву укротить свои порывы и ни однимъ словомъ болѣе не измѣнять себѣ.

Всѣ ночи онъ проводилъ въ возбужденномъ состояніи и только на разсвѣтѣ засыпалъ на нѣсколько часовъ. Съ осунувшимся отъ внутренней борьбы лицомъ, съ потухшими и потускнѣвшими отъ долгихъ безсонницъ глазами, онъ вышелъ, наконецъ, изъ дому, первый разъ послѣ того роковаго открытія, которое выбросило его сначала, какъ ненужную щепку, на берегъ, но по-

томъ снова подхватило и унесло въ водоворотъ. Угасшій въ немъ духъ воскресъ; онъ увидалъ опять цѣль въ жизни и пошелъ къ ней съ мрачной рѣшимостью добиться своего во чтò бы то ни стало.

Онъ пошелъ прямо къ Соловому. Онъ далъ себѣ слово казаться какъ можно болѣе хладнокровнымъ и сдѣлать этотъ первый визитъ самымъ обыкновеннымъ образомъ. Онъ даже принялъ на себя несвойственный ему видъ свѣтской развязности, но послѣ же первыхъ словъ, и бросилъ его. Соловой принялъ его вѣжливо, но холодно. Его удивилъ этотъ визитъ. Сначала ему пришло въ голову, что не извиняться ли онъ пришелъ послѣ недавнихъ своихъ дерзкихъ словъ о недобросовѣстности прокуроровъ. Но Отто не думалъ извиняться. Онъ какъ-то совсѣмъ не кстати заговорилъ о погодѣ, потомъ о томъ, что много нищихъ на улицѣ, и, наконецъ, такъ же не кстати замолчалъ.

— Чортъ тебя знаетъ, зачѣмъ ты пришелъ! думалъ Соловой.

Онъ въ это время самъ былъ сильно озабоченъ: онъ узналъ отъ Августы о пропавшемъ письмѣ. Всѣ его мысли были около этого письма. Гдѣ оно могло быть?

— Сегодня «Линда» идетъ, ни съ того, ни съ сего сказалъ вдругъ Отто.—Это—не вашъ абонементъ?

— Нѣтъ, не мой.

— Вы ныньче дома будете?

«Какъ бы еще онъ вечеромъ не пришелъ!» подумалъ Соловой.

— Нѣтъ, я ныньче званъ на обѣдъ.

— А вечеромъ?

«Рѣшительно онъ хочетъ ко мнѣ придти!»

— Обѣдъ, вѣроятно, кончится такъ поздно, что и вечеръ придется тамъ пробыть.

Отто вдругъ чтò-то сообразилъ. Онъ вспомнилъ, что наканунѣ и ему тоже было прислано приглашеніе на обѣдъ. Ему вчера еще подали его, но онъ не обратилъ на него вниманія. На все, чтò не относилось къ его собственнымъ мыслямъ, онъ смотрѣлъ машинально.

— Да мы не въ одинъ ли домъ съ вами ѣдемъ? спросилъ онъ.—Ныньче обѣдъ у Аристова.

— Дà, у Аристова, повторилъ Соловой.—Вы тоже будете?

Отто вовсе и не собирался туда. Но теперь онъ перемѣнилъ свое намѣреніе.

«А, такъ ты у Аристова будешь!» подумалъ онъ съ какимъ-то злорадствомъ.

Онъ и прежде слыхалъ, что Соловой любитъ покутить и, если

ужь попадетъ въ веселую компанію, такъ не скоро потомъ съ ней разстанется. Говорили, что, когда на него найдетъ полоса, такъ онъ ни въ чемъ мѣры не знаетъ: безобразно пьетъ, безобразно играетъ и проигрывается. Если этотъ человѣкъ ѣхалъ на обѣдъ къ Аристову, легко можно было предвидѣть, что на него опять найдетъ эта полоса. Аристовскіе обѣды были извѣстны: туда нѣкоторые московскіе умники ѣздили напиваться до безчувствія. Общество тамъ всегда собиралось очень хорошее, но кто велъ жизнь трезвую, тотъ сейчасъ же послѣ обѣда и уѣзжалъ, а кто оставался, тѣхъ ужь развозили по домамъ передъ заутренями. Иногда, часу во второмъ ночи, вся компанія прямо съ обѣда ѣхала куда нибудь ужинать, а потомъ, часовъ въ шесть утра, ужинала еще, ужь гдѣ-нибудь за заставой. А что̀ было дальше—обыкновенно никто не помнилъ.

Отто былъ на этомъ обѣдѣ только одинъ разъ. Желая посмотрѣть, что̀ будетъ послѣ, онъ не уѣхалъ вмѣстѣ съ людьми благоразумными, а остался еще. Самъ онъ пилъ мало, но, когда замѣтилъ, что нѣкоторые ужь свалились подъ столъ, то и самъ изъ предосторожности сдѣлалъ то же. Тамъ онъ пролежалъ нѣсколько времени, дожидаясь, пока никого ужь не останется на ногахъ и ему можно будетъ выйдти. Вдругъ онъ почувствовалъ, что чья-то рука шаритъ у него за галстухомъ.

— Что̀ вамъ нужно? спросилъ онъ сердито.

— Это я, баринъ; будьте покойны.

— Да что̀ вамъ нужно?

— Да это—я, лакей. Галстухъ вамъ хотѣлъ распустить.

— Да вамъ какое дѣло?

— Мнѣ приказано-съ. Я тутъ всѣмъ гостямъ галстухи развязываю.

Весь этотъ разговоръ происходилъ въ полголоса. Отто остался лежать, а лакей пошелъ шарить дальше и не вылѣзъ изъ-подъ стола до тѣхъ поръ, пока не распустилъ галстухи всѣмъ гостямъ. Отто уѣхалъ съ этого обѣда, какъ шальной.

Узнавши теперь, что Соловой будетъ тамъ, онъ рѣшилъ, несмотря на все свое отвращеніе къ пьянымъ, послѣдовать туда за нимъ. Онъ хотѣлъ увидать этого человѣка на распашку, такимъ, каковъ онъ есть. Онъ подставлялъ ему невидимую западню съ тѣмъ, чтобы, поймавши его, сказать потомъ Августѣ: вотъ кого вы любили! Еслибъ тотъ двѣ недѣли сталъ кутить безпробудно, онъ и двѣ недѣли сталъ бы слѣдить за нимъ по пятамъ, какъ тѣнь. Все зависѣло теперь отъ того—уѣдетъ ли онъ съ этого обѣда тотчасъ же, или останется до утра.

Уходя отъ него, онъ съ притворнымъ равнодушіемъ сказалъ:

— Ужо, значитъ, увидимся.

— Непремѣнно! подтвердилъ Соловой и замѣтно обрадованный, проводилъ его до дверей.

«Чортъ знаетъ, зачѣмъ приходилъ человѣкъ!» подумалъ онъ и тотчасъ же забылъ о немъ. Онъ спѣшилъ къ Надеждѣ Николаевнѣ. Его преслѣдовала мысль, куда могло дѣваться письмо, которое, какъ онъ понялъ изъ объясненій съ Августой, пропало. Не было никакого сомнѣнія, что оно кѣмъ-нибудь перехвачено. Знаетъ объ этомъ Надежда Николаевна, или не знаетъ? Если знаетъ—все пропало. Надо было тотчасъ же измѣнить весь планъ. Надо было дѣйствовать смѣло, даже нахально; надо было, не давая ей почти опомниться, показать ей, что сопротивленіе ея было бы лишнее, что онъ рѣшенія своего ужь не перемѣнитъ ни въ какомъ случаѣ, что скандалъ грозитъ ей, а не ему, и тысячу еще вещей, которыя могутъ запугать женщину.

— Не слѣдуетъ, однако-жь, давать ей впередъ ни одного хода, думалъ онъ. — Если даже письмо и у нея въ рукахъ, такъ она вѣрнаго еще ничего не знаетъ; въ письмѣ нѣтъ имени.

Онъ пошелъ къ ней съ несовсѣмъ покойнымъ сердцемъ, но съ твердой рѣшимостью не сдаваться, какой бы оборотъ ни приняли дѣла. Онъ никакъ не хотѣлъ сознаться себѣ, что онъ просто боится ея, хотя весь планъ его былъ построенъ на этой боязни. Онъ рѣшилъ ждать лѣта, когда она уѣдетъ къ мужу въ деревню, и тогда обвѣнчаться съ Августой, а ее увѣдомить, когда ужь все будетъ кончено. Такимъ путемъ онъ думалъ лишить ее всякихъ способовъ къ сопротивленію, а себя избавить отъ невыносимыхъ ему сценъ ревности, упрековъ, слезъ, можетъ быть, огласки. Онъ ненавидѣлъ всякія сцены и послѣднее время довелъ Надежду Николаевну до того, что она не смѣла ему дѣлать ихъ. Но, еслибъ дѣло дошло до разрыва, то онъ не въ силахъ былъ бы ничѣмъ удержать эту женщину. Онъ безъ ужаса не могъ подумать о томъ, что̀ ему предстояло вынести, еслибъ она открыла его намѣренія. Самая сила ея любви, которая, онъ зналъ, была къ нему безграничная и даже какая-то безумная, грозила ему страшной борьбой. Что̀, если братъ его узнаетъ, наконецъ, обо всемъ? Мысль эта обдавала его холодомъ. Онъ скорѣй готовъ былъ отказаться и отъ Августы, и отъ всякаго блаженства на землѣ, чтобы только не открылась какъ-нибудь его интрига съ женою брата.

Надежда Николаевна только теперь стала являться ему въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, т. е. женщиной, которая ни передъ чѣмъ не остановится. Ее побѣдить, думалъ онъ, можно только неожиданностью, захватить ее врасплохъ, открыть ей все тогда, когда уже всякое сопротивленіе будетъ безполезно. Но до тѣхъ поръ

нужно было обманывать ее, продолжать съ ней прежнія отношенія, усыпить даже всякую тѣнь подозрѣнія въ ней. Такимъ образомъ онъ сознательно выходилъ на дорогу лжи. Онъ выходилъ на этотъ новый для него путь съ свѣжими еще силами, достойными лучшаго дѣла. Онъ чувствовалъ въ себѣ теперь неизсякаемый источникъ лжи, притворства, даже нахальства. Когда онъ шелъ къ Надеждѣ Николаевнѣ, онъ далъ себѣ слово именно быть нахальнымъ и, въ случаѣ, если она о чемъ-нибудь догадывается, не давать ей, какъ онъ говорилъ, ни одного хода впередъ, т. е. ото всего отказаться наотрѣзъ.

Надежда Николаевна нѣсколько времени не выходила къ нему. Горничная сказала, что онѣ еще изволятъ одѣваться. Парадныя комнаты были, по обыкновенію, затворены; онѣ такъ и стояли запертыя цѣлый день, и только утромъ ходила туда прислуга мести полъ. Соловой прямо прошелъ въ уборную.

Но Надежды Николаевны и тамъ не было. Тамъ на одномъ столѣ стоялъ приготовленный уже кофе, на другомъ лежало открытое Евангеліе, маленькое, въ бархатномъ переплетѣ съ вытисненнымъ на немъ золотымъ крестомъ. Вездѣ была та же педантическая чистота и очень чистый, свѣжій воздухъ отъ множества растеній на окнахъ и въ жардиньеркахъ; нѣкоторые горшки цвѣли. Срѣзанный кѣмъ-то наканунѣ цвѣтокъ олеандры лежалъ на столѣ, слегка ужь свернувшись и съ почернѣлыми краями. Рядомъ за стѣной была дѣтская. Слышно было, какъ тамъ говорили въ нѣсколько голосовъ заразъ, шаркали чѣмъ-то, стучали, и, за неистовымъ дѣтскимъ плечемъ, раздавался нянькинъ басъ, и опять начиналось шарканье и шлепанье, и еще ужь не разберешь что̀. Соловой отворилъ изъ любопытства дверь.

Одна нянька что̀-то гладила и, поплевавши для пробы на утюгъ, возила имъ по доскѣ, отъ которой паръ такъ и валилъ. Кругомъ сильно пахло палёнымъ. Другая нянька держала на колѣняхъ двухгодовалаго мальчика и неистово потрясала передъ нимъ мѣднымъ, сіявшимъ подносомъ, ударяя въ него сзади рукою какъ въ бубенъ. Подносъ издавалъ глухіе звуки; мальчикъ сначала слушалъ, потомъ сталъ заглядывать, нѣтъ ли чего сзади, но, не найдя тамъ ничего, кромѣ нянькиной руки, началъ опять орать, выбилъ у няньки подносъ ногами и всѣми силами старался съѣхать у нея съ колѣнъ.

— Что̀ ты его на полъ не спустишь? крикнулъ Соловой.

— Барыня не приказали. Имъ на полу вредно-съ.

— Что̀ за глупости! Спусти его сейчасъ на полъ.

Прислуга, которая всегда знаетъ отлично, кто въ домѣ господинъ, не стала и возражать. Мальчикъ, увидавши себя на полу,

испустилъ радостный крикъ и, пошатываясь, нетвердыми еще ногами, тотчасъ же пошелъ къ утюгамъ. Нянька отхватила его оттуда и подвинула ему услужливо коробъ съ игрушками. Мальчикъ закричалъ во всю мочь, отпихнулъ отъ себя игрушки и пошелъ опять къ утюгамъ. Наконецъ, онъ успокоился, когда ему дали старую конфорку, которою онъ и сталъ тотчасъ же неистово колотить о стулъ.

— Ручку отшибете, батюшка! говорила нянька приторно-сладкимъ голосомъ, замѣтивши, что Соловой не уходитъ.

Двое старшихъ дѣтей, по случаю воскресенья, не учились. Они тутъ же, въ спертой атмосферѣ горячихъ утюговъ, сидѣли всѣ выпачканные красками и что̀-то рисовали. Около нихъ маленькая Ольга легла всѣмъ животомъ на столъ и со вниманіемъ слѣдила за тѣмъ, что̀ они рисуютъ.

— Отчего вы въ залу не идете? спросилъ Соловой.

— Насъ туда не пускаютъ.

— Кто не пускаетъ?

— Мамаша.

— Ну, хорошо, ступайте! я скажу вашей мамашѣ, что я васъ пустилъ.

Дѣти, привыкшія къ повиновенію, молча все собрали и пошли. На дорогѣ ихъ перехватила горничная.

— Въ залу нельзя-съ. Тамъ заперто.

— Отопри! крикнулъ на нее Соловой.

Горничная была въ видимой нерѣшимости, однако, пошла и отперла. Въ залѣ Соловой заставилъ дѣтей бѣгать, замѣтивши имъ, что моціонъ необходимъ. Дѣти и бѣгать стали, когда имъ это приказали. Они Солового боялись не менѣе, чѣмъ матери. Они инстинктивно чувствовали, что онъ даже страшнѣй матери, потому что его и мать ихъ слушается.

— Ну, что̀? спросилъ онъ старшаго мальчика.—Что̀ твой нѣмецъ? (къ нему теперь каждый день ходилъ репетиторъ-нѣмецъ). Любишь его?

— Нѣтъ.

— Что̀-жъ такъ?

— Такъ. Я нѣмцевъ не люблю.

— Кого-жъ ты любишь?

— Я лошадей люблю.

Ольга, менѣе всѣхъ боявшаяся Солового, влѣзла къ нему на колѣни и разсказывала ему, отчего она не любитъ бывать у генерала: тамъ стаканы на столѣ не стоятъ, и тарелки все падаютъ, и полы скользкіе—какъ побѣжишь, такъ и упадешь. Ольга вообще была ужасная говорунья. Если ей что̀-нибудь не нра-

вилось, она сейчасъ же дѣлала замѣчаніе. Когда ея сестра, только-что еще начинавшая учиться играть, садилась за рояль, она говорила:

— Соня, играй, пожалуйста, поскорѣй, а то мнѣ скучно слушать.

Занятый съ дѣтьми, Соловой, однако-жь, съ нетерпѣніемъ ожидалъ Надежды Николаевны.

— Это—какія-нибудь штуки ея! думалъ онъ.—Она нарочно не выходитъ.

Она вышла, наконецъ, причесанная, свѣжая, въ голубомъ капотѣ съ кружевами, въ двѣ ладони шириной, въ голубыхъ туфляхъ, настоящей барыней, избалованной, выхоленной, которая только-что вымылась дорогимъ, душистымъ мыломъ, вылила на себя нѣсколько флаконовъ туалетной воды и даже волосы вытерла себѣ для блеску щеткой съ особенной эссенціей. Для волосъ, для ногтей, для зубовъ — у нея были особыя патентованныя средства, не ради поддѣлки, а ради сохраненія только. Кожу свою она тоже очень берегла и соблюдала самый строгій уходъ за нею. Этимъ она, конечно, и сохранилась такъ хорошо.

Она вошла въ залу съ замѣтно недовольной миной.

— Сердится! подумалъ Соловой. — Не надо, однако, подавать виду, что я это замѣчаю.

И онъ, не давая ей времени сказать что-нибудь, самъ на нее напалъ.

— У васъ въ дѣтской, чортъ знаетъ, какая гадость! Няньки гладить тамъ вздумали; чадъ отъ утюговъ. Ка̀къ вы позволяете тамъ дѣтямъ быть!

— Дѣтская для того и сдѣлана, чтобы дѣти тамъ были, сказала она сухо.

— Да̀, но въ такомъ случаѣ смотрите за тѣмъ, чтобы тамъ воздухъ чистый былъ. Не позволяйте нянькамъ тамъ гладить.

— Гдѣ же имъ гладить? въ залѣ?

— Да̀-съ, въ залѣ. По моему, лучше совсѣмъ не имѣть залы, чѣмъ запирать дѣтей въ клеухѣ какомъ-то! Вотъ наша русская система воспитанія! продолжалъ онъ, придя вслѣдъ за Надеждой Николаевной въ ея уборную. — Десять парадныхъ комнатъ для гостей и одна, самая негодная, обыкновенно, для дѣтей! Ни вентиляціи порядочной, ни нормальной температуры—ничего! Воздухъ спертый, свѣту недостаточно, печки натопятъ такъ, что дышать нельзя; тутъ же и каша какая-нибудь стоитъ, и грязное бѣлье валяется. Зато въ залѣ ни пылинки, комната высокая, прекрасная. Нѣтъ, еслибъ у насъ разумно понимали воспитаніе, такъ залу-то именно и отдавали бы дѣтямъ, а объ гостяхъ-то

ужь потомъ бы думали. Но русскіе, кажется, еще до этого пониманія не дошли.

— Вы чтò-то нынче очень заботитесь о моихъ дѣтяхъ, сказала Надежда Николаевна насмѣшливо.

— Догадывается! подумалъ Соловой. Выраженіе ея глазъ показалось ему очень подозрительно.

— Развѣ я когда-нибудь не заботился о нихъ? спросилъ онъ, несовсѣмъ ужь твердымъ тономъ.

— Я бы больше желала, чтобы вы думали обо мнѣ.

— Догадывается! подумалъ онъ съ ужасомъ.

— Ты, кажется, сама въ такихъ лѣтахъ, началъ онъ, переходя въ болѣе дружественный тонъ: — что объ тебѣ думать нѣчего.

Она встала и притворила дверь.

— Неужели объясненіе! подумалъ онъ съ возрастающимъ ужасомъ. Но она сдѣлала это только для того, чтобы прислуга не услыхала ихъ.

— Я, конечно, прихожу въ такія лѣта, сказала она:—что обо мнѣ—чѣмъ меньше думать, тѣмъ пріятнѣе.

«Не слѣдуетъ уступать, ободрилъ онъ себя: — а то она подумаетъ, что я боюсь ея».

— Чтò у тебя за привычка говорить разныя нелѣпости! Тебѣ дѣло говоришь, а ты—разные пустяки. Я тебя серьёзно прошу обратить вниманіе на то, чтобы у тебя дѣти не сидѣли запертыя въ одной комнатѣ.

Она молчала.

— Ни въ одномъ порядочномъ семействѣ, я думаю, не держатъ дѣтей около утюговъ.

Она взялась за колокольчикъ и позвонила. Пришла дѣвушка.

— Скажи, чтобъ няньки не смѣли никогда гладить въ дѣтской.

— Слушаю-съ.

— Да двери затворяйте! крикнула она съ досадой.

— Ненормальное состояніе! думалъ Соловой.—Чортъ ее возьми совсѣмъ! если начинать, такъ начинала бы ужь поскорѣй. У нея, чтò ли, письмо?

Онъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ съ чувствомъ человѣка, который готовился къ пыткѣ и не знаетъ только, на какой станокъ его вздернутъ.

— Вы нынче чтò-то не въ духѣ? сказалъ онъ, принимаясь за кофе, который она передъ нимъ поставила.

— Дà, я нынче не въ духѣ.

— Смѣю спросить, чтò за причина?

Она встала и, ни слова не говоря, пошла къ письменному столу.

«Неужели письмо! подумалъ онъ съ ужасомъ.

Она что-то искала, не оборачиваясь къ нему. Видно было только, какъ ея руки, всѣ въ кольцахъ, перебирали бумаги. Его начала лихорадка бить. Она вынула, наконецъ, что-то и, все еще не оборачиваясь, читала сама.

«Вотъ оно! Начинается! Онъ многовенно поблѣднѣлъ.—Откажусь! рѣшилъ онъ:—сейчасъ же откажусь!»

Она обернулась къ нему. Въ рукахъ ея было письмо.

— Что съ тобой? спросила она, взглянувши на него.

— Что такое со мной?

— Ты ужасно какъ блѣденъ.

Она сказала это съ явнымъ участіемъ, но онъ и этому не повѣрилъ. «Притворяется!» думалъ онъ.

— Ты нездоровъ? повторила она явно уже тронутымъ голосомъ.

— Съ чего ты взяла, что я нездоровъ!

— Ты вѣдь никогда не признаёшься, я тебя знаю. Ради Бога, ты не обманывай меня.

— Я здоровъ совершенно, перебилъ онъ нетерпѣливо. — Что это за письмо у тебя въ рукахъ?

— Это письмо меня ужасно разстроило.

— И вѣрно опять вздоръ какой-нибудь!

— Вздоръ? Прочти!

Она выразительно протянула ему письмо, но онъ не взялъ.

— Прочти сама! сказалъ онъ.

Онъ боялся, что у него руки будутъ дрожать, и она это замѣтитъ.

— Это—письмо отъ мужа; онъ самъ сюда собирается.

Соловой вдругъ почувствовалъ, что съ плечь у него снялъ кто-то десять пудовъ. Но радоваться особенно тоже было нѣчему: пріѣздъ брата только усложнялъ и безъ того уже запутанныя отношенія. Къ тому же, онъ все-таки еще не зналъ, гдѣ находится другое письмо.

— Еще, въ довершеніе всѣхъ удовольствій, мужъ пишетъ, что наши денежныя дѣла очень запутаны.

«Какъ это она можетъ еще объ деньгахъ думать!» подумалъ онъ съ досадой.

— Ты много тратишь очень, сказалъ онъ, чтобы только что-нибудь сказать.

Надежда Николаевна вспыхнула.

— Недостаетъ еще, чтобы ты сталъ мнѣ это говорить! Если

и можетъ меня кто упрекать, такъ не ты ужь, конечно! Передъ тобой я ни въ чемъ не виновата. Вся моя жизнь теперь отдана тебѣ одному. Если я передъ дѣтьми моими неправа, если я— скверная, дурная мать, такъ ты одинъ этому причиной. Для тебя я весь міръ забыла. У меня ни Бога, ни совѣсти, ничего нѣтъ!

«Вотъ оно пошло!» подумалъ онъ съ тоскою.

— Поздно теперь раскаяваться, конечно; да я и не раскаяваюсь. Я никогда не раскаяваюсь въ томъ, что̀ разъ сдѣлала; но мы оба съ тобой должны помнить, что мы одинъ для другого—все въ жизни. Оскорблять намъ другъ друга... возможно-ли это? Подумай! всякій броситъ въ насъ камнемъ, и только мы одни... мы одни знаемъ, та̀къ ли мы виноваты, ка̀къ объ насъ судитъ свѣтъ. Другъ мой, мою жизнь я отдамъ за тебя, только но оскорбляй меня! Не отравляй мнѣ моихъ и безъ того горькихъ минутъ! не отнимай у меня послѣдняго уваженія къ себѣ. Если ты будешь еще оскорблять меня...

— Да гдѣ-жь, помилуй... Чѣмъ я оскорбилъ тебя?

— Чѣмъ? Ты давно, самъ этого, можетъ быть, не замѣчая, становишься ко мнѣ въ какія-то натянутыя, презрительныя отношенія. Ты, при первомъ случаѣ, читаешь мнѣ мораль. Ты, если услышишь обо мнѣ что̀-нибудь дурное, не защитишь меня— нѣтъ, а, напротивъ, ты же придешь укорять меня. Какая разница съ моей любовью! Позволила ли я себѣ когда нибудь укорить тебя? Припомни, подумай хорошенько...

— Что̀-же ты изъ этого заключаешь, что я не люблю тебя?

Скажи она ему въ эту минуту, что «да̀, ты меня не любишь!» онъ тотчасъ же признался бы ей во всемъ. Все висѣло на волоскѣ. Ему нужно было только, чтобы первое слово сказала она сама, но она не сказала его. Она только съ грустной усмѣшкой покачала головой.

— Думать, что ты меня не любишь? Нѣтъ, я этого не думаю. Прошла ужь та пора, когда я говорила тебѣ это изъ кокетства. Я знаю, что мы не можемъ не любить другъ друга; мы слишкомѣ много отдали одинъ другому. Но ты менѣе ужь дорожишь моей любовью. Ты такъ привыкъ къ ней, что тебѣ оказать мнѣ невниманіе, сдѣлать мнѣ что нибудь непріятное — рѣшительно ужь ничего не сто̀итъ. Ты думаешь: «что̀ за важность! все равно, вѣдь, она ужь никуда не уйдетъ отъ меня». Куда-жь я, въ самомъ дѣлѣ, уйду отъ тебя? Ты знаешь, что ты—все для меня въ жизни. Да̀, можетъ быть, я и заслуживаю этого презрѣнія, потому что я слишкомъ ужь отдалась тебѣ. Я не умѣла отстоять своихъ правъ. Ты даже передъ прислугой, ты даже передъ дѣтьми моими не стѣсняешься говорить со мной почти грубо.

Онъ сидѣлъ, какъ въ воду опущенный. Тысячи ножей вонзились въ него, и каждое ея слово только поворачивало эти ножи въ его сердцѣ. Мелькнувшая у него было мысль признаться ей во всемъ такъ и промелькнула, какъ молнія. Ка̀къ признаться передъ такой твердой увѣренностью въ его любви? У нея было смутное сознаніе чего-то страннаго въ его отношеніяхъ къ ней; но отъ этого сознанія до истины было такъ еще неизмѣримо далеко.

— Я не понимаю, сказалъ онъ, откуда ты взяла все это? Ты, кажется, достаточно меня знаешь. Ты знаешь, что я иногда и грубъ, и рѣзокъ.., Ну, казни меня за это, но не дѣлай, пожалуйста, такихъ странныхъ толкованій.

— Нельзя мнѣ не дѣлать ихъ. Я бы и рада иногда не видѣть твоего невниманія, но вижу. Что̀-жь дѣлать! я—не слѣпая.

— Въ чемъ же я тебѣ оказалъ его?

— Въ чемъ? да во всемъ! Развѣ я не вижу, ка̀къ ты на меня смотришь? Я при постороннихъ иногда едва удерживаюсь, чтобъ не сказать тебѣ: «Николай Павловичъ, будьте со мной повнимательнѣе».

— Ну, еслибъ ты мнѣ это сказала, и я бы тебѣ вѣдь не промолчалъ.

— Я это знаю. Я только во избѣжаніе скандала и не говорю ничего. Но ты не думай, что я не замѣчаю ничего, потому что я молчу. Я вижу, какую я роль начинаю играть. Ты гораздо внимательнѣе, напримѣръ, съ Августой Михайловной, чѣмъ со мной. Къ ней ты не смѣешь такъ относиться, какъ ко мнѣ.

— Я съ посторонними всегда внимательнѣе, отозвался онъ холодно.

— Я не хочу, чтобъ была какая-нибудь разница между мной и Августой Михайловной. Я не менѣе ея заслуживаю уваженія, хотя я, можетъ быть, измѣнила и долгу, и совѣсти, и всему на свѣтѣ. Не тебѣ меня судить! Я опять таки повторю: передъ тобой я ни въ чемъ не виновата. И если ты позволяешь себѣ дѣлать какую-нибудь разницу между мной и Августой Михайловной, такъ подумай, не заговоритъ ли твоя совѣсть. Что̀ она тебѣ скажетъ?

Онъ опять чувствовалъ, ка̀къ всѣ ножи у него повертываются, но сохранилъ видъ совершенно спокойный.

— Я удивляюсь только одному, замѣтилъ онъ:—это—тому, что я здѣсь сижу и слушаю всѣ эти жалобы. Въ нихъ такъ мало основанія, такъ мало здраваго смысла, даже...

— Ты упрекаешь меня въ томъ, что я много трачу! подхва-

тила она вдругъ налету ужь оставленную было мысль.—А кто въ этомъ виноватъ? Развѣ я не для тебя теперь должна жить на два дома? Еслибъ ты не перешелъ въ Москву, я развѣ поѣхала бы сюда?..

— Да развѣ это было необходимо, замѣтилъ онъ какъ-то нетвердо.

— Ка̀къ это «необходимо»? Что̀ ты хочешь этимъ сказать?

Она даже выпрямилась вся, точно невидимая стрѣла ударила ее сзади.

— Вѣдь жили же мы прежде врознь. Мы отъ этого не меньше любили другъ друга.

Она вздрогнула. Глаза у нея изъ свѣтлыхъ сдѣлались совсѣмъ черными.

— Врознь? Ты хотѣлъ бы, чтобы мы жили врознь?

— Я вовсе не говорю, что я этого хотѣлъ бы. Но вѣдь было же такъ прежде. Припомни прошлое.

Она привстала и, опираясь на столъ, смотрѣла на него все тѣми же расширившимися, почернѣвшими глазами.

— Припомни прошлое! Что̀ это значитъ: припомни прошлое?

— Что̀ съ тобой сдѣлалось? сказалъ онъ, стараясь успокоить ее.—Я не понимаю, какое ты значенiе придаешь моимъ словамъ.

— Для чего ты напоминаешь мнѣ о прошломъ? Ты хотѣлъ бы, чтобы я вернулась къ мужу?

Еслибъ онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно смѣлости, онъ сказалъ бы ей: да̀, я хотѣлъ бы этого. И почемъ знать, еслибъ онъ сдѣлалъ это теперь, можетъ быть, дѣло кончилось бы гораздо проще. Еслибъ онъ тогда рѣшительно, непреложно объявилъ ей свою волю, исходъ могъ быть совсѣмъ другой. Но онъ нетолько не сдѣлалъ этого, нетолько не открылъ ей истинныхъ своихъ намѣренiй, онъ, напротивъ, поспѣшилъ успокоить ее. Самъ испуганный смѣлостью своихъ намековъ, онъ, очертя голову, бросился назадъ. Онъ сталъ увѣрять ее въ своей любви, въ томъ, что онъ, напротивъ, никогда такъ горячо не любилъ ея, какъ теперь. Но странно, самая пылкость этихъ увѣренiй оледѣнила ей кровь. Съ вѣрнымъ, рѣдко обманывающимъ женщинъ чутьемъ, она увидала, что въ словахъ его нѣтъ одного, самаго главнаго—нѣтъ искренности. Первое страшное подозрѣнiе запало ей въ душу, и она, дѣлая видъ, что вѣритъ ему и съ нѣжной улыбкой замолкая въ его лицемѣрныхъ объятiяхъ, въ душѣ сказала себѣ: онъ меня обманываетъ!

А онъ, уходя отъ нея, первый разъ уносилъ въ душѣ своей ясное сознанiе, что онъ боится этой женщины. До тѣхъ поръ онъ не признавался себѣ въ этомъ; но теперь, въ этомъ не было

никакого сомнѣнія, онъ не могъ болѣе обманывать себя — онъ боялся ея.

VI.

«Вино сильнѣе воды—это всѣ знаютъ; вода опрокидываетъ дома и деревья; что̀ же удивительнаго, что вино меня опрокинуло?» Такъ разсуждалъ одинъ нѣмецкій писатель, когда однажды, въ пьяномъ видѣ, упалъ на полъ. Писатель этотъ былъ очень умный человѣкъ; словомъ—это былъ Лессингъ.

Если такъ разсуждали нѣмецкіе умники, стараясь логически объяснить, почему умный человѣкъ можетъ иногда валяться подъ столомъ, то московскіе пили, не разсуждая. Нѣмецъ сначала напьется, а потомъ ужь объясняетъ, почему онъ это сдѣлалъ. Русскій сначала поговоритъ о разныхъ разностяхъ, къ дѣлу не идущихъ, а потомъ возьметъ, да и напьется, безо всякихъ объясненій.

Такъ было и у Аристова на обѣдѣ. Сначала все шли умные разговоры. Среди гостей никакъ еще нельзя было отличить тѣхъ, которые къ вечеру будутъ безъ языка. Двое самыхъ отъявленныхъ пьяницъ, одинъ извѣстный московскій артистъ, который и въ концерты пріѣзжалъ иногда подъ шефѐ, и одинъ мировой судья, который и въ камерѣ сидѣлъ не всегда трезвый, держали себя вначалѣ солидно, артистъ даже съ нѣкоторой важностью. Судья былъ балагуръ и смѣшилъ слушателей разными разсказами изъ своей практики.

— Вотъ-съ, говорилъ онъ, приходитъ ко мнѣ парень, рыжій, растрепанный, лѣзетъ прямо къ столу (судья представилъ, какъ онъ лѣзетъ). — Что̀ тебѣ? — «Да что̀, извѣстно что̀! Жаловаться пришелъ».—На кого?—«Извѣстно на кого, на ребятъ».—Что̀-же они тебѣ сдѣлали? — «Дуракомъ все ругаются». — И давно это они тебя такъ ругаютъ?—«Да вотъ ужь, сямой годъ».—Что̀-жь ты раньше не жаловался? — «Чего! смѣяться стали. Ты, говоритъ, изъ дураковъ не выходишь; иди, говоритъ, къ судьѣ, онъ васъ разберетъ». — Ну, ты и пошелъ? — «Я и пошелъ. Какъ угодно! не велите имъ ругаться!»—Вотъ что̀, братъ, иди-ка ты лучше, по добру по здорову, домой. — «А мнѣ можно идти?» —Можно.—«Ну вотъ, покорно благодаримъ». Уходитъ очень довольный.

Судья кстати ужь представляетъ, ка̀къ парень уходитъ. Всѣ смѣются.

— Ну, а что̀, ка̀къ вы съ адвокатами? спрашиваетъ кто-то изъ слушателей.

— Съ адвокатами? Они меня не любятъ. Неохотно и ходятъ о мнѣ. Недавно одинъ начинаетъ рѣчь съ апломбомъ съ такимъ: въ книгѣ природы, говоритъ, написано... Позвольте, говорю, на которой страницѣ? Куда и апломбъ дѣвался. Прямо ужь начинаетъ: довѣритель мой, такой-то, такого-то числа... И теперь ужь знаетъ—какъ придетъ, я ему сейчасъ: книгу природы принесли съ собой?

Два барина, оба землевладѣльцы, и оба нигдѣ не служащіе, разговаривали около закуски о томъ, какимъ путемъ шло русское законодательство.

— Царскимъ указомъ, говорилъ одинъ, донскіе помѣщики были надѣлены чужой собственностью: за ними закрѣпостили бѣглыхъ крестьянъ.

— Да позвольте, въ чье царствованіе былъ указъ?

— Ну, ужь вотъ этого не могу вамъ сказать.

— А, это важно! это очень важно.

— Да постойте!.. Павла, должно быть, или Екатерины.

— А! Павла! Но эпоха Павла, это—печальная эпоха въ нашемъ законодательствѣ.

— Да̀-съ, произволъ, произволъ! повторялъ другой баринъ. Гармоніи нѣтъ, порядку нѣтъ. Нѣтъ эдакой, знаете, стройности въ законодательствѣ.

— Да ея и нигдѣ нѣтъ, ни въ одной странѣ, замѣтилъ ему Соловой, который столкнулся съ нимъ за закуской.—Это—невозможная вещь, чтобы законы создавались однимъ махомъ. Это—не пѣсня, изъ которой слова не выкинешь. Они всегда идутъ ощупью, создаются, отмѣняются, исправляются. Они приноравливаются къ обществу.

— Вотъ это-то-съ, я и нахожу, есть путь ложный, это я и порицаю. Не пробуй ихъ на мнѣ, на моей спинѣ, такъ сказать, а создай сразу, создай что̀-нибудь прочное, устойчивое.

— Сразу ничего не создается.

— Нѣтъ-съ, это у насъ только въ Россіи. Въ Западной Европѣ все идетъ послѣдовательно. Мѣняются законы, я не спорю, да не такъ же, какъ у насъ.

— Позвольте мнѣ на это, продолжалъ Соловой:—привести вамъ слова Шеридана объ англійскихъ, такъ называемыхъ amending bills. Сначала, говоритъ Шериданъ, является билль который устанавливаетъ налогъ, потомъ билль, съ поправкой къ тому, который установилъ налогъ, потомъ билль съ разъясненіемъ къ тому, который былъ съ поправкой, потомъ билль съ исправленіемъ всѣхъ недостатковъ въ первыхъ трехъ билляхъ, и такъ безъ конца. Такимъ образомъ шло законодательство въ англій-

скомъ парламентѣ, въ этомъ образцѣ всѣхъ законодательныхъ учрежденій.

Мировой судья, между тѣмъ, разсказавши всѣ анекдоты изъ своей практики, читалъ ужь собравшемуся около него кружку какую-то бумагу. Это былъ отзывъ уѣздной полиціи объ одномъ мѣщанинѣ, занимавшемся укрывательствомъ краденыхъ вещей. «Поведенія, писала о немъ полиція:—одобрительнаго, но нравственности и характера самаго сварливаго и ежедневно бываетъ безъ чувствъ пьянъ, черезъ чтò лишился всей своей скотины и домашняго быта...»

Судья нарочно носилъ эту бумагу въ карманѣ и всѣмъ ее читалъ.

— Нѣтъ, каково! говорилъ онъ. Каково написано?

Гдѣ-то въ углу говорили объ юридической казуистикѣ, о томъ, что хорошій юристъ все можетъ доказать и pro, и contra.

— Доводовъ можно пропасть найти! говорилъ одинъ очень еще молодой и горячій господинъ.—Дайте мнѣ, какую хотите, нелѣпость; я вамъ докажу разумность ея и докажу логически.

— Да вѣдь какіе доводы! Доводы могутъ быть очень слабые. Вы слышали, кàкъ одинъ юристъ доказывалъ, что не нужно смертной казни? Почемъ мы знаемъ, говоритъ, чтò ожидаетъ преступника по «ту сторону?» Чтò, если вмѣсто ада, онъ попадетъ въ рай? Тогда вѣдь это, говоритъ, вмѣсто наказанія выйдетъ награда. Вотъ вамъ и доказательство!

— Я не знаю, гдѣ вы это слышали?

— Кàкъ гдѣ, помилуйте! Это доказательство есть даже въ учебникѣ уголовнаго права.

— Ахъ, дà, вы слышали, какой учебникъ составилъ нашъ уважаемый профессоръ К.?

— Ну, чтò-жь, послушайте, надо и за это быть благодарнымъ. Чтò бы онъ тамъ ни написалъ, все-таки, пишетъ. А главное, все-таки, знаешь, что каѳедра не пустая. Чтò, какъ и эти-то послѣдніе профессора уйдутъ — вѣдь это просто будетъ мерзость запустѣнія. Университетъ придется закрыть. Вы знаете ли, сколько у насъ на юридическомъ факультетѣ каѳедръ пустуетъ?

— Дà, много чтò-то.

— Да вотъ вамъ: русское государственное право—разъ! государственное право иностранныхъ государствъ—два! византійское право — три! Потомъ: исторія иностранныхъ законодательствъ, исторія славянскихъ законодательствъ, исторія римскаго права, догматика римскаго права... Еще тамъ чтò-то, позвольте... Дà, гражданское право, уголовное судопроизводство... Вотъ вамъ! Всѣ каѳедры пустыя.

— Никто не идетъ въ профессора — не разсчетъ. Какой разсчетъ юристу идти въ профессора! Ему судебная карьера выгоднѣй.

— Мѣсто не хлѣбное. Нынче хлѣбныхъ мѣстъ ищутъ, замѣтилъ господинъ въ орденахъ.

Самъ хозяинъ, довольно истасканный брюнетъ, съ жесткими, торчащими усами и съ выраженіемъ какого-то циническаго сарказма въ глазахъ, разговаривалъ съ другимъ бариномъ о литературѣ. Оба ее ругали.

— Чтò это, нынѣшняя литература! говорилъ баринъ, завязывая себѣ подъ галстухъ салфетку и приготовляя свое упитанное, гастрономическое тѣло къ ѣдѣ.—Ничего нынче хорошаго не пишутъ и давно ужь не пишутъ. Говорятъ, журналы есть у насъ. Недавно мнѣ это литераторъ одинъ: у насъ, говоритъ, есть журналы.—Какіе? говорю. — Печатная бумага есть у насъ! а журналовъ нѣтъ.

— Дà, а помните Грибоѣдова? сказалъ хозяинъ. — Помните вы эти стихи?

Одинъ напишетъ вздоръ,
Другой на то разборъ.
А разобрать труднѣе,
Кто изъ двоихъ глупѣе.

Вотъ великія-то истины не умираютъ, вѣдь. Точно онъ это про нынѣшнихъ писалъ.

— Дà, Грибоѣдовъ... люблю, замѣтилъ баринъ, ужь чтò-то смачно жевавшій.

Немного подальше слышно было, кàкъ Соловой доказывалъ своему сосѣду, что свобода есть миѳъ.

— Не знаю, чтò такое свобода, говорилъ онъ: — никогда не видалъ. Свобода есть деньги!

Отто, невыпускавшій его изъ виду все время обѣда, справедливо заключилъ, что онъ ужь, должно быть, рюмки четыре опустилъ въ себя.

— Кàкъ понимать свободу, замѣтилъ сѣдой старикъ съ строгимъ лицомъ.—Если въ смыслѣ полной независимости, такъ ея, конечно, нигдѣ нѣтъ. Всякій отъ кого-нибудь или отъ чего-нибудь зависитъ.

— Нѣкоторые говорятъ, продолжалъ Соловой:—что свобода состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать другому то, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали.

— Это — не свобода, а распущенность, сказалъ строго старикъ.

— А кàкъ вы думаете? спросилъ его вдругъ Соловой: — чтò,

если человѣку, чтобы вернуть свою свободу, нужно сдѣлать подлость? въ правѣ онъ ее сдѣлать?

— Подлость никто не въ правѣ дѣлать.

— Да, вѣдь, это для того, чтобы свободу вернуть.

— Все равно.

— А если ему въ противномъ случаѣ угрожаетъ вѣчное рабство?

— Все равно.

— А знаете вы эти стихи:

> Ah! lorsqu'à ce point l'esclavage est monté
> L'esclavage, croyez moi, touche à la liberté!

— Я не знаю, зачѣмъ вы мнѣ ихъ приводите.

— Дà, дѣйствительно; извините.

Соловой замолчалъ и налилъ себѣ еще рюмку.

«Хорошъ ты будешь, голубчикъ!» подумалъ Отто, который пилъ только для виду, то-есть только губы мочилъ въ винѣ. Съ сосѣдями своими онъ не разговаривалъ и не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Они тоже, къ счастію его, попались неразговорчивые. Одинъ былъ докторъ, мрачно думавшій о томъ, что онъ, въ это утро, на операціи, не вырѣзалъ у больнаго чего-то такого, чтò непремѣнно должно было быть вырѣзано. Другой былъ англичанинъ, пріѣхавшій недавно въ Россію по своимъ денежнымъ дѣламъ, изъ породы тѣхъ именно англичанъ, про которыхъ итальянецъ Гверацци сказалъ, что онъ боится, когда видитъ ихъ у себя въ Италіи: «Они—такіе коммерческіе люди, что я боюсь, чтобы они не купили у насъ нашего солнца и не продали намъ его потомъ по мелочамъ въ видѣ сальныхъ свѣчекъ».

Англичанинъ этотъ все время ѣлъ за троихъ, но молча. Онъ зналъ, что «la parole a été donnée aux Anglais pour se taire».

Послѣ обѣда, Соловой говорилъ ужь, ни къ кому въ особенности не обращаясь:

— Чтò такое есть ложь? Ложь есть удовольствіе. Это сказалъ Бэконъ.

— Дà, отозвался вдругъ Отто: — только за это удовольствіе могутъ иногда побить.

— Кàкъ побить? Кто это говоритъ?

— Это не Бэконъ говоритъ, это я говорю.

— Кто это вы? Вы кто такой? Вы развѣ юристъ?

— Нѣтъ, я—не юристъ, да я вамъ говорю только...

— Ложь нашими законами не наказывается, продолжалъ Соловой, слѣдуя какой-то своей, невидимой для другихъ логикѣ.— Ложь не наказуема.

— Да что законъ! сказалъ Отто. — Мнѣ дѣла нѣтъ до вашихъ законовъ. Кромѣ вашихъ судовъ, есть судъ чести, судъ совѣсти!

— Вы это объ дуэли говорите? спросилъ кто-то.

— Что дуэль! Вздоръ, нелѣпость. Подставлять свой лобъ какому-нибудь негодяю... Нѣтъ, я бы на дуэль не вышелъ... Я бы просто убилъ.

— Послушай, голубчикъ, это—кровожадность, замѣтилъ судья, который въ пьяномъ видѣ всѣмъ говорилъ *ты*. Кровь—проливать не нужно; кровь вопіетъ на небо.

Первая половина вечера кончилась; наступала вторая, когда многіе ужь разъѣхались, а оставшіеся только все подливали себѣ. Судья сказалъ ужь спичъ на нѣмецкомъ языкѣ, котораго до тѣхъ поръ не зналъ, а пріятель его, артистъ, предлагалъ тостъ за здоровье своей собаки и цитировалъ слова Попа, что въ исторіи больше примѣровъ вѣрности собакъ, чѣмъ вѣрности людей. На этихъ двухъ великихъ сотрудниковъ по пьянству, на артиста и на судью, вино дѣйствовало различнымъ образомъ. Первый, по мѣрѣ того, какъ становился пьянѣе, изъ напыщеннаго и надутаго господина дѣлался очень веселымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Второй, напротивъ, скоро терялъ даръ слова и на своемъ родномъ языкѣ ужь не могъ говорить, а говорилъ только поанглійски и понѣмецки, то-есть на языкахъ, которыхъ въ трезвомъ видѣ не зналъ. Такой разладъ между пріятелями продолжался обыкновенно до тѣхъ поръ, пока оба они не приходили къ одному знаменателю и не лежали оба безъ языка въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, по выраженію судьи, тепло и не дуетъ, то-есть гдѣ-нибудь на коврѣ, пока прислуга не переносила ихъ на диванъ.

Вечеръ подвигался, но не дошелъ еще до зенита. Свалились только тѣ, которые были послабѣе. Прочіе все подливали себѣ. Артистъ и судья сидѣли рядомъ, слегка поддерживая другъ друга.

— Знаешь что, говорилъ первый:—я тебѣ скажу откровенно: ничего нѣтъ хуже, какъ имѣть дѣло съ русскими музыкантами.

— И съ пѣвцами, поправилъ его судья.

— Да, и съ пѣвцами. Я тебѣ вотъ что скажу: еслибъ я могъ купить ихъ всѣхъ за то, чего они стоютъ, и продать за то, во что они сами себя цѣнятъ, я былъ бы самый богатый человѣкъ во всей Россіи.

— Ура! закричалъ судья.

— Ура! подхватили его сосѣди, незнавшіе, въ чемъ дѣло.

Послѣ этого судья запѣлъ «Ивушку», думая, что онъ поетъ изъ Фенеллы.

Отто наблюдалъ за своимъ врагомъ. Тотъ изъ веселаго настроенія переходилъ въ мрачное. Лицо у него поблѣднѣло, глаза дѣлались мутные. Если его въ это время кто-нибудь затрогивалъ, онъ отвѣчалъ величайшими дерзостями, сохраняя по наружности хладнокровный видъ. Иногда онъ и самъ, безо всякаго повода, начиналъ придираться къ кому-нибудь. Такъ, увидавши, что Отто не пьетъ, онъ вдругъ обратился къ нему:

— Почему вы не пьете? спросилъ онъ строго.

— Не хочу! отвѣтилъ тотъ.

— Тутъ нѣтъ «не хочу». Извольте пить.

— Оставьте меня, сказалъ Отто.

— Извольте пить! повторилъ Соловой.

На этотъ разговоръ обратили вниманіе другіе.

— Пить! пить! закричали со всѣхъ сторонъ.

— Кто не пьетъ—того вонъ! крикнулъ артистъ.

Отто поглядѣлъ кругомъ. Вездѣ онъ видѣлъ помутившіеся глаза, вездѣ лица съ отсутствіемъ разума, управляемыя только однимъ животнымъ инстинктомъ, при которомъ люди очень легко изъ сонной апатіи переходятъ въ безпричинное бѣшенство. Надъ самымъ его лицомъ было блѣдное лицо Соловаго съ выраженіемъ какой-то тупой, но грозной рѣшимости. Отто молча взялъ рюмку и выпилъ ее залпомъ.

— Мало! закричали сосѣди. — Мало! Наливайте ему въ стаканъ.

И опять Соловой, съ той же грозной рѣшимостью, налилъ ему стаканъ до краевъ. Отто взялъ его и молча вылилъ въ тарелку.

— Вонъ его! зашумѣли со всѣхъ сторонъ.—Вонъ отсюда, коли не пьетъ!

Отто всталъ, но хозяинъ сдѣлалъ знакъ людямъ и сказалъ только:

— Двери!

Въ тотъ же мигъ, одинъ изъ лакеевъ бросился запирать двери. Отто опять обвелъ всѣхъ глазами. Онъ тутъ былъ одинъ трезвый въ этомъ сборищѣ: онъ и прислуга! но прислуга, конечно, не стала бы держать его сторону. Невыразимое отвращеніе къ пьянымъ пробѣжало нервической дрожью по его тѣлу. Онъ взглянулъ на Соловаго; тотъ все съ такимъ же дикимъ упорствомъ наливалъ ему другой стаканъ, и опять вровень съ краями.

— Давайте! сказалъ ему Отто съ усмѣшкой, хотя глаза у него горѣли и все дрожало внутри отъ негодованія и отвращенія. Онъ залпомъ выпилъ этотъ стаканъ и бросилъ его на полъ.

— Ура! закричала вся компанія. — Ура! Бррава!

Одинъ Соловой не кричалъ и молча сѣлъ на свое мѣсто, видимо довольный тѣмъ, что поставилъ, наконецъ, на своемъ. Отто съ непривычки сильно опьянѣлъ. Сосѣдъ его, какой-то бывшій консулъ, извѣстный тѣмъ, что онъ однажды собралъ по подпискѣ капиталъ въ пользу бѣдной вдовы и потомъ самъ на ней женился, сталъ ему подливать. Отто пилъ ужь почти безсознательно и скоро спалъ мертвымъ сномъ.

Домой онъ вернулся на другое утро, часу въ одиннадцатомъ. Соловой ушелъ раньше его, такъ что онъ его даже и не видалъ. Въ головѣ у него была какая-то гадость. Мысли никакъ не отдѣлялись одна отъ другой. Онъ, однакожь, кое-какъ привелъ ихъ въ порядокъ и тотчасъ же принялъ рѣшеніе. Онъ пошелъ къ Соловому, на этотъ разъ уже не съ визитомъ, а для объясненій.

Соловой увидалъ его еще въ окошко.

«Да чортъ тебя возьми совсѣмъ! подумалъ онъ. — Два дня сряду!»

И велѣлъ прислугѣ сказать, что барина дома нѣтъ.

— Это все равно, сказалъ Отто, снимая шубу. — Я его подожду.

— Они говорятъ, что подождутъ-съ, пришелъ сообщить человѣкъ.

Соловой взялъ шляпу и ушелъ съ задняго крыльца. Онъ пошелъ сначала въ судъ, потомъ въ трактирѣ пообѣдалъ, потомъ зашелъ еще по дѣлу къ нотаріусу. Объ Отто онъ скоро и забылъ совсѣмъ. Его мысли все вертѣлись около его собственныхъ запутанныхъ обстоятельствъ. Но только что онъ вернулся домой, какъ человѣкъ ему доложилъ:

— Этотъ баринъ все васъ дожидается.

— Какой баринъ? спросилъ онъ разсѣянно.

— Да давешній-то! Инженеръ, чтѐ ли.

— Кѣкъ? неужели онъ съ тѣхъ поръ все тутъ сидитъ?

— Все тутъ.

— Чтѐ-жь онъ тутъ дѣлаетъ?

— Ничего не дѣлаетъ. Такъ сидитъ.

«Онъ ужь не пьянъ ли?» подумалъ Соловой и поспѣшилъ пройти въ ту комнату, гдѣ ждалъ его Отто. Тотъ, при видѣ его, всталъ, но руки ему не подалъ.

— А васъ, въ самомъ дѣлѣ, дома не было, сказалъ онъ.

— Кѣкъ это, въ самомъ дѣлѣ?

— Я думалъ, что вы меня принимать не хотите. Я бы, впрочемъ, все равно не ушелъ.

— Вы дѣло какое-нибудь имѣете до меня?

— Да, имѣю. (Онъ, не дожидаясь приглашенія, сѣлъ опять). Вотъ видите ли, въ чемъ дѣло: мы съ вами оба вчера были пьяны.

Соловой съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Я, впрочемъ, не объ этомъ пришелъ съ вами говорить. Я пришелъ васъ предупредить, что я намѣренъ поступить такъ... что, можетъ быть, мой поступокъ покажется вамъ страннымъ— такъ вотъ я пришелъ васъ предупредить.

— Позвольте! какое же мнѣ дѣло до вашихъ поступковъ?

— Это до васъ касается.

— До меня? Рѣшительно не понимаю.

— Я могъ бы вамъ и не говорить, да я подумалъ, что это было бы подло. То-есть, вы бы подумали, что это подло съ моей стороны. Я буду дѣйствовать прямо.

Соловой смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

«Чтò ему отъ меня нужно? думалъ онъ.—Вотъ исторія-то. Ходитъ человѣкъ другой день — неизвѣстно зачѣмъ».

— Я пришелъ вамъ сказать, продолжалъ Отто и при этомъ смотрѣлъ не на него, а на дверной косякъ: — что я обо всемъ вчерашнемъ долженъ буду разсказать одной особѣ.

— Мнѣ-то чтò же до этого?

— Я, откровенно вамъ говоря, васъ терпѣть не могу. Вы, впрочемъ, это и безъ того, я думаю, знаете.

— Я тоже откровенно вамъ скажу, перебилъ его Соловой съ нетерпѣніемъ:—что вы своими визитами дѣлаете мнѣ честь, но, еслибы вы прекратили ихъ, вы мнѣ сдѣлали бы этимъ удовольствіе.

— Выслушайте меня до конца. Я васъ не только ненавижу, но я васъ считаю своимъ злѣйшимъ врагомъ. И, какъ врага, я васъ... я васъ буду всячески преслѣдовать. Вы это понимаете?

— Я, напротивъ, ничего не понимаю. Я думаю только, что вы или пьяны, или съ ума сошли.

— Ни то, ни другое. Я только считалъ своей обязанностью предупредить васъ, что я, сегодня вечеромъ, у Ахлыстышевыхъ разскажу наши вчерашнія похожденія и разскажу нарочно для того, чтобы уронить васъ въ глазахъ одной особы.

— Какой же это особы? спросилъ Соловой, стараясь казаться равнодушнымъ. Его вдругъ бросило въ жаръ.

— Какой?—это все равно. Я не хочу даже имени ея произносить при васъ. Я говорю только для того, чтобы вы это заранѣе знали. Эта особа ошибается насчетъ васъ. Она не имѣетъ объ васъ вѣрнаго понятія. Такъ вотъ я постараюсь открыть ей глаза.

— Послушайте, я попрошу васъ прежде всего объяснить мнѣ: почему это вы хотите уронить меня въ глазахъ какой-то особы и почему вы думаете, что для меня это такъ важно?

— Я не знаю, важно ли это для васъ. Я только васъ предупредилъ. Я не хочу, чтобы эта особа ошибалась насчетъ васъ. Почему я этого не хочу, это—мое дѣло: я не обязанъ давать вамъ объясненій.

— Однако, милостивый государь, ваше поведеніе болѣе, чѣмъ странно. Вы являетесь ко мнѣ въ домъ, говорите, что вы меня ненавидите, что я—вашъ врагъ, а потомъ, когда я требую отъ васъ объясненій, вы мнѣ ихъ не даете.

Отто вдругъ вскочилъ.

— Вы хотите объясненій?

— Непремѣнно.

— Но, если я вамъ дамъ ихъ, я вамъ скажу тогда, какое вы названіе заслуживаете! Я васъ назову тогда по имени!

— Тогда мы посмотримъ, сказалъ Соловой холодно.

— Прежде всего—отвѣтьте мнѣ на мой вопросъ: какое названіе заслуживаетъ человѣкъ, который обольщаетъ дѣвушку, не имѣя намѣренія на ней жениться?

Соловой поблѣднѣлъ; но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ его. Онъ казался спокоенъ.

— Я не считаю нужнымъ отвѣчать вамъ на это, пока не услышу вашихъ объясненій. Я теперь требую ихъ отъ васъ.

Отто колебался. Онъ, кажется, внутренно спрашивалъ себя, на чьей сторонѣ право. Голосъ совѣсти сказалъ ему, что право теперь на сторонѣ его противника. Онъ долженъ былъ дать требуемыя объясненія. Къ тому же, рѣшилъ онъ, надо вездѣ идти прямой дорогой! Онъ вынулъ изъ кармана письмо Августы.

— Вотъ мое объясненіе! сказалъ онъ, бросая его на столъ.

Соловой сразу все понялъ. У него кровь вся похолодѣла, но онъ не потерялся и взялъ письмо. Онъ сталъ читать его, не спѣша и какъ бы даже съ любопытствомъ. Отто внимательно слѣдилъ за нимъ и не могъ ничего прочесть въ его чертахъ. Докончивши письмо, Соловой сложилъ его очень хладнокровно и посмотрѣлъ на Отто.

— Вы для чего же мнѣ это показываете?

— Ка̀къ, для чего? спросилъ Отто въ свою очередь.

— Та̀къ, для чего? Письмо очень интересное, конечно, и я ничего не имѣю противъ того, что вы дали мнѣ его прочитать; но я бы на вашемъ мѣстѣ, признаюсь, этого не сдѣлалъ. Такія письма не показываютъ.

— Да вы шутите? воскликнулъ Отто съ бѣшенствомъ.

— Въ порядочномъ обществѣ, продолжалъ Соловой:—не принято показывать женскія письма.

— Да чтò, это письмо ко мнѣ, чтò ли! (Отто ужъ не помнилъ себя отъ злости).

— А, такъ оно и не къ вамъ даже? Въ такомъ случаѣ, я васъ ужь рѣшительно не понимаю.

Отто какъ-то остолбенѣлъ. Тутъ было или невообразимое нахальство, или, дѣйствительно, это письмо было къ кому-нибудь другому. Имени на немъ не было. Неужели онъ сдѣлалъ такой промахъ? Неужели онъ, перехвативши письмо, показалъ его еще третьему постороннему лицу, выдавая такимъ образомъ и любимую дѣвушку, а себя представляя отъявленнымъ подлецомъ? Онъ не былъ находчивъ: встрѣтившись съ такой неожиданностью, онъ сначала поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ до самыхъ ушей и не зналъ рѣшительно, кàкъ ему поступить. Онъ и не вѣрилъ еще Соловому, и, въ то же время, боялся не вѣрить ему: а чтò, если письмо было не къ нему? Положеніе тогда дѣлалось безвыходнымъ. Онъ въ жизни еще не бывалъ въ такомъ положеніи. Самыя ужасныя минуты въ жизни—не минуты горя, а именно тѣ, когда человѣкъ становится въ какое-нибудь невыносимо фальшивое положеніе, изъ котораго никакого выхода, кромѣ позорнаго нѣтъ. Отто переживалъ теперь эти минуты. А Соловой, увидавши, что обманъ удался вполнѣ, самоувѣренно и съ какимъ-то обиднымъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на него.

«Надо идти до конца! рѣшилъ онъ мысленно.—Надо быть нахальнымъ».

— Я вообще, сказалъ онъ вслухъ:—не могу уяснить себѣ вашего поведенія. Вы приходите ко мнѣ, упорно дожидаетесь меня, дѣлаете мнѣ сцену, показываете чужое письмо, которое ни до васъ, ни до меня не касается и которое я не знаю даже какимъ образомъ попало къ вамъ... Согласитесь, что все это довольно странно. Поэтому я еще разъ прошу васъ объясниться.

— Вотъ чтò! сказалъ Отто вдругъ рѣшительно.—Я имѣю основанія думать, что это письмо было написано къ вамъ.

— Вопервыхъ, это письмо не ко мнѣ. Вовторыхъ, еслибъ оно было и ко мнѣ, такъ это—не ваше дѣло. Втретьихъ, наконецъ, я вижу, что это письмо и не къ вамъ, и не могу себѣ объяснить, кàкъ оно къ вамъ попало.

— Кàкъ оно ко мнѣ попало? это ужъ до васъ не касается.

— Напротивъ! Тутъ замѣшано имя дѣвушки, которую я всегда считалъ и продолжаю считать теперь заслуживающею глубокаго уваженія. Еслибы вы перехватывали только письма этой дѣвушки, это, конечно—не мое дѣло. Но вы позволяете себѣ по-

казывать ихъ постороннимъ и въ томъ числѣ мнѣ. Я считаю поэтому своей священной обязанностью сказать вамъ, что вы напрасно это дѣлаете. Это бросаетъ тѣнь на на одну дѣвушку, а на васъ.

Отто сталъ ужь самъ чувствовать, что онъ—отъявленный подлецъ.

— Тутъ вышло недоразумѣніе, началъ онъ.—Я думалъ, что это письмо къ вамъ. Попало оно ко мнѣ совершенно естественнымъ образомъ. (Лгу! сказалъ онъ себѣ мысленно). Я не буду объяснять вамъ, почему я хотѣлъ вмѣшаться въ это дѣло, но я имѣлъ на это право... (Опять лгу!). Т. е. не право, а я имѣлъ основанія. Но теперь, когда вышло недоразумѣніе, я... я попрошу только одного, чтобы это осталось между нами. Я надѣюсь, что вы сохраните это въ тайнѣ.

— Въ этомъ вы можете быть увѣрены. Такія вещи не разсказываются.

— А я, видите ли, я...

— Вы, вѣроятно, будете отыскивать опять того, кому предназначалось письмо?

— Нѣтъ-съ, я его сожгу и ничего больше отыскивать не буду. Нѣтъ, довольно! закончилъ Отто про себя.—Какой я, однакожь, подлецъ! думалъ онъ, уходя. — Ужасный подлецъ!

VII.

Послѣ исторіи съ письмомъ надо было отказаться отъ переписки. Августа придумала тогда другой способъ: она открыла все брату и просила его передавать письма. Онъ очень любилъ сестру и былъ доволенъ, что она выходитъ, наконецъ, замужъ, но жалѣлъ только, почему за Соловаго, а не за Отто. Онъ даже нѣсколько разъ потомъ говорилъ ей:

— Отчего ты за Бориса Ѳедоровича не выходишь?

Когда онъ увидалъ, что она твердо стоитъ на своемъ, онъ только замѣтилъ:

— Чортъ знаетъ, какъ эти дѣвушки влюбляются!

И сталъ приносить ей письма исправно, какъ почтальонъ и хранилъ строгую тайну, какъ ему было приказано, но въ душѣ онъ не одобрялъ этихъ отношеній.

Разъ, когда онъ долженъ былъ провожать ее въ манежъ, она сказала ему по секрету, что ей необходимо нужно видѣть своего жениха и что, вмѣсто манежа, она должна ѣхать къ нему. Братъ нахмурился.

— Еще узнаетъ кто-нибудь, сказалъ онъ недовольнымъ тономъ.

Августа поставила на своемъ. Никакой надобности быть у жениха ей не было; ей просто захотѣлось повидаться съ нимъ. Она давно ужь мечтала объ этомъ свиданіи безъ свидѣтелей, т. е. объ томъ именно, чего Соловой боялся, какъ огня.

«Еще допрашивать, пожалуй, начнетъ! думалъ онъ съ ужасомъ:—потребуетъ какихъ-нибудь объясненій!»

И вся сладость любви не могла заглушить въ немъ этого чувства. «Что же это такое?» спрашивалъ онъ себя, когда, при видѣ Августы, пришлось ему опустить глаза, чтобы не встрѣтиться съ ней взглядомъ. Онъ готовъ былъ сказать какъ мольеровскій герой. «И за какимъ чортомъ пошелъ я на эту галеру»!

— Мы къ вамъ не надолго заѣхали, сказала, она, нѣсколько удивленная его сконфуженнымъ видомъ.

— Отчего же не надолго? спросилъ онъ и самъ почувствовалъ, что вопросъ его звучитъ какъ-то глупо.

— Черезъ часъ надо быть дома. Я сказала, что ѣду въ манежъ. Вѣдь, ты знаешь все это! докончила она глазами. Вѣдь, я писала тебѣ объ этомъ.

«Что, если Надежда Николаевна пріѣдетъ? подумалъ Соловой.

— Вотъ одолжитъ!» (Она заѣзжала къ нему довольно часто, всякій разъ почти, какъ ѣздила за чѣмъ-нибудь въ «городъ»).

Миша, между тѣмъ, чувствуя, что онъ—лишній—пошелъ въ другую комнату и сѣлъ тамъ читать. Августа пристально и грустно посмотрѣла на Солового.

— Ты не радъ мнѣ? спросила она.

Они недавно только стали говорить другъ другу *ты*, и сами еще этого конфузились.

— Я не радъ тебѣ?!

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но не нашелся и только съ упрекомъ взглянулъ на нее. Передъ ней лгать было труднѣе, чѣмъ передъ другими. Даже Надежду Николаевну легче было обманывать, чѣмъ ее. Онъ чувствовалъ, что, если только возникнутъ въ ней подозрѣнія, никакая находчивость не спасетъ его. Но ея ясный взглядъ скоро успокоилъ его.

— Хорошъ! сказала она уже съ улыбкой.—Такъ меня встрѣчаетъ, точно я съ визитомъ къ нему пріѣхала. Другой разъ я пришлю свою карточку.

— Садись же! что-жь ты не садишься!

Онъ сбросилъ для чего-то съ дивана лежавшую на немъ подушку. Она улыбнулась на его неловкость и сѣла.

— Сядьте рядомъ со мной! сказала она, не оставляя своей спокойной улыбки.

Онъ сѣлъ.

— Мнѣ все это время было скучно безъ тебя, начала она.—Я очень скучала. Ты получилъ мое послѣднее письмо?

— Получилъ. Дà.

— Отчего же ты такъ меня встрѣтилъ, точно не ждалъ меня?

— Кàкъ не ждалъ? я тебя ждалъ.

— Я бы желала знать, чтò ты чувствуешь, когда получаешь мои письма. Я, когда распечатываю твои, у меня сердце замираетъ. Я не знаю, чтò со мной дѣлается. Но мнѣ такъ пріятно получать ихъ.

Первый разъ онъ рѣшился взглянуть на нее. Она сидѣла близко, не поднимая глазъ, и ждала его отвѣта съ какой-то задумчивой нѣжностью. Ей, конечно, хотѣлось, чтобы и онъ говорилъ ей о своей любви, чтобы и онъ откликнулся на смутный, сладкій трепетъ ея сердца. Ея довѣрчивость, ея горячая любовь къ нему невольнымъ восторгомъ охватили его душу. Онъ чувствовалъ, кàкъ выползаютъ гнѣздившіяся тамъ прежде подозрѣнія, тревога, неувѣренность... На мѣстѣ прежняго мрака становилось свѣтло, и одна любовь озаряла теперь эту комнату, гдѣ до сихъ поръ происходила только натянутая, неловкая сцена.

— Твоихъ писемъ я жду, какъ Богъ знаетъ какого счастья! сказалъ онъ тихимъ, нѣсколько прерывающимся голосомъ.

— Правда? спросила она нѣжно.

— Кто мнѣ дастъ то счастье, которое ты мнѣ даешь!

Она взяла его тихо подъ руку и, не поднимая глазъ, прилегла ему на плечо. Какъ пригрѣтая солнцемъ, она опустила рѣсницы, прильнула къ нему и не шевельнулась, и ни слова больше не говорила. Во всей ея позѣ и въ выраженіи лица виднѣлась какая-то тихая нѣга. Это было не то, чтобы счастье, а избытокъ счастья, которому ни словà, ни взгляды ужъ не нужны. Онъ вздрогнулъ и не отвѣтилъ ей на ея ласку, а только чуть слышно прижалъ къ себѣ ея руку. Онъ теперь молчалъ. Онъ не смѣлъ отвѣтить ей на ея порывъ. Чтò, еслибы кто-нибудь сказалъ ей въ эту минуту, что недавно была тутъ, можетъ быть, на этомъ самомъ мѣстѣ, другая женщина, которая такія же, если не бòльшія еще правà имѣетъ на его ласки, на его нѣжность? Съ какимъ ужасомъ отшатнулась бы она отъ него! Кàкъ блеснули бы негодованіемъ эти нѣжные, любящіе глаза! И исчезли бы, какъ сонъ, эти чудныя мгновенія, чтобы никогда уже болѣе не возвратиться.

И вотъ, въ самую счастливую, казалось бы, минуту снова зашевелились разныя черныя мысли и поползли длинной верени-

цей, и одна за одной стали гаснуть всѣ свѣтлыя точки впереди. Онъ не могъ наслаждаться своимъ счастьемъ, потому что ему казалось, что это—только призракъ счастья, одна мечта... Одинъ мигъ — и ея не будетъ! И неужели ради мечты только убилъ онъ свой покой, выступилъ онъ на путь лжи и притворства?

— Знаешь, сказала Августа:—что̀ мнѣ братъ говоритъ? Онъ говоритъ, что ты меня обманываешь.

— Ка̀къ обманываю?

Она, смѣясь, глядѣла ему въ глаза.

— Это не я говорю, а братъ мой.

— Не вѣрь никому, кромѣ меня, Августа.

— Неужели ты думаешь, что я кому-нибудь и повѣрю? Милый мой, кого же я слушаю, кромѣ тебя? Еслибъ весь свѣтъ сказалъ мнѣ, что ты меня обманываешь, такъ я и тогда бы не повѣрила.

— Помни только одно, сказалъ онъ съ волненіемъ:—что я люблю тебя безгранично, безумно! что я никого, кромѣ тебя, любить не могу и не буду.

Она опять все также притихла и, не выпуская его руки, смотрѣла вдаль счастливыми, блистающими глазами. Она не хотѣла взглянуть на него, чтобы вспыхнувшая въ ихъ взглядахъ страсть не нарушила этого тихаго, сладкаго очарованія. Онъ, сжимая ея руку, сидѣлъ въ какомъ-то неестественно возбужденномъ состояніи: онъ было невыразимо счастливъ и, въ то же время, глубоко страдалъ.

— Я тебѣ новость скажу, начала она: — къ Надеждѣ Николаевнѣ скоро мужъ пріѣдетъ.

— Да̀, братъ мнѣ писалъ, отвѣтилъ онъ коротко.

— Что̀ скажи, ка̀къ, по твоему, любитъ она своего мужа?

— Почемъ же я знаю, Августа?

— Нѣтъ, но ка̀къ тебѣ кажется?

— Вѣроятно, любитъ. Отчего же ей его не любить?

— Да̀, мнѣ кажется, что ужаснѣе этого ничего не можетъ быть: жить съ человѣкомъ, котораго не любишь.

— Много есть ужасныхъ положеній, которыхъ ты не можешь еще и знать.

— А знаешь? Надежда Николаевна—странная женщина. Она объ тебѣ, напримѣръ, гораздо чаще говоритъ, чѣмъ о своемъ мужѣ.

— Обо мнѣ?.. Вѣроятно, потому, что я ей чаще на глаза попадаюсь.

— Да̀, я тоже думаю. Она, мнѣ кажется—такая женщина, что у ней—кто съ глазъ долой, тотъ и изъ сердца вонъ. А къ тебѣ она очень расположена.

— Привычка! Нѣсколько лѣтъ въ одномъ городѣ жили.

— Она мнѣ, я тебѣ откровенно скажу, она мнѣ прежде какъ-то больше нравилась. Въ ней много притворнаго. Зачѣмъ она всегда говоритъ о томъ, какъ она любитъ своихъ дѣтей. Вовсе она ихъ такъ не любитъ. Да и зачѣмъ говорить объ этомъ.

— А ты любишь дѣтей? спросилъ онъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

Августа вспыхнула.

— Нѣтъ! сказала она рѣзко.

— У тебя очень сдержанный и даже... даже немножко холодный характеръ, замѣтилъ онъ.

Она улыбнулась.

— Холодный? Ну, нѣтъ! Мнѣ часто говорили, что я ко всему равнодушна. Но это не правда. Я не могу, конечно, увлекаться всякими пустяками, за то иногда... Иногда я очень бываю вспыльчива.

— Напримѣръ?

— Я очень ревнива, сказала она, покраснѣвъ и стараясь не глядѣть на него. Но все лицо ея приняло вдругъ выраженіе строгое; только легкая, чуть замѣтная усмѣшка скользила, какъ молнія по ея чертамъ. Она видимо и досадовала ужъ на себя, зачѣмъ это сказала, и не хотѣла брать своихъ словъ назадъ.

— Ты ревнива? спросилъ онъ порывисто.—Что-жь, ты и меня ревновала къ кому нибудь?

— Мнѣ нѣтъ основаній тебя ревновать. Какая же невѣста ревнуетъ своего жениха? сказала она ужъ спокойно.—Нѣтъ, я понимаю ревность настоящую, когда есть причина... Ахъ, тогда!.. тогда это ужасно!

— Но, вѣдь, она никогда ни къ чему не приводитъ.

— Что изъ этого! Это—чувство невольное. Развѣ мы можемъ сладить съ нимъ? Его можно скрыть, но убить нельзя. Но я не хочу больше объ этомъ говорить. Развѣ ты думаешь, я тебя, въ самомъ дѣлѣ, буду ревновать? Къ кому? (Она нагнулась и спрятала свое лицо у него на плечѣ). Или, можетъ быть, у меня соперница есть? Есть? повторила она шаловливо.

— Есть, есть! отвѣтилъ онъ ей въ томъ же духѣ.

Она вдругъ засмѣялась звонко, по дѣтски и, не открывая лица, одной рукой обняла его за шею.

— Домой пора! крикнулъ Миша изъ другой комнаты.

Но влюбленные не могли еще разстаться. Они теперь, напротивъ, нашли еще тысячу вещей, которыя имъ нужно было сказать другъ другу. Послѣ перваго предостереженія послѣдовало

*

вскорѣ и второе. Миша сталъ шаркать ногами, видимо приготовляясь уйти.

— Нельзя больше оставаться, сказала Августа, поднимаясь.

— Еще десять минутъ, просилъ онъ.

Ему ужъ теперь не хотѣлось отпускать ее. Опасности всѣ миновались. Комната опять озарилась любовью. Никогда не казалась она ему такъ свѣтла, такъ дорога, какъ теперь, когда уходила та, которая внесла съ собой этотъ свѣтлый лучъ.

Августа осталась еще. Тогда Миша далъ третье предостереженіе и, наконецъ, пришелъ самъ. Какъ ни грустно, а надо было разстаться.

VIII.

Бѣда заболѣть человѣку въ такомъ положеніи, какъ Соловой! И, однакожъ, это именно съ нимъ и случилось. Онъ очень былъ подверженъ всѣмъ горловымъ болѣзнямъ и, простудившись какъ-то въ сильный морозъ, слегъ въ постель.

Первой его мыслью было: что̀, если Августа и Надежда Николаевна обѣ вздумаютъ навѣстить его? Мысль эта бросала его то въ жаръ, то въ холодъ. Когда Миша пришелъ за очереднымъ письмомъ, онъ, черезъ силу, лежа почти, написалъ это письмо, въ которомъ мимоходомъ только упоминалъ о своей болѣзни, говорилъ даже, что болѣзни, собственно, нѣтъ, а докторъ такъ только, неизвѣстно зачѣмъ, велѣлъ ему сидѣть дома. То же просилъ онъ подтвердить и Мишу.

— Что̀ это значитъ, замѣтила разъ Надежда Николаевна: — что Николая Павловича давно не видать?

И, въ тотъ же вечеръ, поѣхала узнать о причинѣ отсутствія сама. Она ужаснулась того положенія, въ которомъ застала своего друга.

— Ка̀къ ты меня не увѣдомилъ? воскликнула она съ ужасомъ.

— Для чего это? Для того, чтобы ты сидѣла цѣлые дни около меня и себя этимъ компрометировала?

— Есть теперь, когда думать обо мнѣ! Да пусть весь свѣтъ говоритъ, что̀ хочетъ—я отъ тебя ни на шагъ не отойду.

— Я этого не хочу, сказалъ онъ раздражительно.—Это имѣло еще смыслъ, когда мы жили въ одномъ домѣ; теперь это будетъ явный скандалъ.

— Да что̀ съ тобой! Неужели ты думаешь, что я тебя брошу тутъ одного?

— Ты можешь иногда пріѣзжать.

— Да ни за что̀ на свѣтѣ! Я и не уѣду отсюда теперь.

Онъ съ внутреннимъ бѣшенствомъ посмотрѣлъ на нее.

«Останется вѣдь! подумалъ онъ, стиснувши зубы. Останется непремѣнно!»—Его больная, обезсиленная голова напрасно придумывала способы, чтобы выжить ее. Такихъ способовъ не было.

— Послушайте! сказалъ онъ съ отчаяніемъ:—если вы здѣсь останетесь, я уйду на улицу. Даю вамъ слово, что таковъ, какимъ вы меня видите, я уйду на улицу.

Надежда Николаевна поблѣднѣла.

— Можетъ быть, ты ждешь кого-нибудь? сказала она глухо.

Онъ не сразу нашелся, что̀ и отвѣтить ей. Онъ смотрѣлъ на нее только мутными глазами. Потомъ вдругъ глаза эти оживились. Онъ что̀-то придумалъ.

— Чтобы доказать тебѣ, что я не жду никого, началъ онъ:—я прошу тебя остаться здѣсь все время, пока я боленъ. Но только этого никто не долженъ знать.

Она взглянула на него съ недоумѣніемъ, думая, что не бредитъ ли ужъ онъ.

— Ка̀къ это—никто? спросила она.—Ка̀къ же это можно сдѣлать?

— Скажи, что ты уѣзжаешь куда-нибудь. Скажи, что ты ѣдешь къ Троицѣ.

— Ка̀къ это? На все это время?

— Ну, выдумай что̀ нибудь! почти крикнулъ онъ: — говори, что̀ хочешь. Говори, что въ Лондонъ уѣзжаешь, въ Италію, куда хочешь! Но я тебя предупреждаю, что я нынче не позволю тебѣ здѣсь остаться. Я не хочу открытаго скандала.

Тайная мысль его была та, чтобы Августа какъ-нибудь не узнала объ его болѣзни.

— Открытаго скандала? повторила Надежда Николаевна.—Какой это скандалъ въ томъ, что я, твоя единственная родственница здѣсь въ Москвѣ, буду при тебѣ во время твоей болѣзни? Да ка̀къ же ты прежде-то не находилъ въ этомъ скандала?

«Вотъ оно пошло!» подумалъ онъ съ тоскою.

— Я тебѣ и прежде, и всегда говорилъ, чтобы ты была осторожнѣе.

— Да̀, но прежде я всегда ходила за тобой, когда ты былъ боленъ.

— Да ты и теперь будешь ходить, понимаешь ли ты это! Ты понимаешь ли, чего я хочу! чтобы никто не зналъ, что ты бросила дѣтей и все время проводишь у меня. Просто, кажется, сказать, что «я ѣду къ Троицѣ!» Никто, вѣдь, отчета не спроситъ. Можете вы это сдѣлать или нѣтъ? спросилъ онъ ужъ со злостью.

— Хорошо, хорошо, я сдѣлаю. Не сердись, пожалуйста, тебѣ опять хуже будетъ.

«Перехитрилъ! подумалъ онъ съ восторгомъ:—перехитрилъ ее. Та, по крайней мѣрѣ, ничего не узнаетъ!»

Онъ сталъ подозрительно слѣдить за Надеждой Николаевной, которая, повидимому, и не думала уѣзжать. Она сдѣлала ему полосканье, сама перемѣнила припарку, велѣла въ другой комнатѣ затопить каминъ, потомъ пришла и сѣла около него. Онъ притворился, что спитъ. Она тоже начала дремать, но уходить и не собиралась. Онъ сталъ опять приходить въ тревожно-озлобленное состояніе. Пролежавши въ такомъ состояніи съ полчаса, онъ открылъ глаза и сдѣлалъ видъ, что удивленъ ея присутствіемъ.

— Ты здѣсь еще?

— Здѣсь, а что̀?

— Да вѣдь тебѣ домой пора.

— Успѣю еще.

— Поздно будетъ ѣхать одной.

— Ничего; здѣсь улицы людныя.

Онъ съ досадой отвернулся и закрылъ опять глаза. Прошло еще полчаса. Она все сидѣла. Онъ, наконецъ, не выдержалъ.

— Послушайте, Надежда Николаевна! вы помните, что̀ я вамъ сказалъ? Я на улицу уйду.

— Ну, хорошо, хорошо; я уѣзжаю.

«Не надо его раздражать!» подумала она и стала надѣвать на себя шаль. Онъ все подозрительно слѣдилъ за ней. У него явились новыя сомнѣнія: что̀, если она обманетъ меня и скажетъ дома, что я боленъ, а мнѣ только для успокоенія скажетъ, что сдѣлала по моему? Это, однако—адъ какой-то!

«Каторжникамъ лучше, чѣмъ мнѣ! думалъ онъ.—Но что̀ я сдѣлаю съ этой женщиной? Ну, какіе есть способы отдѣлаться мнѣ отъ нея теперь? Она сѣла мнѣ на шею и сидитъ! вотъ, я чувствую, какъ она сидитъ. Тяжесть какая-то, кошмаръ...»

И его больному воображенію представилось, что Надежда Николаевна дѣйствительно сидитъ у него на шеѣ. А она стояла, наклонившись надъ нимъ, и смотрѣла въ его мутные, медленно двигавшіеся глаза. Ее тоже мучили сомнѣнія. Какъ оставить его въ этомъ положеніи?

Она уѣхала, наконецъ.

«Завтра чѣмъ свѣтъ пріѣдетъ!» думалъ онъ, закрывая глаза и впадая въ забытье. Онъ не ошибся. Она сдѣлала все такъ, какъ ей было приказано, и сказала дома, что ѣдетъ къ Троицѣ, а на другое утро была ужъ опять у него. Онъ встрѣтилъ ее допросомъ: что̀ сказала? Кому? Ка̀къ? Когда? Отвѣты были удовлетво-

рительные, но онъ имъ все таки не вѣрилъ. «Вретъ, можетъ быть! думалъ онъ.—Ка́къ я могу убѣдиться, что она мнѣ правду говоритъ?» Онъ старался узнать по глазамъ, правду она говоритъ или нѣтъ, но по глазамъ ничего нельзя было узнать.

«Въ пятницу придетъ юнкеръ за письмомъ, вспомнилъ онъ.— Надо будетъ тогда куда-нибудь спровадить ее. Куда, однако?.. Желалъ бы я знать, есть ли положеніе отвратительнѣе моего?»

За всѣ свои нравственныя мученія онъ сталъ платить ей невыносимыми капризами. Она ходила за нимъ, какъ нянька, и ничѣмъ не могла угодить ему. Разъ она осмѣлилась сказать, что у него цвѣтъ лица сталъ лучше. Онъ сначала промолчалъ, но черезъ полчаса объявилъ, что ему теперь гораздо хуже.

— Это все—вашъ глазокъ милый! Вы, что̀ ни похвалите—все хоть брось. Скажетъ: ахъ, какая игра!—игра проигрывается. Ахъ, какая лошадь!—лошадь къ вечеру околѣетъ.

Она пожала только плечами и ничего не сказала. Это его тоже бѣсило.

— Я, нужно вамъ замѣтить, продолжалъ онъ: — ни въ какія глупыя примѣты не вѣрю. Но что отъ вашихъ глазъ рыба въ пруду дохнетъ—это вѣрно.

— За что̀, скажи, пожалуйста, ты меня пилишь съ утра до ночи? Что̀ я тебѣ сдѣлала?

«Что̀ она мнѣ сдѣлала?!» подумалъ онъ съ горечью. Его бѣсило сознаніе, что она ему необходима, что безъ нея ему было бы хуже и что онъ, принимая ея услуги, въ то же время, отвѣчаетъ на нихъ съ такой грубостью. Онъ самъ не могъ понять, что̀ такое для него эта женщина. Минутами она была ему почти дорога̀. Кто другой сталъ бы такъ ходить за нимъ? Кто сталъ бы выносить его грубые капризы?

Онъ разъ, въ порывѣ благодарности, поцѣловалъ у нея руку. Воспоминаніе о прошломъ, о прежней, давно забытой и потухшей любви вдругъ воскресло передъ нимъ. И въ этой любви тоже была когда-то поэзія! И она когда-то наполняла его душу восторгомъ?

— Что̀ съ тобой? спросила Надежда Николаевна, замѣтивши, что онъ, послѣ поцѣлуя, судорожно сжимаетъ ея руку и не выпускаетъ ея.

— Стары мы становимся, Надя. Прежняго огня нѣтъ въ насъ.

Она наклонилась и поцѣловала его въ голову. Ея сѣрые, выразительные глаза такъ близко блеснули надъ нимъ, что онъ невольно почувствовалъ какой-то холодъ. Правду онъ сказалъ, что она не зажигала въ немъ прежняго огня: онъ боялся этихъ глазъ. Въ нихъ было для него что̀-то грозное. Въ нихъ читалъ он[illegible]

бы нѣмой приговоръ себѣ, своему прошлому и, можетъ быть, своему будущему... И Богъ вѣсть, что̀ таилось за свѣтлымъ блескомъ этихъ глазъ?

Она замѣтила, вѣрно, его невольное содроганіе, потому что спросила:

— Что̀ тебѣ хуже опять?

— Да̀, оставь меня пока.

Онъ попробовалъ закрыть глаза, но̀ онъ все чувствовалъ надъ собой этотъ холодный, леденившій взглядъ. Каждый лучъ этого взгляда стрѣлой впивался ему въ сердце. «Когда же кончится эта пытка?» говорилъ онъ себѣ съ тоскою. И цѣлую ночь потомъ страшные глаза блестѣли передъ нимъ въ темнотѣ. Минутами ему казалась, что Надежда Николаевна крадется къ его постели, и, обратившись въ кошку, сидитъ передъ самымъ его лицомъ. И глаза у этой кошки такіе же свѣтлые, холодные, блестящіе.

Только что сталъ онъ къ утру забываться, какъ вдругъ ему точно надъ ухомъ кто крикнулъ: завтра—пятница! Онъ испуганно открылъ глаза. Это былъ отголосокъ его собственный мысли. Пятница ужъ наступила. Это было утро того дня, когда братъ Августы придетъ за письмомъ.

Онъ осторожно оглядѣлся кругомъ. Надежда Николаевна спала на диванѣ, закрывши голову шалью, и спала должно быть крѣпко. Онъ спустился съ постели и, шатаясь, пошелъ къ столу, гдѣ укралъ у самого себя листъ бумаги, вернулся опять на постель и, поставивши чернильницу подъ одѣяло, сталъ, озираясь, писать письмо къ невѣстѣ. Письмо опять состояло въ томъ, что онъ совсѣмъ почти здоровъ и скоро самъ будетъ. Докончивши его, онъ укралъ у себя изъ стола конвертъ, тщательно запечаталъ его и спряталъ подъ подушку. Послѣ этого, онъ притворился спящимъ и лежалъ такъ до тѣхъ поръ, пока убѣдился, что Надежда Николаевна ничего не видала и сама спитъ, какъ мертвая.

Тогда онъ такъ же осторожно всталъ, пошелъ въ ту комнату, гдѣ спалъ его человѣкъ, и разбудилъ его.

— Завтра, когда придетъ юнкеръ, скажи ему, что я сплю, отдай ему это письмо, отъ него возьми другое письмо и держи его у себя, пока я самъ не спрошу. Понимаешь?

— Понимаю-съ.

Баринъ поспѣшно ушелъ, а человѣкъ сунулъ письмо, не глядя, подъ подушку и заснулъ крѣпче прежняго.

На другой день, убирая свою постель, онъ убралъ вмѣстѣ съ ней и письмо. Онъ и не видалъ его даже и пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, убирать комнаты. Изъ ночнаго разговора

своего съ бариномъ онъ ни слова не помнилъ. Заспалъ! говорилъ онъ, когда его спрашивали потомъ объ этомъ.

Когда Миша пришелъ, онъ отперъ ему дверь, и тутъ вдругъ осѣнила его мысль, что баринъ что̀-то какъ будто приказывалъ.

— Спятъ-съ! объявилъ онъ рѣшительно, не пуская его дальше порога.

— Ну, хорошо! я послѣ зайду, сказалъ Миша и тотчасъ же ушелъ.

Часа черезъ два онъ вернулся.

— Спятъ-съ! объявилъ опять человѣкъ.

— Ка̀къ, съ тѣхъ поръ все спитъ?

— Съ тѣхъ поръ-съ.

— Ну, такъ вотъ отдай ему это письмо и скажи, что я за отвѣтомъ приду послѣ.

Человѣкъ взялъ письмо и пошелъ съ нимъ къ барину. Тотъ лежалъ на диванѣ. Около него сидѣла Надежда Николаевна и читала ему вслухъ. Она первая увидала лакея.

— Что̀ тебѣ?

— Письмо-съ.

— Давай сюда.

Она взяла у него конвертъ и съ удивленіемъ посмотрѣла на него: онъ былъ безъ адреса.

— Отъ кого это?

— Юнкеръ принесъ.

— Какой юнкеръ?

Къ счастію, человѣкъ не зналъ фамиліи и ничего не могъ ей сказать. Соловой чувствовалъ, между тѣмъ, ка̀къ бѣгутъ по немъ холодныя мурашки, ка̀къ кругомъ скачутъ какіе-то зеленые круги. Первый разъ въ жизни онъ увидалъ, до какой степени человѣкъ можетъ быть трусомъ. Онъ, однако, глазъ даже не открылъ и сдѣлалъ видъ, что дремлетъ. Онъ зналъ, что Надежда Николаевна ни въ какомъ случаѣ не посмѣетъ распечатать письма безъ него.

Когда лакей ушелъ, она слегка тронула его за рукавъ.

— Посмотри, къ тебѣ письмо.

Онъ невнимательно посмотрѣлъ на него.

— Это, вѣрно, изъ суда.

— Ка̀къ изъ суда! Это юнкеръ какой-то принесъ.

— Не юнкеръ, а сторожъ изъ суда. Мнѣ оттуда всегда такіе пакеты носятъ.

— Такъ ты погляди, все-таки.

— Не сто̀итъ! Брось его на столъ; послѣ прочту.

«Ночью я его украду», докончилъ онъ мысленно.

— Такъ позволь, я его распечатаю, по крайней мѣрѣ. Можетъ быть, это, что̀-нибудь нужное.

— Вздоръ! пустяки! разсердился онъ.—Бросьте пакетъ и дайте мнѣ спать.

Надежда Николаевна исполнила приказаніе съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ: она никакъ не могла понять, отчего это изъ суда носятъ пакеты безъ адреса.

Соловой, между тѣмъ, лежалъ стиснувши зубы. Не было такого названія, которымъ онъ не награждалъ бы мысленно своего человѣка.

Часовъ ужъ въ девять вечера, юнкеръ опять пришелъ. Лакей не посмѣлъ ужъ ему сказать, что баринъ спитъ, потому что неестественно было бы, чтобы человѣкъ цѣлый день спалъ. Онъ поэтому снялъ съ него шинель и, ни слова не говоря, отворилъ ему двери въ залу.

Нельзя сказать, кто больше удивился: Миша ли при видѣ Надежды Николаевны, или она при видѣ его:

«Что̀ за чортъ! подумалъ Миша:—вѣдь она къ Троицѣ поѣхала!..»

Надежда Николаевна и забыла совсѣмъ, что она должна быть у Троицы. Она теперь только вспомнила объ этомъ и тотчасъ же сочинила исторію о томъ, что она сейчасъ только вернулась, услыхала отъ кого-то на желѣзной дорогѣ, что Николай Павловичъ опасно боленъ, и поѣхала прямо къ нему. Миша сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ этому и, дѣлать нѣчего, самъ тоже сочинилъ исторію.

— Я шелъ въ училище, разсказывалъ онъ:—да вотъ и зашелъ.

— Спасибо вамъ, что навѣстили, сказалъ Соловой.

«Чортъ знаетъ, ка̀къ теперь и выпутываться!» думалъ онъ. Ему, въ эту минуту, ясно стало, что онъ до желаннаго конца интригу свою никакъ не доведетъ. Все равно ужъ, рѣшилъ онъ, надо выпить чашу до дна, а что̀ будетъ на днѣ — неизвѣстно. Вѣроятно, гадость какая нибудь. Всѣ мы такъ пьемъ свою чашу и всѣ ожидаемъ найти какое-нибудь сокровище, а найдемъ простой соръ...

Конецъ второй части.

С. Смирнова.

ИЗЪ ИСТОРІИ МОЕГО ХОЗЯЙСТВА[1].

До «Положенія», у насъ была извѣстная система хозяйства, явившаяся, какъ продуктъ существовавшихъ экономическихъ отношеній, разработанная до мельчайшихъ подробностей и примѣнявшаяся повсемѣстно одинаковымъ образомъ. Что система эта совершенно соотвѣтствовала тогдашнимъ условіямъ—да она и не могла не соотвѣтствовать, потому что органически вытекла изъ нихъ, было не искусстенное созданіе, а естественный цвѣтокъ, возросшій на почвѣ существовавшихъ отношеній — доказывается, во-первыхъ, процвѣтаніемъ деревенской жизни въ то время, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что всѣ попытки измѣнить эту систему въ то время оставались безплодны. У насъ давно уже существуютъ и сельско-хозяйственныя общества, и агрономическая литература, и агрономическія учебныя заведенія, но что̀ же они сдѣлали, какое значеніе имѣли во время крѣпостного права! Ровно ничего и ровно никакого. Мало ли, напримѣръ, проповѣдывали въ то время о необходимости травосѣянія, мало ли было попытокъ вывести культуру клевера и чего только для этого ни дѣлалось; однако, травосѣяніе и клеверъ ни привились, между тѣмъ какъ теперь, чуть только гдѣ хозяйство вышло изъ прежней рутины, мы встрѣчаемъ обширныя клеверныя поля.

Въ то время, когда существовало крѣпостное право, хозяйничать было легко, потому, во-первыхъ, что существовала выработанная система хозяйства, которую во всѣхъ ея подробностяхъ зналъ каждый, начиная отъ барина и кончая послѣднимъ под-

[1] См. «Отеч. Записки» № 1, 1876 г.

паскомъ; во-вторыхъ, хозяйничать было легко потому, что отъ хозяина не требовалось ни научно-хозяйственныхъ познаній, ни предпріимчивости, ни умѣнія все расчесть, взвѣсить, сообразить, такъ какъ все дѣло хозяина состояло въ томъ, чтобы умѣть, по мѣткому выраженію Щедрина, когда нужно «спросить». Но, разумѣется, въ то время хозяйничать было легко прежде всего потому, что была выработанная система хозяйства и каждый эту систему *зналъ*. Дà, легко было хозяйничать въ доброе старое время. Хозяйничать и хорошо хозяйничать могъ тогда каждый: офицеръ, которому надоѣло кутить въ полку, пріѣзжалъ въ деревню, женился на барышнѣ-сосѣдкѣ и садился на хозяйство; чиновникъ, которому не повезло или очень повезло на службѣ, пріѣзжалъ въ имѣніе и дѣлался хозяиномъ; барыня-вдова или устарѣвшая барышня-дѣва сидѣли въ деревняхъ и хозяйничали; не было барина—сидѣлъ староста и хозяйничалъ, пока не пріѣдетъ молодой баринъ. Всѣ хозяйничали и всѣ хорошо хозяйничали, всѣ были годны для занятія хозяйствомъ, всѣ, не учась никакой агрономіи, знали хозяйство, *дѣйствительно знали*, хорошо знали, потому что для веденія хозяйства достаточно было тѣхъ хозяйственныхъ знаній, которыя каждымъ всасывались съ молокомъ матери или, лучше сказать, крѣпостной кормилицы, которыя пріобрѣтались съ малолѣтства еще въ томъ возрастѣ, когда ребенокъ-барчукъ жилъ дома въ деревнѣ и игралъ съ дворовыми ребятишками. Въ тѣ времена, лишь незначительная часть господскихъ дѣтей поступала въ учебныя заведенія съ малолѣтства; въ гимназіи помѣщики рѣдко отдавали дѣтей — гимназіи не считались тогда «благородными» заведеніями; въ кадетскіе корпуса зажиточные помѣщики тоже дѣтей рѣдко отдавали, а, если кто и поступалъ въ гвардейскую школу, артиллерійское или инженерное училище, то обыкновенно въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Такимъ образомъ, всѣ помѣщичьи дѣти съ малолѣтства, при помощи гувернантокъ или гувернёровъ, воспитывались въ деревняхъ, гдѣ проводили все дѣтство и часто все отрочество, такъ какъ большинство оставалось дома до того возраста, пока наступала пора опредѣляться юнкеромъ на службу въ полкъ. Въ то время, молодой человѣкъ, еще до поступленія на службу — кто побогаче поступали въ ближайшіе гусарскіе и уланскіе полки, кто побѣднѣе въ пѣхотные полки—воспитываясь въ деревнѣ, привыкалъ къ ней, успѣвалъ полюбить ее и практически, наглядно, знакомился съ хозяйствомъ, которымъ, рано или поздно, ему приходилось заниматься. Тогда на службу поступали только для того, чтобы получить первый чинъ, чтобы не остаться недорослемъ, чтобы превратиться изъ дитяти въ мо-

лодого человѣка, чтобы въ кругу семейства и сосѣдей изъ Пети превратиться въ Петра Ивановича—словомъ, сдѣлаться гражданиномъ. Никто не думалъ, идя служить, что онъ будетъ службою снискивать себѣ средства для жизни, и каждый зналъ, что его благосостояніе заключается въ наслѣдственной деревнѣ.

Прослуживъ въ полку нѣсколько лѣтъ, накутившись вдоволь, надѣлавъ долговъ, въ надеждѣ, что папинька», хотя и посердится, но все-таки уплатитъ, заслуживъ чинъ поручика, «молодой баринъ» возвращался въ деревню, съ которой и во время службы онъ не разрывалъ связи, во-первыхъ, потому что при немъ были свои крѣпостные люди, которые то и дѣло твердили, «а вѣдь въ деревнѣ-то, баринъ, куда лучше — вотъ теперь у насъ сѣнокосъ, папинька цѣлые дни въ лугахъ», и твердили это въ то время, когда нужно было собираться въ караулъ или на ученье послѣ безъ сна проведенной пьяной ночи; во-вторыхъ—потому, что ему нерѣдко случалось отдыхать дома въ отпуску; въ-третьихъ—потому, что, служа въ полку, расположенномъ по деревнямъ, онъ постоянно вращался въ обществѣ помѣщиковъ, живущихъ хозяйствомъ.

Накутившись въ полку вдоволь и пріѣхавъ въ отпускъ офицеромъ, «молодой баринъ» рѣдко уже возвращался въ полкъ и обыкновенно скоро подавалъ въ отставку. Выйдя въ отставку, баринъ жилъ нѣкоторое время при отцѣ, развлекаясь охотой, горничными, разъѣздами по гостямъ на «своей» тройкѣ съ наборными хомутами, скоро отъ скуки влюблялся въ какую нибудь барышню и, женившись, садился на отдѣльное хозяйство, которое велъ, при помощи бурмистра и старосты, такъ же, какъ велъ хозяйство его дѣдъ, отецъ, какъ вели всѣ окружные помѣщики сосѣди. А хорошій «папинька» всегда старался, чтобы каждому изъ сыновей приготовить отдѣльное имѣніе съ 100—150 душами, съ усадьбой, домомъ и всѣмъ, что̀ нужно для отдѣльнаго хозяйства.

Такъ какъ система хозяйства была совершенно выработана, такъ какъ каждый съ малолѣтства наглядно изучалъ ее, живя дома, то каждый и могъ по этому хозяйничать. Я самъ, воспитанный въ деревнѣ, будучи еще пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, изъ практики, изъ наглядннаго знакомства съ дѣломъ, которому научился, ѣздя съ отцомъ ежедневно по хозяйству, что̀ всегда доставляло для насъ дѣтей огромное удовольствіе, совершенно хорошо зналъ всю систему тогдашняго хозяйства, подобно тому, какъ и теперь каждый пятнадцатилѣтній крестьянскій мальчикъ отлично знаетъ всю систему крестьянскаго хозяйства. Я увѣренъ, что, еслибы тогда, когда мнѣ было пятнядцать лѣтъ, меня по-

садили на отдѣльное хозяйство, то я могъ бы, при содѣйствіи старосты, вести его вполнѣ удовлетворительно, потому что уже тогда понималъ, въ чемъ суть дѣла и что̀, когда, и ка̀къ слѣдуетъ дѣлать.

Въ то время, система полеводства повсемѣстно была одна и та же. Сѣвооборотъ—трехпольный. Каждый зналъ, что пахатныя угодья слѣдуетъ раздѣлить на три ровныхъ участка, *на три поля* и, по возможности, подладить, чтобы поля раздѣлялись рвами и лежали по тремъ сторонамъ усадьбы; самая же усадьба ставилась на возвышенномъ мѣстѣ задомъ къ полямъ, а лицомъ къ лугамъ, занимающимъ долину какой нибудь рѣчки—чтобы *видъ* былъ. Каждый зналъ, что одно поле слѣдуетъ засѣвать рожью, оставляя въ этомъ полѣ одну хорошо удобренную десятину незасѣянною, для посѣва на ней слѣдующею весною яровой пшеницы для домашняго обихода. Другое поле слѣдовало засѣвать яровыми хлѣбами: двѣ десятины ячменя на лучшихъ ячныхъ десятинахъ, одна десятина гороху, двѣ десятины гречихи на худшихъ земляхъ, одна десятина льна—все это для домашняго обихода — одна десятина льна для дворовыхъ, на остальныхъ десятинахъ—овесъ. Третье поле оставалось подъ паромъ и, вмѣстѣ съ прилегающими къ нему пустошами, рвами и плохими лужками, служило выгономъ для скота. Система полеводства очень простая, никакихъ головоломныхъ соображеній и разсчетовъ не требовавшая, а, главное, всѣмъ хорошо извѣстная и всюду одинаковая. То, что̀ дѣлалось у Петра Ивановича, дѣлалось и у Акександра Степановича, и у Семена Николаевича, и у всѣхъ.

Конечно, случалось и тогда, что нѣкоторые помѣщики «баловались» клеверомъ, рапсомъ, турнипсомъ: побываетъ помѣщикъ за границей и увидитъ, что тамъ сѣютъ клеверъ, начитается о плодопеременномъ хозяйствѣ въ статьяхъ, которыя печатались тогда въ журналахъ, въ несуществующемъ теперь отдѣлѣ «Науки и сельское хозяйство», или въ «Трудахъ», и вздумаетъ завести клеверъ и турнипсъ. Ничего, въ то время хозяйство всѣ эти баловства выносило.

Система полеводства извѣстна; сѣвооборотъ установленъ неизмѣннымъ образомъ—что̀ же оставалось дѣлать хозяину? Ничего больше, какъ только наблюдать, чтобы получалось какъ можно болѣе ржи и овса на продажу. Каждому хозяину хорошо было извѣстно, что для этого, прежде всего, нужно было имѣть какъ можно болѣе запашки; чѣмъ болѣе десятинъ засѣвалось рожью и овсомъ, тѣмъ болѣе получалось хлѣба на продажу, тѣмъ болѣе получалось доходу съ имѣнія; величина же запашки сораз-

мѣрялась количествомъ десятинъ, какое возможно было обработать, что, въ свою очередь, зависѣло отъ числа тяглъ. Все искусство администраціи состояло въ томъ, чтобы выбить изъ тягла какъ можно болѣе работы и обработать тягломъ какъ можно болѣе десятинъ. Однако, хозяинъ, который хлопоталъ *только* объ томъ, чтобы засѣять какъ можно болѣе земли и умѣлъ этого достигнуть, и въ то время еще не считался вполнѣ хорошимъ хозяиномъ—это только былъ хорошій администраторъ, который умѣлъ «спрашивать» — потому что былъ другой факторъ для увеличенія доходности—*удобреніе*. Знали, что на унавоженной землѣ хлѣбъ родится лучше, чѣмъ на неунавоженной; слѣдовательно, чѣмъ болѣе десятинъ будетъ слажено навозомъ, тѣмъ лучше родится хлѣбъ, тѣмъ болѣе получится дохода. Но для того, чтобы былъ навозъ, нужно имѣть кормъ для скота. Отсюда ясно, что, чѣмъ болѣе будетъ заготовлено всякаго корму—сѣна, соломы, мякины—тѣмъ болѣе будетъ навоза, тѣмъ болѣе будетъ хлѣба, тѣмъ болѣе будетъ дохода. Въ то время, никакихъ денежныхъ затратъ для пріобрѣтенія корма не производилось; никто корму не покупалъ; никто не нанималъ людей для расчистки и уборки луговъ — все дѣлалось своими рабочими. Цѣнность работы въ разсчетъ не принималась, поэтому не принималась въ разсчетъ и цѣнность сѣна и соломы, а, слѣдовательно, и цѣнность навоза. При такихъ условіяхъ, понятно, что все сводилось къ тому, чтобы получалось какъ можно болѣе навоза, и тотъ, кто умѣлъ этого достигнуть, получалъ болѣе дохода.

Хозяинъ, въ то время, заботился прежде всего о томъ, чтобы заготовить какъ можно болѣе корму, и тотъ хозяинъ, который умѣлъ это сдѣлать, считался хорошимъ хозяиномъ, что и было, въ сущности, совершенно вѣрно. Дѣйствительно, для полученія большого дохода, для производства большого количества навоза, особенно въ имѣніяхъ, не обладавшихъ хорошими заливными лугами, нужна была со стороны хозяина извѣстная доля хозяйственной дѣятельности: нужно было умѣть создать луга, нужно было умѣть выжать изъ крестьянскихъ тяглъ наибольшее количество работы, нужно было умѣть согласовать эти работы. Все это было, однако, не такъ трудно, и доказательствомъ служитъ то, что тогда было много хорошихъ хозяевъ и всѣ были не дурные хозяева. Въ то время, тамъ, гдѣ не было заливныхъ луговъ, раздѣлывали и осушали заливныя торфяныя болота, улучшали осушенные торфяники навозкой земли, устраивали искусственныя запруды для заноса торфяниковъ иломъ — есть имѣнія съ весьма замѣчательными работами подобнаго рода—вырубали

лѣса и расчищали лѣсныя пространства подъ луга, вычищали пустоши.

Вслѣдствіе постояннаго воздѣлыванія и содержанія въ порядкѣ различныхъ угодій, у хорошихъ хозяевъ земли, за исключеніемъ совершенно неудобныхъ, были тогда сплошь воздѣланы. Вся помѣщичья земля приносила тогда доходъ, потому что находилась или подъ пашней, или подъ покосами, или подъ заказными лѣсами, которые берегли для дѣтей, внуковъ и правнуковъ; такихъ пустырей, такихъ одичавшихъ пространствъ, на которыхъ нѣтъ ни пашни, ни луга, ни лѣса, а ростетъ какая-то дрянь, какія мы встрѣчаемъ теперь, въ то время не было.

Въ то время, косили вездѣ, гдѣ только была хотя какая нибудь трава—будь то бѣлоусъ, куманица, мохъ—выбивали, какъ у насъ выражаются, все, что̀ только можно, держась правила «зима все приберетъ». Покосъ начинали рано, съ Петрова дня, и косили сначала лучшіе заливные луга, лужки и рвы во ржаномъ полѣ, стараясь убрать ихъ до жнитва; потомъ косили худшіе луга—пустоши, лужки въ яровомъ полѣ—продолжая покосъ до глубокой осени. Сѣна, такимъ образомъ, наготовливалось пропасть, да кромѣ того, такъ какъ запашки были большія, обыкновенно обработывалось вдвое болѣе десятинъ, чѣмъ сколько можно было удобрить—соломы и всякаго бѣлаго корму заготовлялось множество.

Хозяину, въ то время, не приходилось заниматься сложными разсчетами и соображеніями о выгодности той или другой отрасли хозяйства, высчитывать цѣнность работы, навоза и т. п. Счетоводство было самое простое, и окончательный учетъ былъ простъ, потому что денежнаго расхода на хозяйство почти не было, и доходомъ считалась вся та сумма, которая выручалась за проданный хлѣбъ, на производство котораго обращалось все вниманіе. Техническая часть полеводства не требовала отъ хозяина ни научныхъ, ни даже практическихъ знаній— выбирался хорошій староста изъ своей же вотчины, который и смотрѣлъ за полевымъ хозяйствомъ. Староста зналъ, когда и ка̀къ нужно было сѣять, пахать, косить, убирать, молотить; крестьяне-пригонники работали на своихъ лошадяхъ, съ своими орудіями—смотрѣть за лошадьми и сбруей, значитъ, тоже не было нужно—и хорошо знали, что̀, чѣмъ, ка̀къ и когда слѣдуетъ дѣлать, а вздумаетъ кто лѣниться или сдѣлаетъ что нибудь дурно — у старосты была ременная тётка за поясомъ. Староста имѣлъ непосредственное наблюденіе за работами, а баринъ только изрѣдка проѣзжалъ по полямъ посмотрѣть, все ли въ порядкѣ, да полюбоваться посѣвами; разумѣется, такой баринъ не былъ, и по тог-

дашнему времени, настоящій хорошій хозяинъ. Замѣтитъ баринъ, что десятина дурно отдѣлана, всходъ неровенъ, хлѣбъ высоко сжатъ, и спроситъ на старостѣ, а староста, зная, что на немъ спросится, смотрѣлъ за всѣмъ въ оба глаза. И тутъ, значитъ, была выработанная система.

У людей,говорящихъ, что въ настоящее время нельзя хозяйничать, и сваливающихъ всю вину въ этомъ отношеніи на рабочихъ, можно было бы спросить: да какъ же шло хозяйство прежде? Вѣдь, возможно же было прежде хозяйничать и хорошо хозяйничать съ тѣми же людями; были же вѣдь старосты и бурмистры, которые отлично понимали и хозяйство, и всѣ работы; были и работники, которые умѣли все отлично дѣлать. Куда же все это дѣвалось, и отчего теперь нельзя хозяйничать съ тѣми же людьми? На это останется вѣдь отвѣчать только одно: тогда было крѣпостное право. Разъ дѣло будетъ поставлено такъ ясно—обыкновенно, при всѣхъ разсужденіяхъ о причинахъ несостоятельности нашего хозяйства, разсуждающіе все ходятъ вокругъ да около и ясно не высказываются—то и возраженіе будетъ готово: вы, нынѣшніе хозяева, утверждающіе, что въ настоящее время нельзя хозяйничать, не можете справиться съ дѣломъ потому, что нѣтъ крѣпостнаго права и нельзя расправляться съ рабочими по своей волѣ? такъ ли?

Къ крѣпостному праву возвратиться невозможно; дозволить хозяевамъ, хотя бы и черезъ полицію, пороть рабочихъ тоже невозможно, до такой степени невозможно, что, еслибы даже такое право и было опять дано, то хозяева скоро вынуждены были бы отъ него отказаться. Но разъ это невозможно тѣмъ, которые, безъ крѣпостнаго права и безъ права науки, не могутъ хозяйничать—остается одно: продать имѣнія и не заниматься хозяйствомъ, и больше ничего. Продавайте имѣнія, отыскивайте себѣ иной родъ дѣятельности—найдутся люди, которые съумѣютъ хозяйничать и извлекать богатства, втунѣ лежащія въ этихъ имѣніяхъ. Всѣ говорятъ, что имѣнія не приносятъ дохода, а между тѣмъ, попробуйте купить имѣніе въ настоящее время или взять въ аренду!

И по скотоводству, въ доброе старое время, была строго выработанная система. Скотъ содержали для навоза, и это былъ основной принципъ хозяйства. О полученіи дохода со скота никто не думалъ—что ни получится то и ладно—потому что ни кормъ, ни трудъ ухода, ни пастбища, ни постройки, не ставились въ счетъ. На скотъ смотрѣли, какъ на машины, которыя должны были переработывать солому и всякіе грубые кормы въ навозъ; при такомъ воззрѣніи, очевидно, о качествѣ скота никто

не заботился, лишь бы только его было побольше. Чтобы было болѣе навозу, держали много скота, столько, сколько можно было прокормить своимъ кормомъ и притомъ прокормить такъ, чтобы скотъ только могъ выйдти на траву. «Нынѣшній годъ у насъ со скотомъ слава Богу—ни одной штуки весной не приходилось поднимать», говорилъ хозяинъ, довольный тѣмъ, что скотъ весной самъ вышелъ на траву. Хозяинъ смотрѣлъ только за тѣмъ, чтобы корма тратилось какъ можно менѣе, чтобы хватило своего корму, чтобы какъ можно менѣе пошло на скотъ овса или другого хлѣба. Система кормленія была повсемѣстно одна и та же и всѣмъ хорошо извѣстна; скотники отлично знали, что̀ и когда слѣдовало давать, и хозяинъ почти никогда не заглядывалъ на скотный дворъ. Лучшее сѣно шло лошадямъ, телятамъ, овцамъ и годовалымъ подтелкамъ-лѣтошникамъ. Коровы получали яровую солому, мякину, ржаной подколосокъ и, если сѣна было много, стряску изъ худшаго сѣна и соломы. Такъ какъ лошадей ѣзжалыхъ держали много — ѣздили тогда все шестерками; притомъ же рѣдкій помѣщикъ не имѣлъ доморощеныхъ лошадей своего завода, конскій же навозъ считался лучшимъ, и потому держали много лишнихъ лошадей собственно для навоза—то сѣно для скота оставалось мало, коровы кормились почти исключительно соломой, да и то впроголодь. Въ то время, даже самые лучшіе хозяева скотомъ не занимались и не интересовались; хозяинъ на скотный дворъ никогда не ходилъ, скота своего не зналъ, зимой его никогда не видалъ. Даже въ скотники и пастухи, въ тѣ времена, выбирали самыхъ послѣднихъ людей, неспособныхъ на другія работы; должность скотника считалась постыдною, и на скотный дворъ часто ссылали людей за наказаніе. Конечно, и въ то время встрѣчались любители и любительницы скота, подобно тому, какъ встрѣчались любители цвѣтовъ, садовъ, оранжерей, которые выписывали швейцарскій, тугольскій, голландскій скотъ и содержали его хорошо; но такой щегольской скотъ не имѣлъ хозяйственнаго значенія, и у тѣхъ же любителей главную массу хозяйственнаго скота составлялъ простой скотъ, который, какъ и вездѣ, кормили соломой и стряской.

Держать для навоза какъ можно болѣе скота; косить и пахать сколь возможно болѣе; кормить скотъ такъ, чтобы онъ только былъ живъ; давать мужику-работнику льготы лишь на столько, чтобы онъ не убѣжалъ—вотъ основные принципы прежняго хозяйства. Такъ какъ скотъ нашъ очень выносливъ и можетъ жить на одной соломѣ—подборомъ выработалась такая замѣчательная порода, и, подобно тому, какъ существуютъ породы молочныя,

мясныя, рабочія, нашу русскую породу по истинѣ можно назвать *навозною*, ибо она исключительно предназначена переработывать солому въ навозъ—такъ какъ мужикъ былъ терпѣливъ и на пушномъ хлѣбѣ работалъ съ утра до поздней ночи, то производительность имѣній въ прежнее время была огромная. Хлѣба, въ то время, не только хватало на мѣстное потребленіе — правда, *въ то время мужикъ ѣлъ пушной хлѣбъ, а теперь ѣстъ чистый*—но еще огромныя массы ржи и овса вывозились изъ нашей губерніи черезъ балтійскіе порты заграницу.

Чтò касается домашняго хозяйства прежняго времени, то и въ этомъ отношеніи была выработанная система. Основное положеніе домашняго хозяйства прежняго времени, положеніе, котораго строго держались всѣ и которое характеризуетъ жизнь того времени, заключалось въ томъ, *чтобы все было свое*, чтобы тратилось какъ можно менѣе покупнаго, чтобы все, чтò можно сдѣлать дома, приготовлялось дома — трудъ вѣдь ничего не стоилъ, и почему же было не заставить бабъ, въ свободное отъ полевыхъ работъ время, дѣлать, напримѣръ, картофельный крахмалъ или мозговую помаду для домашняго обихода. Въ то время, дѣйствительно все было свое: и говядинка, и баранинка, и свининка, и уточка, и гусикъ, и маслицо, и крупка, и холстецъ; все было свое—и ниточка была своя, и медокъ свой и Богу свѣча своя. Начальники-управители, конторщики, даже землемѣры, бурмистры, старосты—были свои, ненанятые; пастухи, скотники, птичницы, сторожа, гуменщики—тоже были свои; мастеровые всякіе, фельдшера, живописцы—тоже были свои. Все было *свое*, не покупное, не нанятое. Топились, кормились, освѣщались — своимъ; спали на своемъ, сидѣли на своемъ, одѣвались на половину въ свое. Только бакалея, вѝна, наряды были покупные. Право, какъ подумаешь о добромъ старомъ времени, удивляешься, зачѣмъ это только существовали тогда фабрики разныя. Какой громадный переворотъ долженъ былъ произойдти въ фабричномъ дѣлѣ и въ торговлѣ за послѣднія пятнадцать лѣтъ! Сколько одной пряжи и полотенъ вырабатывалось ручными способами въ помѣщичьихъ домахъ, когда всѣ носили бѣлье изъ своего холста!

Дà, не бывало въ то время никакихъ нѣмецкихъ ухищреній: ни клеверовъ не сѣяли, ни мергелемъ не удобряли, ни коровъ не привязывали—а доходъ былъ и, если все сосчитать, большой доходъ. Хлѣба всякаго было довольно и на сѣмены, и на ѣмены, и на продажу; лошадей, скотины, птицы, прислуги всякой, была пропасть, и ко всякому дѣлу былъ приставленъ свой человѣкъ; все было свое и всего было много. Жили хорошо и весело, жирно ѣли, пьяно пили, веселились, потѣшались, пировали

круглый годъ, да и какъ было не жить въ то доброе старое время! А какъ жить теперь, когда приходится все дѣлать съ копейки! Да, славное было времечко. Хозяинъ-баринъ не долженъ былъ заниматься головоломными соображеніями и разсчетами, не долженъ былъ бѣгать по полямъ и скотнымъ дворамъ— да и прилично ли «благородному» человѣку сидѣть въ какомъ-нибудь телятникѣ или свинашникѣ?—унижаться до разсматриванія какой нибудь сохи—баринъ даже и не зналъ, какъ эта соха устроена, потому что это было дѣло мужицкое—высчитывать, во что обошлась откормка какого нибудь борова. Были гости—баринъ сидѣлъ дома и, не теряя золотого времени, бился съ сосѣдями въ преферансикъ и много, если подъ вечеръ, отправлялся съ гостями по саду полюбоваться въ оранжереѣ персиками и абрикосами. Не было гостей—баринъ, послѣ обѣда, объѣзжалъ поля и покосы, а, возвратясь домой, вечеромъ спрашивалъ бурмистра, старостъ, гуменьщиковъ, слушалъ репартицу, которую читалъ конторщикъ. Хозяйка барыня, если не было гостей, варила варенье, готовила наливки, соленья и всякій запасъ, распоряжалась тальками, полотнами, спрашивала съ ключницы, птичницы, повора, скотницы. Барышни гуляли въ лунныя ночи по садамъ, играли на фортепьяно, пѣли унылые романсы, мечтали о кавалерахъ, гадали о женихахъ, спрашивали съ горничныхъ, пяльщицъ, швей. Барчуки учились у «мусью» и «учителя», бѣгали по плодовымъ садамъ и огородамъ, гдѣ объѣдались всякою дрянью, возились съ горничными дѣвочками и дворовыми мальчишками, пріучаясь при этомъ спрашивать съ приставленныхъ къ нимъ для прислуги мальчиковъ. «Молодые господа» охотились, разъѣзжали по гостямъ, спрашивали съ псарей, кучеровъ, доѣзжачихъ. Между тѣмъ, хозяйство все шло да шло своимъ порядкомъ; земледѣліе и скотоводство процвѣтало. Помѣщикъ имѣлъ тогда и деньги, и кредитъ, потому что каждый купецъ въ городѣ зналъ, что къ осени у барина будетъ продажный хлѣбъ, сколько нибудь маслица и кожуринокъ.

Хозяйство шло своимъ порядкомъ. Независимо отъ него, *для приличія*, гдѣ-то тамъ далеко существовало высшее агрономическое заведеніе, въ которомъ обучали двадцати различнымъ «водствамъ»—домоводство, скотоводство, растеньеводство, садоводство, лѣсоводство, овцеводство, коневодство, свиноводство, пчеловодство, шелководство, піявководство, мареноводство, плодоводство, луководство и проч. и проч.—и сорока вспомогательнымъ предметамъ, а за успѣшное окончаніе курса давали молодому человѣку, запомнившему, что у клевера есть тычинки и лепестки, что клеверъ сѣется по ржи, что есть 175 породъ ско-

та, чинъ агронома, соотвѣтствующій чину поручика, съ которымъ онъ, если былъ изъ «господъ», и выходилъ въ отставку. Существовали для приличія какія-то земледѣльскія училища, какія-то образцовыя фермы, и до сихъ поръ еще не рѣшившія, какой слѣдуетъ держаться системы полеводства, какой разводить скотъ. Существовали какія-то агрономическія общества, въ которыхъ говорили «по агрономіи» тѣ, у которыхъ въ имѣніяхъ вся агрономія ограничивалась спрашиваніемъ старостъ. Существовали и «Экономическіе» журналы, въ которыхъ, рядомъ со статьями о многопольныхъ сѣвооборотахъ, сообщались рецепты приготовленія вареній, наливокъ, настоекъ—по старой памяти «Земледѣльческая газета» и до сихъ поръ еще сообщаетъ по временамъ рецепты, какъ приготовлять помаду, но это уже теперь никого не интересуетъ, и рецепты также мало читаются, какъ изложенія ученыхъ изслѣдованій надъ кормленіемъ скота. Поздно, не то ужь время теперь, чтобы «свою» помаду дѣлать. Теперь не до помады: плеснулъ на лицо водицы, пригладилъ волосы рукой, накинулъ полушубокъ, да и побѣжалъ въ телятникъ или на токъ.

Дà, все было: институты, Общества, и Либихъ былъ почетнымъ членомъ—всѣмъ баловались «господа». И хозяйство все это выносило. А почему?—потому что была выработанная хозяйственная система.

Но вотъ нагрянуло «Положеніе», и, какъ таетъ воскъ отъ лица огня, такъ растаяло все—и прежнее хозяйство, и прежняя жизнь. Разберемъ же по порядку: въ крѣпостное время, крестьяне пользовались частью земли, приписанной къ имѣнію и, въ случаѣ надобности, получали отъ помѣщика хлѣбъ—весною у насъ обыкновенно выдавали хлѣбъ, потому что безъ хлѣба пригонники не могли бы работать; помѣщикъ же давалъ крестьянамъ лѣсъ на постройки, дрова, лучину, платилъ подати. За это крестьяне отбывали помѣщику работы какъ по хозяйству, такъ и по дому, да, сверхъ того, еще давали дани въ видѣ барановъ, куръ, грибовъ, ягодъ и проч. и проч. «Положеніе» измѣнило эти отношенія и точно опредѣлило новыя отношенія; крестьяне получили въ пользованіе надѣлъ земли опредѣленной величины и за это обязаны платить помѣщику опредѣленный оброкъ, вмѣсто котораго онъ можетъ, совершивъ выкупъ, получить за землю, отошедшую крестьянамъ, выкупную сумму.

До «Положенія», крестьяне въ каждомъ имѣніи пользовались опредѣленнымъ количествомъ земли, которая такъ и называлась «крестьянскою землею»; въ иныхъ имѣніяхъ—у хорошихъ хозяевъ—границы крестьянской земли были строго опредѣлены;

въ другихъ—были опредѣлены только границы полевыхъ крестьянскихъ угодій, но что̀ касается выгоновъ, пустошныхъ покосовъ, то часто въ пользованіи крестьянъ находилось неопредѣленное количество земли, на которой имъ предоставлялось раздѣлывать лядечки, пустошки, пасти скотъ, рубить дрова. «Положеніе» точно опредѣлило количество земли, поступавшей въ пользованіе крестьянъ. Но, такъ какъ въ нашей губерніи крестьяне, въ крѣпостное время, бо̀льшею частію, пользовались *бо̀льшимъ* количествомъ земли, чѣмъ сколько имъ поступило теперь въ надѣлъ—особенно много пустошной, запольной земли находилось въ пользованіи крестьянъ, принадлежавшихъ богатымъ многоземельнымъ владѣльцамъ, мало занимавшимся хозяйствомъ, то, при надѣлѣ крестьянъ землею по «Положенію», образовались «отрѣзки», «зацѣпныя земли», иногда пространствомъ превосходящіе надѣлы—которые поступили во владѣніе помѣщиковъ. Такимъ образомъ, въ замѣнъ крѣпостного труда, помѣщики получили *оброкъ* и *отрѣзки*. Если считать только полевой трудъ крестьянъ, то есть тотъ трудъ, который крѣпостные крестьяне употребляли на обработку господскихъ полей, то оброкъ и отрѣзки окупаютъ этотъ трудъ, такъ какъ на деньги, получаемыя въ видѣ оброка, съ прибавкою того, что̀ можно получить, сдавая отрѣзки въ аренду тѣмъ же крестьянамъ и въ настоящее время наймомъ, можно было бы обработать столько же десятинъ запашки. Но, допустивъ, что за оброкъ и отрѣзки можно нанять тѣхъ же бывшихъ своихъ крестьянъ съ ихъ лошадьми, телегами, сохами и проч., для обработки полей—допустивъ, что при этомъ все будетъ идти по старому, все таки же выйдетъ не то въ концѣ концовъ. Является еще другая сторона дѣла. Для присмотра за работами нуженъ староста; прежде староста выбирался изъ своей вотчины и былъ свой крѣпостной; теперь старосту нужно нанять, да еще притомъ нужно умѣть найдти подходящаго человѣка. Прежде былъ свой ключникъ, свой гуменщикъ, свой скотникъ, свой сторожъ, своя скотница, своя птичница, а теперь нужно нанять и скотника, и гуменщика, и сторожа. По этому, часть оброка нужно употребить на наемъ всѣхъ этихъ необходимыхъ для хозяйства лицъ, да нужно умѣть найти этихъ лицъ, да умѣть съ ними сладить, да умѣть имъ показать, что̀ и ка̀къ нужно дѣлать. Такимъ образомъ, часть оброка уйдетъ на содержаніе всѣхъ этихъ лицъ, и тогда уже не хватитъ средствъ на обработку прежняго количества земли. Но это только по хозяйству, а домашняя жизнь... Прежде былъ свой истопникъ и были свои дрова, а теперь нужно нанять истопника, нужно нанять нарубить и вывезти дрова; прежде былъ

свой садовникъ, свой огородникъ, свои бабы для полки грядъ— теперь нужно нанять и огородника, и садовника, и бабъ. Прежде былъ свой кучеръ, свой поваръ, свой лакей, свой печникъ, свой столяръ, свой кузнецъ—теперь все нужно нанять, все нужно купить. Прежде мужики нанесутъ и баранчиковъ, и курочекъ, и гусиковъ, и грибковъ, и ягодокъ, а теперь все это нужно купить. Прежде, помѣщикъ, имѣвшій сто душъ, жилъ припѣваючи, потому что имѣлъ все свое и, купивъ на деньги, полученныя отъ продажи хлѣба и кое-какого лишняго скотишка, всю годовую пропорцію бакалеи и прочей покупной провизіи, могъ, если былъ скопидомъ, отложить кое-чтò и въ сундучокъ; теперь же, если всѣхъ нанять, все купить, то весь оброкъ и уйдетъ на это, а на обработку полей уже ничего и не останется. Да еще хорошо, если есть оброкъ, а если имѣніе было заложено и приходится, волей неволей, сдѣлать выкупъ, чтобы расплатиться съ долгами.

Само собою понятно, что, при новыхъ условіяхъ, нужно было въ корень измѣнить всю старую систему хозяйства и жизни, нужно было сжечь до тла все старое и на пепелищѣ создать новое, нужно было сжечь самого себя и обновиться духомъ, сдѣлаться новымъ человѣкомъ. Если бы освобожденіе крестьянъ совершилось вслѣдствіе крутого переворота, сопровождалось кровавой борьбой, то оно потрясло бы до основанія всѣ существовавшія дотолѣ отношенія, сразу задѣло бы всѣхъ, и обѣ стороны вышли бы изъ этой борьбы возрожденными. Но оно совершилось путемъ мирнымъ, почти неожиданно для обѣихъ сторонъ, нисколько не коснулось другихъ сословій, въ первый моментъ нисколько не коснулось духовной жизни, не имѣло въ себѣ элементовъ, способствующихъ быстрому развитію массъ и полному ихъ возрожденію духомъ, представляло *только экономическій переворотъ*, вліяніе котораго на развитіе будетъ медленное и окажется лишь въ послѣдствіи.

Положеніе помѣщиковъ, при новыхъ условіяхъ, казалось безисходнымъ... но «Положеніе», освободивъ крестьянъ и установивъ земельныя отношенія, сдѣлало только формальное дѣло. «Положеніе» не превратило освобожденныхъ въ новыхъ людей, не обновило ихъ духомъ; крестьянинъ внутренно остался тѣмъ же, чѣмъ былъ, съ тѣми же понятіями о хозяйствѣ, объ взаимныхъ отношеніяхъ людей и проч.—словомъ, *нисколько не развился*, и потому на переходное время, пока оба сословія обновятся духомъ, устроились извѣстныя соглашенія. Помѣщикъ устраивалъ новую жизнь, новое хозяйство, держась старой системы. Разумѣется, на первый разъ сладились. Вслѣдствіе этого, и

явилось то положеніе, которое мы видимъ теперь: тоже старое хозяйство, та же система, тѣ же понятія, но все это сморщилось, съежилось, все это видимо разрушается и держится гнилыми подпорками; не рухнуло еще, но и не стоитъ твердо, да и не рухнетъ сразу, а, подгнивая постепенно, сопрѣетъ, развалится, измором будетъ доведено до конца. Это—не разоренная междуусобной войною страна, въ которой всюду видно разрушеніе, насиліе, слѣды меча и огня. Вы не увидите разломанныхъ, обгорѣлыхъ построекъ, но всюду встрѣчаете подгнившія, покачнувшіяся на бокъ, одряхлѣвшія, разваливающіяся.

Я уже говорилъ, что первое время было сдѣлано много попытокъ повести хозяйство на новый ладъ. Въ первый моментъ, всѣ бросились на хозяйство, стали читать агрономическія книги и, наслушавшись агрономовъ, которые всю свою премудрость почерпали изъ нѣмецкихъ книжекъ и думали, что преобразовать хозяйство ничего не стòитъ, стали примѣнять на практикѣ вычитанное и выслушанное. Громадныя суммы денегъ были потрачены на хозяйство въ это время, и мало было хозяевъ, которые не поплатились тогда за свои безтолковыя агрономическія затѣи. Только и уцѣлѣли тѣ, которые въ первый моментъ крѣпко держались стараго, вò-время успѣли воспользоваться всеобщимъ смятеніемъ, когда, видя неудачу агрономіи, всѣ бросили хозяйство и побѣжали на службу, вò-время взялись за измѣненія системы хозяйства и поняли, что дѣло не въ клеверѣ, не въ симентальскомъ скотѣ, а въ чемъ-то другомъ, болѣе существенномъ.

Понятно, что старые хозяева не могли вдругъ создать новую систему хозяйства, потому что для этого они сами должны были переродиться, чтò было невозможно, по крайней мѣрѣ, не могло совершиться вдругъ. Попытки повести хозяйство состояли лишь въ формальныхъ нововведеніяхъ, но духъ оставался все тотъ же. Бросились на машины, полагая, что вся суть дѣла заключается въ нихъ, что стòитъ только купить машины и онѣ будутъ работать, какъ работали прежде крѣпостные—оказалось, что машинамъ нельзя приказывать, съ машинъ нельзя спрашивать. Бросились на травосѣяніе, разведеніе многоплодныхъ сортовъ хлѣба, стали вводить многопольную систему полеводства, полагая, что стòитъ только засѣять поля клеверомъ и тимофеевкой, чтобы имѣть сѣно также дешево, какъ его имѣли прежде, что стòитъ только, вмѣсто простой ржи, посѣять кустовку, чтобы получить урожай самъ-20.—Оказалось, что клеверъ нужно умѣть [illegible]ать, что кустовка на тощей, худо обработанной почвѣ ро[illegible] не лучше простой ржи и сама собою въ амбаръ не сып-

лется, а сыплется на землю, если не во-время сжата. Бросились на скотоводство, полагая, что стоитъ только накупить какихъ нибудь сименталокъ или ярославокъ, чтобы получать хорошій доходъ со скотнаго двора, но оказалось, что сименталокъ нужно кормить, нужно доить, что и у нихъ молоко само не течетъ въ ушаты, не сбивается въ масло. Люди, пропитанные старыми понятіями о хозяйствѣ, вовсе неподготовленные къ тому, чтобы создавать новую систему, неспособные работать и жить тою жизнью, какою приходится жить хозяину новаго времени— много-ли такихъ дѣятелей, какъ Путята, который ежедневно, въ 5 часовъ утра, въ 12 дня и въ 5 вечера бываетъ на скотномъ дворѣ и собственноручно поитъ телятъ!—окруженные людьми, воспитанными на старой системѣ, съ молокомъ матери всосавшими извѣстныя хозяйственныя понятія, думали, при помощи агрономіи, насажденной у насъ, никогда не занимавшимися *своимъ* хозяйствомъ, чиновниками агрономическаго вѣдомства, вести хозяйство по новому. Помилуйте, да тутъ, не то, что какой нибудь помѣщикъ, незнающій, что существуетъ углекислота, что клеверъ нельзя сѣять подъ соху, что у коровы нѣтъ рѣзцовъ въ верхней челюсти, но и любой инспекторъ сельскаго хозяйства—если бы даже ему дали въ помощники *самого* редактора земледѣльческой газеты—будучи въ то время посаженъ на хозяйство въ одно изъ нашихъ имѣній, провалился бы и съ клеверами, сименталками, жатвенными машинами.

Повторяю, въ эту эпоху хозяйствованія по агрономіи были затрачены громадные капиталы, которые погибли безплодно. Конечно, и эти увлеченія принесли пользу, и, по моему мнѣнію, главная польза заключается въ томъ, что всѣ эти неудачи подорвали вѣру въ *нашу агрономію*. Дà, я считаю чрезвычайно полезнымъ то, что многіе, видя несостоятельность агрономическихъ затѣй, перестали вѣрить въ возможность устройства по новому хозяйствъ при содѣйствіи *такой* агрономіи. Конечно, я не отрицаю пользы науки, какъ думаютъ нѣкоторые; напротивъ, я знаю, что, безъ содѣйствія науки, наше хозяйство не скоро выйдетъ на новый путь, но я отрицаю пользу той, такъ-называемой у насъ, агрономической науки, которая проповѣдывалась людьми, никогда хозяйствомъ незанимавшимися. Вы представьте себѣ только, какъ формировались эти проповѣдники: человѣкъ окончилъ курсъ—допускаю даже, что въ университетѣ— и поступилъ чиновникомъ въ департаментъ. Между тѣмъ, начальству понадобилось послать молодыхъ людей обучаться заграницей агрономіи. Предлагаютъ молодому человѣку ѣхать. Отчего же не поѣхать—содержаніе даютъ хорошее. Вотъ онъ от-

правляется въ Германію, поступаетъ на одну изъ агрономическихъ станцій, читаетъ агрономическія книжки, слушаетъ лекціи, работаетъ въ лабораторіи и представляетъ отчеты о своихъ занятіяхъ. До чего можетъ дойти чиновничество, прекраснымъ примѣромъ служитъ то, что въ одномъ изъ *напечатанныхъ* отчетовъ, представленныхъ господиномъ, посланнымъ заграницу для изученія агрономіи, онъ такъ подробно описывалъ свои занятія, что даже переименовывалъ какія, гдѣ и когда *читалъ книги* — вотъ такъ паинька. По возвращеніи изъ заграницы, молодой человѣкъ, поработавшій на станціяхъ, посмотрѣвшій образцовыя хозяйства, получилъ мѣсто профессора, и вотъ онъ читаетъ лекціи какого-нибудь «водства», пишетъ статьи по нѣмецкимъ источникамъ, дѣлаетъ сообщенія въ агрономическихъ обществахъ, ведетъ хозяйственныя полемики. Хорошо еще, если онъ основательно изучилъ естественныя науки и въ своихъ лекціяхъ излагаетъ лишь теоретическія свѣдѣнія, выработанныя при содѣйствіи естествознанія, не касаясь при этомъ практики; но, если онъ естественныхъ наукъ не знаетъ, работать для разрѣшенія теоретическихъ вопросовъ, хотя бы, напримѣръ, относительно питанія растеній и животныхъ, не можетъ, а усвоилъ себѣ только нѣмецкій агрономическій катехизисъ и начинаетъ проповѣдывать практическую агрономію, совѣтывать хозяевамъ разводить рипсъ, турнипсы и т. п.

Нѣтъ, я науку не отрицаю, и каждому, кто спросилъ бы у меня, что̀ ему дѣлать, чтобы быть полезнымъ хозяйственнымъ дѣятелемъ, я бы сказалъ: прежде всего—учись, изучи математику, физику, химію, физіологію, изучи, что̀ сдѣлано при содѣйствіи этихъ наукъ по части сельскаго хозяйства, и, когда будешь достаточно подготовленъ, чтобы быть въ состояніи примѣнять пріобрѣтенныя знанія на практикѣ, садись на хозяйство, гдѣ, прежде всего, изучи свою почву, свой климатъ, свою страну, вникни во все до мельчайшихъ подробностей, пользуйся опытностью всѣхъ окружающихъ тебя хозяевъ.

Всѣ наши ошибки по части хозяйства происходятъ отъ того, что у насъ наукою называютъ не науку, а собраніе агрономическихъ правилъ, выработанныхъ для нѣмецкихъ и иныхъ хозяйствъ, и считаютъ ученымъ агрономомъ всякаго, кто знаетъ, какъ сѣютъ и убираютъ клеверъ въ Германіи.

Не вдаваясь въ подробности, я позволю себѣ указать на одинъ примѣръ. Заграницею, на нѣмецкихъ агрономическихъ станціяхъ сдѣлано много замѣчательныхъ опытовъ надъ кормленіемъ домашнихъ животныхъ. На основаніи этихъ опытовъ, выведены правила для кормленія скота, по которымъ, зная вѣсъ живот-

наго, зная, какiе имѣются въ хозяйствѣ кормы, зная составъ кормовъ, говорятъ, можно составить теоретически кормовую дачу, при которой корова будетъ давать maximum молока. Ученье о нормахъ кормленiя теперь въ модѣ; ученые скотоводы, хозяйственные журналы, щеголяющiе ученостью—всѣ говорятъ намъ, что мы должны кормить скотъ по этимъ нормамъ, и, еслибы ученый скотоводъ увидалъ, что, напримѣръ, Путята даетъ своему скоту кормъ не по нормамъ, то онъ призналъ бы, по одному этому, его хозяйство нерацiональнымъ. Хорошо; но посмотримъ же, что̀ выходитъ на самомъ дѣлѣ. Вопервыхъ, въ этихъ нормахъ вовсе не принимаются въ разсчетъ индивидуальныя качества животныхъ, а между тѣмъ, они имѣютъ большое значенiе. Телятина, напримѣръ, питательна, но есть люди, которые не могутъ ѣсть телятины; точно также конопляная жмака—отличный кормъ для скота, но попадаются коровы, которыя жмаку не ѣдятъ, точно такъ же, какъ случается, что корову нельзя случить съ быкомъ, который ие нравится. Вовторыхъ, въ нормахъ не приняты въ разсчетъ индивидуальныя свойства составныхъ частей пищи и предполагается, что все равно, какiя азотистыя вещества вы дадите—тѣ ли, которыя заключаются, напримѣръ, во ржи, или тѣ, которыя заключаются въ овсѣ. Но это не такъ: горохъ содержитъ много питательныхъ азотистыхъ веществъ, но имъ нельзя постоянно кормить людей, потому что онъ надоѣдаетъ, претитъ, какъ говорятъ рабочiе; отъ того горохъ, несмотря на обилiе въ немъ азотистыхъ веществъ, и дешевъ. Казалось бы, что все равно, что ввести въ кормовую дачу ржаную муку или овсяную, но это не такъ, и овесъ нельзя замѣнить рожью, вслѣдствiе чего овесъ иногда стоитъ въ равной цѣнѣ съ рожью. Есть травы, которыхъ корова не ѣстъ, а овца или лошадь ѣстъ; есть травы, которыхъ корова не ѣстъ въ сыромъ видѣ, но ѣстъ въ сухомъ. Если трава выросла въ тѣни, то корова ее не ѣстъ, а если та же трава выросла на солнцѣ, то она ее ѣстъ. Есть травы, которыхъ корова не станетъ ѣсть на корню, но будетъ ѣсть скошенными; корова любитъ хлѣбъ, но попадаются коровы, которыя не ѣдятъ хлѣбъ изъ нечистыхъ рукъ, если, напримѣръ, напередъ подоить другую корову и, не вымывъ рукъ, дать хлѣбъ; вообще много есть такого, чего и не снилось нашимъ мудрецамъ. Зная своихъ коровъ, зная свои травы, я берусь, напримѣръ, составить по всѣмъ правиламъ кормовую дачу, въ которой все будетъ вѣрно, но, если корову станутъ кормить этой дачей, то она перестанетъ давать молоко, захудѣетъ и, наконецъ, сдохнетъ. Но, скажутъ, это все—частно-

сти, и ученье о нормахъ кормленія не слѣдуетъ принимать такъ абсолютно. Ну, да—вотъ въ этомъ-то и дѣло.

Еще примѣръ: если вы станете кормить коровъ и наблюдать тщательно за усвоеніемъ ими пищи и результатами кормленія, то увидите, что одинъ и тотъ же кормъ усвояется коровою въ разныя времена года различно и производитъ молоко разнаго качества и въ разномъ количествѣ. Одна и та же корова, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, при одномъ и томъ же кормѣ, будетъ въ октябрѣ иначе усвоивать питательныя вещества корма, давать иное количество молока и иное молоко по составу, чѣмъ въ мартѣ, потому что на усвоеніе пищи имѣетъ вліяніе положеніе земли относительно солнца. Въ первый разъ, когда я замѣтилъ эту разницу по отношенію къ корму, судя по времени года—разницу, хорошо извѣстную крестьянамъ, я рѣшительно не зналъ, какъ объяснить это явленіе, но потомъ, наблюдая и вдумываясь, пришелъ къ тому заключенію, что тутъ имѣетъ вліяніе свѣтъ, то-есть положеніе земли относительно солнца. Всѣмъ извѣстно, что осенью, до поворота солнца, жизнь многихъ растеній останавливается, хотя бы они и находились въ теплой комнатѣ. Точно также въ акваріумѣ, стоящемъ въ теплой комнатѣ, улитки засыпаютъ осенью и просыпаются лишь въ январѣ или февралѣ; животныя, подверженныя зимней спячкѣ, зимою спятъ, хотя бы вы ихъ содержали въ теплой комнатѣ. Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ такое состояніе растеній и животныхъ обусловливается вліяніемъ свѣта. Во время этой спячки, до нея и послѣ нея, питательные процессы совершаются различнымъ образомъ. Для меня нѣтъ сомнѣнія, что свѣтъ оказываетъ такое же вліяніе на *всѣхъ* животныхъ, начиная отъ улитки и кончая человѣкомъ; я не сомнѣваюсь, что съ октября до марта всѣ животныя находятся въ особомъ состояніи, которое рѣзко выражается лишь въ животныхъ, подверженныхъ спячкѣ, и что въ это время питательные процессы совершаются иначе, чѣмъ лѣтомъ. Я убѣдился, что, если составить такую кормовую дачу, чтобы корова давала при этой дачѣ въ мартѣ наибольшее количество молока, то, при равныхъ условіяхъ, корова не дастъ, при той же дачѣ, того же количества молока въ октябрѣ; но, если измѣнить дачу и составить ее иначе, то можно достигнуть того, что корова и въ октябрѣ будетъ давать такое же количество молока, какъ и въ мартѣ, только молоко будетъ другого состава.

Принимая все это во вниманіе, нельзя не согласиться, что и для кормленія скота, подобно тому, какъ и для всего другого въ хозяйствѣ, необходимо выработать *свои* правила, *свою* агро-

номію, а не перетаскивать непережеванное чужое. Все хорошо на своемъ мѣстѣ.

Оборвавшись на агрономіи, порастративъ на хозяйство какія были деньжонки, помѣщики порѣшили, что ничего не подѣлаешь, и обратились вспять, вернулись къ старому хозяйству, которое уже предоставлено устроить и вести старостамъ, а сами ускакали служить. Старосты устроились.

Крестьяне, получивъ надѣлъ, не могли довольствоваться имъ. Надѣлы недостаточны для того, чтобы вести на нихъ хозяйство по той системѣ, по которой крестьяне привыкли вести его прежде. Въ надѣлахъ нѣтъ лѣсу, нѣтъ луговъ, нѣтъ выгоновъ и, главное, нѣтъ «приволья», а безъ приволья нѣтъ возможности жить такъ, какъ привыкъ жить крестьянинъ. Все это, и лѣсъ, и лугъ, и выгонъ, и приволье, крестьянинъ могъ получить только отъ помѣщика, у котораго всего этого осталось еще много. Конечно, и лѣсъ, и лугъ, и даже выгонъ, можно купить за деньги, но, вопервыхъ, много ли такихъ крестьянъ, у которыхъ были бы деньги, а, вовторыхъ, еслибы даже и были деньги, крестьянинъ не привыкъ покупать на деньги и предпочиталъ заплатить за лѣсъ, лугъ, выгонъ работой. Купить же «приволье» крестьянинъ не могъ и на деньги, а между тѣмъ, оставаясь при своей прежней системѣ хозяйства, при своемъ прежнемъ образѣ жизни, безъ приволья онъ обойтись не могъ. Съ ранней весны до поздней осени, лошадь у крестьянина находится на подножномъ корму; если «уруга» хороша, то за лѣто лошадь отъѣдается и выходитъ на зиму сытою, что̀ очень важно, потому что, если лошадь не поправилась на травѣ, росами, то зимою, на сѣнѣ, ее исправить трудно. Подножнаго корма для лошадей въ надѣлахъ не хватитъ и, слѣдовательно, нужно имѣть особенные выгоны; но этого мало: лошади у крестьянъ не пасутся табуномъ за пастухомъ, но бродятъ свободно подъ присмотромъ мальчишекъ, при чемъ каждый смотритъ *только за своими* лошадьми, а, при такомъ порядкѣ, потравы или, по крайней мѣрѣ, засвоки на чужую землю, если даже и есть свой выгонъ, неминуемы. Рогатый скотъ у крестьянъ зимою стоитъ на соломѣ и весною обыкновенно выходитъ на траву чуть живой; овцы, хотя и получаютъ зимою сѣно, но кормятся всегда въ проголодь и тоже выходятъ на весну истощенными. Чтобы скотъ за лѣто поправился, чтобы онъ давалъ молоко, чтобы бараны хотя сколько-нибудь отъѣлись, опять-таки нужна уруга, которой въ надѣлахъ нѣтъ. Нанять уругу гдѣ-нибудь на сторонѣ невозможно, потому что необходимо, чтобы она прилегала къ деревнѣ, къ крестьянскимъ полямъ и лугамъ. Немыслимо было, чтобы крестьяне измѣнили

систему хозяйства, чтобы они завели на своихъ надѣлахъ посѣвы клевера, стали держать лѣтомъ скотъ въ хлѣвахъ, вообще существенно, въ самыхъ основахъ, измѣнили свое хозяйство, свои порядки, свою жизнь. Продолжая же старую систему, крестьяне неминуемо становились въ зависимость отъ помѣщика, бывшаго своего или чужого, смотря по тому, къ чьей землѣ прилегали ихъ надѣлы; къ этому еще присоединилась необходимость въ опредѣленные сроки выплачивать оброки или выкупныя, подати и разные сборы, покупать хлѣбъ для своего пропитанія, такъ какъ своего хлѣба у крестьянъ недостаточно. Явилась, слѣдовательно, необходимость заработывать деньги, а на первыхъ порахъ чѣмъ ихъ было заработать, какъ не полевыми работами у помѣщика? Помѣщики, съ своей стороны, нуждались въ работѣ. Такимъ образомъ, съорганизовалась та система хозяйства, которая господствуетъ въ нашей мѣстности: все осталось по старому, съ тою лишь разницею, что запашки вездѣ уменьшены на двѣ трети и потому хозяйство вездѣ съузилось, съежилось и представляетъ тоже старое хозяйство только въ миніатюрѣ.

Луга крестьяне убираютъ съ части, тѣмъ порядкомъ, который я описалъ выше, и слѣдующую помѣщику часть сѣна доставляютъ въ усадьбу, слѣдовательно, относительно уборки сѣна нѣтъ никакихъ хлопотъ, и остается только смотрѣть, чтобы, при раздѣлѣ сѣна, помѣщику пришлась та часть, которая ему слѣдуетъ. Поля крестьяне, на своихъ лошадяхъ, со своими орудіями, обработываютъ тѣмъ же порядкомъ, тѣми же способами, какъ обработывали въ старое время и ссыпаютъ въ амбаръ готовый хлѣбъ, такъ что и въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ хлопотъ, потому что остается только продать хлѣбъ и получить денежки. Такъ какъ все идетъ по старому, то для распоряженія по хозяйству, для присмотра за работами достаточно имѣть простого, недорогого старосту, который бы зналъ эту немногосложную, изстари заведенную систему хозяйства, умѣлъ обходиться съ крестьянами, не слишкомъ ихъ нажималъ, не пьянствовалъ, не воровалъ; для старосты же многаго не нужно: достаточно избы, одной лошади съ необходимыми принадлежностями, маленькаго огорода. Система содержанія скота осталась та же самая; цѣль содержанія—для навоза—та же самая; уходъ доведенъ до величайшей простоты, потому что содержатъ или бычковъ, или, не занимаясь сборами масла и молока, пускаютъ телятъ подъ матокъ и оставляютъ подъ ними до слѣдующей осени. Одинъ скотникъ, обыкновенно человѣкъ семейный, бо́льшею частію неспособный къ другимъ работамъ, пасетъ скотъ лѣтомъ и кормитъ

его зимой, заботясь только о томъ, чтобы скотъ весною самъ вышелъ на траву.

Хозяйство, какъ видите, доведено до величайшей простоты и дѣлать въ немъ нѣчего. Все идетъ по старому, никакой перемѣны не произошло, кромѣ того, что все уменьшилось до одной трети противъ прежняго. Казалось бы, стоило только примириться съ такимъ положеніемъ и затѣмъ толковать нечего. Но дѣло въ томъ, что все это не такъ просто, и годъ отъ году хозяйства, даже сокращенныя до такихъ размѣровъ, падаютъ все болѣе и болѣе, доходы все уменьшаются, а расходы увеличиваются, и ясно для каждаго, кто способенъ вникнуть въ дѣло, что, оставаясь при такой системѣ, хозяйства, за исключеніемъ развѣ имѣній, обладающихъ заливными лугами, должны, наконецъ, совсѣмъ разрушиться.

Пока луга еще не одичали, не заросли, съ нихъ получалось значительное количество сѣна, но, по мѣрѣ того, какъ луга годъ отъ году зростаютъ, количество сѣна, получаемаго хозяиномъ, уменьшается и притомъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ хуже дѣлаются травы, потому что уменьшается часть, которая достается владѣльцу: гдѣ вскорѣ послѣ «Положенія» косили съ половины, тамъ теперь косятъ уже съ трехъ пятыхъ, скоро будутъ косить съ двухъ третей, а потомъ и вовсе косить не будутъ. Количество корма убыло годъ отъ году, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшается и количество навоза.

Пока въ пахатныхъ земляхъ была еще старая сила, запущены были, прежде всего, дальнія земли, на которыя мало попадало навозу и прежде, а оставлены земли поддворныя; пока было порядочно корму и получалось достаточно навозу для удобренія всей пахатной земли, урожаи были удовлетворительны. Но, по мѣрѣ того, какъ земли выпахивались, количество навоза уменьшалось и урожаи стали хуже, а между тѣмъ, цѣны на рожь, отъ продажи которой получался главнѣйшій доходъ, стали ниже вслѣдствіе подвоза степной ржи, да и требованія на нея не стало, потому что наша рожь не можетъ конкурировать съ степной для заграничнаго отпуска.

Пока прежнія постройки были крѣпки и держались почти безъ всякаго ремонта, пока былъ еще стараго завода скотъ, лучше выращенный, чѣмъ его выращиваютъ теперь, когда кормовъ стало меньше, кормы стали хуже и уходъ менѣе рачителенъ; пока были прежніе старосты и скотники, жившіе за дешевую цѣну и умѣвшіе хозяйничать, хотя и по старому, пока обработка земли, уборка сѣна и хлѣба по старой привычкѣ, и вслѣдствіе лучшаго присмотра болѣе умѣлыхъ старостъ, произ-

водилась тщательнѣе, чѣмъ теперь —доходы были болѣе и расходы менѣе.

Плохо ремонтируемыя постройки разрушаются, и теперь уже приходится почти повсемѣстно дѣлать новыя хозяйственныя постройки. Цѣны на трудъ возвысились; съ тѣмъ вмѣстѣ, возвысились цѣны на старостъ и скотниковъ, а въ особенности на пастуховъ.

Такимъ оброзомъ, доходъ значительно убавился, а расходъ на всемъ прибавился и годъ отъ отъ году доходъ будетъ убывать, а расходы прибывать.

Наконецъ, такое хозяйство можетъ идти только при условіи обработки земли по старому, сдѣльно съ крестьянами съ ихъ лошадьми и орудіями, то есть, когда крестьяне будутъ обработывать землю кругами, какъ у насъ называется, и, притомъ, за ту дешевую цѣну, за которую они обработываютъ теперь; но разъ прекратится такой способъ сдачи земель на обработку или цѣны значительно подымутся, вести хозяйство по старой системѣ будетъ *совершенно невозможно*, если не сдавать и пахатныя земли на обработку съ части, какъ сдаютъ теперь луга.

Между тѣмъ, съ каждымъ годомъ сдача земель на обработку кругами становится болѣе и болѣе затруднительною, и цѣны съ каждымъ годомъ подымаются. Въ моей статьѣ: «Дороговизна-ли рабочихъ рукъ составляетъ больное мѣсто нашего хозяйства?» я говорилъ, что имѣнія, относительно обезпеченности въ полевыхъ работахъ по старому порядку, могутъ быть раздѣлены на три разряда. Къ первому разряду относятся имѣнія богатыхъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ большимъ количествомъ всякихъ угодій и отрѣзковъ, прилегающихъ къ разнымъ деревнямъ, часто разбросаннымъ на значительномъ пространствѣ. За пользованіе различными угодьями и *отрѣзками* крестьяне обработываютъ у такихъ владѣльцевъ господскія земли, то есть, отбываютъ нѣчто въ родѣ барщины. Ко второму разряду принадлежатъ имѣнія, которыя обезпечены круговыми работами за деньги, потому что, сверхъ денежной платы, могутъ дать обработывающимъ землю крестьянамъ уругу, то есть выгоны и приволье или необходимые для нихъ покосы, лѣсъ и т. п. Къ третьему разряду принадлежатъ имѣнія, которыя не только не могутъ дать крестьянамъ уруги, но и не могутъ, по своему положенію, стѣснить крестьянскіе надѣлы, а потому должны сдавать крестьянамъ обработку полей кругами только за деньги, выдавая нуждающимся задатки впередъ, въ такое время, когда у крестьянъ нѣтъ денегъ, а между тѣмъ, нужно платить повинности.

«Имѣнія перваго разряда, въ которыхъ работы производятся

за отрѣзки, даютъ значительный доходъ своимъ владѣльцамъ, и въ нихъ-то, по всей вѣроятности, долѣе всего удержится старая система хозяйства, потому что эта система только и можетъ держаться тамъ, гдѣ хозяинъ обезпеченъ относительно обработки полей кругами за дешевую цѣну. Имѣнія эти принадлежатъ богатымъ землевладѣльцамъ, которые владѣютъ большимъ количествомъ всякихъ угодій — лѣсами, заливными и пустошными лугами и, главное, отрѣзками — за которые имъ долго еще будутъ работать. Во время крѣпостнаго права эти владѣльцы имѣли много деревень, разбросанныхъ въ окружности хуторовъ и главнаго имѣнія; крестьяне этихъ деревень, обыкновенно состоящихъ изъ небольшаго числа дворовъ, владѣли въ прежнее время большимъ количествомъ земель, ими самими раздѣланныхъ изъ подъ лѣсовъ, среди которыхъ они были когда-то поселены, и потому теперь, когда надѣлы деревень опредѣлены, а лишняя земля отрѣзана, они очутились окруженными господской землей и волей-неволей должны брать отрѣзки и отбывать за нихъ работой. Въ имѣніяхъ этихъ категорій владѣльцы обыкновенно не живутъ и много если наѣзжаютъ лѣтомъ пожить мѣсяцъ два въ деревнѣ; управленіе имѣній находится обыкновенно въ рукахъ управляющихъ и прикащиковъ стараго закала, часто изъ бывшихъ дворовыхъ, которымъ говорятъ «ты». Обладая массою такого добра, какъ различныя угодья и отрѣзки, такой прикащикъ изъ умѣлыхъ, зная до тонкости положеніе крестьянъ, ихъ нужды, нравы, привычки, держитъ всѣхъ окрестныхъ крестьянъ, среди его земель сидящихъ, въ извѣстной зависимости, хотя не въ крѣпостной, но въ сильной зависимости, потому что крестьяне только отъ него могутъ получить лѣсъ, дрова, луга, выгоны, приволье. Если къ этому присоединить еще, что крестьяне всегда нуждаются въ деньгахъ, что такой прикащикъ знаетъ, когда и кто нуждается, и не боится выдавать деньги впередъ, потому что имѣетъ значеніе въ волости, особенно, если владѣлецъ—человѣкъ значительный, чѣмъ прикащикъ не преминетъ воспользоваться, то зависимость выйдетъ порядочная. При такихъ условіяхъ, прикащики могутъ доставлять доходы, ведя хозяйство по старой системѣ, чѣмъ они обыкновенно и хвастаютъ. За *отрѣзки* бо̀льшая часть полей обработывается безплатно, слѣдовательно, все, что̀ уродится, составляетъ чистый доходъ; что̀ не обработывается за отрѣзки, то обработывается за дешевую цѣну крестьянами, берущими круги для того только, чтобы пользоваться выгонами и покосами изъ части сѣна—тутъ опять-таки не можетъ быть убытка, потому что, какой бы ни былъ урожай, все-таки же отъ продажи хлѣба получится съ круга

значительно болѣе какихъ-нибудь 20 рублей, которые платятся за обработку. Если, при этомъ, часть заливныхъ луговъ отдается въ аренду на деньги или подъ работы, или продается часть сѣна, что будетъ вполнѣ благоразумно, потому что, если держать дурной скотъ и не имѣть за нимъ надлежащаго ухода, то выгоднѣе продавать луга или сѣно, а скотъ держать для переработки въ навозъ грубыхъ кормовъ и кормить по старинному, соломой и мякиной, то доходъ, при такихъ условіяхъ будетъ очень порядочный.

Конечно, доходъ, доставляемый такими имѣніями, не великъ, если его распредѣлить на все количество земель и высчитать, что даетъ десятина въ общей сложности; конечно, при другой системѣ хозяйства, доходъ могъ бы быть и болѣе, но такъ какъ у владѣльца земель много, то, въ суммѣ, съ имѣнія получается хорошій чистый доходъ, то есть ежегодно очищается значительная сумма денегъ, которую владѣлецъ можетъ тратить на себя. А такъ какъ при этомъ за все платится землями, то для веденія хозяйства капитала никакого не требуется. Собственно говоря, въ подобныхъ имѣніяхъ хозяйство ведется только для того, чтобы получить ренты съ земель, которыя за деньги въ аренду прямо сдать нельзя, но можно сдать подъ работу.. И для владѣльцевъ, и для крестьянъ было бы, по моему, проще перейти къ денежнымъ отношеніямъ: доходъ владѣльцевъ былъ бы вѣрнѣе, а крестьяне были бы свободнѣе въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ—вѣроятно, въ концѣ концовъ, оно такъ и будетъ.

И такъ, обезпеченность работами дозволяетъ еще держаться имѣніямъ, ведущимъ хозяйство по старой системѣ, и главную роль въ этомъ отношеніи играютъ отрѣзки и зависимость крестьянъ. Не нуждайся крестьяне въ отрѣзкахъ, будь они независимы, и хозяйства не могли бы идти.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся имѣнія бывшихъ помѣщиковъ средней руки; между этими имѣніями первое мѣсто занимаютъ имѣнія второй категоріи, которыя имѣютъ или отрѣзки, или хорошія луга, или расположены такъ, что крестьяне нуждаются въ выгонахъ и вообще стѣснены помѣщичьей землей; такія имѣнія, при благопріятныхъ для владѣльца условіяхъ, имѣя въ зависимости одну, двѣ деревни, бываютъ обезпечены бо̀льшимъ или меньшимъ числомъ круговыхъ рабочихъ и, въ силу только этого обезпеченія, могутъ еще вести хозяйство по старой системѣ, немыслимой, если обработывать землю батраками или сдѣльно по настоящей цѣнѣ. Послѣднее же мѣсто занимаютъ имѣнія, которыя нисколько не обезпечены круговыми ра-

ботниками и должны удовлетворяться сдачей круговъ случайнымъ работникамъ, нуждающимся въ хлѣбѣ и или деньгахъ.

Изъ всего этого видно, что существованіе старой системы хозяйства возможно только подъ условіемъ дешевой обработки земли кругами. Имѣнія, ведущія такое хозяйство, находятся относительно возможности вести хозяйство въ зависимости оттого, сколько круговъ могутъ взять сосѣдніе крестьяне на обработку; ясно, что, по мѣрѣ уменьшенія количества охотниковъ брать круги, такія имѣнія должны будутъ уменьшать свои запашки и, наконецъ, вовсе запускать поля, что̀ уже сдѣлано на многихъ уничтоженныхъ хуторахъ.

Крестьяне очень хорошо понимаютъ, что обработывать у помѣщиковъ круги по той дешевой цѣнѣ, по которой они ихъ работаютъ теперь—а много дороже, сохраняя старую систему хозяйства, помѣщикъ дать не можетъ — имъ, крестьянамъ, не выгодно. Только крайность, необходимость въ покосахъ, выгонахъ, привольи, или особенная нужда въ деньгахъ заставляетъ крестьянъ брать у помѣщиковъ на обработку земли по тѣмъ дешевымъ цѣнамъ, по которымъ они обработывались еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Крестьяне употребляютъ всѣ усилія, чтобы отдѣлаться отъ этихъ работъ, и, если только есть хотя какая-нибудь возможность обойтись безъ этого, круговъ на обработку не берутъ. Въ моей статьѣ «Дороговизна-ли и пр.», я показалъ, какую ничтожную плату получаетъ крестьянинъ при обработкѣ помѣщичьей земли кругами, именно—12 копеекъ въ день. Обязавшись этой работой, крестьянинъ долженъ работать у помѣщика всѣ лучшіе дни лѣта, по первому требованію, вслѣдствіе чего упускаетъ свои собственныя работы, особенно если у него во дворѣ мало народу. Естественно, что крестьяне, которые очень хорошо понимаютъ всю невыгодность для себя подобныхъ заработковъ, всѣми мѣрами стараются отдѣлаться отъ этого и мало по малу успѣваютъ.

Если крестьянинъ имѣетъ достаточно денегъ для уплаты повинностей, имѣетъ достаточно хлѣба или онъ богатъ, то ему нѣтъ никакого расчета взять обработку круга изъ-за денегъ; только бѣдняки, нуждающіеся въ деньгахъ или хлѣбѣ, берутъ эти работы изъ-за денегъ. Достаточные крестьяне берутъ круги только изъ-за покосовъ и выгоновъ, но если у крестьянина есть деньги, чтобы нанять покосъ и выгонъ, то онъ предпочтетъ купить и то и другое или отбывать за выгонъ какую-нибудь отдѣльную работу — возить навозъ, жать — чѣмъ работать кругъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ благосостояніе крестьянъ увеличивается, съ каждымъ годомъ увеличивается и трудность

*

сдачи земель на обработку кругами — вотъ отчего и слышатся постоянно жалобы на невозможность хозяйничать.

Я говорилъ выше, что, если помѣщики не могли сразу тотчасъ послѣ «Положенія» переродиться, то точно также не могли переродиться и крестьяне. Но время идетъ, и крестьяне начинаютъ развиваться, понимать, что имъ нельзя оставаться при старыхъ порядкахъ, что новое время влечетъ за собою новые порядки въ жизни и хозяйствѣ. Помѣщики были рады, что могли, по крайней мѣрѣ, относительно полевыхъ работъ, устроиться по старому и имѣть прежнихъ работниковъ съ ихъ лошадьми и орудіями; точно также были рады и крестьяне, что могли, не уходя изъ дому, заработать оброкъ и свободно пользоваться выгонами, не стѣсняя свой скотъ и самихъ себя. Теперь уже не то: помѣщикъ, ведущій хозяйство по старой системѣ, еще болѣе нуждается въ дешевыхъ круговыхъ работахъ, потому что урожаи стали хуже и доходъ уменьшился, а крестьянинъ сталъ менѣе нуждаться въ деньгахъ и понялъ, что онъ заработаетъ на всякой другой работѣ болѣе, чѣмъ на кругахъ. Кромѣ того, крестьянинъ очень хорошо понялъ, что помѣщикъ, у котораго нѣтъ лошадей и инвентаря, вовсе не можетъ вести хозяйство, если крестьяне у него не возьмутъ круги, а крестьянинъ, бо́льшею частію, можетъ обойтись безъ этого, если только онъ не нуждается въ деньгахъ, потому что въ крайности, если нельзя взять выгонъ у другого помѣщика, можно продержаться и на своемъ надѣлѣ, чтобы вынудить у помѣщика уступки.

Помѣщикъ, ведущій хозяйство по старому, не можетъ обойтись безъ сдачи земель на обработку кругами; крестьяне же, если они достаточны, могутъ обойтись безъ того, чтобы брать круги. Возможность хозяйствованія по старой системѣ обусловливается бѣдностію, крайностію крестьянъ; *по мѣрѣ того, какъ благосостояніе крестьянъ будетъ возрастать, возможность вести хозяйство по старой системѣ будетъ уменьшаться*, и хозяйства, не поставленныя въ особенно благопріятныя условія, напримѣръ, не обладающія заливными лугами, отрѣзками, большимъ количествомъ различныхъ угодій, окружающимъ крестьянскіе надѣлы, должны будутъ закрыться. Слѣдовательно, возможность такого хозяйства прямо зависитъ отъ того, въ какомъ положеніи находятся крестьяне. Сверхъ того, хозяйства, сохраняющія старую систему, не могутъ расширяться, потому что обусловлены количествомъ мѣстныхъ рабочихъ, такъ какъ они, не имѣя своего инвентаря, не могутъ пользоваться дольными рабочими.

Но благосостояніе крестьянъ увеличивается годъ отъ году, по крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности, и въ особенности съ

тѣхъ поръ, какъ крестьяне поняли, что не стоитъ держаться земли. Сначала крестьяне не очень держались дворовъ и земли, но когда увидѣли, что держаться земли хорошо только тому, кто можетъ осилить землю, а не тому, кого земля взяла въ руки, бѣдняки стали мало по малу бросать землю, оставляя ее подъ міръ, то есть богачамъ.

Дѣйствительно, бѣдняку-одиночкѣ, неимѣющему достаточнаго количества лошадей и скота, рѣшительно нѣтъ расчета держать надѣлъ, потому что съ земли онъ не можетъ прокормиться и уплатить повинности и будетъ вѣчно голодать и бѣдствовать. Между тѣмъ, если онъ броситъ землю, распродастъ скотъ и лишнія постройки, оставивъ только для жены съ дѣтьми избу, да какую нибудь коровенку, а самъ пойдетъ наниматься въ работы, то онъ будетъ и сытъ, и одѣтъ, и деньги будетъ имѣть, если не пьяница и на деньгу крѣпокъ. А богачамъ выходъ бѣдняковъ на руку, потому что кто осилилъ землю—чѣмъ больше земли, тѣмъ лучше. Бѣдняки, въ настоящее время, рѣдко гдѣ держаться за землю—развѣ у бѣдняка много сыновей и онъ надѣется поправиться, когда они подростутъ—и постоянно выходятъ, оставляя землю подъ міръ. Я думаю, что скоро въ деревняхъ останутся только богачи, которые будутъ держать всѣ надѣлы и заниматься хозяйствомъ, а бѣдняки же побросаютъ землю и будутъ наниматься въ батраки или у помѣщиковъ, или у тѣхъ же богачей. Никто—себѣ не врагъ и никто не захочетъ по принципу держать землю, когда онъ знаетъ, что, занимаясь хозяйствомъ на своемъ надѣлѣ, онъ будетъ голодать, а, если пойдетъ въ батраки, то будетъ сытъ. Бѣдняки только въ такомъ случаѣ могли бы осиливать землю и заниматься своимъ хозяйствомъ, еслибы они соединялись по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, съобща обработывали землю, съобща держали скотъ, имѣли общее жилище и столъ; если богачи осиливаютъ землю, то только потому, что это—всегда большія семьи, живущія не въ раздѣлѣ.

Итакъ, все противъ веденія хозяйства по старой системѣ: и корму стало меньше, и урожаи стали хуже, и хлѣбъ сталъ дешевле, и расходы годъ отъ году увеличиваются, и крестьяне богатѣютъ и не хотятъ работать за дешевую цѣну. Очевидно, что при такихъ условіяхъ имѣнія должны давать годъ отъ году менѣе доходу, и хозяйничать становится невозможно.

Ясно, что нужно измѣнить систему хозяйства и для новыхъ условій создать *новую систему*.

Я говорилъ уже, что одинъ человѣкъ не можетъ создать эту новую систему и она выработается соединенными усиліями всѣхъ, кто вступилъ въ хозяйствѣ на новый путь. Въ настоящее время,

всматриваясь въ тѣ хозяйства, которыя стараются сбросить старыя путы и дѣлаютъ измѣненія, какъ мнѣ кажется, можно уже видѣть главныя основанія новой системы хозяйства, и вотъ эти основанія.

Запашки должны быть увеличены, по крайней мѣрѣ, до прежнихъ размѣровъ и даже превзойти ихъ, но система полеводства должна быть введена *выгонная*, то есть, съ посѣвомъ травъ на долгій срокъ. Земли у насъ много; теперь въ имѣніяхъ обработывается лишь одна десятая часть всего количества земли, а остальная земля, оставаясь безъ культуры, пустуетъ и дичаетъ; необходимо всѣ земли, за исключеніемъ неудобныхъ и тѣхъ, которыя выгоднѣе оставить подъ лѣсами, превратить въ культурное состояніе и уничтожить пустыри, а это можетъ быть достигнуто введеніемъ выгонной системы, которая представляетъ переходъ отъ прежней системы къ болѣе интензивной, напримѣръ, пятипольной, которая уже вводится въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ хозяевами, предпочитающими усиленно работать на маленькихъ клочкахъ, оставляя остальныя земли въ видѣ пустырей. Если неудобныя земли и земли безплодныя, необладающія достаточной силой, напримѣръ, песчаныя, подзолистыя, будутъ оставлены подъ лѣсомъ, а остальныя пространства превратятся въ поля, обработываемыя по выгонной системѣ, то земли, обладающія еще большой силой, способныя много дать, не будутъ пустовать. Земли наши еще очень богаты производительною силою и послѣ нѣкотораго отдыха даютъ великолѣпные урожаи, такъ что увеличеніе запашекъ, въ настоящее время, потребуетъ лишь небольшого капитала, который возвратится сторицею.

Если мы подымемъ всѣ наши годныя для обработки земли, то у насъ не хватитъ ни капиталовъ, ни рукъ, чтобы содержать эти земли въ постоянной усиленной культурѣ, а потому намъ нужна такая система, при которой ежегодно обработываться будетъ немногимъ болѣе земли, чѣмъ теперь, но остальная земля будетъ не пустовать, а находиться подъ травами. Напримѣръ, если въ хозяйствѣ теперь обработывается по 20 десятинъ въ полѣ, то и тогда будетъ ежегодно обработываться тоже по 20 десятинъ, но остальная земля, на которой теперь ростетъ березнякъ и кустарникъ, будетъ подъ травами, которыя будутъ смѣняться хлѣбами. Введеніе такой многопольной системы съ посѣвомъ травъ на долгій срокъ дастъ возможность имѣть болѣе корму на зиму и лучшіе выгоны на лѣто. Вслѣдствіе этого, можно будетъ лучше кормить скотъ и сдѣлать его болѣе продуктивнымъ, количество навоза увеличится и земли будутъ лучше удобряться, слѣдовательно, и урожаи увеличатся. Одновременно

съ измѣненіемъ системы полеводства, должны быть введены въ культуру растенія, дающія болѣе цѣнные и притомъ имѣющіе хорошій сбытъ продукты. Теперь уже обозначилось, что такое растеніе для нашихъ мѣстъ есть *ленъ*. Въ выгонной системѣ полеводства ленъ займетъ мѣсто послѣ травъ. Разведеніе льна у насъ представляетъ большія выгоды, во-первыхъ, потому, что ленъ не требуетъ навоза и послѣ травъ, посѣянный прямо по пластамъ, даетъ очень удовлетворительные урожаи; во-вторыхъ—потому, что льняное сѣмя и волокно всегда имѣетъ хорошій сбытъ, и относительно этихъ продуктовъ намъ не опасна конкуренція степи; въ третьихъ—потому, что послѣ льна, посѣяннаго по пластамъ, получаются, даже и при маломъ удобреніи, отличные урожаи ржи, къ которой ленъ прекрасно приготовляетъ бывшія долго подъ травами и выгонами земли. Одновременно съ измѣненіемъ системы полеводства должна быть измѣнена и система скотоводства, потому что при кормленіи скота цѣнными кормами, какіе будутъ получаться при новой системѣ полеводства, не будетъ разсчета содержать скотъ только для навоза, какъ его содержали тогда, когда скотъ кормили одной соломой. Навозъ долженъ доставаться хозяйству даромъ или, по крайней мѣрѣ, обходиться такъ дешево, чтобы онъ выгодно окупался тою прибавкою урожая, какую онъ въ состояніи производить. И въ скотоводствѣ, какъ въ полеводствѣ, мы должны производить цѣнные продукты, такіе, въ которыхъ съ нами не можетъ конкурировать степь; производство молочныхъ продуктовъ, въ особенности продуктовъ высокаго качества, хорошихъ сыровъ и высокихъ сортовъ масла, должно стоять на первомъ планѣ, затѣмъ, въ исключительныхъ условіяхъ, можетъ быть выгоднымъ откармливаніе скота, выращеннаго въ другихъ мѣстахъ. Выращиваніе скота, за исключеніемъ племеннаго высокоцѣннаго, у насъ не можетъ быть допущено по своей невыгодности. Слѣдовательно, молочное хозяйство должно у насъ занимать первое мѣсто, и мы должны употребить всѣ старанія для разведенія *молочнаго скота*, предоставивъ степи заниматься бойнымъ скотомъ, а мѣстностямъ, ближе лежащимъ къ центрамъ потребленія хорошей говядины, заниматься откармливаніемъ его.

Выращиваніе скота у насъ обходится чрезвычайно дорого, и потому мы можемъ выращивать только цѣнный молочный скотъ, но и въ этомъ отношеніи необходимо было бы спеціализировать занятія и выращивать скотъ—по крайней мѣрѣ, телятъ до году—въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ выращиваніе можетъ обойтись дешевле. Спеціализированіе занятій въ скотоводствѣ составляетъ насущную потребность; въ настоящее время, каждый долженъ самъ и

выращивать скотъ, и заниматься откормомъ бракованнаго скота, и заниматься молочнымъ хозяйствомъ, что̀ чрезвычайно неудобно и невыгодно; между тѣмъ, еслибы были спеціальныя заведенія племеннаго скота или, лучше, такія заведенія, изъ которыхъ можно было бы покупать готовый молочный скотъ, то это было бы выгодно и для лицъ, исключительно занимающихся молочнымъ хозяйствомъ, и для производителей скота. Точно также должны были бы быть спеціализированы и другія отрасли скотоводства, такъ что въ мѣстностяхъ, годныхъ для разведенія мясныхъ овецъ, занимались бы овцами, въ другихъ свиньями и т. п., между тѣмъ, какъ теперь каждому хозяину приходится, хотя и въ маломъ видѣ, заниматься всѣмъ.

Вотъ, по моему мнѣнію, главныя основанія того хозяйства на новыхъ началахъ, которое должно замѣнить старое хозяйство; но еще разъ повторяю: новая система хозяйства можетъ быть выработана совокупными усиліями всѣхъ.

Въ частности, я могу только разсказать, что̀ сдѣлалъ я самъ въ моемъ хозяйствѣ. Описаніе моего имѣнія, хозяйства, которое я въ немъ нашелъ, и тѣхъ измѣненій, которыя въ немъ сдѣлалъ, составитъ предметъ слѣдующей статьи.

А. Энгельгардтъ.

Батищево. Ноябрь 1875.

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ АМЕРИКѢ.

I.

Вопросъ о мѣстѣ выставки, соревнованіе городовъ. — Избраніе мѣстомъ выставки города Филадельфіи.—Учрежденіе акціонерной компаніи.—Отказъ правительства въ субсидіи.— Юбилейная комиссія. — Энергія филадельфійцевъ. — Прокламація президента Гранта о времени открытія и закрытія выставки, приглашеніе къ участію въ ней другихъ государствъ. — Правительственное отдѣленіе выставки. — Постановленіе конгресса. — Права Филадельфіи на мѣсто выставки: историческія и современныя.

Проектъ о международной выставкѣ въ Америкѣ въ годовщину столѣтія ея независимости зародился въ печати и началъ волновать умы американцевъ около 8 лѣтъ тому назадъ. Много бумаги, много желчи было потрачено на обсужденіе вопроса о *мѣстѣ* выставки, и, кто знаетъ, съ какою ревностію каждый гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ хлопочетъ о благосостояніи и славѣ своего города, тотъ не удивится тому, что почти каждый крупный городъ Америки заявлялъ свои права̀ на выставку. Одни изъ нихъ основывали свои притязанія на чисто историческомъ значеніи, другіе на матеріальномъ удобствѣ, которое они могутъ доставить какъ выставкѣ, такъ и посѣтителямъ ея, и, разумѣется, Филадельфія, Нью-Йоркъ и Бостонъ были въ числѣ главныхъ кандидатовъ на событіе, долженствующее такъ сильно способствовать ихъ славѣ и матеріальному благосостоянію.

Вопросъ о мѣстѣ выставки поднимался въ конгрессѣ нѣсколько разъ, но, въ виду взаимнаго соревнованія, которое взысказывалось поборниками вышеупомянутыхъ городовъ, онъ оставался нерѣшеннымъ, вслѣдствіе чего утвердилось мнѣніе, что правительство и конгрессъ не должны вовсе принимать рѣшающаго участія въ дѣлѣ выставки, предоставляя это компаніи частныхъ лицъ.

Надо отдать справедливость филаделфійцамъ, что въ дан-

номъ случаѣ они дѣйствовали съ замѣчательной энергіей. Еще когда всѣ думали, что устройство и эксплуатація всемірной выставки, подобно лондонской или парижской, должны быть подъ полнымъ и безусловнымъ контролемъ правительства, они предложили свой планъ дѣйствія, мало отличающійся въ деталяхъ отъ приводимаго теперь въ исполненіе. Вопреки насмѣшкамъ, поднявшимся со всѣхъ сторонъ, они настаивали на томъ, чтобы выставка была всемірною, и гарантировали значительное денежное содѣйствіе этому предпріятію, если оно будетъ осуществлено въ ихъ городѣ.

Между тѣмъ, какъ уже было сказано, конгрессъ медлилъ, время уходило. Для всѣхъ становилось ясно, что дальнѣйшая отсрочка можетъ совершенно парализовать дѣло выставки, и, такъ какъ партія невмѣшательства въ конгрессѣ, подъ предводительствомъ знаменитаго сенатора Сомнера, становилась все сильнѣе и сильнѣе, то рѣшено было, наконецъ, согласиться на проектъ филадельфійцевъ. 3-го марта 1871 года, Грантъ подписалъ актъ, дающій санкцію правительства этой «интернаціональной выставкѣ искуствъ, мануфактуръ и производствъ земли и минераловъ въ Филадельфіи» съ цѣлью «празднованія столѣтней годовщины американской независимости».

Существенныя черты предполагаемой выставки состояли въ томъ, что частныя лица-предприниматели должны были составить компанію на акціяхъ, по десяти долларовъ за каждую, съ основнымъ капиталомъ въ 10 милліоновъ долларовъ и, затѣмъ, этой акціонерной компаніи предоставлялся полный контроль надъ финансовою частію предпріятія; правительство же удерживало за собой право выработки плана выставки, наблюденія за ходомъ работъ и регулированія всего необходимаго для ея устройства и дѣйствія (или эксплуатаціи).

Разъ филадельфійцы обезпечили за собой мѣсто выставки, они съ удвоенной энергіей принялись работать въ пользу того, чтобы правительство выдало имъ, съ своей стороны, значительную субсидію. Но всѣ ихъ усилія разбивались о мѣстную вражду со стороны представителей другихъ большихъ городовъ. Между тѣмъ, время тянулось; оставалось только 4 года до начала выставки, и всѣ газеты, враждебно относившіяся къ филадельфійцамъ, усердно глумились надъ «широкими полями» выставки, на которыхъ еще ничего не строилось.

Въ половинѣ 1872 года, конгрессъ, оставаясь непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи быть нейтральнымъ, далъ хартію упомянутой акціонерной компаніи, уполномочивая ее на производство всѣхъ подрядовъ, закупокъ и денежныхъ операцій, необходимыхъ

для осуществленія и обезпеченія успѣха выставки, и только съ этого времени акціонеры, убѣдившись, что они предоставлены своимъ собственнымъ силамъ, энергично принялись за устройство выставки.

Высшій контроль надъ этими работами находится въ рукахъ юбилейной комиссіи Соединенныхъ Штатовъ (United States Centennial Commission), члены которой утверждены Грантомъ по рекомендаціи правителей штатовъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы отъ каждаго штата и территоріи союза въ нее входило по 2 члена. Президентомъ комиссіи назначенъ генералъ Жозефъ Р. Гаулей (Hawley), который едва не былъ избранъ правителемъ Конектикута, во время послѣднихъ выборовъ; Джонъ Л. Кампбель назначенъ секретаремъ; а Альфредъ Т. Гэсхорнъ, человѣкъ замѣчательныхъ административныхъ способностей, поставленъ на самую трудную и дѣловую должность генерал-директора комиссіи. Административная и распорядительная часть работъ находится подъ вѣдѣніемъ исполнительнаго комитета, состоящаго изъ 13 членовъ, выбранныхъ изъ среды комиссаровъ. Всѣми денежными дѣлами завѣдываетъ финансовый комитетъ, выбранный акціонерами выставки и имѣющій во главѣ своей такого туза въ финансовомъ мірѣ, какъ Джонъ Уэлчъ.

Къ природной энергіи американцевъ и ихъ практической умѣлости вести свои дѣла присоединилось еще въ этомъ случаѣ сознаніе, что безъ крайнихъ усилій ихъ предпріятіе лопнетъ; что, кромѣ денежныхъ убытковъ, они останутся смѣшными въ глазахъ всего свѣта; и вотъ, какъ бы вызванные магической силой, являются тысячи работниковъ, очищается мѣсто выставки, воздвигаются зданія, сыпятся пожертвованія...

Насмѣшки и сарказмы противъ филадельфійцевъ, наконецъ, умолкаютъ; всѣ увидали, что дѣло ведется серьёзно, съ рѣшимостію довести его до конца, а этому какъ нельзя болѣе содѣйствовало гармоническое согласіе, существующее между 3-мя фракціями разношерстной администраціи.

Работа созиданія выставки была подвинута на столько впередъ, все дѣло велось съ такой энергіей, что уже въ іюлѣ 1873 года Грантъ издалъ прокламацію, опредѣлявшую время открытія выставки 19-го апрѣля 1876 года и день закрытія ея 19-го октября, и приглашающую всѣ страны принять въ ней участіе «какъ для бóльшаго развитія наукъ и промышленности, такъ и для сильнѣйшаго скрѣпленія дружескихъ узъ, существующихъ между гражданами Соединенныхъ Штатовъ и другими народами міра».

До сихъ поръ получены сочувственные отвѣты, съ желаніемъ принять участіе на выставкѣ, отъ слѣдующихъ государствъ:

Въ Америкѣ.

Аргентинская Конфедерація.
Боливія.
Бразилія.
Венесуэла.
Экуадоръ.
Гватемала съ Сальвадоромъ.
Гавайя.
Гаити.
Гондурасъ.
Мексика.
Никарагуа.
Перу.
Соединенные Штаты Колумбіи.
Чили.

Въ Африкѣ.

Египетъ.
Либерія.
Тунисъ.
Оранжская Республика.

Въ Азіи.

Китай.
Персія.
Сіамъ.
Японія.

Въ Европѣ.

Бельгія.
Данія.
Франція съ Алжиромъ.
Германія.
Великобританія съ Австраліей и Канадой.
Нидерланды.
Норвегія.
Португалія.
Испанія.
Швеція.
Турція.

Только Россія [1], Греція и Италія не успѣли пока отвѣтить на приглашеніе Соединенныхъ Штатовъ, хотя и изъ этихъ странъ имѣются просьбы отъ частныхъ лицъ, желающихъ выставить свои издѣлія.

Чрезъ $^1/_2$ года, послѣ обнародованія прокламаціи, въ январѣ 1874 г., вышелъ указъ Гранта, предписывающій исполнительной власти Соединенныхъ Штатовъ принять участіе въ выставкѣ постройкою тамъ особаго зданія для помѣщенія «такихъ предметовъ и матеріаловъ, которые, будучи собраны въ одно систематическое цѣлое, наилучшимъ образомъ представили бы различныя отправленія и административную дѣятельность правительства во время мира и его рессурсы во время войны».

Этимъ же указомъ предписано, чтобы комитетъ, завѣдывающій правительственной выставкой, былъ бы составленъ, согласно рекомендаціи министровъ, по одному лицу отъ каждаго министерства, исключая министерства иностранныхъ дѣлъ и юстиціи, но зато включая туда по одному члену отъ земледѣльческаго департамента и Смитсоновскаго Института.

Въ срединѣ 1874 г., конгрессъ издалъ постановленіе, по ко-

---

[1] Начало этой статьи писано въ ноябрѣ 1875 г.

торому освобождались отъ пошлины всѣ предметы, привозимые изъ иностранныхъ государствъ на филадельфійскую выставку.

Такимъ образомъ, дѣло устройства выставки теперь въ полномъ ходу, и, хотя газеты, враждебныя Филадельфіи, перенесли свои насмѣшки въ другую сферу, увѣряютъ, что предприниматели выставки, построивши великолѣпныя зданія, не будутъ имѣть времени наполнить ихъ «соотвѣтствующимъ» образомъ, тѣмъ не менѣе, принимая въ разсчетъ, какъ много уже сдѣлано въ этомъ направленіи и какъ энергически и дружно работаетъ администрація выставки, можно съ полною увѣренностью сказать, что, въ противоположность прошлогоднимъ предзнаменованіямъ, юбилейная выставка будетъ, безъ сомнѣнія, лучшею изъ доселѣ видѣнныхъ. Осмотръ земли, плановъ и строеній, насколько эти послѣднія возведены, и знакомство съ массою фактовъ и статистическихъ данныхъ, добытыхъ нами у комиссаровъ выставочной администраціи, убѣждаютъ насъ, что прошло уже время глумленій надъ «широкими полями» и что теперь смѣло можно, по примѣру американцевъ, подбрасывая шляпы вверхъ, прокричать трижды «ура» въ честь будущей выставки.

Право Филадельфіи на мѣсто выставки освящено нетолько ея участіемъ въ революціи, но и тѣми удобствами, которыя напрасно стараются отнять отъ нея другіе города, претендующіе на выставку и, въ особенности, Нью-Йоркъ.

Начнемъ съ *историческихъ правъ.*

Въ простомъ кирпичномъ зданіи, находящемся теперь въ центрѣ города и построенномъ въ 1734 году, была подписана знаменитая декларація о независимости. Канделябры, которыми была освѣщена зала засѣданія въ тотъ достопамятный день (4-го іюля) и потомъ, во время засѣданія континентальнаго конгресса, до сихъ поръ еще висятъ на своемъ мѣстѣ. Колоколъ свободы, первый, давшій знать народу о славномъ событіи, до сихъ поръ сохраняется, какъ святыня, съ надписью: «возвѣщай свободу по всей землѣ и всѣмъ людямъ», и на него, равно какъ и на зданіе засѣданій, всякій филадельфіецъ показываетъ съ такою же гордостію, съ какою массачусетецъ указываетъ на Буккер-Гилль; нью-гэмпширецъ на Конкордъ; нью-йоркецъ на Саратогу; южно-каролинецъ на Каупенъ [1].

Кромѣ того, вблизи Филадельфіи находится поле битвы у Германскаго Городка (Germantown) и множество другихъ мѣстъ, связанныхъ исторіей и традиціей съ началомъ и дальнѣйшимъ ходомъ славной для американцевъ революціи.

---

[1] Всѣ эти мѣста ознаменованы наиболѣе крупными со[illegible]пой войны.

Современныя права Филадельфіи на выставку заключаются, главнымъ образомъ, въ томъ, что она есть одинъ изъ главнѣйшихъ мануфактурныхъ центровъ страны, производящій ежегодно товаровъ на 60 милліоновъ долларовъ. Кромѣ того, городъ далъ для выставки всю нижнюю часть Фэрмантскаго Парка, т. е. мѣсто, которое, по красотѣ положенія и по удобству сообщеній, врядъ ли можетъ быть оспариваемо какимъ бы то ни было городомъ.

II.

Мѣсто устройства выставки: Фэрмантскій Паркъ.— Проектъ выставки. — Рестораны.—Пространство, занятое филадельфійскою и другими всемірными выставками. — Украшенія участка Фэрмантскаго Парка, занятого выставкою. — Желѣзно-дорожное сообщеніе съ выставкою. — Гостинницы. — Стоимость выставки.—Финансовый комитетъ.—Число ожидаемыхъ посѣтителей выставки. — Пожертвованія частныхъ лицъ и обществъ. — Выставка мѣстныхъ произведеній.—Соревнованіе государствъ.—Организація юбилейной комиссіи.—Билль о пошлинахъ.—Присужденіе наградъ. Судьи.—Медаль въ память выставки.

Вся нижняя часть Фэрмантскаго Парка, заключающая 2,740 акровъ, отдана Филадельфіей для выставки, а самый паркъ, съ его горами, откуда открывается видъ на отдаленные города, съ его густо-поросшими оврагами, съ его рощами изъ столѣтнихъ вязей и дубовъ, пересѣкаемый двумя прелестными рѣчками Скайлкиллъ и Виссачиконъ, можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ парковъ въ свѣтѣ. По величинѣ, онъ уступаетъ одному виндзорскому. Центральный паркъ Нью-Йорка на одну треть меньше его, и, что̀ составляетъ не малую прелесть въ глазахъ американцевъ, филадельфійскій паркъ сохраняетъ много домовъ, съ которыми связаны дорогія для нихъ историческія воспоминанія.

Домъ на Лимонномъ Холму, напр., принадлежалъ знаменитому въ вашингтоновское время Дже Куку. Бельмонтовое зданіе, принадлежащее судьѣ Петерсу, первому военному министру республики, и обращенное теперь въ мѣсто общественныхъ увеселеній, до сихъ поръ сохраняетъ надписи, сдѣланныя алмазомъ на окнахъ дома еще въ 1769 году. Лучшая аллея для катанья въ паркѣ, Ландсдаунъ, названа такъ по имени великолѣпной резиденціи Джона Пенна, послѣдняго колоніальнаго губернатора Пенсильваніи.

И вотъ, на ландсдаунскомъ, плато на 120 футъ выше Скайлкиллъ, и помѣщены теперь зданія выставки.

Было предложено сначала въ юбилейной комиссіи устроить выставку на подобіе парижской 1867 года. Тамъ, какъ извѣстно, все громадное количество предметовъ было сгрупировано въ одномъ обширномъ зданіи, состоявшемъ изъ концентрическихъ и эллиптическихъ ходовъ, при чемъ каждый ходъ направлялся къ предметамъ одной и той же спеціальности у всѣхъ экспонентовъ. Такимъ образомъ посѣтитель, желающій изучить отдѣльную вѣтвь промышленности, долженъ былъ выбрать соотвѣтствующій ей элиптическій ходъ, проходя по которому, онъ могъ видѣть всѣ улучшенія, сдѣланныя различными націями въ этой спеціальной вѣтви. Выбирая же одинъ изъ тѣхъ радіусо-образныхъ ходовъ, которые шли отъ центра къ окружности, пересѣкая всѣ элиптическія ходы, онъ могъ осмотрѣть выставку одной только страны по всѣмъ отдѣламъ промышленности. Выгоды подобнаго расположенія громадны; за то зданіе, по необходимости, приняло видъ чудовищнаго газометра; въ мѣстахъ же пересѣченія ходовъ испытывалась мучительная толкотня, и, что̀ важнѣе всего, подобное зданіе не могло включать въ себѣ земледѣльческаго отдѣла по причинѣ шума и неизбѣжныхъ, при дѣйствій земледѣльческихъ машинъ, пыли и сора. Правда, на вѣнской выставкѣ 1873 года было устроено отдѣльное зданіе для машинъ, но за то класификація предметовъ была изъ рукъ вонъ плоха.

Въ своемъ проектѣ выставки юбилейная комиссія старалась сохранить всѣ лучшія черты парижской выставки, избѣгая ошибокъ вѣнской и, въ тоже время, стараясь сдѣлать ее самою полною и разнообразною во всѣхъ отношеніяхъ.

Комиссія разсортировала всѣ предметы, долженствущіе быть на выставкѣ, на 7 отдѣловъ, которые будутъ помѣщены въ пяти различныхъ зданіяхъ, занимающихъ поверхность въ 48½ акровъ (около 18 десятинъ). Такимъ образомъ:

Класификація предметовъ на разряды.	Зданія	Пространство, занимаемое зданіемъ въ акрахъ	десят.
1) Рудокоп., металлургія.	въ главномъ зданіи выст.	21,47	8,93
2) Мануфактуры. . . .			
3) Воспитаніе и наука.			
4) Искуства.	въ зданіи искуствъ . . .	1,50	0,55
5) Машины.	въ машинномъ зданіи . .	14,00	5,18
6) Земледѣліе.	въ зданіи земледѣл. выст.	10,15	3,75
7) Садоводство	» » выст. садоводства.	1,50	0,55
		48,62	17,96

Всѣ эти зданія расположены въ высшей степени удобно вокругъ

озера, поверхность котораго равняется почти тремъ акрамъ (одной десятинѣ).

Главное зданіе выставки (1,880 футъ длиною) и помѣщеніе для машинъ (въ 1,402 длины), отстоящее отъ него на разстояніи 550 футъ, соединены крытымъ ходомъ, такъ что оба эти зданія вмѣстѣ представляютъ непрерывную линію построекъ на протяженіи почти $^3/_4$ миль. Зданіе для выставки предметовъ искуствъ расположено на возвышенномъ плато, къ сѣверу отъ главнаго зданія; выставка садоводства помѣщается въ центрѣ всего участка, а земледѣльческій отдѣлъ отодвинутъ на значительное разстояніе къ сѣверу отъ машиннаго зданія.

Кромѣ этихъ сооруженій, которыя будутъ описаны впослѣдствіи болѣе подробно, на участкѣ выставки будетъ расположено множество другихъ, второстепенныхъ зданій. Весь участокъ выставки, обнимающій собой 236 акровъ, представляетъ значительныя удобства для этой цѣли. Между машинной и земледѣльческой выставкой, на покатости великолѣпнаго холма, будетъ выстроено такъ называемое правительственное зданіе, на постройку котораго конгрессъ ассигновалъ 500,000 долларовъ.

Красивый двухъ-этажный *павильонъ судей* будетъ заключать комнаты для засѣданій по дѣламъ выставки и великолѣпную залу для банкетовъ, выходовъ, засѣданій международныхъ конгрессовъ и тому подобнаго.

Кромѣ того, на участкѣ выставки строится зданіе, покрывающее одинъ акръ и предназначенное для такъ называемой женской выставки (Women's Exhibition), т. е. для помѣщенія всѣхъ предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію женщинъ въ домашнемъ хозяйствѣ, какъ-то: издѣлія кухни, шитья, вышиванья, ухода за дѣтьми, искуства заготовленія запасовъ на зиму и тому подобнаго. Зданіе это строится по иниціативѣ и на средства американскихъ ladies, которыя уже собрали для этой цѣли 30,000 долларовъ.

Бо̀льшая часть иностранныхъ державъ, выразившихъ желаніе участвовать на выставкѣ, тоже собирается строить зданія (для своихъ коммисаровъ),которыя представятъ, вѣроятно, чрезвычайное разнообразіе архитектурныхъ стилей. Англійская комиссія уже выбрала для себя чрезвычайно красивое мѣсто; Германія, Швейцарія, Бразилія и Японія уже просили отвести имъ землю для той же цѣли.

Круппъ, знаменитый Kanonen König, извѣстилъ уже юбилейную комиссію о своемъ намѣреніи построить отдѣльное зданіе для выставки своихъ издѣлій, и, по послѣднимъ извѣстіямъ, въ чи-

слѣ предметовъ, отправляемыхъ имъ на выставку, будетъ находиться самая громадная пушка изо всѣхъ, когда либо приготовленныхъ для войны. Пушка, со своимъ станкомъ, передкомъ и тѣми механическими приспособленіями, которыя необходимы для управленія ею, будетъ вѣсить 122½ тоны, т. е. 7,595 пудовъ.

О громадномъ вѣсѣ ея можно судить по слѣдующему разсчету: полагая, что пушка будетъ двигаться по ровному шоссе и что каждая лошадь будетъ тянуть 40 пудовъ, то, при такихъ, повидимому, благопріятныхъ обстоятельствахъ для перемѣщенія орудія, понадобится 190 лошадей. Но вернемся опять къ зданіямъ.

Японская пагода будетъ, безъ сомнѣнія, имѣть большой эффектъ, а Швейцарія, собирающаяся послать на выставку много курьёзныхъ вещей, построитъ на мѣстѣ выставки изящный chalet [1].

Канзасъ, Нью-Джерсей, Огайо и Пенсильванія, какъ важнѣйшіе промышленные штаты, навѣрное устроютъ отъ себя отдѣльные красивые павильоны для своихъ коммисаровъ и экспонентовъ. И ихъ примѣру, вѣроятно, послѣдуютъ и другіе значительные штаты и территоріи Америки.

Шесть большихъ ресторановъ будутъ помѣщаться одни въ зданіяхъ выставки, другіе около нихъ; кромѣ того, будетъ устроено значительное число буфетовъ; одно главное зданіе выставки будетъ имѣть ихъ четыре.

Въ числѣ обратившихся съ просьбой построить отдѣльные рестораны на участкѣ выставки встрѣчается имя Гойарда изъ фирмы «Трехъ Братьевъ» въ Парижѣ, котораго такъ лестно отличилъ, во время вѣнской выставки, императоръ австрійскій, поклонившись ему и сказавши: «Monsieur, я преклоняюсь предъ вашимъ искуствомъ (Sir, You are my master)». Этотъ Гойардъ уже заключилъ контрактъ съ юбилейной комиссіей и привезетъ съ собой цѣлый отрядъ артистовъ-поваровъ и такъ устроитъ свой ресторанъ, что посѣтители будутъ въ состояніи обозрѣвать всѣ манипуляціи и работы образцовой французской кухни.

Очень можетъ быть, что и Дельмонико, лучшій рестораторъ Нью-Йорка, захочетъ устроить состязаніе съ этимъ опаснымъ соперникомъ.

Для болѣе нагляднаго представленія о размѣрахъ выставки,

---

[1] Chalet называются горныя избушки, которыя служатъ убѣжищемъ для пастуховъ во время пастбища на горахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣстомъ, гдѣ приготовляется сыръ.

лучше всего дать таблицу поверхности, занимаемой зданіями на всѣхъ предыдущихъ международныхъ выставкахъ.

Лондонская 51 года.	23	акра	$7\frac{2}{3}$	десятинъ.
Лондонская 62 »	25,6	»	$8\frac{1}{2}$	»
Парижская 67 »	31	»	$10\frac{1}{3}$	»
Вѣнская, не включая крытыхъ дворовъ.	38,8	»	13	»
» съ крытыми дворами. . . .	56,5	»	19	»
Включая же всѣ вышеупомянутыя зданія, филадельфійская выставка займетъ, вѣроятно, около	76,0	»	$25\frac{1}{3}$	»

Въ такихъ же чудовищныхъ размѣрахъ идутъ всѣ приготовленія для выставки.

Несмотря на то, что филадельфійцы уже истратили 6 милліоновъ долларовъ на украшеніе Фэрмантскаго Парка и продолжаютъ ежегодно отпускать значительныя суммы на поддержаніе этой гордости города—юбилейная комиссія намѣревается, въ свою очередь, потратить значительныя суммы на украшеніе участка выставки и на усовершенствованіе и безъ того уже великолѣпной системы дренажа. Въ проектъ улучшеній входитъ постройка мостовъ, бесѣдокъ, проложеніе дорогъ и пѣшеходныхъ тропинокъ на протяженіи 7 миль, изобильное снабженіе водой, устройство террасы вокругъ зданія для выставки предметовъ искуства, устройство фонтановъ, цвѣтниковъ.

Весь участокъ выставки будетъ огороженъ, и вдоль окружающей его дороги будетъ устроено 13 входовъ — по именамъ 13 штатовъ, составившихъ первоначальный союзъ. Главный входъ будетъ находиться противъ крытаго хода, соединяющаго главное зданіе выставки съ машиннымъ отдѣленіемъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ этого входа находится депо желѣзной дороги, въ которомъ будетъ высаживаться публика, пріѣзжающая на выставку по желѣзнымъ дорогамъ союза. Для довершенія всѣхъ удобствъ, юбилейная комиссія намѣревается перекинуть чрезъ дорогу крытый мостъ, соединяющій депо желѣзной дороги съ главнымъ входомъ выставки, и тѣмъ избавить посѣтителей отъ неудобства переходить дорогу, загроможденную экипажами и дилижансами, подвозящими публику изъ города.

Къ этому депо желѣзной дороги будутъ подъѣзжать поѣзды со всѣхъ концовъ Соединенныхъ Штатовъ, и, вѣроятно, по примѣру всѣхъ предшествовавшихъ торжественныхъ событій, цѣны за проѣзды въ два конца будутъ значительно меньше обыкно-

венныхъ, благодаря чему откроется возможность бо̀льшему числу людей посѣтить Филадельфію. Кромѣ того, города, отстоящіе не болѣе двухъ-сотъ миль отъ мѣста выставки, будутъ имѣть особые курьерскіе поѣзды. Такъ, напримѣръ, изъ Нью-Йорка подобный поѣздъ будетъ идти немного долѣе 2-хъ часовъ (обыкновенный поѣздъ ходитъ около 4-хъ часовъ), такъ, что тысячи людей могутъ выѣзжать изъ Нью-Йорка утромъ, осматривать выставку впродолженіи всего дня и къ вечеру возвращаться домой.

Передъ главнымъ входомъ будетъ устроена также станція для городскихъ дилижансовъ. Надо замѣтить, что Филадельфія, въ настоящее время, изрѣзана конно-желѣзными дорогами болѣе, чѣмъ какой-либо другой городъ въ мірѣ; 16 акціонерныхъ компаній держатъ отдѣльныя линіи; рельсы проложены почти по всѣмъ улицамъ. Между всѣми линіями устроенъ правильный обмѣнъ билетовъ и станцій для пересадки пассажировъ. 5 конножелѣзныхъ линій ведутъ прямо къ парку, а, въ виду предстоящаго наплыва посѣтителей, прокладываются еще 4 мили конножелѣзныхъ дорогъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что даже живущіе въ отдаленнѣйшихъ частяхъ города будутъ имѣть возможность, вставши изъ-за своего завтрака, вскочить въ проѣзжающій мимо дилижансъ и за 9 сентовъ проѣхать 8 миль до входа выставки.

Эти обстоятельства, въ соединеніи съ тѣмъ, что̀ будетъ сдѣлано для бо̀льшаго порядка и удобства при съѣздѣ каретъ, весьма важны для публики. Въ Вѣнѣ, напримѣръ, доступъ къ выставкѣ былъ возможенъ только для каретъ и для пѣшеходовъ; желѣзной дороги, ведущей къ мѣсту выставки, не было, и единственная линія одно-коннаго рельсоваго пути оканчивалась въ значительномъ растояніи отъ выставки.

Городскіе отели дѣятельно приготовляются къ пріему огромнаго числа посѣтителей; уже теперь лучшія филадельфійскія гостинницы («Континентальная» и «Домъ Жирарда») покрыты лѣсами и дѣятельно обстраиваются для увеличенія своихъ размѣровъ. Кромѣ того, вблизи выставки будутъ построены двѣ временныя гостинницы: одна на 2,000 кроватей, другая на 1,000.

Разумѣется, всѣ эти приготовленія дѣлаются въ ожиданіи громаднаго наплыва посѣтителей; изъ этихъ же разсчетовъ вытекаютъ и всѣ финансовыя соображенія комиссаровъ. Издержки выставки, хотя регулируемыя самымъ экономическимъ образомъ, очень велики, и филадельфійцы, наравнѣ съ комиссарами выставки, ухитряются всевозможными мѣрами, чтобы своевременно покрыть ихъ. Стоимость выставки приблизительно оцѣнена пока такимъ образомъ.

*

Главное зданіе выставки въ...........	1.500,000	долларовъ
Зданіе для выставки предметовъ искуст.	1.500,000	»
» » » машинъ.........	550,000	»
» » » предметовъ садов.	253,000	»
» » » земледѣлія.......	250,000	»
Другія зданія вмѣстѣ со всѣми предполагаемыми улучшеніями, мостами и т. д....	1.000,000	»
Вся стоимость построекъ......	5.053,000	долларовъ.

Предполагаемыя издержки въ теченіи шести мѣсяцевъ самой выставки, включая сюда стоимость снабженія водой, освѣщенія, отопленія, паровой силы для приведенія машинъ въ дѣйствіе; стоимость администраціи, полиціи вмѣстѣ съ щедрой ассигновкой на всѣ непредвидѣнныя издержки увеличиваютъ стоимость выставки до 8 милліоновъ долларовъ.

Финансовый комитетъ началъ, разумѣется, съ продажи акцій и съ тѣхъ денегъ, которыя были отчислены пенсильванскимъ штатомъ, такъ какъ граждане Пенсильваніи пожертвовали на выставку одинъ милліонъ долларовъ, а филадельфійцы присоединили къ нему еще полтора милліона. Деньги эти пошли, бóльшею частію, на устройство великолѣпныхъ зданій для выставки предметовъ садоводства и искуствъ—зданій, которыя, согласно желанію жертвователей, должны составить собственность города и навсегда оставаться украшеніемъ парка. Отъ продажи акцій получено только 2.500,000 долларовъ, такъ что остается собрать еще 3 милліона долларовъ.

Увѣренность въ успѣшномъ исходѣ дѣла основана на слѣдующихъ соображеніяхъ:

Населеніе Соединенныхъ Штатовъ равняется 45 милліонамъ.

Населеніе Пенсильваніи—3.600,000 человѣкъ; населеніе Филадельфіи—700,000.

Населеніе городовъ, лежащихъ на разстояніи 20-ти миль отъ Филадельфіи, доходитъ тоже до 700,000.

Районъ, описанный радіусомъ въ 100 миль отъ мѣста выставки, включаетъ пятимилліонное населеніе, а районъ, описанный радіусомъ въ 200 миль, включаетъ 10 милліоновъ населенія.

Далѣе, комиссары разсчитываютъ, что изъ полуторамилліоннаго населенія, скученнаго въ Филадельфіи и вблизи ея, только преклонные старики, дѣти, да больные не посѣтятъ выставки; а что для остального населенія Соединенныхъ Штатовъ желаніе посѣтить выставку будетъ весьма сильно, особенно въ виду ожидаемаго пониженія цѣнъ за перевозку пассажировъ; при такихъ

условіяхъ, развѣ что крайній недостатокъ въ деньгахъ помѣшаетъ исполненію намѣренія.

На основаніи этихъ данныхъ полагаютъ, что число посѣтителей будетъ не менѣе 50,000 каждый день и что общее число мѣстныхъ посѣтителей (американцевъ)—отъ мая до ноября—будетъ никакъ не менѣе 10,000,000.

Далѣе, комиссары не намѣрены выпускать ни абонементныхъ билетовъ, ни назначать высшей платы за входъ въ началѣ (чтобъ исключить *черный людъ*). Поступая по чисто демократическимъ принципамъ, они опредѣляютъ однообразную плату за входъ въ 50 сентовъ, что̀, съ значительной лихвой покроетъ всѣ издержки по выставкѣ, если принять въ соображеніе даже одну вышеприведенную цифру туземныхъ посѣтителей, умноженную хоть на 2; въ данномъ случаѣ, посѣщеніе врядъ ли будетъ однократнымъ (кто посмотритъ разъ, а кто и 10); а выручка съ гостей Стараго Свѣта и южной половины Америки?

Но, ка̀къ ни блестящи ожиданія въ будущемъ, комиссарамъ надо имѣть деньги *теперь*, и финансовый комитетъ работаетъ со всевозможною энергіею, чтобы собрать необходимыя 3 милліона долларовъ. Съ этою цѣлью устроены агенства во всѣхъ штатахъ. Бывшій правитель штата, Биглеръ, нынѣ главный финансовый агентъ выставки, устроилъ свою главную квартиру въ Hôtel St.-Nicolas (въ Нью-Йоркѣ), чтобы оттуда зондировать Нью-Йоркъ и Новую Англію и собирать деньги со всѣхъ возможныхъ источниковъ. Съ этою же цѣлью директоръ финансоваго комитета съ однимъ изъ агентовъ поѣхалъ на югъ, а другіе крупныя лица комиссіи отправились на западъ.

Дѣйствительно, подобныя мѣры болѣе, чѣмъ необходимы для того, чтобы возбудить вниманіе и интересъ народонаселенія къ успѣху дѣла. То самое чувство мѣстнаго патріотизма городовъ и зависти ихъ другъ къ другу, которое грозило разрушить самое предпріятіе вначалѣ, обнаруживается теперь въ поразительномъ равнодушіи, съ которымъ эти города относятся къ успѣшному его исходу. Напримѣръ, подписка съ Нью-Йорка не дошла даже до 200,000 долларовъ, тогда какъ городъ этотъ, въ случаѣ, еслибы выставка была тамъ, легко могъ собрать 2 или 3 милліона на ея поддержку. Почти въ такой же пропорціи идутъ подписки съ другихъ мѣстъ. Штатъ Конектикутъ подписался только на 10,000. Правда, нью-джерсейское законодательное собраніе отпустило сумму въ 100,000 долларовъ, но зато, надо замѣтить, что южная часть штата очень близка къ Филадельфіи и мѣстно заинтересована въ успѣхѣ выставки. Зато Массачузетсъ, ассигновавши 50,000 долларовъ, отдалъ ихъ на руки своимъ комисса-

рамъ съ спеціальною цѣлью покрытія издержекъ по выставкѣ мѣстныхъ издѣлій. Въ общую же кассу выставки этотъ штатъ не вложилъ ни одного сента.

Штаты, отдаленные отъ мѣста раздора и безпристрастнѣе относящіеся къ соперникамъ, выказываютъ болѣе сочувствія и, какъ ни странно покажется, штатъ Орегонъ оказался прежде всѣхъ въ дѣлѣ пожертвованія (принимая, разумѣется, въ разсчетъ его рессурсы и отношеніе между подписною цѣною и степенью населенности).

Впрочемъ, если штаты и муниципалитеты городовъ оказываются такими плохими помощниками выставки, частныя лица вообще полны желанія успѣха этому дѣлу, считая его чисто національнымъ.

Выписки изъ подписныхъ книгъ могутъ, до нѣкоторой степени, показать ту степень готовности, съ которою богатые граждане и корпораціи относятся къ этому дѣлу.

Американская транспортная компанія дала........	5,000	дол.
Транспортная компанія Адамса	10,000	»
Пулмана компанія для изготовленія вагоновъ....	10,000	»
Фирма Зингера (приготовляющая знаменитыя швейныя машины)...........................	10,000	»
Делаверская желѣзно-дорожная компанія........	10,000	»
Пенсильванская » »	250,000	»
Камбрійская » »	5,000	»
Вестморландская угольная компанія............	5,000	»
Желѣзно-дорожная компанія Лихайской Долины..	24,000	»
Братья Броуны въ Нью-Йоркѣ.................	5,000	»
А. Т. Стюартъ въ Нью-Йоркѣ..................	10,000	»
Георгъ Чайльдъ...............................	10,000	»
Филадельфійская же желѣзно-дорожная компанія обѣщаетъ уплачивать 1/3 процента съ валоваго дохода въ теченіи 3-хъ годовъ, что, вѣроятно, приравняется..................................	150,000	»

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что филадельфійская выставка превзойдетъ всѣ бывшія въ Америкѣ относительно богатства и разнообразія мѣстныхъ продуктовъ. Но жаль, если при этомъ не представится *правильной* и полной картины распредѣленія этихъ продуктовъ по всѣмъ Соединеннымъ Штатамъ. Уже и теперь слышатся недовольныя заявленія о томъ, что одни штаты (по преимуществу—восточные и центральные) будутъ представлены въ большемъ числѣ мѣстныхъ произведеній, чѣмъ другіе.

Штаты Пенсильванія, Нью-Йоркъ, Огайо, Массачузетсъ, Нью-Джерсей и Конектикутъ дадутъ наибольшее число экспонентовъ

по всѣмъ отдѣламъ выставки; затѣмъ слѣдуютъ Родъ-Айлэндъ, Делаверъ и пасификскіе штаты; изъ промежуточныхъ—Индіана, Канзасъ, Айова и Тенесси выставятъ наименьшее число продуктовъ, а южные штаты будутъ представлены очень плохо во всѣхъ отношеніяхъ... Причину этому надо искать въ высшей степени нераціональномъ веденіи внутреннихъ дѣлъ, съ тѣхъ поръ, какъ дѣлами этихъ штатовъ стали завѣдывать выходцы съ сѣвера, такъ называемые, carpet-baggers—авантюристы, люди безъ принциповъ и заботящіеся только о набиваніи кармановъ; они, подъ личиной освободителей негровъ, раззоряютъ край и вовсе не хлопочутъ о возбужденіи интереса къ выставкѣ. Изъ южной Каролины и Техаса до сихъ поръ еще не было экспонентовъ вовсе, и выставка, безъ сомнѣнія, потеряетъ очень много, если не заручится заблаговременнымъ пріобрѣтеніемъ интересной коллекціи мануфактурныхъ и сырыхъ продуктовъ Юга. Съ этою цѣлію президентъ юбилейной комиссіи, генералъ Гаулей, уже ѣздилъ въ Виллингъ и другіе южные города и, вѣроятно, не безъ успѣха.

Американцы должны быть очень благодарны, если стараніями юбилейной комиссіи и ея агентовъ выставка дѣйствительно будетъ достойной представительницей промышленныхъ богатствъ страны и если въ этомъ отношеніи не одолѣютъ ихъ иностранцы. Дѣло въ томъ, что «націи янки» предстоитъ выдержать очень сильное соперничество съ Англіей, Франціей, Германіей, Испанскою-Америкой и всѣми новѣйшими за-атлантическими изобрѣтеніями; соперничество будетъ тѣмъ сильнѣе, что собственники этихъ изобрѣтеній, частію сами, частію черезъ агентовъ, назначенныхъ отъ ихъ странъ, заняты выборомъ мѣста и устройствомъ всевозможныхъ приспособленій для того, чтобы показать «товаръ лицомъ». Англія со своими колоніями особенно дѣятельно готовится къ выставкѣ. Запросъ на мѣсто, сдѣланный британскою комиссіей, настолько превзошелъ ожиданіе, что первоначально назначенную площадь въ 48,000 квадратныхъ футовъ пришлось увеличить до 88,000. Одинъ изъ правительственныхъ делегатовъ, полковникъ королевской артиллеріи Санфордъ, уже открылъ постоянное присутствіе комиссаровъ въ Филадельфіи. Канада будетъ имѣть свою собственную комиссію, подъ предсѣдательствомъ Лотелье. Австралійская колонія тоже сдѣлала запросъ на большой участокъ пространства. Въ данномъ случаѣ, всѣ усилія Великобританіи будутъ направлены противъ защитниковъ протекціонной системы въ самое сердце протекціонизма—въ Филадельфіи; въ числѣ различныхъ ухищреній, къ которымъ она прибѣгаетъ для этой цѣли, интересно слѣдующее: на всѣхъ мелкихъ

подѣлкахъ, инструментахъ и разныхъ издѣліяхъ для домашняго обихода будутъ помѣщены ярлыки, на которыхъ ясно и отчетливо для посѣтителей будутъ обозначены низкія цѣны товаровъ, по которымъ они продавались-бы въ Соединенныхъ Штатахъ, при отсутствіи протекціоннаго тарифа.

Недавно, Горасъ Уайтъ (White), редакторъ одной крупной американской газеты, писалъ изъ Европы, что «тщательное изученіе англійскаго земледѣльческаго производства и ихъ машинъ уменьшило бы въ значительной степени тщеславіе американцевъ, хотя, прибавляетъ онъ, результатомъ филадельфійской выставки будетъ достигнута обоюдная польза въ улучшеніи земледѣльческаго дѣла какъ въ Англіи, такъ и у насъ».

Французская выставка тоже обѣщаетъ быть очень богатой и разнообразной. Ея комиссаръ, г-нъ Дю-Сомераръ, сдѣлалъ запросъ и получилъ гораздо бо̀льшій участокъ, чѣмъ было назначено сначала. Правительство короля Оскара (шведскаго) ассигновало для выставки 120,000 долларовъ и назначило комиссаромъ Данфельта, который такъ замѣтно выдался своею дѣятельностію на вѣнской выставкѣ 1873 года. Германія уже имѣетъ достаточное число своихъ представителей, а бельгійцамъ выпадетъ замѣтная роль по отдѣламъ мануфактурныхъ вещей и картинъ. Японія, ассигновавши значительную сумму на покрытіе издержекъ по выставкѣ, разсчитываетъ принять весьма-своеобразное активное участіе въ ней. Мексика, Центральная Америка и всѣ государства Южной Америки, исключая Патагоніи, пришлютъ тоже что нибудь показать, и, вмѣстѣ съ оригинальными продуктами и произведеніями тѣхъ странъ, ожидается оттуда громадный наплывъ посѣтителей. Уже теперь въ Ріо-Жанейро сформировалась школа, съ цѣлью изученія англійскаго языка для молодыхъ людей, желающихъ посѣтить выставку.

И такъ, поле битвы приготовляется; соперники сойдутся въ лицѣ представителей всѣхъ странъ свѣта; много предстоитъ интереснаго, особенно въ виду сравненія англійскихъ и американскихъ мануфактурныхъ силъ и оцѣнки ихъ произведеній. Тутъ, между прочимъ, рѣшится важный вопросъ о томъ, кому должно принадлежать первенство на рынкахъ южной Америки, которая, до сихъ поръ служитъ громаднымъ мѣстомъ сбыта пока только для англійскихъ произведеній.

Но вернемся снова къ организаціи юбилейной комиссіи и ея распорядительной дѣятельности.

Административныя бюро̀ комиссіи подраздѣляются на слѣдующіе отдѣлы.

Иностранное бюро̀, завѣдующее сношеніями съ иностранными

комиссарами; во главѣ ея находится генералъ-директоръ юбилейной комиссіи Гэсхорнъ.

Разборочное бюрò, занимающееся классификаціей экспонентовъ, распредѣленіемъ мѣста въ главномъ зданіи выставки, надзоромъ за спеціальными постройками, подъ предсѣдательствомъ Генри Пети.

Перевозочное бюрò, завѣдывающее всѣмъ, что относится до перевозки товаровъ и посѣтителей какъ изъ иностранныхъ государствъ, такъ и туземныхъ. Подъ вѣдѣніемъ этого бюрò находятся всѣ складочные сараи, и таможенныя обязанности относительно ввозимыхъ товаровъ. Предсѣдатель—Долфусъ Торрей.

Машинное бюрò, завѣдывающее машиннымъ отдѣломъ выставки и машиннымъ зданіемъ, включая туда и распредѣленіе мѣста между экспонентами машинъ. Предсѣдатель—Джонъ С. Албертъ.

Земледѣльческое бюрò — для завѣдыванія земледѣльческимъ отдѣломъ выставки, зданіемъ и дворами, предназначенными для этого, а также распредѣленія мѣстъ между экспонентами предметовъ, относящихся къ земледѣлію. Предсѣдателемъ—Бурнетъ Ландретъ.

Бюрò садоводства. Завѣдываніе отдѣломъ садоводства и орнаментною частью всей выставки. Распредѣленіе мѣстъ въ зданіи съ предметами садоводства. Надзоръ за оранжереями. Предсѣдатель—Карлъ Миллеръ.

Бюрò изящныхъ искуствъ. Въ его вѣдѣніи отдѣлъ «искуствъ», зданія, предназначенныя для выставки соотвѣтствующихъ предметовъ, и распредѣленіе мѣстъ между экспонентами. По этому отдѣлу предсѣдателемъ—генералъ-директоръ Гэсхорнъ.

Личности, поставленныя во главѣ этихъ бюрò, не щадятъ ни усилій, ни средствъ для привлеченія на выставку возможно бòльшаго числа экспонентовъ. Съ этою же цѣлію постановлено юбилейною комиссіей не взыскивать съ экспонентовъ платы за мѣста. Правда, доставка, распаковка и установка должны производиться на счетъ экспонента, но и эти операціи будутъ обставлены такими удобствами, которыя превзойдутъ собой все бывшее на прежнихъ выставкахъ. Во всю длину главнаго и машиннаго зданія проложенъ рельсовый путь, находящійся въ связи съ пенсильванскою желѣзною дорогою, такъ что вагоны могутъ въѣзжать внутрь этихъ зданій и останавливаться на любомъ мѣстѣ для разгрузки. Кромѣ того, все мѣсто выставки изрѣзано желѣзно-дорожными рельсами, соединяющими всѣ зданія выставки съ депо пенсильванской желѣзной дороги.

Экспоненты, желающіе застраховать свои вещи отъ огня (при всѣхъ противъ него предосторожностяхъ), могутъ сдѣлать это на

весьма выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Вещества, которыя могутъ быть опасны по чему-либо—или легко воспламеняющіяся, или составъ которыхъ держится въ секретѣ—не будутъ вовсе приняты на выставку; равно какъ и всѣ патентованныя лекарства и все, имѣющее непріятный запахъ. Увозить товары раньше окончанія выставки будетъ воспрещено.

Для избавленія иностранныхъ экспонентовъ отъ тягости таможенныхъ пошлинъ, конгресъ провелъ билль, утвержденный президентомъ въ іюнѣ 1874 года, по которому всѣ товары, ввозимые въ Соединенные Штаты для юбилейной выставки, должны быть изъяты отъ *всѣхъ* пошлинъ и податей; но, если, по окончаніи выставки, вещь будетъ продана и останется въ Америкѣ, то къ продажной цѣнѣ ея присоединится все количество таможенныхъ пошлинъ. Этимъ же биллемъ указаны слѣдующіе *«ввозные порты»*, чрезъ которые должны будутъ отправляться вещи на выставку: Нью-Йоркъ, Бостонъ, Портлэндъ (въ штатѣ Мэнъ) Бурлингтонъ (въ штатѣ Вермонтъ) Висячій Мостъ (въ штатѣ Нью-Йоркъ) Детроа и Портъ-Гуронъ (въ штатѣ Мичигэнъ), Чикаго, Филадельфія, Балтиморъ, Норфолькъ, Нью-Орлеанъ и Сан-Франциско. Всѣ вещи, предназначаемыя для выставки, по приходѣ въ эти порты, не будутъ даже подвергаться предварительному пересмотру, но, подъ надзоромъ таможенныхъ чиновниковъ, немедленно пересылаться къ мѣсту выставки, а оттуда—обратно, въ одинъ изъ вышеупомянутыхъ портовъ для вывоза изъ Америки. Сдѣлано распоряженіе, чтобы эти вещи нагружались въ товарные поѣзды немедленно послѣ ихъ прибытія въ портъ, и, для сбереженія издержекъ, вагоны, нагруженные этими вещами, будутъ ѣхать безъ перегрузки до самой Филадельфіи.

Нѣкоторыя газеты высказали опасеніе, что выставка можетъ неудаться и что, въ такомъ случаѣ, доставленные предметы могутъ быть арестованы за долги юбилейной комиссіи или комитета финансовъ. Мнѣніе это нашло сильную поддержку между нѣкоторыми иностранными государствами, такъ что юбилейная комиссія сочла нужнымъ обратиться за разъясненіемъ этого вопроса къ генерал-прокурору Соединенныхъ Штатовъ и къ генерал-прокурору штата Пенсильваніи. Эти авторитеты ясно и категорически засвидѣтельствовали, что товары, присланные на выставку, будутъ вполнѣ безопасны отъ подобнаго ареста во всякомъ случаѣ.

Система присужденій наградъ, принятая юбилейной комиссіей, будетъ нѣсколько отличаться отъ всѣхъ прежнихъ. Будетъ 200 судей; одна половина ихъ будетъ назначена изъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, другая—изъ иностранцевъ. Каждый судья

получитъ по 1,000 долларовъ, и всѣ они будутъ выбираться изъ людей, извѣстныхъ какъ по своимъ внутреннимъ качествамъ, такъ и по спеціальной подготовкѣ къ своему отдѣлу. Иностранные члены этого учрежденія будутъ назначены комиссіями каждой страны—пропорціонально тому участію, которое она принимаетъ въ дѣлѣ выставки (или, другими словами, пропорціонально мѣсту, отведенному для этой страны). Судьи отъ Соединенныхъ Штатовъ будутъ выбраны юбилейною комиссіей. Присужденіе наградъ будетъ основано на письменныхъ отзывахъ судей, засвидѣтельствованныхъ ихъ подписями; а, при оцѣнкѣ предметовъ выставки, будетъ приниматься въ разсчетъ оригинальность выдумки, степень полезности выставляемаго предмета, искуство во внѣшней его отдѣлкѣ, пригодность для предназначенной цѣли, степень удовлетворенія общественнымъ нуждамъ и его стоимость. Каждый отзывъ будетъ передаваться въ юбилейную комиссію, за которою, согласно акту конгресса, будетъ окончательно рѣшающій голосъ; наградъ будетъ двѣ: дипломъ и бронзовая медаль. Каждый экспонентъ будетъ имѣть право печатать отзывъ, присужденный ему; но юбилейная комиссія сохраняетъ за собой право изданія коллективнаго сборника всѣхъ отзывовъ, располагая ихъ по строгой системѣ и составляя изъ нихъ главнѣйшую и интереснѣйшую часть своихъ отчетовъ о выставкѣ.

Наградныя медали еще не отчеканены; но медали, предназначенныя для увѣковѣченія выставки и распродажи въ публикѣ, уже выбиты въ громадномъ количествѣ на правительственномъ монетномъ дворѣ. Онѣ очень красивы. Лицевая ихъ сторона, съ надписью 1776 г., представляетъ генія американской независимости, на голой землѣ пробуждающагося отъ сна; правою рукою онъ схватываетъ обнаженный мечъ, которымъ готовится отстаивать свои права, а лѣвой рукой съ гордостію указываетъ на созвѣздіе 13 звѣздъ (13—первоначальное число колоній, образовавшихъ независимый союзъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ). Оборотная сторона медали, съ надписью 1876, изображаетъ, въ центрѣ, генія свободы съ мечемъ въ ножнахъ, пристегнутыхъ къ поясу скорѣе въ видѣ украшенія, чѣмъ угрозы. У ногъ его небрежно лежитъ щитъ со звѣздами и полосами (эмблема американскаго флага). Геній простираетъ свои руки съ вѣнками надъ фигурами искуства и знанія, которыя, съ соотвѣтствующими ихъ дѣлу атрибутами, привѣтствуютъ столѣтній его юбилей. Вокругъ лицевой стороны надпись: «Эти соединенныя колоніи суть и по праву должны быть свободными и независимыми штатами». А на оборотной: «въ воспоминаніе столѣтія американской независимости».

III.

Главное зданіе выставки.—Машинное зданіе.—Земледѣльческій отдѣлъ.—Выставка скота.—Зданіе садоводства.—Послѣднія свѣдѣнія о выставкѣ.

Главное зданіе выставки, въ которомъ будутъ помѣщены отдѣлы: минный и металургическій, мануфактурный, образованія и науки, проектировано опытнымъ инженеромъ Генри Петй, прежде всего обратившимъ вниманіе на удобства, легкость и прочность постройки и затѣмъ уже на украшенія. Зданіе имѣетъ форму прямоугольника, имѣющаго въ длину, по направленію съ востока на западъ, 1880 футовъ (½ версты 20 саж.), а въ ширину—464 фута (⅛ версты 5 саж.). Бо̀льшая часть этого зданія имѣетъ одинъ этажъ въ 70 футовъ (10 саж.) вышины (карнизы зданія на 45 футовъ отъ поверхности земли). На рединѣ длинныхъ сторонъ имѣются пристройки (выступомъ) въ 416 футовъ длины—а на короткихъ такія же въ 216 футовъ длины. Середины этихъ четырехъ пристроекъ, возвышенныя до 90 футовъ, имѣютъ арки для главныхъ входовъ. По угламъ зданія устроены башни въ 75 футовъ вышины. А чтобы придать болѣе цѣлостности всей постройкѣ, средняя ея часть приподнята и по угламъ возвышенной части поставлены башни, имѣющія каждая 2,300 квадратныхъ футовъ въ сѣченіи (т. е. по 47 футовъ въ каждой изъ сторонъ) и 120 футовъ вышины. Зданіе покрываетъ площадь въ 20,02 акра, т. е. 872,320 квадратныхъ футовъ.

Верхніе этажи въ четырехъ пристройкахъ и во всѣхъ башняхъ занимаютъ пространство въ 63,688 квадратныхъ футовъ. Такъ что вся площадь пола равняется 21,47 акра или 936,008 квадратнымъ футамъ...

Разсматривая планъ этого зданія, мы видимъ, что по всей длинѣ его и на рединѣ проложена главная аллея (или проходъ) въ 120 футовъ ширины. По каждой сторонѣ ея находятся побочные такой же длины, но шириною въ 100 футовъ. Между центральными и боковыми аллеями проложены 6 корридоровъ въ 45 футовъ ширины; а вдоль стѣнъ южной и сѣверной сторонъ зданія еще болѣе узкій корридоръ въ 24 фута ширины.

Всѣ проходы и аллеи по направлэнію отъ востока къ западу пересѣкаются другими проходами, идущими отъ сѣвера къ югу, которые, по числу и по относительной ширинѣ, совершенно подобны продольнымъ аллеямъ, т. е. центральная поперечная аллея имѣетъ въ ширину 120 футовъ. По обѣимъ сторонамъ ея находятся второстепенныя поперечныя аллеи въ 100 футовъ ши-

рины, а между ними поперечные корридоры въ 48 ф. Подъ самыми углами возвышенной части зданія, въ мѣстахъ пересѣченія корридоровъ, устроены 4 площадки.

Юбилейная комиссія рѣшила, что въ главныхъ аллеяхъ для прохода публики будетъ устроено пространство въ 30 ф. ширины. Въ боковыхъ или второстепенныхъ аллеяхъ для публики будетъ оставлена полоса въ 15 ф., въ корридорахъ—только 10 ф. На концахъ каждаго прохода или корридора будутъ находиться двери для выхода посѣтителей.

Фундаментъ зданія заложенъ изъ каменныхъ глыбъ. Самое зданіе состоитъ изъ желѣзныхъ колоннъ, поддерживающихъ желѣзныя же стропила крыши, сдѣланныя по легкому, граціозному, но крѣпкому образцу. Колонны расположены вдоль зданія на одинаковыхъ разстояніяхъ въ 24 ф. одинъ отъ другого. Во всемъ зданіи находится 672 колонны, самая короткая изъ нихъ имѣетъ 23 фута вышины, а самая длинная 125 футовъ. Ихъ общій вѣсъ=2.200,000 фунтамъ (2.420,000 русскимъ фунтамъ), а вѣсъ стропилъ и перекладинъ крыши=пяти милліонамъ англійскихъ фунтовъ. Цифры эти, такъ громко звучащія въ ушахъ обыкновенныхъ читателей, поразятъ строителей и инженеровъ скорѣе въ другую сторону. Они должны изумиться, что такое малое количество желѣза употреблено на постройку такого громаднаго зданія. И, въ самомъ дѣлѣ, легкія колонны почти вовсе не закрываютъ внутренности зданія. Полъ будетъ досчатый; и для увеличенія прочности пола, переводины будутъ положены прямо на землю. Впрочемъ, въ сѣняхъ, образуемыхъ четырьмя выступами зданія, полъ будетъ покрытъ пестрымъ кирпичемъ и черепицей.

Архитектурное управленіе юбилейной комиссіи приняло всѣ мѣры, чтобъ придать внѣшнему виду этого грандіознаго зданія по возможности легкій и веселый видъ. Стѣны зданія на высотѣ 7 или 8 футовъ отъ пола будутъ сдѣланы изъ кирпича, сложеннаго *въ панели* между колоннами; выше стѣны предполагаются стеклянныя, при чемъ нѣкоторыя рамы будутъ подвижными для удобства вентиляціи. Крыша будетъ состоять изъ жестяныхъ листовъ, набитыхъ на доски. Всѣ углы зданія будутъ отдѣланы галванизированнымъ желѣзомъ, восьмиугольныя полосы котораго, начинаясь отъ земли, будутъ превышать крышу зданія. Полосы, находящіяся на углахъ башень украсятся американскими знаменами; всѣ остальныя—орлами.

Внутренность зданія будетъ великолѣпно освѣщена по преимуществу боковымъ свѣтомъ отъ сѣверной и южной стѣны, а

надъ главнымъ проходомъ въ крышѣ, во всю длину зданія, будетъ пять просвѣтовъ, бросающихъ свѣтъ сверху.

Вдоль проходовъ главнаго и второстепенныхъ устроятся въ крышѣ луврскіе вентиляторы. Все зданіе превосходно снабжено водой, какъ для предохраненія отъ огня, такъ и для остальныхъ потребностей. Длина водяныхъ трубъ, проложенныхъ для этой цѣли равняется двумъ съ половиною милямъ; на такомъ же протяженіи расположены трубы, предназначенныя для стока нечистой воды. Подъ однимъ поломъ будетъ проложено 5 линій водопроводныхъ трубъ со множествомъ крановъ для выпуска воды, такъ что нѣтъ мѣста, на которое нельзя бы было направить одновременно, по крайней мѣрѣ, четыре струи воды.

Въ январѣ 1876 г. отдѣлку зданія предполагали окончить и съ этого же срока начать пріемъ товаровъ. Конторы иностранныхъ комиссаровъ будутъ устроены вдоль стѣнныхъ корридоровъ. Форма зданія такова, что всѣ экспоненты будутъ имѣть одинаковую возможность выставить свои предметы въ наивыгоднѣйшемъ свѣтѣ. Имѣется въ виду сравнительно небольшой выборъ мѣстъ, такъ какъ свѣтъ распредѣленъ равномѣрно, и каждое мѣсто, назначенное для продуктовъ будетъ находиться вблизи одного изъ главныхъ проходовъ.

Предметы, принадлежащіе къ одной и той же классификаціи, предполагается распредѣлить по полосамъ, идущимъ вдоль зданія. Бо̀льшая или меньшая ширина этихъ полосъ будетъ зависѣть отъ количества выставляемыхъ предметовъ. Страны же, участвующія въ выставкѣ, будутъ разсортированы въ географическомъ порядкѣ по полосамъ, идущимъ поперегъ зданія.

Машинное зданіе (Machinery Hall), какъ уже было сказано выше, находясь на разстояніи 542 ф. отъ главнаго, соединено съ нимъ крытымъ ходомъ, такъ что на дѣлѣ оно есть какъ бы продолженіе главнаго зданія. Оба вмѣстѣ они представляютъ непрерывный фасадъ въ три четверти мили длины.

Машинное зданіе построено тоже по плану г-на Петй и представляетъ собою изящный образецъ быстраго и солиднаго сооруженія. Контрактъ для постройки былъ подписанъ Филиппомъ Кингли въ январѣ 1875 г. и 1-е октября назначено срокомъ для его окончанія. Хотя матеріалы были готовы только въ апрѣлѣ, но работы организованы такъ хорошо, слесари, плотники, маляры такъ дружно и регулярно слѣдуютъ другъ за другомъ, что, вопреки дождливой погодѣ, Кингли надѣется окончить зданіе значительно раньше срока. Машинное зданіе состоитъ изъ главнаго строенія въ 360 ф. шириною и 1,402 ф. длиною и

пристройки съ южной стороны, занимающей 208 — 210 квадр. футовъ и назначенной для выставки гидравлическихъ машинъ. Главная часть зданія одноэтажна, карнизъ находится на 40 ф. отъ земли, а гребень крыши въ 70 футахъ отъ пола. Подобно тому, какъ и въ главномъ зданіи, Machinery Hall имѣетъ четыре выступа (пристройки), посреди своихъ четырехъ стѣнъ, фасадъ которыхъ доходитъ до 78 футовъ и въ которыхъ устроены главные входы зданія. Восточный входъ назначенъ главнымъ подъѣздомъ для городскихъ дилижансовъ, а также для посѣтителей, приходящихъ изъ главнаго зданія выставки и отъ депо желѣзной дороги. Западный входъ находится въ прямомъ сообщеніи съ George's Hill (Холмъ Георга), съ котораго открывается лучшій видъ на выставку.

Вдоль южной стороны будутъ устроены помѣщенія для кипятильниковъ и имъ подобныхъ машинъ.

Разсматривая планъ зданія, мы видимъ, что по всей его длинѣ тянутся два главные прохода, каждый въ 90 футовъ ширины, а между ними и съ обѣихъ сторонъ ихъ еще три второстепенные прохода въ 60 футовъ ширины каждый. Кромѣ того, устроенъ одинъ главный поперечный проходъ (тоже въ 90 футовъ ширины) и 8 второстепенныхъ. Главный поперечный проходъ, вмѣстѣ съ двумя смежными второстепенными, простираются на 208 футовъ къ сѣверу отъ машиннаго зданія и образуютъ пристройку, которая заключаетъ громадный резервуаръ воды (ея кубическое содержаніе=96,000 футамъ). Резервуаръ этотъ будетъ приводить въ движеніе всѣ гидравлическія машины выставки. На южной сторонѣ резервуара преполагается устроить водопадъ, вода для котораго будетъ накачиваться помпами выставки. Надо полагать что Джонъ Албертъ, офицеръ флота Соединенныхъ Штатовъ, который завѣдываетъ машиннымъ отдѣломъ, или сдѣлаетъ изъ этого водопада что-либо небывалое, или же броситъ его, какъ черезъ чуръ много стоющее предпріятіе.

Для постройки машиннаго зданія понадобится: 5.000,000 квадратныхъ футовъ лѣса, 500.000 американск. фунтовъ чугуна (13,750 рус. пуд.) и 750,000 ф. (20,625 р. п.) полосоваго желѣза, 20,000 ф. (550 р. п.) гвоздей и заклепокъ, 700.000 квадратныхъ футовъ жести для крыши, 175,000 квадр. футовъ двойнаго лучшаго американскаго стекла, вѣсящаго 150,000 фунтовъ (4.125 р. пуд.) и около 14.000 кубическихъ саженей камня, котораго вѣсъ равенъ 15.000,000 фунтамъ (412,500 р. пуд).

Подобно тому, какъ и въ главномъ зданіи выставки, всѣ составныя части машиннаго зданія устроены такъ, что, если зданіе будетъ разобрано, то они могутъ быть употреблены и для

другихъ цѣлей. Колонны по бо̀льшей части поставлены по длинѣ зданія на разстояніи 16 футовъ одна отъ другой. Вышина ихъ измѣняется отъ 20 до 40 футовъ. Внѣшнія стѣны до 5 футовъ выстроены изъ камня, а выше составлены изъ стеклянныхъ рамъ, расположенныхъ между колоннами. Надъ всѣми продольными проходами устроены луврскіе вентиляторы. Потолокъ и эластическія стропила, его поддерживающія, выкрашены небесно-голубымъ цвѣтомъ, который мѣстами тронутъ ярко-краснымъ.

Великолѣпная паровая машина въ 1600 лошадиныхъ силъ будетъ помѣщена въ центрѣ постройки и будетъ приводить въ движеніе всѣ машины выставки. Зданіе представляетъ замѣчательныя удобства для устройства совершенной передаточной системы. Будетъ устроено восемь линій передаточныхъ валовъ, такъ что приводъ отъ нихъ можетъ быть проведенъ къ любому мѣсту выставки. Извѣстное количество паровой и водяной силы будетъ снабжаемо экспонентамъ безплатно. Всякая сила, требуемая сверхъ того, будетъ доставлена юбилейною комиссіей по опредѣленной цѣнѣ. Требованія на силу должны быть опредѣлены во время распредѣленія мѣстъ.

Машинное отдѣленіе надѣется имѣть превосходную выставку, и это неудивительно, если принять во вниманіе, что до сихъ поръ геній американскаго народа, по преимуществу, направлялся на изобрѣтеніе и улучшеніе этой отрасли производства.

Уже теперь все пространство зданія разобрано подъ машины, и, если комиссія еще держитъ нѣкоторыя мѣста въ резервѣ, то только изъ опасенія, чтобы не преградить доступъ къ выставкѣ какой-нибудь особенно достойной вниманія машинѣ. Число машинъ, обработывающихъ дерево и желѣзо, уже теперь гораздо больше, чѣмъ по другимъ отдѣламъ. Затѣмъ слѣдуютъ помповыя машины и печатные станки. Для выставки машинъ, обработывающихъ писчую бумагу, шелкъ, хлопчатую бумагу и гуттаперчу, сдѣлано отъ американцевъ только 40 предложеній. Локомотивный отдѣлъ долженъ бы былъ занять самое значительное мѣсто на выставкѣ, но, такъ какъ онъ до сихъ поръ сильно страдаетъ отъ денежныхъ затрудненій страны, то число машинъ на выставкѣ, вѣроятно, не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительному размѣру этой промышленности. Химическія препараты, машины рудокопныя, для выдѣлки кожи, для обработки драгоцѣнныхъ и поддѣлки искуственныхъ камней и предметовъ роскоши — будутъ выставлены въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Выставка кипятильниковъ тоже довольно слаба; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще нуждаются въ кипятильникахъ для снабженія 500 лошадиныхъ силъ. Часовщики, повидимому,

очень дружно отозвались на призывъ выставки. Одна американская компанія Конектикута пришлетъ электрическій аппаратъ, по которому время будетъ показываться на 25 отдѣльныхъ циферблатахъ. Съ большой тщательностью и съ невиданной до сихъ поръ полнотой будутъ выставлены телеграфные инструменты. Ортонъ, президентъ громаднѣйшей телеграфной сѣти въ Америкѣ (Western Union Company), принимаетъ особенно горячее участіе въ этомъ отдѣлѣ выставки.

Иностранныя машины вѣроятно займутъ отъ 20 до 25% выставочнаго пространства. Юбилейная комиссія уже получила нѣсколько просьбъ объ отведеніи мѣста для иностранныхъ машинъ. Въ числѣ конкурентовъ имѣется уже одинъ изъ Либеріи, и газеты (особенно демократическія) не мало спекулируютъ и шутятъ насчетъ той машины, съ которою негры явятся соперниками стараго цивилизованнаго міра.

На земледѣльческій отдѣлъ выставки потрачено столько хлопотъ и старанія, что съ этой стороны обезпеченъ уже самый блестящій успѣхъ, тѣмъ болѣе, что Америка, какъ страна по преимуществу земледѣльческая, имѣетъ для того всѣ данныя.

Стоимость фермъ, земледѣльческихъ продуктовъ, земледѣльческихъ машинъ и скота въ Соединенныхъ Штатахъ, согласно послѣднему цензу, превышаетъ 13 милліардовъ долларовъ, въ то время, какъ стоимость мануфактурныхъ продуктовъ, вмѣстѣ съ капиталомъ, положеннымъ на производство ихъ, приближается только къ 4,000 милліоновъ долларовъ. Изъ 12.500,000 работниковъ, занятыхъ производствомъ богатства страны, 5.922,000 или почти половина занята земледѣліемъ.

Зданіе для земледѣльческой выставки еще не начато. Оно будетъ построено исключительно изъ дерева и стекла и можетъ быть воздвигнуто въ нѣсколько мѣсяцевъ. Оно покроетъ собой почти 10 акровъ земли. Размѣры его будутъ: 820 футовъ въ глубину и 540 въ длину. Зданіе будетъ состоять изъ главнаго центральнаго хода, перекрещеннаго тремя продольными. Ходы эти составлены изъ гаусовскихъ аркъ готическаго стиля. Главный изъ нихъ будетъ 826 футовъ длины и 100 ширины, а вышина его будетъ въ 75 футъ отъ пола до вершины арки. Средній поперечный ходъ будетъ такихъ же размѣровъ, а крайніе поперечные ходы будутъ въ 70 футъ вышины и 80 ширины. Отъ пересѣченія главнаго хода съ поперечными, образуются 4 двора и 4 угловыя пространства, которыя будутъ прикрыты крышами и представятъ весьма удобныя мѣста для выставки. Съ внѣшней стороны зданіе земледѣльческой выставки будетъ производить весьма благопріятное впечатлѣніе; внутренность, сообразно

характеру производства, будетъ проста до послѣдней возможности; зданіе будетъ освѣщено центральною башнею, устроенной въ видѣ фонаря, свѣтъ отъ котораго будетъ проведенъ въ зданіе особенно устроенной комбинацiей рефракторовъ и вентиляторовъ. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ домомъ будетъ обширное помѣщеніе для выставки лошадей, скота, овецъ, свиней, куръ и т. п.

10,15 акровъ, занимаемыхъ зданіемъ выставки, распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Экспоненты	Соединенныхъ Штатовъ займутъ . .	100,000	кв.	ф.
»	Испаніи.	30,000	»	»
»	Франціи	10,763	»	»
»	Великобританіи	7,000	»	»
»	Нидерландовъ	4,000	»	»
»	Швеціи.	2,000	»	»
»	Германіи	2,000	»	»
	Все пространство выставки . .	155,763	»	»
	Изъ коего иностранцами заняты . .	55,763	»	»

Цифры эти показываютъ, какъ слаба будетъ конкуренція иностранцевъ. Ни Мексика, ни одно изъ южно-американскихъ государствъ, ни Канада—словомъ, ни одно изъ государствъ, за исключеніемъ только что упомянутыхъ шести, не рѣшилось на состязаніе съ Америкой за первенство въ искуствѣ обработыванія и улучшенія почвы.

Различные штаты союза стараются перещеголять другъ друга оригинальностью предметовъ, посылаемыхъ на земледѣльческую выставку. Нѣкоторые пошлютъ образчики своихъ деревьевъ. Штатъ Огайо, напримѣръ, пошлетъ въ орнаментальной формѣ коллекціи 60-ти различныхъ видовъ.

Калифорнія отправляетъ громадную пирамиду, составленную изъ шишекъ различныхъ сосновыхъ деревьевъ, растущихъ въ ея предѣлахъ. Комиссары выставки усердно собираютъ образчики всѣхъ туземныхъ деревьевъ, особенно тѣхъ сортовъ, которые употребляются для постройки и украшеній. Подобные же образчики ожидаются изъ иностранныхъ государствъ; прекрасная коллекція деревьевъ, напр., уже обѣщана изъ Австраліи.

Выставка скота предполагается въ сентябрѣ и октябрѣ. На каждый разрядъ назначено по 15 дней, такимъ образомъ:

Лошади, мулы и ослы—отъ 1-го сентября до 15-го. Рогатый скотъ—отъ 20-го сентября до 5-го октября. Овцы, свиньи и козы—отъ 10-го октября до 25-го октября. Домашнія птицы будутъ

выставлены дважды: одинъ разъ—при началѣ выставки, другой разъ—отъ 25-го октября до 10-го ноября.

Всѣ животныя на выставкѣ должны быть чистокровными и перваго класснаго достоинства. Строгость выбора обнаруживается тѣмъ же фактомъ, что рогатаго скота, напр., не будетъ болѣе 700 головъ, и на этомъ разсчетѣ основано распредѣленіе стойлъ. Предполагается, что 4/10 пространства будетъ отведено для коротко-рогаго скота, 2/10 для чанельскаго скота, 1/10 для девонширскаго, 1/10 голштинскаго, 1/10 для айрширскаго и 1/10 для остальныхъ чисто кровныхъ породъ. Собственники скота должны будутъ сами кормить его, а кормъ, необходимый для того, будетъ покупаться по первичнымъ цѣнамъ въ складахъ, устроенныхъ на мѣстѣ выставки. Всѣ животныя должны находиться подъ надзоромъ ветеринарнаго врача, поставленнаго юбилейной комиссіей; но собственники скота должны ставить на свой счетъ присмотрищиковъ, отвѣтственныхъ за добропорядочный уходъ за скотомъ, за чистку его, водопой и очищеніе стойлъ.

Ожидаютъ, что выставка собакъ, кошекъ, кроликовъ и т. п. будетъ хороша. Всѣ удобства будутъ доставлены для того, чтобы сдѣлать интересною выставку рыбъ и всѣхъ процессовъ, употребляемыхъ въ рыбной промышленности; и съ этою цѣлью комиссары выставки уже вошли въ сношеніе съ комиссіонерами рыболовства и разведенія рыбъ въ различныхъ штатахъ, прося ихъ содѣйствія въ этой отрасли выставки.

Американское общество изготовленія молочныхъ скоповъ беретъ на себя показать всѣ процессы при мануфактурной выдѣлки масла и сыра.

Выставка фруктовъ будетъ роскошна въ высшей степени. Отборные фрукты всѣхъ странъ и климатовъ составятъ чрезвычайно интересную коллекцію, причемъ фрукты, способные легко портиться, будутъ представлены натуральными моделями изъ воска или алебастра.

Нѣкоторые сорты ягодъ, каковы, наприм., земляника южныхъ штатовъ, будетъ уже готова къ началу выставки, и, по мѣрѣ ея продолженія, будетъ увеличиваться и число и разнообразіе ягодныхъ сортовъ.

Разумѣется, что для земледѣльческихъ машинъ будетъ отведено самое почетное мѣсто. Внутри зданія будетъ установлена паровая машина и всѣ необходимые приводы для движенія остальныхъ, напр.: машинъ для отдѣленія хлопчатобумажныхъ сѣменъ, вальковъ для выжиманія сахарнаго сока, мельницъ разнаго рода, молотилокъ, вѣялокъ и т. п.

Плуги для животной и паровой силы, косильныя и жатвен-

ныя машины, машины для сгребанія и переворачиванія сѣна будутъ пробоваться въ полѣ, и съ этою цѣлью комиссары выставки собираются купить или арендовать около 75 акровъ первоклассно-обработанной земли вблизи отъ города и на одной изъ главныхъ линій желѣзныхъ дорогъ.

Зданіе для выставки предметовъ садоводства необыкновенно красиво и удобно. Городъ Филадельфія отпустилъ огромную сумму для постройки этого зданія, такъ какъ оно останется постояннымъ украшеніемъ парка. Мѣсто его—на лансдауновской террасѣ, недалеко къ сѣверу отъ главнаго зданія выставки, откуда открывается прелестный видъ на Скайлкилъ и на сѣверо-западную часть города. Построенное въ мавританскомъ вкусѣ, оно чрезвычайно примѣнимо къ внѣшнимъ украшеніямъ разнаго рода.

Длина его 383 фута, ширина 193, а вышина до верха башни 72 фута. Центральное помѣщеніе, находящееся подъ башнею, будетъ занимать пространство въ 230 футовъ длиною, 80 футовъ шириною и 50 футовъ вышины. Освѣщающая башня будетъ 170 футовъ длины и 20 футовъ ширины и 14 футовъ вышины.

На углахъ центральнаго помѣщенія будутъ находиться 8 изящныхъ фонтановъ, а вокругъ него и на высотѣ 20 футовъ будетъ устроена галлерея. На сѣверной и южной сторонѣ зданія будутъ устроены: 4 теплицы для молодыхъ растеній; каждая теплица занимаетъ пространство въ 3,000 квадратныхъ футовъ и прикрыта куполообразною крышею изъ желѣза и стекла.

По серединѣ четырехъ сторонъ зданія устроены входы. Передніе южнаго и сѣвернаго хода, занимая 30 × 30 квадратныхъ футовъ служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣстомъ раздѣла теплицъ. Передніе же западнаго и восточнаго хода соединены съ цѣлою серіею комнатъ, предназначенныхъ для *конторъ* ресторановъ, пріемныхъ комнатъ и т. п.

Изящныя лѣстницы будутъ соединять внутреннюю галлерею центральнаго помѣщенія съ наружными четырьмя галлереями, изъ коихъ каждая (100 футовъ длины и 10 футовъ ширины) будетъ возвышаться надъ одной изъ теплицъ.

Наружныя галлереи, въ свою очередь, будутъ сообщаться съ мѣстомъ для прогулки, устроеннымъ на крышѣ центральнаго помѣщенія и представляющемъ площадь въ 1800 квадратныхъ ярдовъ (кв. ярдъ = 9 квадр. футамъ), съ котораго будетъ открываться самый лучшій видъ на выставку и окружающую мѣстность.

Архитекторъ этого зданія, Г. Ж. Шварцманъ, вмѣстѣ съ тѣмъ—архитекторъ и главный инженеръ по украшенію и отдѣлкѣ все-

го мѣста выставки, и слѣдуетъ сказать, что онъ ведетъ свое дѣло съ замѣчательнымъ вкусомъ.

Площадь передъ зданіемъ будетъ обращена въ роскошный цвѣтникъ, и комиссары выставки предполагаютъ, между прочимъ, посадить деревья, характеризующія различныя страны американскаго континента.

Вблизи главнаго зданія выставки предметовъ садоводства будетъ помѣщено много другихъ отдѣльныхъ построекъ, предназначенныхъ для спеціальныхъ цѣлей. Напр., одна изъ нихъ будетъ построена для выставки Victoria Regia; другая для домашнихъ и тропическихъ фруктовыхъ растеній; третья для винограда и т. д.

Изъ послѣднихъ свѣдѣній относительно выставки можно вывести одно, что выставка теперь поставлена внѣ всякихъ финансовыхъ затрудненій.

Дѣло въ томъ, что мѣсяца 1½ тому назадъ, юбилейная комиссія, въ соглашеніи съ финансовымъ комитетомъ, послала приглашеніе президенту Соединенныхъ Штатовъ, конгрессу, верховнымъ судьямъ и посланникамъ иностранныхъ державъ—посѣтить Филадельфію и осмотрѣть на мѣстѣ все, что сдѣлано для выставки. Разумѣется, мало было охотниковъ оставаться въ Уашингтонѣ и не участвовать въ увеселительной прогулкѣ въ Филадельфію. Все число гостей превзошло 400 человѣкъ. Юбилейная комиссія не пожалѣла никакихъ издержекъ, чтобы произвести на гостей самое выгодное впечатлѣніе. Роскошный обѣдъ смягчилъ окончательно сердца даже самыхъ суровыхъ противниковъ выставки. За обѣдомъ говорились обычные тосты: Грантъ, конечно, отличился, выставивши говорить за себя одного изъ своихъ бывшихъ министровъ; но интереснѣе всего была рѣчь предсѣдателя юбилейной комиссіи, который изложилъ гостямъ финансовое положеніе дѣлъ и намекнулъ, что съ тѣми средствами, которыя они имѣютъ теперь въ своихъ рукахъ и которыя они еще могутъ собрать, можно довести дѣло выставки до конца не иначе, какъ сдѣлавши долгъ въ 1½ милліона долларовъ, и что, хотя «заёмъ этотъ навѣрное съ лихвой покроется изъ доходовъ выставки, но до того онъ произведетъ дурное впечатлѣніе на публику и дастъ поводъ недоброжелателямъ выставки говорить о несостоятельности дѣла».

Разумѣется, что, помимо оффиціальныхъ рѣчей, шла за кулисами дѣятельная интрига съ цѣлью завербовать, по возможности, бо̀льшее число членовъ конгресса въ пользу ассигнованія недостающей суммы изъ государственныхъ фондовъ. Американцы вообще очень искусны въ интригахъ подобнаго рода, которыя

даже пріобрѣли особенное техническое названіе wire-work (проволочная работа). Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, усилія приверженцевъ выставки увѣнчались успѣхомъ, и тысячи долларовъ, потраченные на пріемъ и угощеніе *суровыхъ законодателей республики*, вернутся назадъ съ большимъ барышемъ.

На дняхъ внесенъ въ конгрессъ билль объ ассигнованіи 1½ милліона долларовъ для поддержанія выставки. Зная, что всѣ предложенія подобнаго рода обыкновенно подготовляются въ комитетахъ конгресса и что билль, получившій одобреніе финансоваго комитета, почти всегда утверждается конгрессомъ — можно почти навѣрное сказать, что дѣло выставки въ матеріальномъ отношеніи обезпечено вполнѣ. Юбилейной комиссіи и предпринимателямъ выставки остается только сдѣлать возможно-лучшее употребленіе изъ тѣхъ средствъ, которыя теперь находятся въ ихъ рукахъ.

ЗАПИСКИ ДУРАКА,

СДЕРЖАВШАГО БОЛЬШЕ, ЧѢМЪ ОНЪ ОБѢЩАЛЪ.

ВЕДЕНЫ ИМЪ САМИМЪ,

собраны и дополнены

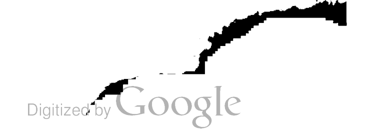
ЭЖЕНОМЪ НОЭЛЕМЪ.

XXII.

Наша роскошь.

Вы уже видѣли, что владѣнія фермы расширились прикупкой прекраснаго поля. На слѣдующій годъ произошло еще приращеніе: Дезйръ съ Туанетой купили на свои экономіи лугъ, гдѣ протекали обильные ручьи. Я снялъ у нихъ этотъ лугъ въ аренду. Такимъ образомъ, Дезйръ съ Туанетой пріобрѣли право собственности на фермѣ. Разомъ—владѣтели и фермеры, мы образовывали, сами того не зная, родъ ассоціаціи и земледѣльческой артели. И, что̀ лучше всего, это — то̀, что дѣло сдѣлалось само собой; мы никогда о немъ не говорили. Все случилось какъто внезапно: обстоятельства привели къ этому, а никакъ не духъ системы.

При продажѣ, лугъ былъ въ довольно плачевномъ состояніи. Новый владѣлецъ не замедлилъ преобразовать его. Было истиннымъ удовольствіемъ смотрѣть, какъ онъ принялся за работу, Онъ распланировалъ вдоль луга высокія и широкія гряды; каждая изъ нихъ имѣла свой резервуаръ. Изъ этихъ резервуаровъ вода совершенно правильно огибала гряды и стекала въ желобки, которые проходили на метръ ниже грядъ и раздѣляли ихъ. Дезйръ получалъ съ своего луга три сѣнокоса, тогда какъ, при старомъ хозяинѣ, тамъ еле-еле росли травы, и то самыя



дурныя: хвощь, осока, тростникъ. Вся эта дрянь изчезла въ короткое время. Нужно и то сказать, что, благодаря тремъ ручьямъ. можно было орошать сколько угодно.

Дезиръ захотѣлъ также обогатить насъ прудомъ; мы тотчасъже начали приспособлять къ нему разведеніе рыбъ. Оно удалось намъ, какъ нельзя лучше. Время отъ времени, Горготина съ Туанетой, отправляясь на рынокъ, присоединяли къ своимъ курамъ, уткамъ и яицамъ нѣсколько штукъ рыбъ (угрей и форелей), не говоря о томъ, сколько ихъ съѣдалось на мѣстѣ.

Уже давно Дезиръ намѣтилъ этотъ лугъ и прудъ; въ его водахъ мы еще въ дѣтствѣ такъ прекрасно барахтались. Тамъ я, объясняя ему легкость опущеннаго въ воду тѣла, далъ первый урокъ физики. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь разводили форелей и угрей, сколько мы, мальчуганами, переловили піявокъ и жабъ!...

Здѣсь проходитъ десять лѣтъ, которыя я разскажу на трехъчетырехъ страницахъ; въ нашей жизни, они пронеслись духомъ. Десять лѣтъ полнаго процвѣтанія. Десять лѣтъ работы, безпрерывной дѣятельности и научныхъ занятій. Дà, *научныхъ* занятій, ибо мы поняли, что для земледѣлія наука необходима.

Вамъ-бы трудно было найдти домъ, гдѣ бы жили скромнѣе и экономнѣе нашего и, въ тоже время, гдѣ было бы столько порядка и такая чистота, какъ у насъ. Повсюду чувствовался глазъ хозяйки, изящной и радушной. Пять дней на семь, единственными поставщиками нашей кухни были огородъ, поля и садъ; но наша капуста, бобы, горохъ подавались на столѣ, всегда хорошо сервированномъ: чистѣйшая скатерть (Горготина объ этомъ сильно заботилась), стаканы, кружки, блюда, тарелки, ножи—все блистало! Простота и экономія соблюдались во всемъ. Но и у насъ тоже были своего рода роскошь и мотовство. Мы знавали, братья и я, въ коллежѣ одного мальчика, сына простого рабочаго. За его воспитаніе платилъ богатый родственникъ. Мальчикъ этотъ былъ тихій и кроткій. Онъ казался учителямъ и ученикамъ еще тупоумнѣе меня, потому что я, по крайней мѣрѣ, занималъ въ часы рекреаціи почетное мѣсто. тогда какъ онъ никогда не игралъ, держался всегда одинъ, въ сторонѣ. Можно было подумать, что онъ погруженъ въ какое-то таинственное созерцаніе.

Позднѣе я съ нимъ опять встрѣтился въ медицинской академіи; но тутъ вышло иначе: по анатоміи и физіологіи никто изъ насъ не могъ съ нимъ соперничать. Изъ его прежней неспособности только и осталось тупоуміе въ дѣлахъ, равнявшееся его смышлености въ наукахъ. Оно-то и было причиной того, что, не-

смотря на свои громадныя познанія въ физіологіи, онъ никогда не могъ получить хорошаго мѣста и заработывалъ такъ мало, что съ трудомъ поддерживалъ свою семью.

Я не прерывалъ съ нимъ сношеній и находилъ, что онъ— единственный почти изъ всѣхъ ученыхъ нашего вѣка, сохранившій въ наукѣ свой личный колоритъ. Всѣ его сочиненія носили отпечатокъ художественнаго чувства; онъ умѣлъ излагать великія вещи просто, безъ малѣйшей сухости. Онъ уважалъ природу; онъ уважалъ жизнь міра, изучая ее въ самыхъ разнохарактерныхъ проявленіяхъ. Ко тому же, это былъ умъ энциклопедическій: онъ видѣлъ и умѣлъ превосходно показать другимъ ту связь, которая изъ всѣхъ наукъ составляетъ одно цѣлое. Какъ-то, лѣтомъ, онъ пріѣхалъ съ дѣтьми къ намъ на ферму, провести вакаціи. Онъ одинъ воспитывалъ своихъ дѣтей, двухъ мальчиковъ пяти и семи лѣтъ; у бѣднякекъ матери уже не было. Его бесѣды, въ продолженіи двухъ вакаціонныхъ мѣсяцевъ, такъ насъ заинтересовали, что мнѣ вдругъ пришла счастливая мысль попросить Эдуарда (это его имя) пріѣзжать къ намъ каждый годъ лѣтомъ, на мѣсяцъ, читать намъ и дѣтямъ курсъ, въ которомъ бы математика, астрономія, физика, химія, біологія были объясняемы въ крупныхъ чертахъ; а въ вечернихъ бесѣдахъ мы бы подробнѣе разсматривали тѣ отдѣлы курса, которые для насъ болѣе необходимы.

Но это ужъ становилось *работой* для Эдуарда; а, такъ какъ всякій трудъ долженъ быть оплаченъ, то и постановили мы, что Эдуардъ будетъ получать за одинъ мѣсяцъ уроковъ на дому 500 франковъ; а второй мѣсяцъ будетъ проводить съ своими дѣтьми на лонѣ природы, среди нашихъ полей, луговъ, лѣсовъ, вкушая отдыхъ, столь заслуженный послѣ одиннадцати мѣсяцевъ непрестаннаго труда. Вы думаете много найдется такихъ фермеровъ, которые позволили бы себѣ роскошь: взять въ учителя профессора и члена института, какимъ былъ Эдуардъ, и платить ему 500 франковъ въ мѣсяцъ?

Мебель у насъ въ комнатахъ была изъ простаго дерева, соломенная. Гостиной или парадныхъ покоевъ вовсе не было; но зато у насъ были физическая и химическая лабораторія и анатомическій кабинетъ, со всевозможными аппаратами: электрическія машины, микроскопы и проч. Микроскопъ употреблялся у насъ, какъ каждодневное орудіе: Горготина съ Туанетой безпрестанно обращались къ нему за помощью въ хозяйствѣ. И дѣйствительно, ни одно плутовство въ съѣстныхъ продуктахъ не можетъ ускользнуть отъ его зоркаго глаза.

Мы съ Эдуардомъ дѣлали часто разные интересные опыты, и

даже внѣ его уроковъ и лекцій, изъ которыхъ нѣкоторыя были почти публичными; у насъ съ нимъ велись бесѣды на столько же поучительныя для землепашца, какъ и для человѣка вообще. Въ промышленности наука—сила. Въ жизни же она—элементъ счастія. Пріѣздъ Эдуарда на ферму былъ для насъ, каждый годъ, большимъ праздникомъ; но онъ сообщалъ намъ также и письменно разныя новыя открытія въ научномъ мірѣ. Его переписка, нѣкоторымъ образомъ, держала ферму въ сношеніяхъ съ институтомъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ нашихъ писемъ:

XXIII.

Письмо Эдуарда.

«Да̀, моя статья о сокращаемости готова; но она пока еще въ портфёлѣ. Я хочу сперва отдать ее на твой просмотръ, а тамъ ужь и напечатаю: мнѣ нужно знать твое мнѣніе по многимъ вопросамъ. Я тогда только что̀-нибудь порядочно и дѣлаю, когда работаю съ тобой. Ты для меня, помимо твоей воли—необходимый сотрудникъ. Правда, говоря *ты*, я разумѣю всю ферму со всѣми ея обитателями, мужскаго и женскаго пола, съ ея животными, съ ея полями, удобреніями, жатвами. Я только въ этой обстановкѣ вѣрно мыслю, вижу и говорю».

«Я досталъ для Дезӥра изъ Jardin des Plantes нѣсколько сѣменъ кормовой травы. Я полагаю, они будутъ превосходны для его луга. Я ихъ берегу».

«Madame Горготина не пожелаетъ ли получить для птичника пару-другую яицъ отъ куръ-негритянокъ? Это—престранное животное, очень красивое и очень рѣдкое. Что̀ въ нихъ странно, въ этихъ негритянкахъ, и что̀ сразу бросается въ глаза, это — необычайная бѣлизна перьевъ или, лучше сказать, пуха, которымъ онѣ покрыты. Кожа, напротивъ, самаго густаго чернаго цвѣта, идущаго вплоть до надкостной плевы. Прежде предполагали, что черный цвѣтъ плевы происходитъ отъ пищи, которой питались эти куры въ странѣ, гдѣ онѣ появились; но корми ихъ чѣмъ хочешь, твои негритянки все останутся черными. У выводковъ плева ужь окрашена. Просто—настоящіе негры. Я думаю, природа еще не создавала имъ подобныхъ».

«Сказалъ ли я тебѣ, что у пѣтуха гребешекъ черный и пять пальцевъ (у куръ тоже пять)? Вотъ, ужь подлинно дьявольская птица, цѣликомъ взятая изъ средневѣковья. Должно быть, *бѣлая-*

то *курочка*, столь любезная сердцу колдуновъ, и была эта самая курица, яица отъ которой я намѣреваюсь предложить г-жамъ Горготинѣ и Туанетѣ.

«Какъ поживаютъ ваши дѣти? Конечно, хорошо—у нихъ ужь это въ привычкѣ. Вотъ, мои такъ опять похудѣли и поблѣднѣли. Воздуху мало, несмотря на бо̀льшія прогулки, которыя я заставляю ихъ дѣлать два раза въ недѣлю; въ сущности, здоровье у нихъ не плохое, и я надѣюсь, что на вакаціяхъ, воздухъ фермы ихъ опять сильно поправитъ.

«Благодарю и поздравляю за твои замѣтки *о нѣкоторыхъ феноменахъ, еще не наблюденныхъ, въ пищевареніи жующихъ жвачку*. Я думаю, что твои наблюденія очень вѣрны; посмотрю, что̀ скажутъ объ нихъ въ институтѣ, гдѣ еще осмѣливаются иногда думать, хоть ты это и отрицаешь. Главное, я буду стараться провѣрить твои факты. Позволишь ли ты принесть въ жертву одну изъ вашихъ овечекъ?»

«Если у васъ на дняхъ заснетъ форель съ молоками, пришли мнѣ ихъ. Разсматривая форель въ состояніи зародыша, есть кое какіе шансы ознакомиться съ этимъ животнымъ, которое, повидимому, стоитъ такъ далеко отъ другихъ... Тутъ дѣло идетъ о важномъ вопросѣ по научной философіи: О цѣлой сотнѣ вещей хотѣлъ бы я тебѣ сообщить и у тебя спросить, но бумага вся исписана, и я поневолѣ кончаю мое письмо. Всегда твой.»

Эдуарду.

«Къ чорту сокращаемость! Я желалъ бы, чтобы ты занялся чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе достойнымъ тебя. Не спорю, однакожъ, что сокращаемость имѣетъ большое значеніе, ибо только эта разница и существуетъ между растительной и животной жизнью и, по твоему, никакой другой разницы нѣтъ, съ чѣмъ я готовъ согласиться; къ тому же, мнѣ извѣстны твои любопытные опыты; я также знаю, что ты по этому поводу напишешь статью, полную интереса, а, главное, полную новыхъ доказательствъ, и она доставитъ тебѣ, при чтеніи въ институтѣ, одобреніе господъ членовъ, коли въ этотъ день институтъ не будетъ только страдать глухотой, слѣпотой и мозговымъ разслабленіемъ, что̀ *иногда* случается... Я сказалъ *иногда*, ибо вышеозначенныя немощи періодически посѣщаютъ ученую компанію; но я все-таки долженъ сознаться, что это—еще одно изъ лучшихъ государственныхъ учрежденій. Наши политическія собра-

нія имѣли бы ничтожное значеніе, еслибъ большинство членовъ института понимало свое призваніе и свою силу».

«Я желалъ бы, чтобъ ты предоставилъ другимъ спеціальные разработки, а себѣ задалъ бы цѣлью показать всему свѣту итогъ теперешнихъ человѣческихъ познаній. Я желалъ бы, чтобъ ты, начавъ съ математики, какъ точки отправленія всякой науки (такъ какъ знаніе состоитъ въ счетѣ, въ вѣсѣ, въ мѣрѣ вещей, въ вычисленіи разстояній), обозрѣлъ затѣмъ астрономію, т. е. туже математику, примѣненную къ общему составу вселенной, перешелъ за симъ къ физикѣ, которая изучаетъ только внѣшнія свойства тѣлъ, между тѣмъ, какъ химія, слѣдуя за физикой, дополняетъ ее, изучая внутреннія свойства тѣлъ; я желалъ бы, чтобъ ты, пройдя всѣ эти элементарныя науки, особенно занялся высшей наукой, которая продолжаетъ, пополняетъ и исчерпываетъ ихъ всѣ—т. е. наукой о жизни во всѣхъ ея отрасляхъ, и чтобъ ты, наконецъ, имѣлъ смѣлость сказать: можно ли основать на непоколебимомъ грунтѣ математики, астрономіи, физики, химіи, біологіи—соціальную науку?»

«Ты видишь: вопросъ идетъ о томъ, чтобъ найдти для дѣйствительности настоящій устой; а для этого очень стòитъ прекратить твои спеціальныя изслѣдованія. То, чтò микроскопъ открылъ тебѣ незамѣченнаго до сихъ поръ въ нѣсколькихъ физіологическихъ феноменахъ, то другіе, когда бы нибудь, да увидали; но кто увидитъ, кто узнаетъ, кто осмѣлится показать совокупность нашего научнаго достоянія? Для выполненія подобной задачи я, кромѣ тебя, никого не вижу: во Франціи, по крайней мѣрѣ; внѣ Франціи я менѣе знакомъ съ составомъ ученаго міра. Вотъ было бы несчастіе, еслибъ и въ этомъ насъ опередила Англія, Америка или Германія! Но зато, другъ, какая слава—позволь мнѣ помечтать—какая радость, еслибъ великое слово XIX вѣка вышло изъ того маленькаго мірка, который мы одни съумѣли создать съ помощью современной науки, съ помощью нашихъ инстинктовъ, нашего сердца! изъ того маленькаго мірка, гдѣ такъ хорошо слились деревня съ городомъ, земледѣліе съ наукой, работа съ капиталомъ, владѣлецъ съ фермеромъ — я чуть было не сказалъ—хозяинъ съ слугой; но кто у насъ хозяинъ, кто слуга? По какимъ признакамъ отличишь ты одного отъ другого, о, классификаторъ?»

«Ты видишь, я опять впалъ въ то, чтò когда-то называли моими *дурацкими* идеями; только, къ несчастію, еще недостаточно доказано, какую роль играютъ дураки въ судьбѣ общества. Ахъ, хоть бы поскорѣе отыскалось съ полдюжины геніальныхъ дураковъ, чтобъ направить насъ на путь истинный, вмѣсто всѣхъ

этихъ умниковъ, которые уже столько времени путаютъ, желая руководить нами! Вотъ такъ перевернулся бы свѣтъ! Ка̀къ ты думаешь? Ужь, конечно, ты раздѣляешь мое мнѣніе: вѣдь ты тоже съ ранняго возраста принадлежалъ къ числу *дураковъ*, да и въ зрѣломъ возрастѣ оставался имъ. Знанія не помѣшали тебѣ сохранить инстинктивную и драгоцѣнную глупость. Она, въ день твоего рожденія, помогла тебѣ найдти материнскую груды!...»

«Какъ высшее знаніе міра должно сливаться съ низшимъ, ничего у него не отнимая, ни въ чемъ ему не противорѣча, такъ вся наука должна всецѣло присоединяться къ глупости ребенка, не лишая его врожденныхъ инстинктовъ. Если въ человѣкѣ ребенокъ уничтоженъ—тѣмъ хуже для человѣка! Но зачѣмъ тебѣ объ этомъ говорить? Ты самъ все прекрасно знаешь и самъ мнѣ сообщалъ объ этомъ несчетное число разъ и ка̀къ хорошо!..»

«До скораго свиданья, поклонъ тебѣ и твоимъ сыновьямъ; на фермѣ все обстоитъ благополучно. Жатва безподобная! Въ концѣ года еще прибудетъ по ребенку отъ Туанеты съ Дезйромъ, да отъ Горготины съ твоимъ покорнымъ слугой; итого—девять. Все идетъ хорошо, но пошло бы еще лучше, еслибъ ты далъ намъ научно-человѣчную философію».

«*Научную и человѣчную*! Такую философію ты имѣлъ бы право назвать *божественной*... Я сказалъ это слово и удерживаю его за собой, слышишь?»

«Твой старый другъ по глупости и наукѣ».

Письмо Эдуарда.

«Тысячу разъ спасибо за твое доброе мнѣніе обо мнѣ и за то дѣло, которое ты желалъ бы, чтобы я выполнилъ. Но зачѣмъ запрещать мнѣ изучать сокращаемость, когда ты самъ занимаешься такъ успѣшно пищевареніемъ у жующихъ жвачку?»

«Ты желалъ бы, чтобъ я формулировалъ философію наукъ, но развѣ ты менѣе другого способенъ дать намъ такую именно философію? Откуда же въ тебѣ это желаніе держаться всегда за точныя наблюденія и спеціальные опыты? Не правъ ли я былъ, когда на прошлыхъ вакаціяхъ, гуляя какъ-то разъ съ тобою вечеромъ, говорилъ тебѣ: другъ, ты, я и нѣсколько другихъ, мы чувствуемъ, что минута философскихъ выводовъ приближается, и между собою мы можемъ по долгу разсуждать о нихъ; но бесѣдовать объ этомъ съ публикой—часъ еще не насталъ, да и

есть ли публика для подобныхъ истинъ? Конечно, когда-нибудь, со временемъ, и публика разовьется; но ты напрасно станешь искать слушателей въ теперешней генераціи людей. Въ самомъ дѣлѣ, кого слушаютъ за послѣднія двадцать пять лѣтъ! Несомнѣнно есть личности съ талантомъ, у иныхъ слишкомъ даже много таланта, начиная хоть съ близкаго тебѣ человѣка; но разумъ, истинное знаніе — найди ихъ мнѣ! Все это теперь меня больше не удивляетъ, и ты также бы смотрѣлъ, какъ и я, еслибъ жилъ среди пустоты и мерзости нашей столицы, еслибъ ты постоянно имѣлъ предъ глазами картины ужаса, нищеты, ярости; еслибъ ты могъ слѣдить за страшными драмами, въ которыхъ мы—и актёры и зрители; еслибъ ты зналъ, что большинство созданій, суетящихся вокругъ насъ, обезумѣли отъ горя, тоски или страха, тогда ты понялъ бы, дорогой философъ, что общество, послѣ стольких испытаній, не имѣетъ ни капли необходимаго спокойствія для воспринятія ясныхъ поученій науки».

«Приготовляется кризисъ безумія, всеобщей гистеріи; современнымъ людямъ нужно все то, что опьяняетъ, отуманиваетъ, воспламеняетъ, оглушаетъ... Въ настоящую минуту нѣтъ слова мудрецамъ. Подождемъ! Оставайся при твоемъ земледѣліи, при твоихъ этюдахъ надъ жующими жвачку, а я—при моей сокращаемости».

Эдуарду.

«Да, я останусь при моемъ земледѣліи, при моихъ жующихъ жвачку, но, тѣмъ не менѣе, я не перестану думать, что великія истины должны быть произносимы въ дни великихъ же кризисовъ, и я прибавляю: великія истины отнынѣ суть тѣ, которыя даются выводами науки».

Письмо Эдуарда.

«Умѣрь свой энтузіазмъ, дорогой философъ! побольше спокойствія. Разумъ безъ спокойствія не есть уже разумъ. Продолжай философствовать въ твоихъ письмахъ, если это доставляетъ тебѣ удовольствіе, но разсказывай же намъ и о фермѣ, объ ея обитателяхъ: благодаря фермѣ, ты вѣдь и сталъ настоящимъ философомъ; тебя она заставляетъ примѣнять къ дѣлу мудрость, инстинкты и науку. Разсказывай намъ о вашихъ поляхъ, лугахъ, лѣсахъ; скажи: все также-ль по вечерамъ, при свѣтѣ пы-

лающаго очага, вы бесѣдуете съ патріархально-галльской веселостью, вкушая при этомъ безподобное сало, намазанное на тоненькіе ломтики хлѣба, такъ превосходно приготовляемые Горготиной и Туанетой? Вотъ что̀ меня и сыновей интересуетъ. Мы надѣемся скоро очутиться среди васъ и провести наши вакаціи на милой фермѣ, веселой и плодовитой!»

Эдуарду.

«Ну, что̀ жь, будемъ галлами, другъ парижанинъ, и мы постараемся, когда вы пріѣдете, веселить васъ. Къ тому же, на фермѣ теперь ликованіе: Горготина произвела на свѣтъ прелестнѣйшаго галльчика. Ты можешь себѣ представить, ка̀къ всѣ въ домѣ запрыгали отъ радости. Старшіе, въ особенности дѣвчурки, и Дезѝровы и наши, просто въ восторгѣ. А матери?!.. Жаль, что ты не можешь видѣть, ка̀къ Горготина съ Туанетой празднуютъ новаго пришельца. Ты подумаешь, пожалуй, что отецъ менѣе счастливъ? Ка̀къ же ты ошибаешься! Другъ, во всякой благоустроенной жизни, рожденіе ребенка приноситъ съ собой цѣлыя сокровища молодости, радости, силъ. Тогда отецъ съ матерью разцвѣтаютъ, становятся вдвое сильнѣе и умственно, и нервно, что̀, безъ сомнѣнія, наука вскорѣ отмѣтитъ и опишетъ; а пока я, галльскій патріархъ, довожу сіе до твоего свѣдѣнія. Это, можетъ быть, очень важное открытіе для физіологовъ; но важное ли это открытіе, или просто глупость, только я тебѣ сообщаю его, смѣясь отъ души, смѣясь тѣмъ самымъ смѣхомъ, который, я полагаю, нигдѣ не былъ лучше извѣстенъ и лучше практикованъ, какъ у галловъ».

«Вѣдь, Дезѝру стало досадно, что я опередилъ его въ *дѣтсвоздѣлываніи*, и онъ намъ сулитъ къ будущей веснѣ маленькаго галльчика. Увидимъ. Знаешь ли, дорогой Эдуардъ, что̀ я считаю теперь первой изъ гражданскихъ обязанностей? Это—имѣть много дѣтей. У насъ ихъ всѣхъ на фермѣ десять. Слишкомъ мало! Я подъ часъ даже краснѣю. У отца было ихъ девятнадцать; а я, недостойный сынъ, произвелъ только шесть. У Дезѝра—стыдно сказать—четверо! Несчастный! Я стыжу его каждый день».

XXIV.

Продолженіе повѣствованія и вторичное появленіе шурина Горготена.

Я прерываю здѣсь нашу переписку и возвращаюсь къ разсказу, не на томъ мѣстѣ, гдѣ остановился, а десять лѣтъ спустя.

Эти десять лѣтъ, какъ я уже сказалъ, всѣ прошли въ работѣ и занятіяхъ. Никакой случай, достойный вниманія, не развлекъ и не встревожилъ насъ. Намъ выпала счастливая доля: не быть смущеными ничѣмъ неожиданнымъ. Но... по тихоньку да полегоньку, сколько перемѣнъ на фермѣ и внѣ ея! Многія изъ нашихъ дѣтей подросли и стали играть роль въ домѣ. Ужь поговаривали о свадьбѣ нашей старшей дочери. По крайней мѣрѣ, сынъ сосѣдняго землепашца сдѣлалъ предложеніе. Намъ это казалось съ Горготиной чистымъ сномъ, и сномъ хорошимъ. Молодые люди любили другъ друга. Ихъ родители питали взаимное уваженіе. Что же могло воспрепятствовать браку? Свадьбу и сыграли, да еще какъ весело! Была музыка на рожкахъ, пѣніе, танцы. Вы, конечно, не удивитесь увидать меня въ будущей главѣ дѣдушкой.

Но, пожалуйста, не заключите изъ этого, что я сдѣлался дряхлымъ старикомъ и ворчуномъ. Мнѣ было, когда я выдавалъ дочь замужъ, пятьдесятъ одинъ годъ, одиннадцать мѣсяцевъ и двадцать три дня. Это еще какіе годы! Ахъ, какъ мы съ Горготиной были счастливы въ этотъ день!

Но знаете ли, кто постарѣлъ, истаскался, покончилъ съ жизнью и валялся на кровати обезсиленный атрофіей мускуловъ и разслабленіемъ мозговыхъ органовъ? Горготенъ. Три года уже, какъ несчастный томился въ полусознательномъ состояніи. Память, разсудокъ почти угасли. Онъ былъ истинно жалокъ.

Горготина настаивала, чтобъ онъ переселился на ферму; но та капля воли и сознанія, какая еще у него оставалась, вся сосредоточилась на упорномъ отказѣ; и это происходило, видимо, отъ доброты, отъ нежеланія огорчать семью. Въ его состояніи полуидіотства, очень легко было замѣтить, что, несмотря на его неспособность устроить порядочно свою жизнь, помимо его мелкаго тщеславія и низменныхъ вкусовъ, онъ все таки былъ добрый человѣкъ. Будь онъ суше сердцемъ, онъ, можетъ, лучше бы повелъ себя; а поведи онъ себя порядочно, онъ неотравлялъ бы ни своей жизни, ни жизни другихъ. Ему недоставало равно-

вѣсія, и по этому старость—для нѣкоторыхъ лучшіе годы спокойствія и яснаго пониманія—для него пришла въ видѣ жестокой и отталкивающей болѣзни. Что я говорю, старость. Ему было 53 года; ну, какая же эта старость? А, между тѣмъ, сколько я видѣлъ подобныхъ преждевременныхъ разрушеній! Случай этотъ чаще встрѣчается между холостяками. Сперва состояніе Горготена раздражало меня; а теперь мнѣ становилось его положительно жаль.

XXV.

Кошка и собака.

Вотъ я и дѣдушка! Радость эта рѣдко описывается въ книгахъ; но всѣ дѣды испытывали ее! Какой благодатный даръ природы для стариковъ: видѣть, какъ ихъ собственная жизнь переходитъ и возрождается. Дѣти, внуки—истинное очарованіе жизни!

— Какъ, неужели родительскія обязанности никогда вамъ не доставляли горя, заботъ, волненій?

— Да, это случалось съ нами десятки, сотни разъ; но черезъ это-то самое наша жизнь и улучшилась; хорошія чувства стали воспріимчивѣе, брали верхъ и доставляли намъ, среди заботъ и волненій, невыразимыя радости.

Наши дѣти, воспитанныя на волѣ и солнцѣ, веселыя, дѣятельныя, умныя, имѣли тоже свои недостатки, въ особенности въ складѣ ума, какъ это часто встрѣчается во Франціи; но, выросши въ обстановкѣ, гдѣ природа является во всей своей правдѣ, въ своемъ разнообразіи, величіи и плодовитости, они пріобрѣли довольно равновѣсія въ разумѣ и чувствахъ.

— Слѣдовательно, ваши дѣти были совершенства?

— Далеко нѣтъ! Я бы отъ нихъ отказался, еслибъ они были безукоризненны.

— Ваши сынки никогда не вызывали въ васъ вспышекъ родительскаго гнѣва?

— Подчасъ за полверсты сосѣди слышали, какъ я бушевалъ. Не думайте, чтобъ мы всѣ на фермѣ были люди нрава слащаваго и телячьяго; нигдѣ столько не шумѣли и не спорили, какъ у насъ. Это были постоянные возгласы и смѣхи; самые простые разговоры, и тѣ сопровождались шумомъ. Громкое проявленіе нашихъ чувствъ происходило отъ ихъ же избытка и силы. Хорошее расположеніе духа вмѣшивалось во все, и ссора въ домѣ никогда не длилась болѣе пяти минутъ. У Дезира завелась, на-

примѣръ, собака, у меня—кошка. Животныя иногда ссорились между собою. Когда мы присутствовали — ссора переходила къ намъ. Я защищалъ мою кошку, Дезйръ свою—собаку, и мы произносили пресмѣшныя проклятія: онъ—надъ кошками, я—надъ собаками. И все это самымъ серьёзнымъ и раздраженнымъ тономъ. А тамъ, глядишь, мы опять—въ мирѣ и согласіи.

XXVI.

Что̀ мнѣ сообщили газеты.

Я сказалъ, что мы на фермѣ никакихъ политическихъ газетъ не читали, что̀, пожалуй, было не хорошо; иногда, впрочемъ, въ рыночные дни, или на ярмаркѣ, въ трактирахъ, намъ попадались на глаза газеты. И вотъ, такимъ-то образомъ я узналъ о происшествіи, волновавшемъ уже два дня Парижъ и всю Францію: Артуръ-банкиръ обанкрутился. Дефицитъ былъ въ нѣсколько милліоновъ. А, въ то время, милліоны въ банкрутствѣ простаго банкира казались чѣмъ-то колоссальнымъ.

Артуръ, испугавшись преслѣдованія, бѣжалъ. Говорили будто онъ въ Бельгіи; и это оказалось вѣрно.

Сотни семействъ потеряли свои состоянія въ этомъ банкрутствѣ. Мой братъ, инженеръ, потерялъ въ немъ самую большую часть своего капитала, и, что̀ еще хуже, банкрутство Артура скомпрометировало его въ глазахъ многихъ людей.

Къ сожалѣнію, во всемъ этомъ дѣлѣ, кромѣ легкомыслія, ничего не было, даже со стороны Артура. Я всегда такъ думалъ; но легкомысліе иногда очень важно. Правда, что я никогда не зналъ подробностей катастрофы. Мой несчастный братъ, съ которымъ я свидѣлся нѣсколько мѣсяцевъ спустя, былъ такъ огорченъ, что я боялся его много разспрашивать. Что̀ же до банкрута, то изъ Брюсселя онъ переселился съ женой, дочерью и зятемъ въ Соединенные Штаты, и мы никогда о немъ больше не слыхали.

Брату моему было тогда шестьдесятъ лѣтъ; на видъ ему казалось восемьдесятъ. Всякая энергія угасла, и онъ воображалъ, что и все окружающее угасло вмѣстѣ съ нимъ. Общество представлялось ему больнымъ. Ко мнѣ онъ сталъ гораздо теплѣе. Его единственный сынъ, потерявъ надежду на блестящую карьеру во Франціи, поѣхалъ въ Испанію, гдѣ ему дали строить линію желѣзной дороги.

Дол[illegible] я прибавить, что не прошло и двухъ мѣсяцевъ,

какъ онъ схватилъ тифъ и умеръ? По крайней мѣрѣ, горе видѣть сына умирающимъ миновало отца; его самого не стало за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти сына. У него сдѣлался ракъ въ желудкѣ. Жена его, женщина хорошая, осталась совершенно одна. Къ счастію, она могла собрать кое-какіе остатки отъ ихъ состоянія и составить себѣ крохотный доходецъ, которымъ она умѣла и умѣетъ до сихъ поръ довольствоваться. Она теперь—прелестная старушка, и, несмотря на горе и несчастія, сердце ея молодо и тепло. Горготина съ Туанетой—ея лучшіе друзья. Каждое лѣто она проводитъ нѣсколько дней на фермѣ, гдѣ она, по ея словамъ, запасается на всю зиму масломъ, за которое платитъ, и здоровьемъ, которое получаетъ даромъ.

На то, что̀ я разсказалъ изъ жизни брата и его семейства въ нѣсколькихъ строкахъ, пошли цѣлые годы. Между бѣгствомъ Артура и смертью брата разстояніе —въ два года. Въ этотъ промежутокъ времени скончался и шуринъ Горготенъ.

Это, конечно, мало кого удивитъ послѣ того, что̀ я говорилъ объ его несчастномъ положеніи; но вотъ чего, можетъ быть, никто не ожидалъ: единственной наслѣдницей Горготена была сестра его Горготина; но онъ потребовалъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, чтобы его наслѣдство было раздѣлено между Горготиной и Туанетой, т. е., въ сущности, между нашими двумя семействами, Дезировымъ и моимъ, такъ какъ мы были, говорилъ онъ въ завѣщаніи, его настоящими братьями и друзьями. «Понятно, продолжалъ онъ:—что въ моей волѣ нѣтъ ничего оскорбляющаго ни для сестры, ни для зятя: она только соотвѣтствуетъ ихъ же желаніямъ». Ассоціація нашихъ двухъ семействъ такъ полна и родственна, что должна даже наслѣдство дѣлить между собою. Въ случаѣ, еслибъ Дезиръ съ Туанотой отказались отъ ихъ части, то все наслѣдство переходитъ къ постороннему лицу. Волей-неволей, Дезиръ долженъ былъ согласиться. Сознаюсь, что раздѣлъ братнина наслѣдства былъ для насъ съ Горготиной большой радостью въ жизни. Горготенъ кончалъ свое завѣщаніе, прося насъ простить ему то горе, которое онъ намъ причинялъ, не умѣя совладать съ своей жизнью и сдѣлать черезъ это и себя, и другихъ счастливыми. Его несчастіе происходило отъ постояннаго стремленія быть умнымъ. Онъ никогда не оставался самимъ собою и вѣчно насиловалъ свою натуру. «Когда я это понялъ, то было уже поздно. Истина озарила меня на минуту, и, какая бы тому ни была причина — я благословляю ее. Это, вѣроятно—мое послѣднее дѣяніе, исполненное въ полномъ разумѣ. Мозгъ мой утомленъ, я это чувствую. Но, въ какомъ бы

*

состоянiи ни былъ мой разумъ, вѣрьте друзья, что сердце до послѣдняго издыханiя будетъ принадлежать вамъ».

«Чтите же мою послѣднюю волю».

. . . .

. . . .

Завѣщанiе было помѣчено четырьмя годами раньше его смерти.

XXVII.

Странныя размышленiя.

Мы получили наслѣдство отъ Лагоргота; намъ же досталось наслѣдство Горготена; этими двумя имѣнiями, конечно, пренебрегать было не слѣдъ; но мы, всетаки, пустились въ разсужденiя, и еще въ такiя, въ какiя большинство наслѣдниковъ не пускается; но съ лѣтами мы сдѣлались ужасными резонёрами.

Наслѣдство, что̀ бы тамъ ни говорили (разсуждали мы), потеряло теперь свою силу. Состоянiя имъ не составишь. Богатство все менѣе и менѣе жалуется въ видѣ награды и рѣдко переходитъ изъ рода въ родъ. Мы еще—самые удачные по части наслѣдства. А если раздѣлить теперь то, что̀ мы имѣемъ, между нашими десятью дѣтьми, то вѣдь на долю каждаго придутся пустяки. На что̀-жь они въ будущемъ могутъ разсчитывать, коли не на свой собственный заработокъ? Слѣдовательно, въ наше время отцы должны заботиться о томъ, ка̀къ бы дѣтямъ устроить трудъ полегче и повыгоднѣе, а не печься только о приращенiи наслѣдствъ. Станемъ же смотрѣть на дѣтей, какъ на тружениковъ, а не какъ на собственниковъ.

Дезйръ, у котораго часть состоянiя выходила изъ имѣнiя Горготена, ужасно возставалъ противъ наслѣдственности. Я же, признаюсь, относился къ этому не такъ строго. Я не прочь былъ, чтобы всякiй могъ располагать частью того, что̀ онъ прiобрѣлъ своимъ трудомъ и сберегъ своими экономiями. Но Дезйръ въ правѣ завѣщателя видѣлъ всевозможныя неудобства; нѣкоторыя изъ нихъ, конечно, не очень-то ладны.

Получивъ наслѣдство Горготена, мы не ограничились только одними умными рѣчами; мы расширили наше замледѣльческое дѣло, умножили число скотины, черезъ скотину увеличились и жатвы. Ахъ, еслибъ дядя Лагорготъ могъ взглянуть на ферму лѣтъ пятнадцать послѣ своей смерти, вотъ бы онъ удивился и обрадовался, увидавъ, ка̀къ она украсилась, улучшилась, обогатилась!

— Почему это у васъ, братецъ, сказала мнѣ разъ золовка, жена покойнаго брата-инженера:—въ домѣ всѣ такъ веселы, когда повсюду, куда ни оглянешься, жизнь такая печальная?

— Право не знаю. Я довольствовался дѣйствіемъ, не отыскивая причины.

— А я вамъ скажу почему: вы освободились отъ всякихъ страховъ и опасеній, которые дѣлаютъ людей такими несчастными. Даже смерть не страшна вамъ. Коли Дезиръ умретъ—вы останетесь отцемъ его дѣтямъ; а онъ — вашимъ, если вы умрете прежде него.

— Пожалуй, что̀ вы говорите и вѣрно, но можно было бы, какъ мнѣ кажется, найдти и другія причины.

. . . .

XXVIII.

Появленіе на сцену новаго лица.

Здѣсь начинается новый фазисъ нашей жизни: фазиса этого никто не предвидѣлъ и не подготовлялъ; онъ, тѣмъ не менѣе, былъ естественнымъ результатомъ всего нашего прошедшаго. Колонія начала принимать новый характеръ. *Мемуары* мои были бы невѣрны, еслибъ это и на нихъ не отразилось. Во второй части тонъ и смыслъ нашихъ разсказовъ измѣнился противъ первой части. Теперь это стало еще замѣтнѣе; но я, все-таки, буду смотрѣть на все съ моей точки зрѣнія. Въ тысячи другихъ книжекъ авторы всегда напираютъ на бѣдствія человѣческой жизни, на отвращеніе къ ней, на страданія, на борьбу; я же буду стараться описывать хорошія и спокойныя впечатлѣнія, какія жизнь даетъ.

Жизнь наша на фермѣ носила отпечатокъ ясности, мира, тишины, размноженія, увѣренности въ себѣ; на это именно историкъ и долженъ напирать.

Что̀ же до горя, до борьбы, они тоже были намъ извѣстны, но менѣе, чѣмъ большинству людей. И, къ тому же, я здѣсь стараюсь сохранить только хорошія воспоминанія. Заявивши это, я возвращаюсь къ моему разсказу.

Какъ вы видѣли, мы разговаривали съ золовкой. Вдругъ къ намъ постучался кто-то потихоньку въ дверь со двора. Погода стояла ужасная. Горготина пошла отпереть. На порогѣ показался молодой человѣкъ, блѣдный, еле державшійся на ногахъ,

весь мокрый, борода и волосы въ безпорядкѣ... Онъ прямо подошелъ ко мнѣ.

— Дядюшка! вскричалъ онъ, и тутъ же упалъ.

Несчастный былъ истощенъ голодомъ, ходьбой, волненіями. Его уложили въ постель, дали ему бульона, теплаго вина. Золовка, пристально глядѣвшая на него, вдругъ вскричала:

— Да вѣдь это—Амедей, нашъ племянникъ, сынъ брата Урбана!..

Урбанъ, о которомъ я еще ни слова не сказалъ, былъ младшій изъ всѣхъ братьевъ. Онъ единственный не основался въ Парижѣ, женился въ провинціи на дочери архитектора и позднѣе заступилъ его мѣсто. Мы видались съ нимъ очень рѣдко. Средства къ жизни у него были самыя маленькія; но это не помѣшало ему отдать своего единственнаго сына Амедея въ коллежъ. Амедей оставилъ коллежъ, вышедши изъ класса риторики и отказываясь отъ экзаменовъ, которые, при стѣсненныхъ обстоятельствахъ отца, завели бы его слишкомъ далеко.

Къ тому же, ему сильно опротивѣло жалкое преподаваніе въ провинціальномъ коллежѣ. У него была наклонность, даже большія способности къ физикѣ. Одинъ оптикъ, другъ его отца, рекомендовалъ Амедея къ богатому фабриканту электрическихъ машинъ въ Парижѣ.

Онъ опредѣлился сперва простымъ работникомъ, но его скоро замѣтили, и въ короткое время онъ сталъ очень искуснымъ мастеромъ. Теперь ему было двадцать четыре года.

Вотъ все, что̀ знала о немъ наша золовка. Ка̀къ онъ очутился у насъ въ такомъ ужасномъ состояніи? Мы не могли себѣ этого объяснить. Амедей продолжалъ лежать въ обморокѣ.

Его первое слово, очнувшись, было опять:

— Дядюшка!

Слезы текли по его щекамъ, онъ продолжалъ:

— Дядюшка, не браните меня...

— Обстоятельства, кажется, и безъ того довольно тебя наказали; но ка̀къ ты попалъ сюда въ такой часъ и въ такомъ положеніи?

— Я и самъ едва могу припомнить, что̀ со мной случилось... Перебывалъ я, въ нѣсколько недѣль, кажется въ четырнадцати тюрьмахъ. Меня били, топтали въ грязь, заковывали въ цѣпи (взгляните на мои руки); какимъ чудомъ я могъ исчезнуть въ минуту моего отправленія въ Каенну? Это—для меня загадка. Я очутился, не знаю ка̀къ, въ провинціи, на тюремномъ дворѣ, въ сторонѣ отъ товарищей. Спокойно направился я къ двери; она была полуотворена; я ее совсѣмъ отворилъ и вышелъ. Я про-

должалъ идти ровнымъ шагомъ, какъ будто отправился по своимъ дѣламъ. Я вышелъ изъ города; никто на меня и вниманія не обратилъ. Я шелъ полями весь вечеръ, шелъ всю ночь. Но куда идти? Въ Парижъ — невозможно! Къ отцу? Меня могли хватиться каждую минуту. Я долженъ былъ избѣгать и городовъ, и селъ, сколько нибудь значительныхъ. Какой-то нищій попался мнѣ на дорогѣ. Ему стало жаль меня, и онъ далъ мнѣ кусокъ хлѣба. Тогда я вспомнилъ, что оттуда, гдѣ я былъ, до васъ только сорокъ льё; я прошелъ ихъ пѣшкомъ въ три дня, ничего не имѣя, кромѣ поданнаго нищимъ куска хлѣба, который длился до сегодняшняго утра. Теперь гдѣ мнѣ укрыться и что̀ дѣлать, пока меня забудутъ? Я прошу вашего совѣта, дядюшка, рѣшившись ѣхать туда, куда вы мнѣ укажете...

Я думалъ, что разсказъ кончился, но онъ продолжалъ:

— Что̀ я такое сдѣлалъ, чтобъ со мной такъ поступали? какое я совершилъ преступленіе? Пусть спросятъ у тѣхъ, кто ночью вошли ко мнѣ въ комнату, схватили меня соннаго и потащили за собой. Въ чемъ меня обвиняютъ? Не знаю. Я высказывалъ нѣкоторое презрѣніе къ правительству, но всѣ вокругъ меня раздѣляютъ его... Шестьдесятъ другихъ честныхъ работниковъ были схвачены въ Парижѣ, въ туже ночь, и такимъ же точно образомъ. Вотъ факты. Теперь скажите, что̀ мнѣ дѣлать, куда идти?

— Оставайся, другъ мой, пока здѣсь. Никогда никому и въ голову не придетъ, чтобъ мы стали у себя въ домѣ укрывать кого-нибудь. Къ тому же, ты являешься къ намъ какъ нельзя больше кстати: ужь нѣсколько времени я все думаю: откуда бы мнѣ выписать человѣка твоей профессіи?... Ты явился—и отлично! Будь, какъ дома.

— Но какая вамъ надобность въ мастерѣ электрическихъ машинъ?

— Вотъ прекрасно! Да у насъ здѣсь цѣлыхъ два снаряда; правда, и тотъ, и другой плохо дѣйствуютъ; но у насъ въ лабораторіи есть всевозможные инструменты они; хоть, и не электрическія машины, но требуютъ твоей поправки и пригонки.

— Развѣ вы здѣсь занимаетесь физикой?

— Еще бы! И химіей, и біологіей...

— Я думалъ, дядюшка, что вы весь—въ земледѣліи!

— Ты и не ошибся; но если ты поживешь немного съ нами, то увидишь, что всякую науку можно приспособить къ земледѣлію, что̀, въ нѣкоторомъ смыслѣ, и составляетъ превосходство этой великой промышленности. Въ самомъ дѣлѣ, если физика и химія достаточны для другихъ промысловъ, то земледѣліе—все

равно, что медицина—призываетъ къ себѣ на помощь всѣ отрасли человѣческаго знанія. Поэтому, въ тотъ день, когда земледѣліе поднимется на ту высоту, на какой оно должно стоять, явится и настоящая философія, и настоящая политика и... но согласенъ ли ты исправить наши машины?

— А вы, дядюшка, согласны ли на то, чтобъ я васъ обнялъ?

Я раскрылъ ему объятія.

— Хорошо, продолжалъ онъ:—завтра, рано по утру, сведите меня въ вашу лабораторію.

На другой день, рано утромъ, я постучался къ нему — въ комнатѣ никого! Племянникъ всталъ чуть не на зарѣ и попросилъ, чтобъ ему указали нашу лабораторію, гдѣ я и засталъ его за осмотромъ.

— Вы мнѣ говорили, дядюшка, о физическомъ кабинетѣ, а я попалъ въ музей древностей.

— Кàкъ древностей?

— Конечно, всѣ эти снаряды, а, главное, ваши электрическіе столбы—допотопны.

— Правда, имъ будетъ лѣтъ около двадцати пяти.

— Двадцать пять лѣтъ, дядюшка, въ наукахъ равняются двадцати пяти вѣкамъ!

— Чтò же ты будешь дѣлать?

— Революцію.

— Чтò хочешь ты этимъ сказать?

— Все передѣлать заново.

— Гмъ... А наши древніе снаряды?

— Я пущу ихъ въ дѣло.

— Ха, ха, ха... Это, значитъ, полное преобразованіе?

— Дà, дядюшка, преобразованіе.

— Только смотри, не раззори насъ.

— Напротивъ, я надѣюсь удвоить стоимость вашей научной мебели.

— Ну, такъ за работу!

Амедей началъ съ нашихъ столбовъ, и въ нѣсколько дней ему удалось утроить ихъ силу.

Видѣть его за работой было истиннымъ удовольствіемъ. Не только онъ преобразовалъ наши старые снаряды; но еще прекрасно сладилъ намъ новые, о существованіи которыхъ мы, въ нашей глуши, и не предполагали. Такимъ образомъ, лабораторія, къ нашей великой радости, отдѣлана была зàново. Онъ намъ много еще кое-чего устроилъ и переправилъ; привычка къ измѣрительнымъ инструментамъ показала ему сейчасъ же, что

нашн вѣялки дѣйствовали неправильно; онъ и ихъ провѣрилъ.

Все, что было на фермѣ механическаго, прошло чрезъ его руки. Онъ придумалъ кое-какія улучшенія въ нашихъ молотилкахъ, соломорѣзкахъ, пахальницахъ и проч....

Замѣтно было, что земледѣліе ему тоже начинало нравиться, и его помощь въ этомъ дѣлѣ казалась намъ теперь необходимой. Я себя спрашивалъ: какъ это мы будемъ безъ него справляться, ибо я ни минуты не сомнѣвался, что онъ возвратится въ Парижъ тотчасъ, какъ только ему дозволятъ.

Но я вскорѣ замѣтилъ, что онъ не такъ спѣшитъ возвращеніемъ. У Дезира, вы знаете, было нѣсколько дочерей; старшую звали: Дезирè. Это была хорошенькая брюнетка, статная, веселая, какъ ея обѣ матери, Туанета и Горготина; я говорю ея *обѣ матери*, потому что Горготина, коли припомните, кормила ее. Ну-съ, такъ знаете ли, какое случилось чудо? Дезирè и племянникъ полюбились!...

Успокойтесь, друзья мои; въ этомъ дѣлѣ не было и намёка на романъ; вышло лучше: бракъ, доброе расположеніе, взаимная вѣра. Дѣвчоночка, хорошо снабженная бѣльемъ, ученая по хозяйству, дѣятельная, со сноровкой, денежнаго приданаго не имѣла; она сама составляла приданое; и мнѣ довольно было объясниться съ Урбаномъ, чтобъ онъ прислалъ свое согласіе. Женитьба сына его очень удивила. Свадьбу сыграли на фермѣ. Описывать вамъ радость Дезира — невозможно. Казалось, будто онъ самъ женится. Послѣ церемоніи онъ сказалъ мнѣ:

— Это—точно бракъ нашихъ двухъ семействъ. Моя дочь—тебѣ племянница. Твой племянникъ—мнѣ зять; мои внучаты будутъ твоими внучатами. Предвидѣлъ ли ты это?

Туанета съ Горготиной блистали счастіемъ. Къ тому же, амнистія позволила Амедею оффиціально явиться къ господину мэру.

И вотъ мы, старики, съ наслажденіемъ видѣли вокругъ себя новое наростающее поколѣніе, готовое возобновить и продолжить милую колонію. Молодой парижанинъ внесъ къ намъ новый элементъ: промышленный. Онъ пристроилъ къ фермѣ маленькую мастерскую для земледѣльческихъ орудій, самъ началъ скоро прекрасно понимать земледѣліе съ торговой стороны, и въ этомъ смыслѣ сильно помогалъ намъ.

Молодые не прожили и одиннадцати мѣсяцевъ, какъ у нихъ родился ребенокъ. Въ тоже время, умеръ отецъ Амедея. Имъ досталось маленькое наслѣдство. Его продали, и, за вычетомъ разныхъ пошлинъ, молодымъ осталась небольшая сумма, на которую они купили хорошенькій лужокъ по сосѣдству отъ насъ.

Еще разъ ферма расширилась и умножилась числомъ обитателей: Амедей не хотѣлъ съ нами разъѣзжаться и сдѣлался третьимъ собственникомъ, общникомъ и товарищемъ.

Видите, читатель, все это стоило разсказать; а я еще не кончилъ; потрудитесь, если разсказъ мой не наскучилъ, продолжать чтеніе. Вы услышите разныя вещи, какихъ и не ожидаете.

XXIX.

Литературный разговоръ.

Вотъ бы глубокую жалость возбудили мои *записки* въ моемъ братѣ-романистѣ, еслибъ онъ ихъ прочелъ!

— Дуракъ! сказалъ бы онъ мнѣ самымъ дружескимъ тономъ:— у тебя было матеріалу на десять томовъ. Ваша любовь съ Горготиной составляла цѣлый романъ или эпоху. Любовь Амедея— другой романъ. Искусно растянутые, эти эпизоды составили бы два тома; у тебя оставалось еще два, каждый въ особомъ родѣ, о твоихъ земледѣльческихъ работахъ и того — шесть. Въ седьмую и осьмую части ты бы вставилъ твои соображанія о наукѣ и хлѣбопашествѣ; наконецъ, IX и X части заключали бы въ себѣ *прошедшее*, *настоящее* и *будущее деревень*.

Десять волюмовъ, дуралей ты изъ дуралеевъ, десять волюмовъ, и о такихъ важныхъ вопросахъ! Прикрась ихъ фантазіей, интригой, и вотъ ты сразу поставилъ бы себя, какъ писатель; а ты, съ твоимъ-то матеріаломъ на десять томовъ, дурацкимъ образомъ приподнесъ намъ еле-еле одинъ. За что̀ ты берешься, несчастный! оставь, оставь перо «божественнымъ артистамъ», которые знаютъ, ка̀къ его держать, а ты — ступай къ твоей скотинѣ!...

Я бы робко возразилъ брату:

— Ты—литераторъ и разсуждаешь, какъ литераторъ; но ты забываешь, что твоя публика—не моя; твои книжки, несмотря на ихъ славу, врядъ ли читаются въ селахъ, да и мыслимы ли онѣ тамъ? Вы, литераторы, дѣлаете изъ литературы ремесло, правда, иногда очень талантливо; но наивный читатель хочетъ больше простоты. Фраза для насъ, людей трудовыхъ, невыносима; мы любимъ, чтобъ насъ сейчасъ же вели къ цѣли. Вотъ почему я все вложилъ въ одну книжку, даже въ очень маленькую книжку. Надо, чтобъ всякій держался своей натуры и своей среды. Я—не фразёръ и больше факта ничего не умѣю сказать.

Но, другъ читатель, всѣ эти разсужденія—чисто вымышленныя, ибо братъ никогда не видалъ моихъ *Записокъ*. Онъ даже никогда и не подозрѣвалъ объ ихъ существованіи: онъ умеръ прежде, чѣмъ я началъ ихъ вести.

XXX.

Сумерки и заря.

Несчастный поэтъ умеръ съ горя, тоски и отчаянія; онъ видѣлъ, какъ публика, мало-по-малу, его оставляла и бѣжала къ другимъ знаменитостямъ. Его книжки когда-то такъ расхватывали, а теперь больше не читались. Сдѣлавшись академикомъ, депутатомъ и даже, увы! министромъ на нѣсколько мѣсяцевъ, ему приходилось слышать не разъ горькую правду о своихъ произведеніяхъ, и къ злостной критикѣ примѣшалась не малая доля клеветы.

Я желалъ бы видѣть въ талантѣ брата менѣе напыщенности и побольше простоты; душевными же его качествами я вполнѣ удовлетворялся: его прямота, искренность, великодушіе были мнѣ хорошо извѣстны. Я часто удивлялся, какъ столько фальши и плохой риторики могло идти рядомъ съ такой честностью. Этотъ человѣкъ, столь прославленный нѣкогда, умеръ—покинутый, забытый, нищій.

Нищета!.. не упрекайте его. Она, право, была самая благородная сторона его жизни. Она внушила къ нему гораздо больше уваженія, чѣмъ всѣ его литературныя произведенія. Онъ перенесъ ее, не жалуясь и даже стараясь скрыть отъ всѣхъ свое положеніе...

Въ годъ смерти онъ пріѣхалъ на мѣсяцъ къ намъ, на ферму. Продолжая, по старому, звать меня своимъ дорогимъ дуракомъ, онъ со всѣми нами былъ такъ кротокъ, привлекателенъ и меланхоличенъ... Имѣть столько поэзіи и не высказывать ея въ своихъ сочиненіяхъ! Должно быть, преднамѣренность, вліяніе школы и системы тормозили его даръ. Во время гощенія на фермѣ, братъ, несмотря на свою скорбь, а, можетъ. и вслѣдствіе скорби, проводилъ почти цѣлые дни съ маленькими дѣтьми, именно съ Амедеевыми: старшему было — два года; а младшему—шесть мѣсяцевъ.

Это заставляетъ насъ вернуться къ юной семьѣ, гдѣ все шло, какъ по маслу. Амедей, смѣлый и веселый, сталъ, по своей дѣятельности, въ нѣкоторомъ смыслѣ душой фермы. Казалось, мы

всѣ отъ него помолодѣли. Къ тому же, ничто такъ не ободряетъ и не оживляетъ, какъ то, когда въ одной семьѣ находятся всѣ возрасты. Амедей, давъ нашей земледѣльческой эксплуатаціи сильный толчекъ въ сторону торговли и промысла, принесъ этимъ еще новое благоденствіе. Никто не умѣлъ лучше его управлять доходными и научными работами. Изученіе положительныхъ наукъ было для него потребностью. Сверхъ того, онъ интересовался больше нашего политикой, что̀, пожалуй—не лишнее. Я долженъ прибавить: если онъ любилъ себя развивать, то и другихъ наставлялъ. Вдругъ ему захотѣлось читать лекціи крестьянамъ о физикѣ. И вы бы не нашли у насъ въ семьѣ ни одного мальчугана, который бы не съумѣлъ устроить электрическаго телеграфа.

XXXI.

Мой племянникъ и мой зять.

Эти лекціи, можетъ, напомнятъ читателю тѣ, которыя намъ читалъ Эдуардъ во время вакацій, и онъ, конечно, спроситъ: продолжалъ ли ихъ Эдуардъ? Нашего добраго Эдуарда уже два года не существовало.

И такъ, вы видите: трое изъ моихъ братьевъ, инженеръ, поэтъ, и отецъ Амедея, покончили свои жизненныя карьеры; тоже сталось и съ Горготеномъ. Пожалуй, и бывшаго банкира Артура можно было считать покойникомъ. Вѣдь и то сказать: мы всѣ—погодки съ нынѣшнимъ вѣкомъ, а вѣкъ нашъ куда ужь какой старый!

Мы съ Дезйромъ были еще бодры; работа, занятія, полная свобода ума поддерживали въ насъ вѣчную молодость.

Устройство Амедея на фермѣ еще болѣе обновило насъ; то дѣло, которое мы начали инстинктивно, онъ заставилъ его продолжать съ полной сознательностью. Ему не было и тридцати лѣтъ, намъ—шестьдесятъ. Черезъ него мы узнали, что мы – великіе организаторы и даже, говаривалъ онъ, великіе дѣятели въ соціальной экономіи. Но мы все это дѣлали, какъ птицы небесныя вьютъ гнѣзда. А въ будущемъ нужно было перейдти изъ роли птицъ въ роль архитектора. Это была, по крайней мѣрѣ, цѣль, которую задалъ себѣ племянникъ. Она удалась ему наполовину.

Вотъ, какъ это случилось: читатель припомнитъ, что наша старшая дочь, Пчелка (я, кажется, еще не назвалъ ея по имени),

вышла замужъ за сосѣдняго землепашца. Землепашецъ этотъ (который просто прозывался Франсуа и былъ, тѣмъ не менѣе, малый толковый), очень подружился съ Амедеемъ; они проводили вмѣстѣ каждое воскресенье.

Однажды вечеромъ, племянникъ и зять долго бродили по полямъ. Я замѣтилъ, что племянникъ возвратился домой задумчивымъ. Я былъ въ лабораторіи; онъ подошелъ ко мнѣ и заговорилъ такъ:

— Помните, дядюшка, ту ужасную ночь, когда я, еле живой, постучался къ вамъ? Меня травили, какъ дикаго звѣря, и довели до состоянія животнаго. Я такимъ къ вамъ и явился. Я бы упалъ въ вашемъ уваженіи, еслибъ признался въ тѣхъ дурныхъ и жестокихъ чувствахъ, которыя мнѣ не давали покоя... ужасъ, гнѣвъ, жажда мщенія душили меня, парализовали мой мозгъ. Я больше не разсуждалъ, я не могъ разсуждать. Я былъ, какъ безумный; но добрыя лица, какія я здѣсь увидалъ, успокоили меня, возвратили мнѣ мою молодость; я сталъ, въ нѣсколько дней, тѣмъ, чѣмъ быъ прежде; вы изъ меня — дикаго звѣря—сдѣлали человѣка... Вы никогда не узнаете, какъ я, въ глубинѣ моей души, благословляю васъ за такое чудо. Къ тому же, я былъ пораженъ, найдя въ васъ и доброту, и ученость, и опытность. Съ тѣхъ поръ я началъ—простите мое ребячество—смотрѣть на васъ, какъ на святого. Еще немножко, и я бы принялся васъ обожать... Не смѣйтесь — я уже отрекся отъ всякаго идолопоклонства. Чтобы отнестись разумно ко всему, что̀ васъ касается, мнѣ только слѣдовало подвергнуть васъ моральному анализу.

— Что̀ такое моральный анализъ?

— О! я прекрасно себя понимаю, и вы меня тоже сейчасъ поймете. И такъ, я сдѣлалъ вашъ моральный анализъ и открылъ...

Тутъ племянникъ остановился, а я вскричалъ:

— Скажи же, что̀ ты открылъ?

— Но это будетъ и нелюбезно, и даже невѣжливо...

— Дѣло—не въ вѣжливости; говори скорѣй, несчастный, что̀ ты открылъ?

— Хорошо-съ! отвѣтилъ онъ разсмѣявшись:—я усмотрѣлъ въ васъ, дядюшка, пробѣлы.

— Ты хочешь сказать, что мнѣ многаго недостаетъ?

— Многаго... нѣтъ, но...

— Я и безъ тебя давнымъ-давно сдѣлалъ это открытіе.

— Нѣтъ! то, чего вамъ недостаетъ, вы и не воображаете и даже не сожалѣете объ этомъ, а радуетесь.

— Ба?!.

— У васъ превосходные инстинкты, и, нисколько не трудясь

ихъ заглушать, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, вы, напротивъ, развили ихъ въ сласть. Вы имѣете, благодаря вашимъ инстинктамъ, все, что̀ нужно, чтобъ быть великимъ артистомъ; вы имъ и были, безсознательно, но вы вложили все ваше искуство въ хорошее житье. И съ этой стороны вы создали великое и прекрасное произведеніе, т. е. вашъ домъ... Теперь я прошу вашего полнаго вниманія.

— Говори, говори: я не пророню ни единаго словечка.

Онъ продолжалъ:

— Изъ всѣхъ дѣтей вашего отца, какой вышелъ самый разумный, счастливый и полезный самому себѣ и другимъ? Кто воздвигнулъ прочное зданіе? Кто оставилъ то, что̀ и́менно можно назвать семьей, наслѣдствомъ, потомствомъ? Всѣ дѣти погибли. Ихъ семейства, ихъ состоянія—все распалось. Вы одни удержались, и ферма ваша удержится тогда даже, когда васъ болѣе уже не будетъ. Для того, чтобы создать, поднять и упрочить благосостояніе этого превосходнаго хозяйства, вы, просто-на-просто, слушались голоса вашихъ инстинктовъ. Во-первыхъ, вы почувствовали, что дружба въ жизни можетъ многое скрасить — вы начинаете съ того, что не разстаетесь съ вашими друзьями, ка̀къ ни велика кажущаяся разница между ними и вами. Скотникъ Дезиръ дѣлается вашимъ компаньономъ; а Горготина—женой вашей. Ка̀къ вы смотрите на артельное начало: только какъ на мелочный, денежный интересъ? Нѣтъ! для васъ артель распространяется на всю жизнь. Я говорю о вашей артели съ Дезиромъ. Ну, скажите, развѣ это—не чудо: проходитъ тридцать лѣтъ, и артель не распадается—напротивъ: она процвѣтаетъ и пополняется еще мной. Посмотрите теперь на результатъ: знавали ли вы когда ферму, которая бы, какъ наша, въ продолженіи тридцати лѣтъ, стала въ четверо больше по своему объему и въ десятеро по доходу? Такую, гдѣ бы хозяева были счастливѣе, болѣе достойны уваженія и вели жизнь столь же разумную? Все это, повторяю, вы сдѣлали чисто инстинктивно. Между тѣмъ, вы здѣсь затронули самую важную задачу, какую придется рѣшать XIX вѣку. Но имѣете ли вы хоть малѣйшую мысль о томъ, что̀ вы сдѣлали? Я сильно думаю, что нѣтъ. Еслибъ вы поступали съ полнымъ сознаніемъ вашего дѣла, вы не отдали бы кузины Пчелки за Франсуа, не попробовавъ его сперва присоединить къ фермѣ.

— Коли у него есть своя...

— *Своя!* Вотъ въ томъ-то и бѣда; онъ черезъ это всегда останется въ разрядѣ *одиночекъ*, которые всѣ погибнутъ передъ артелями.

— Пчелка и Франсуа прекрасно ведутъ свое хозяйство.

— Настолько, насколько это возможно; они оба работаютъ бодро, толково; но ихъ старанія плохо вознаграждаются, какъ труды всѣхъ работающихъ единично или съ личной цѣлью. Франсуа видитъ, что годъ отъ году его собственность уменьшается, и уже опасенія и тоска начинаютъ его тревожить.

Я остолбенѣлъ и ушамъ своимъ не вѣрилъ.

— О! еще ничто не погибло, продолжалъ Амедей: — будьте покойны. Я уже переговорилъ съ Франсуа и Пчелкой. И вотъ, думаю, что̀ для нихъ будетъ самое подходящее: пусть они продадутъ свою ферму, заплатятъ долги и на вырученныя деньги устроятъ у насъ, на общихъ паяхъ и подъ вѣдѣніемъ Франсуа — сахарный заводъ. Это было бы прекрасное предпріятіе и для всего околодка. У меня ужъ готовъ весь планъ; согласіе Франсуа и Пчелки я получилъ; теперь только недостаетъ одобренія Дезира и вашего. Подумайте объ этомъ и скажите, какъ рѣшите. Послѣ чего, добрѣйшій дядюшка, мы опять возвратимся къ нашей бесѣдѣ, и я вамъ укажу другіе ваши пробѣлы!

Сказавъ это, онъ быстро вышелъ изъ лабораторіи и скрылся въ сумерькахъ.

XXXII.

Идея осуществляется.

Я совсѣмъ растерялся отъ рѣчей племянника, у меня все перевернулось въ головѣ; конечно я не призналъ себя побѣжденнымъ, и реакція не замедлила произойдти; но, тѣмъ не менѣе, я поддался (и добровольно) идеямъ племянника: сахарный заводъ рѣшили устроить единогласно.

Присоединеніе къ фермѣ этого новаго промышленнаго дѣла взяло у насъ цѣлый годъ, даже немного больше; но племянникъ и зять такъ за него хорошо принялись, что, по истеченіи осемьнадцати мѣсяцевъ, заводъ былъ въ полномъ ходу и, какъ предсказалъ Амедей, онъ всѣмъ принесъ добро. Франсуа оказался очень способнымъ въ своемъ новомъ ремеслѣ. Мы ему воздѣлывали столько свеклы, сколько было возможно, и его самого заставляли ее воздѣлывать; а мякоть отъ свеклы шла на удобреніе фермы. Число лошадей нужно было умножить для работъ на заводѣ, навозу было вдоволь, и вотъ наша земля стала еще плодороднѣе.

Разговоръ въ лабораторіи не выходилъ у меня изъ головы, и

я нѣсколько разъ старался къ нему возвратиться, желая дать отпоръ; но Амедей—постоянно въ хлопотахъ и занятіяхъ—каждый разъ находилъ средство ускользнуть. Къ тому-же дѣла шли, какъ онъ желалъ; ему этого было довольно. И то правда, что, со всѣми земледѣльческими закупками, продажами и работами по мастерской, Амедею немного оставалось времени для философскихъ споровъ.

Наконецъ-то, я могъ его залучить, и у насъ вышелъ слѣдующій разговоръ.

XXXIII.

Побужденія и мысли.

— Наши пробѣлы, племянничекъ, заключаются, значитъ, въ томъ, что, одаренные хорошими побужденіями, мы—поселяне—убоги идеями?

— Нѣтъ, это не совсѣмъ такъ: вы довѣрчиво относитесь къ побужденіямъ и остерегаетесь идей...

— Мы остерегаемся идей, потому что однихъ идей не достаточно для осуществленія вещей, на которыя идеи наводятъ иногда внезапно. Для полной жизненности этихъ вещей нужна помощь всѣхъ стихій. Возьимѣй идею сѣять маисъ въ Норвегіи и посмотри, исполнима-ли она?.. И, наконецъ, идея не всегда предшествуетъ дѣйствію, чаще она является послѣ. Возьмемъ нашу ферму: почему она такъ успѣшно пошла? Потому, что идея явилась тогда, когда уже обстоятельства благопріятствовали ей. Мы стали хозяйничать вмѣстѣ съ Дезиромъ, ни разу даже не подумавъ, что̀ такое артель. Совмѣстное владѣніе, совмѣстныя предпріятія явились у насъ тѣмъ же самымъ образомъ, т. е.—дѣйствіе прежде мысли. Развѣ въ самопроизвольныхъ зачатіяхъ идея управляетъ явленіемъ? Нѣтъ, явленіе есть средняя пропорціональная причинъ, опредѣляющихъ его. Является зародышъ, развивается, разцвѣтаетъ, нисколько не слѣдуя предвзятому заранѣе плану, а только при содѣйствіи причинъ, которыя постоянно держатъ его подъ своимъ вліяніемъ. Предвзятый-же и неизмѣнный планъ оказался-бы здѣсь пагубнымъ. Наша колонія также зародилась и развилась самопроизвольно, подъ вліяніемъ побудительныхъ данныхъ. Никто изъ насъ не мечталъ о ней заранѣе, и съ предвзятой мыслью ничто бы не удалось. Развѣ мы не видимъ, что ассоціаціи, старательно обдуманныя, не произвели ничего, стоющаго малѣйшаго вниманія.

— Не вытекаетъ-ли изъ этого, по вашему, что инстинктъ никогда не обманываетъ, а идея зачастую? Тогда вы забываете, любезный дядюшка, что крысы только потому и попадаются въ мышеловку, что слѣдуютъ своимъ крысьимъ побужденіямъ?

— Нѣтъ, не забываю и сознаюсь, что, еслибъ крыса могла, какъ инженеръ, вычислять передъ мышеловкой силу пружины и твердость прутиковъ, въ ловушку-бы не попалась. Инстинктъ ведетъ къ ошибкамъ, колебаніямъ, заблужденіямъ и безсилію; я это прекрасно знаю и знаю также, что разумъ непогрѣшимъ въ аксіомахъ и математическихъ выводахъ, знаю, что во всѣхъ точныхъ наукахъ встрѣчается одинъ и тотъ-же элементъ увѣренности; но, тѣмъ не менѣе, я убѣжденъ, что въ большинствѣ случаевъ скорѣе дѣйствуетъ внутреннее чутьё. Правда, чутьё не причемъ въ физикѣ, математикѣ, геометріи и проч.; но возможно-ли и должно-ли сопротивляться ему въ житейскихъ дѣлахъ?.. Чтобы хорошо устроить свою жизнь, я опять-таки утверждаю, надо остерегаться предвзятыхъ идей, афоризмовъ, системъ и слишкомъ вычурныхъ разсчетовъ. Все въ жизни идетъ ощупью, многое дѣлается съ закрытыми глазами, и вотъ тутъ-то инстинктъ и господствуетъ... Согласись также и ты, что множество людей погибало и съ идеями.

— Конечно, дядюшка, идея опасна для человѣка; но она его также и возвышаетъ, въ ней-то и заключается его отвѣтственность. Поэтому мысль никогда не должна терять своихъ правъ надъ нами. Прекрасно, пускай мысль не заглушаетъ другихъ человѣческихъ способностей; но и эти способности не должны ни обезсиливать мысли, ни заставлять умолкать разумъ. Что инстинктъ положилъ начало всему, даже нашей артели—съ этимъ я согласенъ; согласитесь и вы также, что разумъ долженъ продолжать начатое. А когда я предложилъ вамъ присоединить къ фермѣ сахарный заводъ и призвать Франсуа, развѣ это не было рѣшеніе разума и справедливости? Значитъ, это была *идея*! Хорошо; теперь скажите мнѣ, могло-ли бы чутьё поступить лучше? Чутьё и инстинкты, предоставленные самимъ себѣ, безъ всякаго контроля, надѣлали уже столько бѣдствій, что пора, думаю, дать имъ, наконецъ, въ руководители разумъ. Еслибъ мнѣ пришлось остерегаться одного изъ этихъ великихъ путеводителей, инстинкта или разума, ужь конечно, не разумъ страшилъ-бы меня. Если нужно уважать инстинктъ у народа только народившагося, то никакъ нельзя имъ довольствоваться у народа прогрессирующаго. И такъ, я убѣжденъ, что инстинктъ и разумъ имѣютъ свои права̀, свою законность, свое значеніе... Ну развѣ возможно намъ теперь довольствоваться одними побужденіями?

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Что̀ касается меня, то я увѣренъ, что отлично сдѣлалъ, пригласивъ въ нашу артель Франсуа и Пчелку. И, если вы имѣете ко мнѣ какое нибудь довѣріе, то эта реформа не должна быть послѣдней; я уже обѣщался указать вамъ ваши пробѣлы и слово свое сдержу... Вы устроили вашу семью наполовину; теперь надо подумать устроить ее вполнѣ. Многія изъ вашихъ дѣтей ускользнули, взявъ себѣ другую дорогу— не вашу. По этому поводу я хочу вамъ предложить кое-что новое.

— Опять переворотъ?

— Да̀, дядюшка: я буду дѣлать перевороты всю мою жизнь, и, когда умру, то другіе будутъ продолжать ихъ. И что̀ такое жизнь, какъ не рядъ постоянныхъ переворотовъ? Этими переворотами и преобразованіями я заставляю васъ жить, думать, чувствовать и двигаться впередъ, впередъ, безъ предѣла, безъ конца!.. Развѣ на это можно пенять!.. Добрый дядюшка, домъ вашъ не совсѣмъ законченъ. И вотъ у меня честолюбивый планъ: закончить нашъ дорогой домъ, придать ему всю его силу, все могущество, собравъ во-едино его разбредшихся жильцовъ... Одинъ изъ вашихъ сыновей—живописецъ, старшій сынъ Дезира—талантливый музыкантъ. Оба даровитые юноши почти изгнаны изъ родительскаго дома за ихъ искуства; они точно и не принадлежатъ больше къ семьѣ... Что̀ вы скажете объ *идеѣ*, обѣщающей возвратить ихъ въ лоно семейства?

С. А. Б.

БЛАГОНАМѢРЕННЫЯ РѢЧИ.

XVIII.

СЕМЕЙНЫЕ ИТОГИ.

Никогда не приходило Аринѣ Петровнѣ на мысль, что можетъ придти минута, когда она будетъ представлять собой «лишній ротъ»—и вотъ эта минута подкралась именно въ такую пору, когда она, въ первый разъ въ жизни, практически убѣдилась, что нравственныя и физическія ея силы подорваны. Такія минуты всегда приходятъ внезапно; человѣкъ ужь давно надломленъ, но еще перемогается и стоитъ—и вдругъ, откуда-то сбоку наносится послѣдній ударъ. Подстеречь этотъ ударъ, сознать его значеніе очень трудно; приходится просто и безмолвно покориться ему, ибо это—тотъ самый ударъ, который недавняго бодраго человѣка мгновенно и безапелляціонно превращаетъ въ дряхлую развалину.

Тяжело было положеніе Арины Петровны, когда она, разорвавши знакомство съ Іудушкой, поселилась въ Дубровинѣ, но тогда она, по крайней мѣрѣ, знала, что Павелъ Владимірычъ—человѣкъ достаточный, для котораго лишній кусокъ не много значитъ. Теперь дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ: она стояла во главѣ такого хозяйства, гдѣ всѣ «куски» были на счету. А она знала цѣну этимъ «кускамъ» и, проводя всю жизнь въ деревнѣ, въ общеніи съ крестьянскимъ людомъ, вполнѣ усвоила себѣ крестьянское представленіе объ ущербѣ, который наноситъ «лишній ротъ» хозяйству, и безъ того уже скудному.

Тѣмъ не менѣе, первое время по переселеніи въ Погорѣлку, она еще бодрилась, хлопотливо устроивалась на новомъ мѣстѣ и выказывала прежнюю ясность хозяйственныхъ соображеній. Но хозяйство въ Погорѣлкѣ было суетливое, мелочное, требовало ежеминутнаго личнаго присмотра, и хотя, сгоряча, ей показалось, что достигнуть точнаго учета тамъ, гдѣ изъ полушекъ

составляются гроши, а изъ грошей гривенники, не составляетъ никакой мудрости, однако, скоро она должна была сознаться, что это—убѣжденіе ошибочное. Мудрости, дѣйствительно, не было, но и не было ни прежней охоты, ни прежнихъ силъ. Къ тому же, дѣло происходило осенью, въ самый разгаръ хозяйственныхъ итоговъ, а, между тѣмъ, время стояло ненастное и полагало невольный предѣлъ усердію Арины Петровны. Явились старческія немощи, недозволявшія выходить изъ дома, настали длинные, тоскливые осенніе вечера, осуждавшіе на фаталистическую праздность. Старуха волновалась и рвалась, но ничего не могла сдѣлать.

Съ другой стороны, она не могла не замѣтить, что и съ сиротами дѣлается что̀-то неладное. Онѣ вдругъ заскучали и опустили головы. Какіе-то смутные планы будущаго волновали ихъ—планы, въ которыхъ представленія о трудѣ шли въ перемежку съ представленіями объ удовольствіяхъ самаго невиннаго свойства. Тутъ были и воспоминанія объ институтѣ, въ которомъ онѣ воспитывались, и вычитанныя урывками мысли о людяхъ труда, и робкая надежда, съ помощью институтскихъ связей, ухватиться за какую-то нить и, при ея пособіи, выйти въ свѣтлое царство человѣческой жизни. Надъ всей этой смутностью, тѣмъ не менѣе, господствовала одна̀ щемящая и очень опредѣленная мысль: во что̀ бы ни стало уйти изъ постылой Погорѣлки. И вотъ, въ одно прекрасное утро Аннинька и Любинька объявили бабушкѣ, что долѣе оставаться въ Погорѣлкѣ онѣ не могутъ и не хотятъ. Что это ни на что̀ не похоже, что онѣ въ Погорѣлкѣ никого не видятъ, кромѣ попа, который, къ тому же, постоянно, при свиданіи съ ними, заговариваетъ о дѣвахъ, погасившихъ свои свѣтильники, и что, вообще—«такъ нельзя». Дѣвицы говорили рѣзко, ибо боялись бабушки, и тѣмъ больше напускали на себя храбрости, чѣмъ больше ждали съ ея стороны гнѣвной вспышки и отпора. Но, къ удивленію, Арина Петровна выслушала ихъ сѣтованія нетолько безъ гнѣва, но даже не выказавъ поползновенія къ безплоднымъ поученіямъ, на которыя такъ тровата безсильная старость. Увы! это была ужь не та властная женщина, которая; во времена о̀ны, съ увѣренностью говаривала: «уѣду въ Хотьковъ и внучатъ съ собой возьму». И не одно старческое безсиліе участвовало въ этой перемѣнѣ, но и пониманіе чего-то лучшаго, болѣе справедливаго. Послѣдніе удары судьбы не просто смирили ее, но еще освѣтили въ ея умственномъ кругозорѣ нѣкоторые уголки, въ которые мысль ея, повидимому, никогда дотолѣ не заглядывала. Она поняла, что въ человѣческомъ существѣ кроются извѣстныя стремленія, ко-

торыя могутъ долго дремать, но, разъ проснувшись, уже неотразимо влекутъ человѣка туда, гдѣ прорѣзывается лучъ жизни, тотъ отрадный лучъ, появленіе котораго такъ давно подстерегали глаза среди безнадежной мглы настоящаго. И, разъ понявъ возможность подобнаго стремленія, она ужь была безсильна противодѣйствовать ему. Правда, она отговаривала внучекъ отъ ихъ намѣренія, но слабо, безъ убѣжденія; она безпокоилась на счетъ ожидающаго ихъ будущаго, тѣмъ болѣе, что сама не имѣла никакихъ связей въ такъ-называемомъ свѣтѣ, но, въ то же время, чувствовала, что разлука съ дѣвушками есть дѣло должное, неизбѣжное. Чтò съ ними будетъ?—этотъ вопросъ вставалъ передъ ней назойливо и ежеминутно; но вѣдь ни этимъ вопросомъ, ни даже болѣе страшными не удержишь того, кто рвется на волю. А дѣвушки только объ томъ и твердили, чтобъ вырваться изъ Погорѣлки. И, дѣйствительно, послѣ немногихъ колебаній и отсрочекъ, сдѣланныхъ въ угоду бабушкѣ, уѣхали.

Съ отъѣздомъ сиротъ, погорѣлковскій домъ окунулся въ какую-то безнадежную тишину. Кàкъ ни сосредоточенна была Арина Петровна по природѣ, но близость человѣческаго дыханія производила и на нее успокоительное дѣйствіе. Проводивши внучекъ, она, можетъ быть, въ первый разъ почувствовала, что отъ ея существа чтò-то оторвалось, и что она разомъ получила какую-то безграничную свободу, до того безграничную, что она уже ничего не видѣла передъ собой, кромѣ пустого пространства. Чтобъ какъ-нибудь скрыть въ собственныхъ глазахъ эту пустоту, она распорядилась немедленно заколотить парадныя комнаты и мезонинъ, въ которомъ жили сироты («кстати, и дровъ меньше выходить будетъ», думала она при этомъ), а для себя отдѣлила всего двѣ комнаты, изъ которыхъ въ одной помѣщался большой кіотъ съ образами, а другая представляла, въ одно и то же время спальную, кабинетъ и столовую. Прислугу тоже, ради экономіи, распустила, оставивъ при себѣ только старую, едва таскающую ноги ключницу Афимьюшку, да одноглазую солдатку Марковну, которая готовила кушанье и стирала бѣлье. Но всѣ эти предосторожности помогли мало: ощущеніе пустоты не замедлило проникнуть и въ тѣ двѣ комнаты, въ которыхъ она думала отгородиться отъ него. Безпомощное одиночество и унылая праздность—вотъ два врага, съ которыми она очутилась лицомъ къ лицу и съ которыми отнынѣ обязывалась коротать свою старость. А, вслѣдъ за ними, не заставила себя ждать и работа физическаго и нравственнаго разрушенія, работа тѣмъ болѣе жестокая, чѣмъ меньше отпора даетъ ей праздная жизнь.

Дни чередовались днями съ тѣмъ удручающимъ однообразіемъ,

которымъ такъ богата деревенская жизнь, если она не обставлена ни комфортомъ, ни хозяйственнымъ трудомъ, ни матеріаломъ, дающимъ пищу для ума. Независимо отъ внѣшнихъ причинъ, дѣлавшихъ личный хозяйственный трудъ недоступнымъ, Аринѣ Петровнѣ и внутренно сдѣлалась противною та грошевая суета, которая застигла ее подъ конецъ жизни. Можетъ быть, она бы и перемогла свое отвращеніе, еслибъ была въ виду цѣль, которая оправдывала бы ея усилія, но именно цѣли-то и не было. Всѣмъ она опыстылѣла, надоѣла, и ей все и всѣ опостылѣли, надоѣли. Прежняя лихорадочная дѣятельность вдругъ уступила мѣсто сонливой праздности, а праздность, мало по малу, развратила волю и привела за собой такія наклонности, о которыхъ, конечно, и во снѣ не снилось Аринѣ Петровнѣ за нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Изъ крѣпкой и сдержанной женщины, которую никто не рѣшался даже назвать старухой, получилась развалина, для которой не существовало ни прошлаго, ни будущаго, а существовала только та минута, которую предстояло прожить.

Днемъ, она бòльшею частью дремала. Сядетъ въ кресло передъ столомъ, на которомъ разложены вонючія карты, и дремлетъ. Потомъ вздрогнетъ, проснется, взглянетъ въ окно, и долго, безъ всякой сознательной мысли, не отрываетъ глазъ отъ разстилающейся безъ конца дали. Погорѣлка была печальная усадьба. Она стояла, какъ говорится, на тычкѣ, безъ сада, безъ тѣни, безъ всякихъ признаковъ какого бы то ни было комфорта. Даже полисадника впереди не было. Домъ былъ одноэтажный, словно придавленный, и весь почернѣвшій отъ времени и непогодъ; сзади расположены были немногочисленныя службы, тоже приходившія въ ветхость; а кругомъ стлались поля, поля безъ конца; даже лѣсу на горизонтѣ не было видно. Но, такъ какъ Арина Петровна съ дѣтства почти безвыѣздно жила въ деревнѣ, то эта бѣдная природа нетолько не казалась ей унылою, но даже говорила ея сердцу и пробуждала остатки чувствъ, которые въ ней теплились. Лучшая часть ея существа жила въ этихъ нагихъ и безконечныхъ поляхъ, и взоры ея инстинктивно искали ихъ во всякое время. Она вглядывалась въ полевую даль, вглядывалась въ эти измокшія деревни, которыя, въ видѣ черныхъ точекъ, пестрѣли тамъ и сямъ на горизонтѣ, вглядывалась въ бѣлыя церкви сельскихъ погостовъ, вглядывалась въ пестрыя пятна, которыя бродячія въ лучахъ солнца облака рисовали на равнинѣ полей, вглядывалась въ этого неизвѣстнаго мужика, который шелъ между полевыхъ бороздъ, а ей казалось, что онъ словно застылъ на одномъ мѣстѣ. Но, при этомъ, она

ни объ чемъ не думала или, лучше сказать, у нея были мысли до того разорванныя, что ни на чемъ не могла остановиться на болѣе или менѣе продолжительное время. Она только глядѣла, глядѣла до тѣхъ поръ, пока старческая дремота не начинала вновь гудѣть въ ушахъ и не заволакивала туманомъ и поля, и церкви, и деревни, и бредущаго вдали мужика.

Иногда она, повидимому, припоминала; но память прошлаго возвращалась безъ связи, въ формѣ обрывковъ. Вниманіе ни на чемъ не могло сосредоточиться и безпрерывно перебѣгало отъ одного далекаго разстоянія къ другому. По временамъ, однакожь, ее поражало что̀-нибудь особенное, не радость—на радости прошлое ея было до жестокости скупо — а обида какая-нибудь, горькая, непереносная. Тогда, внутри ея словно загоралось, тоска заползала въ сердце, и слезы подступали къ глазамъ. Она начинала плакать, плакала тяжко, съ болью, плакала такъ, какъ плачетъ жалкая старость, у которой слезы льются точно подъ тяжестью кошмара. Но покуда слёзы лились, безсознательная мысль продолжала свое дѣло и, незамѣтно для Арины Петровны, отвлекала ее отъ источника, породившаго печальное настроеніе, такъ что, черезъ нѣсколько минутъ, старуха и сама съ удивленіемъ спрашивала себя, что̀ такое случилось съ нею.

Вообще, она жила, какъ бы не участвуя лично въ жизни, а единственно въ силу того, что въ этой развалинѣ еще хоронились какіе-то забытые концы, которые надлежало собрать, учесть и подвести итоги. Покуда эти концы были еще на лицо, жизнь шла своимъ чередомъ, заставляя развалину производить всѣ внѣшнія отправленія, какія необходимы для того, чтобъ это полусонное существованіе не разсыпалось въ прахъ.

Но ежели дни проходили въ безсознательной дремотѣ, то ночи были положительно мучительны. Ночью, Арина Петровна *боялась;* боялась воровъ, привидѣній, чертей, словомъ, всего—что̀ составляло продуктъ ея воспитанія и жизни. А защита противъ всего этого была плохая, потому что, кромѣ ветхой прислуги, о которой было сказано выше, ночной погорѣлковскій штатъ весь воплощался въ лицѣ хроменькаго мужичка Ѳедосѣюшки, который, за два рубля въ мѣсяцъ, приходилъ съ села сторожить по ночамъ господскую усадьбу и обыкновенно дремалъ въ сѣнцахъ, выходя въ урочные часы, чтобъ сдѣлать нѣсколько ударовъ въ чугунную доску. Хотя же на скотномъ дворѣ и жило нѣсколько работниковъ и работницъ, но скотная изба отстояла отъ дома саженяхъ въ двадцати, и вызвать оттуда кого-нибудь было дѣломъ далеко не легкимъ.

Есть что̀-то тяжелое, удручающее въ безсонной деревенской

ночи. Часовъ съ девяти или много-много съ десяти, жизнь словно прекращается, и наступаетъ тишина, наводящая страхъ. И дѣлать нѣчего, да и свѣчей жаль — поневолѣ приходится лечь спать. Афимьюшка, какъ только сняли со стола самоваръ, по привычкѣ, пріобрѣтенной еще при крѣпостномъ правѣ, постелила войлокъ поперекъ двери, ведущей въ барынину спальную; затѣмъ, почесалась, позѣвала и, какъ только повалилась на полъ, такъ и замерла. Марковна возилась въ дѣвичьей нѣсколько долѣе и все что-то бормотала, кого-то ругала; но, наконецъ, и она притихла, и черезъ минуту ужь слышно, какъ она поочередно то храпитъ, то бредитъ. Сторожъ нѣсколько разъ вякнулъ въ доску, чтобъ заявить о своемъ присутствіи, и умолкъ на долго. Арина Петровна сидитъ передъ нагорѣвшей сальной свѣчей и пробуетъ разогнать сонъ пасьянсомъ; но, едва принимается она за раскладываніе картъ, какъ дремота начинаетъ одолѣвать ее. «Того и гляди еще пожаръ со сна надѣлаешь!» говоритъ она сама съ собой и рѣшается лечь въ кровать. Но едва успѣла она утонуть въ пуховикахъ, какъ приходитъ другая бѣда: сонъ, который цѣлый вечеръ такъ и манилъ, такъ и ломалъ, вдругъ со всѣмъ исчезъ. Въ комнатѣ и безъ того натоплено; изъ открытаго душника жаръ такъ и валитъ, а отъ пуховиковъ атмосфера дѣлается просто нестерпимою. Арина Петровна ворочается съ боку на бокъ; и хочется ей покликать кого-нибудь, и знаетъ она, что на ея кличъ никто не придетъ. Загадочная тишина царитъ вокругъ—тишина, въ которой настороженное ухо умѣетъ отличить цѣлую массу звуковъ. То хлопнуло гдѣ-то, то раздался вдругъ вой, то словно кто-то прошелъ по корридору, то пролетѣло по комнатѣ какое-то дуновеніе, и даже по лицу задѣло. Лампадка горитъ передъ образомъ и свѣтомъ своимъ сообщаетъ предметамъ какой-то обманчивый характеръ, точно это — не предметы, а только очертанія предметовъ. Рядомъ съ этимъ сомнительнымъ свѣтомъ является другой, выходящій изъ растворенной двери сосѣдней комнаты, гдѣ передъ кіотомъ зажжено четыре или пять лампадъ. Этотъ свѣтъ желтымъ пятномъ легъ на полу, словно врѣзался въ мракъ спальной, не сливаясь съ нимъ. Всюду тѣни, колеблющіяся, беззвучно движущіяся. Вотъ мышь заскреблась за обоями; «шт, поскудная!» крикнетъ на нее Арина Петровна, и опять все смолкнетъ. Опять тѣни, опять неизвѣстно откуда берущійся шопотъ. Въ чуткой, болѣзненной дремотѣ проходитъ бо̀льшая часть ночи, и только къ утру сонъ настоящимъ образомъ вступаетъ въ свои права̀. А въ шесть часовъ Арина Петровна ужь на ногахъ, измученная безсонной

Ко всѣмъ этимъ причинамъ, достаточно обрисовывающимъ жалкое существованіе, которое вела Арина Петровна, присоединялись еще двѣ: скудость питанія и неудобства помѣщенія. Ѣла она мало и дурно, вѣроятно, думая этимъ наверстать ущербъ, производимый въ хозяйствѣ отсутствіемъ надзора. Что же касается до помѣщенія, то погорѣлковскій домъ былъ ветхъ и сыръ, а комната, въ которой заперлась Арина Петровна, никогда не освѣжалась и по цѣлымъ недѣлямъ оставалась не убранною. И вотъ, среди этой полной безпомощности, среди отсутствія всякаго комфорта и ухода, приближалась дряхлость.

Но, чѣмъ больше она дряхлѣла, тѣмъ сильнѣе сказывалось въ ней желаніе жизни. Или, лучше сказать, нестолько желаніе жизни, сколько совершенное отсутствіе идеи смерти. Прежде она боялась смерти, теперь—какъ будто совсѣмъ позабыла объ ней. И, такъ какъ ея жизненые идеалы немногимъ разнились отъ идеаловъ любого крестьянина, то и представленіе о «хорошемъ житьѣ», которымъ она себя обольщала, было довольно низменнаго свойства. Все, въ чемъ она отказывала себѣ въ теченіи жизни—хорошій кусокъ, покой, бесѣда съ живыми людьми—все это сдѣлалось предметомъ самыхъ упорныхъ помышленій. Всѣ наклонности завзятой приживалки—празднословіе, льстивая угодливость, ради подачки, прожорливость—росли съ изумительной быстротой. Она питалась дома людскими щами съ несвѣжей солониной—и въ это время мечтала о головлевскихъ запасахъ, о карасяхъ, которые водились въ дубровинскихъ прудахъ, о грибахъ, которыми полны были головлевскіе лѣса, о птицѣ, которая откармливалась въ Головлевѣ на скотномъ дворѣ. «Супцу бы теперь съ гусинымъ потрохомъ или рыжичковъ бы въ сметанѣ», мелькало въ ея головѣ, мелькало до того живо, что даже углы губъ у нея опускались. Ночью, она ворочалась съ боку на бокъ, замирала отъ страха при каждомъ шорохѣ и думала: вотъ въ Головлевѣ и запоры крѣпкіе, и сторожа вѣрные, стучатъ себѣ да постукиваютъ въ доску не уставаючи — спи себѣ, какъ у Христа за пазушкой! Днемъ, ей по цѣлымъ часамъ приходилось ни съ кѣмъ не вымолвить слова, и во время этого невольнаго молчанія само собой приходило на умъ: вотъ, въ Головлевѣ — тамъ людно, тамъ есть и душу съ кѣмъ отвести! Словомъ сказать, ежеминутно припоминалось Головлево и, по мѣрѣ этихъ припоминаній, дѣлалось чѣмъ-то въ родѣ свѣтозарнаго пункта, въ которомъ сосредоточивалось «хорошее житье».

И, чѣмъ чаще смущалось воображеніе представленіемъ о Головлевѣ, тѣмъ сильнѣе развращалась воля и тѣмъ дальше уходили въ глубь недавнія кровныя обиды. Русская женщина, по сам-

складу ея воспитанія и жизни, слишкомъ легко мирится съ участью приживалки, а потому и Арина Петровна не минула этой участи, хотя, казалось, все ея прошлое предостерегало и оберегало ее отъ этого ига. Не сдѣлай она, «въ то время», ошибки, не отдѣли сыновей, не довѣрься Іудушкѣ—она была бы теперь брюзгливой и требовательной старухой, которая и до сихъ поръ заставляла бы дѣтей смотрѣть изъ ея рукъ. Но такъ какъ ошибка была сдѣлапа безповоротно, то переходъ отъ брюзжаній самодурства къ покорности и льстивости приживалки составлялъ только вопросъ времени. Покуда силы сохраняли остатки прежней крѣпости, переходъ не выказывался наружу, но, какъ только она себя сознала безвозвратно осужденною на безпомощность и одиночество, такъ тотчасъ же въ душу начали заползать всѣ поползновенія малодушія и мало по малу окончательно развратили и безъ того уже расшатанную волю. Іудушка, который, въ первое время, пріѣзжая въ Погорѣлку, встрѣчалъ лишь самый холодный пріемъ, вдругъ пересталъ быть ненавистнымъ. Старыя обиды забылись какъ-то само собой, и Арина Петровна первая сдѣлала шагъ къ сближенію.

Началось съ выпрашиваній. Изъ Погорѣлки являлись къ Іудушкѣ гонцы сначала изрѣдка, потомъ чаще и чаще. То рыжичковъ въ Погорѣлкѣ не родилось, то огурчики отъ дождей вышли съ пятнышками, то индюшки, по нынѣшнему вольному времени, переколѣли, «да приказалъ бы ты, сердечный другъ, карасиковъ въ Дубровинѣ половить, въ коихъ и покойный сынъ Павелъ старухѣ-матери никогда не отказывалъ». Іудушка морщился, но открыто выражать неудовольствіе не рѣшался. Жаль ему было карасей, но онъ пуще всего боялся, что мать его проклянетъ. Онъ помнилъ, какъ она разъ говорила: пріѣду въ Головлево, прикажу открыть церковь, позову попа и закричу: проклинаю!—и это воспоминаніе останавливало его отъ многихъ пакостей, на которыя онъ былъ великій мастеръ. Но, выполняя волю «добраго друга маменьки», онъ все-таки вскользь намекалъ своимъ окружающимъ, что всякому человѣку положено нести отъ Бога крестъ, и что это дѣлается не безъ цѣли, ибо, не имѣя креста, человѣкъ забывается и впадаетъ въ развратъ. Матери же писалъ такъ: «огурчиковъ, добрый другъ маменька, по силѣ возможности, посылаю, что же касается до индюшекъ, то, сверхъ пущенныхъ на племя, остались только пѣтухи, кои для васъ, по ограниченности вашего стола, будутъ безполезны. А не угодно ли вамъ будетъ пожаловать въ Головлево раздѣлить со мною убогую трапезу: тогда мы одного изъ сихъ тунеядцевъ (именно—тунеядцы, ибо мой поваръ Матвѣй преискусно оныхъ каплу-

нѣтъ) велимъ зажарить и всласть съ вами, дражайшій другъ, покушаемъ».

Съ этихъ поръ, Арина Петровна зачастила въ Головлево. Отвѣдывала съ Іудушкой и индюшекъ, и утокъ; спала всласть и ночью, и послѣ обѣда, и отводила душу въ безконечныхъ разговорахъ о пустякахъ, на которые Іудушка былъ тароватъ по природѣ, а она сдѣлалась тароватою вслѣдствіе старости. Даже и тогда не прекратила посѣщеній, когда до нея дошло, что Іудушка, наскучивъ продолжительнымъ вдовствомъ, взялъ къ себѣ въ экономки дѣвицу изъ духовнаго званія, именемъ Евпраксію. Напротивъ того, узнавъ объ этомъ, она тотчасъ же поѣхала въ Головлево и, не успѣвъ еще вылѣзти изъ экипажа, съ какимъ-то ребяческимъ нетерпѣніемъ кричала Іудушкѣ: а ну-ка, ну, старый грѣховодникъ! кажи мнѣ, кажи свою кралю! Цѣлый этотъ день она провела въ полномъ удовольствіи, потому что Евпраксеюшка сама служила ей за обѣдомъ, сама постелила для нея постель послѣ обѣда, а, вечеромъ, она играла съ Іудушкой и его кралей въ дураки. Іудушка тоже былъ доволенъ такой развязкой и, въ знакъ сыновней благодарности, велѣлъ, при отъѣздѣ Арины Петровны въ Погорѣлку, положить ей въ тарантасъ, между прочимъ, фунтъ икры, что̀ было уже высшимъ знакомъ уваженія, ибо икра—предметъ не свой, а купленный. Этотъ поступокъ такъ тронулъ старуху, что она не вытерпѣла и сказала:

— Ну, вотъ за это спасибо! И Богъ тебя, милый дружокъ, будетъ любить за то, что мать, на старости лѣтъ, покоишь да холишь. По крайности, пріѣду ужо въ Погорѣлку — не скучно будетъ. Всегда я икорку любила — вотъ и теперь, по милости твоей, полакомлюсь!

Прошло лѣтъ пять со времени переселенія Арины Петровны въ Погорѣлку. Іудушка, какъ засѣлъ въ своемъ родовомъ Головлевѣ, такъ и не двигается оттуда. Онъ значительно постарѣлъ, вылинялъ и потускнѣлъ, но шильничаетъ, лжетъ и пустословитъ еще пуще прежняго, потому что теперь у него почти постоянно подъ руками добрый другъ маменька, которая, ради сладкаго старушечьяго куска, сдѣлалась обязательной слушательницей его пустословія.

Не надо думать, что Іудушка былъ лицемѣръ въ смыслѣ, напримѣръ, Тартюфа или любого современнаго французскаго буржуа, соловьемъ разсыпающагося по части общественныхъ основъ. Нѣтъ, ежели онъ и былъ лицемѣръ, то лицемѣръ чисто русскаго пошиба, то-есть—просто человѣкъ, лишенный всякаго

нравственнаго мѣрила и не знающій иной истины, кромѣ той, которая значится въ азбучныхъ прописяхъ. Онъ былъ невѣжественъ безъ границъ, сутяга, лгунъ, пустословъ и, въ довершеніе всего, боялся чорта. Все это—такія отрицательныя качества, которыя отнюдь не могутъ дать прочнаго матеріала для дѣйствительнаго лицемѣрія.

Во Франціи, лицемѣріе вырабатывается воспитаніемъ, составляетъ, такъ сказать, принадлежность «хорошихъ манеръ» и почти всегда имѣетъ яркую политическую или соціальную окраску. Есть лицемѣры религіи, лицемѣры общественныхъ основъ, собственности, семейства, государственности, а, въ послѣднее время, народились даже лицемѣры «порядка». Ежели этого рода лицемѣріе нельзя назвать убѣжденіемъ, то, во всякомъ случаѣ, это—знамя, кругомъ котораго собираются люди, которые находятъ расчетъ полицемѣрить тѣмъ, а не инымъ способомъ. Они лицемѣрятъ сознательно, въ смыслѣ своего знамени, то есть—и сами знаютъ, что они лицемѣры, да, сверхъ того, знаютъ, что это и другимъ небезъизвѣстно. Въ понятіяхъ француза-буржуа, вселенная есть не что̀ иное, какъ обширная сцена, гдѣ дается безконечное театральное представленіе, въ которомъ одинъ лицемѣръ подаетъ реплику другому. Лицемѣріе, это—приглашеніе къ приличію, къ декоруму, къ красивой внѣшней обстановкѣ, и что̀ всего важнѣе, лицемѣріе—это узда. Не для тѣхъ, конечно, которые лицемѣрятъ, плавая въ высотахъ общественныхъ эмпиреевъ, а для тѣхъ, которые нелицемѣрно кишатъ на днѣ общественнаго котла. Лицемѣріе удерживаетъ общество отъ разнузданности страстей и дѣлаетъ послѣднюю привелегіей лишь самаго ограниченнаго меньшинства. Пока разнузданность страстей не выходитъ изъ предѣловъ небольшой и плотно организованной корпораціи—она не только безопасна, но даже поддерживаетъ и питаетъ традиціи изящества. Изящное погибло бы, еслибъ не существовало извѣстнаго числа cabinets particuliers, въ которыхъ оно кюльтивируется въ минуты, свободныя отъ культа оффиціальнаго лицемѣрія. Но разнузданность становится положительно опасною, какъ только она дѣлается общедоступною и соединяется съ предоставленіемъ каждому свободы предъявлять свои требованія и доказывать ихъ законность и естественность. Тогда возникаютъ новыя общественныя наслоенія, которыя стремятся, ежели не совсѣмъ вытѣснить старыя, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени ограничить ихъ. Спросъ на cabinets particuliers до того увеличивается, что, наконецъ, возникаетъ вопросъ: не проще ли, на будущее время, совсѣмъ обходиться безъ нихъ? Вотъ отъ этихъ-то желательныхъ возникно-

вeній и вопросовъ и оберегаетъ дирижирующіе классы французскаго общества то систематическое лицемѣріе, которое, не довольствуясь почвою обычая, переходитъ на почву легальности и изъ простой черты нравовъ становится закономъ, имѣющимъ характеръ принудительный.

На этотъ законѣ уваженія къ лицемѣрію основанъ, за рѣдкими исключеніями, весь современный французскій театръ. Герои лучшихъ французскихъ драматическихъ произведеній, то-есть тѣхъ, которыя пользуются наибольшимъ успѣхомъ именно за необыкновенную реальность изображаемыхъ въ нихъ житейскихъ пакостей, всегда улучатъ подъ конецъ, нѣсколько свободныхъ минутъ, чтобъ подправить эти пакости громкими фразами, въ которыхъ объявляется святость и сладости добродѣтели. Адель можетъ, впродолженіи четырехъ актовъ, всячески осквернять супружеское ложе, но въ пятомъ она непремѣнно во всеуслышаніе заявитъ, что семейный очагъ есть единственное убѣжище, въ которомъ французскую женщину ожидаетъ счастіе. Спросите себя, что было бы съ Аделью, еслибъ авторамъ вздумалось продолжить свою пьесу еще на пять такихъ-же актовъ, и вы можете безошибочно отвѣтить на этотъ вопросъ, что, въ продолженіи слѣдующихъ четырехъ актовъ, Адель опять будетъ осквернять супружеское ложе, а въ пятомъ опять обратится къ публикѣ съ тѣмъ же заявленіемъ. Да и нѣтъ надобности дѣлать предположенія, а слѣдуетъ только изъ Théatre français отправится въ Gymnase, оттуда въ Vaudeville или въ Variétés, чтобъ убѣдиться, что Адель вездѣ одинаково оскверняетъ супружеское ложе и вездѣ же подъ конецъ объявляетъ, что это ложе и есть единственный алтарь, въ которомъ можетъ священнодѣйствовать честная француженка. Это до такой степени въѣлось въ нравы, что никто даже не замѣчаетъ, что тутъ кроется самое дурацкое противорѣчіе, что правда жизни является рядомъ съ правдою лицемѣрія и обѣ идутъ рука объ руку, до того перепутываясь между собой, что становится затруднительнымъ сказать, которая изъ этихъ двухъ правдъ имѣетъ болѣе правъ на признаніе.

Мы, русскіе, не имѣемъ сильно окрашенныхъ системъ воспитанія. Насъ не муштруютъ, изъ насъ не вырабатываютъ будущихъ поборниковъ и пропагандистовъ тѣхъ или другихъ общественныхъ основъ, а просто оставляютъ рости, какъ крапива ростетъ у забора. Поэтому, между нами очень мало лицемѣровъ и очень много лгуновъ, пустосвятовъ и пустослововъ. Мы не имѣемъ надобности лицемѣрить ради какихъ нибудь общественныхъ основъ, ибо никакихъ такихъ основъ не знаемъ и ни одна изъ нихъ не прикрываетъ насъ. Мы существуемъ совсѣмъ

свободно, т. е. прозябаемъ, лжемъ и пустословимъ сами по себѣ, безъ всякихъ основъ.

Слѣдуетъ ли поэтому случаю радоваться или соболѣзновать—судить объ этомъ не мое дѣло. Думаю, однакожъ, что, если лицемѣріе можетъ внушить негодованіе и страхъ, то безпредметное лганье способно возбудить докуку и омерзеніе. А потому, самое лучшее—это, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о преимуществахъ лицемѣрія сознательнаго передъ безсознательнымъ или наоборотъ, запереться и отъ лицемѣровъ, и отъ лгуновъ.

И такъ, Іудушка—нестолько лицемѣръ, сколько пакостникъ, лгунъ и пустословъ. Запершись въ деревнѣ, онъ съ разу почувствовалъ себя на свободѣ, ибо нигдѣ, ни въ какой иной сферѣ, его наклонности не могли бы найти себѣ такого простора, какъ здѣсь. Въ Головлевѣ, онъ ни откуда не встрѣчалъ нетолько прямого отпора, но даже малѣйшаго косвеннаго ограниченія, которое заставило бы его подумать: вотъ-дескать и напакостилъ бы, да людей совѣстно. Ничье сужденіе не безпокоило, ни чей нескромный взглядъ не тревожилъ—слѣдовательно, не было повода и самому себя контролировать. Безграничная неряшливость сдѣлалась господствующею чертою его отношеній къ самому себѣ. Давнымъ давно влекла его къ себѣ эта полная свобода отъ какихъ либо нравственныхъ ограниченій, и, ежели онъ еще раньше не переѣхалъ на житье въ деревню, то единственно потому, что боялся праздности. Проведя болѣе тридцати лѣтъ въ тусклой атмосферѣ департамента, онъ пріобрѣлъ всѣ привычки и вожделѣнія закоренѣлаго чиновника, недопускающаго, чтобы хотя одна минута его жизни оставалась свободною отъ переливанія изъ пустого въ порожнее. Но, вглядѣвшись въ дѣло пристальнѣе, онъ легко пришелъ къ убѣжденію, что міръ дѣловаго бездѣльничества настолько подвиженъ, что нѣтъ ни малѣйшаго труда перенести его куда угодно, въ какую угодно сферу. И дѣйствительно, какъ только онъ поселился въ Головлевѣ, такъ тотчасъ же создалъ себѣ такую массу пустяковъ и мелочей, которую можно было, не переставая, переворачивать, безъ всякаго опасенія когда нибудь исчерпать ее. Съ утра онъ садился за письменный столъ, и принимался за занятія; во-первыхъ, учитывалъ скотницу, ключницу, прикащика, сперва на одинъ манеръ, потомъ на другой; во-вторыхъ; завелъ очень сложную отчетность, денежную и матеріальную, каждую копейку, каждую вещь заносилъ въ двадцати книгахъ, подводилъ итоги, то терялъ полкопейки, то цѣлую копейку находилъ. Наконецъ, брался за перо и писалъ жалобы къ мировому судьѣ и къ посреднику. Все это нетолько не оставляло ни одной минуты праздной, но

даже имѣло всѣ внѣшнія формы усидчиваго, непосильнаго труда. Не на праздность жаловался Іудушка, а на то, что не успѣвалъ всего передѣлать, хотя цѣлый день корпѣлъ въ кабинетѣ, не выходя изъ халата. Груды тщательно подшитыхъ, но не обревизованныхъ рапортичекъ постоянно валялись на его письменнымъ столѣ, и въ томъ числѣ цѣлая годовая отчетность скотницы Ѳеклы, дѣятельность которой, съ перваго раза, показалось ему подозрительной и которую онъ, тѣмъ не менѣе, никакъ не могъ найти свободную минуту учесть.

Всякая связь съ внѣшнимъ міромъ была окончательно порвана. Онъ не получалъ ни книгъ, ни газетъ, ни даже писемъ. Одинъ сынъ его, Володенька, кончилъ самоубійствомъ, съ другимъ, Петинькой, онъ переписывался коротко и лишь тогда, когда посылалъ деньги. Густая атмосфера невѣжественности, предразсудковъ и кропотливаго переливанія изъ пустого въ порожнее царила кругомъ него, и онъ не ощущалъ ни малѣйшаго поползновенія освободиться отъ нея. Даже о томъ, что Наполеонъ III уже не царствуетъ, онъ узналъ лишь черезъ годъ послѣ его смерти, отъ станового пристава, но и тутъ не выразилъ никакого особеннаго ощущенія, а только перекрестился, пошепталъ: «царство небесное!» и сказалъ:

— А какъ былъ гордъ! Фу-ты! Ну-ты! И то не хорошо, и другое не ладно! Цари на поклонъ къ нему ѣздили, принцы въ передней дежурили! Анъ Богъ-то взялъ, да въ одну минуту всѣ его мечтанія ниспровергъ!

Собственно говоря, онъ не зналъ даже, что̀ дѣлается у него въ хозяйствѣ, хотя съ утра до вечера только и дѣлалъ, что считалъ да учитывалъ. Въ этомъ отношеніи, онъ имѣлъ всѣ качества закоренѣлаго департаментскаго чиновника. Представьте себѣ столоначальника, которому директоръ, подъ веселую руку, сказалъ бы: «любезный другъ! для моихъ соображеній необходимо знать, сколько Россія можетъ ежегодно производить картофеля—такъ потрудитесь сдѣлать подробное вычисленіе!» Всталъ ли бы въ тупикъ столоначальникъ передъ подобнымъ вопросомъ? Задумался ли бы онъ, по крайней мѣрѣ, надъ пріемами, которые предстоитъ употребить для выполненія заказанной ему работы?— Нѣтъ, онъ поступилъ бы гораздо проще: начертилъ бы карту Россіи, разлиновалъ бы ее на совершенно равные квадратики, доискался бы, какое количество десятинъ представляетъ собой каждый квадратикъ, потомъ зашелъ бы въ мелочную лавочку, узналъ, сколько сѣется на каждую десятину картофеля и сколько *среднимъ числомъ* получается, и, въ заключеніе, при помощи Божіей и первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики, пришелъ бы

къ результату, что Россія, *при благопріятныхъ условіяхъ*, можетъ производить картофелю столько-то, а, *при неблагопріятныхъ условіяхъ*—столько-то. И работа эта нетолько удовлетворила бы его начальника, но, навѣрное, была бы помѣщена въ сто второмъ томѣ какихъ нибудь «Трудовъ».

Даже экономку онъ выбралъ себѣ какъ разъ подходящую къ той обстановкѣ, которую создалъ. Дѣвица Евпраксія была дочь дьячка при церкви Николы въ Капелькахъ и представляла во всѣхъ отношеніяхъ чистѣйшій кладъ. Она не обладала ни быстротой соображенія, ни находчивостью, ни даже расторопностью, но, въ замѣнъ того, была работяща, безотвѣтна и не предъявляла почти никакихъ требованій. Даже тогда, когда онъ «приблизилъ» ее къ себѣ—и тутъ она спросила только: можно ли ей, когда захочется, кваску холодненькаго безъ спросу испить?—такъ что самъ Іудушка умилился ея безкорыстью и немедленно отдалъ въ ея распоряженіе, сверхъ кваса, двѣ кадушки моченыхъ яблоковъ, уволивъ ее отъ всякой по этимъ статьямъ отчетности. Наружность ея тоже не представляла особенной привлекательности для любителя, но въ глазахъ человѣка неприхотливаго и знающаго, что̀ ему нужно, была вполнѣ удовлетворительна. Лицо широкое, бѣлое, лобъ узкій, обрамленный желтоватыми, рѣдкими волосами, глаза крупные, тусклые, носъ совершенно прямой, ротъ стертый, подернутый тою загадачною, словно куда-то убѣгающею улыбкой, какую можно встрѣтить на портретахъ, писанныхъ доморощенными живописцами. Вообще, ничего выдающагося, кромѣ развѣ спины, которая была до того широка и могуча, что у человѣка, самаго равнодушнаго, невольно поднималась рука, чтобы, какъ говорится, «дать дѣвкѣ раза̀». И она знала это и не обижалась, такъ что, когда Іудушка въ первый разъ слегка потрепалъ ее по жирному загривку, то она только плечами передернула.

Среди этой тусклой обстановки дни проходили за днями, одинъ какъ другой, безъ всякихъ перемѣнъ, безъ всякой надежды на вторженіе свѣжей струи. Только пріѣздъ Арины Петровны нѣсколько оживлялъ эту жизнь, и надо сказать правду, что, ежели Порфирій Владиміровичъ, по началу, морщился, завидѣвъ въ дали маменькину повозку, то, съ теченіемъ времени, онъ нетолько привыкъ къ ея посѣщеніямъ, но даже полюбилъ ихъ. Они удовлетворяли его страсть къ пустословію, ибо, ежели онъ находилъ возможнымъ пустословить одинъ на одинъ съ самимъ собою по поводу разнообразныхъ счетовъ и отчетовъ, то пустословить съ добрымъ другомъ маменькой было для него еще поваднѣе. Собравшись вмѣстѣ, они съ утра до вечера говорили и не

могли наговориться. Говорили обо всемъ: о томъ, какіе прежде бывали урожаи и какіе нынче бываютъ, о томъ, какъ прежде живали помѣщики и какъ нынче живутъ; о томъ, что соль, что̀ ли, прежде лучше была, а только нѣтъ нынче прежняго огурца.

Эти разговоры имѣли то преимущество, что текли, какъ вода, и безъ труда забывались; слѣдовательно, ихъ можно было возобновлять безъ конца съ такимъ же интересомъ, какъ будто они только сейчасъ въ первый разъ пущены въ ходъ. При этихъ разговорахъ присутствовала и Евпраксеюшка, которую Арина Петровна такъ полюбила, что ни на шагъ не отпускала отъ себя. Иногда, наскучивъ бесѣдою, всѣ трое садились за карты и засиживались до поздней ночи, играя въ дураки. Пробовали учить Евпраксеюшку въ вистъ съ болваномъ, но она не поняла. Громадный головлевскій домъ словно оживалъ въ такіе вечера. Во всѣхъ окнахъ свѣтились огни, мелькали тѣни, такъ что проѣзжій могъ думать, что тутъ и не вѣсть какое веселье затѣялось. Самовары, кофейники, закуски цѣлый день не сходили со стола. И сердце Арины Петровны веселилось и играло, и загащивалась она, вмѣсто одного дня, дня на три и на четыре. И даже, уѣзжая въ Погорѣлку, уже заранѣе придумывала поводъ, чтобъ какъ нибудь поскорѣе вернуться къ соблазнамъ головлевскаго «хорошаго житья».

Ноябрь въ исходѣ, земля на неоглядное пространство покрыта бѣлымъ саваномъ. На дворѣ ночь и мятелица; рѣзкій, холодный вѣтеръ буровитъ снѣгъ, въ одно мгновеніе наметаетъ сугробы, захлестываетъ все, что̀ попадется по пути и всю окружность наполняетъ воплемъ. Село, церковь, ближній лѣсъ — все исчезло въ снѣжной мглѣ, крутящейся въ воздухѣ; старинный головлевскій садъ могущественно гудитъ. Но въ барскомъ домѣ свѣтло, тепло и уютно. Въ столовой стоитъ самоваръ, вокругъ котораго собрались: Арина Петровна, Порфирій Владиміpычъ и Евпраксеюшка. Въ сторонкѣ поставленъ ломберный столъ, на которомъ брошены истрепанныя карты. Изъ столовой открытыя двери ведутъ, съ одной стороны, въ образну́ю, всю залитую огнемъ зажженныхъ лампадъ, съ другой — въ кабинетъ барина, въ которомъ тоже теплится лампадка передъ образомъ. Въ жарко натопленныхъ комнатахъ душно, пахнетъ деревяннымъ масломъ и чадомъ самоварнаго угля. Евпраксея, усѣвшись противъ самовара, перемываетъ чашки и вытираетъ ихъ полотенцемъ. Самоваръ такъ и заливается, то загудитъ во всю мочь, то, словно, засыпать начнетъ и пронзительно засопитъ. Клубы пара выры-

ваются изъ-подъ крышки и окутываютъ туманомъ чайникъ, ужь съ четверть часа стоящій на канфоркѣ. Сидящіе бесѣдуютъ.

— А ну-ко, сколько ты разъ сегодня дурой осталась? спрашиваетъ Арина Петровна Евпраксеюшку.

— Не оставалась бы, кабы сама не поддавалась. Вамъ же удовольствіе сдѣлать хочу, отвѣчаетъ Евпраксеюшка.

— Сказывай. Видѣла я, какое ты удовольствіе чувствовала, какъ я давича подъ тебя тройками да пятерками подваливала. Я, вѣдь—не Порфирій Владимірычъ: тотъ тебя балуетъ, все съ одной да съ одной ходитъ, а мнѣ, матушка, нѐ изъ чего.

— Да вы бы еще плутовали!

— Вотъ ужь этого грѣха за мной не водится!

— А кого я давича поймала? кто семерку трефъ съ восмеркой червей за пару спустить хотѣлъ? Ужь это я сама видѣла, сама уличила!

Говоря это, Евпраксеюшка встаетъ, чтобъ снять съ самовара чайникъ, и поворачивается къ Аринѣ Петровнѣ спиной.

— Экъ у тебя спина какая... Богъ съ ней! невольно вырывается у Арины Петровны.

— Да, у нея спина... машинально отзывается Іудушка.

— Спина да спина... безстыдники! И что моя спина вамъ сдѣлала!

Евпраксеюшка смотритъ направо и налѣво и улыбается. Спина, это—ея конёкъ. Давича, даже старикъ Савельичъ, поваръ, и тотъ заглядѣлся и сказалъ:—ишь ты спина! ровно плита! И она не пожаловалась Парфирію Владимірычу.

Чашки поочередно наполняются чаемъ, и самоваръ начинаетъ утихать. А мятель разыгрывается пуще и пуще; то цѣлымъ снѣжнымъ ливнемъ ударитъ въ стекла оконъ, то какимъ-то невыразимымъ плачемъ прокатится вдоль печнаго борова.

— Мятель-то, видно, взаправду, взялась, замѣчаетъ Арина Петровна:—визжитъ да повизгиваетъ!

— Ну, и пущай повизгиваетъ. Она повизгиваетъ, а мы здѣсь чаёкъ попиваемъ—такъ-то, другъ мой, маменька! отзывается Порфирій Владимірычъ.

— Ахъ, не хорошо теперь въ полѣ, коли кого этакой гнѣвъ Божій застанетъ!

— Кому не хорошо, а намъ горюшки мало. Кому и темненько, и холодненько, а намъ и свѣтлехонько. и теплехонько. Сидимъ да чаёкъ попиваемъ. И съ сахарцемъ, и со сливочками, и съ лимонцемъ. А захотимъ съ ромцòмъ, и съ ромцòмъ будемъ пить.

— Да, коли ежели теперича...

— Позвольте, маменька. Я говорю: теперича въ полѣ очень не хорошо. Ни дороги, ни тропочки—все замело. Опять же волки. А у насъ здѣсь и свѣтленько и уютненько, и ничего мы не боимся. Сидимъ мы здѣсь да посиживаемъ, ладкомъ да миркомъ. Въ карточки захотѣлось поиграть—въ карточки поиграемъ; чайку захотѣлось попить—чайку попьемъ. Сверхъ нужды пить не станемъ, а такъ, сколько нужно, столько и выпьемъ. А отъ чего это такъ? Отъ того, милый другъ маменька, что милость Божья не оставляетъ насъ. Кабы не Онъ, Царь небесный — можетъ, и мы бы теперь въ полѣ плутали, и было бы намъ и темненько, и холодненько... Въ зипунишечкѣ какомъ-нибудь, кушачекъ плохонькой, лаптишечки...

— Чтой-то ужь и лаптишечки! Чай тоже въ дворянскомъ званьи родились? какіе ни есть, а всетаки сапожнишки носимъ!

— А знаете ли вы, маменька, отчего мы въ дворянскомъ званьи родились? А все отъ того, что милость Божья къ намъ была. Кабы не она, и мы сидѣли бы теперь въ избушечкѣ, да горѣла бы у насъ не свѣчечка, а лучинушка, а ужь насчетъ чайку да кофейку — объ этомъ и думать бы не смѣли! Сидѣли бы; я бы лаптишечки ковырялъ, вы бы щецъ тамъ какихъ-нибудь пустенькихъ поужинать сбирали, Евпраксеюшка бы краснò ткала... А, можетъ быть, на бѣду, десятскій еще съ подводой бы выгналъ...

— Ну, десятскій въ этакую пору съ подводой не нарядитъ!

— Какъ знать, милый другъ маменька! А вдругъ полки идутъ! Можетъ быть, тамъ война или возмущеніе — чтобъ были полки въ срокъ на мѣстахъ! Вонъ, намѣднись, становой сказывалъ мнѣ, Наполеонъ III померъ — навѣрное, теперь французы куралесить начнутъ! Натурально, наши сейчасъ впередъ—ну, и давай, мужичекъ, подводку! Да въ стытъ, да въ мятель, да въ бездорожицу — ни на чтò не посмотрятъ: поѣзжай, мужичекъ, коли начальство велитъ! А насъ съ вами покамѣсть еще поберегутъ, съ подводой не выгонятъ!

— Это чтò и говорить! велика для насъ милость Божія!

— А я чтò же говорю? Богъ, маменька — все. Онъ намъ и дровецъ для тепла, и провизійцы для пропитанія—все Онъ. Мы-то думаемъ, что все сами, на свои деньги пріобрѣтаемъ, а, какъ посмотримъ да поглядимъ, да сообразимъ — Онъ, все Богъ. И коли онъ не захочетъ, ничего у насъ не будетъ. Я, вотъ, теперь хотѣлъ бы апельсинчиковъ и самъ бы поѣлъ, и милаго дружка маменьку угостилъ бы, и всѣмъ бы по апельсинчику далъ, и деньги у меня есть, чтобъ апельсинчиковъ купить, взялъ бы вы-

нулъ—давай! Анъ Богъ говоритъ: тпру! вотъ я и сижу: филозо̀въ безъ огурцовъ.

Всѣ смѣются.

— Разсказывайте! отзывается Евпраксеюшка: — вонъ у меня дяденька понамаремъ у Успѣнья въ Песочномъ былъ; ужь какъ, кажется, былъ къ Богу усерденъ—могъ бы Богъ что-нибудь для него сдѣлать!—а, какъ застигла его въ полѣ мятелица—все равно замерзъ.

— И я про то же говорю. Коли захочетъ Богъ — замерзнетъ человѣкъ, не захочетъ — живъ останется. Опять и про молитву надо сказать: есть молитва угодная и есть молитва неугодная. Угодная—достигаетъ, а неугодная—все равно, что̀ она есть, что̀ ея нѣтъ. Можетъ, дяденькина-то молитва неугодная была—вотъ она и не достигла.

— Помнится, я въ двадцать четвертомъ году въ Москву ѣздила—еще въ ту пору я Павломъ была тяжела—такъ ѣхала я въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Москву...

— Позвольте, маменька. Вотъ я объ молитвѣ кончу. Человѣкъ обо всемъ молится, потому что ему всего нужно. И маслица нужно, и капустки нужно, и огурчиковъ — ну, словомъ, всего. Иногда даже чего и не нужно, а онъ все, по слабости человѣческой, проситъ. Анъ Богу-то сверху виднѣе. Ты у него маслица просишь, а онъ тебѣ капустки либо лучку дастъ; ты объ вёдрышкѣ да объ тепленькой погодкѣ хлопочешь, а онъ тебѣ дождичка да съ градцемъ пошлетъ. И долженъ ты это понимать и не роптать. Вотъ, мы въ прошломъ сентябрѣ все морозцевъ у Бога просили, чтобъ о̀зими у насъ не подопрѣли, анъ Богъ морозцу не далъ—ну, и сопрѣли наши о̀зими.

— Еще ка̀къ сопрѣли-то! соболѣзнуетъ Арина Петровна:—въ Новинкахъ у мужичковъ все озимое поле хоть брось. Придется весной перепахивать, да яровымъ засѣвать.

— То-то вотъ и есть. Мы здѣсь мудрствуемъ да лукавимъ, и такъ прикинемъ, и этакъ примѣримъ, а Богъ разомъ, въ одинъ моментъ, всѣ наши планы-соображенія въ прахъ обратитъ. Вы, маменька, что̀-то хотѣли разсказать, что̀ съ вами въ двадцать четвертомъ году было?

— Что̀ такое! нѝшто ужь я позабыла! Должно быть, все объ ней же, объ милости Божьей. Не помню, мой другъ, не помню.

— Ну, Богъ дастъ, въ другое время вспомните. А покуда тамъ на дворѣ кутитъ да мутитъ, вы бы, милый другъ, вареньица покушали. Это—вишенки, головлевскія! Евпраксеюшка сама ихъ варила.

— И то ѣмъ. Вишенки-то мнѣ, признаться, теперь въ рѣд-

кость. Прежде, бывало, частенько-таки лакомливалась ими, ну, а теперь... Хороши у тебя въ Головлевѣ вишни, сочныя, крупныя; вотъ, въ Дубровинѣ, кàкъ ни старались разводить—все не сладки выходятъ. Да ты, Евпраксеюшка, французской-то водки клала въ варенье?

— Кàкъ не класть! кàкъ вы учили, такъ и дѣлала. Да вотъ я объ чемъ хотѣла спросить: вы кàкъ огурцы солите, кладете кардамону?

Арина Петровна на нѣкоторое время задумывается и даже руками разводитъ.

— Не помню, мой другъ; кажется, прежде и кардамону клала. Теперь—не кладу: теперь какое мое соленье! а прежде клала... даже очень хорошо помню, что клала! Да вотъ домой пріѣду, въ рецептахъ своихъ пороюсь, не найду ли. Я вѣдь, какъ въ силахъ была, все примѣчала да записывала. Гдѣ чтò понравится, я сейчасъ все выспрошу, запишу на бумажку, да дома и пробую. Я одинъ разъ такой секретъ, такой секретъ достала, что тысячу рублей давали—не открываетъ тотъ человѣкъ да и дѣло съ концемъ! А я ключницѣ четвертачекъ сунула—она мнѣ все до капли пересказала!

— Дà, маменька, въ свое время вы-таки были... министръ!

— Министръ не министръ, а могу Бога благодарить: не растранжирила, а присовокупила. — Вотъ и теперь поѣдаю отъ трудовъ своихъ праведныхъ: вишни-то въ Головлевѣ, вѣдь, я развела!

— И спасибо вамъ за это, маменька, большое спасибо! Вѣчное спасибо и за себя, и за потомковъ—вотъ кàкъ!

Іудушка встаетъ, подходитъ къ маменькѣ и цѣлуетъ у ней ручку.

— И тебѣ спасибо, что мать покоишь! Дà, хороши у тебя запасы, очень хороши!

— Чтò у насъ за запасы! вотъ у васъ бывали запасы, такъ это такъ. Сколько однихъ погребовъ было и нигдѣ ни одного мѣстечка пустого!

— Бывали и у меня запасы — не хочу солгать, никогда не была бездомовицей. А чтò касается до того, что погребовъ было много, такъ, вѣдь, тогда и колесо большое было, ртовъ-то вдесятеро противъ нынѣшняго было. Одной дворни сколько—всякому припаси да всякаго накорми. Тому огурчика, тому кваску—понемножку да помаленьку — анъ, смотришь, и многонько всего изойдетъ.

— Дà, хорошее было время. Всего тогда много было. И хлѣба, и фруктовъ—всего въ изобиліи!

— Навозу копили больше—отъ того.

— Нѣтъ, маменька, и не отъ этого. А было Божье благословеніе — вотъ отъ чего. Я помню, однажды, папенька изъ саду яблоко апортъ принесъ, такъ всѣ даже удивились: на тарелкѣ нельзя было умѣстить.

— Этого не помню. Вообще, знаю, что были яблоки хорошія, а чтобы такія были, въ тарелку величиной—этого не помню. Вотъ, карася въ двадцать фунтовъ въ дубровинскомъ прудѣ въ ту коронацію изловили—это точно, что было.

— И караси, и фрукты — все тогда крупное было. Я помню, арбузы Иванъ-садовникъ выводилъ—вотъ какіе!

Іудушка сначала оттопыриваетъ руки, потомъ скругляетъ ихъ, причемъ дѣлаетъ видъ, что никакъ не можетъ обхватить.

— Бывали и арбузы. Арбузы, скажу тебѣ, другъ мой, къ году бываютъ. Иной годъ ихъ и много и они хороши, другой годъ и немного, и не вкусны, а въ третій годъ и совсѣмъ ничего нѣтъ. Ну, и то еще надо сказать: что̀ гдѣ поведется. Вонъ у Григорья Александрыча, въ Хлѣбниковѣ, ничего не родилось— ни ягодъ, ни фруктовъ, ничего. Однѣ дыни. Только ужь и дыни бывали!

— Стало быть, ему на дыни милость Божья была!

— Да̀, ужь конечно. Безъ Божьей милости нигдѣ не обойдешься, никуда отъ нея не убѣжишь!

Арина Петровна ужь выпила двѣ чашки и начинаетъ поглядывать на ломберный столъ. Евпраксеюшка тоже такъ и горитъ нетерпѣніемъ сразиться въ дураки. Но планы эти разстроиваются по милости самой Арины Петровны, потому что она внезапно что̀-то припоминаетъ.

— А, вѣдь, у меня новость есть, объявляетъ она: — письмо вчера отъ сиротокъ получила.

— Молчали-молчали да и откликнулись. Видно, туго пришлось, денегъ просятъ?

— Нѣтъ, не просятъ. Вотъ полюбуйся.

Арина Петровна достаетъ изъ кармана письмо и отдаетъ Іудушкѣ, который читаетъ:

«Вы, бабушка, больше намъ ни индюшекъ, ни куръ не посылайте. Денегъ тоже не посылайте, а копите проценты. Мы не въ Москвѣ, а въ Харьковѣ, поступили на сцену въ театръ, а лѣтомъ по ярмаркамъ будемъ ѣздить. Я, Аннинька, въ «Периколѣ» дебютировала, а Любинька въ «Анютиныхъ глазкахъ». Меня нѣсколько разъ вызывали, особенно послѣ сцены, гдѣ Перикола выходитъ на веселѣ, и поетъ: *я гото-о-ва, готова, готооова!* Любинька тоже очень понравилась. Жалованья мнѣ директоръ положилъ по сту рублей въ мѣсяцъ и бенефисъ въ

Харьковѣ, а Любинькѣ—по семидесяти пяти въ мѣсяцъ и бенефисъ лѣтомъ, на ярмаркѣ. Кромѣ того, подарки бываютъ отъ офицеровъ и отъ адвокатовъ. Только адвокаты иногда фальшивыя деньги даютъ, такъ нужно быть осторожной. И вы, милая бабушка, всѣмъ въ Погорѣлкѣ пользуйтесь, а мы туда никогда не прiѣдемъ и даже не понимаемъ, какъ тамъ можно жить. Вчера первый снѣгъ выпалъ, и мы съ здѣшними адвокатами на тройкахъ ѣздили; одинъ на Плеваку похожъ—чудо, какъ хорошъ! Поставилъ на голову стаканъ съ шампанскимъ и плясалъ трепака—прелесть какъ весело! Другой — не очень собой хорошъ, въ родѣ петербургскаго Языкова. Представьте, разстроилъ себѣ воображенiе чтенiемъ «Собранiя лучшихъ русскихъ пѣсенъ и романсовъ», и до того ослабъ, что даже въ судѣ падаетъ въ обморокъ. И такъ почти каждый день проводимъ то съ офицерами, то съ адвокатами. Катаемся, въ лучшихъ ресторанахъ обѣдаемъ, ужинаемъ и ничего не платимъ. А вы, бабушка, ничего въ Погорѣлкѣ не жалѣйте, и что̀ тамъ растетъ, хлѣбъ, цыплятъ, грибы—все кушайте. Мы бы и капиталъ съ удово...

«Прощайте, прiѣхали наши кавалеры, опять на тройкахъ кататься зовутъ. Милка! божественная! прощайте!

«Аннинька».

«И я тоже—Любинька».

— Тьфу! отплевывается Iудушка, возвращая письмо.

Арина Петровна сидитъ задумавшись и нѣкоторое время не отвѣчаетъ.

— Вы имъ, маменька, ничего еще не отвѣчали?

— Нѣтъ еще, и письмо-то вчера только получила, съ тѣмъ и поѣхала къ вамъ, чтобъ показать, да вотъ за тѣмъ, да за сѣмъ чуть было не позабыла.

— Не отвѣчайте. Лучше.

— Ка̀къ же я не отвѣчу̀? Вѣдь, я имъ отчетомъ обязана. Погорѣлка-то—ихняя.

Iудушка тоже задумывается; какой-то зловѣщiй планъ мелькаетъ въ его головѣ.

— А я все объ томъ думаю, ка̀къ онѣ себя соблюдутъ въ вертепѣ-то въ этомъ? продолжаетъ, между тѣмъ, Арина Петровна:—вѣдь, это, такое дѣло, что тутъ только разъ оступись—потомъ ужъ чести-то дѣвичьей и не воротишь! Ищи ее потомъ да свищи!

— Очень имъ нужно! огрызается Iудушка.

— Ка̀къ бы то ни было... Для дѣвушки это даже, можно сказать—первое въ жизни сокровище... Кто потомъ эдакую-то за себя возьметъ?

— Ныньче, маменька, и безъ мужа все равно, чтò съ мужемъ живутъ. Ныньче надъ предписаніями-то религіи смѣются. Дошли до куста, подъ кустомъ обвѣнчались — и дѣло въ шляпѣ. Это у нихъ гражданскимъ бракомъ называется.

Іудушка вдругъ спохватывается, что, вѣдь, и онъ находится въ блудномъ сожительствѣ съ дѣвицей духовнаго званія.

— Конечно, иногда, по нуждѣ... поправляется онъ: — коли ежели человѣкъ въ силахъ и притомъ вдовый... По нуждѣ, и закону перемѣна бываетъ!

— Чтò говорить! Въ нуждѣ и куликъ соловьемъ свищетъ. И святые въ нуждѣ согрѣшали, не то, чтò мы, грѣшные!

— Такъ вотъ оно и есть. На вашемъ мѣстѣ, знаете ли, чтò бы я сдѣлалъ?

— Посовѣтуй, мой другъ, скажи.

— Я бы отъ нихъ полную довѣренность на Погорѣлку вытребовалъ.

Арина Петровна пугливо взглядываетъ на него.

— Да у меня и то полная довѣренность на управленіе есть, произноситъ она.

— Не на одно управленіе. А такъ, чтобы и продать, и заложить, и, словомъ, чтобъ всѣмъ можно было по своему усмотрѣнію распорядиться...

Арина Петровна опускаетъ глаза въ землю и молчитъ.

— Конечно, это—такой предметъ, что надо его обдумать. Подумайте-ка, маменька! настаиваетъ Іудушка.

Но Арина Петровна продолжаетъ молчать. Хотя, вслѣдствіе старости, сообразительность у нея значительно притупѣла, но ей всетаки какъ-то не по себѣ отъ инсинуаціи Іудушки. И боится она Іудушки; жаль ей тепла и простора, и изобилія, которые царствуютъ въ Головлевѣ, и, въ то же время, сдается, что не даромъ онъ объ довѣренности заговорилъ, что это онъ опять новую петлю накидываетъ. Положеніе дѣлается настолько натянутымъ, что она начинаетъ уже внутренно бранить себя, зачѣмъ ее дернуло показывать письмо. Къ счастію, Евпраксеюшка является на выручку.

— Чтò-жь! будемъ, чтò ли, въ карты-то играти? спрашиваетъ она.

— Давай! давай! спѣшитъ отвѣтить Арина Петровна и живо выскакиваетъ изъ-за чая. Но, по дорогѣ къ ломберному столу, ее посѣщаетъ новая мысль.

— А ты знаешь ли, какой сегодня день? обращается она къ Порфирію Владиміровичу.

— Двадцать третье ноября, маменька, съ недоумѣніемъ отвѣчаетъ Іудушка.

— Двадцать третье-то, двадцать третье, да помнишь ли ты, что̀ двадцать третьяго ноября случилось? Про панихидку-то небось позабылъ?

Порфирій Владимірычъ блѣднѣетъ и крестится.

— Ахъ, Господи! вотъ такъ бѣда! восклицаетъ онъ:—да та̀къ ли? точно ли? позвольте-ка, я въ календарѣ посмотрю.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ приноситъ календарь и отыскиваетъ въ немъ вкладной листъ, на которомъ написано:

«23 ноября. Память кончины милаго сына Владиміра.

«Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!

«и моли Бога за твоего Па̀пу, который въ сей день будетъ неуклонно творить по тебѣ поминовенія и съ литургіею».

— Вотъ тебѣ и на̀! произноситъ Порфирій Владиміровичъ: — ахъ, Володя, Володя! не добрый ты сынъ! дурной! Видно, не молишься Богу за па̀пу, что онъ даже память у него отнялъ! ка̀къ же быть-то съ этимъ, маменька?

— Не Богъ знаетъ, что̀ случилось—и завтра панихидку отслужишь. И панихидку, и обѣденьку—все справимъ. Все я, старая, да безпамятная, виновата. Съ тѣмъ и ѣхала, чтобы напомнить, да все дорогой и растеряла.

— Ахъ, грѣхъ какой! Хорошо еще, что лампадки въ образной зажжены. Точно вѣдь свыше, что̀ меня озарило. Ни праздникъ у насъ сегодня, ни что̀—просто съ введеньева дня лампадки зажжены — только подходитъ ко мнѣ давича Евпраксеюшка, спрашиваетъ: лампадки-то боковыя тушить, что̀ ли?—А я, точно вотъ толкнуло меня, подумалъ эдакъ съ минуту и говорю: не трогь! Христосъ съ ними, пускай погорятъ! Анъ вотъ оно что̀.

— И то хорошо, хоть лампадочки погорѣли! И то для души облегченіе! Ты гдѣ садишься-то? опять, что̀ ли подъ меня ходить будешь, или кралѣ своей станешь мирволить?

— Да ужь я и не знаю, маменька, мнѣ можно ли...

— Чего не можно! Садись! Богъ проститъ! не нарочно, вѣдь, не съ намѣреніемъ, а отъ забвенія. Это и съ праведниками случалось! Завтра, вотъ, чѣмъ свѣтъ встанемъ, обѣденьку отстоимъ, панихидочку отслужимъ — все какъ слѣдуетъ сдѣлаемъ. И его душа будетъ радоваться, что родители де добрые люди объ немъ вспомнили, и мы будемъ покойны, что свой долгъ выполнили. Такъ-то, мой другъ. А горевать не слѣдъ—это я всегда скажу: первое, гореваньемъ сына не воротишь, а второе—грѣхъ передъ Богомъ!

Іудушка урезонивается этими словами и цалуетъ у маменьки ручку, говоря:

— Ахъ маменька, маменька! золотая у васъ душа—право!

Кабы не вы—ну, что̀ бы я въ эту минуту дѣлалъ! Ну, просто пропалъ бы! какъ есть, растерялся бы, пропалъ!

Порфирій Владиміровичъ дѣлаетъ распоряженіе на счетъ завтрешней церемоніи, и всѣ садятся за карты. Сдаютъ разъ, сдаютъ другой, Арина Петровна горячится и негодуетъ на Іудушку за то, что онъ ходитъ подъ Евпраксеюшку все съ одной. Въ промежуткахъ сдачъ, Іудушка предается воспоминаніемъ о погибшемъ сынѣ.

— А какой ласковый былъ! говоритъ онъ:—ничего, бывало, безъ позволенія не возьметъ. Бумажки нужно—можно, папа, бумажки взять?—Возьми, мой другъ! Или: не будете ли папа такой добренькій, сегодня карасиковъ въ сметанѣ къ завтраку заказать? — Изволь, мой другъ! Ахъ Володя! Володя! Всѣмъ ты былъ пайка, только тѣмъ не пайка, что папку оставилъ!

Проходитъ еще нѣсколько туровъ; опять воспоминанія.

— И что̀ такое съ нимъ вдругъ случилось—и самъ не понимаю! Жилъ хорошехонько да смирнехонько, жилъ да поживалъ, меня радовалъ—чего бы, кажется, лучше! вдругъ—бацъ! Вѣдь грѣхъ-то, представьте, какой! подумайте только объ этомъ, маменька, на что̀ человѣкъ посягнулъ! на жизнь свою, на даръ Отца Небеснаго! Изъ-за чего? за чѣмъ? чего ему недоставало? Денегъ, что̀ ли? Жалованья я, кажется, никогда не задерживаю; даже враги мои, и тѣ про меня этого не скажутъ. Ну, а ежели маловато показалось—такъ не прогнѣвайся, другъ! У папы денежки тоже вотъ гдѣ сидятъ! Коли мало денегъ — умѣй себя сдерживать. Не все сладенькаго, не все съ сахарцомъ, иногда и съ квасомъ покушай! Такъ-то, братъ! Вотъ па̀па твой, и хотѣлось ему давеча денежекъ получить, анъ, прикащикъ пришелъ: Нагловскіе крестьяне оброка не платятъ! — Ну, нѣчего дѣлать, написалъ къ мировому прошеніе! Ахъ, Володя! Володя! Нѣтъ, не пайка ты, бросилъ папку! Сиротой оставилъ!

И чѣмъ живѣе идетъ игра, тѣмъ обильнѣе и чувствительнѣе дѣлаются воспоминанія.

— И, какой умный былъ! Помню я такой случай. Лежитъ онъ въ кори—лѣтъ не больше семи ему было—только подходитъ къ нему покойница Саша, а онъ ей и говоритъ: Ма̀ма! ма̀ма! вѣдь, правда, что крылышки только у ангеловъ бываютъ? Ну, та и говоритъ: да̀, только у ангеловъ. Отчего же, говоритъ, у папы, какъ онъ сюда сейчасъ входилъ, крылышки были?

Наконецъ, разыгрывается какая-то гомерическая игра. Іудушка остается дуракомъ съ цѣлыми восемью картами на рукахъ, въ числѣ которыхъ козырные тузъ, король и дама. Поднимается хохотъ, подтруниваніе, и всему этому благосклонно вторитъ самъ

Іудушка. Но, среди общаго разгара веселости, Арина Петровна вдругъ стихаетъ и прислушивается.

— Стойте! не шумите! кто-то ѣдетъ! говоритъ она.

Іудушка съ Евпраксеюшкой тоже прислушиваются, но безъ результата.

— Говорю вамъ: ѣдутъ! Вона... чу! вѣтромъ сюда вдругъ подуло... Чу! ѣдетъ! и даже близко:

Вновь начинаютъ вслушиваться и, дѣйствительно, слышатъ какое-то далекое позвякиваніе, то доносимое, то относимое вѣтромъ. Проходитъ минутъ пять, и колокольчикъ слышится уже явственно, а, вслѣдъ за нимъ, и голоса на дворѣ.

— Молодой баринъ! Петръ Владиміровичъ пріѣхали! доносится изъ передней.

Іудушка всталъ и застылъ на мѣстѣ, блѣдный, какъ полотно.

Петинька вошелъ какъ-то вяло, поцѣловалъ у отца руку, потомъ соблюлъ тотъ же церемоніалъ относительно бабушки, поклонился Евпраксеюшкѣ и сѣлъ. Это былъ малый лѣтъ двадцати пяти, довольно красивой наружности, въ дорожной офицерской формѣ. Вотъ все, что̀ можно сказать про него, да и самъ Іудушка едва ли зналъ что-нибудь больше. Взаимныя отношенія отца и сына были таковы, что ихъ нельзя было даже назвать натянутыми: совсѣмъ какъ бы ничего не существовало. Іудушка зналъ, что это—человѣкъ, значащійся по документамъ его сыномъ, которому онъ обязанъ въ извѣстные сроки посылать условленное, то есть, имъ же самимъ опредѣленное жалованье, и отъ котораго, взамѣнъ того, онъ имѣетъ право требовать почтенія и повиновенія. Петинька, съ своей стороны, зналъ, что есть у него отецъ, который можетъ его во всякое время притѣснить. Онъ довольно охотно ѣздилъ въ Головлево, особливо съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ офицеры, но не потому, чтобы находилъ удовольствіе бесѣдовать съ отцемъ, а просто потому, что всякаго человѣка, не отдавшаго себѣ никакого отчета въ жизненныхъ цѣляхъ, какъ-то инстинктивно тянетъ *въ свое мѣсто*. Но теперь онъ, очевидно, прибылъ по нуждѣ, по принужденію, вслѣдствіе чего онъ не выразилъ даже ни одного изъ тѣхъ знаковъ радостнаго недоумѣнія, которыми обыкновенно ознаменовываетъ всякій блудный дворянскій сынъ свой пріѣздъ въ родное мѣсто.

Петинька былъ неразговорчивъ. На всѣ восклицанія отца: вотъ такъ сюрпризъ! ну, братъ, одолжилъ! а я-то сижу да думаю: кого, прости Господи, по ночамъ носитъ?—анъ вотъ онъ кто! и т. д.—онъ отвѣчалъ или молчаніемъ, или принужденною

улыбкою. А на вопросъ: и кàкъ это тебѣ вдругъ вздумалось?— отвѣчалъ даже сердито: тàкъ вотъ, вздумалось, да и пріѣхалъ.

— Ну, спасибо тебѣ! спасибо! вспомнилъ про отца! обрадовалъ-же! Чай, и про бабушку-старушку вспомнилъ?

— И про бабушку вспомнилъ.

— Стой! да тебѣ, можетъ быть, вспомнилось, что сегодня годовщина по братѣ Володинькѣ?

— Дà, и про это вспомнилось.

Въ такомъ тонѣ разговоръ длился съ полчаса, такъ что нельзя было понять, взаправду ли отвѣчаетъ Петинька, или только отдѣлывается. Поэтому, кàкъ ни выносливъ былъ Іудушка относительно равнодушія своихъ дѣтей, однако, и онъ не выдержалъ и замѣтилъ:

— Дà, братъ, неласковъ ты! нельзя сказать, чтобъ ты ласковый сынъ былъ!

Смолчи на этотъ разъ Петинька, прими папенькино замѣчаніе съ кротостью, а еще лучше, поцѣлуй у папеньки ручку и скажи ему: извините меня, добренькій папенька! я, вѣдь, съ дороги усталъ!—и все бы обошлось благополучно. Но Петинька поступилъ совсѣмъ, какъ неблагодарный.

— Каковъ есть! отвѣтилъ онъ такъ грубо, словно хотѣлъ сказать: да отвяжись же отъ меня, сдѣлай милость!

Тогда Порфирію Владимірычу сдѣлалось такъ больно, такъ больно, что и онъ ужь не нашелъ возможности молчать.

— Кажется, кàкъ я объ васъ заботился! сказалъ онъ съ горечью:—даже и здѣсь сидишь, а все думаешь: кàкъ бы получше, да поскладнѣе, да чтобы всѣмъ было хорошохонько да уютненько, безъ нужды да безъ горюшка... А вы все отъ меня прочь да прочь!

— Кто же... *вы*?

— Ну, ты... впрочемъ, и покойникъ, царство ему небесное, былъ такой же...

— Чтòжъ! я вамъ очень благодаренъ!

— Никакой я отъ васъ благодарности не вижу! Ни благодарности, ни ласки—ничего!

— Характеръ неласковый—вотъ и все. Да вы все во множественномъ говорите? одинъ уже умеръ...

— Дà, умеръ, Богъ наказалъ. Богъ непокорныхъ дѣтей наказываетъ. И все-таки я его помню. Онъ непокоренъ былъ, а я его помню. Вотъ, завтра обѣденку отстоимъ и панихидку отслужимъ. Онъ меня обидѣлъ, а я все-таки свой долгъ помню. Господи ты Боже мой! да чтò-жь это нынче дѣлается! Сынъ къ отцу пріѣхалъ и съ перваго слова уже фыркаетъ! Тàкъ ли

мы, въ наше время, поступали! Бывало, ѣдешь въ Головлево-то, да за тридцать верстъ все твердишь: помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его! Да, вотъ маменька—живой человѣкъ: она скажетъ! А нынче—не понимаю! не понимаю!

— И я не понимаю. Пріѣхалъ я смирно, поздоровался съ вами, руку поцѣловалъ, теперь сижу, васъ не трогаю, пью чай, а коли дадите ужинать—и поужинаю. Съ чего вы всю эту исторію подняли?

Арина Петровна сидитъ въ своемъ креслѣ и вслушивается. И сдается ей, что она все ту же знакомую повѣсть слышитъ, которая давно, и не запомнитъ она когда, началась. Закрылась-было совсѣмъ эта повѣсть, да вотъ и опять, нѣтъ-нѣтъ да и раскроется на той же страницѣ. Тѣмъ не менѣе, она понимаетъ, что подобная встрѣча между отцомъ и сыномъ не обѣщаетъ ничего хорошаго, и потому считаетъ долгомъ вмѣшаться въ распрю и сказать примирительное слово.

— Ну-ну, пѣтухи индѣйскіе! говоритъ она, стараясь придать своему поученію шутливый тонъ:—только что свидѣлись, а ужь и разодрались! Такъ и наскакиваютъ другъ на дружку, такъ и наскакиваютъ! Смотри, сейчасъ перья полетятъ! Ахъ-ахъ-ахъ! горе какое! А вы, молодцы, смирненько посидите, да ладкомъ между собою поговорите, а я, старуха, послушаю, да полюбуюсь! Ты, Петинька—уступи! Отцу, мой другъ, всегда нужно уступить, потому что онъ—отецъ! Ежели иной разъ и горьконько что̀ отъ отца покажется, а ты прими съ готовностью, да съ попокорностью, да съ почтеніемъ, потому что ты—сынъ! Можетъ, изъ горькаго-то да вдругъ сладкое сдѣлается—вотъ ты и въ выигрышѣ! А ты, Порфирій Владиміричъ—снизойди! Онъ—сынъ, человѣкъ молодой, нѣженный. Онъ семьдесятъ пять верстъ по ухабамъ, да по сугробамъ проѣхалъ: и усталъ, и иззябъ, и уснуть ему хочется! Вотъ чай уже покончили, вели-ка подавать ужинать, да и на покой! Такъ-то, другъ мой! Разбредемся всѣ по своимъ мѣстамъ, помолимся, анъ сердце-то у насъ и пройдетъ. И всѣ, какія у насъ дурныя мысли были—всѣ сномъ Богъ прогонитъ! А завтра ранехонько встанемъ, да объ покойникѣ помолимся. Обѣденку отстоимъ, панихидку отслужимъ, а потомъ, какъ воротимся домой, и побесѣдуемъ. И всякій, отдохнувши, свое дѣло по порядку, какъ слѣдуетъ разскажетъ. Ты, Петинька, про Петербургъ, а ты, Порфирій—про деревенское свое житье. А теперь поужинаемъ и съ Богомъ, на боковую!

Это увѣщаніе оказываетъ свое дѣйствіе, не потому, чтобы оно заключало что-нибудь дѣйствительно убѣдительное, а потому, что Іудушка и самъ видитъ, что онъ зарапортовался, что лучше

какъ-нибудь миромъ покончить день. Поэтому, онъ встаетъ съ своего мѣста, цѣлуетъ у маменьки ручку, благодаритъ «за науку» и приказываетъ подавать ужинать. Ужинъ проходитъ сурово и молчаливо.

Столовая опустѣла, всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Домъ мало по малу стихаетъ, и мирная тишина ползетъ изъ комнаты въ комнату и, наконецъ, доползаетъ до послѣдняго убѣжища, въ которомъ дольше прочихъ закоулковъ упорствовала обрядовая жизнь, то есть до кабинета головлевскаго барина. Іудушка, наконецъ, покончилъ съ поклонами, которые онъ долго-долго отсчитывалъ передъ образами, и тоже улегся въ постель.

Лежитъ Порфирій Владимірычъ въ постели, но не можетъ сомкнуть глазъ. Чуетъ онъ, что пріѣздъ сына предвѣщаетъ что̀-то не совсѣмъ обыкновенное, и уже заранѣе въ головѣ его зарождаются всевозможныя пустословныя поученія. Поученія эти имѣютъ то достоинство, что они ко всякому случаю пригодны, и даже не представляютъ собой послѣдовательнаго сцѣпленія мыслей. Ни грамматической, ни синтаксической формы для нихъ тоже не требуется: они накопляются въ головѣ въ видѣ обрывочныхъ афоризмовъ и появляются на свѣтъ божій по мѣрѣ того, какъ попадаются на языкъ. Тѣмъ не менѣе, какъ только случится въ жизни какой-нибудь казусъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, такъ въ головѣ поднимается такая суматоха отъ наплыва афоризмовъ, что даже сонъ не можетъ умиротворить ее.

Не спится Іудушкѣ: цѣлая масса пустяковъ обступила его изголовье и давитъ его. Собственно говоря, загадочный пріѣздъ Петиньки не особенно волнуетъ его, ибо, что̀ бы ни случилось, Іудушка *ко всему* готовъ заранѣе. Онъ знаетъ, что *ничто* не застанетъ его въ расплохъ и *ничто* не заставитъ сдѣлать какое-нибудь отступленіе отъ той сѣти пустыхъ и насквозь прогнившихъ афоризмовъ, въ которую онъ запутался съ головы до ногъ. Для него не существуетъ ни горя, ни радости, ни ненависти, ни любви. Весь міръ, въ его глазахъ, есть гробъ, могущій служить лишь поводомъ для безконечнаго пустословія. Ужь на что̀ было больше горя, когда Володя покончилъ съ собой, а онъ и тутъ устоялъ. Это была очень грустная исторія, продолжавшаяся цѣлыхъ два года. Цѣлыхъ два года Володя перемогался; сначала выказывалъ гордость и рѣшимость не нуждаться въ помощи отца; потомъ ослабъ, сталъ молить, доказывать, грозить... И всегда встрѣчалъ въ отвѣтъ готовый афоризмъ, который представлялъ собой камень, поданный голодному человѣку. Сознавалъ ли Іудушка, что это—камень, а не хлѣбъ, или не

сознавалъ—это вопросъ спорный; но во всякомъ случаѣ, у него ничего другого не было, и онъ подавалъ свой камень, какъ единственное, что̀ онъ могъ дать. Когда Володя застрѣлился, онъ служилъ по, немъ панихиду, записалъ въ календарѣ день его смерти и обѣщалъ и на будущее время каждогодно 23-го ноября служить панихиду «и съ литургіею». Но когда, по временамъ, и въ немъ поднимался какой-то тусклый голосъ, который бормоталъ, что все-таки разрѣшеніе семейнаго спора самоубійствомъ — вещь, по малой мѣрѣ, подозрительная, тогда онъ выводилъ на сцену цѣлую смету готовыхъ афоризмовъ, въ родѣ «Богъ непокорныхъ дѣтей наказываетъ», «гордымъ Богъ противится» и проч.—и успокоивался.

Вотъ и теперь. Нѣтъ сомнѣнія, что съ Петинькой случилось что̀-то недоброе, но, что̀ бы ни случилось, онъ, Порфирій Головлевъ, долженъ быть выше этихъ случайностей. Самъ запутался—самъ и распутывайся; умѣлъ кашу заварить — умѣй и расхлебывать; любишь кататься—люби и саночки возить. Именно то̀къ; именно это самое онъ и скажетъ завтра, объ чемъ бы ни сообщилъ ему сынъ. А что̀, ежели и Петинька, подобно Володѣ, откажется принять камень, вмѣсто хлѣба? Что̀, ежели и онъ... Іудушка отплевывается отъ этой мысли и приписываетъ ее наважденію лукаваго. Онъ переворачивается съ боку на бокъ, усиливаясь уснуть и не можетъ. Только что начнетъ заводить его сонъ—вдругъ: и радъ бы небо достать, да руки коротки! или: по одежкѣ протягивай ножки... вотъ я... вотъ ты... прытки вы очень, а знаешь пословицу: поспѣшность потребна только блохъ ловить? Обступили кругомъ пустяки, ползутъ, лезутъ, давятъ. И не спитъ Іудушка подъ бременемъ пустословія, которымъ онъ надѣется завтра утолить себѣ душу.

Не спится и Петинькѣ, хотя дорога порядкомъ-таки изломала его. Есть у него дѣло, которое можетъ разрѣшиться только здѣсь въ Головлевѣ, но такое это дѣло, что и не вѣсть, ка̀къ за него взяться. По правдѣ говоря, Петинька отлично понимаетъ, что дѣло его безнадежное, что поѣздка въ Головлево принесетъ только лишнія непріятности, но въ томъ-то и штука, что есть въ человѣкѣ какой-то темный инстинктъ самосохраненія, который пересиливаетъ всякую сознательность и который такъ и подталкиваетъ: испробуй все до послѣдняго! Вотъ онъ и пріѣхалъ, да, вмѣсто того, чтобъ закалить себя и быть готовымъ перенести все, чуть съ перваго шагу не разругался съ отцомъ. Что̀-то будетъ изъ этой поѣздки? совершится-ли чудо, которое должно превратить камень въ хлѣбъ, или не совершится?

Не прямѣе-ли было бы взять револьверъ и приставить его къ виску: господа̀! я былъ недостоинъ носить вашъ мундиръ! я растратилъ казенныя деньги! и потому самъ себѣ произношу справедливый и строгій судъ! Бацъ—и все кончено! Исключается изъ списковъ *умершій*: поручикъ Головлевъ! Да̀, это было бы рѣшительно и... красиво. Товарищи сказали бы: ты былъ несчастенъ, ты увлекался, но... ты былъ *благородный* человѣкъ! Но онъ, вмѣсто того, чтобы сразу поступить *такимъ образомъ*, довелъ дѣло до того, что поступокъ его сталъ всѣмъ извѣстенъ — и вотъ его отпустили на опредѣленный срокъ, съ тѣмъ, чтобы, въ теченіи его, растрата была непремѣнно пополнена. А потомъ— вонъ изъ полка. И для достиженія этой-то цѣли, въ концѣ которой стоялъ позорный исходъ только что начатой карьеры, онъ поѣхалъ въ Головлево, поѣхалъ съ полной увѣренностью получить камень, вмѣсто хлѣба!

А, можетъ быть, что̀-нибудь и будетъ?! Вѣдь, случается же... Вдругъ, нынѣшнее Головлево исчезнетъ, и на мѣстѣ его очутится новое Головлево, съ новою обстановкой, въ которой онъ... Не то, чтобы отецъ... умереть—зачѣмъ?—а та̀къ... вообще, будетъ новая «обстановка»... А, можетъ быть, и бабушка — вѣдь, у ней деньги есть! Узнаетъ, что бѣда впереди—и вдругъ дастъ! На̀, скажетъ, поѣзжай скорѣе, покуда срокъ не прошелъ! И вотъ, онъ ѣдетъ, торопитъ ямщиковъ, насилу поспѣваетъ на станцію — и является въ полкъ какъ разъ за два часа до срока! Молодецъ Головлевъ! говорятъ товарищи:—руку, благородный молодой человѣкъ! и пусть отнынѣ все будетъ забыто! И онъ нетолько остается въ полку по прежнему, но производится сначала въ штабс - капитаны, потомъ въ капитаны, дѣлается полковымъ адъютантомъ (казначеемъ онъ ужь былъ) и, наконецъ, въ день полковаго юбилея...

Ахъ! поскорѣе бы эта ночь прошла! Завтра... ну, завтра пусть будетъ, что̀ будетъ! Но что̀ онъ долженъ будетъ завтра выслушать... ахъ, чего только онъ не выслушаетъ! Завтра... но для чего же завтра? вѣдь есть еще цѣлый день впереди... Вѣдь, онъ выговорилъ себѣ два дня собственно для того, чтобы имѣть время убѣдить, растрогать... Чорта съ два! убѣдишь тутъ, растрогаешь! Нѣтъ ужь...

Тутъ мысли его окончательно] путаются и постепенно, одна за другой, утопаютъ въ сонной мглѣ. Черезъ четверть часа, головлевская усадьба всецѣло погружается въ тяжкій сонъ.

На другой день, рано утромъ, весь домъ уже на ногахъ. Всѣ поѣхали въ церковь, кромѣ, впрочемъ, Петиньки, который остался дома подъ предлогомъ, что усталъ съ дороги. Наконецъ от-

слушали обѣдню и панихиду и воротились домой. Петинька, по обыкновенію, подошелъ къ рукѣ отца, но Іудушка подалъ руку бокомъ, и всѣ замѣтили, что онъ даже не перекрестилъ сына. Напились чаю, поѣли поминальной кутьи; Іудушка ходилъ мрачный, шаркалъ ногами, избѣгалъ разговоровъ, вздыхалъ, безпрестанно складывалъ руки, въ знакъ умной молитвы, и совсѣмъ не глядѣлъ на сына. Съ своей стороны, и Петинька ёжился и молча курилъ папироску за папироской. Вчерашнее натянутое положеніе нетолько не улучшилось за ночь, но приняло такіе рѣзкіе тоны, что Арина Петровна серьёзно обезпокоилась и рѣшилась развѣдать у Евпраксеюшки, не случилось ли что̀ нибудь.

— Что̀ такое сдѣлалось? спросила она: — что̀ они съ утра, словно вороги, другъ на друга смотрятъ?

— А я почемъ знаю? развѣ я въ ихнія дѣла̀ вхожу! отгрызнулась Евпраксея.

— Ужь не ты ли? Можетъ, и внучекъ къ тебѣ пристаетъ?

— Чего ко мнѣ приставать! Просто давича подкараулилъ меня въ корридорѣ, а Порфирій Владиміръчъ и увидѣли!

— Н-да̀, такъ вотъ оно что̀!

И, дѣйствительно, несмотря на крайность своего положенія, Петинька отнюдь не оставилъ присущаго ему легкомыслія. И онъ тоже заглядѣлся на могучую спину Евпраксеюшки, и рѣшился ей высказать это. Съ этою собственно цѣлью онъ и въ церковь не поѣхалъ, надѣясь, что и Евпраксея, въ качествѣ экономки, останется дома. И вотъ, когда въ домѣ все стихло, онъ накинулъ на плечи шинель и притаился въ корридорѣ. Прошла минута, другая, хлопнула дверь, ведущая изъ сѣней въ дѣвичью, и въ концѣ корридора показалась Евпраксея, держа въ рукахъ подносъ, на которомъ лежалъ теплый сдобный крендель къ чаю. Но не успѣлъ еще Петинька вытянуть ее хорошенько между] лопатками, не успѣлъ произнести: вотъ это—такъ спина!—какъ дверь изъ столовой отворилась и въ ней показался отецъ.

— Ежели ты сюда пакостничать, мерзавецъ, пріѣхалъ, такъ я тебя съ лѣстницы велю сбросить! произнесъ Іудушка какимъ-то безконечно-злымъ голосомъ.

Разумѣется, Петинька въ одинъ моментъ стушевался.

Онъ не могъ, однакожь, не понять, что утреннее происшествіе было не изъ такихъ, чтобы благопріятно подѣйствовать на его фонды. Поэтому, онъ рѣшился молчать и отложить объясненіе до завтра. Но, въ то же время, онъ нетолько ничего не дѣлалъ, чтобъ унять раздраженіе отца, но, напротивъ того, велъ себя самымъ неосмотрительнымъ и дурацкимъ образомъ.

Не переставая, курилъ папироски, не обращая никакого вниманія на то, что отецъ усиленно отмахивался отъ облаковъ дыма, которыми онъ наполнилъ комнату. Затѣмъ, поминутно кидалъ умильно-дурацкіе взоры на Евпраксеюшку, которая, подъ вліяніемъ ихъ, какъ-то вкось улыбалась, что тоже замѣчалъ Іудушка.

День потянулся вяло. Попробовала-было Арина Петровна въ дураки съ Евпраксеюшкой сыграть, но ничего изъ этого не вышло. Не игралось, не говорилось, даже пустяки какъ-то не шли на умъ, хотя у всѣхъ были въ запасѣ цѣлые непочатые углы этого добра. Насилу пришелъ обѣдъ, но и за обѣдомъ всѣ молчали. Послѣ обѣда, Арина Петровна собралась-было въ Погорѣлку, но Іудушку даже испугало это намѣреніе добраго друга маменьки.

— Христосъ съ вами, голубушка! воскликнулъ онъ:—что̀-жь, одного, что̀ ли, вы меня оставить хотите, и съ глазу на глазъ съ этимъ... дурнымъ сыномъ? Нѣтъ, нѣтъ! и не думайте! не пущу!

— Да что̀ такое? случилось, что̀ ли, что̀-нибудь промежду васъ! сказывай! спросила она его.

— Нѣтъ, покамѣсть еще ничего не случилось, но вы увидите... Нѣтъ, вы ужь не оставьте меня! пусть ужь при васъ... Это — не даромъ! не даромъ онъ прикатилъ... Такъ, если что̀ случится—ужь вы будьте свидѣтельницей!

Арина Петровна покачала головой и рѣшилась остаться.

Послѣ обѣда, Порфирій Владимірычъ удалился спать, уславъ предварительно Евпраксеюшку на село къ попу; Арина Петровна, отложивъ отъѣздъ въ Погорѣлку, тоже ушла въ свою комнату и, усѣвшись въ кресло, дремала. Петинька счелъ это время самымъ благопріятнымъ, чтобъ попытать счастья у бабушки, и отправился къ ней.

— Что̀ ты? въ дурачки, что̀ ли, со старухой поиграть пришелъ? встрѣтила его Арина Петровна.

— Нѣтъ, бабушка, я къ вамъ за дѣломъ.

— Ну, разсказывай, говори.

Петинька съ минуту помялся на мѣстѣ, и вдругъ брякнулъ:

— Я, бабушка, казенныя деньги проигралъ.

У Арины Петровны даже въ глазахъ потемнѣло отъ неожиданности.

— И много? спросила она перепуганнымъ голосомъ, глядя на него остановившимися глазами.

— Три тысячи.

Послѣдовала минута молчанія; Арина Петровна безпокойно

смотрѣла изъ стороны въ сторону, точно ждала, не явится ли откуда къ ней помощь.

— А ты знаешь ли, что за это и въ Сибирь недолго попасть? наконецъ, произнесла она.

— Знаю.

— Ахъ, бѣдный ты, бѣдный!

— Я, бабушка, у васъ хотѣлъ взаймы попросить... я хорошій процентъ заплачу̀.

Арина Петровна совсѣмъ испугалась.

— Что̀ ты! что̀ ты! заметалась она: — да у меня и денегъ только на гробъ, да на поминовенье осталось! И сыта я только по милости внучекъ, да вотъ чѣмъ у сына полакомлюсь! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! ты ужь меня оставь! Сдѣлай милость, оставь! Знаешь что̀, ты бы у папеньки попросилъ!

— Нѣтъ, ужь что̀! отъ желѣзнаго попа да каменной просвиры ждать! Я, бабушка, на васъ надѣялся!

— Что̀ ты! что̀ ты! да я бы съ радостью, только какія же у меня деньги! и денегъ у меня такихъ нѣтъ! А ты бы къ папенькѣ обратился, да съ лаской, да съ почтеніемъ! вотъ, молъ, папенька, та̀къ и та̀къ: виноватъ, молъ, по молодости, проштрафился... Со смѣшко̀мъ, да съ улыбочкой, да ручку поцѣлуй, да на колѣнки встань, да поплачь—онъ это любитъ—ну, и развяжетъ папенька мошну для сынка!

— А что̀ вы думаете! сдѣлать развѣ? Стойте-ка! стойте! а что̀, бабушка, еслибъ вы ему сказали: коли не дашь денегъ — прокляну! Вѣдь, онъ этого давно боится, проклятья-то вашего.

— Ну, ну, зачѣмъ проклинать! Попроси и такъ. Попроси, мой другъ! Вѣдь, ежели отцу и лишній разокъ поклонишься, такъ, вѣдь, голова не отвалится: отецъ онъ! Ну, и онъ, съ своей стороны увидитъ... сдѣлай-ко это! право!

Петинька ходитъ подбоченившись взадъ и впередъ, словно обдумываетъ; наконецъ, останавливается и говоритъ:

— Нѣтъ, ужь. Все равно—не дастъ. Что̀ бы я ни дѣлалъ, хоть бы лобъ себѣ разбилъ, кланявшись—все одно не дастъ. Вотъ кабы вы проклятіемъ пригрозили... Такъ ка̀къ же мнѣ быть-то, бабушка?

— Не знаю, право. Попробуй—можетъ, и смягчишь. Ка̀къ же ты это, однакожь, такую себѣ волю далъ: лёгко ли дѣло казенныя деньги проигралъ? научилъ тебя, что̀ ли, кто-нибудь?

— Та̀къ вотъ, взялъ да и проигралъ. Ну, коли у васъ своихъ денегъ нѣтъ, такъ изъ сиротскихъ дайте!

— Что̀ ты? опомнись! ка̀къ я могу сиротскія деньги давать?

Нѣтъ, ужь, сдѣлай милость, оставь ты меня! не говори ты со мной объ этомъ, ради Христа!

— Такъ не хотите? Жаль. А я бы хорошій процентъ далъ. Пять процентовъ въ мѣсяцъ хотите? нѣтъ? ну, черезъ годъ капиталъ на капиталъ?

— И не соблазняй ты меня! замахала на него руками Арина Петровна:—уйди ты отъ меня, ради Христа! еще папенька неравнò услышитъ, скажетъ, что я же тебя возмутила! Ахъ ты, Господи! Я, старуха, отдохнуть хотѣла, даже задремала совсѣмъ, а онъ вонъ съ какимъ дѣломъ пришелъ!

— Ну, хорошо. Я уйду. Стало-быть, нельзя? Прекрасно-съ. По родственному. Изъ-за трехъ тысячъ рублей внукъ въ Сибирь долженъ пойти. Напутственный-то молебенъ отслужить не забудьте!

Петинька хлопнулъ дверью и ушелъ. Одна изъ его легкомысленныхъ надеждъ лопнула — чтò теперь предпринять? Остается одно: во всемъ открыться отцу. А можетъ быть... Можетъ быть, чтò-нибудь...

— Пойду сейчасъ и покончу разомъ! говорилъ онъ себѣ: — или нѣтъ! Нѣтъ, зачѣмъ же сегодня... Можетъ быть, чтò-нибудь... да, впрочемъ, чтò же такое можетъ быть? Нѣтъ, лучше завтра... Все-таки, хоть нынче день... Дà, лучше завтра. Скажу— и уѣду.

На томъ и покончилъ, что завтра—всему конецъ...

Послѣ объясненія съ бабушкой, вечеръ потянулся еще вялѣе. Даже Арина Петровна притихла, узнавши дѣйствительную причину пріѣзда Петиньки. Іудушка пробовалъ-было заигрывать съ маменькой, но, видя, что она объ чемъ-то задумывается, замолчалъ. Петинька больше ничего не дѣлалъ, какъ только курилъ. За ужиномъ, Порфирій Владимірычъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Да скажешь ли ты, наконецъ, зачѣмъ ты сюда пожаловалъ?

— Завтра скажу, угрюмо отвѣтилъ Петинька.

Петинька всталъ рано—послѣ почти совсѣмъ безсонной ночи. Все та же раздвоенная мысль преслѣдовала его—мысль, начинавшаяся надеждой: можетъ быть, и дастъ! и неизмѣнно кончавшаяся вопросомъ: и зачѣмъ я сюда пріѣхалъ? Можетъ быть, онъ не понималъ своего отца, но, во всякомъ случаѣ, онъ не зналъ за нимъ ни одного чувства, ни одной слабой струны, за которую предстояла бы возможность ухватиться и, эксплуатируя которую, можно было бы чего-нибудь достигнуть. Онъ чувствовалъ только одно: что въ присутствіи отца онъ находится ли-

цомъ къ лицу съ чѣмъ-то неизъяснимымъ, неуловимымъ. Незнаніе, съ какого конца подойти, съ чего начать рѣчь, порождало ежели не страхъ, то, во всякомъ случаѣ, безпокойство. И такъ шло съ самаго дѣтства. Всегда, съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ себя помнить, дѣло было поставлено такъ, что лучше казалось совсѣмъ отказаться отъ какого-нибудь предположенія, нежели поставить его въ зависимость отъ рѣшенія отца. Такъ было и теперь. Съ чего онъ начнетъ? ка̀къ начнетъ? что̀ скажетъ?.. Ахъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ?

Имъ овладѣла тоска. Тѣмъ не менѣе, онъ понялъ, что впереди оставалось только нѣсколько часовъ и что, слѣдовательно, надо же что̀-нибудь дѣлать. Набравшись напускной рѣшимости, застегнувши сюртукъ и пошептавши что̀-то на ходу, онъ довольно твердымъ шагомъ направился къ отцовскому кабинету.

Іудушка стоялъ на молитвѣ. Онъ былъ набоженъ и каждый день охотно посвящалъ молитвѣ нѣсколько часовъ. Но онъ молился не потому, что молилъ Бога и надѣялся посредствомъ молитвы войти въ общеніе съ нимъ, а потому, что боялся чорта и надѣялся, что Богъ избавитъ его отъ лукаваго. Онъ зналъ множество молитвъ, и въ особенности отлично изучилъ технику молитвеннаго стоянія. То-есть, зналъ, когда нужно шевелить губами и закатывать глаза, когда слѣдуетъ складывать руки ладонь на ладонь, и когда держать ихъ воздѣтыми, когда надлежитъ умиляться и когда стоять чинно, творя умѣренныя крестныя знаменія. И глаза, и носъ его краснѣли и увлажнялись въ опредѣленныя минуты, на которыя указывала ему молитвенная практика. Но молитва не обновляла его, не просвѣтляла его чувства, не вносила никакого луча въ его тусклое существованіе. Онъ могъ молиться и продѣлывать всѣ нужныя тѣлодвиженія и, въ то же время, смотрѣть въ окно и замѣчать, не идетъ ли кто безъ спросу въ погребъ и т. д. Это была совершенно особенная, частная формула жизни, которая могла существовать и удовлетворять себя совсѣмъ независимо отъ общей жизненной формулы.

Когда Петинька вошелъ въ кабинетъ, Порфирій Владимірычъ стоялъ на колѣнахъ съ воздѣтыми руками. Онъ не перемѣнилъ своего положенія, а только подрыгалъ одной рукой въ воздухѣ, въ знакъ того, что еще—не время. Петинька расположился въ столовой, гдѣ уже былъ накрытъ чайный приборъ, и сталъ ждать. Эти полчаса показались ему вѣчностью, тѣмъ болѣе, что онъ былъ увѣренъ, что отецъ заставляетъ его ждать нарочно. Напускная твердость, которою онъ вооружился, мало по малу начала уступать мѣсто чувству досады. Сначала, онъ сидѣлъ смир-

но, потомъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и, наконецъ, сталъ что-то насвистывать, вслѣдствіе чего дверь кабинета пріотворилась, и оттуда послышался раздраженный голосъ Іудушки:

— Кто хочетъ свистать, тотъ можетъ для этого на конюшню идти!

Немного погодя, Порфирій Владимірычъ вышелъ, одѣтый весь въ черномъ, въ чистомъ бѣльѣ, словно приготовленный къ чему-то торжественному. Лицо у него было свѣтлое, умиленное, дышащее смиреніемъ и радостью, какъ будто онъ сейчасъ только «сподобился». Онъ подошелъ къ сыну, перекрестилъ и поцѣловалъ его.

— Здравствуй, другъ! сказалъ онъ.

— Здравствуйте!

— Каково почивалъ? постельку хорошо ли постлали? клопиковъ, блошекъ не чувствовалъ ли?

— Благодарю васъ. Спалъ.

— Ну, спалъ—такъ и слава Богу. У родителей только и можно сладенько поспать. Это ужь я по себѣ знаю: какъ ни хорошо, бывало, устроишься въ Петербургѣ, а никогда такъ сладко не уснешь, какъ въ Головлевѣ. Точно вотъ въ колыбелькѣ тебя покачиваетъ. Такъ какъ же мы съ тобой: попьемъ чайку, что ли, сначала, или ты сейчасъ что-нибудь сказать хочешь?

— Нѣтъ, лучше поговоримъ. Мнѣ черезъ шесть часовъ уѣхать надо, такъ, можетъ быть, и обдумать кой-что время понадобится.

— Ну, ладно. Только я, братъ, говорю прямо: никогда я не обдумываю. У меня всегда отвѣтъ готовъ. Коли ты правильнаго чего просишь — изволь! никогда я ни въ чемъ правильномъ не откажу. Хоть и трудненько иногда, не по силамъ, а ежели правильно—не могу отказать! Натура такая. Ну, а ежели просишь неправильно—не прогнѣвайся! Хоть и жалко тебя — а откажу! У меня, братъ, вывертовъ нѣтъ! Я весь тутъ на ладони. Ну, пойдемъ, пойдемъ въ кабинетъ! Ты поговоришь, а я послушаю! Послушаемъ, послушаемъ, что такое!

Когда оба вошли въ кабинетъ, Порфирій Владимирычъ оставилъ дверь пріотворенною и затѣмъ ни самъ не сѣлъ, ни сына не посадилъ, а началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Словно онъ инстиктивно чувствовалъ, что дѣло будетъ щекотливое и что объясняться объ такихъ предметахъ на ходу гораздо свободнѣе. И выраженіе лица скрыть удобнѣе, и прекратить объясненіе, ежели оно приметъ слишкомъ непріятный оборотъ, легче. А съ помощью пріотворенной двери и на свидѣтелей можно сослаться, потому что маменька съ Евпраксеюшкой, навѣрное, не замедлятъ явиться къ чаю въ столовую.

— Я, папенька, казенныя деньги проигралъ, разомъ и какъ-то тупо высказался Петинька.

Іудушка ничего не сказалъ. Только можно было замѣтить, ка̀къ дрогнули у него губы. И, вслѣдъ, затѣмъ онъ, по обыкновенію, началъ шептать.

— Я проигралъ три тысячи, пояснилъ Петинька: — и, ежели послѣ-завтра ихъ не внесу, то могутъ произойти очень непріятныя для меня послѣдствія.

— Что̀-жь, внеси! любезно молвилъ Порфирій Владиміричъ.

Нѣсколько туровъ отецъ и сынъ сдѣлали молча. Петинька хотѣлъ объясняться дальше, но чувствовалъ, что у него захватило горло.

— Откуда же возьму деньги? наконецъ, выговорилъ онъ.

— Я, любезный другъ, твоихъ источниковъ не знаю. На какіе ты источники разсчитывалъ, когда проигрывалъ въ карты казенныя деньги—изъ тѣхъ и плати.

— Вы сами очень хорошо знаете, что въ подобныхъ случаяхъ люди объ источникахъ забываютъ!

— Ничего я, мой другъ, не знаю. Я въ карты никогда не игрывалъ—только вотъ развѣ съ маменькой въ дурачки съиграешь, чтобъ потѣшить старушку. И, пожалуйста, ты меня въ эти грязныя дѣла̀ не впутывай, а пойдемъ-ка лучше чайку попьемъ. Попьемъ да посидимъ, можетъ, и поговоримъ объ чемъ-нибудь—только ужь, ради Христа, не объ этомъ.

И Іудушка направился-было къ двери, чтобы юркнуть въ столовую, но Петинька остановилъ его.

— Позвольте, однако-жь, сказалъ онъ:—надобно же мнѣ какъ-нибудь выйти изъ этого положенія!

Іудушка усмѣхнулся и посмотрѣлъ Петинькѣ въ лицо.

— Надо, голубчикъ! согласился онъ.

— Такъ помогите же!

— А это—это ужь будетъ другой вопросъ. Что надобно какъ-нибудь выйти изъ этого положенія — это такъ, это ты правду сказалъ. А ка̀къ выйти—это ужь не мое дѣло!

— Но почему же вы не хотите помочь?

— А потому, во-первыхъ, что у меня нѣтъ денегъ для покрытія твоихъ дрянныхъ дѣлъ, а, во-вторыхъ—и потому, что вообще это до меня не касается. Самъ напуталъ—самъ и выпутывайся. Любишь кататься—люби и саночки возить. Такъ-то, другъ. Я вѣдь и давича съ того началъ, что, ежели ты просишь правильно...

— Знаю, знаю. Много у васъ на языкѣ словъ...

— Постой, попридержи свои дерзости, дай мнѣ досказать.

Что это—не одни слова̀, это я тебѣ сейчасъ скажу. И такъ я тебѣ давича сказалъ: если ты будешь просить должнаго, дѣльнаго—изволь, другъ! всегда готовъ тебя удовлетворить! Но ежели ты приходишь съ просьбой не дѣльною—извини, братъ! На дрянныя дѣла̀ у меня денегъ нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! И не будетъ—ты это знай! И не смѣй говорить, что это—одни «слова̀», а понимай, что эти слова̀ очень близко граничатъ съ дѣломъ.

— Подумайте, однакожъ, что̀ со мной будетъ!

— А что̀ Богу угодно, то и будетъ, отвѣтилъ Іудушка, слегка воздѣвая руки, искоса поглядывая на образъ.

Отецъ и сынъ опять сдѣлали нѣсколько туровъ по комнатѣ. Іудушка шелъ нѐхотя, словно жаловался, что сынъ держитъ его въ плѣну. Петинька, подбоченившись, слѣдовалъ за нимъ, кусая усы и нервно усмѣхаясь.

— Я—послѣдній сынъ у васъ, сказалъ онъ:—не забудьте объ этомъ.

— У Іова, мой другъ, Богъ и все взялъ, да онъ не роптахъ, а только сказалъ: Богъ далъ, Богъ и взялъ—твори, Господи, волю Свою! Такъ-то, братъ!

— То Богъ взялъ, а вы сами у себя отнимаете. Володя...

— Ну, это—ты, кажется, пошлости начинаешь говорить!

— Нѣтъ, это не пошлости, а правда. Всѣмъ извѣстно, что Володя...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не хочу я твои пошлости слушать! Да и вообще—довольно. Что̀ тебѣ надо было высказать, то ты высказалъ. Я тоже отвѣтъ тебѣ далъ. А теперь, пойдемъ и будемъ чай пить. Посидимъ да поговоримъ, потомъ поѣдимъ, выпьемъ на прощанье—и съ Богомъ. Видишь, ка̀къ Богъ для тебя милостивъ! И погодка унялась, и дорожка поглаже стала. Полегоньку да помаленьку, трюхъ да трюхъ—и не увидишь, какъ доплетешься до станціи!

— Послушайте! наконецъ, я прошу васъ! ежели у васъ есть хоть капля чувства...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! не будемъ объ этомъ говорить! Пойдемъ въ столовую: маменька, поди, давно безъ чаю соскучилась. Негодится старушку заставлять ждать.

Іудушка сдѣлалъ крутой поворотъ и почти бѣгомъ направился къ двери.

— Хоть уходите, хоть не уходите, я этого разговора не оставлю! крикнулъ ему вслѣдъ Петинька:—хуже будетъ, какъ при свидѣтеляхъ начнемъ разговаривать!

Іудушка воротился назадъ и всталъ прямо противъ сына.

— Что̀ тебѣ отъ меня, негодяй, нужно... сказывай! спросилъ онъ его взволнованнымъ голосомъ.

— Мнѣ нужно, чтобъ вы заплатили тѣ деньги, которыя я проигралъ.

— Никогда!!

— Такъ это—ваше послѣднее слово?

— Видишь? торжественно воскликнулъ Іудушка, указывая пальцемъ на образъ, висѣвшій въ углу:—это видишь? Это—папенькино благословеніе... Такъ вотъ я при немъ тебѣ говорю: никогда!!

И онъ рѣшительнымъ шагомъ вышелъ изъ кабинета.

— Убійца! пронеслось вдогонку ему.

Арина Петровна сидитъ уже за столомъ, и Евпраксеюшка дѣлаетъ всѣ приготовленія къ чаю. Старуха задумчива, молчалива и даже какъ будто стыдится Петиньки. Іудушка, по обычаю, подходитъ къ ея ручкѣ и, по обычаю же, она машинально креститъ его. Потомъ, по обычаю, идутъ вопросы, все-ли здоровы, хорошо-ли почивали, на что̀ слѣдуютъ обычные односложные отвѣты.

Уже наканунѣ вечеромъ она была скучна. Съ тѣхъ поръ, какъ Петинька попросилъ у нея денегъ и разбудилъ въ ней воспоминаніе о «проклятіи», она вдругъ впала въ какое-то загадочное безпокойство, и ее неотступно начала преслѣдовать мысль: а что̀, ежели прокляну? Узнавши утромъ, что въ кабинетѣ началось объясненіе, она обратилась къ Евпраксеюшкѣ съ просьбой.

— Поди-ка, сударушка, подслушай потихоньку у дверей, что̀ они тамъ говорятъ!

Но Евпраксеюшка, хотя и подслушала, но была настолько глупа, что ничего не поняла.

— Такъ, промежду себя разговариваютъ! Не очень кричатъ! объяснила она, возвратившись.

Тогда Арина Петровна не вытерпѣла и сама отправилась въ столовую, куда тѣмъ временемъ и самоваръ былъ уже поданъ. Но объясненіе ужь приходило къ концу; слышала она только, что Петинька возвышаетъ голосъ, а Порфирій Владимірычъ словно зудитъ въ отвѣтъ.

— Зудитъ! именно зудитъ! вертѣлось у нея въ головѣ:—вотъ и тогда онъ такъ зудѣлъ! и ка̀къ это я въ то время не поняла!

Наконецъ, оба, и отецъ и сынъ, появились въ столовую. Петинька былъ красенъ и тяжело дышалъ; глаза у него смотрѣли широко, волосы на головѣ растрепались, лобъ былъ усѣянъ мелкими каплями пота. Напротивъ, Іудушка вошелъ блѣдный и злой; хотѣлъ казаться равнодушнымъ, но, несмотря на всѣ усилія, нижняя губа его дрожала. Насилу могъ онъ выговорить обычное утреннее привѣтствіе милому другу маменькѣ.

Всѣ заняли свои мѣста вокругъ стола; Петинька сѣлъ нѣсколько поодоль, отвалился на спинку стула, положилъ ногу на ногу и, закуривая папироску, иронически посматривалъ на отца.

— Вотъ, маменька, и погодка у насъ унялась, началъ Іудушка:—какое вчера смятеніе было, анъ Богу стоило только захотѣть—вотъ у насъ тишь да гладь, да Божья благодать! такъ-ли, другъ мой?

— Не знаю; не выходила я изъ дому сегодня.

— А мы кстати дорогого гостя провожаемъ, продолжалъ Іудушка:—я давича еще гдѣ-гдѣ всталъ, посмотрѣлъ въ окно—анъ на дворѣ тихо да спокойно, точно вотъ ангелъ Божій пролетѣлъ, и въ одну минуту своимъ крыломъ все это возмущеніе усмирилъ!

Но никто даже не отвѣтилъ на ласковыя Іудушкины слова̀, Евпраксеюшка шумно пила съ блюдечка чай, дýя и отфыркиваясь; Арина Петровна смотрѣла въ чашку и молчала; Петинька, раскачиваясь на стулѣ, продолжалъ посматривать на отца съ такимъ иронически вызывающимъ видомъ, точно вотъ ему большихъ усилій стоитъ, чтобъ не прыснуть со смѣха.

— Теперича, ежели Петинька и не шибко поѣдетъ, опять началъ Порфирій Владимірычъ:—и тутъ къ вечеру легко до станціи желѣзной дороги поспѣетъ. Лошади у насъ свои, не мученныя, часика два въ Муравьевѣ покормятъ—мигомъ домчатъ. А тамъ—фіюю! пошла машина погромыхивать! Ахъ, Петька! Петька! не добрый ты! остался бы ты здѣсь съ нами, погостилъ-бы—право! И намъ было бы веселѣе, да и ты бы—смотри, ка̀къ бы ты здѣсь въ одну недѣлю поправился!

Но Петенька все продолжаетъ раскачиваться на стулѣ и посматривать на отца.

— Ты что̀ на меня все смотришь? закипаетъ, наконецъ, Іудушка:—узоры, что̀ ли, видишь?

— Смотрю, жду, что̀ еще отъ васъ будетъ!

— Ничего, братъ, не высмотришь! ка̀къ сказано, такъ и будетъ. Я своего слова не измѣню!

Наступаетъ минута молчанія, впродолженіи которой явственно раздается шопотъ:

— Іудушка!

Порфирій Владимірычъ несомнѣнно слышалъ эту апострофу (онъ даже поблѣднѣлъ), но дѣлаетъ видъ, что восклицаніе до него не относится.

— Ахъ, дѣтки, дѣтки! говоритъ онъ:—и жаль васъ, и хотѣлось бы приласкать да приголубить васъ, да, видно, нѐчего дѣ-

лать—не судьба! Сами вы отъ родителей бѣжите, свои у васъ завелись друзья-пріятели, которые дороже для васъ отца съ матерью. Ну, и нѣчего дѣлать! Подумаешь-подумаешь—и покоришься. Люди вы молодые, а молодому, извѣстно, пріятнѣе съ молодымъ побыть, чѣмъ со старикомъ-ворчуномъ! Вотъ и смиряешь себя и не ропщешь; только и просишь Отца небеснаго: твори, Господи, волю Свою!

— Убійца! вновь шепчетъ Петинька, но уже такъ явственно, что Арина Петровна со страхомъ смотритъ на него. Передъ глазами ея что-то вдругъ пронеслось, словно тѣнь Стёпки-балбеса.

— Ты про кого это говоришь? спрашиваетъ Іудушка, весь дрожа отъ волненія.

— Такъ, про одного знакомаго.

— То-то! такъ ты такъ и говори! Вѣдь, Богъ знаетъ, что у тебя на умѣ: можетъ быть, ты изъ присутствующихъ кого-нибудь такъ честишь!

Всѣ смолкаютъ; стаканы съ чаемъ стоятъ нетронутыми. Іудушка тоже откидывается на спинку стула и нервно покачивается. Петинька, видя, что всякая надежда потеряна, ощущаетъ что-то въ родѣ предсмертной тоски и подъ вліяніемъ ея готовъ идти до крайнихъ предѣловъ. И отецъ, и сынъ съ какою-то неизъяснимою улыбкой смотрятъ другъ другу въ глаза. Какъ ни вышколилъ себя Порфирій Владимірычъ, но близится минута, когда и онъ не въ состояніи будетъ сдерживаться.

— Ты бы лучше за добра-ума уѣхалъ! наконецъ, высказывается онъ:—да!

— И то уѣду.

— Чего ждать-то! Я вижу, что ты на ссору лѣзешь, а я ни съ кѣмъ ссориться не хочу. Живемъ мы здѣсь тихо да смирно, безъ ссоръ да безъ сваръ—вотъ бабушка-старушка здѣсь сидитъ, хоть бы ея ты посовѣстился! Ну, зачѣмъ ты къ намъ пріѣхалъ?

— Я вамъ говорилъ зачѣмъ.

— А коли затѣмъ только, такъ напрасно трудился. Уѣзжай, братъ! Эй, кто тамъ? велите-ка для молодого барина кибитку закладывать. Да цыпленочка жаренаго, да икорки, да еще тамъ чего-нибудь... яичекъ, что ли... въ бумажку заверните. На станціи, братъ, и закусишь, покуда лошадей подкормятъ. Съ Богомъ!

— Нѣтъ! я еще не поѣду. Я еще въ церковь пойду, попрошу панихиду по убіенномъ рабѣ Божіемъ, Владимірѣ, отслужить.

— По самоубійцѣ, то есть...

— Нѣтъ, по убіенномъ.

Отецъ и сынъ смотрятъ другъ на друга во всѣ глаза. Такъ и кажется, что оба сейчасъ вскочатъ. Но Іудушка дѣлаетъ надъ собой нечеловѣческое усиліе и оборачивается со стуломъ лицомъ къ столу.

— Удивительно! говоритъ онъ надорваннымъ голосомъ: — у-ди-ви-тель-но!

— Дà, по убіенному! грубо настаиваетъ Петинька.

— Кто же его убилъ? любопытствуетъ Іудушка, повидимому, всетаки, надѣясь, что сынъ опомнится.

Но Петинька, ни мало не смущаясь, выпаливаетъ, какъ изъ пушки:

— Вы!!

— Я?!

Порфирій Владимірычъ не можетъ прійти въ себя отъ изумленія. Онъ торопливо поднимается со стула, обращается лицомъ къ образу и начинаетъ молиться.

— Вы! вы! вы! повторяетъ Петинька.

— Ну вотъ! ну, слава Богу! вотъ теперь полегче стало, какъ помолился! говоритъ Іудушка, вновь присаживаясь къ столу: — ну, постой! погоди! хоть мнѣ, какъ отцу, можно было бы и не входить съ тобой въ объясненія—ну, да ужь пусть будетъ такъ! Стало быть, по твоему, я убилъ Володеньку?

— Дà, вы!

— А, по моему, это не такъ. По моему, онъ самъ себя застрѣлилъ. Я въ то время былъ здѣсь, въ Головлевѣ, а онъ— въ Петербургѣ. Причемъ же я тутъ могъ быть? кàкъ могъ я его за семьсотъ верстъ убить?

— Будто вы не понимаете?

— Не понимаю... видитъ Богъ, что не понимаю!

— А кто Володю безъ копейки оставилъ? кто ему жалованье прекратилъ? кто?

— Те-те-те! такъ зачѣмъ онъ женился противъ желанья отца?

— Да вѣдь вы же позволили?

— Кто? я? Христосъ съ тобой! Никогда я не позволялъ! Нникогда!

— Ну дà, то есть вы и тутъ по своему обыкновенію поступили. У васъ, вѣдь, каждое слово десять значеній имѣетъ; пойди, угадывай!

— Никогда я не позволялъ! Онъ мнѣ въ то время написалъ: хочу, пàпа, жениться на Лидочкѣ. Понимаешь: «хочу», а не «прошу позволенія». Ну, и я ему отвѣтилъ: коли *хочешь* жениться, —ъ женись, я препятствовать не могу! Только и всего.

— Только и всего, поддразниваетъ Петинька:—а развѣ это— не позволеніе?

— То-то, что̀ нѣтъ. Я что̀ говорю? я говорю: не могу препятствовать—только и всего. А позволяю или не позволяю, это— другой вопросъ. Онъ у меня позволенія и не просилъ; онъ прямо написалъ: *хочу*, па̀па, жениться на Лидочкѣ—ну, и я насчетъ позволенія умолчалъ. *Хочешь* жениться — ну, и Христосъ съ тобой! женись, мой другъ, хоть на Лидочкѣ, хоть на разлидочкѣ—я препятствовать не могу!

— А только безъ куска хлѣба оставить можете. Такъ вы бы та̀къ и писали: не нравится, дескать, мнѣ твое намѣреніе, а потому, хоть я тебѣ не препятствую, но, всетаки, предупреждаю, чтобъ ты больше не разсчитывалъ на денежную помощь отъ меня. По крайней мѣрѣ, тогда было бы ясно.

— Нѣтъ, этого я никогда не позволю себѣ сдѣлать! Чтобъ я сталъ употреблять въ дѣло угрозы совершеннолѣтнему сыну — никогда!! У меня такое правило, что я никому не препятствую! Захотѣлъ жениться — женись! Ну, а насчетъ послѣдствій — не погнѣвайся? Самъ долженъ былъ предусматривать—на то и умъ тебѣ отъ Бога данъ. А я, братъ, въ чужія дѣла̀ не вмѣшиваюсь. И нетолько самъ не вмѣшиваюсь, да не прошу, чтобъ и другіе въ мои дѣла̀ вмѣшивались. Да̀, не прошу, не прошу, не прошу, и даже... запрещаю! Слышишь ли, дурной, непочтительный сынъ—за-пре-щаю!

— Запрещайте, пожалуй! вѣдь всѣмъ ртовъ не замажете!

— И хоть бы онъ раскаялся! хоть бы онъ понялъ, что отца обидѣлъ! Ну, сдѣлалъ пошлость—ну, и раскайся! Попроси прощенія! простите-молъ, душенька, папенька, что васъ огорчилъ! А то—натко!

— Да, вѣдь, онъ писалъ вамъ; онъ объяснялъ, что ему жить нѣчѣмъ, что дольше ему терпѣть нѣтъ силъ...

— Съ отцомъ не объясняются-съ. У отца прощенія просятъ— вотъ и все.

— И это было. Онъ такъ былъ измученъ, что и прощенья просилъ. Все было, все!

— А хоть бы и такъ — опять-таки онъ былъ не правъ. Попросилъ разъ прощенья, видитъ, что па̀па не прощаетъ — и въ другой разъ попроси!

— Ахъ, вы!

Сказавши это, Петинька вдругъ перестаетъ качаться на стулѣ, оборачивается къ столу и облакачивается на него обѣими руками.

— Вотъ и я... чуть слышно произноситъ онъ.

Лицо его постепенно искажается.

— Вотъ и я... повторяетъ онъ, разражаясь истерическими рыданіями.

— А кто-жь вино...

Но Іудушкѣ не удалось покончить свое поученіе, ибо въ эту самую минуту случилось нѣчто совершенно неожиданное. Во время описанной сейчасъ перестрѣлки, объ Аринѣ Петровнѣ, словно, позабыли. Но она отнюдь не оставалась равнодушной зрительницей этой семейной сцены. Напротивъ того, съ перваго же взгляда можно было заподозрить, что въ ней происходитъ что-то не совсѣмъ обыкновенное, и что, можетъ быть, настала минута, когда передъ умственнымъ ея окомъ предстали во всей полнотѣ и наготѣ итоги ея собственной жизни. Лицо ея оживилось, глаза расширились и блестѣли, губы шевелились, какъ будто хотѣли сказать какое-то слово и не могли. И вдругъ, въ ту самую минуту, когда Петинька огласилъ столовую своими рыданіями, она грузно поднялась съ своего кресла, протянула впередъ руку, и изъ груди ея вырвался вопль:

— Прро-кли-нааааю!

Н. Щедринъ.

БОРЬБА ЗА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ.

III.

Семья.

(*Продолженіе*).

Кувада.—Нѣсколько словъ о положеніи дѣтей.—«Женовластіе» Бахофена.—Сказки о женскихъ царствахъ, амазонки. — Миѳы Беллерофона и проч. — Второстепенныя черты женовластія.—Правая и лѣвая рука.—Борьба за индивидуальность и борьба за существованіе.—Гипотеза г-жи Ройе.—Существуетъ ли общее женское дѣло.—Любовь въ средніе вѣка.

Страбонъ разсказываетъ, что у иберійцевъ, жившихъ на сѣверѣ Испаніи, женщины «послѣ родовъ кладутъ, вмѣсто, себя въ постель своихъ мужей и ухаживаютъ за ними». Діодоръ Сицилійскій повѣствуетъ о такомъ же обычаѣ у жителей Корсики. Нимфодоръ и Аполлоній разсказываютъ тоже самое объ одномъ скиѳскомъ племени. Есть свидѣтельства, что этотъ странный обычай и до нынѣ сохранился въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Испаніи и Франціи. Онъ и носитъ французское названіе couvade, что̀ собственно значитъ высиживаніе, отъ couver (говорится о птицахъ, высиживающихъ яица). Распространеніе кувады далеко не ограничивается уголкомъ Европы. По свидѣтельству путешественниковъ, многіе туземцы южной Америки, южной Индіи, гренландцы, камчадалы, дайяки на Борнео и проч., въ бо̀льшей или меньшей степени, сохранили обычай кувады (см. Тайлора «Доисторическій бытъ человѣчества» 393 и слѣд., и Лёббока «Начало цивилизаціи» 15 и слѣд.) Вотъ, напримѣръ, что̀ говоритъ мис-

сіонеръ Добрицгофферъ объ абипонахъ: «Какъ только вы услыхали, что жена абипонца родила ребенка, то тутъ же вы видите, какъ ея мужъ ложится въ постель, укутывается циновками и кожами, чтобъ не пахнуло на него вреднымъ вѣтромъ, и въ продолженіи извѣстнаго числа дней соблюдаетъ постъ, хранимый въ тайнѣ [1], т. е. строго воздерживается отъ извѣстнаго мяса; вы можете поклясться, что у такого господина непремѣнно родился ребенокъ... Я читалъ о существованіи этого обычая въ древнія времена и хохоталъ надъ нимъ, никогда даже не думая вѣрить въ дѣйствительное существованіе этого сумасбродства, и всегда предполагалъ, что про этотъ варварскій обычай разсказывалось больше въ шутку, чѣмъ серьёзно; и, наконецъ, самъ увидѣлъ его собственными своими глазами у абипонцевъ. И дѣйствительно, они охотно и со всею строгостью исполняли этотъ древній обычай, какъ онъ ни труденъ, потому что убѣждены вполнѣ, что воздержаніе и спокойствіе отцовъ благодѣтельно дѣйствуетъ на новорожденныхъ, и что даже оно необходимо... Поэтому, если ребенокъ умираетъ преждевременно, то женщины приписываютъ его смерть невоздержанію отца, причемъ обыкновенно указываютъ и на причины въ родѣ слѣдующихъ: онъ не воздерживался отъ употребленія мяса; онъ обременялъ свой желудокъ морской свиньей; онъ переплывалъ рѣку, когда было свѣжо; онъ не озаботился подстричь свои длинныя брови; онъ ѣлъ подземный медъ, топча пчелъ ногами; онъ до того ѣздилъ верхомъ, что измучился и вспотѣлъ. Подобными безсмысленными разсужденіями толпа женщинъ обвиняетъ безнаказанно отца въ причинѣ смерти ребенка; и при этомъ обыкновенно проклятія градомъ сыплются на голову безотвѣтнаго супруга». Англійскій путешественникъ Бретъ видѣлъ въ Гвіанѣ слѣдующее: «При рожденіи ребенка, по требованію древняго индійскаго этикета, отецъ долженъ лечь въ койку и, какъ будто въ самомъ дѣлѣ больной, провести въ ней нѣсколько дней, принимая поздравленія и соболѣзнованія своихъ друзей. Одинъ разъ мнѣ самому случилось наблюдать исполненіе этого обычая: мужчина, совершенно здоровый и полный силъ, безъ всякаго признака болѣзни, лежалъ въ своей койкѣ съ самымъ жалобнымъ видомъ; за нимъ почтительно и заботливо ухаживали женщины, между тѣмъ какъ мать новорожденнаго стряпала, не обращая на себя ничьего вниманія». Сюда же, можетъ быть, слѣдуетъ отнести миѳъ «дваж-

---

[1] Я цитирую по русскому переводу Тайлора (г. Валицкаго), изданному въ 1868 г. въ Москвѣ. Безобразнѣе этого перевода трудно себѣ что нибудь представить.

ды рожденнаго» Вакха, котораго Зевсъ донашивалъ самъ, по смерти его матери Семелы, и т. п.

И Тайлоръ, и Лёббокъ обращаютъ вниманіе только на одну сторону обычая кувады, именно на выражающееся въ немъ первобытное понятіе о непосредственной физической связи дѣтей и родителей. Шире посмотрѣлъ на этотъ обычай Бахофенъ (Das Mutterrecht, 255). Онъ сопоставилъ его съ нѣкоторыми странными обрядами усыновленія. Дѣло въ томъ, что отецъ, во время кувады, стонетъ, кричитъ, вообще старается подражать мукамъ родильницы, и въ этомъ именно состоитъ вся соль обычая. Такимъ же подражаніемъ сопровождалась и сопровождается кое-гдѣ церемонія усыновленія, причемъ дѣйствующимъ лицомъ бываетъ то мужчина, то женщина, то оба вмѣстѣ. Діодоръ говоритъ, что Юнона, для усыновленія Геркулеса, пропустила его на постели сквозь свои одежды, «подражая настоящему рожденію». Діодоръ прибавляетъ, что варвары совершали эту церемонію и въ его время. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ нашихъ раскольничьихъ толкахъ практикуется совершенно подобный обрядъ при пріемѣ новыхъ членовъ. Въ Пошехонскомъ Уѣздѣ Ярославской Губ. «женщину-роженицу укладываютъ въ постель; она должна охать и стонать, какъ при естественныхъ родахъ. Надъ нею читаютъ молитвы и по временамъ спрашиваютъ ее: родишь ли раба божія? Она отвѣчаетъ: рожу въ грѣхахъ и страдахъ. Вопросъ этотъ и отвѣтъ повторяются три раза, послѣ чего сквозь рубашку лежащей женщины пропускаютъ вступающаго въ расколъ» (Якушкинъ, «Обычное право», XV). У филиповцевъ Череповскаго Уѣзда Новгородской Губ. «женщина въ грязной рубахѣ, замаранной мѣсячными очищеніями или послѣродовыми изверженіями, широко разставляетъ свои ноги, межъ которыхъ долженъ пролѣзть желающій получить крещеніе; въ это время она стонетъ и старается показывать всѣ тѣ симптомы, которыми обыкновенно сопровождается актъ рожденія» (Громачевскій, «Череповскіе раскольники» въ «Зарѣ» 1871, № 9). У Бахофена, Гримма (Deutsche Rechtsalterthümer), Мишле (Origines du droit françaiz) собраны многія указанія на подобные обряды усыновленія въ древности и въ средніе вѣка. Таковъ, напримѣръ, разсказъ о князѣ Эдесскомъ, который усыновилъ Балдуина, прижавъ его къ голой груди подъ рубашкой. Во многихъ мѣстахъ, усыновляемыхъ и узаконяемыхъ просто подводили подъ плащъ—mantella, вслѣдствіе чего они назывались mantellati. Во Франціи узаконенныхъ дѣтей называли enfants mis sous le drap. Одинъ фламандскій поэтъ XIII столѣтія говоритъ, что «pardessous le mantiel la mère, furent faits lojal cil trois frères».

Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣкто чужой становится близкимъ, роднымъ, сыномъ, послѣ болѣе или менѣе близкаго подражанія акту дѣторожденія, совершаемаго новымъ отцомъ или матерью. Въ кувадѣ мы видимъ то же самое, съ тѣмъ только осложненіемъ, что отецъ заранѣе приготовляется къ подражанію, соблюдая извѣстную діэту и извѣстный образъ жизни. Очевидно, что это именно—только приготовленіе къ главному моменту всей комедіи и что дѣло не въ немъ. Специфическое же отличіе кувады, рѣзко выдѣляющее ее изо всѣхъ случаевъ усыновленія, состоитъ въ томъ, что здѣсь подражаетъ акту дѣторожденія не сторонній какой-нибудь усыновитель, а всегда подлинный или предполагаемый родной отецъ. И это чрезвычайно важно. Не удивителенъ вообще фактъ подражанія—онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ грубости первобытнаго ума; не удивительно и то, что обычай этотъ сохранился, въ видѣ символа, даже на относительно высокой степени цивилизаціи,—это сохраненіе древняго обычая, исполненнаго для своего времени глубокаго смысла, въ видѣ формальнаго символа есть явленіе очень обыкновенное. Понятно, поэтому, что Юнона дѣлала видъ, что рожаетъ Геркулеса, что эдесскій князь символически рожалъ Балдуина, что раскольница символически рожаетъ новаго члена секты. Но это еще не объясняетъ кувады. Спрашивается, зачѣмъ родному отцу продѣлывать комедію кувады, когда и безъ того несомнѣнно, что новорожденный есть плоть отъ плоти его и кость отъ костей его? Казалось-бы, онъ—единственное въ цѣломъ мірѣ лицо, которому кувада, какъ обрядъ усыновленія, не нужна. А между тѣмъ, самая нелѣпость этого обычая показываетъ, что онъ возникъ не случайно и не по какимъ-нибудь мелкимъ поводамъ, что за нимъ стоитъ долгая, серьёзная и, вѣроятно, глубоко трагическая исторія.

Зачѣмъ отцамъ понадобилось образно, символически утверждать свою связь съ дѣтьми? Затѣмъ, конечно, что эта связь была невсегда ясна. Дѣйствительно, если мы признàемъ, вмѣстѣ со всѣми новѣйщими изслѣдователями, отсутствіе семьи исходною точкою супружескихъ и родительскихъ отношеній, станетъ очевидно, что связь отца съ дѣтьми не могла быть ясною на зарѣ исторіи человѣчества. Кровная связь съ матерью, которая «со скрежетомъ сына носила и со стономъ его родила», никогда не могла подлежать сомнѣнію. Но отецъ... кто былъ отцомъ новорожденнаго массагета, назамона или троглодита? Этого никто не зналъ—ни мать, ни самъ отецъ, ни племя. Судьба дѣтей въ первобытномъ обществѣ весьма мало извѣстна и даже мало по-

нятна теперешнему человѣку. Намъ трудно, дѣйствительно, представить себѣ съ полною ясностью, какъ жили и росли дѣти при отсутствіи семьи. Кое-какія свѣдѣнія имѣются только относительно позднѣйшихъ ступеней развитія цивилизаціи, когда уже ребенку тѣмъ или другимъ способомъ пріискивался отецъ. Напримѣръ, Геродотъ разсказываетъ объ одномъ эѳіопскомъ племени, что мужчины на собраніяхъ своихъ, которыя бывали черезъ каждые три мѣсяца, распредѣляли между собой подросшихъ дѣтей, руководствуясь при этомъ сходствомъ ребенка съ кѣмъ нибудь изъ мужей. Такія же свѣдѣнія имѣются о либурнахъ и скиѳахъ. Тодасы, у которыхъ женщина выходитъ замужъ сразу за нѣсколькихъ братьевъ, а эти братья, въ свою очередь, становятся мужьями всѣхъ ея сестеръ, выпутываются, какъ мы уже видѣли, изъ затрудненія тѣмъ, что признаютъ первенца сыномъ старшаго брата, второго—ребенкомъ второго брата и т. д. И эта странная, съ нашей точки зрѣнія, система не мѣшаетъ существованію у тодасовъ большой нѣжности къ дѣтямъ. Точно также и древніе писатели говорятъ объ отсутствіи у эѳіоповъ, скиѳовъ и проч. семейныхъ несогласій, которыя, казалось-бы, неизбѣжны. Мало того: нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Страбонъ, приписываютъ многія хорошія нравственныя стороны этихъ варваровъ именно ихъ семейнымъ порядкамъ. А Бахофенъ замѣчаетъ, что они осуществили у себя въ дѣйствительности многія самыя пылкія мечты Платона. Съ другой стороны, однако, можно привести множество фактовъ, свидѣтельствующихъ о крайне жалкомъ положеніи дѣтей въ первобытномъ обществѣ и у современныхъ отсталыхъ народовъ. Изслѣдователи семейныхъ отношеній обыкновенно и смотрятъ на «дѣтскій вопросъ» именно съ этой точки зрѣнія. См. напримѣръ, подборъ фактовъ у Мальтуса, у г. Шашкова (Историческія судьбы женщины, дѣтоубійство и проституція) или у г. Воеводскаго (Каннибализмъ въ греческихъ миѳахъ), который даже считаетъ *дѣтоѣдство* первымъ фазисомъ развитія людоѣдства. Этого рода факты не подлежатъ никакому сомнѣнію, но относительно дѣлаемыхъ изъ нихъ выводовъ слѣдуетъ имѣть въ виду два соображенія. Во-первыхъ, рядомъ съ возмутительнымъ положеніемъ дѣтей мы часто встрѣчаемъ, на тѣхъ же приблизительно ступеняхъ цивилизаціи, нѣчто діаметрально противоположное. Припомнимъ гордость, съ которою Одиссей называетъ себя, въ особенно торжественныхъ случаяхъ, «отцомъ Телемака». Нашъ чувашъ зоветъ жену до рожденія сына просто по имени, а съ этого момента она получаетъ титулъ матери такого-то, напримѣръ, Василія

(Риттихъ, «Объ инородцахъ Казанской губ.» II, 70). Въ Австраліи, когда ребенокъ получаетъ имя, родители начинаютъ называться по его имени: Кадлитпинна—отецъ Кадли, Кадлинганка—мать Кадли. Этотъ обычай, повидимому, весьма распространенъ по всему материку. У бечуановъ, въ южной Африкѣ, «родители называются по имени ребенка». Такъ какъ старшаго сына Ливингстона звали Робертомъ, то жену его туземцы всегда звали Ма-Робертъ, т. е. мать Роберта. Тоже самое видимъ на Мадагаскарѣ, на Суматрѣ, въ Америкѣ. (Лёббокъ, 342). Уже въ этомъ принятіи родителями именъ дѣтей выражается такая же степень къ нимъ почтенія, съ какою у насъ, наоборотъ, дѣти принимаютъ фамилію отца. Но это почтеніе къ дѣтямъ идетъ иногда гораздо дальше. «Въ нѣкоторыхъ частяхъ Полинезіи сынъ считался, по своему званію, выше отца, и въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, на Маркизскихъ Островахъ и на Таити, король отказывался отъ престола, какъ скоро у него рождался сынъ, а поземельные собственники, при такихъ же обстоятельствахъ, теряли право на свою землю и становились простыми опекунами дѣтей, признававшихся настоящими владѣльцами ея». (Тамъ же, 341). На Фиджи, гдѣ господствуетъ обычай наслѣдованія по женской линіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ племянникъ играетъ роль тирана и можетъ распоряжаться собственностью дяди какъ ему угодно. «Какъ бы высоко ни стоялъ вождь, но, если у него есть племянникъ, у него есть вмѣстѣ съ тѣмъ и господинъ». Какими бы историческими условіями ни объяснялись эти необычныя для насъ отношенія, но это—факты, которые должны быть приняты въ соображеніе при оцѣнкѣ положенія дѣтей въ первобытномъ обществѣ и у современныхъ отсталыхъ народовъ. Далѣе, изслѣдователи, подбирающіе факты варварскаго обхожденія съ дѣтьми и дѣтоубійства на зарѣ нашей исторіи, въ сущности говорятъ о сравнительно позднихъ историческихъ моментахъ. Во всѣхъ приводимыхъ ими случаяхъ тираномъ и убійцей является отецъ, а безконтрольный владыка семьи—отецъ есть, какъ мы сейчасъ увидимъ, продуктъ позднѣйшей исторіи. По крайней мѣрѣ, замѣчательная работа Бахофена дѣлаетъ это въ высокой степени вѣроятнымъ. Дѣло—не въ отрицаніи тѣхъ пятенъ чистой дѣтской крови, которыми испещрена исторія человѣчества, а въ томъ, чтобы ввести въ изслѣдованіе этихъ пятенъ новый элементъ: характеръ супружескихъ и половыхъ отношеній, вообще отношеній между мужчинами и женщинами. Этими отношеніями судьба дѣтей опредѣлялась въ древнѣйшей исторіи человѣчества въ такой мѣрѣ, что послѣдняя совсѣмъ непонятна

безъ разъясненія первыхъ. А что отношенія между мужчинами и женщинами были далеко не всегда похожи на нынѣ существующія и вообще имѣютъ свою долгую и сложную исторію, въ которой брали перевѣсъ то мужчины, то женщины—это мы можемъ отчасти уже изъ обычая кувады усмотрѣть. Отецъ, чтобы быть признаннымъ отцомъ, долженъ уподобиться матери—таковъ основной смыслъ кувады. Домогались-ли отцы такого уподобленія матерямъ, или, напротивъ, были къ нему вынуждены какою нибудь стороннею силою, видѣли-ли они въ немъ священное право, или неотвратимую обязанность, но ясно, что мать занимала нѣкогда первенствующее мѣсто въ семьѣ. Только цѣною подражанія материнскимъ страданіямъ могъ отецъ стать, по крайней мѣрѣ относительно дѣтей, рядомъ съ матерью. А слѣдовательно, было и такое время, когда отецъ стоялъ ниже матери—иначе не могъ бы сложиться обычай кувады: онъ не имѣлъ бы подъ собой никакой исторической почвы. И это вполнѣ естественно, а, съ точки зрѣнія первобытнаго человѣка, кромѣ того, вполнѣ осмысленно. Права̀ и обязанности матери были начертаны на скрижаляхъ ея собственной природы съ такою ясностью, что въ нихъ не могло быть сомнѣнія. Права̀ и обязанности отца напротивъ, представляютъ продуктъ отвлеченія, совершенно не, посильнаго уму первобытнаго человѣка, тѣмъ болѣе при отсутствіи замкнутой, обособленной семьи. Если же въ послѣдующей исторіи мы видимъ первенствующимъ лицомъ въ семьѣ не мать, а отца если мы встрѣчаемъ такое презрѣніе къ материнскому элементу, что, напримѣръ, бразильскіе тупинамбосы отдаютъ своихъ женъ плѣннымъ и затѣмъ съѣдаютъ дѣтей, происходящихъ отъ этой связи, въ полной увѣренности, что это—дѣти вражескія, если мы видимъ римскую семью, состоящую изъ всемогущаго мужа-отца, окруженнаго рабами и рабынями, если мы видимъ восточнаго владыку гарема и наконецъ извѣстную степень преобладанія отца во всѣхъ классахъ европейскихъ народовъ—то все это не значитъ, что всегда такъ было. Рѣзкій контрастъ между этими формами семьи (не говоря уже о глубокихъ различіяхъ самыхъ этихъ формъ) и первобытною властью матери ставитъ только передъ нами новую задачу: прослѣдить историческую связь этихъ контрастовъ.

Конечно, эти выводы не могутъ быть правомѣрно сдѣланы изъ одного только обычая кувады, хотя уже и онъ поражаетъ своею рѣзкостью. Но дѣло въ томъ, что кувада, въ смыслѣ намека на былое первенство матери, стоитъ не одиноко въ исторіи. Къ ней примыкаетъ громадная масса фактовъ, совокупность которыхъ

побудила Бахофена признать женовластіе, гинекократію (Gynaikokratie), какъ самостоятельный историческій періодъ, слѣдующій непосредственно за періодомъ древнѣйшаго гетеризма. Съ кропотливостью типическаго нѣмецкаго эрудита, Бахофенъ собралъ и истолковалъ, въ подтвержденіе своей гипотезы, огромное количество фактовъ, и, если даже половину его соображеній признать натяжками (безъ которыхъ дѣло не обходится), такъ и то останется слишкомъ довольно резоновъ въ пользу основной мысли. Бахофенъ занятъ преимущественно истолкованіемъ греческихъ миѳовъ и книга его представляетъ едвали не первую широкую попытку связать миѳы съ формами общественныхъ отношеній. Само собою разумѣется, что здѣсь можетъ быть приведена только ничтожная доля фактическихъ аргументовъ Бахофена, а, съ другой стороны, намъ придется заимствовать кое-что и изъ другихъ источниковъ. Мы даже начнемъ съ такого заимствованія.

Вотъ какую любопытную сказку записалъ г. Каразинъ въ низовьяхъ Аму-Дарьи.

Нѣкогда существовало большое царство, въ которомъ и ханъ, и сановники, и судьи, и муллы, и джигиты были женщины. Хана-женщину звали Занай и жила она въ городѣ *Самирамѣ*, который стоялъ «не на землѣ, а высоко надъ нею, на тридцати семи тысячахъ столбовъ». Въ Самирамѣ были и мужчины, но немного, да и тѣ «сидѣли дома, взаперти, и только сакли убирали, да малыхъ дѣтей няньчили», въ то время, какъ женщины творили судъ и расправу, ходили на войну, на охоту. Изъ дѣтей, впрочемъ, мужчинамъ поручались только мальчики, а дѣвочки до извѣстнаго возраста жили всѣ въ ханскомъ дворцѣ. Новорожденныхъ дѣвочекъ оставляли всѣхъ въ живыхъ, а мальчиковъ только одного изъ ста: остальныхъ же бросали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ. Выбирала счастливаго мальчика, единаго изо ста, слѣпая старуха. Разъ эта старуха принялась горько плакать и на вопросы собравшагося народа отвѣтила предсказаніемъ, что ханъ Занай родитъ мальчика, который погубитъ бабье царство. Тогда рѣшили сына хана, какъ только онъ родится, бросить звѣрямъ на растерзаніе не въ очередь. Въ предупрежденіе же взрыва материнскихъ чувствъ, къ хану были приставлены двѣ женщины, которыя должны были смотрѣть, чтобы Занай не обманула народъ Самирама. Вотъ пришло ей время родить, и стала она молить своихъ приставницъ, чтобы скрыли отъ народа рожденіе мальчика, если таковое послѣдуетъ. Обѣщала она имъ и золота, и халатовъ цвѣтныхъ—

тѣ не поддавались. «Позволю вамъ, говорила Занай: — мужей выбирать по себѣ, не по жребію, а кого хотите; позволю вамъ у другихъ даже женъ отобрать мужей, только спасите, сберегите мнѣ мое дѣтище!» Приставницы не соглашались. Наконецъ, уже передъ самыми родами приставницы предложили хану такое условіе: «не хотимъ мы себѣ мужей изъ здѣшнихъ, а дай намъ мужей изъ тѣхъ, что внизу ѣздятъ, кому въ городъ нашъ дорога запретная, кому къ постелямъ нашимъ дороги закономъ не проложено». Занай согласилась. Народъ Самирама былъ обманутъ; Занаю подкинута дѣвочка; сынъ ея, названный *Искандеромъ,* спрятанъ, а приставницы получили, по своему желанію, мужей со стороны. Когда Искандеръ выросъ, онъ сталъ главою мужчинъ въ Самирамѣ. Скоро мужчины возмутились и потребовали у женщинъ сабель, копій, аркановъ и проч., предлагая имъ, взамѣнъ, котлы, иглы, кочерги, ложки. Началась война, окончившаяся пораженіемъ мужчинъ, потому что они были безоружны и приходилось ихъ всего по одному на сто женщинъ. Ханъ Искандеръ былъ присужденъ къ лютой казни, и именно сама Занай должна была его сначала оскопить, а потомъ содрать съ него съ живаго кожу. У Занай не поднялась рука на сына. Она призналась во всемъ народу и ударила себя въ сердце тѣмъ самымъ ножомъ, которымъ должна была казнить мятежнаго сына. Послѣдовало замѣшательство, чѣмъ и воспользовались побѣжденные-было мужчины: они подобрали брошенное женщинами со страху оружіе и стали съ тѣхъ поръ править Самирамомъ по своему. «Раздѣлили они всѣхъ женщинъ себѣ по-ровну мало было мужчинъ, а женщинъ много — всякому по сту женщинъ досталось». Съ тѣхъ поръ и пошло многоженство и порабощеніе женщинъ. («Древняя и Новая Россія» 1875, № 11 «Сказка о женскомъ ханствѣ»).

Въ послѣднее время, у насъ народилась група писателей, обладающихъ пылкою фантазіей и кое-какими свѣдѣніями о странахъ, мало у насъ извѣстныхъ, каковы Лапландія и, вообще, крайній сѣверъ Россіи, наши новыя средне-азіатскія владѣнія, Америка. Результатомъ сочетанія этихъ трехъ элементовъ, т. е. пылкой фантазіи авторовъ, обладанія ими кое-какими свѣдѣніями и малой извѣстности странъ, въ которыхъ имъ удалось побывать, является громадная масса весьма пространныхъ, но и весьма подозрительныхъ повѣствованій. Къ сожалѣнію, г. Каразинъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ этой групѣ писателей. Тѣмъ не менѣе, однако, я не затруднился привести здѣсь «сказку о женскомъ ханствѣ», потому что она разными

своими сторонами совпадаетъ съ множествомъ другихъ сказаній. Прежде всего самое имя женскаго ханства «Самирамъ» естественно приводитъ на память Семирамиду, прославленную преданіемъ въ качествѣ знаменитой воительницы и строительницы. И Самирамъ сказки о женскомъ ханствѣ отличается именно тѣмъ волшебнымъ величіемъ, какое приписывается постройкамъ Семирамиды. Далѣе, оскопленіе Искандера, хотя и не состоявшееся, напоминаетъ преданіе, что Семирамида окружала себя скопцами, чтобы не выдаваться своимъ высокимъ женскимъ голосомъ и безбородымъ лицомъ. Избіеніе мальчиковъ напоминаетъ сказаніе о томъ, что Семирамида избивала своихъ любовниковъ и насыпала надъ ихъ могилами курганы, которые и назывались холмами Семирамиды. Не лишено также интереса сравненіе Искандера, на котораго не поднялась рука у хана-женщины, съ Александромъ Македонскимъ, героическимъ побѣдителемъ Азіи, которому, по преданію, царица амазонокъ предложила себя во время одного изъ его походовъ и съ которымъ имѣла дружественныя сношенія другая царственная женщина и именно, по одному извѣстію, правнучка Семирамиды.

Но, даже оставляя въ сторонѣ совпаденіе частностей сказки о женскомъ ханствѣ съ преданіями и миѳами о Семирамидѣ, мы должны будемъ увидѣть въ ней только одинъ изъ многочисленныхъ варьянтовъ сказаній объ женскихъ царствахъ. Извѣстны классическія представленія объ амазонкахъ: это были могучія, воинственныя женщины, жившія самостоятельно, управлялись сами собой, сходились съ мужчинами лишь въ опредѣленные сроки или же держали ихъ у себя въ полномъ подчиненіи, избивали всѣхъ или почти всѣхъ родившихся у нихъ мальчиковъ. Имъ приписывалась постройка большихъ городовъ, какъ Синопъ, Смирна, Мемфисъ. Классическая древность помѣщаетъ ихъ, главнымъ образомъ, въ Средней Азіи и у Чернаго Моря. Всѣмъ греческимъ героямъ приходилось имѣть сношенія съ амазонками и большею частью, враждебныя. Съ ними сражается Беллерофонъ; Пріамъ въ Иліадѣ съ гордостью вспоминаетъ о встрѣчѣ съ «мужеподобными» амазонками; Геркулесъ похищаетъ поясъ царицы амазонокъ Ипполиты; ахейцевъ защищаетъ отъ конечнаго пораженія амазонками Ахиллъ, убивая царицу Пентезилею; Тезей похищаетъ амазонку Антіопу, и за это мстительныя воительницы подступаютъ къ самымъ Аѳинамъ, гдѣ, однако, Тезей ихъ разбиваетъ; этимъ эпизодомъ аѳиняне всегда очень гордились, приписывая амазонкамъ относительно Эллады роль въ родѣ той, которую монголы играли относительно Европы. О встрѣчахъ съ

амазонками Александра Македонскаго уже упомянуто. Другую большую группу извѣстій объ амазонкахъ дали старые путешественники въ южную Америку, гдѣ будто бы, бокъ-о-бокъ съ перувіанской цивилизаціей, удержались еще древнія женскія царства. И китайскіе хроникёры сохранили извѣстія о гинекократическихъ учрежденіяхъ. Клапротъ, на основаніи китайскихъ источниковъ, описываетъ два женскихъ царства, изъ которыхъ одно имѣло въ половинѣ VI вѣка по Р. Х. дипломатическія сношенія съ Китаемъ, затѣмъ утратило гинекократическій характеръ и, наконецъ, въ 793 году вошло въ составъ небесной имперіи. Наконецъ и славяне не остались безъ подобныхъ воспоминаній. На судѣ Любуши, кромѣ самой знаменитой княжны, присутствуютъ еще двѣ «віегласніе» дѣвицы, изъ которыхъ одна держитъ «доски правдодатне», а другая мечъ, каратель кривды. Такимъ образомъ, весь судъ и расправа оказываются въ рукахъ женщинъ. Въ лѣтописи Козьмы Пражскаго разсказывается о «дѣвичьей войнѣ». Дѣвушки построили городъ Дѣвинъ и, подъ предводительствомъ Властн, вели упорную войну съ мужчинами. Власта постановила воспитывать только дѣвочекъ, а мальчикамъ выкалывать правый глазъ и отрубать большіе пальцы. Наконецъ, мужчины побѣдили и Власта была убита.

Какъ бы ни были разукрашены фантазіей всѣ эти извѣстія, но уже самая распространенность сказокъ о женскихъ царствахъ по старому и новому свѣту показываетъ, что въ нихъ есть нѣкоторое несомнѣнное историческое зерно. Въ пользу этого говорятъ и другія соображенія. Лёббокъ относится къ выводамъ Бахофена очень скептически и даже какъ бы не рѣшается выставить на видъ самую суть ихъ; но и онъ, какъ и другіе изслѣдователи, вынужденъ признать тотъ весьма важный и очень ясный намёкъ на былое женовластіе, что въ древности, да и донынѣ, во многихъ мѣстахъ весьма распространено наслѣдованіе какъ имени, такъ и имущества и общественнаго положенія, исключительно по женской линіи. «Я допускаю, говоритъ онъ: — что утвержденіе отеческихъ правъ возрастало весьма медленно и въ зависимости отъ окружающихъ обстоятельствъ, при помощи импульсовъ естественной привязанности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признанію родства по отцу, взамѣнъ родства по матери, вѣроятно, содѣйствовало также естественное, свойственное каждому желаніе, чтобы имущество его переходило къ роднымъ его дѣтямъ. Правда, мы знаемъ немного такихъ случаевъ, какъ, напримѣръ, въ Аѳинахъ, когда о такой перемѣнѣ сохраняются ясныя воспоминанія; но намъ не трудно представить себѣ, какъ это могло

произойти, и, въ то же время, трудно допустить возможность подобнаго измѣненія въ обратномъ смыслѣ. Кромѣ того, система родства по мужской линіи является достаточно общей, если не исключительной, для всѣхъ цивилизованныхъ расъ, тогда какъ противоположная система весьма распространена среди дикарей—откуда, очевидно, вытекаетъ, что указываемая нами перемѣна, во многихъ случаяхъ, дѣйствительно, должна была имѣть мѣсто» (112). Вотъ нѣкоторые относящіеся сюда факты. По всей Африкѣ весьма распространенъ обычай престолонаслѣдія по женской линіи, т. е. вождю или королю наслѣдуетъ не его сынъ, а сынъ его сестры. Въ Индіи, во многихъ племенахъ, переходитъ такимъ же образомъ въ женскую линію имущество у простыхъ смертныхъ. У индійцевъ Гудзонова Залива дѣти носятъ имя матери, а не отца. На островахъ Дружбы, Каролинскихъ и Маріинскихъ дѣти наслѣдуютъ общественное положеніе матери, какъ бы ни было оно высоко или низко. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о власти и объ имуществѣ, а, слѣдовательно, они указываютъ на весьма яркое и, такъ сказать, вполнѣ реальное преобладаніе женщины. Какъ оно выражается въ повседневной жизни, можно отчасти видѣть изъ ливингстонова описанія семейныхъ нравовъ одного земледѣльческаго негритянскаго племени въ Африкѣ. Въ этомъ племени (Балонда), живущемъ маленькими общинами, женщины принимаютъ участіе въ общественныхъ совѣщаніяхъ; молодой человѣкъ, женясь, обязывается пожизненно снабжать мать жены дровами; женѣ предоставлено право развода, причемъ дѣтей она можетъ оставить у себя; безъ согласія жены, мужъ не можетъ вступать ни въ какія обязательства, даже самыя ничтожныя. Ливингстонъ прибавляетъ, что онъ не знаетъ случаевъ возстанія мужей, хотя деспотизмъ женъ доходитъ иногда до жестокости. Правда, что въ другихъ негритянскихъ племенахъ Ливингстонъ наблюдалъ нѣчто совершенно противоположное, именно—полнѣйшее рабство женщины. Но и это явленіе объясняетъ онъ былымъ распространеніемъ женовластія, которое повело къ тому, что мужчины стали покупать женъ и, сорвавъ ихъ этимъ способомъ, такъ-сказать, съ корня, упрочили свое преобладаніе.

Обращаясь къ древности, мы остановимся только на двухъ-трехъ примѣрахъ, чтобы имѣть возможность разсмотрѣть ихъ съ разныхъ сторонъ.

Геродотъ разсказываетъ, что ликійцы носятъ прозвище не отцовъ, а матерей, такъ что, если спросить ликійца, кто онъ такой, то онъ начнетъ перечислять свой родъ съ материнской стороны, назоветъ мать, бабку, прабабку и т. д. Если, продолжаетъ

Геродотъ, женщина благороднаго происхожденія выйдетъ за раба, то дѣти будутъ считаться благорожденными и—наоборотъ. (Припомнимъ, что Рогнѣда не хотѣла «разути рабичича», т. е. отрицала благородное происхожденіе Владиміра, имѣя въ виду родъ его матери). Другіе древніе писатели прямо говорятъ, что ликійцы издавна управлялись женщинами, что женщинамъ у нихъ воздавался бо̀льшій почетъ, чѣмъ мужчинамъ, что наслѣдство переходило у нихъ къ дочерямъ, а не къ сыновьямъ. Наконецъ, еще одна характерная черта: трауръ, скорбное почтеніе къ умершимъ должно было выражаться у ликійцевъ тѣмъ, что мужчины надѣвали женское платье. Обрядъ, какъ бы дополняющій куваду: тамъ и здѣсь, только уподобившись женщинѣ, матери, можетъ отецъ, мужчина заявить свою связь съ новорожденнымъ или съ умершимъ. Миѳъ ликійскаго героя Беллерофона пытается дать объясненіе такому женовластію и, дѣйствительно, въ связи съ другими миѳами, объясняетъ многое. Сопоставляя различные варьянты этого миѳа, мы отмѣтимъ слѣдующія черты. Въ Иліадѣ, самое появленіе Беллерофона въ Ликіи обусловливается половыми отношеніями:

Съ юношей Прета жена возжелала Антія младая
Тайной любви насладиться; но къ ищущей былъ непреклоненъ,
Чувствъ благородныхъ исполненный, Беллерофонъ непорочный.

Оскорбленная Антія клевещетъ Прету, что Беллерофонъ «насладиться любовью хотѣлъ со мной, съ нехотящей». Разгнѣванный Претъ отправляетъ юношу въ Ликію на вѣрную погибель. Тамъ герой совершаетъ рядъ подвиговъ, изъ которыхъ для насъ особенно любопытно пораженіе амазонокъ. Конецъ исторіи въ разныхъ варьянтахъ различенъ. Гомеръ кончаетъ ликійскія дѣла̀ Беллерофона мирно. Плутархъ же приводитъ два разсказа. По одному, Беллерофонъ, оскорбленный неблагодарностью ликійцевъ за избавленіе отъ страшнаго вепря, проклялъ ихъ и вымолилъ у Посейдона, чтобы тотъ пропиталъ всю почву солью. Наступилъ голодъ и запустѣніе, и только ликійскія женщины выпросили у Беллерофона помилованіе. Съ тѣхъ-то поръ, ликійцы и приняли обычай называться по матери, а не по отцу. По другому разсказу, Беллерофонъ, руководимый тѣмъ же мотивомъ, испросилъ у Посейдона безплодіе и запустѣніе ликійской земли. Богъ залилъ Ликію морскими волнами. Пока мужчины умоляли Беллерофона, онъ оставался непоколебимъ; но вотъ предъ нимъ предстали женщины и, притомъ, въ такомъ *женственномъ* видѣ, что Беллерофонъ отъ стыда удалился, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, отступило и море. Оставляя въ сторонѣ устанавливаемыя Бахофеномъ ана-

логіи между землей и женскимъ началомъ, съ одной стороны, и моремъ и мужскимъ началомъ—съ другой, мы всетаки должны признать, что въ миѳѣ Беллерофона всецѣло отразилась борьба за формы половыхъ отношеній. И борьба эта оказывается чрезвычайно сложною и разностороннею. Сперва Беллерофонъ борется съ поползновеніями Антіи, направленными на разрушеніе извѣстной формы семьи; этотъ первый эпизодъ непосредственно ведетъ къ борьбѣ съ амазонками, а, въ концѣ концовъ, торжествуетъ ликійское женовластіе.

Августиномъ сохраненъ разсказъ Варрона объ иномъ концѣ борьбы въ Аѳинахъ. Въ правленіе Кекропса случилось двойное чудо: съ разу появилось масличное дерево и родникъ воды. Дельфійскій оракулъ объяснилъ, что масличное дерево означаетъ Минерву, а вода—Нептуна, и что гражданамъ предоставляется рѣшить, въ честь кого изъ этихъ боговъ назвать свой городъ и, слѣдовательно, кого изъ нихъ выбрать своимъ покровителемъ. Народное собраніе, по тогдашнему обычаю, состояло изъ мужчинъ и женщинъ; первые вотировали за Нептуна, вторыя—за Минерву, и, такъ какъ женщинъ оказалось больше, то онѣ восторжествовали. Разгнѣванный Нептунъ затопилъ Аѳины. Тогда, для умилостивленія божества, граждане порѣшили отнять у женщинъ право голоса въ народныхъ собраніяхъ, называть дѣтей по отцовскому, а не материнскому прозвищу, и, наконецъ, запретить женщинамъ называться, по имени богини, аѳинянками. Какъ въ этомъ миѳѣ Нептунъ представляетъ мужское начало, а Минерва—женское, такъ въ «Эвменидахъ» Эсхила эти же роли распредѣляются между Аполлономъ и Аѳиной, съ одной стороны, и Эринніями съ другой. Клитемнестра убиваетъ своего мужа Агамемнона, а Орестъ, мстя за отца, убиваетъ Клитемнестру, т. е. свою мать. Эринніи обвиняютъ Ореста: онъ убилъ ту, которая «носила его подъ сердцемъ», Клитемнестра же убила только мужа, а не кровнаго родственника. Орестъ, напротивъ, отрицаетъ свою кровную связь съ матерью и отдаетъ преимущество отцовскому элементу. Такого же мнѣнія держатся Аполлонъ и Аѳина. Такимъ образомъ, Эринніи попираютъ правà отца и мужчины, выдвигая впередъ права матери и женщины, а Аполлонъ и Аѳина стоятъ столь же исключительно на сторонѣ правъ отца. При этомъ, Эринніи горько упрекаютъ ихъ, что они, «новые боги», хотятъ ниспровергнуть *старое* право.

Разсуждая съ сочувствіемъ или съ негодованіемъ о «женскомъ вопросѣ», мы, люди второй половины XIX вѣка, склонны видѣть въ немъ свое дѣтище. Именно въ качествѣ своего изобрѣтенія

мы или лелѣемъ его, или негодуемъ на него. Между тѣмъ, онъ такъ же старъ, какъ само человѣческое общество. Сѣдая древность ставила и разрѣшала его даже несравненно рѣзче и занималась имъ съ несравненно бо̀льшимъ увлеченіемъ, чѣмъ мы. Имъ насквозь пропитаны всѣ древнѣйшіе миѳы, а, слѣдовательно, и вся древнѣйшая дѣйствительность, потому что, какъ энергически выражается г. Орестъ Миллеръ, nihil est in religione quod non fuerit in vita. Надо только имѣть въ виду ту крайне грубую наивность, цѣльность и простоту, съ которою наши отдаленные предки ставили и рѣшали этотъ щекотливый вопросъ. Если разложить такъ-называемый женскій вопросъ на его простѣйшіе составные элементы, то мы найдемъ, во-первыхъ: любовь, стремленіе двухъ половинокъ человѣческаго существа соединиться въ одно цѣлое, стремленіе, встрѣчающее многоразличныя препятствія какъ въ своей собственной задачѣ, такъ и въ тѣхъ или другихъ общественныхъ условіяхъ; во-вторыхъ, конкуренцію между представителями обоихъ половъ, борьбу за кусокъ хлѣба, за независимость, за преобладаніе въ семьѣ, въ обществѣ. Эти два теченія, которыми вполнѣ опредѣляются всѣ перипетіи женскаго вопроса, суть теченія встрѣчныя, противоположныя, потому что одно стремится слить то, что̀ другое стремится разъединить. Любовь уживается здѣсь бо̀къ-о-бокъ съ враждой. Такъ какъ половыя отношенія образуютъ первую форму борьбы за индивидуальность въ человѣческомъ обществѣ, при появленіи своемъ мало или вовсе не осложненную другими формами, то наши далекіе предки естественно очень занимались указаннымъ противорѣчіемъ. Они ставили его, такъ сказать, ребромъ. Козьма Пражскій, напримѣръ, чрезвычайно поэтически описываетъ трехдневное перемиріе во время «дѣвичьей войны»: обѣ враждующія стороны, дравшіяся съ ожесточеніемъ, выкалывавшія другъ у друга глаза и отрубавшія пальцы, сходятся на пиршествѣ, которое оканчивается совершенно оргіастическимъ праздникомъ любви. Кровавая распря Тезея съ амазонками тоже заканчивается любовью. Самая любовь, какъ слитіе двухъ враждебныхъ и вмѣстѣ необходимыхъ другъ другу половинокъ, представлялась во многихъ греческихъ и средне-азіатскихъ культурахъ и миѳахъ чрезвычайно образно. Въ Фокидѣ существовалъ храмъ Геркулеса подъ характеристическимъ названіемъ Геркулеса-Мизогина, т. е. женоненавистника. (Любопытно, что, по объясненію г. Воеводскаго, имя Деяниры, жены и виновницы смерти Геркулеса, значитъ «раздирающая мужей»). Дѣйствительно, Бахофенъ собралъ много чертъ борьбы Геркулеса съ женскимъ началомъ. Но вотъ герой стал-

кивается съ Омфалой, и любовь ихъ выражается переодѣваніемъ и обмѣномъ образа жизни. Омфала надѣваетъ на страшнаго полубога прозрачное розовое женское платье и сажаетъ его за прялку, а сама беретъ лукъ, колчанъ, львиную шкуру и палицу Празднества Сандона, Астарты, Цибелы сопровождались переодѣваніемъ мужчинъ въ женское платье и наоборотъ. Наконецъ, въ личностяхъ божествъ слитіе достигало окончательной ступени: многія божества изображались болѣе или менѣе гермафродитами. Такъ, напримѣръ, сирійская Афродита или Асторта изображалась на Кипрѣ съ бородой и съ еще болѣе ясными признаками мужественности. Дункеръ, въ своей Geschichte des Alterthums, нерѣдко обращаетъ вниманіе на замѣчательный фактъ слитія парныхъ боговъ и богинь въ одно двуполое цѣлое. «Такимъ образомъ, говоритъ онъ: — должно было выражаться соединеніе мужскаго и женскаго начала въ высшую силу природы, въ единое божественное существо» (I, 257, 297 и др. 2 изд.). Такое полное примиреніе возможно было, однако, только въ пылкомъ полетѣ фантазіи, въ высочайшемъ идеалѣ, и потому на землѣ борьба за индивидуальность шла своимъ чередомъ, склоняя чашки вѣсовъ побѣды то на одну, то на другую сторону. Грубо наивная древность была до такой степени заинтересована этой борьбой, что фаллусъ былъ для нея какъ бы знаменемъ мужчины, священнымъ символомъ его личныхъ, семейныхъ, общественныхъ правъ и притязаній, а ктеисъ—такимъ же знаменемъ женщины. Древніе миѳы и культы, обряды и обычаи многихъ нынѣ живущихъ народовъ представляются съ точки зрѣнія европейскаго цивилизованнаго человѣка исполненными крайняго безстыдства и безнравственности. Напримѣръ, описывая любопытный праздникъ сбора плодовъ ямса на Золотомъ Берегу, Рейхеновъ говоритъ, что онъ сопровождается «скандаломъ въ самомъ рѣзкомъ смыслѣ этого слова», пошлостями, безстыдствомъ и проч. (Zeitschrift für Ethnologie, 1873, Heft II, письмо къ Бастіану). Конечно, еслибы мы стали продѣлывать что-нибудь въ родѣ описываемаго Рейхеновомъ, такъ это былъ бы и скандалъ, и пошлость, и безстыдство, какъ была бы съ нашей стороны безсмысленной и пошлой комедіей кувада. Но для первобытнаго человѣка она—не праздное развлеченіе, а великое, торжественное дѣло, съ которымъ связана вся его исторія. Мы устраиваемъ свои половыя отношенія по возможности въ сторонѣ отъ другихъ нашихъ дѣлъ и независимо отъ нихъ, и въ этой-то ихъ обособленности и, такъ-сказать, обнаженности лежитъ вполнѣ естественная причина стыдливаго молчанія, которымъ мы ихъ окружаемъ.

Первобытный человѣкъ этой обособленности не знаетъ. Онъ распространяетъ идею любви, брака и плодородія даже на внѣшнюю природу. Упомянутый праздникъ негровъ Золотаго Берега напоминаетъ нѣкоторыми своими чертами многія древнія торжества и въ томъ числѣ наши похороны Ярилы. Похороны эти совершались въ ознаменованіе прекращенія дѣйствія лѣтняго солнечнаго (землю оплодотворяющаго) тепла. При этомъ, чучело, которое хоронили, изображалось съ огромнымъ фаллусомъ. Женщины плакали, причитали и пѣли, съ нашей точки зрѣнія, совершенно безстыдныя пѣсни. (Одна изъ нихъ приведена недавно, въ смягченномъ видѣ, г. Печерскимъ, «Въ лѣсахъ», IV, 131). Сравнительная миѳологія давно уже установила многочисленныя параллели между различными перипетіями половыхъ отношеній и явленіями грозы, грома, молніи, дождя. Если, такимъ образомъ, даже процессы внѣшней природы сближались и прямо отождествлялись съ половымъ процессомъ, то тѣмъ болѣе вправѣ мы ожидать сближенія явленій половой жизни съ отношеніями гражданскими, общественными, что̀ для насъ здѣсь особенно важно. И дѣйствительно, такія сближенія встрѣчаются, можно сказать, на каждомъ шагу. При самомъ началѣ вереницы греческихъ боговъ, мы видимъ Крона, оскопляющаго (по наущенію матери) своего отца Урана и овладѣвающаго его престоломъ, и затѣмъ—Зевса, низвергающаго своего отца Крона и берущаго себѣ въ жены его жену, т. е. свою мать Рею. Обѣ эти революціи, слѣдовательно, самымъ тѣснымъ образомъ соприкасаются съ явленіями половой жизни и находятъ себѣ въ нихъ и завершеніе и символъ. Новый богъ, новый владыка безсмертныхъ и смертныхъ въ одномъ случаѣ лишаетъ стараго нетолько власти, а и половой жизни, въ другомъ — овладѣваетъ, вмѣстѣ съ престоломъ, женой стараго владыки, т. е. принимаетъ на себя его половыя отношенія. Говоря мимоходомъ объ этихъ самыхъ эпизодахъ, г. Воеводскій замѣчаетъ: «Слѣдуетъ только вспомнить, какую важную роль игралъ дѣторродный членъ во всѣхъ древнихъ культахъ. Оскопить человѣка значило лишить его символа власти и жизни» (295). Ясно, что половой процессъ и возникающія изъ него отношенія, сплетаясь съ различными нравственно-политическими элементами, проникая ихъ и, въ то же время, проникаясь ими, не могли имѣть остраго «скандальнаго» характера. Совпаденіе строго-легальной чистоты семейныхъ отношеній, даже нѣсколько аскетическаго пошиба, съ грубо наглядными формами культа поражаетъ, напримѣръ, въ празднествахъ въ честь Деметры, богини, прямо противоположной, по своему характеру, рас-

пущенной Афродитѣ. Въ тесмофоріяхъ, какъ назывались эти празднества, принимали главное и почти исключительное участіе женщины (мужчинамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже подъ страхомъ смерти воспрещалось проникать въ храмъ), и притомъ женщины, родившіяся въ законномъ бракѣ и состоящія въ таковомъ же; да и тѣ должны были, приготовляясь къ празднику, воздерживаться извѣстное время отъ половыхъ сношеній. (Maury. Histoire des religions de la Grèce antique, II, 223 и слѣд.). А между тѣмъ, въ тесмофоріяхъ играло существенную роль изображеніе ктеисъ. Ясно, что эротическій элементъ расплывался здѣсь въ чемъ-то гораздо болѣе широкомъ.

Что́ же это такое было, это широкое? Послѣ всего предъидущаго мы, кажется, имѣемъ уже право отвѣтить: борьба мужскаго и женскаго началъ, борьба не только личная, а и общественная, поднятая напряженіемъ исторіи до религіозной высоты. Совершенно независимо отъ групъ сословныхъ, племенныхъ, національныхъ и другихъ высшихъ общественныхъ индивидуальностей и раньше ихъ слагалась индивидуальность семейная, а въ ней бились, какъ птицы въ клѣткѣ, двѣ половинки человѣческой индивидуальности, безповоротно разрѣзанныя тысячелѣтнимъ процессомъ природы. Я прошу читателя обратить вниманіе, что это не есть дарвинова борьба за существованіе, хотя и она играла въ занимающихъ насъ отношеніяхъ свою подчиненную роль. Обѣ половины человѣческаго существа боролись именно за индивидуальность, обѣ стремились обратиться изъ половинокъ въ нѣчто цѣлое, т. е. совмѣстить въ себѣ весь жизненный трудъ, требуемый наличными условіями, и все, сопряженное съ нимъ наслажденіе. Временное удовлетвореніе это стремленіе получало, какъ получаетъ и теперь, въ любви; но, такъ какъ затѣмъ на лицо оставались все-таки только двѣ половины, а не что нибудь единое и цѣлое, то каждая изъ нихъ искала иныхъ путей. Въ безумномъ порывѣ мечты эти поиски создавали двуполые образы божествъ, а въ дѣйствительности заставляли то женщину обращаться въ «мужеподобную» амазонку, то мужчину подражать въ кувадѣ му́камъ родильницы. Если мы видимъ многочисленныя отклоненія отъ этого органическаго стремленія къ цѣлости и единству, къ индивидуальности; если мы видимъ, напримѣръ, стремленіе мужчинъ и женщинъ строго распредѣлить между собой необходимый жизненный трудъ, причемъ каждая сторона норовитъ навалить на другую какъ можно больше, то это—результатъ наростанія и укрѣпленія индивидуальности общественной, главнымъ образомъ—семейной. Индивидъ, въ тѣс-

номъ смыслѣ слова, пока онъ не покоренъ высшею индивидуальностью, жаденъ до послѣдней степени и не только неохотно уступаетъ другому какую нибудь функцію своего организма, но стремится захватить и чужія функціи. Въ позднѣйшихъ формахъ борьбы за индивидуальность мы увидимъ это подробнѣе. Но, собственно по яркости и наглядности этой жадности, мы не увидимъ уже ничего столь поразительнаго, какъ представленные факты борьбы мужского и женскаго начала.

Я долженъ напомнить читателю то различіе двухъ основныхъ формъ эгоизма, которое я пытался установить во вступительномъ очеркѣ. «Мы знаемъ, превосходно говоритъ одинъ нѣмецкій писатель:—что многіе органы излишни для жизни, но мы не знаемъ всѣхъ органовъ, которые *должны* быть сохранены для безпрерывнаго продолженія жизни. Случалось, что человѣкъ оставался живъ послѣ ампутаціи обѣихъ рукъ и обѣихъ ногъ. Тѣмъ не менѣе, конечности необходимы для сохраненія жизни, потому что, въ этомъ случаѣ, человѣкъ могъ оставаться въ живыхъ, только пользуясь руками и ногами другихъ людей» (Прейеръ, «Изслѣдованіе жизни» въ «Знаніи» 1873, № 4). Но не однѣ жертвы хирургическихъ операцій могутъ жить только потому, что у другихъ есть руки и ноги. Существуетъ даже мнѣніе, что человѣкъ, по самымъ основнымъ свойствамъ своей природы, склоненъ къ такому положенію, т. е. къ возможности жить только благодаря тому, что у другихъ людей есть руки и ноги. Эту-то предполагаемую основную склонность человѣка психологи, моралисты, экономисты называютъ эгоизмомъ. Неспорно, что всѣ ихъ теоріи имѣютъ широкое фактическое основаніе: не мало на свѣтѣ людей, уподобляющихся паразиту, постепенно съуживающему формулу своей жизни, остающемуся, наконецъ, безъ конечностей, безъ органа зрѣнія и превращающемуся въ пищеварительно-половой инструментъ. Неспорно, что склонность къ паразитизму есть склонность эгоистическая. Но все-таки это—только извѣстная, хотя и широко распространенная форма эгоизма. Существуетъ и другая, когда человѣкъ стремится, напротивъ, расширять свою формулу жизни, вводить въ нее все новые и новые элементы, обнимать все бо́льшій и бо́льшій кругъ наслажденій, а, слѣдовательно. и дѣятельности. Первая форма даетъ начало борьбѣ за существованіе, вторая—борьбѣ за индивидуальность. Результатъ борьбы за существованіе есть приспособленіе къ исторически данной общественной средѣ. Результатъ борьбы за индивидуальность—обратный: приспособленіе среды. Дана, положимъ, вышеупомянутая семья бразильскихъ тупинабмосовъ.

Роли индивидовъ распредѣлены вполнѣ ясно: мужъ—грубый воинъ-людоѣдъ, ничего, кромѣ войны, не знающій и въ свободное отъ этого занятія время ровно ничего не дѣлающій; жена—покорное вьючное животное, исполняющее всѣ хозяйственныя обязанности, рожающее дѣтей, но лично не имѣющее на нихъ никакихъ правъ; ея дѣти могутъ быть совершенно правомѣрно съѣдены, если они прижиты не отъ ея суроваго владыки, а рожать такихъ обреченныхъ на убой дѣтей она, опять-таки, обязана по требованію все того же владыки. Такъ сложилась исторически эта форма семьи. Пусть несчастное созданіе, исправляющее въ этой семьѣ обязанности жены и матери, борется за существованіе, т. е. за пространство, за воздухъ, метафорически выражаясь, за кусокъ хлѣба, а, въ дѣйствительности, этотъ кусокъ можетъ иногда оказаться обглоданною костью ея собственнаго дѣтища. Въ результатѣ получится болѣе или менѣе полное приспособленіе къ данной семейной средѣ. Среда эта укрѣпится, а формула жизни жены-матери сократится. То же самое и относительно самого владыки, несмотря на его привилегированное положеніе. Но пусть эти люди борятся не за существованіе, а за индивидуальность, за расширеніе своего *я*; пусть только, напримѣръ, женщина добивается признанія *своихъ* дѣтей *своими* и, слѣдовательно, не подлежащими съѣденію. Въ результатѣ получится или, по крайней мѣрѣ, можетъ получиться измѣненіе среды, ея приспособленіе къ требованіямъ индивида въ тѣсномъ смыслѣ слова. Несмотря, однако, на эту глубокую разницу между борьбой за существованіе и борьбой за индивидуальность, они, съ извѣстной точки зрѣнія, могутъ переходить одна въ другую. Мы условились принимать цѣлую градацію индивидуальностей, въ которой индивидъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, человѣкъ, личность, составляетъ только одно изъ звеньевъ, хотя самое для насъ дорогое и даже единственно дорогое и близкое. Поэтому и борьба за существованіе можетъ быть разсматриваема, какъ частный случай борьбы за индивидуальность—тотъ именно случай, когда активнымъ, борющимся и побѣждающимъ началомъ является высшая, общественная индивидуальность, въ области занимающихъ насъ теперь явленій—семейная. Естественное дѣло, что, пока эта высшая индивидуальность еще не окрѣпла, не развилась, не налегла всею своею тяжестью на человѣка, не было и поводовъ къ ней приспособляться. Эгоизмъ, въ ту отдаленную пору, долженъ былъ направляться и дѣйствительно направлялся главнымъ образомъ на расширеніе личности, на захватъ все бо̀льшаго и бо̀льшаго круга наслажденій и дѣятельности, хотя бы

этотъ захватъ даже сопровождался нѣкоторыми частными лишеніями и страданіями. Мы видѣли тому по истинѣ поразительные примѣры въ кувадѣ, въ которой наивный дикарь мечтаетъ принять на себя даже трудъ родовъ; въ попыткахъ женщины стать «мужеподобною», оставаясь женщиной.

Что касается до перипетій этой удивительной борьбы, то они наиболѣе изслѣдованы Бахофеномъ. Вотъ, въ общихъ чертахъ, результаты, къ которымъ онъ пришелъ. За періодомъ гетеризма, безразличнаго смѣшенія половъ, слѣдовалъ періодъ женовластія, и именно—въ видѣ преобладанія матери. Женщина, какъ существо болѣе слабое и на которое, поэтому, первобытный гетеризмъ ложился тяжелымъ бременемъ, первая возстала противъ господствовавшаго звѣрообразнаго порядка. Но возстать она могла только въ качествѣ матери и, слѣдовательно, съ помощью дѣтей, которыя были къ ней естественно ближе, чѣмъ къ отцу, даже если онъ былъ извѣстенъ. (Наглядное выраженіе этого переворота даютъ вышеупомянутые миѳы Крона и Зевса, низвергающихъ, въ союзѣ съ матерями, своихъ отцовъ). Такимъ образомъ, женщина, родившая и вскормившая дѣтей, мать кладетъ основаніе семьѣ и становится во главѣ ея. Отсюда—наслѣдованіе по женской линіи. Но на этомъ не могъ остановиться потокъ женовластія. Женщина получаетъ преобладающій голосъ въ собраніяхъ семей, т. е. въ народныхъ собраніяхъ, въ гражданской и политической жизни. Мужчина, съ своей стороны, стремится захватить права и обязанности матери. Въ этой борьбѣ выдвигаются амазонки, существованіе которыхъ Бахофенъ считаетъ несомнѣннымъ и появленіе которыхъ на аренѣ исторіи онъ признаётъ вырожденіемъ, извращеніемъ женской природы и частнымъ возвращеніемъ къ первобытному гетеризму. Наконецъ, побѣждаетъ мужчина, и семья поднимается на высшую ступень, ступень духовной, болѣе отвлеченной связи отца съ дѣтьми, въ противоположность ясно физической связи матери съ дѣтьми.

Я обращаю вниманіе читателя только на фактическую сторону изслѣдованія Бахофена, а не на его субъективныя мнѣнія, совершенно, впрочемъ, тонущія въ громадной массѣ истолкованныхъ имъ историческихъ фактовъ и миѳическихъ сказаній. Исходя изъ того принципа, что въ миѳахъ отразилась, съ извѣстнымъ, разумѣется, преломленіемъ, дѣйствительная исторія, Бахофенъ даетъ, напримѣръ, миѳу Беллерофона такой видъ: герой имѣетъ цѣлью установить высшій и исторически позднѣйшій типъ семьи съ преобладаніемъ отца, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, преобладаніе мужчины въ гражданской политической жизни; но ему удается только

половина задачи: амазонокъ, это извращеніе женской природы и возвращеніе къ первобытному гетеризму, онъ побѣдилъ, но отступилъ передъ ликійскими матерями, представшими ему въ самомъ *женственномъ* видѣ, такъ сказать, съ знаменемъ материнства. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ, главныхъ контуровъ женовластія, сохранившихся кое-гдѣ, какъ мы видѣли, и донынѣ въ видѣ слабыхъ остатковъ, Бахофенъ пытается еще возстановить нѣкоторыя второстепенныя черты этой формы общежитія. Нельзя, къ сожалѣнію, сказать, чтобы всѣ эти его попытки были удачны. Такъ, онъ желаетъ, напримѣръ, опредѣлить отношеніе кастоваго строя Египта къ женовластію, которое, по показанію древнихъ писателей, было таково, что всѣ высшія должности были въ Египтѣ заняты женщинами, а домашнее хозяйство предоставлялось мужчинамъ. Однако, изъ этого желанія не вышло ничего, кромѣ нѣкоторой путаницы (стр. 103 и др.). Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать справедливою слѣдующую основную мысль Бахофена. Если вѣрно—а въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться—что женщина, и именно въ качествѣ матери, играла нѣкогда такую выдающуюся роль, какъ думаетъ нашъ авторъ и какъ отчасти могъ видѣть читатель изъ предъидущаго, то эта черта должна была самымъ рѣшительнымъ образомъ отразиться на всемъ строѣ цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдующее время съ понятіемъ женщины сочеталось представленіе чего-то по существу подчиненнаго, низкаго, грязнаго, а актъ дѣторожденія и всѣ связанныя съ нимъ явленія, столь нѣкогда священныя, представлялись требующими особеннаго искупленія и очищенія. Это—такой крупный переворотъ, подобнаго которому исторія можетъ быть не представляетъ. А, между тѣмъ, передъ нимъ должны стать въ тупикъ или, по крайней мѣрѣ, отмѣтить его, какъ фактъ, не подлежащій дальнѣйшему объясненію, люди, привыкшіе видѣть центръ тяжести исторіи въ умственномъ развитіи. Книга Бахофена тѣмъ именно намъ и дорога, что признаётъ такимъ центромъ отношенія общественныя и уже изъ него ведетъ радіусы къ системѣ вѣрованій и понятій. И оттого-то мы встрѣчаемъ у него такіе блистающіе свѣжестью и оригинальностью выводы. Въ цитированной уже выше статьѣ Прейеръ дѣлаетъ слѣдующее остроумное замѣчаніе: «Преобладающее направленіе умовъ нашего столѣтія можно назвать по преимуществу механическимъ. Съ одной стороны, никогда еще не тратилось такъ много умственныхъ силъ на сооруженіе машинъ, сберегающихъ и замѣняющихъ человѣческія руки и мозгъ, на изысканіе средствъ для капитализаціи и распредѣленія простран-

ства и времени; съ другой стороны, попытки объяснить чисто механическимъ путемъ всѣ явленія, въ особенности, самыя сложныя изъ нихъ—явленія жизни—никогда еще не были такъ распространены, какъ въ настоящее время. *Второе, быть можетъ, есть послѣдствіе перваго. Удивлялись, что умъ человѣческій, посредствомъ механическихъ приспособленій, могъ подчинить себѣ природу, и, такимъ образомъ, матеріальные успѣхи какъ бы навели на успѣхи интеллектуальные».* Я ни малѣйше не сомнѣваюсь, что въ этомъ смѣломъ, хотя и брошенномъ мимоходомъ предположеніи лежитъ зерно правды. Что явленія умственной жизни тѣсно связаны съ фактами общественныхъ отношеній—это никѣмъ, кажется, не отрицается. Но обыкновенно эту связь представляютъ себѣ такъ, что извѣстныя вѣрованія, успѣхи философіи, науки, литературы производятъ давленіе на общественную жизнь. На самомъ же дѣлѣ, это давленіе ничтожно сравнительно съ толчкомъ, который дается умственной жизни формами общежитія. Неспорно, что дарвинизмъ, напримѣръ, извѣстнымъ образомъ отражается въ общественной жизни, расшатывая одни мнѣнія и чувства и укрѣпляя другія. Но самъ дарвинизмъ могъ явиться только въ наше время, не потому только, что для такой групировки біологическихъ явленій недоставало до нынѣ матеріаловъ (что даже и не совсѣмъ вѣрно), а, главнымъ образомъ, потому, что наше время есть время вящшаго торжества въ обществѣ дарвиновыхъ принциповъ борьбы за существованіе, расхожденія признаковъ и приспособленія. Какъ ни парадоксаленъ можетъ показаться на первый взглядъ этотъ принципъ, который я теперь защищать во всемъ его объемѣ не могу, но несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ относительно вѣрованій онъ скоро станетъ азбучной истиной. (См. часто упоминаемую книгу г. Воеводскаго). А если такъ, то, конечно рѣзкая разница во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ половъ должна имѣть своимъ послѣдствіемъ столь же рѣзкую разницу міросозерцаній. И Бахофенъ кое-что сдѣлалъ для опредѣленія этой разницы. Не говоря объ общемъ характерѣ его изслѣдованія, цѣликомъ направленнаго къ тому, чтобы сопоставленіемъ миѳовъ и историческихъ данныхъ, такъ сказать, вынудить у первыхъ ихъ общественный смыслъ, онъ остроумно связалъ нѣкоторыя вѣрованія съ обыденными житейскими дѣлами собственно для характеристики періода женовластія. Наибольше онъ напираетъ на преобладаніе въ этомъ періодѣ луны, ночи и лѣвой руки надъ солнцемъ, днемъ и правой рукой, которые выдвинулись на первый планъ только съ тѣхъ поръ, какъ первенствующимъ лицомъ въ семьѣ

и обществѣ сталъ мужчина. Связь луны съ женскими божествами и солнца съ мужскими до извѣстной степени, кажется, общепризнана въ наукѣ. Относящіяся сюда миѳологическія данныя Бахофенъ сопоставляетъ съ рядомъ свидѣтельствъ о странномъ предпочтеніи ночи сравнительно съ днемъ у народовъ, гинекократическій характеръ которыхъ можетъ быть дознанъ. Предпочтеніе это выражалось въ выборѣ ночи для сраженій, для всякаго рода сходокъ и собраній, для религіозныхъ церемоній, для отправленія правосудія, въ счисленіи времени ночами, а не днями и т. п. Положенія эти являются у Бахофена не только плодами теоретическихъ соображеній: они, напротивъ, даже до безпорядочности завалены грудой фактическаго матеріала. Факты сведены у него такъ, что отдаленная древность является какъ бы насквозь пропитанною идеею тѣснѣйшаго родства между женскимъ элементомъ, луною, ночью и, наконецъ, лѣвой рукой. Изо всѣхъ этихъ чертъ я могу и долженъ нѣсколько подробнѣе остановиться только на послѣдней, т. е. на преобладаніи лѣвой руки надъ правой.

Авторъ статьи «Физическій трудъ» (Отеч. Зап. № 2) напомнилъ взгляды Биша на значеніе неравномѣрной дѣятельности и неравномѣрнаго развитія парныхъ симетричныхъ ѳрлановъ, главнымъ образомъ—правой и лѣвой рукъ. Биша полагалъ, что эта неравномѣрность, именно превосходство всей правой стороны нашего организма, не есть что-нибудь враждебное, обусловленное самою природою ѳрлановъ; что, несмотря на нѣкоторыя дѣйствительныя различія правой и лѣвой стороны, «мы всегда будемъ вправѣ сказать, что это неравенство вызывается общественными требованіями, а природа предназначала обѣ половины къ согласному дѣйствію» («Физіологическія изслѣдованія о жизни и смерти», пер. Бибикова, 25). Затѣмъ, несогласное дѣйствіе обѣихъ половинъ Биша признаетъ источникомъ различныхъ несовершенствъ. Напримѣръ, фальшивый голосъ (если онъ не зависитъ отъ недостатка слуха) обусловливается несогласіемъ обѣихъ симетрическихъ половинъ гортани, неравною силою мускуловъ, двигающихъ голосовыя пластинки, неравною дѣятельностью соотвѣтственныхъ нервовъ и т. д. Неравномѣрная дѣятельность обоихъ мозговыхъ полушарій ведетъ къ умственному ослабленію и разстройству. Почтенный авторъ статьи «Физическій трудъ» еще рѣзче подчеркиваетъ этотъ выводъ. Я полагаю, что онъ вполнѣ правъ. Но еслибы мы захотѣли обратиться по этому вопросу къ признанной, авторитетной наукѣ, то получили бы очень немного указаній. Въ берлинскомъ антропологическомъ обществѣ (Gesellschaft

für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte) происходили въ 1873 г. пренія по вопросу объ употребленіи правой и лѣвой руки. Въ преніяхъ участвовалъ Вирховъ—авторитэтъ достаточно громкій. Онъ выразилъ мнѣніе, что преимущественное употребленіе правой руки, повидимому, предопредѣлено особенностями нашей организаціи, но, при этомъ, сослался на два спеціальныя сочиненія — одно 1847 года, а другое даже 1807-го! Далѣе, въ исторической части преній никто не упомянулъ ни единымъ словомъ о Бахофенѣ, хотя книга его вышла еще въ 1861 году. О Биша также не было сказано ни слова. Можетъ быть, вопросъ объ употребленіи правой и лѣвой руки слишкомъ мелокъ для того, чтобы привлечь къ себѣ серьёзное вниманіе науки? Отъ опроверженія этой мысли я избавленъ упомянутой статьей нашего уважаемаго сотрудника, въ которой вопросъ поставленъ во всей его для многихъ, можетъ быть, неожиданной глубинѣ.

Пренія въ берлинскомъ антропологическомъ обществѣ были вызваны рефератомъ Мейера. Мейеръ не думаетъ, чтобы предпочтеніе правой руки опредѣлялось свойствами наше организаціи, потому что естественная разница между правой и лѣвой сторонами слишкомъ ничтожна для такого рѣшительнаго предпочтенія. Не думаетъ онъ также (какъ думалъ Биша), что человѣкъ выбралъ правую руку просто потому, что надо же было которую нибудь выбрать. Биша думалъ, что для согласованія своихъ дѣйствій въ сраженіи люди условились держать наступательное оружіе въ правой рукѣ, а также производить всѣ общеупотребительныя движенія слѣва направо, чтò сподручнѣе дѣлать правой рукой. Но Мейеръ полагаетъ, что эти явленія не могутъ быть признаны коренными, потому что въ нихъ уже выразилось преобладаніе правой стороны. Преобладаніе—самое рѣшительное. Если мы обратимся къ изображеніямъ боговъ, то увидимъ, что они держатъ символы своей власти, Зевсъ — молнію, Посейдонъ—трезубецъ, Геркулесъ—палицу и проч., всегда въ правой рукѣ. Правую руку суетъ въ огонь Муцій-Сцевола; правой рукою здороваются еще гомеровскіе герои; правою рукой караютъ и милуютъ боги, благословляютъ жрецы, судятъ судьи, царствуютъ цари; слѣва направо (по нашему, «пòсолонь») происходятъ, съ древнѣйшихъ временъ, религіозныя церемоніи, угощеніе гостей и т. д. Далѣе, во всѣхъ почти языкахъ названіе правой стороны синонимируется съ названіями привлекательныхъ умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ качествъ— честности, прямоты, ловкости, справедливости (droit, adroit, dex-

térité; dexter; правый, правда, право; Recht, rechtlich и проч.) Наоборотъ: названіе лѣвой руки въ языкахъ: латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, готскомъ, кимврскомъ, венгерскомъ, итальянскомъ, и проч. и проч. связывается съ понятіемъ слабаго, несчастнаго, неспособнаго, неловкаго, несвободнаго, рабскаго. Словомъ, всегда и вездѣ правая рука противопоставляется лѣвой съ такою же рѣзкостью, какъ добро злу, правда неправдѣ, свѣтъ мраку. Объясненія такого всеобщаго и рѣзкаго противопоставленія должно, по мнѣнію Мейера, искать въ какомъ-нибудь постоянномъ и важномъ для людей явленіи природы — и именно въ восходѣ и заходѣ солнца. Для первобытнаго человѣка, сами по себѣ, правая и лѣвая сторона столь же безразличны, какъ и для животныхъ. Но, съ ростомъ сознанія, человѣкъ, наконецъ, остановилъ свое вниманіе на появленіи изъ ночного мрака солнца и на движеніи его вправо къ югу, послѣ чего оно исчезаетъ на западѣ. Это были первыя постоянныя, изо дня въ день повторяющіяся явленія, къ которымъ человѣкъ могъ пріурочить разъ навсегда понятія «впередъ», «назадъ», «право», «лѣво», вообще—прочныя, опредѣленныя понятія четырехъ различныхъ направленій. А, слѣдовательно, уже при самомъ зарожденіи своемъ, эти понятія должны были связаться съ противоположеніемъ свѣта и мрака и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добра и зла, потому что мракъ ночи сопровождался сравнительною безпомощностью, страхомъ звѣрей и проч. Затѣмъ, вся эта група представленій освятилась религіознымъ элементомъ: божество, свѣтъ, благо отошли вправо, «пбсолонь» (это русское слово, въ самомъ дѣлѣ, подтверждаетъ соображенія Мейера), а демонъ, мракъ, зло—влѣво. Я не буду утомлять читателя фактическими доказательствами, представленными Мейеромъ въ пользу своего объясненія, хотя они собственно занимаютъ не много мѣста и сводятся къ обычаямъ обращаться въ молитвѣ на востокъ и на западъ и къ нѣкоторымъ филологическимъ сближеніямъ. Мейеръ закончилъ свой рефератъ воспоминаніемъ о нѣмецкомъ патріотѣ, демократѣ и основателѣ гимнастическихъ обществъ, Янѣ, который сильно возставалъ противъ «неестественной однорукости», т. е. преобладанія правой руки. Мейеръ не согласенъ съ Яномъ. Онъ допускаетъ, что «двурукость», равномѣрное развитіе правой и лѣвой руки, имѣла бы свои выгоды. Но думаетъ, что выгоды эти ничтожны сравнительно съ великимъ значеніемъ полярной противоположности добра и зла, которая порождена и поддерживается преобладаніемъ правой руки надъ лѣвой. «Упрекъ въ неестественности, говоритъ онъ:—опровергает-

ся соображеніемъ о томъ, что двухсторонность была нѣкогда намъ присуща наравнѣ съ животными и растеніями, но, повинуясь естественному закону развитія, мы должны, нетолько инстинктивно, а и сознательно подняться на высшую ступень надъ животнымъ міромъ. Конечно, не затѣмъ вѣчная природа обратила нашу голову къ небу, не затѣмъ научила она насъ всѣмъ міровымъ строемъ великому противоположенію добра и зла, чтобы мы теперь опять утратили его смыслъ изъ-за чисто тѣлесной цѣлесообразности и животной двухсторонности; а затѣмъ, чтобы дать намъ руль въ буряхъ нашего духовнаго развитія и крылья для полета изъ конечнаго въ безконечное». (Verhandlungen der berl. Gesellschaft etc. 1873, Sitzung v. 25 Januar).

Безъ сомнѣнія, этотъ заключительный ораторскій фокусъ референта, есть величайшая пошлость, хотя бы уже потому, что люди научились различать добро и зло по очень многимъ причинамъ, а нетолько потому, что комбинація обстоятельствъ освятила для нихъ правую руку. Тѣмъ болѣе нелѣпо ожидать паденія полярной противоположности добра и зла отъ замѣны «однорукости» «двурукостью». Полярности добра и зла двурукость, конечно, не угрожаетъ; но самыя понятія о добрѣ, какъ и о злѣ, должны будутъ потерпѣть отъ ея введенія, вѣроятно, довольно значительныя измѣненія. Точно также вправѣ мы ожидать, что преобладаніе лѣвой руки, если таковое нѣкогда было, должно было существеннымъ образомъ отражаться на весьма различныхъ сторонахъ жизни, равно какъ, впослѣдствіи, противоположная однорукость. Въ этомъ и состоитъ мысль Бахофена. Читатель не долженъ забывать, что однорукость сама въ себѣ не разрѣшается, что она ведетъ къ преобладанію всей соотвѣтствующей стороны тѣла, значитъ, и мускуловъ, и нервовъ, и органовъ чувствъ и мозговаго полушарія.

Изъ всѣхъ замѣчаній, вызванныхъ рефератомъ Мейера, заслуживаетъ вниманія только одно. Именно, Сименсъ замѣтилъ, что, если референтъ правъ, то во всякомъ случаѣ, только относительно жителей сѣвернаго полушарія; въ южномъ же полушаріи, допуская вѣрность основного принципа референта, лѣвая рука должна бы была преобладать, такъ какъ тамъ видимое движеніе солнца происходитъ справа налѣво, и любопытно бы было провѣрить это обстоятельство на обычаяхъ туземцевъ южнаго полушарія. На это Мейеръ отвѣтилъ, отчасти ни къ селу, ни къ городу, что человѣческая цивилизація сосредоточена преимущественно въ сѣверномъ полушаріи. Бастіанъ подтвердилъ основательность замѣчанія Сименса, но, такъ какъ подъ рукой не

оказалось нужныхъ для разъясненія недоразумѣнія свѣдѣній, то тѣмъ дѣло и кончилось. Еслибы въ собраніи присутствовалъ Бахофенъ, пренія были бы, вѣроятно, несравненно продолжительнѣе. Самъ Мейеръ намекаетъ на существованіе нѣкоторыхъ прорѣхъ въ его теоріи. Такъ, онъ указываетъ относительно Египта, что слова «evet» и «emunt» (востокъ и западъ), которыя Шампольонъ считалъ равнозначущими выраженіямъ «право» и «лѣво»; теперь читаются на оборотъ, т. е. лѣво и право. Далѣе, греки называли иногда лѣвую сторону, въ противность общему правилу, счастливою, счастье приносящею, лучшею. Мейеръ объясняетъ это тѣмъ, что греки какъ бы хотѣли польстить грозному и мрачному началу лѣвой стороны, умилостивить его. Бахофенъ привелъ бы несравненно бо̀льшее число такихъ исключеній, не становясь, однако, въ совершенное противорѣчіе съ Мейеромъ. Въ самомъ дѣлѣ, Мейеръ установляетъ тѣсную связь, съ одной стороны, солнца, дня и правой руки, а съ другой—ночи (слѣдовательно и луны) и лѣвой руки. Ту же самую связь утверждаетъ и Бахофенъ, и эта встрѣча людей, отправляющихся отъ совершенно разныхъ точекъ, заслуживаетъ большого вниманія. Но Бахофенъ прибавляетъ еще къ первой групѣ представленій мужской элементъ, а ко второй—женскій. Поэтому, сообразно общимъ результатамъ своего изслѣдованія, онъ не даетъ абсолютнаго рѣшенія, не говоритъ, что съ понятіемъ той или другой руки *всегда* связывалось что̀-то почтенное или что̀-то низкое. Онъ полагаетъ, что первоначально, вмѣстѣ съ господствомъ материнскаго права, преобладала и лѣвая рука. (Любопытно, что такое временное преобладаніе, по совершенно инымъ резонамъ, готовъ допустить и Мейеръ. Verhandlungen, 29). Такъ, во время процессіи Изиды одинъ изъ жрецовъ несъ изображеніе лѣвой руки, которая называлась justitiae или aequitatis manus, рука справедливости, а также наполненный молокомъ золотой сосудъ, имѣвшій форму женской груди. Здѣсь ясно выступаютъ рядомъ: символъ женственности, материнства и почтеніе къ лѣвой рукѣ. Пиѳагорейцы, объяснявшіе все сущее изъ числа, какъ первичной субстанціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ высоко ставившіе женщину, сопоставляли нечетное число съ правой рукой, а четное—съ лѣвой. Понятіе же четнаго и до сихъ поръ во многихъ языкахъ отождествляется съ понятіемъ честнаго, прямого, справедливаго (gerade, pair). Одна изъ древнѣйшихъ и чистѣйшихъ богинь Дикѐ, *Справедливость*, возсѣдаетъ на сѣверѣ, т. е. не по̀солонь, а влѣво, и держитъ колосья въ лѣвой рукѣ. Семирамида и другія типическія царственныя женщины изобража-

лись древними такъ, что только лѣвая сторона ихъ головы причесана. И проч. и проч. (Das Mutterrecht, 11, 127, 129, 132, 158, 185, 219, 274, 319, 362, 377, 413). Затѣмъ, когда женщина была побѣждена мужчиной, на первый планъ выдвинулась правая рука, а съ лѣвой сочетались понятія слабаго, зловреднаго и презрѣннаго. Низшей индійской кастѣ «чандала» законы Ману рѣшительно воспрещали употребленіе правой руки [1]. Такимъ образомъ, судьба правой и лѣвой руки оказывается однимъ изъ эпизодовъ великой распри мужскаго и женскаго началъ и, притомъ, освѣщаетъ ее именно съ точки зрѣнія борьбы за индивидуальность.

Я стараюсь представить читателю великую распрю по возможности, въ чистомъ видѣ, что̀ сопровождается, однако, большими трудностями, ибо семейныя отношенія облегаются наслоеніями другихъ общественныхъ индивидуальностей и нерѣдко совершенно въ нихъ тонутъ. До какой степени легко запутаться въ этомъ лабиринтѣ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Г. Шашковъ, руководствуясь Бахофеномъ и Ливингстономъ, приводитъ много фактовъ стараго и современнаго женовластія въ Африкѣ. При этомъ, онъ нерѣдко указываетъ на почетное значеніе женщинъ царскаго рода, что̀, однако, вовсе не говоритъ въ пользу его

---

[1] По поводу этой касты, въ книгѣ Жаколліо «Les législateurs réligieux» (1876) встрѣчается чрезвычайно странная мысль. Каста чандала составилась, по мнѣнію автора, изъ отбросковъ высшихъ кастъ, лишенныхъ своего положенія за преступленія. Эти несчастные терпѣли всевозможныя гоненія и варварства: они не смѣли жить ни въ городахъ, ни въ деревняхъ, должны были употреблять разбитую посуду, воду могли пить только изъ болотъ и лужъ и т. д. Въ періодъ борьбы буддистовъ и браманистовъ, чандалы, одинаково гонимые и презираемые обѣими враждующими сторонами, цѣлыми массами эмигрировали изъ Индіи, и изъ нихъ-то составились народы, названные впослѣдствіи семитическими. Сколько мнѣ извѣстно, это мнѣніе о происхожденіи семитовъ, кромѣ Жаколліо, рѣшительно не имѣетъ сторонниковъ. Самъ онъ высказываетъ его безъ всякихъ доказательствъ, чисто эпически. Нельзя считать доказательствами одной ссылки на Авадана-Састру (объ эмиграціи чандаловъ, приблизительно, въ направленіи Халдеи и Вавилона) и слѣдующихъ двухъ, во всякомъ, впрочемъ, случаѣ, любопытныхъ сближеній обычаевъ семитовъ съ постановленіями о чандалахъ. Когда, вслѣдствіе крайне жалкаго образа жизни, между чандалами начались заразительныя болѣзни, угрожавшія остальному населенію, имъ было предписано обрѣзаніе. Далѣе, какъ уже сказано, имъ было воспрещено употребленіе правой руки и писаніе слѣва направо. «Еще и донынѣ, замѣчаетъ авторъ, индо-европейскіе народы во всякомъ дѣлѣ пользуются преимущественно правой рукой, тогда какъ всѣ такъ называемые семиты употребляютъ лѣвую (?)». Напомню читателю, что Средняя Азія есть по преимуществу страна амазонокъ, женскихъ царствъ и боговъ-гермафродитовъ.

тэмы. Ливингстонъ говоритъ, напримѣръ (цитата у Лёббока), что дочь одного начальника бечуановъ «не могла смотрѣть на мужа иначе, какъ на господина жены; поэтому она говорила, что всѣ мужчины принадлежатъ ей, она можетъ взять любого изъ нихъ, но не можетъ держать постоянно ни одного». Ясно, что мы имѣемъ здѣсь фактъ преобладанія не женщины, а вождя и его рода, а жена есть, собственно, раба мужа. Въ такія недоразумѣнія публицисты, историки и философы «женскаго вопроса» впадаютъ довольно часто, вводя въ занимающую ихъ область то, что вовсе къ ней не относится или относится въ совсѣмъ неблагопріятномъ для женщинъ смыслѣ. Мы, вѣроятно, еще увидимъ другіе примѣры подобныхъ недоразумѣній. Въ послѣдующей исторіи супружескихъ отношеній, при преобладающемъ значеніи отца и мужа, весьма важную роль играютъ явленія, названныя Мак-Леннаномъ эндогаміей и экзогаміей: жена бралась или внутри своего племени, или со стороны, чужая. Въ случаѣ экзогаміи, жена бралась насильно, умыкалась и, при этомъ, конечно, отбивалась сама и, если было возможно, прибѣгала къ помощи сородичей, одноплеменниковъ. Въ случаѣ побѣды мужчины, женщина становится, разумѣется, рабой его, какъ военная добыча. Существуютъ многочисленныя описанія походовъ дикарей за женами, при чемъ они обращаются съ добычей варварски жестоко: оглушаютъ ее, напримѣръ, дубиной и волокутъ полумертвую въ свое логовище. Ничего нелегальнаго, противнаго понятіямъ дикарей о справедливости, въ такомъ пріобрѣтеніи жены нѣтъ. До такой степени, что даже въ законахъ Ману одинъ изъ видовъ или способовъ брака описывается слѣдующими чертами: «Когда изъ отцовскаго дома похищается молодая дѣвица, которая сопротивляется, зоветъ на помощь, когда разбиваются затворы и убиваютъ или ранятъ сопротивляющихся, то этотъ бракъ называется способомъ гигантовъ» (Jacolliot, 119). Способъ этотъ рекомендуется исключительно для употребленія уважаемой кастѣ воиновъ. Съ теченіемъ времени этотъ способъ исчезъ и оставилъ только многочисленные символическіе слѣды въ свадебныхъ обрядахъ едва ли не всѣхъ народовъ. Общій характеръ этихъ обрядовъ лучше всего обозначается короткимъ замѣчаніемъ одного славянскаго писателя: «вся свадьба у южныхъ славянъ представляетъ собою войну въ маломъ видѣ» (Ферреръ Клунъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1857). Но если мы вздумаемъ, на основаніи анализа и сравненія различныхъ свадебныхъ обрядовъ, возстановить обликъ того древняго быта, котораго они представляютъ только разрозненные и сами по себѣ

безсмысленные обломки, то должны будемъ усмотрѣть въ нихъ весьма различныя наслоенія. Возьмемъ нѣсколько русскихъ свадебныхъ обычаевъ, собранныхъ Терещенкомъ («Бытъ русскаго народа»). Мы встрѣчаемъ, напримѣръ, пѣсню, въ которой мужъ беретъ жену

По божьему повелѣнью,
По царскому уложенью,
По господскому приказанью,
По мірскому приговору.

Здѣсь семья оказывается совершенно поглощенною другими общественными индивидуальностями (О бракахъ по мірскому приговору см. замѣчанія г. Якушкина «Обычное Право», XXIII). Слѣдовательно, для выясненія собственно семейныхъ отношеній, надо бы было произвести извѣстнаго рода вскрытіе. Невѣста плачетъ, что ее отдаютъ «чужому роду-племени», «разлучаютъ съ родомъ-племенемъ». Домъ, въ который она вступаетъ, представляется ей исполненнымъ вражды:

Чтò медвѣдь съ медвѣдицей,
Богоданный-то батюшка
Съ богоданною матушкой;
Шипица колючая,
Богоданны милы братцы;
Крапива-то жгучая,
Богоданныя сестрицы.

Этимъ безотраднымъ пѣснямъ вполнѣ соотвѣтствуютъ нѣкоторые обряды встрѣчи невѣсты (такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ родители благословляютъ новобрачныхъ одѣтые въ вывороченной шубѣ, прямо «чтò медвѣдь со медвѣдицей»), наконецъ, обряды отбиванія невѣсты, имѣющіе совершенно подобіе войны, пріобрѣтенія добычи, похищенія. Но уже въ этомъ подобіи войны можно усмотрѣть два противоположныя теченія, которыя слѣдуетъ строго различать, какъ принадлежащія двумъ разнымъ эпохамъ. Не всегда въ свадебныхъ обрядахъ женихъ похищаетъ или завоевываетъ невѣсту, а иногда, на оборотъ, невѣста—жениха. Не всегда также родственники или вообще безразлично представители того или другого пола отбиваютъ нападеніе жениха, а иногда исключительно женщины, вовсе не родственницы. Конечно, такихъ архаическихъ чертъ могло сохраниться немного, но онѣ все-таки есть. Такъ въ Малороссіи, по словамъ Терещенки, невѣста повязываетъ жениха полотенцемъ. Сваты при этомъ объясняютъ, что «приводца» (приведеннаго) необходимо связать, чтобы онъ не убѣжалъ изъ хаты. Тамъ же, въ числѣ свадебныхъ обрядовъ, существуетъ ловля жениха: его ловятъ или палками загоняютъ на дворъ невѣсты; онъ упирается, убѣгаетъ,

скачетъ на лошади. Отсюда уже не далеко до былины о богатырѣ Добрынѣ, котораго «паленица» «схватила за желты кудри, посадила его во глубокъ карманъ» и дома женила на себѣ. Г. Кавелинъ былъ, какъ извѣстно, въ молодости писатель, несравненно болѣе осмотрительный, чѣмъ теперь, когда сѣдина уже давно закралась въ его бороду. Тѣмъ не менѣе, приведенные малороссійскіе свадебные обряды такъ ярки, что г. Кавелинъ именно по поводу ихъ говоритъ: «Пассивная роль жениховъ только окончательно убѣждаетъ, что мнѣніе, будто женскій полъ—слабѣйшая половина человѣческаго рода и потому въ быту занимаетъ второстепенное мѣсто—далеко не аксіома и не можетъ быть принято исходной точкой въ историческомъ изслѣдованіи» (Сочиненія IV, 174). Въ другомъ мѣстѣ: «Мнѣніе, что женскій полъ есть слабѣйшій, не вполнѣ оправдывается исторіей, а потому не можетъ быть принято за аксіому въ историческихъ изслѣдованіяхъ о женщинѣ. Напримѣръ, что̀ значитъ сказаніе объ амазонкахъ? Его нельзя признать за чистый вымыслъ. Нѣкоторые замѣчаютъ даже именно у славянскаго племени какое-то нравственное превосходство женскаго пола надъ мужскимъ» (тамъ-же, 87). Малороссійская ловля жениха и привязываніе «приводца»—не исключительныя явленія, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Лёббока: у гаросовъ (индусское племя), при публичномъ объявленіи брака, «происходитъ притворная драка, хотя, въ этомъ случаѣ притворное сопротивленіе бываетъ на сторонѣ жениха. Въ этомъ племени дѣвушки предлагаютъ себя мужчинамъ» (l. c. 80). Я не располагаю ни достаточными данными, ни достаточнымъ временемъ для выясненія разницы тѣхъ свадебныхъ обрядовъ, въ которыхъ символически сражаются представители разныхъ *половъ*, и тѣхъ, въ которыхъ противниками являются представители разныхъ *родовъ* или племенъ. Но разница на лицо. Въ первомъ случаѣ стоятъ другъ противъ друга мужской и женскій элементы во всей двойственности ихъ враждебно-любовнаго отношенія; а во-второмъ—эта коренная черта тонетъ въ позднѣйшихъ наслоеніяхъ родоваго быта.

Основаніе семьѣ положено, безспорно, матерью. Что̀ касается до дальнѣйшей судьбы семьи подъ главенствомъ отца и мужа, то она насъ пока не занимаетъ, потому что намъ не выяснился еще основной факторъ супружескихъ отношеній—враждебно-любовное отношеніе между полами. Всѣ разнообразные оттѣнки и развѣтвленія патріархальной семьи пока исчезаютъ для насъ передъ тѣмъ общимъ фактомъ, что мать и жена заняли въ ней второстепенное мѣсто. Эта форма семьи, какъ мы видѣли, установилась не

безъ борьбы, и, съ установленіемъ ея, борьба не прекратилась. Однако, борьба стала скоро существенно отличною отъ первобытной, такъ сказать, амазонской. Возьмите сборникъ семейно-нравственныхъ предписаній, въ родѣ «Домостроя» или «Пчелы», и какой-нибудь хорошій сборникъ народныхъ русскихъ пѣсенъ. Вы будете сравнивать идеалы зауряднаго мудреца съ дѣйствительностью, какъ и насколько она отразилась въ пѣснѣ. И вы поразитесь, до какой степени въ пустынѣ вопіетъ заурядный мудрецъ. Какъ бы ни поступали, ни чувствовали, ни мыслили идеальныя фигуры мудреца, но въ дѣйствительности, и притомъ въ дѣйствительности, подхваченной пѣсней—значитъ, яркой, характерной, потому что пѣсня даромъ слова не скажетъ — жена въ такомъ родѣ забавляется надъ мужемъ: она заперла передъ носомъ мужа ворота и

...съ невѣжею смѣленько говорила:
Ты ночуй, ночуй, невѣжа, за вратами,
Вотъ тебѣ, невѣжа, мягкая постеля,
Мягкая постеля—бѣлая пороша!
Вотъ тебѣ высоко изголовье—подворотня!
Вотъ тебѣ шитое одѣяло — часты звѣзды!
Ужъ и я ли невѣжу успросила:
Каково тебѣ, невѣжа, за вратами,
Таково-жъ мнѣ, невѣжа, за тобою,
За твоей дурацкой головою.

Дѣйствительный мужъ жалуется, что за нимъ ходятъ три сторожа —

Трое сторожи, трое грозные:
Первый сторожъ ходитъ — тесть-батюшка,
Второй сторожъ — теща-матушка,
Третій сторожъ — молода жена:
Мы его найдемъ, да на огнѣ сожжемъ,
На огнѣ сожжемъ, пустимъ въ быстру рѣченьку.
Ахъ, ты возмой, возмой, туча грозная!
Убей моего тестя-батюшку,
А стрѣлой застрѣли тещу-матушку,
Сильнымъ дождичкомъ засѣки молоду жену.
Ты спаси, спаси красну дѣвушку,
Красну дѣвушку, прежнюю сударушку.

Наконецъ, женщина поднимаетъ эту глухую борьбу до отвратительной высоты. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, найти что-нибудь омерзительнѣе (по нравственному складу) той пѣсни, существующей во множествѣ варьянтовъ, въ которой женщина мститъ такъ:

Я изъ рукъ, изъ ногъ коровать смощу,
Изъ буйной головы яндову скую,
Изъ глазъ его я чару солью,
Изъ мяса его пироговъ напеку,

А изъ сала его я свѣчей налью.
Созову я бесѣду подружекъ своихъ,
Я подружекъ своихъ и сестрицу его,
Загадаю загадку неотгадливую:
Ой, и что̀ таково:
На милòмъ я сижу,
На милòва гляжу,
Я милы̀мъ подношу,
Милымъ подчиваю,
А и милъ предо мной,
Что̀ свѣчею горятъ?

Какого бы, однако, напряженія ни достигала эта борьба, въ какихъ бы страшныхъ о̀бразахъ она ни воплощалась, она ничтожна, какъ дѣтская игра, въ сравненіи съ тою гигантской борьбой, которая создавала миѳы и культы, клала свою печать на весь общественный строй и на все міровоззрѣніе.

Zerstücke den Donner in seine einfachen Sylben,
Und du wirst Kinder damit in den Schlummer singen;
Schmeltze sie zusammen in einen plötzlichen Schall
Und der monarchische Laut wird den ewigen Himmel bewegen.

Donner древней борьбы за индивидуальность въ сферѣ занимающихъ насъ здѣсь вопросовъ былъ, дѣйствительно, zerstückt in seine einfachen Sylben, разбитъ на слоги. Съ безумнымъ, но смѣлымъ и величавымъ порывомъ существа, еще не отшлифованнаго гранями высшихъ общественныхъ индивидуальностей и не знающаго ни силъ своихъ, ни границъ, древность стремилась слить воедино мужской и женскій элементы и слить не только въ процессѣ любви, то-есть въ процессѣ взаимнаго тяготѣнія двухъ разрозненныхъ половинъ—нѣтъ: древность стремилась побороть и самую любовь, стать выше ея, обративъ каждую половину въ цѣлое, такъ, чтобы мужчина воспринялъ все женственное, а женщина—все мужественное. Съ свойственною ей цѣльностью и наивностью, древность доводила это стремленіе до геркулесовыхъ столповъ, до самыхъ послѣднихъ логическихъ результатовъ, и пала подъ бременемъ неумолимаго закона природы; пала, какъ гомеровскіе герои, неотступающіе и передъ богами и оружіе которыхъ, еще послѣ паденія, гудитъ и звенитъ по всему полю битвы. Въ послѣдующіе періоды мы видимъ или голую борьбу за существованіе, то-есть приспособленіе къ условіямъ патріархальной семьи, или тотъ только видъ борьбы за индивидуальность, который эксплуатируется всѣми романистами и называется любо̀вью. Добрый мо̀лодецъ потому желаетъ смерти своей прекрасной «половинѣ», что она оказалась *не его* половиной, неподходящей, какъ ему, по крайней мѣрѣ, кажется. Кровавая мстительница потому льетъ свѣчи изъ сала

своей непрекрасной «половины», что она отошла отъ нея. Сообразно этому, борьба получаетъ исключительно личный характеръ. На сценѣ Иванъ и Марья, Ѳедотъ и Дарья, можетъ быть, при достаточной сложности интриги, три-четыре дѣйствующія лица, но нѣтъ лагеря женщинъ и лагеря мужчинъ—нѣтъ борьбы коллективной. Въ этомъ разница. За вычетомъ любви, всѣ стороны борьбы за индивидуальность сходятъ со сцены отношеній между полами и переходятъ на другую, вѣрнѣе, на другія, гдѣ дѣйствуютъ роды, племена, народы, сословія, профессіи, касты, союзы политическіе, экономическіе, подъ коловращеніемъ которыхъ мужчина и женщина, какъ таковые, затираются. На исторической сценѣ фигурируютъ на первомъ планѣ не мужчина и женщина, а монголъ и европеецъ, браминъ и парій, гугенотъ и католикъ, капиталистъ и наемникъ—все нѣчто, если хотите, даже безполое,. потому что въ столкновеніяхъ гугенота и католика или монгола и европейца полъ рѣшительно не причемъ. Правда, женщина занимаетъ вездѣ второстепенное мѣсто, и есть собственно только жена брамина, монгола и гугенота. Но подчиненное положеніе не спасло женщину отъ давленія высшихъ общественныхъ индивидуальностей. Его явственные слѣды она несетъ на себѣ и въ наше время, когда, повидимому, женщины опять выстраиваются въ сплошныя фаланги.

Читателю извѣстно, если онъ, разумѣется, удостоивалъ вниманіемъ мои прежнія писанія, что я не имѣю претензіи быть апостоломъ современнаго женскаго движенія, то-есть формъ, въ которыхъ оно практикуется, и путей, которыми идетъ. Я не стараюсь подчеркивать его слабыя стороны явственнѣе, чѣмъ стороны сильныя, но не могу не привести слѣдующую, напримѣръ, курьёзную гипотезу г-жи Ройе, женщины очень ученой и не глупой. Сказавъ нѣсколько словъ о возможности женскихъ государствъ, помянувъ амазонокъ, г-жа Ройе переходитъ къ вопросу о полезности «переворота отношеній между полами». «Если-бы, она говоритъ:—было доказано, что такое общественное состояніе можетъ дать дѣйствительную экономію силъ, то-есть сократить непроизводительную трату индивидуальной дѣятельности, сберечь время и вообще достигнуть извѣстныхъ результатовъ съ меньшими усиліями, то было бы весьма вѣроятно, что какая-нибудь разновидность человѣка осуществитъ, съ теченіемъ времени, наверху зоологической лѣстницы тѣ самыя чудеса женскаго генія, которыя насъ нисколько не удивляютъ у насѣкомыхъ—у пчелъ и муравьевъ» (Origine de l'homme et des sociétés, 381). Надо, впрочемъ, отдать справедливость г-жѣ Ройе: она го-

воритъ это въ сослагательномъ наклоненіи и даже начинаетъ съ того, что on ne voit pas bien ce que l'espèce humaine y gagnerait. Еще бы gagnerait! Перевернуть ли извѣстнымъ образомъ стасованную колоду картъ крапомъ внизъ или крапомъ вверхъ — отъ этого въ ней ничего не перемѣнится. Игра ума г-жи Ройе хороша только тѣмъ, что сама обнаруживаетъ свою неосновательность. Объ этомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ, потому что игра ума г-жи Ройе переноситъ въ будущее то, что нѣкогда существовало и объ чемъ уже мы говорили. На самомъ дѣлѣ, разница между этой гипотезой и первобытными гинекократическими обществами громадна, нестолько въ общихъ контурахъ обоихъ зданій, сколько въ ихъ подробностяхъ, или, пожалуй, нестолько въ ихъ планахъ, сколько въ исторической обстановкѣ. Я не говорю уже о томъ, что человѣчество едва ли захочетъ надѣть на себя новую петлю — и старыхъ дѣвать нѣкуда—но надо помнить, что древность молода, а современность стара и даже, можетъ быть, беззуба. Пылкость юноши не приличествуетъ разбитому параличемъ старцу. Главное отличіе игры ума г-жи Ройе отъ древняго женовластія состоитъ вотъ въ чемъ. Въ отдаленную пору борьбы мужскаго и женскаго началъ, которую я старался выше характеризовать, всякія общественныя индивидуальности только еще складывались, и всѣ достаточно рѣзкія различія между людьми, приходившими между собой въ столкновеніе, сводились къ различію половому. Между самими женщинами процессъ общественнаго развитія (дифференцированія) еще не провелъ тѣхъ рѣзкихъ демаркаціонныхъ чертъ, какія отдѣляютъ нынѣ дворянку отъ крестьянки, капиталистку отъ работницы, представительницу одной профессіи отъ представительницы другой. Исторія не провела ихъ и между мужчинами. Оттого возможно было общее женское дѣло и общее мужское дѣло, и оттого столкновеніе этихъ дѣлъ могло наполнить исторію. Нынѣ ничто подобное невозможно.

Здѣсь я чувствую потребность оторваться отъ гипотезы г-жи Ройе, которую, я въ это искренно вѣрю, русскія женщины въ серьёзъ никоимъ образомъ не примутъ. Ну, и Богъ съ ней. Но фактъ невозможности коллективнаго женскаго дѣла остается, всетаки, на лицо. Точнѣе сказать: коллективное женское дѣло ограничивается и не можетъ не ограничиваться самыми элементарными и общими требованіями. Если уличные ловеласы оскорбляютъ достоинство женщины, то противодѣйствіе имъ, повидимому, можетъ войти въ составъ общаго женскаго дѣла, хотя и тутъ, надо замѣтить, есть женщины, безусловно гарантированныя отъ уличныхъ оскорбленій своимъ положеніемъ, обстановкой, а есть

такія, для которыхъ уличные ловеласы составляютъ источникъ существованія. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть общаго, въ настоящемъ случаѣ, между великосвѣтской дамой, которая идетъ по Невскому въ сопровожденіи ливрейнаго лакея, проституткой, которая сама заглядываетъ прохожему въ глаза, бѣдной дѣвушкой, которая растеряется отъ обиды, и кухаркой или дворничихой, отъ которой ловеласъ, въ случаѣ надобности, отлетитъ турманомъ? Но уже несомнѣнно общее женское дѣло могутъ составить требованія расширенія правъ семейныхъ — матери, жены, дочери, требованія права любви. Далѣе, сюда же слѣдуетъ условно допустить обнаруживающіяся нынѣ требованія права знанія и труда—условно потому, что право труда всего подавляющаго большинства населенія одинаково приблизительно есть или его одинаково нѣтъ какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ. Послѣдній случай для насъ особенно интересенъ. Пока рѣчь идетъ объ общихъ требованіяхъ знанія и труда, это есть коллективное женское дѣло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, борьба за индивидуальность, за расширеніе женскаго *я*, за введеніе въ него новыхъ нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ элементовъ. Но вопросъ можетъ значительно осложниться, когда общая формула выльется въ спеціальный, такъ-сказать, сосудъ и застынетъ въ немъ, отпечатавъ на себѣ всѣ его выпуклости и вогнутости. Легко можетъ случиться, что коллективное дѣло при этомъ раздробится на личныя дѣла̀, вмѣстѣ съ чѣмъ борьба за индивидуальность смѣнится голой борьбой за существованіе. Пускай завтра же отворятся настежь двери общественной дѣятельности передъ женщинами; пускай онѣ хлынутъ въ нихъ, давя другъ друга и мужчинъ, вообще кто кого сможетъ, и размѣстятся въ стройномъ порядкѣ по ступенямъ политической, административной, экономической, профессіональной іерархіи. Отъ этого, можетъ быть, выиграетъ тотъ или другой общественный организмъ, та или другая ступень общественной индивидуальности, но женское, коллективное, общее женское дѣло—причемъ оно тутъ? Женщины будутъ также конкурировать между собой, перебивать другъ у друга кусокъ хлѣба, какъ это дѣлается и нынѣ между мужчинами. Конечно, виноватъ тутъ самый порядокъ, и нельзя винить никого, кто борется за существованіе. Но, во всякомъ случаѣ, разъ женщина борется только за существованіе—коллективный характеръ женскаго дѣла немыслимъ. Каждая въ одиночку будетъ приспособляться къ условіямъ жизни въ той или другой общественной индивидуальности и фатально давить неприспособленныхъ: alte Geschichte, которая нисколько не мѣняется съ измѣненіемъ персонала. Радоваться ей, какъ успѣху женскаго дѣла, это, по моему, со стороны дру-

зей женщинъ—такое же недоразумѣніе, какъ радоваться тому, что дочь царька бечуановъ имѣетъ право выбирать себѣ любаго мужа. Борьба за существованіе есть, въ крайнемъ случаѣ, только печальная необходимость и, въ качествѣ таковой, не заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, ничего радостнаго и желательнаго, потому что, чѣмъ она усиленнѣе, тѣмъ больше жертвъ, а, во-вторыхъ, не можетъ имѣть общаго, коллективнаго характера, потому что всегда разбиваетъ интересы, всегда zerstückt den Donner in seine einfachen Sylben. Кто хочетъ, чтобы громъ дѣйствительно гремѣлъ изъ тучи, тотъ долженъ искать иныхъ путей. Безъ сомнѣнія, положеніе женщинъ трудно, но едва ли оно легче для мужчинъ, быть можетъ даже труднѣе, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. И теперь каждый мужчина, чтобы откровенно свести вопросъ на чисто личную почву — долженъ, подойдя возрастомъ къ дверямъ общественной дѣятельности, прежде, чѣмъ постучаться въ нихъ, добросовѣстно взвѣсить свои силы и подумать: бороться ли мнѣ только за существованіе и, слѣдовательно, приспособляться ко всѣмъ изгибамъ данной общественной среды, или же бороться за индивидуальность и, слѣдовательно, приспособлять. Трудно это, конечно: и рѣшить трудно, а въ послѣднемъ случаѣ и привести въ исполненіе нелегко, въ первомъ-то легко. Такъ или иначе, но вопросъ сводится не къ загораживанью для кого бы то ни было дороги къ труду и знанію, а къ формѣ труда и направленію знанія. Можетъ быть, поменьше настойчивости въ подчеркиваніи *женскаго* вопроса, поменьше желанія проникнуть во всѣ поры даннаго общественнаго организма не повредило бы женщинамъ.

Я пока только это и хотѣлъ сказать, а теперь обратимся опять къ тому исконному звену, которое связываетъ мужчину и женщину—къ любви. Не подумайте, чтобы я сталъ угощать васъ миндальнымъ печеньемъ. Напротивъ, я укажу вамъ на грозную задачу времени.

Потребность любви, безъ сомнѣнія, присуща человѣческой природѣ. Порукой въ томъ и вѣковая исторія, и любой почти нумеръ ежедневной газеты. Но, въ извѣстныхъ, весьма значительныхъ предѣлахъ, потребность любви можетъ измѣняться по силѣ и напряженности. Я имѣю въ виду не отдѣльныя личности, которыя любятъ, разумѣется, разно, а цѣлыя историческія эпохи. Если же искать эпоху, въ которой жажда любви прорывалась бы съ наибольшею силой, то, конечно, придется остановиться на среднихъ вѣкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ эту пору всѣ общественные классы одолѣваются какою-то повальною одурью любви, если позволено мнѣ будетъ такъ выразиться: это выраженіе—самое под-

ходящее. Я напомню только тѣ черты, которыя поражають своею напряженностью какъ въ сторону прекраснаго, такъ и еще больше въ сторону смѣшнаго и отвратительнаго. Знаменитый Абеларъ, полный умственныхъ силъ и блестящихъ способностей, передаетъ, однако, въ назиданіе потомству не философію свою, а свою любовную исторію съ Элоизой. Данте навѣки связываетъ свое имя съ Беатриче. Петрарка двадцать лѣтъ безкорыстно любитъ и воспѣваетъ Лауру и, какъ самъ разсказываетъ, для обузданія пламени любви въ молодости, «блуждая безъ цѣли, оглашалъ долины и небо жалобными пѣснями». Не такъ знаменита любовь Боккачіо къ доннѣ Маріи, но зато скептическій гуляка прославилъ свое имя Декамерономъ, этимъ изображеніемъ пріятнаго времяпровожденія молодыхъ людей и женщинъ, удалившихся во время чумы въ раковину Венеры. Кроваво-порнократическій, какъ сказалъ бы Прудонъ, эпизодъ Нельской Башни, въ которой Маргарита Наварская, Іоанна де-Пуатье и Бланка де-ла-Маршъ разыгрывали роль «прекрасной, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ коварный и злой» царицы Тамары. Романы и fabliaux, полные то чистѣйшей до эѳирности, то грязной до омерзѣнія любви, трубадуры, минезингеры, «веселая наука» и наконецъ рыцарство съ его служеніемъ «Богу и дамѣ» и утонченнѣйшими градаціями любви; рыцарство, совершившее для прекрасныхъ глазъ дамы и великіе подвиги, и великія глупости. Пусть читатель просмотритъ хоть, напримѣръ, у Шерра («Исторія цивилизаціи Германіи») исторію глупаго, но пламеннаго рыцаря Ульриха фон-Лихтенштейна. Наконецъ, учреждаются «суды любви», cours d'amour; на нихъ стòитъ остановиться, чтобы видѣть, до какой виртуозности можно дойти въ этомъ направленіи. Рыцарская любовь имѣла много ступеней: любовь къ мужу была не то, чтò любовь къ своему рыцарю, любовь рыцаря, въ свою очередь, проходила извѣстную градацію, подробности возвышенія которой были строго опредѣлены. Существовалъ, напримѣръ, одинъ условный поцѣлуй, носившій выразительное названіе «половина дà, половина нѣтъ». Считалось возможнымъ задавать и разрѣшать такія задачи: дама и рыцарь лежатъ въ объятіяхъ другъ друга цѣлую ночь, не позволяя себѣ ничего, кромѣ поцѣлуя. Естественно, что такія скользкія двусмысленности должны были подавать поводъ ко множеству недоразумѣній, разрѣшеніемъ которыхъ и занимались благорожденныя дамы, засѣдавшія въ «судахъ любви». Одинъ рыцарь послалъ своего друга къ дамѣ своего сердца по сердечному дѣлу, но другъ оказался коварнымъ другомъ, а дама коварною дамой. Рыцарь представилъ дѣло къ судъ любви, и судъ, состоявшій изъ шестидесяти дамъ подъ предсѣдательствомъ

графини фландрской, постановилъ исключить коварныхъ изъ общества рыцарей и дамъ. Одинъ рыцарь признался въ любви дамѣ, та отвѣчала, что она уже любитъ другого, но, еслибы она его потеряла, то удовлетворитъ просителя. Вскорѣ дама вышла замужъ за любимаго рыцаря, и тогда отвергнутый потребовалъ исполненія обѣщанія. Дама не соглашалась, рыцарь — въ судъ. Судъ, подъ предсѣдательствомъ Элеоноры Пуатье, постановилъ: дама должна исполнить обѣщанное, потому что, выйдя замужъ за любимаго рыцаря, она, дѣйствительно, потеряла его, такъ какъ между мужемъ и женой не можетъ быть рыцарской любви. Поднимались и общіе вопросы. Напримѣръ: кто изъ двухъ любящихъ лучше—тотъ ли, кто умеръ съ печали, что не видалъ возлюбленной, или тотъ, кто умеръ отъ радости, увидавъ возлюбленную? Или: что̀ лучше, любовь загорающаяся, или любовь возобновляющаяся? Но чтобы читатель съ разу поднялся на вершину комизма судовъ любви, я заимствую у Дюфура (Histoire de la prostitution) слѣдующее судоговореніе. Во Франціи трибуналъ любви былъ довольно сложенъ: тамъ были и maire des bois verts и baillif de joye, и viguier d'amours и проч. Однажды дама приноситъ на своего друга жалобу devant le maistre des forestz et des eaues sur le faict du gibier d'amours. Она жалуется, что другъ нарочно столкнулъ ее въ рѣку, чтобы mettre la main sur les tétins, вслѣдствіе чего она проситъ, чтобы виновный былъ très grievement puny de punition publique. Другъ отвѣчалъ, что точно они въ воду упали, но что cheyant il ne l'avait ni tastée ni pincée, ne n'eut pas le loisir de ce faire, pour l'eau dont il estoit esblouy. Тѣмъ не менѣе, le procureur d'amours dessus le faict des eaues et des forestz, disoit que par le ordonnances il est deffendu de ne point chasser à engins, par lesquels on puisse prendre testins en l'eaue. И т. д. Судъ приговорилъ виновнаго, во вниманіе къ смягчающимъ обстоятельствамъ, къ покупкѣ дамѣ новаго платья, взамѣнъ испорченнаго водой. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ какими-то полоумными, которыя страстно жаждутъ любви, потому что готовы ради нея и умереть, и убить, и дѣлать невѣроятныя глупости, а, между тѣмъ, какъ будто совершенно растерялись и не знаютъ, кого любить, за что̀ любить, ка̀къ любить. Даже такое комическое дѣло, какъ суды любви, есть, въ сущности, можетъ быть, только одна изъ формъ тѣхъ знаменитыхъ повальныхъ или коллективныхъ психическихъ болѣзней, которыя такъ характеризуютъ средніе вѣка. Не все было комично въ средневѣковыхъ любовныхъ дѣлахъ. Припомнимъ многочисленныя исторіи привораживанія, присухи, любовныхъ чаръ и, наконецъ, знаменитые процессы вѣдьмъ, въ которыхъ фигури-

ровалъ дьяволъ подъ видомъ инкубъ и суккубъ, въ которыхъ дѣвушки и женщины обвиняли себя въ любовныхъ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Чтò толкало воображеніе этихъ несчастныхъ по направленію къ безобразному козлу, какъ они себѣ представляли своего мрачнаго мучителя-любовника? Я чрезвычайно сожалѣю, что не могу теперь подробнѣе остановиться на этихъ поразительныхъ и уже завѣдомо патологическихъ поискахъ любви. Безъ сомнѣнія, одно упоминаніе о нихъ вызвало въ головѣ читателя ужасные образы, которыхъ, въ связи съ комизмомъ судовъ любви, съ минезингерами, трубадурами, рыцарями, приворотными зельями, болѣе или менѣе странною любовью великихъ поэтовъ (можетъ быть, сюда слѣдуетъ отнести еще гнусности, открытыя процессомъ тампліеровъ)—всего этого совершенно достаточно для признанія среднихъ вѣковъ временемъ вящшей и болѣзненной жажды любви. Въ самомъ дѣлѣ отпечатокъ чего-то ненормальнаго, то капризно-страстнаго, то неестественно разогрѣтаго лежитъ и на исторіяхъ Абелара и Элоизы, и Петрарки и Лауры, даже Данте и Беатриче, и на фантазіи Боккачіо вышить букетъ шаловливой любви на мрачномъ фонѣ чумы, а о массовыхъ движеніяхъ и говорить нѣчего. Откуда же взялся этотъ странный шабашъ глупцовъ и негодяевъ, полоумныхъ и увлеченныхъ, несчастныхъ и неистовыхъ?

Есть еще одна крупная, характерная черта въ средневѣковьи. Если вы будете слѣдить за судьбой обширной имперіи Карла Великаго, то поразитесь быстротой и неудержимостью, съ которою она стремилась, такъ сказать, атомизироваться, распасться на простѣйшія составныя части. Имперія разсыпается на королевства, королевства—на второстепенныя самостоятельныя политическія индивидуальности, а ихъ перерѣзываютъ во всѣхъ направленіяхъ стѣны и заставы; города разсыпаются на сословія, сословія—на цехи и гильдіи. Этотъ, по размѣрамъ своимъ, единственный въ исторіи процессъ займетъ насъ впослѣдствіи, причемъ мы увидимъ въ немъ весьма различныя теченія. Теперь для насъ довольно слегка указать только на ту его сторону, которая несомнѣнно тяжелымъ гнетомъ ложилась на индивида въ тѣсномъ смыслѣ слова, на человѣческую личность. Не бѣда, что распадалась имперія Карла: бѣда въ томъ, что дробился человѣкъ. Общественное раздѣленіе труда достигло небывалой силы. Наука была оторвана отъ жизни, опытъ отъ мысли; воинъ былъ только воинъ и выглядывалъ изъ за зубчатыхъ стѣнъ своего зàмка только для грабежа, разбоя и воинской потѣхи, турнировъ; каждая профессія отдѣлялась непроходимымъ рвомъ отъ всего остальнаго міра, превращая своихъ представителей изъ

людей въ спеціальные инструменты; даже нищіе прирастали, какъ грибы, къ церковнымъ папертямъ и не смѣли переходить отъ одной къ другой; даже у проститутокъ былъ свой rex ribaldorum, лишь бы онѣ поплотнѣе замкнулись въ свое ремесло. Я покажу, въ свое время, оборотную сторону этой медали—она есть—равно какъ и тѣ усилія, которыя человѣческая индивидуальность противупоставляла историческому теченію.

Нѣтъ ли какой-нибудь связи между представленными двумя рядами явленій средневѣковой жизни? Несомнѣнно есть, и не можетъ ея не быть между одновременными явленіями, до такой степени яркими и общими. Любовь есть стремленіе къ соединенію двухъ разрозненныхъ половинъ человѣческаго существа. Еслибы мы имѣли дѣло съ абстрактнымъ человѣкомъ, то выборъ не игралъ бы никакой роли въ любви. На самомъ же дѣлѣ, каждый изъ насъ, будучи, въ качествѣ мужчины или женщины, уже по коренному закону природы пол-человѣкомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе или менѣе помятъ ближайшими условіями жизни. Этимъ обусловливается выборъ въ любви и, притомъ, въ той именно формѣ, которую подмѣтилъ еще Шопенгауеръ (и раньше Кантъ). Разнополость сама по себѣ не предрѣшаетъ съ исключительностью предмета любви. Но люди различаются нетолько полами, и потому законъ развитія компенсируетъ и второстепенные контрасты одинъ другимъ. Прежде всего, это обнаруживается на вторичныхъ половыхъ признакахъ. Суммируя всѣ вторичные половые признаки въ словахъ мужественность и женственность, мы можемъ съ положительностью утверждать, что, чѣмъ въ данной расѣ или въ данную эпоху мужчины мужественнѣе, а женщины женственнѣе, тѣмъ, вообще говоря, любовь царитъ полновластнѣе. Но затѣмъ различные процессы и, между прочимъ, процессъ дифференцированія общества, производятъ многочисленныя измѣненія въ средѣ самихъ мужчинъ и самихъ женщинъ, новые, значитъ, контрасты, которые тѣмъ же механизмомъ закона развитія вовлекаются въ общій водоворотъ любви. При этомъ, мы имѣемъ уже не пол-человѣка, какъ оно слѣдовало бы по закону природы, а другую, мѐньшую дробь; и. чѣмъ меньше эта дробь, тѣмъ страстнѣе стремится она къ своей дополнительной (до единицы) дроби; но трагизмъ состоитъ въ томъ, что тѣмъ труднѣе найти эту дополнительную дробь. Это именно мы и видимъ въ средніе вѣка. Представимъ себѣ средняго средневѣковаго мужчину, идеальный типъ, въ которомъ совмѣщались бы всѣ разбросанныя по классамъ и сословіямъ силы и способности. Это будетъ наше мѣрило, т. е. нормальный человѣкъ эпохи точнѣе пол-человѣка, мужчина. (Замѣчу мимо-

ходомъ, что таковъ именно долженъ быть пріемъ и при сравненіи двухъ эпохъ или двухъ цивилизацій, а, слѣдовательно—при оцѣнкѣ прогресса). Теперь посмотримъ, что̀ такое, напримѣръ, Абеларъ. Возьмите какой-нибудь курсъ исторіи философіи, посмотрите, что̀ занимало Абелара, ка̀къ онъ разрѣшалъ волновавшіе его вопросы, и вы увидите, что Абеларъ былъ головастикъ, притомъ такой, у котораго уши, глаза, ноздри, наполовину закрыты, такъ что еле-еле оставляютъ проходъ внѣшнему міру на кое-какую подтопку дикой мозговой работѣ. Онъ составляетъ, несмотря на свои блестящія діалектическія способности, весьма малую дробь нормальнаго человѣка эпохи, какъ съ точки зрѣнія волнующихъ его интересовъ, такъ и съ точки зрѣнія его силъ. Эта малая дробь ищетъ своей дополнительной дроби съ страшною стремительностью. Но откуда же взять эту дробь, когда кругомъ все столь же малыя дроби, хотя и съ другими знаменателями? Откуда взять туловище въ громадной картонной головѣ, которая мигаетъ и дуетъ въ «Русланѣ и Людмилѣ»? Оттого-то Абеларъ (помимо его позднѣйшаго уродства) такъ явно неудовлетворенъ любовью Элоизы, любитъ такъ грубо и извращенно. А что̀ такое благородный и славный рыцарь Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ? Ацефалъ, безголовый, человѣкъ въ головномъ отношеніи до такой степени безпомощный, что разъѣзжаетъ въ честь своей дамы по бѣлому свѣту въ костюмѣ Венеры. Что̀ такое нищая, приросшая, какъ грибъ, къ паперти храма? Почти ничто̀. Подавленная своимъ ничтожествомъ и почерпающая въ немъ удесятеренную жажду любви, она, конечно, не найдетъ дополнительной дроби, и вотъ она кидается въ объятія чему-то безъ образа, имени, кидается воображеніемъ въ объятія дьявола. Что̀ такое всѣ эти графини фландрскія и Элеоноры Пуатье, всѣ эти благорожденныя дамы? Онѣ не имѣютъ понятія и о сотой долѣ тѣхъ страданій и радостей, которыми живетъ средній нормальный человѣкъ эпохи. И вотъ, онѣ регламентируютъ любовь, требуя и плотской любви мужа, и двусмысленной любви рыцаря, и эфирной любви простаго поклонника, и полудѣтской любви пажа, думая изъ этихъ кусочковъ сложить требуемую дополнительную дробь. Но удовлетворенія нѣтъ, и благорожденныя дамы погрязаютъ въ безсмысленномъ шутовствѣ. Чѣмъ больше жажда любви, тѣмъ труднѣе ея удовлетвореніе. Это—варіяція на ту же тэму, которая въ примѣненіи къ жаждѣ наживы была нами указана въ первомъ очеркѣ: здѣсь мы имѣемъ выраженіе того же основного психо-физическаго закона, въ силу котораго ощущеніе ростетъ только какъ логариѳмъ вызывающаго его раздраженія.

Средніе вѣка миновали, и наше время, къ счастію, не знаетъ уже такой колоссальной несоразмѣрности жажды любви съ возможностью ея удовлетворенія, хотя она остается все-таки причиною многихъ разбитыхъ жизней. Но наше время выставило другую, не менѣе грозную несоразмѣрность въ теоремѣ Мальтуса. Теорія Мальтуса можетъ насъ здѣсь интересовать только поскольку ею затрогиваются отношенія семейныя и половыя. Поэтому достаточно заявить, что въ основныхъ своихъ чертахъ она, въ примѣненіи къ даннымъ общественнымъ условіямъ, несомнѣнно вѣрна. Я разумѣю только самую теорему, а не практическіе выводы изъ нея Мальтуса и мальтузіанцевъ. Нѣкоторые изъ этихъ выводовъ теперь именно подлежатъ нашему обсужденію.

Ник. Михайловскій.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СПОСОБСТВУЕТЪ ЛИ РАЗВЕДЕНІЕ ЛѢСОВЪ УНИЧТОЖЕНІЮ ЗАСУХЪ?

I.

Неурожаи въ самыхъ хлѣбородныхъ нашихъ губерніяхъ, повторяющіеся въ послѣдніе годы чуть не постоянно, заставили всѣхъ обратить вниманіе на причины этого печальнаго явленія; одна изъ главнѣйшихъ причинъ — можно, пожалуй, сказать, единственная причина нашихъ неурожаевъ—засухи, господствующія въ средней и особенно въ южной Россіи. Поэтому изысканіе и обсужденіе мѣръ противъ засухъ сдѣлалось у насъ вопросомъ первостепенной важности и предметомъ многочисленныхъ статей какъ въ спеціальныхъ, такъ и въ литературныхъ газетахъ и журналахъ; кромѣ того, вопросомъ этимъ занимаются нѣкоторыя земства и проектируютъ разныя мѣры для устраненія неурожаевъ отъ засухъ.

Одною изъ важнѣйшихъ мѣръ для этого признаётся почти всѣми безъ исключенія разведеніе лѣсовъ на югѣ Россіи, и нѣкоторые земскіе дѣятели южныхъ губерній до того убѣждены въ полезности этого средства, что, по ихъ мнѣнію, «только въ разведеніи лѣсовъ и заключается ихъ спасеніе», что, при отсутствіи лѣсовъ южные хозяева будутъ часто оставаться безъ хлѣба. Признавая такую пользу въ разведеніи лѣсовъ, они не пугаются грозныхъ суммъ, необходимыхъ для этой цѣли; если смотрѣть на вопросъ съ ихъ точки зрѣнія, то нельзя не признать ихъ заключеній справедливыми, такъ какъ, при полезности лѣсовъ, налоги на ихъ разведеніе будутъ не что иное, какъ страховая пренія отъ неурожая.

Совсѣмъ не то будетъ, если вопросъ и вліяніе лѣсовъ на климатъ считать спорнымъ или прямо отрицать подобное вліяніе. Тогда затраты на разведеніе лѣсовъ съ упомянутою цѣлью будутъ рискованными или даже совсѣмъ непроизводительными, и всякій,

смотрящій на вопросъ съ этой точки зрѣнія, конечно, не будетъ чувствовать никакой склонности одобрять какія бы то ни было затраты на лѣсъ. При такомъ взглядѣ на предметъ, затраты на разведеніе лѣсовъ должны опредѣляться исключительно доходностью ихъ, какъ строительнаго матеріала или топлива. Очевидно, что тогда вопросъ теряетъ общественный характеръ и сводится на степень частнаго вопроса, который у каждаго хозяина можетъ рѣшиться такъ или иначе, въ зависимости отъ спеціальныхъ условій его хозяйства.

Поэтому въ нашей статьѣ мы будемъ разсматривать значеніе лѣсовъ, какъ средства, измѣняющаго климатъ. Намъ кажется, что обсужденіе этого вопроса положительно необходимо въ виду того, что у насъ нетолько не возбуждается сомнѣній въ благодѣтельномъ дѣйствіи лѣсовъ на климатъ, но, какъ кажется, всѣ, писавшіе объ этомъ вопросѣ въ послѣднее время, даже и не догадываются о томъ, что такія сомнѣнія могутъ быть.

Подобный фактъ замѣчается не у насъ однихъ: убѣжденіе въ благодѣтельномъ дѣйствіи лѣсовъ на устраненіе засухъ почти всеобще, и очень мало найдется даже ученыхъ, которые бы считали этотъ вопросъ спорнымъ. Трудно, едва ли даже возможно, найти какое-нибудь сочиненіе по земледѣлію вообще, въ которомъ, для обезпеченія посѣвовъ отъ засухъ, не рекомендовалось бы, вмѣстѣ съ другими мѣрами, и разведеніе лѣсовъ. Въ доказательство благодѣтельнаго вліянія лѣсовъ на климатъ исписаны цѣлые томы, со множествомъ ученѣйшихъ цитатъ, со ссылками на исторію и естественныя науки, и многіе, нетолько изъ обыкновенной публики, но даже изъ ученыхъ, готовы назвать невѣждою и даже чуть не сумасшедшимъ того человѣка, который осмѣлится возвысить голосъ, хотя бы только для вопроса, «дѣйствительно ли доказано благодѣтельное вліяніе лѣсовъ на климатъ?» Между тѣмъ, согласно съ истиной, нетолько слѣдуетъ считать такое вліяніе недоказаннымъ, но съ бо̀льшею вѣроятностью можно утверждать, что упомянутаго вліянія совсѣмъ нѣтъ.

Трудно сказать, въ настоящее время, въ какой средѣ — въ ученой или въ обыкновенной — возникло такое прочное, непоколебимое убѣжденіе въ сильномъ дѣйствіи лѣсовъ на климатъ; можно сказать только, что оно необыкновенно удачно совпадаетъ съ обычными поверхностными наблюденіями всѣхъ и каждаго. Кому не случалось испытать на себѣ обезсиливающее дѣйствіе знойнаго и пыльнаго вѣтра на мѣстахъ открытыхъ и то отрадное ощущеніе, которое охватываетъ насъ при переходѣ, послѣ этого, въ лѣсную тѣнь, съ ея прохладою и влажнымъ воздухомъ? Что̀ удивительнаго, если мы, испытавши не разъ такое благодѣтельное дѣйствіе лѣса, чувствуемъ себя бодрѣе, увидавши его еще издалека? Уже одно это могло въ сильной степени способствовать тому, что каждое увѣреніе, будто вліяніе лѣса не ограничивается занимаемою имъ площадью, а захватываетъ болѣе

обширную область, принималось, какъ непреложная истина. Впрочемъ, трудно сказать, кому слѣдуетъ отдать пальму первенства за легковѣріе въ этомъ вопросѣ—ученымъ или обыкновенной публикѣ, такъ какъ стоитъ кому бы то ни было заявить, что, вотъ де, замѣченъ фактъ благодѣтельнаго вліянія лѣсовъ на климатъ, и тотчасъ же множество ученыхъ занесутъ это извѣстіе безъ всякой провѣрки въ разныя книги, и со временемъ оно становится чуть не догматомъ, отрицать который значитъ, по общему мнѣнію, впадать въ научную ересь.

Трудно повѣрить, а, между тѣмъ, это несомнѣнно, что почти вся литература въ защиту вліянія лѣсовъ на климатъ составляетъ собраніе, почти сплошь, все такихъ догматовъ. Только перечитавши самыя знаменитыя сочиненія по этому вопросу, поневолѣ, наконецъ, приходишь къ заключенію, что всѣ факты, приводимые въ доказательство благодѣтельнаго дѣйствія лѣса, или совершенно невѣрны, или ничѣмъ не доказаны, или совсѣмъ не относятся къ вопросу. Вездѣ явныя натяжки, произвольныя толкованія, хромые силлогизмы, такъ что занятіе этой литературой производитъ самое безотрадное впечатлѣніе.

Иногда за разсмотрѣніе этого вопроса берутся даже знаменитые ученые; но такова сила предубѣжденія, что они невольно подпадаютъ подъ вліяніе общественнаго мнѣнія и начинаютъ писать такія вещи, что остается только повергнуться въ молчаливое изумленіе. Заключеніе «cum hoc, ergo popter hoc» царитъ въ этой области повсемѣстно, и почти всѣ силлогизмы защитниковъ вліянія лѣсовъ на климатъ могутъ быть сведены къ этому образцу.

Для того, чтобы наши слова не показались голословными, мы должны разобрать хотя одно изъ сочиненій этого рода. Разсматривать ихъ всѣ положительно невозможно: ихъ такъ много и они такъ обширны, что пришлось бы, даже при краткомъ обзорѣ, исписать цѣлые томы, тѣмъ болѣе, что сказать нелѣпость можно иной разъ гораздо короче, чѣмъ доказать, что сказанное — нелѣпость. Впрочемъ, подробный разборъ всѣхъ сочиненій и не нуженъ [1]: всѣ они или повторяютъ другъ друга, или приводятъ совершенно однородные факты. Поэтому мы ограничимся однимъ сочиненіемъ «Дерево и Лѣсъ» (Für Baum und Wald) Шлейдена. Причины, по которымъ мы остановились на этомъ сочиненіи, заключаются въ томъ, что, во-первыхъ, авторъ его— знаменитый ученый, слѣдовательно, отъ него можно ожидать наиболѣе сильныхъ доказательствъ; во-вторыхъ, сочиненіе его вышло недавно, и онъ могъ воспользоваться новѣйшими научными данными; въ-третьихъ, потому что защитники благодѣтельнаго

[1] Мы можемъ указать интересующимся на полемику по вопросу о вліяніи лѣсовъ на климатъ между гг. Баталинымъ и Арнольдомъ въ «Журналѣ Министерства Госуд. Имуществъ», въ началѣ 60 годовъ. Изъ нея можно познакомиться со многими обычными доводами и весьма удачнымъ разборомъ ихъ.

*

вліянія лѣсовъ считаютъ книжку Шлейдена удовлетворительною и ссылаются на нее при доказательствахъ своихъ положеній.

Доводы Шлейдена въ пользу благодѣтельнаго вліянія лѣсовъ на климатъ можно раздѣлить на два разряда: на историческіе и естественно-научные. Мы разсмотримъ и тѣ, и другіе, останавливаясь только на тѣхъ, которые представляются наиболѣе сильными; главною же нашею задачею будетъ—свести тѣ научные факты, которые могутъ дать вопросу надлежащее направленіе, и вывести его, такимъ образомъ, изъ того заколдованнаго круга, въ которомъ онъ вращается до сихъ поръ.

II.

Откроемъ книжку Шлейдена на стр. 40 [1]. «Въ Египтѣ, говоритъ онъ: — отступая передъ болѣе и болѣе распалявшимся воздухомъ пустыни, исчезли знаменитые виноградники, восхваленные Атенеемъ, Страбономъ и даже Гораціемъ. Только въ Александріи выдѣлываютъ еще грубое и тяжелое черное вино. Далѣе: акаціи въ долинахъ пустыни, ростъ которыхъ превозносилъ Теофрастъ, стали корявѣть. Причину этихъ явленій легко сыскать, если вспомнить, что въ дельтѣ Верхняго Египта, вслѣдствіе посадки Магометомъ - Али 20 милліоновъ деревъ, число дождливыхъ дней въ году поднялось съ 5 и 6 на 45 и 46. Также и въ построенной на песчаной пустынѣ Измаиліи, вслѣдствіе пропитанія почвы водою Суэзскаго Канала, появились сами собою разнообразные деревья, кусты и травы, а съ возрожденіемъ растительности сталъ измѣняться и климатъ: прежде дождь въ той мѣстности былъ совершенно неизвѣстенъ, но теперь съ мая 1868 по май 1869 года дождь падалъ 14 разъ и однажды даже такой проливной, что арабы, никогда не видавшіе ничего подобнаго, поражены были ужасомъ. Отсюда легко сдѣлать обратное наведеніе», т. е. что истребленіе лѣсовъ есть причина того, что въ Египтѣ не ростетъ виноградъ и корявѣютъ акаціи отъ сухости климата.

Чтобы оцѣнить по достоинству эти факты и выводимое изъ нихъ заключеніе, приведемъ изъ статьи г. Баталина исторію посадки деревъ въ Египтѣ [2].

«Извѣстный маршалъ Мармонъ въ своемъ путешествіи какъ-то сказалъ, что въ Египтѣ, съ того времени, какъ паша приказалъ садить деревья, число дождей увеличилось. Словъ своихъ маршалъ не скрѣпилъ ничѣмъ особеннымъ, да и по сіе время неизвѣстно ни одного факта, который подтверждалъ бы это увеличеніе числа дождей. Уже съ самаго начала, слова Мармона

---

[1] Мы приводимъ цитаты по русскому переводу сочиненія Шлейдена.
[2] «Журн. Минист. Госуд. Имуществъ», 1863 г. іюнь.

были встрѣчены нѣкоторыми съ сильнымъ сомнѣніемъ. Такъ, между прочимъ, нашъ академикъ Беръ очень остроумно замѣтилъ: «Но, если такое незначительное условіе въ состояніи произвести столь обширныя вліянія на океанъ атмосферы, то мы не можемъ болѣе сомнѣваться, что въ Испаніи идутъ дожди, послѣ того, какъ бываютъ учреждены процессіи, такъ какъ каждый человѣкъ отбрасываетъ отъ себя тѣнь. Если же, кромѣ того, каждый выходитъ съ зонтикомъ, то можетъ образоваться подвижной лѣсокъ, подобный лѣсу египетскаго паши». Несмотря на это, замѣтка Мармона, всетаки, была занесена безотговорочно въ разныя книжки, какъ одно изъ доказательствъ «благодѣтельнаго вліянія» лѣсовъ. Сначала фактъ сообщали съ оговоркою, въ родѣ, напримѣръ, такой: «по свидѣтельству Мармона»; потомъ оговорку стали опускать и писать просто «въ Египтѣ» и пр.; подъ конецъ, благодаря переходамъ изъ книги въ книгу и по мѣрѣ того, какъ первоначальная исторія происхожденія факта и имя его автора забывалась, стали писать: «извѣстно, что въ Египтѣ», или: «несомнѣнно, что въ Египтѣ» и т. д. Такимъ образомъ, почти на нашихъ глазахъ сложилась ложная научная цѣнность».

Къ этому нѣтъ надобности прибавлять что-либо; развѣ только можно замѣтить, что Шлейденъ находится уже въ томъ періодѣ, когда пишутъ: «несомнѣнно, что въ Египтѣ» и пр.

Обратимся къ другому факту и признаемъ сперва, что онъ справедливъ. Но, и при этомъ условіи, можно ли дѣлать какіе нибудь выводы изъ того, что въ одномъ мѣстѣ не было дождей, а потомъ, въ теченіи одного года, выпало ихъ 14? Кто, при такомъ условіи, рѣшится утверждать, что явленіе будетъ повторяться въ томъ же размѣрѣ постоянно? Число дождей—величина очень измѣнчивая, и у насъ на югѣ бываетъ иногда избытокъ ихъ. Между тѣмъ, Шлейденъ, повидимому, убѣжденъ, что въ Измаиліи такъ будетъ и впредь. Еслибы задать ему вопросъ въ общей формѣ: можно ли по току дождей одного года въ данной мѣстности заключать о количествѣ дождей въ другіе годы? то онъ, конечно, сказалъ бы, что такое заключеніе будетъ нелѣпо; но въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ о благодѣтельномъ вліяніи лѣсовъ, и заключеніе дѣлается безъ всякихъ околичностей. Кромѣ того, самое увѣреніе, будто въ мѣстности, въ которой построена Измаилія, прежде совсѣмъ не было дождей, въ высшей степени сомнительно и, очевидно, основано на словахъ арабовъ, приведенныхъ въ ужасъ ливнемъ. Мало ли гдѣ случаются ливни, и вездѣ въ такихъ случаяхъ жители шепчутъ молитвы и увѣряютъ, что никогда не видали ничего подобнаго. Каждый изъ такихъ случаевъ можетъ сдѣлаться доказательствомъ вліянія лѣсовъ на климатъ; нужно только, чтобы ливень случился при двухъ условіяхъ: въ присутствіи любознательнаго путешественника, которому захотѣлось бы непремѣнно отыскать причину ливня, и послѣ случайной посадки жителями небольшаго

числа деревьевъ. При всеобщемъ убѣжденіи въ сильномъ вліяніи деревьевъ, ливень приписанъ былъ бы ихъ присутствію, и фактъ этотъ имѣлъ бы такую же достовѣрность, какъ и тотъ, который приводится Шлейденомъ.

Между тѣмъ, Шлейденъ на приведенныхъ нами совершенно нелѣпыхъ (если можно такъ выразиться) фактахъ, не обинуясь, строитъ свои заключенія. Это тѣмъ болѣе непростительно, что исчезновеніе какихъ-нибудь культурныхъ растеній и даже вообще безплодіе страны можетъ обусловливаться иногда исключительно соціальными условіями государства, помимо всякихъ другихъ причинъ; и Египетъ, по отношенію къ воздѣлыванію винограда, можетъ быть причисленъ именно къ такимъ странамъ. Вотъ что̀ говоритъ объ этомъ г. Генъ.

«Сравнивая теперешнее состояніе винодѣлія съ состояніемъ его во времена древнихъ, находимъ, что и эта культура до нѣкоторой степени приняла участіе въ общемъ ходѣ исторіи, т. е. она пришла въ упадокъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ получила начало, и находится на высшей степени развитія въ области, занятой ею всего позднѣе. Когда передняя Азія, колыбель виноградной культуры, была завоевана народами исламскаго вѣроисповѣданія, не могъ болѣе процвѣтать продуктъ, потребленіе котораго законъ запрещалъ завоевателямъ. Во всѣхъ странахъ арабскаго господства, въ сѣверной Африкѣ, Сициліи, Испаніи, винодѣліе пришло въ упадокъ, потому что на него неблагосклонно смотрѣли властители, которые съ семитическою умѣренностію предпочитали воду и прохладную тѣнь горячительному напитку. Бывали даже такіе фанатики, которые совсѣмъ не хотѣли терпѣть вина, какъ напримѣръ, испанскій калифъ Гакемъ II: «онъ приказалъ истребить почти всѣ виноградныя лозы въ Испаніи; только около трети виноградниковъ оставилъ онъ для потребленія ихъ плодовъ въ видѣ спѣлыхъ и сушеныхъ ягодъ, коринки, сиропа и виноградного меда, что̀ дозволялось магометанскимъ закономъ» (Aschbach, Gesch. der Ommaijaden in Spanien. II. S. 158 f.). Что̀ не удалось исламу въ Испаніи — какъ показываютъ теперешніе хересъ и малага — то онъ осуществилъ въ лежащемъ насупротивъ Марокко». Приведя подробныя доказательства того, что Марокко славилось въ прежнее время обиліемъ винограда, который застали тамъ и арабы, г. Генъ продолжаетъ: «Теперь въ этой вообще весьма плодородной странѣ, вслѣдствіе арабскаго владычества, совсѣмъ нѣтъ или почти нѣтъ винограда, и только у независимыхъ шеллуховъ Рифа исламъ не могъ уничтожить запрещенный напитокъ» [1].

Вообще, усматривая гдѣ-нибудь фактъ, что страна, славившаяся

[1] Victor Hehn, Kulturpflanzen und Hausthiere in ihrem Übergang aus Asien nach Griechenland etc. 2 Auflage. S. 77 f.; книга эта представляетъ настоящее сокровище по исторіи первоначальнаго распространенія культурныхъ растеній и домашнихъ животныхъ.

прежде плодородіемъ, теперь безплодна, защитники благодѣтельнаго вліянія лѣсовъ нисколько но задумываются надъ причиною такого явленія и прямо приписываютъ его истребленію лѣсовъ, даже не справляясь о томъ, были ли тамъ прежде лѣса, а, если и были, то не страдала ли страна отъ засухъ и при лѣсахъ.

Извѣстно всѣмъ, напримѣръ, какія историческія перемѣны испытала Греція, такъ что не осталось и слѣдовъ ея прежняго состоянія. Когда говорятъ объ измѣненіи характера самыхъ жителей, то всѣ, конечно, укажутъ при этомъ на исторію. Если же рѣчь зайдетъ о томъ, почему теперь Греція безплодна, то защитники лѣсовъ указываютъ на истребленіе послѣднихъ, какъ на единственную причину этого явленія. Отъ этой-то причины, по словамъ Шлейдена—«во внутренней Греціи сухость воздуха постоянно возрастаетъ, горные ручьи исчезаютъ, замѣна древесной растительности приземистыми кустарниками распространяется. На многихъ горахъ выше 3,000′ находятся еще слѣды прежняго растительнаго міра, даже замѣтны еще русла прежнихъ ручьевъ, но вода и многолѣтняя растительность уже исчезла» (стр. 41). Между тѣмъ, ученые, болѣе Шлейдена знакомые съ состояніемъ древней Греціи, говорятъ: «Несомнѣнно, что Греція теперь менѣе лѣсиста, чѣмъ во времена Гомера и до него; но точно также неопровержимо, что во многихъ гористыхъ мѣстностяхъ Пелопоннеза находятся теперь болѣе густые дубовые и пихтовые лѣса, чѣмъ въ то время, когда страна была населена и усѣяна городами, а также и то, что Аттика уже во времена Перикла и Алкивіада была суха, какъ и теперь. Илиссъ и у Платона названъ только «ручейкомъ», и. только благодаря Пизистрату, до того времени голая, безлѣсная Аттика была засажена оливковыми деревьями» (Hehn, S. 4). «Никогда эта страна (Греція) не была влажна и туманна, какъ Англія: она всегда была близка къ Африкѣ, и уже древніе содержали козъ, устроивали цистерны и искуственное орошеніе» (Hehn, S. 5).

Но, еслибы и не было этихъ свидѣтельствъ, то какъ могли бы мы повѣрить голословному положенію Шлейдена, будто сухость воздуха въ Греціи постоянно возрастаетъ; въ доказательство этого онъ не привелъ ни одного факта, да и не могъ привести, потому что ихъ совсѣмъ нѣтъ.

Месопотамія составляетъ страну особенно любезную для защитниковъ благодѣтельнаго вліянія лѣсовъ, и ни одинъ изъ нихъ не забываетъ упомянуть объ ней. Относительно ея, видите ли, есть замѣтка Геродота, что въ ней нельзя разводить виноградъ будто бы «вслѣдствіе излишней влажности климата», и, во времена Теофраста, напрасно старались объ этомъ греки въ Вавилонѣ; между тѣмъ, спустя 400 лѣтъ, виноградъ тамъ, по свѣдѣніямъ Страбона, росъ отлично (Шлейденъ). Не знаю, кто первый почерпнулъ такое свѣдѣніе изъ Геродота, но, прочитывая его описаніе Вавилона, я не могъ найти упомянутой замѣтки. Напротивъ, у него говорится вотъ что (Herod. 1, 193)· «Страна

ассирійцевъ немного только смачивается дождемъ, и корни растеній питаетъ слѣдующее: посѣвы растутъ отъ орошенія изъ рѣкъ и становятся спѣлыми не такъ, какъ въ Египтѣ, гдѣ сама рѣка выступаетъ на поля, но орошеніе дѣлается посредствомъ ручной работы и насосовъ»...

«Изъ всѣхъ странъ, которыя мы знаемъ, эта гораздо лучше всѣхъ для воздѣлыванія хлѣбовъ. Но другія деревья вообще она совсѣмъ не можетъ выносить—ни фиговаго дерева, ни виноградной лозы, ни оливковаго дерева», и затѣмъ у Геродота идетъ описаніе баснословныхъ урожаевъ хлѣбовъ.

Вообще, у наиболѣе извѣстныхъ историковъ вездѣ мы встрѣтимъ указанія, что въ Месопотаміи было мало дождей (Duncker, Gesch. des Alterthums. Bd. I. S. 189. II Aufl.) и что, поэтому, орошеніе страны занимало халдеевъ не менѣе, чѣмъ постройки дворцовъ и храмовъ (тамъ же, S. 216). Поэтому мнѣ кажется довольно вѣроятнымъ, что предыдущая замѣтка о невозможности воздѣлывать виноградъ въ Месопотаміи, *вслѣдствіе излишней влажности климата*, есть простое предположеніе кого-нибудь изъ новѣйшихъ ученыхъ, незнакомыхъ съ подлиннымъ текстомъ Геродота. Впослѣдствіи всѣ другіе, не справляясь у Геродота, приписали эти словà ему самому.

Кромѣ Греціи и Месопотаміи, обыкновенно еще приводятъ Палестину, Сицилію и Испанію въ примѣръ того, кàкъ съ истребленіемъ лѣсовъ климатъ дѣлается суше. Мы не будемъ останавливаться на разборѣ приводимыхъ въ пользу этого свидѣтельствъ, потому что они имѣютъ такую же достовѣрность, какъ и свѣдѣнія о Греціи и Месопотаміи, приводимыя защитниками благодѣтельнаго вліянія лѣсовъ. Но, еслибы оказалось необходимымъ, то мы могли бы доказать, что во всѣхъ этихъ странахъ, во времена цвѣтущаго ихъ состоянія, производилось въ обширныхъ размѣрахъ искусственное орошеніе полей и, слѣдовательно, ихъ плодородіе обусловливалось исключительно трудомъ, а не климатомъ, который былъ и тогда также сухъ.

Но кромѣ влажности, лѣсà, по общепринятому мнѣнію, имѣютъ значительное вліяніе и на температуру мѣстности. Стараясь доказать это, Шлейденъ говоритъ: «Я хочу, при этомъ, попытаться снабдить свои выводы реальною подкладкою—историческими доказательствами. Представимъ себѣ большую область, съ Германію или побольше, почти сплошь покрытую лѣсами. Ни одинъ солнечный лучъ не доходитъ здѣсь до почвы, не согрѣваетъ и не сушитъ ея; воздухъ надъ этою массою лѣсовъ холоденъ и влаженъ, протекающіе надъ нею вѣтры охлаждаются и суровѣютъ, а, если они еще приносятъ съ собою влажность (какъ, напримѣръ, всѣ западные вѣтры въ Европѣ), то бòльшая часть ея ниспадаетъ въ видѣ сильныхъ и частыхъ дождей, а зимою—въ видѣ густого снѣга. Зимы продолжительны и суровы, лѣта туманны и влажны (главнѣйшія положенія этой тирады, какъ мы докажемъ потомъ—чистая фантазія). Вотъ картина Европы передъ

самымъ началомъ нашей эры», заключаетъ Шлейденъ и затѣмъ приводитъ историческіе примѣры.

«Геродотъ, въ 469 г. до Р. Х., изображаетъ Крымъ, Малую Татарію и Украйну страдающими отъ суровости восьмимѣсячной зимы, причемъ и въ остальные четыре мѣсяца было не тепло, а небо было покрыто туманомъ. Эту же страну описываетъ Виргилій (50 лѣтъ до Р. Х.) окоченѣвшею отъ холода и зарытою зимою на 2 сажени въ снѣгъ, такъ что люди принуждены рубить топоромъ замерзшее вино, а для самихъ себя выкапывать на зиму глубокія землянки. Тѣ же жалобы приноситъ, чрезъ 60 лѣтъ, изгнанный туда Овидій»... «Такъ что понятіе о суровости климата составляло не взглядъ одного лица, введеннаго въ заблужденіе преувеличенными разсказами или собственнымъ воображеніемъ, а, напротивъ, положительное и на извѣстіяхъ безчисленныхъ (?) очевидцевъ основанное представленіе тогдашнихъ географовъ» (Шлейденъ, стр. 36—38).

Прежде всего, мы замѣтимъ, что все сказанное здѣсь о тепеперешней Южной Россіи не можетъ быть приписано лѣсамъ, такъ какъ еще Геродотъ свидѣтельствуетъ, что «такъ ка̀къ въ скиѳской странѣ сильный недостатокъ лѣса, то они изобрѣли для варенія мяса слѣдующій способъ», и описываетъ, какъ они жгутъ кости животнаго, чтобы изжарить его мясо (Herod. 4, 61); затѣмъ, наиболѣе знаменитый изъ древнихъ географовъ, Страбонъ, совсѣмъ не такъ односторонне описываетъ климатъ упомянутыхъ мѣстъ. Приведя нѣсколько примѣровъ для доказательства того, ка̀къ велика бывала тамъ стужа, онъ продолжаетъ: «Говорятъ также, что на Боспорѣ виноградную лозу закапываютъ (на зиму), насыпая на нее много земли». Слѣдовательно, уже тогда въ Крыму могъ рости виноградъ. «Но и жары тамъ, должно быть, очень невыносимы, можетъ быть, потому, что къ нимъ не привыкли, но, можетъ быть, и потому, что въ равнинѣ тогда не бываетъ вѣтровъ, или и потому также, что плотный воздухъ болѣе нагрѣвается». (Str. 7, 3, 18). Изъ этого очевидно, что и тогда климатъ южной Россіи былъ столь же континенталенъ, какъ и теперь, и ясно, что слова̀ Геродота, Виргилія и др. относятся только къ описанію зимы, которая и теперь бываетъ (какъ, напр. даже теперешняя) иногда очень сурова. Что̀ касается Овидія, то, прочитывая его посланія съ Понта, легко убѣдиться, что главная его цѣль состояла въ изображеніи мѣста своего изгнанія самыми мрачными красками для того, что, авось либо, его друзья выпросятъ у Августа позволеніе хотя перемѣнить мѣсто ссылки на болѣе лучшее. По этой причинѣ, его слова̀ нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ, какъ и его увѣреніе о томъ, что ему *постоянно* грозятъ мечъ гота, съ одной стороны, и лукъ сармата—съ другой.—Въ этомъ случаѣ даже современныя извѣстія нѣкоторыхъ путешественниковъ о Россіи говорятъ, что она полна бѣлыхъ медвѣдей и цѣлый годъ зарыта въ снѣгу; многія свѣдѣнія древнихъ, привык-

шихъ къ болѣе теплому климату, достовѣрны не болѣе этого. Но, еслибы даже и было доказано, что климатъ южной Россіи измѣнился (чего, однако, какъ мы видимъ, не можетъ быть), то тогда не лѣса тому причиной, такъ какъ даже геологически доказано, что черноземъ обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно степной растительности. (Рупрехтъ, Геоботаническія изслѣдованія о черноземѣ).

Столь же неудачны ссылки на Францію. «Варронъ (въ 72 г. до Р. Х.), говоритъ Шлейденъ:—считаетъ южную Францію неспособною производить виноградъ, оливки и другіе плоды» (стр. 37); по словамъ Моммзена (Römische Gesch. VI Aufl. S. 160), не невѣроятно, что еще гораздо раньше этого (въ 154 г. до Р. Х.), «во всей области, находившейся въ зависимости отъ Массаліи по ту сторону Альпъ, разцвѣтавшее тамъ, по образцу массаліотскаго, воздѣлываніе винограда и оливъ было запрещено въ интересѣ итальянскихъ земледѣльцевъ и купцовъ», на что̀ и указываетъ Цицеронъ, говоря: «мы, справедливѣйшіе люди, запрещаемъ транс-альпійскимъ народамъ разводить виноградъ и оливы, чтобы наши были дороже». Затѣмъ «по Страбону, говоритъ Шлейденъ (стр. 40):—Бургундія была сплошь покрыта болотистыми лѣсами, въ которыхъ жили одни кабаны, теперь же Бургундія производитъ тончайшее вино». Этого мы не нашли у Страбона, но вотъ что̀ говоритъ онъ: «Вся Нарбонатисъ (Провансъ и Дофине) производятъ тѣ же самые плоды, какъ и Италія. Но, если подвинуться къ сѣверу и къ Цемменскимъ Горамъ (Севенны), то, хотя оливковыя и фиговыя деревья исчезаютъ, но остальные плоды растутъ. Также и виноградъ, если подвинуться еще дальше (къ сѣверу), не легко созрѣваетъ; но вся остальная страна приноситъ много хлѣба, проса, желудей и всякаго рода домашній скотъ, и невоздѣланнымъ не остается ничего, кромѣ мѣстъ, занятыхъ болотами и лѣсами. Однако, даже эти области заняты болѣе многочисленнымъ, чѣмъ прилежнымъ населеніемъ, потому что женщины плодовиты и тщательно ухаживаютъ за дѣтьми, а мужчины, напротивъ—болѣе воины, чѣмъ земледѣльцы. Но теперь они, послѣ прекращенія войнъ, вынуждены воздѣлыватъ поля. Этого довольно (сказать) обо всей вообще Галліи, по ту сторону Альпъ». (Str. 4, 1, 2).

Къ этому можно прибавить еще слѣдующія свѣдѣнія изъ книги Гена.

«Въ первомъ вѣкѣ имперіи, извѣстія у Плинія и Колумеллы описываютъ теперешнюю Францію, уже какъ страну самостоятельную по воздѣлыванію винограда, съ собственными сортами этого растенія и винъ, съ вывозомъ ихъ въ Италію». «Въ это время появляется и *бургундское* вино, хотя, конечно, не подъ этимъ названіемъ, но, какъ вино изъ Віенны-на-Ронѣ, арвернское, сенванское, гельвійское и аллоброгское». Что вина оттуда вывозились въ Италіи, доказывается словами Марціала, цитиро-

ванными у Гена. Марціалъ говоритъ (13, 107) о смолистомъ винѣ:

«Не сомнѣвайся, что это вино пришло изъ Віенны,
«Самъ Ромулъ прислалъ мнѣ его».

Эти положительныя свидѣтельства, конечно, отнимаютъ всякое значеніе такихъ увѣреній, какъ, по словамъ Шлейдена, увѣренія Діодора Сицилійскаго, который «называетъ всю страну на сѣверъ отъ Альповъ и Пиринеевъ, начиная отъ западныхъ береговъ Франціи и до самаго Чернаго моря, холодною и суровою». (Шлейд. стр. 37).

Вообще, у всякаго, кто со вниманіемъ прочитаетъ цитированную нами нѣсколько разъ превосходную книгу Гена, не останется ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что распространеніе винограда и оливковыхъ деревьевъ, сперва въ Греціи, потомъ въ Италіи, а затѣмъ и въ другихъ частяхъ Европы, обусловливалось исключительно распространеніемъ греческой и римской культуры и акклиматизаціей этихъ растеній. Въ средніе вѣка область винограда была даже обширнѣе теперешней. «Въ прежнія времена, говоритъ Гризебахъ (Растит. земного шара, стр. 110 русск. перев.):—предѣлъ винограда проходилъ сѣвернѣе, а именно—отъ Англіи, черезъ Пруссію, до русскихъ прибалтійскихъ провинцій. Это обстоятельство справедливо было приписано тому, что въ средніе вѣка, когда пути въ Европѣ были несовершенны, довольствовались (на сѣверѣ) худшимъ виномъ, чѣмъ теперь». (См. объ этомъ также у Гена, стр. 73). Защитники благодѣтельнаго вліянія лѣсовъ, не желающіе обращать вниманія на соціальныя и международныя отношенія, сваливаютъ все на климатъ и даже требуютъ того же отъ другихъ, чтò выходитъ уже совсѣмъ курьёзно. «Толкователи библіи и древнихъ классиковъ, говоритъ Шлейденъ (стр. 38):—придумываютъ иногда удивительныя сопоставленія: не догадываясь о возможности измѣненія климатическихъ условій тѣхъ странъ, они безъ дальнѣйшихъ разсужденій относили и къ древней природѣ изображенія современныхъ путешественниковъ. Однако, уже талантливый Колумелла (43 г. по Р. Х.), основательный знатокъ сельскаго хозяйства, признавалъ постепенное измѣненіе климата».—Очень наивный упрекъ мнимой неосновательности историковъ.

На этомъ мы остановимся, потому что разбирать другія историческія доказательства Шлейдена (главнѣйшія мы разобрали всѣ) было бы скучно. Мы можемъ прибавить, что не одинъ Шлейденъ виновенъ въ такомъ неловкомъ пользованіи историческими данными. Въ ученой литературѣ по занимающему насъ вопросу есть книга, спеціально посвященная доказательству того, что климатъ, съ теченіемъ времени, въ разныхъ странахъ измѣнялся отъ уничтоженія лѣсовъ. Это—книга Фрааса «Klima und Pflanzen in der Zeit». Но, по свидѣтельству Гена, до изумительныхъ подробностей знакомаго съ классическою литературою, у Фрааса «мѣста изъ древнихъ выбраны односторонне; чтò не

могло служить въ пользу основной тэмы, оставлено въ сторонѣ; многое, по излишней ревности, даже истолковано ложно». (Hehn, S. 3). Если принять въ разсчетъ, что для большинства писавшихъ о лѣсахъ книга Фрааса есть главный источникъ для историческихъ доказательствъ, то будетъ ясно, насколько заслуживаютъ довѣрія всѣ ихъ доводы.

Другія доказательства Шлейдена, изъ области естественныхъ наукъ, будутъ нами разсмотрѣны въ слѣдующихъ главахъ нашей статьи только мимоходомъ, при изложеніи научныхъ фактовъ, на основаніи которыхъ можно составить понятіе о возможности или невозможности вліянія на климатъ. Множество упоминаемыхъ у него фактовъ, мы принуждены оставить совершенно въ сторонѣ; надѣемся, однако, что значеніе ихъ будетъ ясно для всякаго, кто пожелаетъ послѣ нашихъ разъясненій произвести имъ должную оцѣнку. Здѣсь можно замѣтить только вообще, что многія изъ его естественно-научныхъ доказательствъ едва ли не болѣе курьёзны, чѣмъ доказательства историческія.

III.

Для правильнаго разрѣшенія вопроса о вліяніи лѣсовъ на климатъ необходимо сперва опредѣлить, ка̀къ относится къ капельножидкой и парообразной водѣ почва, не покрытая растеніями, и затѣмъ, какія измѣненія происходятъ въ этихъ процессахъ, когда они происходятъ въ присутствіи растеній, и, наконецъ, опредѣлить различіе въ этомъ отношеніи между лѣсомъ и всякою другою растительностью. — Только при такихъ условіяхъ возможно рѣшить, какое вліяніе могутъ имѣть лѣса̀.

Такимъ образомъ, намъ предстоитъ начать съ соотношеній между почвою и водою, и притомъ съ такихъ элементарныхъ свѣдѣній, которыя многимъ могутъ показаться излишними вслѣдствіе ихъ общеизвѣстности. Мы съ удовольствіемъ пропустили бы ихъ, еслибы можно было не опасаться, что послѣдующій разборъ фактовъ былъ бы понятенъ каждому и безъ нихъ.

Не будучи свободны отъ такихъ опасеній, мы постараемся, однако, изложить все необходимое для насъ по возможности сжато.

Если взять разныя вещества, изъ которыхъ состоитъ почва, или самую почву и положить ихъ въ какой-нибудь сосудъ съ проницаемымъ для воды дномъ (напр. въ рѣшето, нижняя часть котораго сдѣлана изъ плотной ткани, не дозволяющей твердымъ частицамъ проваливаться внизъ), и если въ такомъ сосудѣ потихоньку поливать почву водою, то сперва вода не будетъ проникать внизъ: она вся будетъ задерживаться между твердыми частицами почвы. Наконецъ, когда всѣ промежутки между частицами почвы наполнятся водою, она начнетъ стекать внизъ. Это будетъ совершенно такое же явленіе, какое происходитъ

при поливаніи водою обыкновенной губки. Почва, которая уже не въ состояніи болѣе удерживать воды, *насыщена*, какъ говорятъ, ею. Разныя вещества, входящія въ составъ почвы, какъ, напр. глина, перегной, известь и т. п., требуютъ для насыщенія разныхъ количествъ воды или, какъ выражаются, они обладаютъ различною *влагоемкостью*; это—терминъ, обозначающій сколько вѣсовыхъ частей воды необходимо для насыщенія ста вѣсовыхъ частей почвы или ея составныхъ частей. Поэтому говорятъ, влагоемкость глины—70. Это значитъ, что сто вѣсовыхъ частей глины въ состояніи удержать не болѣе 70 вѣсов. частей воды между своими частицами.

Когда идетъ дождь, то съ почвою происходитъ тоже самое, что и при нашемъ предыдущемъ опытѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ природѣ верхніе слои почвы лежатъ на другихъ такихъ же, или отличныхъ отъ нихъ слояхъ. При прокапываніи почвы до болѣе или менѣе значительной глубины, всегда можно найти нѣсколько разнообразныхъ по составу слоевъ, лежащихъ одинъ надъ другимъ. Въ числѣ этихъ слоевъ могутъ быть такіе, которые пропускаютъ чрезъ себя воду, насытившись предварительно ею, но бываютъ слои и непроницаемые для воды, какъ, напр. плотная, жирная глина или сплошныя горнокаменныя породы.

При дождѣ, вода прежде всего поглощается верхними слоями почвы, затѣмъ, послѣ насыщенія ихъ—слѣдующими и т. д. Такъ какъ почвы разнообразнаго состава обладаютъ различною влагоемкостью, то, вода при одинаковомъ дождѣ, проникаетъ на разныхъ почвахъ до различной глубины. При бо̀льшей влагоемкости почвы, болѣе воды задерживается верхними частями, и, стало быть, вода труднѣе проникаетъ въ глубь; при мѐньшей влагаемости—наоборотъ. Точно также: при не очень сильномъ, но продолжительномъ дождѣ, вода можетъ проникнуть глубже, такъ какъ при большомъ количествѣ, она можетъ насытить болѣе глубокій слой почвы.

Мы сказали при *не очень сильномъ* дождѣ, потому что при сильномъ замѣчается еще одно явленіе: частицы почвы тогда не успѣваютъ поглощать всю падающую воду, и часть послѣдней стекаетъ по поверхности почвы въ мѣста болѣе низкія — въ ручьи, овраги и т. п. Иногда, вслѣдствіе этого, хотя при сильномъ ливнѣ выпадаетъ очень много воды, но она успѣваетъ насытить весьма не глубокій слой почвы.

Въ томъ случаѣ, когда идетъ продолжительный дождь, вода будетъ проникать въ почву все глубже и глубже, пока дойдетъ до непроницаемаго слоя. Такъ какъ, въ этомъ случаѣ, ей глубже идти некуда, то она начинаетъ стекать по наклону поверхности непроницаемаго слоя и затѣмъ, въ мѣстахъ болѣе низкихъ, снова появляется на свѣтъ въ видѣ источниковъ, родниковъ и т. п., даетъ начало ручьямъ и рѣкамъ. Вся вода, нахо-

дящаяся въ рѣкахъ, прѣсноводныхъ озерахъ, и т. п. происходитъ изъ дождевой (или снѣговой) воды.

Если, при прониканіи воды въ глубину, она дойдетъ до непроницаемаго слоя, неимѣющаго ската или образующаго котловину, то она накопляется здѣсь, уровень ея съ притокомъ новой воды поднимается все выше и выше, и такимъ образомъ являются болота.

Мы знаемъ, что рѣки текутъ постоянно, а дожди падаютъ періодически. Причину этого явленія можетъ намъ объяснить довольно наглядно тотъ же опытъ съ почвою, насыпанною въ рѣшето. Если почва будетъ достаточно плотна, то, наливши на нее много воды, мы замѣтимъ, что послѣдняя появится снизу только черезъ нѣкоторое время и будетъ стекать по каплямъ, и, при плотной почвѣ, много времени потребуется для того, чтобы вся вода прошла черезъ почву, хотя во всякомъ случаѣ вся вода, излишняя сверхъ насыщенія почвы, непремѣнно стечетъ внизъ. Наливая на почву періодически воду и подставивши снизу наклонную поверхность, мы получимъ на послѣдней ручеекъ съ постояннымъ теченіемъ. Тоже самое дѣлается и съ дождевою водою: ей нужно пройти глубокіе слои и потомъ стечь иногда по незначительному уклону между частицами почвы, замедляющими ея движеніе. Поэтому неудивительно, что она употребляетъ для совершенія пути до питаемаго ея ручья цѣлые мѣсяцы.

И такъ, слѣдовательно, дождевая (или снѣговая) вода, падающая на землю, употребляется, во-первыхъ, для насыщенія всѣхъ слоевъ почвы, лежащихъ надъ непроницаемымъ слоемъ, и, во-вторыхъ, идетъ на питаніе рѣкъ, озеръ, болотъ стекая внизъ или по поверхности почвы (при обильномъ паденіи воды въ малый промежутокъ времени), или подъ землею, по поверхности непроницаемаго слоя. Нужно въ особенности помнить, что, во всякомъ случаѣ, въ рѣки можетъ идти только та вода, которая остается излишнею за насыщеніемъ почвы. Почва, не насыщенная или только что насыщаемая водою, ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ содержащуюся въ ней воду стекать внизъ.

По этой причинѣ, въ разныя времена года различныя части дождевой воды идутъ на питаніе рѣкъ: лѣтомъ, когда почва бываетъ суха, бо̀льшая часть дождевой воды, часто даже вся эта вода остается въ верхнихъ слояхъ почвы; весною, осенью и зимой, напротивъ, бо̀льшая часть дождевой воды просачивается въ глубь, потому что почва бываетъ тогда болѣе сыра и для ея насыщенія нужно сравнительно немного воды. Положеніе это очень наглядно доказывается наблюденіями надъ такими полями, на которыхъ устроенъ дренажъ. При измѣреніи воды, вытекающей изъ дренажныхъ трубъ, можно въ такихъ случаяхъ опредѣлить, сколько дождевой воды остается въ избыткѣ сверхъ насыщенія почвы. Разумѣется, для вывода правильныхъ

заключеній годно только такое поле, которое не можетъ получать никакой другой воды, кромѣ дождевой, т. е. оно должно имѣть такое положеніе, чтобы на него не могла стекать вода съ окружающихъ полей. Мы приведемъ наблюденія Ризлера въ Швейцаріи (Chemischer Ackersmann 1870. 5. 133.) и Диккинсона въ Англіи (Wilhelm. Der Boden und das Wasser 5. 56). По ихъ наблюденіямъ, стекало воды чрезъ дренажныя трубы въ процентахъ всего количества дождевой воды:

	У Ризлера.		У Диккинсона.
	Въ 1867 г.	Въ 1868 г.	(среднее за 8 лѣтъ).
Въ январѣ	74,5	37,5	70,7
» февралѣ	67,5	99,0	78,4
» мартѣ	45,6	52,0	66,6
» апрѣлѣ	45,4	6,0	21,0
» маѣ	17,8	2,8	5,8
» іюнѣ	1,2	0	1,7
» іюлѣ	0	0	1,8
» августѣ	0	0	1,4
» сеньтябрѣ	0	1,3	18,9
» октябрѣ	0	22,9	49,5
» ноябрѣ	0	37,3	84,9
» декабрѣ	0	71,1	100,0
За цѣлый годъ	20,0	27,0	41,7

Изъ наблюденій Ризлера видно, какія сильныя колебанія могутъ быть въ этомъ отношеніи въ разные годы; цифры Диккинсона показываютъ, между прочимъ, что, при болѣе влажномъ климатѣ Англіи, гдѣ земля не такъ высыхаетъ, даже лѣтомъ часть воды все еще остается излишнею за насыщеніемъ верхнихъ слоевъ почвы; между тѣмъ, при наблюденіяхъ Ризлера этого не случалось ни разу.

Намъ остается разсмотрѣть еще тотъ случай, когда водою будетъ насыщенъ только небольшой слой почвы. Изслѣдованія показываютъ, что въ такомъ случаѣ вода мало по малу распредѣляется, или, по крайней мѣрѣ, стремится распредѣлиться равномѣрно по всей массѣ почвы. Причины этого явленія совершенно понятны. Каждая частица почвы съ извѣстною силою притягиваетъ частицы воды, и сила этого притяженія измѣняется сообразно съ разстояніемъ частицъ воды отъ поверхности твердаго тѣла. Сильнѣе всего притягивается слой воды, лежащей на поверхности твердаго тѣла; слѣдующій за нимъ слабѣе и т. д. Поэтому, если съ частицею твердаго тѣла, окруженнаго наибольшимъ слоемъ воды, какой только она можетъ удержать, будетъ рядомъ другая, вокругъ которой не будетъ совсѣмъ воды, то эта послѣдняя будетъ притягивать наружныя части воднаго слоя (если она соприкасается съ ними) съ большею силою, чѣмъ они притягиваются первою частицею, и, такимъ образомъ часть воды будетъ переходить на поверхность второй частицы, пока притяженіе съ обѣихъ сторонъ не уравновѣсится. Тже

самое будетъ во всѣхъ случаяхъ, когда двѣ рядомъ лежащія твердыя частицы будутъ окружены не одинаковыми слоями воды. При цѣломъ рядѣ частицъ, избытокъ воды, хотя бы только на одной изъ нихъ, будетъ постепенно передаваться отъ одной къ другой, распредѣляясь равномѣрно между ними, пока притяженіе не будетъ вездѣ одинаково. Послѣ того, какъ наступитъ такое равновѣсіе, если, хотя съ одной частицы будетъ удалено нѣкоторое количество воды, или количество воды будетъ увеличено, то движеніе начнется опять въ сторону наиболѣе сухихъ частицъ; при постоянномъ нарушеніи равновѣсія и движеніе воды будетъ постоянное. Такое явленіе и происходитъ постоянно въ почвѣ, такъ какъ постоянно нѣкоторые слои почвы или высыхаютъ, или дѣлаются болѣе влажными. Это движеніе воды, какъ мы видимъ, обусловливается исключительно неравномѣрностью ея распредѣленія; поэтому оно можетъ происходить и въ довольно сухихъ почвахъ. Быстрота этого движенія и вообще измѣненія, происходящія въ немъ при разныхъ условіяхъ, еще совсѣмъ не изслѣдованы.

IV.

Помѣщая влажную почву въ сухую атмосферу, мы замѣчаемъ, что почва высыхаетъ, т. е. вода изъ нея выдѣляется въ видѣ паровъ. Если, наоборотъ, сухую почву помѣстить во влажную атмосферу, то почва будетъ поглощать парообразную воду, высушивая воздухъ. Слѣдовательно, отношеніе почвы къ атмосферѣ можетъ быть различно, смотря по степени влажности ихъ обѣихъ. Очень влажная почва сперва испаряетъ въ атмосферу въ опредѣленные промежутки времени значительныя количества воды, но затѣмъ остающаяся вода все прочнѣе и прочнѣе удерживается почвою, и, наконецъ, испареніе воды прекращается. Точно также и изъ влажной атмосферы сухая почва сперва жадно поглощаетъ пары, но, наконецъ, между почвою и атмосферою устанавливается равновѣсіе, и почва тогда не поглощаетъ болѣе паровъ.

Опыты показываютъ, что, если почва будетъ находиться въ воздухѣ, постоянно насыщенномъ парами, то, и при этомъ условіи, самомъ благопріятномъ для наибольшаго поглощенія парообразной воды, разныя вещества поглощаютъ сравнительно весьма небольшія количества. Мы приведемъ для примѣра цифры, полученныя Шиблеромъ, и рядомъ съ ними поставимъ найденныя имъ же цифры, выражающія влагоемкость тѣхъ же самыхъ веществъ; по этому можно удобно сравнить тѣ и другія величины.

	100 частей сухаго вещества поглощаютъ паровъ изъ насыщенной атмосферы въ теченiе 72 часовъ.	100 частей вещества могутъ удержатѣ жидкой воды.
Кварцовый песокъ . . .	0	25
Чистая глина	4,9	70
Известь въ порошкѣ . .	3,5	85
Перегной	12,0	190

Изслѣдованiя Вильгельма (Der Boden und das Wasser, S. 16—17) показали, что почва (садовая земля), высохшая на воздухѣ, содержитъ еще 2,84% воды; поставленная въ пространство, насыщенное парами, она поглощаетъ воду; но количество воды, поглощенной въ теченiе 72 часовъ, составляетъ только 5,1%; въ песчаной почвѣ, при тѣхъ же условiяхъ, поглощенiе паровъ возвысило содержанiе влажности въ почвѣ съ 0,4% до 1,96%, т. е. почва осталась все еще очень сухою.

При всѣхъ этихъ опытахъ, какъ мы уже замѣтили, почва поставлена была въ наиболѣе выгодныя условiя для поглощенiя паровъ. Въ природѣ почва никогда не бываетъ такъ долго въ пространствѣ, насыщенномъ парами (развѣ только въ дождливое время, но тогда несравненно бóльшее значенiе имѣетъ дождевая вода). При опытахъ Несслера (Bericht über Arbeiten der Versuchsstat. Karlsruhe, S. 11), который опредѣлялъ испаренiе воды изъ почвы во время дождя и поглощенiе паровъ во время ночи, найдено:

На 100 частей почвы, высушенной на воздухѣ:

Уплотненной.		Рыхлой.	
Испарялось днемъ.	Поглощ. ночью.	Испарялось днемъ.	Поглощ. ночью.
0,629 част.	0,218 част.	1,548	0,452
0,538 »	0,456 »	1,112	0,966
0,565 »	0,400 »	0,842	0,792

Въ этомъ случаѣ измѣненiе въ содержанiи влажности отъ поглощенiя паровъ составляло только доли одного процента, т. е. было очень незначительно. Вообще, какъ видно изъ этихъ и изъ всѣхъ другихъ изслѣдованiй, поглощенiе паровъ во время ночи всегда гораздо менѣе потери воды почвою отъ испаренiя во время дня. Поэтому, если опредѣлять содержанiе воды въ почвѣ въ разныя времена года, то всегда замѣчается, что съ весны до осени почва до значительной глубины высыхаетъ, а это показываетъ, что нетолько парообразная вода, но даже дожди не въ состоянiи вознаградить потерю воды отъ испаренiя во время лѣта. Только осеннiе дожди и весенняя вода опять увеличиваютъ содержанiе влажности въ почвѣ. Вотъ, напр. цифры, найденныя Ризлеромъ (Chemisch. Ackersmann, 1870, S. 135):

	Среднее содержаніе влажности въ почвѣ до глубины 35 сантиметровъ.
Въ январѣ . . .	25,0%
» февралѣ . . .	24,0 »
» мартѣ . . .	25,0 »
» апрѣлѣ . . .	21,0 »
» маѣ	17,5 »
» іюнѣ	17,18 »
» іюлѣ	15,61 »
» августѣ . . .	13,41 »
» сентябрѣ . . .	9,83 »
» октябрѣ . . .	12,46 »
» ноябрѣ . . .	17,85 »
» декабрѣ . . .	23,68 »

То же самое мы можемъ вывести изъ изслѣдованій Грувена (Ueber den Zusammenhang zwischen Witterung, Boden und Düngung. S. 293 u. f.). Онъ опредѣлялъ непосредственными опытами количество воды, поглощаемой почвою въ видѣ паровъ, причемъ замѣчено было, что поглощеніе происходитъ не только на поверхности почвы, но достигаетъ наибольшей величины въ томъ случаѣ, когда слой почвы будетъ около 16-ти сантиметровъ (6,3 дюйм.) глубиною. Такой слой почвы изъ Зальцмюнде (надъ которой производились изслѣдованія) поглощаетъ въ теченіи ночи столько водяныхъ паровъ, что они, сгустившись, могли бы составить слой воды въ 0,29 миллиметровъ толщиною. Въ 137 ночей (съ 1-го мая по 1-е сентября) это даетъ слой воды въ 39,9 миллим. или 17,68 парижскихъ линій. По разсчету, на десятину это составитъ около 110,000 фунтовъ воды. Наибольшій предѣлъ поглощенія для 24 изслѣдованныхъ Грувеномъ почвъ составлялъ 20 линій, наименьшій—6 линій.

Испареніе воды изъ почвы за то же время опредѣлялось при помощи слѣдующаго пріема. Во все время, съ мая по сентябрь, наблюдалось количество воды, испаряющейся съ поверхности сосуда, постоянно наполнявшагося водою по мѣрѣ ея испаренія, и съ этимъ сравнивалось испареніе воды при равной поверхности изъ почвы, причемъ почва содержала такое количество воды, которое было близко къ тому, какое находилось въ полевой почвѣ. Для почвы въ Зальцмюнде величина испаренія изъ почвы составлялала 0,72 величины испаренія съ водной поверхности. Для разныхъ почвъ величины эти (названныя Грувеномъ коэффиціэнтами испаренія почвъ) колебались отъ 0,4 до 1,2.

При наблюденіяхъ въ 1863 и 1864 годахъ, въ теченіи мая, іюня, іюля и августа найдено:

Въ 1863 г.	испареніе съ водной поверхности	307,2	линій
»	количество дождя	83.5	»
Въ 1864 г.	испареніе съ водной поверхности	325,9	»
»	количество дождя	180.9	»

«Коэффиціэнтъ испаренія для почвы опытнаго поля въ Зальцмюнде равенъ 0,72, говоритъ Грувенъ. — Поэтому, въ 1864 году съ опытнаго поля испарилось около 325,9×0,72=234 парижскихъ линій воды. Хотя выпавшій за то же время дождь въ 180,9 линій можетъ быть названъ необычайно обильнымъ, но онъ, все-таки, не могъ вознаградить потерю воды отъ испаренія. Недостаетъ еще 234—180=54 линій.

«Для бѣднаго дождемъ лѣта 1863 г. разница эта доходитъ до 137,7 линій».

Этотъ недостатокъ вознаграждается отчасти поглощеніемъ паровъ, а, главнымъ образомъ, высыханіемъ почвы.

«Въ октябрѣ, во времени уборки урожая, говоритъ Грувенъ дальше: — почвенный слой обыкновенно находятъ очень высохшимъ. Онъ содержитъ тогда только 5—10% влажности, тогда какъ весною въ немъ находится почти двойное количество. Разница въ 5—10% такимъ образомъ доказана. Чтобы уяснить ея значеніе, возьмемъ такой случай, когда она составляетъ 6%. 6 фунтовъ воды на 100 ф. почвы, при пяти футовой глубинѣ, соотвѣтствуютъ высотѣ дождя въ 56,6 линій».

Все это показываетъ, что поглощеніе паровъ воды составляетъ, по сравненію съ другими процессами въ это время, величину очень незначительную.

Противъ этого можно возразить, что почва получаетъ еще значительное количество воды въ видѣ росы. Возраженіе это устраняется изслѣдованіями Вильгельма, по опредѣленію котораго количества осѣдающей на почву росы и поглощаемыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, паровъ въ теченіи лѣта составляютъ вмѣстѣ около 250,000 фунтовъ на десятину, причемъ на долю паровъ приходится около половины. (Мы видѣли, что Грувенъ нашелъ близкую къ этому величину). Чтобы выяснить значеніе такого количества воды, достаточно сказать, что оно можетъ насытить только слой около 1 дюйма сухой почвы.

Итакъ, на основаніи всѣхъ имѣющихся изслѣдованій мы должны прійти къ слѣдующимъ выводамъ объ испареніи воды и поглощеніи ея почвою.

Днемъ, подъ вліяніемъ солнца почва нагрѣвается, а воздухъ, кромѣ того, становится менѣе насыщенъ водяными парами. Вслѣдствіе этого происходитъ испареніе воды изъ почвы; ночью, температура почвы и воздуха понижается, причемъ почва дѣлается холоднѣе воздуха. (По изслѣдованіямъ Грувена, даже въ 7 часовъ утра почва еще на 0,5° R. холоднѣе воздуха). Воздухъ дѣлается насыщеннымъ парами воды; отъ этого почва поглощаетъ парообразную воду и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на нее осѣдаетъ капельножидкая вода въ видѣ росы—верхній слой почвы дѣлается тогда влажнѣе. Но вотъ опять наступаетъ день, и испареніе воды изъ почвы начинается снова. Въ теченіи дня испаряется не только вся вода, поглощенная ночью, но, кромѣ того, изъ почвы удаляется еще значительное количество воды, иногда

*

въ 4—5 разъ бо̀льшее поглощенныхъ паровъ и осѣвшей росы. Идущіе лѣтомъ дожди тоже въ рѣдкихъ только случаяхъ могутъ насытить почву водою и, такимъ образомъ, доставить воду для питанія ручьевъ и рѣкъ; въ большинствѣ случаевъ, они только увлажняютъ почву до незначительной глубины. Все количество дождевой воды, поглощенныхъ паровъ и осѣвшей росы не въ состояніи вознаградить убыль воды въ почвѣ отъ испаренія. Въ результатѣ всего этого — почва къ осени высыхаетъ до значительной глубины.

Эта картина, представляющая неопровержимый выводъ изъ точныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ ни одно не дало уклоняющагося отъ другихъ результата, позволяетъ намъ оцѣнить по достоинству слѣдующее, весьма наивное соображеніе Шлейдена (стр. 46).

«Изъ опавшихъ листьевъ и другихъ лѣсныхъ остатковъ образуется перегной, обладающій способностью всасывать изъ атмосферы и удерживать въ себѣ большія количества водяныхъ паровъ. Пары эти сгущаются въ капельножидкую воду, которая, повинуясь законамъ тяжести, медленно просачивается въ глубь, пока не достигнетъ непроницаемаго слоя; здѣсь образуются маленькія водяныя жилки, соединяющіяся съ другими и выходящія наружу гдѣ-нибудь въ видѣ ключей». Такимъ образомъ, по мнѣнію этого ученаго, перегной можетъ поглощать столько воды, что она будетъ стекать съ него, причемъ поглощеніе все еще будетъ продолжаться! Но мы видѣли, что въ видѣ паровъ перегной можетъ поглотить только 12% воды (изъ насыщенной парами атмосферы), а для полнаго насыщенія его жидкою водою нужно 190%, то-есть слишкомъ въ 15 разъ больше. Замѣтимъ, что это—одинъ изъ *сильнѣйшихъ доводовъ* Шлейдена въ пользу того положенія, что лѣса способствуютъ питанію источниковъ.

V.

Въ предыдущихъ главахъ мы разбирали взаимнодѣйствія почвы и воды, какъ жидкой, такъ и газообразной, имѣя въ виду, что почва не покрыта растительностію. Такъ какъ жизнь растеній представляетъ цѣлый рядъ процессовъ, для которыхъ необходимо присутствіе значительныхъ количествъ воды, то, само собою разумѣется, въ почвѣ, покрытой растеніями, круговоротъ воды долженъ претерпѣвать существенныя измѣненія, сравнительно съ голою почвою.

Мы начнемъ съ тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ количествѣ влажности въ почвѣ подъ вліяніемъ растеній.

Благодаря многочисленнымъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ недавнее время, рѣшеніе этого вопроса въ общемъ его видѣ не представляетъ затрудненій; вся трудность дѣла заключается

только въ опредѣленіи того, какое количественное различіе существуетъ въ этомъ отношеніи между разными растеніями.

Всѣ изслѣдованія, произведенныя разными лицами посредствомъ различныхъ пріемовъ, доказываютъ неопровержимо, что *растенія способствуютъ бо́льшему высыханію почвы*. Въ наукѣ не особенно много найдется такихъ положеній, которыя были бы столь же достовѣрны, какъ это. Нѣтъ ни одного изслѣдованія, которое бы ему противорѣчило; напротивъ: каждый новый опытъ всегда только съ бо́льшею силою подтверждаетъ эту истину. Поэтому мы не будемъ приводить всѣхъ относящихся сюда изслѣдованій, а возьмемъ только такія, которыя подтверждаютъ высказанную нами истину нагляднѣе.

Нѣкоторые опыты для опредѣленія вліянія растеній на влажность почвы производились такимъ образомъ: растенія выращивались въ ящикахъ, непроницаемыхъ для воды; почва въ нихъ поливалась, и чрезъ опредѣленные промежутки времени ящики съ растеніями взвѣшивались; для сравненія, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, производились наблюденія надъ такими же ящиками съ одною почвою безъ растеній. Убыль въ вѣсѣ показывала испареніе воды въ томъ и другомъ случаѣ.

При такихъ опытахъ, Фогель въ Мюнхенѣ (Versuche über die Wasserverdunstung auf besätem und unbesätem Boden) получилъ слѣдующія цифры:

Въ теченіе 108 дней, при средней температурѣ 12,2°, R. испарилось воды по разсчету съ поверхности одной десятины:

		На почвѣ глинистой.	На почвѣ известковой.
Незасѣянной		2.100,000 фун.	2.250,000 фун.
Засѣянной	клеверомъ	5.340,000 »	5.700,000 »
»	овсомъ	6.450,000 »	6.900,000 »
»	пшеницею	6.030,000 »	6.750,000 »
»	рожью	6.120,000 »	6.500,000 »
»	ячменемъ	5.910,000 »	6.500,000 »

Слѣдовательно, по этимъ опытамъ, почва, покрытая растеніями, испаряетъ, при равныхъ условіяхъ, въ большинствѣ случаевъ почти втрое болѣе воды, чѣмъ почва голая.

Подобные же опыты Матьё-Дэви въ Швейцаріи показали, что въ теченіи недѣли (20—28 іюля) испаряется силой воды:

Съ поверхности	голой почвы	29,89	миллиметровъ.
»	почвы съ елов. раст.	34,01	»
»	почвы съ буков. раст.	38,05	»
»	покрытой дерномъ	53,72	»

Изъ этихъ опытовъ видно, между прочимъ, что и лѣсныя растенія не составляютъ исключенія изъ общаго правила; это, впрочемъ, разумѣется само собою, потому что деревья не отличаются въ своихъ жизненныхъ процессахъ какими-нибудь особенностями, кромѣ многолѣтняго существованія.

Если приведенные нами и всѣ другіе подобные опыты справедливы, то въ почвѣ, покрытой растеніями, къ осени должно

содержаться менѣе влажности, чѣмъ въ почвѣ голой. Изслѣдованія какъ нельзя лучше подтверждаютъ этотъ выводъ.

Вотъ, напримѣръ, результаты, полученные Ризлеромъ при изслѣдованіи съ одинаковою почвою и имѣющими почти одинаковое положеніе:

	Содержаніе вмѣстимости въ %. На глубинѣ 6—8 дюймовъ.	На глубинѣ 16—18 дюймовъ.	Среднее.
Садовая почва, не бывшая засѣянной	15,00	17,05	16,00
Полевая почва, вспаханная въ іюлѣ, послѣ урожая вики	11,00	18,20	14,6
Полевая почва послѣ урожая овса, не вспаханная	7,57	17,38	12,5
Лѣсная почва подъ 9-ти лѣтнимъ дубомъ	10,57	13,95	12,3
Такая же почва подъ 35—40-ка лѣтнимъ дубомъ	9,53	7,54	8,5
Такая же почва подъ елью 20-тилѣтняго возраста	12,85	4,46	8,6
Почва изъ виноградника	9,25	10,41	9,8

Сравнивши между собою два первые столбца этой таблицы, мы можемъ замѣтить, что разныя растенія высушиваютъ разные слои почвы, сообразно той глубинѣ, на которой распространяется главная масса ихъ дѣятельныхъ корней. Такимъ образомъ, у пятилѣтняго дуба верхній слой почвы оказался суше нижняго, а у 35—40-ка лѣтняго дуба—на оборотъ, такъ же, какъ и у 20-тилѣтней ели; полевыя растенія, разумѣется, высушиваютъ преимущественно верхній слой; впрочемъ, это можно сказать только относительно злаковъ; другія сельско-хозяйственныя растенія, съ болѣе глубокими корнями, высушиваютъ болѣе низкіе слои почвы, какъ это видно изъ изслѣдованій Вильгельма и Брейтенвопера (Jahresberichte, von Hofmann etc.). Вотъ, напримѣръ, результаты изслѣдованій Вильгельма. Образчики для изслѣдованій взяты были съ одинаковыхъ по составу полей и на очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга.

На глубинѣ:	Во 100 частяхъ почвы содержалось влаги: Кукурузн. поле.	Люцернов. поле.	Пшеничн. поле.	Свеклов. поле.
0,5 фут.	22,2	17,7	18,84	16,92
1,5 »	16,6	13,2	20,81	18,01
2,5 »	16,4	12,2	24,26	11,61

Люцерна и свекловица, какъ видно, высушивали довольно глубокіе слои почвы.

Нужно замѣтить, что изсушающее дѣйствіе растеній на почву наблюдали и многіе практическіе сельскіе хозяева: они наблюдали этотъ фактъ на дренированныхъ поляхъ, покрытыхъ хорошею растительностью, которыя давали (чрезъ дренажныя трубы)

гораздо меньше воды, чѣмъ такія же поля, но только не засѣянныя или покрытыя скудною растительностью.

Такое дѣйствіе растеній будетъ понятно, если сравнить силу испаренія воды съ поверхности листьевъ и съ открытой водной поверхности. Выше мы видѣли, что, по изслѣдованіямъ Грувена, испареніе съ водной поверхности значительно превосходитъ массу дождя, паровъ и росы, приносящихъ воду на такую же поверхность почвы. По изслѣдованіямъ Унгера и Сакса [1], испареніе съ поверхности листьевъ въ 3—2,5 раза слабѣе испаренія съ равной водной поверхности, но зато площадь верхней поверхности листьевъ у растеній, покрывающихъ извѣстное пространство почвы, во много разъ превышаетъ это пространство. Такъ, напримѣръ, по изслѣдованіямъ Вернера (Handbuch des Futterbaues. S. 167) и Горена (Jahresberichte von Hofmann etc. 1867), поверхность листьевъ на десятинѣ равняется:

у	люцерны .	86	десятинамъ.
»	эспарцета	38	»
»	клевера .	26	»
»	овса . .	43	»
»	ячменя .	31	»

Поэтому, при достаточномъ количествѣ воды, растенія должны испарять въ десять и болѣе разъ сильнѣе открытой поверхности воды.

Слѣдовательно, всѣ научныя данныя, приведенныя нами въ этой главѣ, приводятъ къ тому заключенію, что на поверхностяхъ, занятыхъ какими бы то ни было растеніями (деревьями или травами—все равно), потеря почвою воды чрезъ испареніе существенно измѣняется. Испареніе съ *поверхности* почвы подъ тѣнью растительнаго покрова, вслѣдствіе слабѣйшаго дѣйствія солнечныхъ лучей и болѣе медленнаго движенія воздуха, должно быть слабѣе, но зато растенія представляютъ настоящіе насосы, выкачивающіе воду изъ почвы съ нѣкоторой глубины, для разныхъ растеній различной. Вслѣдствіе такого дѣйствія растеній, почва (если взять среднее или общее содержаніе влажности во всемъ ея объемѣ) высыхаетъ подъ растительнымъ покровомъ гораздо сильнѣе, чѣмъ при прямомъ дѣйствіи солнечныхъ лучей на ея поверхность. Отъ этого, если на поверхность почвы лѣтомъ падаетъ дождь, то онъ скорѣе насытитъ почву голую, а, если онъ достаточно продолжителенъ, то изъ него бо̀льшее количество воды пойдетъ на питаніе ручьевъ и рѣкъ при почвѣ

[1] Sachs, Handbuch der Experimental-Physiologie der Pflanzen, S. 231. Въ брошюрѣ Шлейдена сказано (стр. 32 въ примѣч.), будто бы, по Саксу, испареніе съ поверхности листьевъ въ 25 разъ слабѣе испаренія съ открытой водной поверхности, и эта цифра введена въ вычисленіе. Но это—ошибка, происшедшая оттого, что Шлейденъ не понялъ словъ Сакса, у котораго число 25 относится совсѣмъ не къ поверхности листа.—Это, между прочимъ—тоже хорошій примѣръ той небрежности, съ какою приводятся данныя защитниками вліянія лѣсовъ.

голой, и менѣе—при почвѣ, покрытой растительностью, и притомъ нетолько вслѣдствіе большаго высушиванія почвы растеніями, но и вслѣдствіе того, что часть дождя, иногда очень значительная, задерживается листьями и не допускается до почвы. Поэтому-то уже Ризлеръ, объ изслѣдованіяхъ котораго мы говорили выше, по вопросу о вліяніи лѣсовъ на питаніе рѣкъ, пришелъ къ выводамъ, несогласнымъ съ общепринятыми. Вотъ его заключенія: «Поэтому деревья можно считать вертикальными дренажными трубами, которыя укореняются въ почвѣ и выводятъ влажность чрезъ свои стволы въ листья, откуда она испаряется въ атмосферу. Въ противоположность господствующему мнѣнію, по которому лѣсъ есть «родина источниковъ», можно сказать: «если только онъ получаетъ притокъ воды со стороны». (Chem. Ackersmann. 1870, S. 138).

Этотъ взглядъ такъ сильно противорѣчитъ общепринятому, что необходимо остановиться нѣсколько на разъясненіи нѣкоторыхъ фактовъ, относящихся сюда.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что въ лѣсу поверхность почвы бываетъ сырѣе, чѣмъ въ полѣ, и иногда въ лѣсу долго стоятъ лужи, тогда какъ на открытыхъ мѣстахъ давно уже не остается и слѣда отъ нихъ. Это совершенно понятно: на всякомъ мѣстѣ, защищенномъ отъ прямаго дѣйствія солнечныхъ лучей, всегда поверхность почвы будетъ болѣе сыра, а, при непроницаемости верхняго слоя, на немъ долго будутъ стоять лужи, въ особенности если движеніе воздуха будетъ устранено, какъ въ лѣсу. Тоже самое явленіе мы можемъ замѣтить въ любомъ сараѣ, въ который случайно затекла вода; но лѣсъ отличается, главнымъ образомъ, способностью извлекать воду изъ болѣе глубокихъ слоевъ почвы, и, если, при непроницаемости верхняго слоя, вода застаивается въ лѣсу, то, взамѣнъ этого, лѣсъ испаряетъ изъ нижнихъ слоевъ гораздо больше воды, чѣмъ сохраняетъ ее на поверхности. Поэтому, въ лѣсахъ съ *непроницаемымъ верхнимъ слоемъ* почвы могутъ образоваться иногда и болота (поверхностныя), которыя высохнутъ, если будетъ вырубленъ лѣсъ и почва заселится такими растеніями, которыя берутъ воду корнями преимущественно изъ верхняго слоя. Но совсѣмъ обратное будетъ въ томъ случаѣ, когда непроницаемый слой будетъ находиться *ниже* главной массы древесныхъ корней. Тогда деревья препятствуютъ образованію болотъ, извлекая воду изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она застаивается; растенія съ корнями болѣе короткими не могутъ такъ хорошо дѣлать это, потому что берутъ воду изъ верхнихъ, болѣе сухихъ слоевъ, а, слѣдовательно, и испарять ее будутъ въ меньшемъ количествѣ (потому что сила испаренія зависитъ въ значительной степени отъ влажности почвы). Въ такихъ случаяхъ вырубка лѣса будетъ способствовать образованію болотъ и подобные факты были замѣчены не разъ и въ дѣйствительности. Наблюденія въ лѣсахъ саксонскихъ Рудныхъ Горъ показали, «что послѣ оголенія почвы, она становилась влажною и мало

по малу заболачивалась, и, напротивъ, постепенно высыхала, соотвѣтственно тому, какъ выростали новые древесные саженцы». (Chem. Ackersmann. 1870, S. 138). У Лайэля приведены также примѣры того, какъ, послѣ вырубки, лѣсовъ образовались болота. Г. Докучаевъ («Отеч. Зап.» 1875 г. сентябрь), приводя эти факты, сомнѣвается въ ихъ справедливости. На самомъ же дѣлѣ, принимая въ разсчетъ изсушающее почву, дѣйствіе растеній нельзя не признать, что иначе и быть не можетъ, если только принять въ разсчетъ упомянутое дѣйствіе деревьевъ.

На основаніи всего сказаннаго, мы можемъ исправить слѣдующія мѣста въ книгѣ Шлейдена.

На стр. 47 своей брошюры онъ пишетъ: «послѣ лѣсовъ «остаются торфяники, болота, мхи, *образовавшіеся первоначально почти всегда изъ лѣса*, но, во влажныхъ климатахъ, продолжающіе существовать и безъ лѣса, постоянно притягивая изъ воздуха водяные пары. Мнѣніе о происхожденіи большихъ болотъ изъ лѣсовъ, раздѣляемое и лѣсничими, можетъ быть подтверждено исторически. Во многихъ болотахъ находятъ древесные пни и корни, и даже цѣлые стволы; иныя болота носятъ названія, заимствованныя отъ лѣса; на прежнюю мѣстность другихъ болотъ указываетъ характеръ окружающей ихъ мѣстности, и, наконецъ, относительно нѣкоторыхъ извѣстныхъ болотъ есть даже прямыя указанія въ лѣтописяхъ».

Мы думаемъ, что всѣ эти указанія могутъ быть объяснены, если не во всѣхъ случаяхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ очень большомъ числѣ ихъ, тѣмъ, что на мѣстѣ болотъ прежде былъ лѣсъ, и самыя болота образовались уже послѣ его истребленія, когда удаленіе воды изъ болѣе глубокихъ слоевъ чрезъ испареніе сдѣлалось недостаточнымъ. Конечно нельзя отрицать и такихъ случаевъ, когда притокъ воды былъ настолько силенъ, что и мѣстныя растенія не могли предотвратить образованіе болотъ, но въ подобныхъ случаяхъ истребленіе лѣсовъ могло способствовать только увеличенію болотъ, а никакъ не уничтоженію ихъ. Наконецъ, могли быть и такіе случаи, когда, послѣ истребленія лѣсовъ, болота высыхали, но для этого необходимымъ условіемъ является непроницаемость верхняго слоя почвы, способствующая образованію болотъ чисто поверхностныхъ, въ сущности представляющихъ не что иное, какъ большія, долго сохраняющіяся лужи.

Поэтому слова Шлейдена, а, вмѣстѣ съ нимъ, и всѣхъ защитниковъ благодѣтельнаго дѣйствія лѣсовъ, что, будто бы, тамъ, гдѣ почва *проницаема* для воды, «источники могутъ поддерживаться лишь лѣсомъ», рѣшительно ни на чемъ не основаны, и, сообразно всѣмъ существующимъ научнымъ результатамъ, должно быть сдѣлано заключеніе какъ разъ противуположное.

Обыкновенно утверждаютъ, что истребленіе лѣсовъ въ верховьяхъ рѣкъ является причиною обмелѣнія послѣднихъ, и думаютъ, что лѣса именно потому оказываютъ такое вліяніе, что

сохраняютъ источники. Для доказательства этого положенія, по обыкновенію, приводятъ множество фактовъ, но мы не встрѣтили въ числѣ ихъ ни одного, который могъ бы быть дѣйствительно доказательнымъ. Шлейденъ при этомъ ссылается даже на Россію, въ которой «изслѣдованія одной комиссіи показали, что Волга годъ отъ году мелѣетъ и причиняетъ большія затрудненія судоходству, вслѣдствіе различныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ истребленіе лѣсовъ въ верховьяхъ рѣки». Дѣйствительно, такая комиссія существовала и пришла даже къ заключенію, что, для предупрежденія дальнѣйшаго обмелѣнія Волги, слѣдуетъ запретить въ верховьяхъ ея рубить лѣсъ, а для уничтоженія существующаго мелководья развести лѣса вновь по обѣимъ сторонамъ Волги до впаденія въ нее Оки, на разстояніи 15 верстъ отъ берега, а на притокахъ Волги—на разстояніи 7 верстъ отъ берега. Эти заключенія переданы были въ ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ, и комитетъ нашелъ, что еще не доказано: «1) дѣйствительно ли есть убыль (воды); 2) если же она есть, то произошла ли отъ истребленія лѣсовъ, и 3) нельзя ли пособить ей гидротехническими мѣрами». Поэтому, тогдашній министръ, графъ Киселевъ, «предложилъ академіи наукъ вопросъ: въ какой мѣрѣ истребленіе лѣсовъ можетъ оказывать вліяніе на убыль воды въ рѣкахъ? Академія для рѣшенія этого вопроса составила комиссію изъ гг. Паррота, Купфера, Бера, Ленца и Кеппена. Комиссія эта, сколько извѣстно, не заявила себя въ пользу мнѣнія о вліяніи лѣсовъ на количество воды въ рѣкахъ. («Журн. Мин. Госуд. Им.» 1863, апрѣль).

Истребленіе лѣсовъ по берегамъ рѣкъ, вѣроятно, можетъ быть причиною обмелѣнія ихъ, но это обмелѣніе будетъ обусловливаться не уменьшеніемъ воды, а только развѣ бо̀льшимъ засореніемъ рѣкъ вслѣдствіе болѣе легкаго размыванія береговъ, не связанныхъ растительными корнями; но, очевидно, что такое обмелѣніе не имѣетъ ничего общаго съ климатическими условіями; рѣки мелѣютъ, наконецъ, и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде не было лѣсовъ, какъ напримѣръ, у насъ въ южной Россіи. (См. объ этомъ Барсова, «Географія первоначальной лѣтописи» и рецензію на нее г. Майкова, «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1874, августъ). Да, наконецъ, и вообще рѣки должны непремѣнно мелѣть вслѣдствіе заносовъ, и въ этомъ убѣдится каждый, прочитавши въ любомъ курсѣ геологіи о дѣйствіи рѣкъ.

VI.

Въ настоящей главѣ намъ остается разсмотрѣть дѣйствіе растительности вообще и лѣсовъ въ особенности на атмосферу. Намъ кажется болѣе удобнымъ начать это разсмотрѣніе краткимъ изложеніемъ обычныхъ взглядовъ на этотъ предметъ.

Въ настоящее время очень многіе ученые, въ томъ числѣ наиболѣе знаменитые авторитеты по метеорологіи (напримѣръ Дове), положительно отрицаютъ вліяніе лѣсовъ на *количество* дождевой воды, такъ какъ оно обусловливается исключительно испареніемъ воды съ поверхности морей. Но, отрицая такое дѣйствіе, многіе считаютъ несомнѣннымъ, что лѣса оказываютъ вліяніе на *число дождей* въ данной мѣстности. Горячіе приверженцы лѣсовъ приписываютъ имъ, конечно, и то, и другое вліяніе, и намъ кажется, что они логически послѣдовательнѣе всѣхъ другихъ, такъ какъ, отрицая одну способность лѣсовъ, нельзя не отрицать и другой, и наоборотъ — признавая вліяніе лѣсовъ на число дождей, необходимо признать, что они могутъ увеличивать и количество дождевой воды въ данной мѣстности.

Лѣсъ, говорятъ намъ, оказываетъ на атмосферу двоякое вліяніе: во первыхъ, онъ увеличиваетъ количество паровъ въ воздухѣ, и, во-вторыхъ, понижаетъ его температуру. Вслѣдствіе этого, если надъ лѣсомъ проходитъ слой воздуха, содержащій много паровъ, то онъ не можетъ сдѣлаться менѣе насыщеннымъ парами, какъ было бы въ томъ случаѣ, когда воздухъ проходилъ бы надъ мѣстностью сухою; кромѣ того, отъ охлажденія обильнаго парами воздуха надъ лѣсомъ часть паровъ можетъ спуститься и упасть въ видѣ дождя, чего опять не можетъ быть надъ мѣстностью сильно нагрѣтою и сухою. Такимъ образомъ, кромѣ тѣхъ облаковъ, которыя дали бы дождь и въ безлѣсной мѣстности, лѣса способствуютъ образованію излишнихъ облаковъ и дождей, что̀, конечно, отзовется нетолько на увеличеніи числа дождливыхъ дней, но и на увеличеніи количества падающей дождевой воды. Это заключеніе логически вѣрно, но для того, чтобы доказать его согласіе съ истиной, необходимо сперва доказать вѣрность основныхъ положеній, т. е. охлаждающее дѣйствіе лѣса и увеличеніе имъ паровъ въ воздухѣ. Приверженцы лѣсовъ, безъ всякихъ околичностей, признаютъ эти дѣйствія очень значительными; мы уже во второй главѣ настоящей статьи видѣли, что Шлейденъ утверждаетъ, будто бы въ прежней Германіи лѣта были туманны и влажны, а зимы продолжительны и суровы вслѣдствіе вліянія лѣсовъ; въ другомъ мѣстѣ онъ допускаетъ (конечно, голословно), что температура Италіи повысилась, среднимъ числомъ на 5—6°, т. е., по его предположенію, выходитъ, что въ Римѣ, средняя температура котораго въ нас-

тоящее время—12,7°, прежде было холоднѣе, чѣмъ теперь въ Лондонѣ, средняя температура котораго—8,4°.

Указанія Шлейдена ничѣмъ не подтверждены, да и не могутъ быть подтверждены, такъ какъ и до сихъ поръ нѣтъ прямыхъ наблюденій, которыя могли бы указать дѣйствіе лѣса въ указанныхъ направленіяхъ.—Поэтому и намъ, при разсмотрѣніи этихъ вопросовъ, придется преимущественно основываться на разныхъ косвенныхъ соображеніяхъ.

Прежде всего, слѣдуетъ указать на дѣйствіе растительности вообще. Поверхность почвы, не покрытой растеніями, испаряетъ, какъ мы видѣли, меньше воды и, кромѣ того, сильнѣе нагрѣвается. Отъ этого воздухъ надъ поверхностью голой почвы долженъ быть теплѣе и суше, чѣмъ надъ растеніями. Обѣ причины—меньшее испареніе воды и бо̀льшее нагрѣваніе—дѣйствуютъ на влажность въ одинаковомъ направленіи, т. е. уменьшаютъ степень насыщенія воздуха водяными парами.

Положеніе относительно бо̀льшаго содержанія паровъ въ воздухѣ надъ растеніями составляетъ нетолько логическій выводъ изъ фактовъ предыдущей главы, но подтверждено и прямыми опытами. Фогель въ Мюнхенѣ опредѣлялъ въ іюнѣ и сентябрѣ количество влажности въ воздухѣ надъ полями, занятыми растеніями, и надъ почвою голою. Если принять количество влажности въ какомъ нибудь объемѣ воздуха надъ голою почвою=100, то въ такомъ-же объемѣ воздуха надъ растеніями содержалось:

Въ іюнѣ: надъ отцвѣтшимъ эспарцетомъ	125.
надъ лугомъ изъ тимоѳеевки	150.
въ сеньтябрѣ: надъ скошеннымъ лугомъ . .	113.

Точно также и пониженіе температуры надъ растеніями не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Во-первыхъ, часть лучистой энергіи солнца преобразуется въ скрытую, употребляясь на образованіе органичесскихъ веществъ въ растеніяхъ; во-вторыхъ, значительное количество теплоты переходитъ въ скрытое состояніе при испареніи воды изъ растеній, и, наконецъ, отъ растеній отражается бо̀льшая часть лучистой теплоты, чѣмъ отъ солнца. Ночью растенія, представляя бо̀льшую поверхность сравнительно съ почвою, лучеиспускаютъ болѣе теплоты.

Все это такъ, но спрашивается: до какой высоты простирается такое дѣйствіе растительности? Относительно этого ничего неизвѣстно, а, между тѣмъ, это—вопросъ первостепенной важности въ настоящемъ дѣлѣ, особенно, если принять во вниманіе слѣдующій фактъ:

«Вообще, лѣтомъ замѣчаютъ, что въ ближайшихъ къ землѣ слояхъ воздуха теплота возростаетъ съ высотою, достигаетъ извѣстнаго maximum'а и оттуда выше опять уменьшается, такъ что въ одномъ изъ высшихъ слоевъ воздуха опять существуетъ такая же температура, какъ у земли. Отсюда температура уже постоянно понижается. Это явленіе бываетъ рѣзче всего при тепломъ, сухомъ воздухѣ и не слишкомъ сильномъ вѣтрѣ». (Lo-

renz, Lehrbuch der Klimatologie, S. 63). Растенія, дѣйствуя на ближайшіе слои къ почвѣ и охлаждая ихъ, оказываютъ только то вліяніе, что слой воздуха, имѣющій одинаковую температуру съ самымъ нижнимъ, будетъ нѣсколько выше.

Что̀ касается лѣсовъ, то они дѣйствуютъ, конечно, въ одинаковомъ направленіи со всякою другою растительностью, и нѣтъ никакихъ данныхъ въ пользу того заключенія, что дѣйствіе ихъ сильнѣе.

Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, могутъ-ли лѣса испарять болѣе воды, чѣмъ другія растенія, занимающія одинаковую поверхность почвы? Точныхъ, прямыхъ опытовъ для рѣшенія этого вопроса нѣтъ; но ни одно соображеніе, основанное на опытахъ, косвенно относящихся къ этому вопросу, не можетъ дать на него положительнаго отвѣта, и всѣ приводятъ, напротивъ, къ отрицательнымъ. Сила испаренія воды разными растеніями обусловливается, во-первыхъ, особенными свойствами разныхъ растеній и, во-вторыхъ, состояніемъ окружающей ихъ среды. Изъ обстоятельствъ, входящихъ въ послѣднюю область причинъ, главнѣйшее вліяніе (для растеній, не поставленныхъ въ искусственныя условія) должно быть приписано запасу почвенной влажности. Опыты показываютъ, что растенія могутъ всасывать воду изъ почвы только тогда, когда содержаніе влажности въ почвѣ превышаетъ извѣстный минимумъ (въ большинствѣ случаевъ—около 5%). Если же въ почвѣ будетъ содержаться менѣе этого воды, то растенія уже не могутъ брать ее изъ почвы: они начинаютъ увядать и затѣмъ умираютъ. — Другіе опыты (Ильенкова, повторенные потомъ съ большими деталями Геллригелемъ, показали, что, если въ почвѣ еще есть вода, которую могутъ брать растенія, но если содержаніе ея менѣе извѣстной нормы (по Геллригелю около 60% влагоемкости), то, хотя въ жизни растеній и въ ихъ развитіи не замѣчается ничего ненормальнаго, но ростъ ихъ ослабляется, они бываютъ миніатюрнѣе и сѣмянъ отъ нихъ получается меньше. Очевидно, что въ этомъ случаѣ ростъ растеній сообразуется съ количествомъ воды, предоставленнымъ природою въ ихъ распоряженіе.—Эти данныя приводятъ къ неопровержимому заключенію, что, если бы лѣсныя растенія (т. е. деревья) обладали бы особенною способностью испарять бо̀льшія количества воды, находясь въ одинаковыхъ условіяхъ съ другими растеніями, то они еще до наступленія лѣта успѣли бы на столько высушить почву, что поневолѣ должны были бы потомъ ограничить свой ростъ, а, слѣдовательно. и испареніе воды, и послѣднее было бы, пожалуй, меньше, чѣмъ у растеній луговыхъ и полевыхъ.

Это соображеніе можно подкрѣпить еще другимъ: Лоозъ, а потомъ Геллригель, при своихъ опытахъ, старались опредѣлить между прочимъ, какое количество воды растенія должны принять и испарить въ воздухъ для образованія одной вѣсовой единицы

органическаго вещества [1]. Цифры, найденныя этими учеными, показываютъ, что растеніе должно принять изъ почвы и испарить въ воздухъ около 250—300 частей воды для того, чтобы въ нихъ могла образоваться 1 часть органическаго вещества.— Изъ этого мы можемъ вычислить по величинѣ урожая количество испаряемой воды.—При хорошемъ урожаѣ пшеницы, въ 100 пудъ зерна и 200 пудъ соломы на десятину, растеніе это должно на простанствѣ десятины получить около 90,000 пудовъ воды, которую она могла бы взять изъ почвы.—Вообще, урожаи сельско-хозяйственныхъ растеній составляютъ въ общей массѣ пудовъ 200—300 на десятину. Тоже самое и въ лѣсу: при очень хорошихъ условіяхъ, въ немъ приростаетъ около 200—300 пудовъ древесной массы, т. е., въ этомъ отношеніи, онъ не превосходитъ другія растенія.

Нужно замѣтить еще, что вліяніе лѣсовъ на влажность почвы въ одномъ отношеніи даже невыгодно. Изслѣдованія Эбермайера показали, что вообще лѣса задерживаютъ на своихъ листьяхъ и вѣтвяхъ до 30% дождевой воды, не допуская ея до почвы (другіе ученые нашли даже бо́льшія цифры). Вся эта задержанная надземными частями вода безполезна для растеній, такъ какъ они могутъ принимать воду только корнями. Она быстро испаряется въ воздухъ и дѣлаетъ его влажнѣе въ то время, когда и безъ того въ немъ много влажности. Лѣсная почва, получившая поэтому меньше воды, скорѣе высохнетъ и затѣмъ будетъ слабо обогащать парами воздухъ, когда онъ будетъ сухъ.

Предыдущія соображенія вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, что и охлажденіе, производимое лѣсами, вслѣдствіе потребленія лучистой энергіи на образованіе органическаго вещества и на испареніе воды, не можетъ быть болѣе, чѣмъ у другихъ растеній.

Лица, вѣрующія въ особенно сильное дѣйствіе лѣсовъ на атмосферу, основываются, впрочемъ, не на этихъ явленіяхъ, а придаютъ особенное значеніе тому обстоятельству, что температура въ самомъ лѣсу обыкновенно днемъ бываетъ ниже температуры открытыхъ сосѣднихъ мѣстностей. По ихъ мнѣнію, лѣсъ есть легко проницаемое для воздуха тѣло, проходя чрезъ которое, воздухъ тоже долженъ охлаждаться. Согласимся сперва съ этимъ представленіемъ и посмотримъ, какъ велико должно быть охлажденіе атмосферы лѣсомъ. Пусть вѣтеръ свободно движется черезъ лѣсъ и выходитъ оттуда охлажденный на 2°. (По наблюденію Эбермайера, лѣтомъ температура въ лѣсу ниже темпера-

[1] Другіе опыты Гелльригеля показали, что степень развитія растеній обусловливается веществами, принимаемыми изъ почвы (т. е. неурожай можетъ обусловливаться только недостаткомъ этихъ веществъ), а въ богатой почвѣ, слѣдовательно, всего скорѣе количествомъ воды, потому что, при достаточномъ количествѣ, ея растенія получатъ достаточное количество питательныхъ веществъ.

туры открытыхъ мѣстъ, среднимъ числомъ, на 1,68° R.). Такое охлажденіе будетъ, однако, простираться только на слой воздуха футовъ въ 70—100 (т. е. на слой высоты лѣса), между тѣмъ, какъ вѣтеръ, проходящій надъ мѣстностью, по крайней мѣрѣ, представляетъ слой атмосферы въ 4,000—5,000 футовъ. Для того, чтобы лѣсъ могъ оказать вліяніе и на верхніе слои воздуха, главное мѣсто образованія облаковъ и дождя, упомянутое охлажденіе должно распространиться въ верхъ на 4,000—5,000 фунтовъ, а это въ результатѣ дастъ охлажденіе такого слоя на 1/20 часть градуса, т. е. на высоту трудно замѣтную, даже на хорошихъ термометрахъ.

На самомъ дѣлѣ, конечно, и такой разницы не можетъ быть, потому что мы сдѣлали невозможное предположеніе, будто вѣтеръ движется сквозь лѣсъ безпрепятственно. Въ дѣйствительности этого нѣтъ, и стóитъ только немного углубиться въ лѣсъ, чтобы не чувствовать совсѣмъ вѣтра. Самое пониженіе температуры въ лѣсу на 2° обусловливается тѣмъ, что почва лѣсная не подвергается вліянію воздуха и воздухъ лѣсной въ очень слабой степени замѣняется воздухомъ внѣшнимъ. Всякая другая растительность не можетъ образовать подъ собою такого замкнутаго пространства, какъ лѣсъ, потому что подъ вліяніемъ вѣтра она сгибается и выпрямляется снова, охватываетъ своими листьями и стеблями уже новый воздухъ. Въ лѣсу такое дѣйствіе ограничивается только верхними тонкими сучьями, но за то въ средѣ нихъ и температура выше. (Въ области листьевъ— не въ самой верхней части—температура ниже внѣшней, по Эбермайеру лѣтомъ только на 0,75° R., среднимъ числомъ).

Если теперь представить себѣ лѣсъ, хоть бы въ квадратную милю величиною, и принять во вниманіе, что воздухъ, находящійся въ немъ, очень медленно и слабо смѣшивается съ внѣшнимъ, между тѣмъ какъ надъ лѣсомъ и съ боковъ несется цѣлый океанъ атмосферы со скоростью десятковъ верстъ въ часъ— то какимъ ничтожествомъ должна показаться эта кучка деревьевъ, успѣвающая охладить слой воздуха въ нѣсколько футовъ толщиною на какія-нибудь десятыя доли градуса, (на цѣлые градусы такое охлажденіе, какъ мы показали выше, немыслимо).—Наконецъ, что за особенность такая въ томъ, что въ лѣсу воздухъ холоднѣе? Онъ точно также холоднѣе и даже, между прочимъ, отъ тѣхъ же самыхъ причинъ подъ кровлею строеній, особенно если въ нихъ слабо проникаетъ наружный воздухъ. Неужели же мы рѣшимся сказать, что и обширныя селенія, гдѣ лѣтомъ воздухъ въ сараяхъ и амбарахъ холоднѣе внѣшняго, должны тоже содѣйствовать выпаденію дождей? — А, вѣдь, должны будемъ утверждать, если съ упорствомъ будемъ приписывать такое вліяніе лѣсу.

Не слѣдуетъ ли развѣ признать особенное значеніе за тѣмъ обстоятельствомъ, что въ лѣсу испаряющая поверхность листьевъ

приподнята отъ почвы на бо́льшую высоту, чѣмъ у другихъ растеній? Но дѣйствіе ея одинаково съ испаряющею поверхностью листьевъ другихъ растеній, а разница въ высотѣ на какіе-нибудь 70 — 100 футовъ слишкомъ ничтожна; признавая за нею особенное значеніе, мы должны были бы думать, что и возвышеніе почвы на 70 футовъ содѣйствуетъ образованію дождей, а это врядъ ли кто рѣшится утверждать.

Не надо забывать, между прочимъ, и того, что есть обстоятельство, вслѣдствіе котораго лѣсъ долженъ даже слабѣе содѣйствовать сгущенію паровъ, чѣмъ открытая поверхность. По наблюденію Фламмаріона, слой воздуха, насыщенный парами, слѣдовательно—такой, въ которомъ всего скорѣе пары могутъ превратиться въ жидкую воду вслѣдствіе охлажденія, находится днемъ на значительной высотѣ и только къ концу ночи опускается къ поверхности земли. Чѣмъ болѣе въ это время охлаждена поверхность, тѣмъ болѣе паровъ можетъ сгуститься. Между тѣмъ, въ лѣсу ночью воздухъ теплѣе наружнаго, и потому листья, соприкасаясь съ такимъ воздухомъ, должны охлаждаться, вслѣдствіе лучеиспусканія, слабѣе листьевъ другихъ растеній.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, мы должны придти къ заключенію, что лѣсъ можетъ оказывать какое-нибудь особенное вліяніе только на поверхность почвы, которую онъ занимаетъ и на тотъ слой воздуха, который находится подъ покровомъ его листьевъ. Вліяніе его внѣ области, имъ занимаемой, ничѣмъ не доказано, а, если оно и есть, то слишкомъ ничтожно для того, чтобы произвести замѣтное вліяніе на климатъ мѣстности; поэтому тратить деньги на разведеніе лѣсовъ, имѣя въ виду только улучшеніе климата, значитъ тратить ихъ положительно даромъ.

Заканчивая свою статью, я не могу не выразить желанія, чтобы возбужденный въ ней вопросъ подвергся у насъ, по возможности, всестороннему обсужденію. Убѣжденіе въ благодѣтельномъ дѣйствіи лѣсовъ на климатъ такъ глубоко укоренилось, что иныя лица, замѣтивши, что мною не затронуты нѣкоторыя частности, рѣшатъ, что именно въ этихъ-то частностяхъ и заключается суть дѣла, и что я обошелъ ее.—Вообще, убѣжденія мѣняются туго, особенно въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, когда въ защиту лѣсовъ написано много очень краснорѣчивыхъ страницъ съ воззваніемъ къ патріотизму читателей, къ ихъ проницательности, образованности и т. п. достоинствамъ; но я надѣюсь, что найдутся люди, которые не будутъ подкуплены этими громкими фразами и которые захотятъ обратить вниманіе на представленные нами факты и вникнуть въ ихъ значеніе.—Еслибы кто-нибудь представилъ другіе факты, вполнѣ подтверждающіе значеніе лѣсовъ, то я только радовался бы тому, что есть дѣйствительное средство противъ всеобщаго бѣдствія; но я такихъ фактовъ не знаю: наоборотъ, увѣренъ въ томъ, что ихъ

совсѣмъ нѣтъ [1], и поэтому считаю себя вправѣ предостеречь противъ безполезныхъ затратъ, выплачивать которыя придется, конечно, людямъ, менѣе всего повиннымъ во всеобщемъ заблужденіи относительно благодѣтельнаго дѣйствія лѣсовъ на климатъ.

П. Костычевъ.

7-го января 1876. Спб.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧЕРТЫ ДАРОВИТОСТИ РУССКАГО НАРОДА.

(По поводу «Очерка русской морской исторіи». Ѳ. Веселаго).

I.

Существуетъ мнѣніе, что, подобно тому, какъ отдѣльныя человѣческія личности своенравная природа или надѣляетъ даровитостью и геніальностью, или кладетъ на нихъ печать бездарности и дюжинности, такъ и цѣлыя человѣческія общества, народности и государственныя группы та же природа или отмѣчаетъ ореоломъ даровитости и талантливости, или клеймитъ тавромъ бездарности и дюжинности. Счастливые избранники-народы, выдаваясь изъ ряда другихъ народностей творческою дѣятельностью, исполняютъ свою историческую миссію съ пользою и славою, и, если, совершая историческій циклъ своего существованія и старѣясь, со временемъ сходятъ со сцены, то все-таки оставляютъ по себѣ въ исторіи неизгладимый слѣдъ либо въ памятникѣ народнаго и государственнаго творчества, либо въ созданіи нравственныхъ и общественныхъ идеа-

[1] Переводчикъ сочиненія Шлейдена, въ своемъ предисловіи, говоритъ, что вообще научныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса о вліяніи лѣсовъ нѣтъ, и только трудъ Эбермайера далъ, наконецъ, первыя такія данныя. Въ виду этого указанія, можетъ быть, найдутся люди, которые упрекнутъ насъ въ томъ, что мы мало воспользовались этими классическими (по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ) работами Эбермайера (Die physikalischen Einwirkungen des Waldes etc.); предполагая возможность такого упрека, мы должны заранѣе сказать, что невысоко цѣнимъ его книгу. Только желаніе избѣжать разбора скучныхъ и утомительныхъ мелочей заставило насъ оставить ее въ сторонѣ: рѣдкій изъ добытыхъ Эбермайеромъ фактовъ имѣетъ научную цѣнность, и можно сказать вообще, что этотъ ученый даже не понялъ сущности своей задачи и, конечно, поэтому работалъ въ такомъ направленіи, которое никакъ не могло привести его къ цѣли. Такое мнѣніе о работахъ Эбермайера, впрочемъ, высказывалось нѣкоторыми лицами и раньше.

ловъ, переживающихъ сходящія въ историческую могилу народности. Напротивъ, народы-дюжинности, безцвѣтно и безслѣдно просуществовавъ на землѣ, сходятъ въ великую историческую усыпательницу такъ же тихо и незамѣтно, какъ и существовали—и совершенно исчезаютъ съ лица земли путемъ поглощенія другими болѣе даровитыми и дѣятельными народностями или медленнымъ естественнымъ вырожденіемъ. На долю первыхъ выпадаетъ счастье и довольство, хотя иногда и мимолетныя, причемъ самыя несчастія ихъ и гибель, какъ несчастіе и гибель титановъ, являютъ собою что-то грандіозное и возбуждающее. На долю послѣднихъ, вмѣстѣ съ безцвѣтностью существованія, выпадаетъ и безцвѣтность жалкаго счастья и такая же безцвѣтность окончательнаго исчезновенія съ великой этнографической карты земнаго шара.

Насколько это мнѣніе подтверждается историческими судьбами какъ отжившихъ народовъ, такъ и тѣхъ, историческая миссія которыхъ еще не кончена—мы говорить не будемъ. Указываемъ же на это мнѣніе собственно потому, что его берутъ въ основаніе теоріи о признакахъ даровитости и бездарности народовъ и государственныхъ группъ. Говорятъ, что, въ древнемъ мірѣ творческая даровитость и наибольшая политическая развитость, а равно высшій культурный ростъ проявлены были преимущественно финикіянами и египтянами, потомъ преемственно—греками, кареагенянами и римлянами; что въ послѣдующіе затѣмъ вѣка, сила творческой даровитости попеременно проявлялась то въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ группахъ романскихъ народовъ — у итальянцевъ (генуэзцы), испанцевъ, потомъ голландцевъ, англичанъ и, наконецъ, въ новѣйшее время—у сѣвероамериканцевъ. Проявленіе даровитости, какъ замѣчаютъ, неразлучно было съ высокимъ политическимъ развитіемъ, съ богатствомъ страны, съ прогрессивнымъ движеніемъ наукъ и искуствъ и, наконецъ, широкимъ мореплаваніемъ, послѣдствіемъ котораго было не только обладаніе морями, но и преобладаніе надъ народностями, не господствовавшими на морѣ. Торжество морскаго флота было равносильно торжеству политическому и нравственному торжеству одной народности надъ другой. Такъ, финикіяне, самый первый народъ въ древнемъ мірѣ, флотъ котораго господствовалъ на всѣхъ извѣстныхъ въ то время моряхъ, безспорно проявили свою даровитость и до нѣкоторой степени выразили своимъ существованіемъ возможность высокаго культурнаго роста и гражданскаго развитія. Финикія, это—первый свѣточъ древняго міра, свѣточъ, преемственно переходившій вмѣстѣ съ морскимъ флагомъ отъ Хирамовъ и Пигмаліоновъ къ Фараонамъ, отъ этихъ послѣднихъ къ аеинянамъ, сиракузянамъ, кареагенянамъ, и т. д. Торжество на моряхъ вело за собой привлеченіе богатствъ въ страну, морской флагъ которой развивался на самыхъ отдаленныхъ пунктахъ, доступныхъ тогшнему мореплаванію странъ свѣта; изобрѣтенія, научныя от-

крытія и развитіе искуствъ буквально слѣдовали за морскимъ флотомъ, переходя изъ Тира въ Аѳины, изъ Аѳинъ въ Сиракузы, въ Римъ, затѣмъ, съ началомъ возрожденія—въ Геную, Венецію, потомъ въ Испанію и т. д. Финикійскіе и греческіе корабли доходятъ до Атлантическаго океана, посѣщаютъ Британію и открываютъ минеральныя богатства этого острова—богатства, на которыхъ основано современное могущество новѣйшей «владычицы морей». Египтяне на своихъ корабляхъ огибаютъ Африку и указываютъ будущимъ поколѣніямъ путь въ Индію; окончательно открываютъ этотъ путь испанцы въ періодъ могущества своего на морѣ; они же помогаютъ геніальному генуезцу Христофору Колумбу подарить старой Европѣ Новый Свѣтъ съ его неистощимыми богатствами; въ періодъ владычества испанскаго флота, испанскіе короли могли справедливо гордиться сознаніемъ, что въ ихъ владѣніяхъ «никогда не заходитъ солнце». Является «владычицей морей» Венеція — и передъ ея могуществомъ и богатствами преклоняются всѣ государства земнаго шара. Затѣмъ море и океаны переходятъ во власть Голландіи—и слава этой маленькой землицы блестящимъ метеоромъ свѣтится на страницахъ исторіи всего человѣчества. Венеція, Генуя, Испанія, Голландія, попеременно владѣя трезубцемъ Нептуна, передаютъ его, наконецъ, въ руки Англіи—и Англія становится политическимъ колоссомъ, пока сыны старой Британіи, переселившіеся въ Новый Свѣтъ, не сломали всемогущаго трезубца Нептуна надвое, оставивъ въ рукахъ метрополіи только половину этого всепобѣждающаго и всесозидающаго оружія. Самыя блестящія дѣянія всѣхъ этихъ странъ, самыя громкія имена политическихъ дѣятелей, ученыхъ, поэтовъ, живописцевъ, скульпторовъ — все, чѣмъ можетъ гордиться человѣчество въ своемъ прошломъ, все это было совершено отдѣльными народностями и государственными группами въ тѣ именно періоды своего существованія, когда въ рукахъ ихъ, попеременно и какъ бы преемственно, находился чудодѣйственный трезубецъ Нептуна.

И такъ, вотъ гдѣ одинъ изъ главныхъ признаковъ даровитости народовъ: трезубецъ Нептуна можетъ держать только рука наиболѣе даровитаго изъ нихъ, какъ кладъ дается въ руки человѣка, владѣющаго цвѣткомъ папоротника.

Прикасалась ли когда-нибудь къ трезубцу Нептуна рука русскаго народа и есть ли надежда на то, что настанетъ, наконецъ, пора, когда это всесильное орудіе творчества и символъ даровитости перейдетъ въ тѣ мозолистыя руки, которыя, при самыхъ неблагопріятныхъ историческихъ условіяхъ, съумѣли сколотить изъ обломковъ разныхъ народностей зданіе стомилліонной державы и на плечахъ своихъ удержать его впродолженіи десяти столѣтій? Вотъ вопросъ, который едва ли разрѣшенъ русской исторіей, хотя и можно надѣяться, что разрѣшеніе его представляется до нѣкоторой степени возможнымъ, если не по от-

ношенію къ будущему, которое всегда будетъ стоять передъ глазами человѣчества неразрѣшимою проблемою, то хотя по отношенію къ прошлому. Богатыми матеріалами для разрѣшенія этого капитальнаго историческаго вопроса являются изданія морского министерства, выходящія въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи русскаго флота» и въ особенности трудъ Ѳ. Ѳ. Веселаго: «Очеркъ русской морской исторіи».

Въ предисловіи къ своему обширному сочиненію, г. Веселаго говоритъ, что «первая мысль объ исторіи русскаго флота принадлежитъ его великому основателю, по повелѣнію котораго начали собираться матеріалы для описанія сухопутныхъ и морскихъ военныхъ дѣйствій его царствованія»; что «записки, составленныя изъ этихъ матеріаловъ, во многихъ мѣстахъ исправленныя и дополненныя самимъ государемъ, были напечатаны при императрицѣ Ектеринѣ II, подъ заглавіемъ: «Журналъ или поденная заниска императора Петра Великаго». Относительно цѣли своего труда и изложенія авторъ замѣчаетъ, между прочимъ: «Задавшись цѣлью—въ сжатомъ видѣ представить главныя черты русской морской дѣятельности, мы, по необходимости, должны были занимательность и полноту изложенія до извѣстной степени принести въ жертву спеціальному изложенію книги. Поэтому о многихъ важныхъ и интересныхъ событіяхъ, не имѣющихъ близкой связи съ морскимъ дѣломъ, здѣсь упоминается кратко или вовсе умалчивается, тогда какъ факты, маловажные для общей исторіи, но имѣющіе значеніе въ морскомъ отношеніи, изложены съ бо̀льшею полнотою. Строго держась источниковъ, мы не позволяли себѣ дѣлать къ нимъ, для полноты описанія, какія либо прибавленія, и потому многія событія, поэтическія или грандіозныя, по недостатку точныхъ и подробныхъ свѣдѣній, переданы нами въ сухихъ очеркахъ, единственное достоинство которыхъ состоитъ въ ихъ исторической вѣрности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда являлись противорѣчія между болѣе извѣстными печатными сочиненіями и находившимися въ нашихъ рукахъ неоспоримо вѣрными архивными документами, мы, не указывая на ошибки первыхъ, ограничивались только возстановленіемъ истины». (Очерк. I—III).

Такова исходная точка предпринятаго г. Веселаго изслѣдованія. Первый, нынѣ вышедшій томъ заключаетъ въ себѣ обзоръ морской дѣятельности Россіи съ древнѣйшихъ временъ до кончины Петра I. Собственно же древнему періоду русской морской исторіи или періоду допетровскому посвящено только двѣ главы; остальныя пятнадцать главъ вмѣщаютъ въ себѣ обзоръ морского дѣла исключительно въ связи съ государственною дѣятельностью Петра. При всемъ томъ, первыя двѣ главы представляютъ цѣльную картину первичнаго броженія молодыхъ силъ русскаго народа, даровитость котораго какъ бы безсознательно искала проявленія и намѣчала путь будущаго своего творчества, еслибъ молодыя силы эти не были подрѣзаны такъ сказать,

механически, словно крылья у птицы, историческими обстоятельствами, придавившими эти силы едва не до окончательнаго ихъ задушенія и едва не задушившими развитіе и творчество всей остальной Европы. Обстоятельства эти — княжескія усобицы удѣльнаго періода, потопившія всѣ силы страны во имя личныхъ интересовъ Рюриковичей, а затѣмъ — татарское ярмо на шеѣ русскаго народа, ярмо, заставившее даровитый народъ выпустить изъ своихъ рукъ трезубецъ Нептуна.

А что трезубецъ былъ уже въ рукахъ русскаго человѣка до монгольскаго ярма—это несомнѣнно. Въ то время, когда трезубецъ этотъ, съ нашествіемъ германскихъ варваровъ на Римъ и съ паденіемъ, вслѣдствіе этого, Западной Римской Имперіи, выскользнулъ изъ рукъ потомковъ Сципіоновъ и Цезарей, двѣ руки потянулись, чтобы схватить этотъ всемогущій жезлъ морскаго бога, руки эти были: одна — германская, другая — славяно-русская. Нормандскій трезубецъ нѣсколько вѣковъ господствуетъ на моряхъ, омывающихъ сѣверную и западную Европу, славяно-русскій—наводитъ ужасъ на обитателей южнаго поморья, на Восточную Римскую Имперію, и преимущественно на Константинополь. Въ 865 году (по счету русской лѣтописи, это—только *четвертый* годъ съ основанія «русскаго государства»!), русскіе, подъ предводительствомъ Аскольда и Дира, уже выводятъ изъ Днѣпра въ Черное Море флотъ въ 200 судовъ и являются подъ стѣнами Константинополя. Трезубецъ Нептуна—въ Кіевѣ! Это, казалось бы, невѣроятно, но это—историческій фактъ, подтвержденный византійскими историками. Въ 907 году, Олегъ уже выводитъ изъ Кіева по Днѣпру 2000 судовъ—это цѣлая армада—является подъ Константинополемъ и разоряетъ его окрестности. Греки запираютъ гавань цѣпью, но «вѣщій» Олегъ ставитъ суда на колеса, обходитъ это препятствіе берегомъ и спускаетъ суда въ гавань. Римская имперія, наслѣдница своего западнаго брата, желѣзнаго Рима, доведенная до крайности, покупаетъ у русскихъ миръ дорогою цѣною, платитъ по 12 гривенъ на каждое судно олегова флота и вноситъ особую сумму для нѣкоторыхъ подвластныхъ ему городовъ. «Вѣщій Олегъ» заключаетъ особый договоръ съ греками, гарантирующій права русскихъ въ Византійской имперіи. Такова сила трезубца, попавшаго въ руки кіевлянъ.

Но трезубецъ Нептуна не останавливается на этомъ. Въ 941 году, Игорь выводитъ въ Босфоръ тысячу судовъ. Воины его, кромѣ пожаровъ и грабежей, страшно мучатъ всѣхъ попадающихъ имъ въ руки, сажаютъ ихъ на колѣ, распинаютъ на крестахъ, ставятъ вмѣсто мишеней при стрѣльбѣ, вбиваютъ имъ желѣзные гвозди въ головы и т. д. Всесильный трезубецъ безумствуетъ... Черезъ три года (въ 944 г.), Игорь снова выводитъ въ Босфоръ свой флотъ. Испуганная Византійская имперія шлетъ ему дань и только этимъ отвращаетъ отъ себя направленный на нее страшный трезубецъ. Въ 967 г., Святославъ выводитъ

въ море флотъ съ 60-ти тысячнымъ войскомъ и, завоевавъ Болгарію, утверждается въ городѣ Переяславлѣ.

Владиміръ-«красное солнышко» уже идетъ съ своими богатырями на судахъ по Волгѣ, воюетъ съ камскими болгарами и завоевываетъ у грековъ Херсонесъ. Другой Владиміръ, сынъ Ярослава, также разгуливаетъ въ своихъ ладьяхъ по Босфору и наводитъ ужасъ на грековъ. Онъ требуетъ у нихъ по три фунта золота на каждаго изъ своихъ воиновъ: это—громадная для того времени контрибуція, какой не посмѣли бы затребовать германскія войска у побѣжденной и униженной Франціи. Черное море, ставшее столь страшнымъ для грековъ, переименовывается ими въ «Русское», и классическій эпитетъ его «гостепріимное» («Понтъ Эвксинскій») замѣняется эпитетомъ «негостепріимнаго».

Одновременно съ этимъ, русскій трезубецъ гуляетъ и свирѣпствуетъ на Каспійскомъ Морѣ. Табаристанъ, Дагестанъ, Шемаха, Ширванъ, поперемѣнно, въ теченіи IX, X и XI столѣтій испытываютъ всю тяжесть этого страшнаго трезубца. Все это очень обстоятельно изложено въ почтенномъ трудѣ г. Веселаго. (Очеркъ 7—13).

Вмѣстѣ съ могуществомъ трезубца, растетъ могущество русскаго народа. Этому росту не уступаетъ и культурный ростъ страны. Южная Русь въ первые три вѣка своего историческаго существованія уже имѣетъ своихъ поэтовъ, проповѣдниковъ, лѣтописцевъ. Походы и побѣды князей воспѣваются въ особыхъ поэмахъ, равныхъ которымъ, по высотѣ поэтическаго творчества, широтѣ замысла и художественности изложенія, не представляетъ тогдашняя письменность всей Западной Европы, погруженной въ мракъ невѣжества. Русскіе проповѣдники обнаруживаютъ замѣчательные ораторскіе таланты и широкую эрудицію, воспитанную на классическихъ образцахъ греческаго міра. Русскій лѣтописецъ уже ставитъ задачею своего ученаго труда опредѣлить значеніе русскаго народа въ связи съ судьбами остальныхъ народовъ всего извѣстнаго тогда міра.

Такова сила Нептунова трезубца, которымъ на время завладѣла искусная рука русскаго народа.

Но трезубецъ скоро выскользаетъ изъ этой руки — и русская земля на нѣсколько столѣтій погрязаетъ въ невѣжество, въ нищету: все, что было добыто русскимъ народомъ въ три столѣтія — могущество и владычество на моряхъ, слава, богатство, образованіе, поэзія—все это исчезаетъ съ лица русской земли, какъ-бы ничего этого никогда и не было на ней. Русскій народъ изъ даровитаго какъ-бы превращается въ какую-то бездарность — и другіе народы далеко опережаютъ его въ своемъ развитіи. Трезубецъ Нептуна переходитъ въ другія руки: между частями русской земли начинаются усобицы, возжигаемыя изъ-за личныхъ счетовъ князей; новгородцы воюютъ съ кіевлянами; кіевляне съ черниговцами, съ полочанами; русская кровь льет-

ся отъ русской руки—и русская земля обезсиливаетъ. Вмѣсто поэтовъ, проповѣдниковъ и лѣтописцевъ, являются кудесники и волхвы; вмѣсто поэтической Ярославны, на сцену выходятъ «лихія бабы»; невѣжество царитъ надъ обезсиленной русской землею.

На русскую землю, какъ саранча, налетаютъ монголы и на цѣлыя столѣтія гасятъ свѣточъ ея развитія. Русскій народъ забываетъ даже то, что зналъ Кіевъ; этотъ поэтическій центръ русской жизни превращается въ развалины. Днѣпръ, по которому выводились въ море тысячи судовъ, сиротствуетъ въ теченіи четырехъ столѣтій, пока трезубецъ Нептуна, выбитый изъ русскихъ рукъ татарскою саблею, не попадаетъ снова въ руки запорожскимъ казаковъ, прямыхъ потомковъ Олега, Игоря и Святослава. О прежнемъ величіи Кіева и русской земли остается смутное представленіе только въ памяти народа, который до сихъ поръ поетъ, какъ Соловей Будиміровичъ пріѣзжалъ на своихъ корабляхъ въ Кіевъ къ Владиміру-ясну-солнышку свататься на его племянницѣ Забавѣ Путятичнѣ:

Изъ-за моря, изъ-за Чернаго,
Съ-за того ли лукоморья зеленаго,
Ото славнаго города отъ Веденца,
По той матушкѣ, да по Днѣпрѣ рѣкѣ,
Какъ не черны тученьки затучили,
Какъ не сини облачки задергали,
Выбѣгали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, да все червленыхъ,
А одинъ корабликъ напередъ бѣжитъ,
Напередъ бѣжитъ, да какъ соколъ летитъ.
Хорошо корабли изукрашены,
Хорошо корабли изнаряжены,
А соколъ корабликъ получше всѣхъ:
Высокохонько головушка приподнята,
Носъ, корма сведены по туриному,
Широки бока по звѣриному —
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Вмѣсто очей было вставлено
По дрягому камню по яхонту,
Вмѣсто бровей было врощено
По заморскому черному соболю,
Вмѣсто усовъ было воткнуто
Два булатные острые ножичка,
Вмѣсто ушей было вдергано
Два горностаюшка зимніе—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Тонки парусы были дорогой камки,
Дорогой камочки хрущатыя,
Толсты снасти-канаты семи шелковъ,
Остры якори были булатные,
А колечики у якорей были серебряныя,
Еще лапочки были золоченыя...
Середи того сокола-кораблика

Чердачекъ стоитъ зеленъ муравленый,
Потолокъ подернутъ рытымъ бархатомъ,
Стѣны крыты-обиты чернымъ соболемъ,
Изнавѣшаны лисицами-куницами,
Дорогими соболями заморскими.
Въ чердачкѣ бесѣдочка сидѣльная,
Во бесѣдочкѣ стоитъ купавъ молодецъ,
Молодой Соловей Будимiровичъ,
Со своей государыней со матушкой,
Съ молодой Ульяной Васильевной...

Замѣчательно, что это поэтическое изображенiе кораблей Соловья Будимiровича поразительно сходствуетъ съ описанiями судовъ скандинавовъ въ XI вѣкѣ: большiя суда строились въ видѣ драконовъ и назывались «драками»; наружная форма ихъ напоминала миѳическихъ чудовищъ—носовыя фигуры или головы были бронзовыя; къ кораблямъ придѣлывались крылья, лапы и хвостъ; паруса богатыхъ владѣльцевъ вышивались золотомъ; такелажъ дѣлался изъ шелка; мачты были золоченыя и т. д. (Очеркъ, 23, 24, 29, 30).

Въ XII и XIII вѣкѣ русскiе окончательно отрѣзываются отъ южныхъ морей, и память о трезубцѣ Нептуна забывается надолго.

II.

Сказанное въ первой главѣ едва ли оставляетъ мѣсто сомнѣнiю относительно даровитости русскаго народа.

Даровитость эта безспорно проявлена имъ въ теченiе трехсотлѣтняго политическаго существованiя, и слѣды ея остаются неизгладимыми въ исторiи.

Но вотъ, съ XIII вѣка южная Русь лежитъ въ развалинахъ. Города ея опустѣли. Наиболѣе развитая часть населенiя русской земли какъ-бы исчезаетъ, и свѣточъ жизни только по временамъ блеститъ въ закарпатской Руси, которая продолжаетъ жить одною жизнью съ западной Европой. Надъ серединной Русью лежитъ густой мракъ невѣжества; не слышно ни звука, напоминающаго о жизни и движенiи; слышны только голоса татарскихъ баскаковъ, собирающихъ дань съ русской земли; князья или холопствуютъ передъ ханами, или рѣжутся изъ-за удѣловъ; школа заброшена и забыта; въ мусорѣ развалинъ затерялось и лучшее поэтическое произведенiе нашего народнаго творчества—«Слово о полку Игоревѣ»; не слышно голоса проповѣдниковъ; монахи-лѣтописцы попрятались съ своими свитками въ монастырскихъ кельяхъ, и русская лѣтопись превращается въ сухую перечень голодовокъ, пожаровъ, моровыхъ повѣтрiй; отъ этого единственнаго творчества русской мысли вѣетъ мертвечиной: это—не лѣтопись, а скорбный листъ русскаго народа.

Малая искра жизни тлѣетъ еще на сѣверѣ, далеко отъ разореннаго Кіева и отъ осиротѣвшаго Днѣпра. Эта искра русской жизни—Новгородъ, куда еще не добрались копыта татарскихъ коней.

Трезубецъ Нептуна изъ Днѣпра и Чернаго и Каспійскаго морей переносится въ Новгородъ, въ рѣку Великую, а оттуда на Ладожское озеро, въ Финскій заливъ, въ Балтійское море. Новгородскіе купеческіе корабли ходятъ въ Швецію, Данію и къ балтійскому поморью, гдѣ сидятъ заѣдаемые нѣмцами «братья-славяне». На Готландѣ, въ городѣ Визби, новгородцы строятъ свой гостиный дворъ, дома и русскую церковь. Всесильный трезубецъ ведетъ ихъ дальше—въ Сѣверную Двину, въ Печору, въ Біармію, на Бѣлое море. Новгородъ, съ трезубцемъ въ рукахъ, становится независимымъ «государемъ Великимъ Новгородомъ». Онъ входитъ въ торговый союзъ съ Ганзою. Вмѣстѣ съ трезубцемъ Нептуна у него въ рукахъ и ключи отъ Балтійскаго моря—устье Невы. Новгородъ имѣетъ тамъ свою морскую стражу подъ начальствомъ Пельгусія, имя котораго въ русской исторіи связано съ первою побѣдою русскаго оружія надъ шведскимъ—побѣдою, обезсмертившею и побѣдителя шведовъ, Александра Невскаго, и старца Пельгусія, предсказавшаго эту побѣду. Въ битвѣ съ новгородцами, при устьѣ Невы, шведы потерпѣли страшное пораженіе: ихъ предводитель и епископъ, приведшіе шведовъ и финляндцевъ на русскихъ, по благословенію папы Григорія IX, были убиты; тѣлами другихъ убитыхъ, и только знатныхъ лицъ, шведы нагрузили два судна, а остальныхъ похоронили на берегу.

Все крѣпче и крѣпче забираютъ въ свои руки трезубецъ Нептуна «вольные новгородцы». Все богаче и могущественнѣе становится древне-русское народное государство, гдѣ, вмѣстѣ съ боярами и торговыми людьми, на вѣче имѣютъ голосъ и «худые мужики вѣчники». Плоды западной цивилизаціи тянутся къ Новгороду: трезубецъ Нептуна является этимъ центромъ тяготѣнія западно-европейской культуры. Трезубецъ изъ государственныхъ рукъ «Господина Великаго Новагорода» переходитъ въ частныя руки «вольныхъ ушкуйниковъ», этихъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ древней Руси. «Ушкуйники», на своихъ легкихъ «ушкуяхъ», грабятъ берега Швеціи и Норвегіи. Мало того: они грабятъ и несчастную Русь, ставшую татарскимъ холопомъ и потерявшую трезубецъ Нептуна. Вотъ какъ лѣтопись описываетъ одинъ изъ походовъ «ушкуйниковъ» на татарскую Русь и на самихъ татаръ (1375). «Коли князь Димитрій (впослѣдствіи «Донской») былъ подъ Тферью, а въ то время пришедше новгородци, Великаго Новгорода *ушкуйници*, 70 ушькуевъ, и старѣйшина баше у нихъ Прокопъ, а другій Смолнянинъ, и пришедше взяша градъ Кострому. Взятье же ихъ таково: прежде внидоша рѣкою Костромою на Волгу, и сташа ополчившася на брань, граждане изъ града изидоша противу, събрашася на бой,

а воевода бяше у нихъ, тоже и намѣстникъ, Плещеевъ. Новгородци же видѣвше гражданъ костромичь болѣ 5,000, а самихъ мало, съ полъторы тысячи, а раздѣлишася новгородци на двѣ части: одну половину отпустиша втай въ лѣсъ, они же обоидоша около по можжеельнику и ударишася на костромичь въ тылъ, а друга половина въ лице удари. Воевода же видѣ бывшее и убояся, нача бѣжати, ни самъ на нихъ ударилъ, ни рати своей повелѣлъ, но выдавъ рать свою и покинувъ градъ свой, подавъ плещи, побѣжа къ Костромѣ. Костромичи же, видѣвше то, и не бившися и побѣгоша, и мнози ту на побоищи побіени быша и падоша, а друзіи по лѣсомъ разбѣгошася, и иныхъ живыхъ поимали и повязали. Новгородцы же видѣвши оставленъ градъ и небрегомъ и нѣсть ему забороны ни откуда же, и взяша градъ и пограбиша его до конца и стоявше въ градѣ недѣлю цѣлу и всякаго сокровища изыскавше изнесоша, и всякій товаръ изобрѣтше и поимаша; не все же товарное съ собою попроводиша, но елико драгое и легчайшее, а прочее, тяжкое и излишнее множайшее въ Волгу меташа и глубинѣ предаша, а иное огнемъ пожгоша, и множество народа крестьянскаго (христіанскаго) полониша, мужей и женъ и дѣвицъ съ собою попроводиша и отъидоша отъ Костромы. И шедше внизъ по Волзѣ, пограбиша Новгородъ-Нижній, и много всякаго полона взяша, градъ зажгоша. И поидоша на низъ и повернуша въ Каму и тамо помедлиша нѣсколько времени, и потомъ внидоша Камою въ Волгу. И дошедъ на низъ по Волзѣ града Болгаръ, и тамо полонъ весь крестьянскій попродаша бесерменамъ, или костромьскій или Нижнего-Новгорода, жены и дѣвицы; и сами поидоша въ посадѣхъ (ушкун-суда) по Волзѣ на низъ къ Сараю, гости крестьянскіе грабяще, а бесермены бьюще. И доидоша на усть Волги, близь моря, града нѣкоего Хазьторокани (Астрахань) и тамо изби ихъ лестью хазьтороканьской князь, именемъ Салчій; и тако вси безъ жалости побіени быша, и ни единъ отъ нихъ не остася, а имѣніе ихъ все взяша бесерменове. И такова бысть кончина Прокопу и дружинѣ его (Новгород. лѣтоп. IV 71—72)».

Таковы были новгородскіе ушкуйники, предки понизовой вольницы и запорожскихъ казаковъ, къ которымъ трезубецъ Нептуна перешелъ, какъ бы по наслѣдству, къ однимъ—отъ «вѣщаго» Олега и Игоря, къ другимъ—отъ ушкуйника Прокопа и отъ богатыря Васьки Буслаева.

Замѣчательно, что русскій народъ, по свойственной ему поэтической даровитости, сохранилъ въ своей памяти нетолько историческіе типы моряковъ древняго Кіева и даже описаніе ихъ кораблей, но и типы новгородскихъ ушкуйниковъ, изъ которыхъ особенною любовью онъ почтилъ Ваську Буслаева.

Собирается Васька, подобно Прокопу, съ своей дружиною въ походъ, къ городу Іерусалиму.

Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душа спасти.

Снаряжаетъ Васька «червленъ корабль» и проситъ у матери своей, у матери вдовы Амелфы Тимофѣевны напутственнаго благословенія. И вотъ, материнское сердце «распустилося»:

И даетъ она много свинцу, пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружье долгомѣрное.

Сначала добрые молодцы плывутъ Ильменемъ, а потомъ выходятъ на Волгу. Въ низовьяхъ Волги, у Каспійскаго Моря, они встрѣчаются съ «атаманами казацкими»: это—новые, только что нарождающіеся на Руси, вольные владѣльцы Нептунова трезубца:

На славномъ морѣ Каспійскіимъ,
На томъ островѣ на Куминскіимъ,
Стоитъ застава крѣпкая,
Стоятъ атаманы казачіе,
Не много, не мало ихъ—три тысячи:
Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червлени корабли.

«Гости корабельники», встрѣчавшіеся на Волгѣ, предостерегаютъ Ваську Буслаева не ѣхать прямымъ путемъ, гдѣ стоятъ атаманы; а неустрашимый ушкуйникъ отвѣчаетъ:

«А не вѣрю я, Васька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А и вѣрую въ свой червленый вязъ.
А бѣгите-ка, ребята, прямымъ путемъ.

Но вотъ, корабль Васьки Буслаева выбѣгаетъ въ море:

На ту на заставу корабельную,
Гдѣ то стоятъ казаки-разбойники,
А стары атаманы казачіе:
На пристани ихъ стоятъ сто человѣкъ.
А и молодой Василій на пристань сталъ;
Сходни бросали на крутъ бережекъ,
А и скочилъ-то Буслай на крутъ бережекъ,
Червленымъ вязомъ подпирается.
Тутъ караульщики удалы добры молодцы
Всѣ на караулѣ испугалися.

Изъ дальнѣйшихъ словъ атамановъ видно, какова была слава Васьки Буслаева и ушкуйниковъ новгородскихъ:

Сидимъ мы на острову тридцать лѣтъ,
Не видали страху великаго,
Это-то идетъ Василій Буслаевичъ:
Знать-де полётка соколиная,
Видѣть-де поступка молодецкая.

Наливаютъ атаманы ушкуйнику чару зелена вина въ полтора ведра:

Принимаетъ Василій единой рукой,
И выпилъ чару единымъ духомъ,
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могутъ и по полуведру пить.

Съ большимъ почетомъ отпускаютъ ушкуйника атаманы.
Даютъ ему атаманы казачіе подарки свои:
Первую мису чистаго серебра,
И другую красна золота,
Третью скатнаго жемчуга.

Доплываютъ, наконецъ, ушкуйники до Іерусалима, купаются въ «Ердань-рѣкѣ». Но, на возвратномъ пути, погибаютъ на горѣ Сорочинской, потому что не исполнили завѣта «мертвой головы», которая не велѣла Васькѣ Буслаеву скакать вдоль таинственнаго камня, лежавшаго на этой горѣ (Древн. русск. стих. Кирши Данилова). Обращаясь къ труду г. Веселаго, мы находимъ цѣлую массу любопытнѣйшихъ данныхъ относительно того, какъ трезубецъ Нептуна, отъ XIII до конца XVII вѣка, то переходитъ въ руки русскихъ, то ускользаетъ изъ слабѣющихъ рукъ русскаго народа.

Великій Новгородъ теряетъ свою политическую независимость, и, вмѣстѣ съ вѣчевымъ колоколомъ, изъ рукъ его выпадаетъ всемогущій трезубецъ. Россія утрачиваетъ всѣ моря и готова заключиться навсегда въ своей скорлупѣ, какъ бездарная народность, еслибъ не явились на политическую арену такія государственныя личности, какъ попъ Сильверстъ, даровитый учитель бездарнаго царственнаго школьника, князь Курбскій, даровитый полководецъ и такой-же даровитый политическій и литературный противникъ бездарнаго царя литератора, и нѣкоторые другіе. Русскій народъ, руководимый этими политическими дѣятелями, покореніемъ Казани и Астрахани отвоевываетъ себѣ свободный доступъ къ Каспійскому Морю, а взятіемъ, въ 1558 году, Нарвы снова возвращаетъ себѣ утраченный-было, незадолго передъ тѣмъ трезубецъ Нептуна. Неудивительно послѣ этого то опасеніе за могущество Россіи, какое высказалось въ письмѣ польскаго короля Сигизмунда-Августа къ англійской королевѣ Елизаветѣ. «Московскій государь—пишетъ Сигизмундъ:—ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву, ибо сюда привозятся нетолько товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное, привозятся нетолько произведенія художниковъ, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему величеству не безъизвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искуствъ; но если нарвская навигація будетъ продолжаться, то что̀ будетъ ему—неизвѣстно?».. Около этого же времени Бѣлое Море и путь черезъ него и Волгу до Каспія и до странъ Средней Азіи сдѣлались извѣстны западной Европѣ, и капитанъ Ченслеръ первый сдѣлалъ этотъ переѣздъ черезъ Россію въ Азію. Одновременно съ этимъ, Строгоновы заказываютъ два корабля, на которыхъ изъ Сѣверной Двины надѣются отыскать морской торговый путь

до устьевъ рѣки Оби: это—тотъ самый путь, который, спустя три столѣтія, открытъ въ прошломъ году членомъ шведско-норвежской экспедиціи, профессоромъ Норденшёльдомъ. Наконецъ, одновременно съ Строгоновыми, воевода Адашевъ, тоже одна изъ даровитыхъ личностей временъ Грознаго, при помощи украинскихъ или запорожскихъ казаковъ, при участіи полумиѳическаго южно-русскаго героя Байды (Вишневецкаго) и не менѣе сказочнаго богатыря-разбойника Кудеяра, снова открываетъ путь по Днѣпру къ Черному Морю, воскрешаетъ въ памяти русскаго народа времена «вѣщаго» Олега, Игоря и Святослава и разоряетъ крымское побережье.

Ясно, что, вмѣстѣ съ благопріятными обстоятельствами, просыпается даровитость русскаго народа, и трезубецъ Нептуна снова пѣнитъ волны морей Балтійскаго, Бѣлаго, Каспійскаго и Чернаго.

Но это, къ сожалѣнію, продолжается такъ недолго. Лѣнивый ученикъ Сильвестра и бездарный литературный противникъ Курбскаго подъ конецъ своего царствованія окончательно мутится въ умѣ: вмѣсто трезубца Нептуна, по русской землѣ гуляетъ топоръ да висѣлица, и Россія теряетъ нетолько Нарву, но и старинныя свои крѣпости Ивангородъ, Ямъ и Копорье.

Послѣ Грознаго для Россіи наступаетъ еще болѣе смутное время: это—«лихолѣтье» русской земли, когда она едва не утратила окончательно своей политической независимости. Въ это время, русскимъ людямъ было не до трезубца Нептуна, и только хитрый шведъ, король Густавъ-Адольфъ, какъ бы предвидя, что трезубецъ, рано или поздно, попадетъ въ руки полудикихъ, хотя даровитыхъ сосѣдей, вотъ что̀ высказываетъ въ письмѣ къ своей матери: «Кексгольмъ, Нотебургъ, Орѣшекъ, Ямъ, Копорье, Ивангородъ составляютъ ключи Финляндіи и Лифляндіи и заграждаютъ Балтійское Море отъ Россіи. Если ей возвратить Нотебургъ или Ивангородъ, или оба города вмѣстѣ, и если-бы Россія подозрѣвала свое собственное могущество, то близость моря, рѣкъ и озеръ, которыхъ она до сихъ поръ не умѣла еще оцѣнить, дала бы ей возможность не только вторгнуться въ Финляндію со всѣхъ сторонъ и во всякое время года, но даже, благодаря огромнымъ ея средствамъ и неизмѣримости ея предѣловъ, покрыть Балтійское море своими кораблями, такъ что Швеція находилась бы въ безпрестанной опасности». (Письмо это г. Веселаго заимствуетъ изъ Histoire de la Suède par Geyer).

Но видно было, что историческими судьбами не суждено было запереть русскій народъ въ его природной скорлупѣ и, оттеревъ его отъ морей, навсегда вырвать изъ его рукъ трезубецъ Нептуна. Какъ подземный огонь Вулкана, даровитость русскаго народа искала себѣ исхода, и рука его постоянно тянулась до Нептунова трезубца. Въ то время, когда шведы оттерли русскаго человѣка отъ Балтійскаго Моря, тотъ же русскій человѣкъ, украинецъ, потомокъ «вѣщаго Олега», снова открываетъ путь по Днѣпру и входитъ въ Черное Море.

Это были запорожскіе казаки. Мы не станемъ возстановлять въ памяти читателя грозную эпопею казацкихъ морскихъ походовъ. Достаточно будетъ сказать, что, по временамъ, Черное море фактически переходило во власть какой-нибудь горсти запорожскихъ казаковъ: вся Анатолія трепетала при видѣ страшныхъ казацкихъ «чаекъ», на которыхъ оборванные сыны Украины несли огонь и смерть мусульманскому міру. Почти каждый годъ Константинополю приходилось вспоминать страшныя времена Олега, по преданію, повѣсившаго свой щитъ на воротахъ столицы Византійской имперіи. Почти каждый годъ къ этимъ воротамъ являлись запорожцы «и мушкетнымъ дымомъ окуривали стѣны Цареграда». «Казаки могутъ явиться ежеминутно (пишетъ Людовику XIII его посланникъ при константинопольскомъ дворѣ): они нагнали здѣсь такой ужасъ, что съ большимъ трудомъ, при помощи палочныхъ ударовъ, сгоняютъ солдатъ на посылаемыя противъ нихъ галеры». Другое донесеніе говоритъ, что «появленіе въ морѣ четырехъ казацкихъ челновъ наводило большій страхъ на Константинополь, нежели появленіе чумы въ Мореѣ». Въ 1624 г., казаки, въ числѣ ста «чаекъ», являются въ самомъ Босфорѣ и въ виду столицы грабятъ и жгутъ окрестности. Растерявшійся султанъ, въ продолженіи 6-ти часовъ, верхомъ на конѣ, стоитъ противъ своего сераля, думая, въ случаѣ нападенія казаковъ, защищаться пушками (Очеркъ 47—49).

До сихъ поръ народная украинская поэзія хранитъ память о морскихъ битвахъ казаковъ съ турецкими галерами. До сихъ поръ слѣпые кобзари поютъ на торжищахъ, какъ:

У Тендрові острові Семенъ Скалозубъ
Зъ військомъ на заставі стоявъ,
Ти на турецькую галеру поглядавъ.
До казаківъ словами промолвлявъ:
«Казаки, панове молодці! що спя галера—чи блудить,
Чи світомъ пудить,
Чи много люду царськаго мае,
Чи за великою здобиччю ганяе?
То ви добре дбайте:
По дві штукъ гарматъ пибивайте,
Ту галеру зъ грозноі гармати привітайте
Гостинця ій дайте:
Якъ турки—яничари—то у пень рубайте,
А якъ бідній неволникъ то помочі дайте»...

И казаки, дѣйствительно, «у пень рубали турецкія галери» и возвращались съ богатою добычею на свою Украйну. Иногда-же и сами погибали въ Черномъ Морѣ, какъ до сихъ поръ поется въ думѣ объ Алексѣѣ Поповичѣ:

Ой, якъ на Чорному морі,
Та на білому камені,
Та[illegible]тъ ясенъ сокілъ—білозірецъ,
Смутн[illegible] Чорное море спильна поглядае,
[illegible]му морю недобре ся починае,
[illegible]небі усі звізди потьмарило;

Половину місяця въ хмари вступило,
А изъ низу буйный вітеръ повівае,
А по Чорному морю супротивна хвиля вставае,
Якорі зривае,
Судна козацькі на три часті розбивае:
Одну часть увело въ землю Огарьску занесло,
Другу часть гірло дунайске пожерло,
А третя гдѣ ся мае! въ Чорному морю потопае...

Въ то время, когда Южная Русь столь энергически отстаивала свои права на владѣніе жезломъ морского бога, сѣверная или великая Русь, послѣ «лихолѣтья», въ продолженіе полустолѣтія залечивала свои глубокія раны и не смѣла пока думать о владѣніи морями. Но народная живучесть брала свое. Въ это время, сѣверною Русью заправляла геніальная личность, вышедшая изъ народа и носившая въ себѣ всю духовную могучесть этого народа. То былъ Никонъ. Самовластно владѣя волею «тишайшаго» изъ царей, Алексѣя Михайловича, Никонъ совѣтуетъ царю приблизить къ морямъ русскую землю—вырвать жезлъ морскаго бога изъ нѣмецкихъ и «свейскихъ» рукъ и включить трезубецъ въ гербъ русскаго царя. Въ 1656 г., «тишайшій» царь снаряжаетъ четыре отряда: царскіе «струги», подъ начальствомъ самого Алексѣя Михайловича, входятъ въ Двину, овладѣваютъ Динабургомъ, Кокенгаузеномъ и осаждаютъ Ригу. Съ другимъ отрядомъ князь Трубецкой беретъ города Нейгаузенъ и Дерптъ. Третій отрядъ, подъ начальствомъ Потемкина, идетъ за «свейскій» рубежъ, на Варяжское море. Энергическій патріархъ благословляетъ воиновъ «идти въ Стокгольмъ и другія мѣста моремъ». Потемкинъ идетъ въ Ингрію, овладѣваетъ Канцами и является съ своими судами по морю: «и у Котлина Острова (гдѣ нынѣ Кронштадтъ) съ нѣмецкими людьми былъ бой, и милостію божіей и пречистыя Богородицы помощію и всѣхъ святыхъ молитвами и великаго государя и сына его государевича счастіемъ, у Котлина Острова полукорабль взялъ и нѣмецкихъ людей побилъ, и языка поймалъ, начальнаго человѣка капитана Ирска Дальфира, 8 человѣкъ солдатъ и нарядъ (пушки) и знамена поймали...» Съ такимъ перемѣннымъ счастьемъ русскій народъ, въ теченіи восьми столѣтій, тянулся за трезубцемъ Нептуна, пока, по выраженію г. Веселаго, не явился «избранникъ судьбы въ лицѣ геніальнаго юноши, подъ царской порфирой котораго билось сердце истиннаго моряка». (Очеркъ, 70).

III.

Авторъ «Очерка русской морской исторіи» мастерски объясняетъ тѣ глубокія психическія причины, вслѣдствіе которыхъ рука «геніальнаго юноши» царя неудержимо потянулась за трезубцемъ Нептуна и, повидимому, готова была скорѣе разстаться

съ царскою державою и золотымъ скипетромъ, чѣмъ съ желѣзнымъ жезломъ морского бога.

«Россія, (говоритъ авторъ), начинающая собираться съ силами, все яснѣе и опредѣлительнѣе сознавала тяжелую свою зависимость отъ сосѣдей. Отрѣзанная отъ морей, представляющихъ возможность непосредственныхъ и удобныхъ сношеній съ образованной Европой, она задыхалась въ своемъ невольномъ уединеніи. Царь Петръ, вступивъ въ управленіе государствомъ, скоро увидѣлъ невозможность подобнаго положенія и пришелъ къ убѣжденію, что, для внутренняго развитія Россіи и возвышенія ея политическаго значенія, пріобрѣтеніе порта, болѣе удобнаго, чѣмъ Архангельскъ, составляетъ насущную, государственную необходимость. Поэтому стремленіе Россіи выдвинуться на берега морей, выражавшееся до сихъ поръ случайными робкими попытками, при царѣ Петрѣ получаетъ значеніе важнѣйшаго государственнаго вопроса, для благопріятнаго рѣшенія котораго обращаются трудъ и матеріальныя средства значительной части населенія.

«Но, при всей геніальности Петра, трудно допустить, чтобы колоссальная идея возвышенія государства посредствомъ созданія морского ея могущества, могла явиться въ головѣ юноши-царя вдругъ, съ полною отчетливостью и яснымъ сознаніемъ безчисленныхъ полезныхъ ея слѣдствій. Вѣрнѣе, что эта идея развилась и росла постепенно, подъ вліяніемъ разныхъ счастливыхъ случайностей, которыя для обыкновеннаго ума прошли бы безслѣдно, а для генія послужили матеріаломъ къ созданію стройнаго цѣлаго.

«Къ счастію Россіи, въ исполненіе своего великаго дѣла Петръ внесъ, кромѣ свѣтлыхъ соображеній и непоколебимой твердости воли, страстную любовь къ морю и рѣдкую способность къ разносторонней техникѣ морского дѣла. Дѣйствительно, первоначальный путь къ завѣтной цѣли юношѣ-Петру указало сердце, а затѣмъ уже пошла работа ума. Первыя плаванія царя по Яузѣ и озерамъ представляли для него только новую забаву, которой онъ предавался со всѣмъ увлеченіемъ юности; а мысль о серьёзномъ значеніи моря для государства явилась только впослѣдствіи, когда царь могъ лично ознакомиться съ выгодами торговой дѣятельности Архангельска и своими глазами увидѣть то великое море-океанъ, по волнамъ котораго разбѣгаются широкія дороги во всѣ концы свѣта.

«Восторженная любовь Петра къ морю, доходившая до обожанія, вначалѣ заключалась нестолько въ корыстномъ отношеніи царя къ полезности предмета, сколько въ личномъ поэтическомъ къ нему сочувствіи. Петръ, съ ранней юности успѣвшій до пресыщенія насладиться властью, по своей высшей натурѣ не могъ вполнѣ удовлетвориться раболѣпнымъ исполненіемъ своихъ желаній и грубыми потѣхами тогдашняго общества; онъ искалъ другихъ удовольствій, и море представило ему такія высокія

наслажденія, предъ которыми должны были поблѣднѣть всѣ прочія. Въ великой душѣ юнаго царя находили гармоническіе отголоски и безпредѣльная ширь океана, и разнообразныя морскія опасности, представляющіяся въ грандіозныхъ формахъ, и, наконецъ, упорная борьба съ ними, требующая соединенія всѣхъ средствъ, данныхъ человѣку природою и наукою. Встрѣчающіяся на морѣ безпрестанныя неожиданности, пріятныя и грозныя, представляютъ какое-то подобіе увлекательной для страстныхъ натуръ азартной игры, требующей, съ одной стороны, твердости и терпѣнія, а съ другой—держащей человѣка въ постоянно возбужденномъ состояніи. Для царя Петра, встрѣчавшаго въ правительственной дѣятельности мало сочувствія къ своимъ великимъ замысламъ, на палубѣ корабля, нерѣдко построеннаго и вооруженнаго его собственными руками, все было роднымъ; а въ могучихъ стихіяхъ, вызывающихъ на борьбу, онъ видѣлъ только достойныхъ соперниковъ, съ которыми пріятно было помѣряться силами» (Очеркъ 71-73).

Масса данныхъ, систематически и съ большимъ знаніемъ дѣла расположенныхъ въ книгѣ г. Веселаго, обнимающей болѣе 550 страницъ, неопровержимо подтверждаетъ эти положенія автора и, въ тоже время, доказываетъ, что, еслибы русскій народъ не обладалъ такою несокрушимою живучестью, какая сказалась въ немъ впродолженіи тысячелѣтняго историческаго существованія, и притомъ часто въ положеніи холоднаго желѣза между молотомъ и наковальней, то порывистая страстность царя, толкавшая его такъ, сказать въ область государственной односторонности, и какъ всякая личная страсть, исключавшая собой государственную всесторонность генія, могла имѣть роковой исходъ для русскаго народа. А что государственная односторонность Петра слишкомъ дорого обошлась Россіи и несомнѣнно дороже, чѣмъ стоили всѣ результаты, добытые неумѣреннымъ битьемъ молота по холодному желѣзу—это несомнѣнно; это разоблачается цѣлымъ рядомъ поражающихъ фактовъ, нашедшихъ мѣсто въ трудѣ г. Веселаго, хотя факты эти и приводятся для подкрѣпленія иныхъ положеній автора.

Страстное напряженіе государственныхъ силъ, въ которомъ порывистость царя держала Россію въ продолженіе тридцати-сорока лѣтъ, довело страну до крайняго экономическаго истощенія, не говоря уже о государственной казнѣ, которая часто поставлена была въ безвыходное положеніе. «Всѣ административныя неустройства, замедлявшія полученіе денегъ, были—говоритъ г. Веселаго:—дѣломъ второстепеннымъ; въ основаніи накопленія недоимокъ лежало страшное истощеніе народа и дѣйствительное государственное безденежье. Въ случаяхъ настоятельной необходимости въ деньгахъ, ихъ искали вездѣ, не соблюдая уже различія вѣдомствъ, и, если находили, то брали заимообразно и употребляли на извѣстные, болѣе необходимые предметы. Нерѣдко, за недостаткомъ всей просимой суммы, от-

пускали часть ея, предоставляя исполнителямъ дѣла изворачиваться какъ сочтутъ удобнѣе, съ однимъ лишь условіемъ, чтобы дѣло было сдѣлано. Въ этомъ случаѣ, конечно, приходилось сквозь пальцы смотрѣть на допущеніе несовсѣмъ законныхъ или отяготительныхъ мѣръ для частныхъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу». Апраксину, ближе всѣхъ поставленному къ морскому дѣлу, часто приходилось повторять московскому комиссару Бѣляеву: «о деньгахъ изъ губерній имѣй прилежность, хотя съ остудою; лучше себя сохранить; флотъ часъ отъ часу пріумножается, а денегъ не прибавляется».

Эта государственная односторонность, это напряженіе силъ въ одну сторону вынуждали правительство прибѣгать къ неблаговиднымъ мѣрамъ—или оттягивать уплату долга за купленные предметы, или не выдавать жалованья служащимъ, даже строевымъ чинамъ. Мало того: вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, велѣно было всѣмъ приказнымъ выдавать жалованье, вмѣсто денегъ—сибирскими и другими товарами. Получаетъ чиновникъ вмѣсто денегъ, какую-нибудь «камку» и, чтобы купить хлѣба, долженъ продавать эту «камку» за безцѣнокъ. Но казна и на этомъ не останавливалась: у всѣхъ «русскихъ» чиновниковъ она вычитала *четвертую часть* жалованья; провіантъ выдавала не мукою, а зерномъ, и только исключеніе было сдѣлано для строевыхъ, «которымъ рожь молоть некогда!». «Наконецъ (прибавляетъ г. Веселаго), должно быть, правительственные финансы дошли до крайней степени истощенія, когда среди самаго сената могла возродиться безнравственная мысль объ узаконеніи взятокъ. Въ сентябрѣ 1723 г., сенатъ форменно спрашивалъ адмиралтейств-коллегію: не могутъ ли служащіе въ коллегіи и конторахъ, получать какіе-нибудь доходы «безъ поврежденія его величества интересовъ» и служить безъ жалованья?» На этотъ странный вопросъ коллегія весьма резонно отвѣчала, что въ иныхъ конторахъ, «гдѣ дѣла имѣются денежныя, такое полученіе возможно», но что взятки запрещены высочайшимъ указомъ и т. д.

«Вотъ какова была закулисная сторона того блестящаго времени, когда заключеніе выгоднаго мира со Швеціею и завоеванія на берегахъ Каспія такъ возвысили и прославили Россію. Но, и при такомъ бѣдственномъ положеніи финансовъ, Петръ нетолько умѣлъ поддержать государство на занятомъ имъ высокомъ мѣстѣ, но даже находилъ возможность удивлять свой народъ и иностранцевъ небывалыми, блестящими праздниками и не затруднялся приступать къ такимъ смѣлымъ предпріятіямъ, какъ мадагаскарская экспедиція». (Очеркъ 496—498).

Но народу еще тяжеле доставалось отъ этой упорной гонки царя за славою и за трезубцемъ Нептуна. Постоянные наборы рекрутъ вырывали изъ народа лучшія рабочія силы. Работы на казенныхъ заводахъ, рытье каналовъ, постройка верфей, пристаней, самое основаніе Петербурга—все это стоило народу страш-

ныхъ жертвъ. Онъ до сихъ поръ не можетъ забыть этихъ подневольныхъ работъ, ни «петербургской сторонки», ни «петербургской дорожки», по которой гоняли народъ въ эту «каторжную сторонку». До сихъ поръ народная пѣсня плачется:

Ахъ ты матушка Расея!
Выгоняютъ насъ отселя,
Насъ отселя, не топеря:
Мы дождемся поры-время,
Поры-время тепла лѣта.
Ужъ какъ нонѣшній день скука,
Мнѣ съ милымъ дружкомъ разлука:
Разлучаетъ насъ неволя,
Чужа дальняя сторонка,
Петербургская дорожка...

А вотъ какъ плачется солдатъ на тяжелую службу царскую:

Какъ за рѣчушкой за Невагою,
За другой рѣчушкой Переправою,
За третьей, за большой дороженькой,
Какъ не пыль въ полѣ запылилась,
Не дубровушка расшаталася:
Расшатался удалъ-добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, человѣкъ бѣдный,
Человѣкъ бѣдный, солдатъ бѣглый.
Онъ ни самъ пошолъ, ни своею охотою:
Довела-то его нужда крайняя,
Нужда крайняя, служба царская,
Царя бѣлаго, Петра Перваго.
Што во полюшку бѣлы снѣжки выпали,
Што по этимъ снѣжкамъ шли невольначки,
Шли невольнички - музыканчички...

(Восемьнадцатый вѣкъ въ нар. пѣсняхъ. П. Безсонова).

Неудивительно, послѣ этого, читать донесеніе къ царю Апраксина, который жаловался, что нечѣмъ продовольствовать армію: «Мужики, какъ зайцы, бѣгаютъ по лѣсамъ всѣ, оставляютъ хлѣбъ на поляхъ, а намъ собирать времени нѣтъ...» (Очеркъ 239). Еще бы собирать мужицкій хлѣбъ сановникамъ и правительственнымъ лицамъ, когда рабочія руки народа падаютъ въ изнеможеніи! Генингъ, комендантъ олонецкихъ заводовъ, доноситъ царю: «Воистинно я опасаюсь вашего царскаго величества гнѣва, что я не могъ противъ всѣхъ указовъ чинить, почитай на каждую недѣлю вновь указы присылаются, и все вновь работы и припасы спрашиваютъ въ Петербургъ и къ Архангельскому городу, и отъ такой великой и крупной работы и въ высылкахъ подводъ, и въ строеніи катъ (грузовыя суда) и смольнаго куренья сверхъ заводской нужды, *достальные мужики разбѣгутся*, а оныхъ стало было по прежнему въ домы свои собираться, а нынѣ опять многіе вышли отъ такого великаго отправленія, понеже какъ все класть—уголь, известь, руду, подводы, заводскія работы и мелкія подати въ цѣну, и становится на каждый дворъ по цѣнѣ 30 руб. Самъ изволь разсудить о такой тягости!»

*

30 рублей на крестьянскій дворъ въ то время—это было болѣе, чѣмъ разорительно. Иногда для заводскихъ работъ крестьяне должны были приходить за 600 верстъ... Понятно, что народъ бросаетъ дома и имущество, если только оно еще осталось, и бѣжитъ куда глаза глядятъ... За неимѣніемъ подводъ для перевозки казенныхъ тяжестей, народъ и лошадей «хватаютъ съ улицы» и силою заставляютъ работать на казну. Въ донесеніи Крюйса Апраксину читаемъ: «Адмиралтейскія лошади умираютъ за недостаткомъ опредѣленнаго овса». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Имѣю вашимъ превосходительствамъ донесть, что голодные матросы и солдаты подобны отчаянному звѣрю, и сіе мнѣ изобычно случалось многократно видѣть въ Италіи, Гишпаніи, Португаліи и Голландіи... Тако-жъ имѣю вашимъ высокопревосходительствамъ донесть о самой крайней нуждѣ въ деньгахъ, и свидѣтель самъ, какъ на Котлиномъ Острову, такъ и здѣсь (въ Петербургѣ), у двадцати офицеровъ 50 руб. не наберется, а у ста человѣкъ унтер-офицеровъ и 20-ти рублей; а цѣна на всѣ столовые харчи велика поднялась, отчего наипаче въ скудость произошли». (Очеркъ 457—458).

Что односторонность увлеченія шла въ разрѣзъ съ здравымъ смысломъ и съ государственнымъ благоразуміемъ можно видѣть изъ слѣдующей оцѣнки достоинствъ и недостатковъ тогдашняго флота: «Одною изъ особенностей тогдашней корабельной архитектуры было изобиліе на судахъ разныхъ наружныхъ украшеній. По требованію современнаго вкуса, рѣзьбу помѣщали не только на кормѣ и носу судна, но даже по его бортамъ. Хотя, при увеличеніи флота и расширенія его морской дѣятельности, невыгоды подобныхъ украшеній и непроизводительная трата на нихъ денегъ, заставила употреблять ихъ съ бо̀льшею умѣренностью; но все-таки рѣзьба продолжала существовать и въ послѣдніе годы петровскаго царствованія. Обыкновенно, кормы кораблей украшали государственнымъ гербомъ и аллегорическими или миѳологическими фигурами, имѣвшими отношеніе къ имени корабля, которому соотвѣтствовала и носовая фигура. Иногда рѣзьба помѣщалась также по простѣнкамъ шханечныхъ бортовъ, верхнему поясу бока, концамъ крамбалъ и пр.» Все это, конечно, дѣлалось на показъ, изъ хвастовства; но все хвастовство это убивало бѣднаго матроса болѣе, чѣмъ билъ его непріятель въ морскихъ битвахъ. «На такихъ корабляхъ (поясняетъ г. Веселаго), гигіеническія условія экипажа были весьма неудовлетворительны. Течь отъ водяныхъ бочекъ, иногда разбивавшихся во время качки, въ соединеніи съ песчанымъ баластомъ, дѣлала изъ корабельнаго трюма грязное болото. Рогоженные кули, въ которыхъ по бо̀льшей части доставляли провіантъ, скоро начинали гнить. Главную часть провизіи составляли дурно испеченные сухари и солонина, портившаяся иногда прежде доставленія на корабль; къ этому присоединялось, въ случаѣ нѣсколько продолжительнаго плаванія, по-

ное лишеніе свѣжей пищи и гнилая вода, получавшая отъ деревянныхъ бочекъ цвѣтъ жидкаго кваса и вкусъ и запахъ совершенно протухлыхъ яицъ. Все это разрушительно дѣйствовало на здоровье экипажа, значительная часть котораго гибла отъ разныхъ болѣзней»... Наконецъ, часто и такая вода выдавалась матросамъ по «уменьшенной порціи»!... Неудивительно, что люди болѣли и умирали въ поражающемъ количествѣ, а иногда во флотѣ свирѣпствовали и повальныя болѣзни. Одинъ изъ иностранцевъ, служившихъ тогда въ русскомъ флотѣ (Паддонъ), находилъ, что русскій флотъ отъ неимѣнія «добраго провіанта» теряетъ людей *вдвое болѣе* сравнительно съ другими иностранными флотами. Въ 1716 г., Девіеръ пишетъ Макарову изъ Копенгагена: «Здѣсь мы нажили такую славу, что въ тысячу лѣтъ не угаснетъ: синявинской команды умерло здѣсь близко 150 человѣкъ, и изъ нихъ много бросали въ воду въ каналъ, а нынѣ уже человѣкъ 12, которыхъ принесло къ дворамъ, къ тѣмъ, которые стоятъ на берегу, и я, увидѣвъ то, хотя и не изъ моей команды, однакожь велѣлъ вытаскивать изъ воды и похоронить, а народъ здѣшній о томъ жалуется...» Въ другомъ донесеніи тотъ же Паддонъ говоритъ, что мука, доставленная намъ кораблями, была гнила и негодна къ употребленію, и отъ этого изъ 500 рекрутъ у него, въ теченіе мѣсяца осталось всего 278 человѣкъ, да и тѣ «почитай померли съ голоду, а прочіе померли и больны въ госпиталѣ, и обрѣтаются въ такомъ бѣдственномъ состояніи отъ лишенія одежды, что опасаются вскорѣ помрутъ»; что «морскіе служители и по сіе число (11-го октября) содержатся на корабляхъ и ночуютъ, которымъ зѣло студено нынѣ»... Въ заключеніе, онъ говоритъ Апраксину: «ваше сіятельство, невѣдомы есть о половинѣ бѣдностей людскихъ здѣсь. Боже помоги имъ!»

«Подобные отзывы (замѣчаетъ при этомъ г. Веселаго), находившіеся не въ частномъ письмѣ, а въ офиціальномъ донесеніи главному начальствующему лицу, даютъ весьма опредѣлительное понятіе о тогдашнемъ положеніи матроса. При дурной пищѣ и одеждѣ, дурномъ, крайне тѣсномъ помѣщеніи, они часто терпѣли отъ голода и холода, изнуряясь вѣчно тяжелою работою и, въ случаѣ болѣзни, поступали въ госпитали, гдѣ уже окончательно, отъ недостатка должнаго ухода и леченья, гибли какъ мухи». (Очеркъ 468—470).

На эту тяжесть службы «государю царю бѣлому, Петру Первому» плачется и пѣсня того времени:

Тяжело служить, служба день до вечера,
Что съ вечера служить до полуночи,
Съ полуночи служить до часу девятаго,
Отъ девятаго часу служить до бѣлой зари...
(Восемнадцатый вѣкъ П. Безсонова).

А вотъ, яркая иллюстрація жизни за границей тѣхъ молодыхъ русскихъ дворянъ «навигаторовъ» и «гардемаринъ», которыхъ

Петръ посылалъ въ Европу учиться морскому дѣлу и у которыхъ не было на родинѣ богатыхъ отцовскихъ вотчинъ.

«Прискорбна душа моя даже до смерти (пишетъ изъ Бреста Зотовъ кабинетъ - секретарю Макарову), смотря на ихъ гардемаринъ нищету; сколько для нихъ, а впятеро больше для чести государевой, я отъ своей ревности все, что̀ имѣлъ при себѣ, имъ роздалъ: парики, кафтаны, рубахи, башмаки и деньги, однимъ словомъ—себя разорилъ. А нынѣ тако обрѣтающійся, желалъ бы самъ быть палачемъ и четвертовать того, который на смѣхъ во всемъ обнадежилъ, что здѣсь гардемаринамъ хорошее жалованье, мундиръ и квартира. На день имъ идетъ по 12 копѣекъ только, и больше нѣтъ ни квартиръ, ни мундира. Оныя 12 коп. только для знаку, что въ королевской службѣ, а чтобы имъ пробавляться, то того и думать невозможно — одинъ мундиръ стоитъ въ 50 ефимковъ». Въ другомъ мѣстѣ Зотовъ такъ оплакиваетъ горькую участь русской молодости заграницею. «Такъ мнѣ прискорбно, что легче мнѣ бы было видѣть смерть передъ моими глазами, нежели такую срамоту нашему отечеству, и лучше бы ихъ перебить, что̀ поросятъ, нежели имъ срамиться и ихъ здѣсь съ голоду морить. Многіе хотятъ въ холопы идти; только я ихъ стращаю жестокимъ наказаніемъ, истинно противъ своей совѣсти, ибо знаю, что худо помирать съ голоду... Пожалуй, не прогнѣвайся, что очень просто писано (заключаетъ онъ свое посланіе): мнѣ теперь въ сотеро пуще, нежели бы я съ пятью кораблями непріятельскими въ огнѣ горѣлъ. Горечью и слезами моими оканчиваю сіе мое доносительное письмо». И въ Марсели, дѣйствительно, нѣкоторымъ злополучнымъ гардемаринамъ приходилось «по міру скитаться». А Савва Рагузинскій такъ рисуетъ положеніе учащейся русской молодежи въ Венеціи: «Ей-ей, пишетъ онъ:—отъ голода помрутъ, аще не будетъ опредѣлено жалованья, а уже нынѣ въ долгахъ и бѣдности обрѣтаются и живутъ такъ, что зазорно отчасти для россійской славы...» (Очеркъ 586—587).

Наконецъ, вотъ въ какомъ положеніи находилась «морская академія» — это любимое дѣтище Петра. Въ 1717 г., по недостатку денегъ, верхній этажъ академіи оставался недостроеннымъ; комнаты не имѣли п ечей, и «43 ученика не ходили въ ученье, затѣмъ, что стали наги и босы». Печей къ зимѣ исправлять было не на что и не на что купить дровъ. Директоръ академіи Матвѣевъ боялся, что придется прекратить классы. «Во истину не могу самъ описать, какія несносныя докуки несу отъ тѣхъ бѣдныхъ и нужныхъ (нуждающихся) людей—пишетъ онъ Макарову:—которые безотступно у меня просятъ денегъ и уже весьма наги и босы». И здѣсь ученики изъ бѣднѣйшихъ дворянъ «ходятъ по міру». При посѣщеніи классовъ академіи въ 1724 г., Петръ находитъ, что нѣкоторые изъ учениковъ очень дурно одѣты, и узнаетъ, что жалованье имъ выдается съ недоимками, да и то не деньгами, а товарами. По слѣдствію оказывается, что

85 учениковъ, «за босотою и неимѣніемъ дневнаго пропитанія», не ходили въ академію мѣсяца по три, по четыре и по пяти, а 55 изъ нихъ «кормились вольною работою» (Очеркъ 606—607). Не надо забывать, что это была «морская гвардія»!...

Ясно, что государственная односторонность царя, игнорировавшая законы экономической жизни страны, граничила уже съ безразсчетностью. Хотя къ концу царствованія Петра, трезубецъ Нептуна и попалъ въ русскія руки, можно сказать, окончательно, однако, сама Россія, истощенная до крайности, находилась въ положеніи громаднаго корабля, который, не имѣя ни груза, ни баласта, только потому не опрокинулся, что, тотчасъ же послѣ кончины Петра, первымъ государственнымъ актомъ правителей русской земли было—облегчить участь народа, изнуреннаго не въ мѣру напряженною гонкою за трезубецъ, и тѣмъ остановить, если можно такъ выразиться, неизбѣжный ходъ страны къ государственной чахоткѣ. Хотя облегченіе это было ничтожно, но народъ все-таки нѣсколько вздохнулъ, почувствовавъ, что изнурительная государственная лихорадка, трепавшая его въ теченіи сорока лѣтъ, отпустила его на неопредѣленное время, по крайней мѣрѣ, до новаго пароксизма.

IV.

Разсматривая въ строгой послѣдовательности всю многолѣтнюю дѣятельность Петра, мы находимъ, что она, главнымъ образомъ, сосредоточивалась на одномъ стремленіи—на пріобрѣтеніи моря, и потому только на этотъ пунктъ направлены были всѣ усилія всей коллективной государственно дѣятельности Россіи какъ по частямъ, такъ и въ совокупности. Зерно постоянно разгоравшейся страсти лежало именно тутъ, въ этомъ пунктѣ: все, что ни дѣлалъ царь для Россіи, что ни задумывалъ сдѣлать въ будущемъ этотъ необыкновенный сынъ «тишайшаго» царя—все это дѣлалось для удовлетворенія одной ненасытной страсти. Неудержимая страсть толкаетъ юношу-царя сначала на Яузу-рѣку; но этой рѣченки ему мало—страсть ищетъ простора, огонь разгорается, и ему становится мало нетолько Яузы, но и переяславкаго озера. Молодой царь порывается къ морю, въ Архангельскъ. Мать тоскуетъ по немъ, плачетъ, а онъ до забвенія упивается видомъ моря и морскими экскурсіями. Но и этого моря ему мало. Слишкомъ далеко къ холодному сѣверу откинуто оно, слишкомъ оторвано отъ прочаго міра; а ему хочется видѣть этотъ міръ и себя показать. Страсть, въ половину удовлетворенная, разгорается бурей. Петръ начинаетъ войну съ Турціей, чтобы только овладѣть южнымъ моремъ. Слѣпая страсть не разбираетъ средствъ: за 1,200 верстъ отъ моря, царь устраиваетъ верфь для постройки кораблей! Это увлеченіе, но увлеченіе титана, который забра-

сываетъ скалы за облака, воображая забросить ихъ на небо — и скалы падаютъ на самого титана. Воронежская корабельная верфь, воронежская морская флотилія, это—скала, брошенная титаномъ за облака. Но каково было русскому народу поднимать эту скалу на своихъ плечахъ! А онъ поднялъ: онъ въ одну зиму, не имѣя ни мастеровъ, ни рабочихъ, создалъ цѣлую армаду и почти пòсуху перетащилъ ее къ морю. И чтò же выходитъ изъ этой армады? Едва флотъ перетащенъ былъ въ море, укрѣплены Азовъ и Таганрогъ и углублена гавань въ этомъ послѣднемъ городѣ—царь отправляется въ прутскій походъ. Походъ оканчивается несчастнымъ образомъ для Россіи. Говорятъ, что Петръ находился въ трагическомъ положеніи при Прутѣ: это—левъ въ тенетахъ... Желая замаскировать неудачу похода, Петръ пишетъ Апраксину съ Прута: «Понеже, не допуская мы крайняго кровопролитія между войсками нашими и турецкими, согласились черезъ сіятельнѣйшаго визиря Махмет-пашу съ его султанскимъ величествомъ вѣчный миръ учинить, для довольства въономъ миру городъ Азовъ, съ ихъ землями, которыя въ вышерѣченной области взяты въ прошлой войнѣ, отдать, новопостроенные разорить, чтò повелѣваемъ вамъ учинить по силѣ заключительнаго трактата...» Азовъ очищаютъ отъ русскихъ войскъ, таганрогскую гавань взрываютъ, азовскую флотилію уничтожаютъ, а часть продаютъ туркамъ! «Такъ окончилъ свое существованіе азовскій флотъ, стоившій Россіи величайшихъ пожертвованій и людьми, и матеріальными средствами (говоритъ г. Веселаго). Неудачи, постоянно преслѣдовавшія его, и печальный конецъ могутъ повести къ заключенію, что громадныя средства, потраченныя Петромъ, и необыкновенная энергія, съ которою царь сооружалъ и поддерживалъ флотъ, пропали безслѣдно и что самая мысль о необходимости для Россіи этого флота была со стороны царя важною ошибкою, не принесшею государству ничего, кромѣ истощенія цѣлаго края». Но г. Веселаго считаетъ это заключеніе несправедливымъ (Очеркъ 138—139).

Кàкъ бы то ни было, но скала упала на титана.

Но пораженіе на югѣ не охлаждаетъ страсти въ царѣ. Это—страсть роковая, которая не разсчитываетъ, не оглядывается назадъ. Впереди есть еще море: это—Балтійское, и страсть толкаетъ царя къ этой окраинѣ Россіи.

Какъ на титаническій подвигъ смотритъ, авторъ разсматриваемой книги на построеніе Петербурга и на пріобрѣтеніе Балтійскаго прибрежья:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ...

Этими словами поэта г. Веселаго начинаетъ свое описаніе перваго знакомства Петра съ шведскими устьями.

«И глядѣлъ онъ (продолжаетъ авторъ) не столько въ даль открывшагося передъ нимъ воднаго пространства, сколько въ даль

времени. Окидывая своимъ орлинымъ, практическимъ взглядомъ пустынные берега и измѣряя, какъ опытный морякъ, глубину фарватера, онъ умственными очами проникалъ въ даль вѣковъ, и на этихъ бѣдныхъ берегахъ, потерявшихъ при наступающей зимѣ и ту небольшую долю красоты, которую они имѣютъ лѣтомъ, Петръ видѣлъ въ будущемъ цвѣтущіе населенные города и на пустынныхъ водахъ, по которымъ пробиралась его маленькая эскадра, тысячи кораблей подъ флагами всѣхъ націй. Въ его воображеніи, въ устьяхъ Невы, уже создавался во всей серьёзной красотѣ великій русскій *торговый* городъ С.-Петербургъ, затмѣвающій Амстердамъ и Лондонъ обширностью своей торговли и количествомъ *своихъ* торговыхъ кораблей. Однимъ словомъ, онъ видѣлъ то, чего еще Россія въ правѣ ожидать отъ Петербурга, поставленнаго Петромъ на одномъ изъ выгоднѣйшимъ въ мірѣ торговыхъ пунктовъ. Народная легенда мѣстныхъ жителей, финновъ, съ удивительнымъ поэтическимъ тактомъ отнеслась къ чудному созданію Петербурга, который, съ легкой руки Петра, росъ не позднямъ, а по часамъ. Много людей, говорить легенда, принимались строить здѣсь городъ, но это имъ не удавалось, потому что топкое болото поглощало строеніе. Наконецъ, явился сюда и началъ работу русскій богатырь-волшебникъ: потроилъ одинъ домъ—поглотила трясина, построилъ другой, третій — тоже самое. Разсердился богатырь и придумалъ хитрое, небывалое дѣло: взялъ онъ и сковалъ на рукахъ цѣлый городъ и поставилъ на болото, которое уже не могло поглотить его и держитъ до сихъ поръ». (Очеркъ 150—160).

Здѣсь, дѣйствительно, упрямому царю удалось построить городъ и создать флотъ. Но чего стóило Россіи!

Страсть къ построенію флота, естественно, вызывала новую страсть — къ сбереженію лѣса, какъ строительнаго матеріала. Уже при самомъ началѣ судостроенія на Дону и въ Воронежѣ, говоритъ г. Веселаго, «начались для мѣстныхъ жителей тяжелыя ограниченія въ пользованіи лѣсами, и за нарушеніе иногда положительно неисполнимыхъ указовъ назначались жесточайшія наказанія, доходившія до *лишенія живота*». Тѣ же невзгоды опрокинулись и на поселеніе другихъ мѣстностей, пригодныхъ для судостроенія: смертная казнь назначалась всякому за рубку дуба, сосны, клена, вяза, карачага. Въ 1702 г., *во всѣхъ* городахъ и уѣздахъ повелѣно было описать лѣсà извѣстнаго разряда, кому бы они ни принадлежали, и хранить подъ опасеніемъ ссылокъ и казней!.. Въ разстояніи 1,000 сажень отъ Невы не велѣно было рубить *никакихъ* лѣсовъ подъ угрозою «всеконечнаго разорѣнія безъ всякаго милосердія». Указы о сбереженіи заповѣдныхъ лѣсовъ объявлялись на площадяхъ съ барабаннымъ боемъ, прибивались у воротъ и на видныхъ мѣстахъ народныхъ сборищъ, и читались въ церквахъ священниками.

Для устраненія ослушниковъ *заранѣе поставлены были висѣлицы*!.. Все это до того поражало народъ, что онъ рѣшительно

могъ ожидать скораго страстнаго суда. Нашелся одинъ священникъ, который положительно отказался читать народу указъ о храненіи лѣсовъ и бросилъ бумагу на землю. Понятно, что ожидало русскаго ослушника...

Только уже въ 1723 г. дозволено было петербургскимъ жителямъ безпрепятственно вырубать *въ своихъ собственныхъ дачахъ* просѣки и пересаживать деревья! (Очеркъ 473—476).

Ту же страстность проявляетъ царь и въ назначеніи наказаній за всякіе проступки, наносившіе вредъ морскому дѣлу. Боцманаматъ Герритъ Янсенъ за ослушаніе приказу начальства, приговаривается: «чтобъ онъ трижды подъ корабль проволоченъ, потомъ 400 ударовъ канатомъ получилъ и, послѣ того, яко шельмъ, изъ службы, государства и земель его царскаго величества выгнанъ былъ». Тиммермана Петерсена за трехдневную отлучку съ корабля приговариваютъ: «подъ корабль подтаскивать три раза и бить у мачты 200 разъ канатомъ». Одинъ солдатъ приговаривается: «къ купанью трижды съ райны и къ жестокому наказанію кошкою». За кражу въ адмиралтействѣ Петровъ-Соловой, Ѳедоровъ и Лисицынъ наказываются смертью, а Ближевскій и Шестаковъ бросаютъ жребій—«кому вынется смерть, кому—каторга». (Очеркъ 572—575).

И замѣчательно, что, при этой страстности, Петръ сдерживалъ порывы своего темперамента, когда требовалось соблюденіе уставовъ службы. Въ 1713 г., русская эскадра выступаетъ въ море. Предстоитъ опасное дѣло со шведскимъ флотомъ. Созывается совѣтъ, въ которомъ принимаетъ участіе вице-адмиралъ Крюйсъ, предвидя опасности для царя, особымъ письмомъ проситъ его, чтобы «въ путь не изволилъ идти». Пылкій самолюбивый контр-адмиралъ, видимо, заподозрѣвъ Крюйса въ оскорбительномъ недовѣріи къ своимъ морскимъ знаніямъ, а, можетъ быть, и въ желаніи пріобрѣсть одному себѣ славу первой настоящей морской побѣды, страшно огорчается и отвѣчаетъ вице - адмиралу такъ: «Понеже я съ великимъ удивленіемъ на письмѣ, которое на консиліи, бывшемъ во флотѣ для дѣйствъ противъ непріятеля и для комуникаціи при Ревелѣ будущими кораблями, отъ господина вице-адмирала получилъ, въ которомъ и на то рѣшеніе кладетъ, чего въономъ консиліумѣ и не бывало, ибо не точію хощетъ, чтобы я при флотѣ былъ, но ниже паки къ арміи въ Финляндъ возвратился, въ чемъ оный жадной (никакой) причины, ниже должности имѣетъ; правда, вперво причину сію получилъ, ибо уже вяще 18 лѣтъ какъ служу сему государству (о чемъ пространно не пишу, понеже всѣмъ извѣстно), и въ сколькихъ баталіяхъ, акціяхъ и белаграхъ былъ и вездѣ отъ добрыхъ и честныхъ офицеровъ прошенъ былъ, дабы не отлучался, какъ и послѣдняя моя нынѣшняя отлучка отъ Голштиніи, гдѣ не только отъ своихъ, но и отъ датскихъ и саксонскихъ генераловъ о томъ прошенъ былъ, дабы тамъ остаться, а не отсыланъ, дабы дома, яко дитя остался... Прочее, ради вышереченнаго себѣ

афронта, пресѣкая корреспонденію, остаюсь». Крюйсъ старается успокоить гнѣвнаго царя, указываетъ на опасности, приводитъ много примѣровъ. Петръ отвѣчаетъ на всѣ доводы Крюйса глубокой ироніей. Вотъ нѣкоторые изъ примѣровъ, приводимыхъ Крюйсомъ и отвѣты на нихъ царя:

Примѣры Крюйса:	*Отвѣты царя:*
Адмиралъ Рейтеръ сказалъ, дабы морскіе люди были опасны, что не такъ они далеко отъ смерти, какъ доска отъ корабля толщину имѣетъ.	Не опасеніе человѣку вездѣ вредитъ.
Адмиралъ Тромпъ сказалъ: счастіе и несчастіе въ баталіи многажды состоитъ въ одной пулькѣ.	Бояться пульки—нейдти въ солдаты, или кому деньги дороже чести, тотъ оставь службу.
Адмиралъ графъ Крусъ на большомъ шведскомъ кораблѣ, именованномъ «Три короны», который былъ противъ датскихъ, порохомъ подорвало.	Окольничій Засѣкинъ свинымъ ухомъ подавился.
Адмиралъ Шифель потерялъ свой корабль на одномъ клипѣ, чуть-что не всѣхъ и людей потерялъ.	Ивана Ивановича Бутурлина палаты задавили! (Очеркъ 232—285).

Исключительная и всепоглощающая страсть внушаетъ царю такіе замыслы, которые положительно несоразмѣрны съ силами государства. Въ глубокую осень 1723 года, подъ величайшимъ секретомъ, готовится экспедиція, и куда же?—на Мадагаскаръ, къ тамошнему небывалому королю. Мадагаскарскому королю пишутся грамоты, изъ которыхъ одна гласитъ: «Божіею милостію, мы, Петръ I, императоръ и самодержецъ всероссійскій и пр. и пр. и пр. Высокопочтенному королю и владѣтелю славнаго острова Мадагаскарскаго наше поздравленіе. Понеже мы заблагоразсудили для нѣкоторыхъ дѣлъ отправить къ вамъ нашего вице-адмирала Вильстера съ нѣкоторыми офицерами, того ради васъ просимъ, дабы оныхъ склонно къ себѣ допустить, свободное пребываніе дать и въ томъ, что они, именемъ нашимъ, вамъ предлагать будутъ, полную и совершенную вѣру дать, и съ такимъ склоннымъ отвѣтомъ ихъ къ намъ паки отпустить изволили, каковаго мы отъ васъ уповаемъ и пребываемъ вашимъ пріятелемъ. Петръ I».

Другая грамота предлагаетъ мадагаскарскому королю протекцію Россіи и даже—предоставляетъ ему жить въ русскихъ владѣніяхъ, гдѣ пожелаетъ!.. Вильстеру поручается идти до Ост-Индіи и явиться къ «великомочному моголу» и всякими мѣрами стараться склонить его на торговлю съ Россіей. Мало того: Вильстеру предоставляется купить бакауту и другихъ, нужныхъ для кораблестроенія деревъ и употребить ихъ вмѣсто баласта!.. Послѣ узнаютъ, что на Мадагаскарѣ «короля не имѣется», и мадагаскарская экспедиція замѣняется экспедиціею Беринга, въ инструкціи которому царь, за три недѣли до своей кончины, между прочимъ, повелѣваетъ: — изъ Камчатки ѣхать на ботахъ «возлѣ земли, которая идетъ на нордъ, и, по чаянію (понеже

оной конца не знаютъ), кажется, что та земля часть Америки, и для того искать, гдѣ оная сошлась съ Америкою»...

Это—или порывы генія, или вспышки разнузданной страсти; во всякомъ случаѣ, это—вопросы будущей исторіи, которая должна принять во вниманіе даже такіе факты, какъ, напримѣръ, господствовавшій въ архитектурѣ петровскаго времени стиль, когда даже шпицы на зданіяхъ (шпицы адмиралтейскій, петропавловскій и др.) дѣлались такъ, что напоминаютъ корабельныя мачты. Исторія должна разрѣшить не одно психологическое проявленіе въ жизни этой, дѣйствительно, необычайной исторической личности.

«Отправленіе экспедиціи Беринга изъ Петербурга совпало со временемъ кончины государя (говоритъ г. Веселаго): большая часть команды Беринга выѣхала 24 января, а самъ онъ 5 февраля. Такимъ образомъ, почти послѣднимъ актомъ всеобъемлющей морской дѣятельности Великаго Петра была увѣнчавшаяся впослѣдствіи успѣхомъ забота о разрѣшеніи географическаго вопроса, представлявшаго чрезвычайную важность въ виду почти двухъ вѣковыхъ попытокъ иностранныхъ моряковъ открыть у сѣверныхъ береговъ Сибири новый путь въ Индію». (Очеркъ 396—402, 630—632).

Исчерпать все богатство содержанія книги г. Веселаго — для журнальной статьи представляется положительно невозможнымъ. Это, впрочемъ, и не было нашею задачею. Насъ исключительно интересовалъ вопросъ: насколько вся сумма спеціальныхъ историческихъ данныхъ, предлагаемыхъ новымъ историческимъ трудомъ, можетъ служить для опредѣленія степени даровитости русскаго народа, когда исходною точкой для этого опредѣленія будетъ принята теорія Нептунова трезубца. Собственно, обзоръ дѣятельности Петра помогаетъ разрѣшенію даннаго вопроса исключительно по отношенію къ личности царя—этой небывалой въ исторіи этого человѣчества царственной личности съ подобными субъективными наклонностями и дарованіями: за этой грандіозной личностью вся Россія остается въ тѣни. Но, все-таки, нельзя не видѣть въ Петрѣ личности исключительно съ русскимъ историческимъ типомъ. Типъ этотъ проходитъ черезъ всю тысячелѣтнюю жизнь русскаго народа. Первоначальнымъ образцемъ для него могутъ служить тѣ младенческіе историческіе дѣятели русской земли, которыхъ Карамзинъ называетъ «великанами сумрака»; зародышъ ихъ мы видимъ въ Аскольдѣ и Дирѣ, которые, еще плохо утвердившись въ Кіевѣ, уже безпокоятъ громадную Византійскую Имперію; это—какіе-то русскіе «удалые добрые молодцы», типъ которыхъ проходитъ чрезъ всѣ фазисы развитія русскихъ историческихъ типовъ; за Аскольдомъ и Диромъ идутъ «вѣщій Олегъ», Игорь и чистѣйшій первообразъ запорожца съ чубомъ—Святославъ; это—«удалъ-добрый молодецъ», это—первый историческій бурлаченька русской земли, какимъ онъ

представляется въ свиданіи съ императоромъ византійскимъ и какимъ его рисуетъ картина художника Бруни. Типъ удалого витязя, повторяется затѣмъ въ Александрѣ Невскомъ, который перебывалъ во всѣхъ концахъ русской земли и въ ордѣ, и потомъ, на своихъ «легкихъ лодочкахъ», разбилъ нѣмцевъ въ устьяхъ Невы. Типъ этотъ повторяется въ новгородскихъ ушкуйникахъ, и Петръ ближе всего подходитъ къ идеалу Васьки Буслаева, который, какъ говоритъ былина, «поводился съ удалыми добрыми молодцами, а и ходя въ городѣ—уродовалъ: котораго возьметъ онъ за руку—изъ плечъ тому руку выдернетъ; котоаго заденетъ за ногу — то ногу выломитъ; котораго хватитъ поперегъ хребта—тотъ кричитъ, реветъ, ѻкорачь ползетъ».

Типъ удалаго добраго молодца повторился потомъ въ завоевателѣ Сибири, Ермакѣ Тимоѳеевичѣ, который былъ въ союзѣ съ Волгою и трезубцемъ Нептуна, въ царствѣ коего и жизнь свою кончилъ. Этотъ же типъ повторился и въ Стенькѣ Разинѣ, гулявшемъ по Дону, Каспійскому Морю и Волгѣ, въ жертву которой онъ принесъ и свою возлюбленную — персидскую княжну-красавицу. Затѣмъ типъ этотъ исторически отразился, съ одной стороны, въ запорожскихъ казакахъ, мушкетнымъ дымомъ окуривавшихъ стѣны Константинополя и гулявшихъ по Черному Морю, какъ по своему родному пруду, съ другой — въ послѣдовательныхъ генераціяхъ поволжской вольницы, оставившей богатый циклъ удалыхъ пѣсенъ, начиная отъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» и кончая бурлацкой «Дубинушкой», которая пускалась въ ходъ, когда нужно было «легки лодочки» перетаскивать изъ одной рѣки въ другую по̀-суху.

Типъ удалаго добраго молодца цѣликомъ отразился въ наиболѣе русской и наиболѣе крупной исторической личности—въ царѣ-работникѣ—высочайшій эпитетъ, какой когда-либо заслуживали цари всего міра.

Это прохожденіе одного и того же типа черезъ всю русскую исторію и сконцентрированіе его въ лицѣ царя-преобразователя, для котораго царство Нептуна было какъ бы родною стихіею, а трезубецъ этого всесильнаго бога замѣнялъ царственный скипетръ—все это едва ли говоритъ въ пользу бездарности русскаго народа: существенныя черты его даровитости подтверждаются всею суммою его историческаго прошлаго.

Но отчего же народъ этотъ до сихъ поръ не имѣетъ очень многаго и, въ томъ числѣ, достаточно сильнаго торговаго флота, который могъ бы быть выставленъ имъ противъ заѣдающихъ его торговыхъ флотовъ другихъ народовъ?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ вся тысячелѣтняя исторія русскаго народа: онъ не имѣетъ торговаго флота оттого, что недостаточно развитъ экономически; недостаточно развитъ экономически потому, что недостаточно обезпеченъ; недостаточно обезпеченъ потому, что недостаточно выгодно для себя располагалъ своимъ трудомъ и т. д, и т. д., и т. д.: все это — кольцо

одной великой цѣпи, до синяковъ опутывавшей всю русскую землю отъ 862 по 1862 годъ, той цѣпи, которая, хотя и разорвалась 15 лѣтъ тому назадъ, но долго еще будутъ видны на русскомъ тѣлѣ государственные и экономическіе синяки отъ великой исторической цѣпи.

Д. С...о-М...ъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Выборы 20-го февраля.—Четыре избирательныхъ комитета реакціонеровъ.—Два Наполеона въ Аяччіо.—Скупость консерваторовъ и щедрость «Фигаро».—Неудача правительственныхъ кандидатуръ.—Отставка полицейскаго префекта Леона Рено.—Четыре кандидатуры Бюффѐ.—Окончательное паденіе перваго министра и всей системы управленія 24-го мая.—Отчаяніе и ярость реакціонеровъ отъ побѣды республиканской Франціи.

Тотчасъ же вслѣдъ за сенаторскими выборами начался двадцати-дневный избирательный періодъ для выборовъ депутатовъ, въ теченіи котораго предоставляется свобода сходокъ какъ для избирательныхъ комитетовъ, такъ и для публичныхъ избирательныхъ собраній. Ни демократія, ни реакціонеры не стали терять времени на толки о новомъ сенатѣ и приступили немедленно къ новой борьбѣ. Только Бюффѐ упалъ духомъ послѣ своего пораженія въ Вогезскомъ Департаментѣ и уже не рѣшился помѣщать въ телеграммахъ, при посредствѣ «Агентства Гаваса», ложныхъ извѣстій, какъ дѣлалъ онъ при сенаторскихъ выборахъ, чтобы сбивать съ толку избирателей. Друзья его по «центральному комитету консервативнаго союза Франціи» до того были изумлены неудачными для нихъ результатами новаго, нарочно для сенаторскихъ выборовъ придуманнаго избирательнаго аппарата, что совершенно потеряли голову. Въ новомъ воззваніи, подписанномъ Шангарнье, Луве, «Дагеномъ и К°» и обращенномъ къ «консерваторамъ всякихъ партій безразлично», они вынуждены были признаться въ своемъ пораженіи. «Мы слишкомъ искренни, говорится въ немъ: — чтобы не сознаться, что мы не особенно удовлетворены результатами сенаторскихъ выборовъ». Другой (бонапартистскій) комитетъ «національныхъ консерваторовъ» сваливалъ причину неудачи своихъ кандидатовъ на несовершенства системы ограниченнаго голосованія, принятаго при сенаторскихъ выборахъ, и заявлялъ полную увѣренность, что всеобщее голосованіе 20-го февраля поправитъ все дѣло. Нѣсколько позднѣе онъ сталъ заклинать комитетъ Шангарнье отказаться

отъ «утопіи орлеанизма», стоившей консерваторамъ стольких жертвъ, и соединиться съ имперіалистами, которые одни только въ настоящую минуту настолько сильны, что могутъ спасти Францію отъ подчиненія ея «краснымъ». Совершенно наперекоръ такимъ желаніямъ комитета, Руэръ, въ компаніи съ тремя своими единомышленниками, издалъ на островѣ Корсикѣ прокламацію, въ которой заявлялъ себя врагомъ и орлеанистовъ, и легитимистовъ столько же, сколько и республиканцевъ, по его мнѣнію, сплошь комунаровъ, и заявлялъ, что спасенія Франція можетъ ждать только отъ возведенія на престолъ Наполеона IV. Мало того: когда принцъ Наполеонъ самолично появился въ Аяччіо и выставилъ свою кандидатуру, якобы демократическую и противоклерикальную, противъ ех-вице-императора, чайльзгёрсткій подростокъ, въ качествѣ главы династіи и наслѣдника престола, счелъ тоже необходимымъ вмѣшаться въ борьбу и выступилъ противъ своего дяди съ документомъ письмомъ, которымъ онъ приказывалъ дядѣ отказаться отъ соперничества съ Руэромъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, признать его образъ дѣйствій незаконнымъ. Зная, однако же, что племянникъ его пока еще, если и сердитъ, да не силенъ, принцъ Наполеонъ, хотя храбростью особенной и не отличается, письма этого не испугался и только посмѣялся надъ нимъ. Но еще болѣе смѣялась публика. Оказалось, что бывшій ученикъ вульвичской школы надѣлалъ въ письмѣ своемъ нѣсколько ошибокъ во французскомъ языкѣ, и вообще письмо это настолько же безтолково, какъ и мало грамотно. Бонапартисты, однако же, нисколько не сконфузились отъ скандала, произведеннаго неопытнымъ юношею. Напротивъ, послѣ этого письма они стали еще наглѣе и довели до того свое безстыдство, что не побрезгали выставить кандидатуру измѣнника Эмиля Оливье и, мало того, гнуснаго полицейскаго префекта 2-го декабря, де-Мопà! Очевидно, они не забыли, что кусокъ сала и прирученный орелъ надъ шляпою булонскаго искателя приключеній, не помѣшали Луи-Наполеону Бонапарте добиться избранія въ президенты и взойти на престолъ подъ аккомпаниментъ канонады на Монмартрскомъ Бульварѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно прозорливые, можетъ быть, даже сообразили, что безграмотность юноши можетъ быть для нихъ очень полезною, когда онъ станетъ во главѣ Франціи, такъ какъ она облегчитъ имъ возможность быстрой наживы...

Къ счастію, 1876 годъ—не 1848-й и молодой птенецъ весьма кстати обнаружилъ всю степень своего невѣжества. Это обнаруженіе послужило къ тому, что онъ потерялъ всякое обаяніе къ своей личности въ мѣстностяхъ Франціи, гдѣ сколько-нибудь читаютъ, и обусловилъ невозможность единодушнаго дѣйствія въ свою пользу всѣхъ реакціонеровъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ массы не читаютъ ничего. Орлеанисты устыдились за связь съ бонапартистами тѣхъ изъ своихъ сторонниковъ, которые, подобно де-Брольи, обязаны только этой связи своимъ избраніемъ въ се-

наторы. Наиболѣе интеллигентные изъ монархистовъ (какъ напримѣръ, молодой де-Сегюръ или Д'Оссонвилль) рѣшились примкнуть тѣснѣе къ конституціоннымъ республиканцамъ, а крайніе легитимисты, увидѣвъ, что ихъ соглашенія съ бонапартистами и пресловутыми комитетами, центральнымъ и національнымъ, только компрометируютъ дѣло ихъ короля, рѣшились организовать свой собственный избирательный комитетъ. Такимъ образомъ явился «легитимистскій выборный комитетъ» подъ предсѣдательствомъ де-Морилльона. Въ манифестѣ, изданномъ этимъ комитетомъ, заявляется совершенное несогласіе съ двумя упомянутыми мною комитетами и цѣлью легитимистскихъ кандидатовъ ставится «достиженіе пересмотра конституціи для возведенія на престолъ Франціи главы законной династіи». Появленіе легитимистскаго комитета произвело значительный хаосъ въ средѣ «союза консерваторовъ», но онъ еще болѣе усилился, когда появился еще новый комитетъ подъ названіемъ «католическаго избирательнаго комитета», который уже прямо сталъ выставлять папистскія и ультраклерикальныя кандидатуры личностей въ родѣ Ріана, члена парижскаго муниципальнаго совѣта или пресловутаго драгуна-проповѣдника де-Мёна. Распложаясь такимъ образомъ, консервативные комитеты взаимно уничтожили другъ друга не только въ нравственномъ, но и въ финансовомъ отношеніи. Въ послѣднемъ смыслѣ, впрочемъ, «національный комитетъ» составилъ исключеніе, такъ какъ онъ могъ употребить весьма значительныя суммы на подкупъ всего, что есть безсмысленнаго и безчестнаго во Франціи, для пріобрѣтенія сторонниковъ дѣлу ватерлооско-седанской династіи. На эту попытку, однако же, ухлопаны, какъ должно полагать, всѣ сбереженія «отчотнаго комитета» и всѣ послѣдніе чайльзгёрстскіе займы. Зато центральный комитетъ, несмотря на всѣ свои многократныя приглашенія «друзей порядка и сторонниковъ маршала» къ пожертвованіямъ для «спасенія общества» и несмотря на то, что открылъ для этого счетъ у самого Ротшильда, который не могъ не подписать первымъ двадцати тысячъ франковъ, едва-едва, въ теченіи своего шестинедѣльнаго существованія, могъ собрать сумму отъ шестидесяти до семидесяти тысячъ франковъ!

Финансовая эта неудача произошла потому, что всѣ знали, что, хотя комитетъ и находится подъ фиктивнымъ предсѣдательствомъ Шангарнье, но душу его составляетъ самъ первый министръ — Бюффè. Богатые сторонники идей этого комитета поэтому и разочли съ практической смёткой, что, если это дѣло такъ близко къ сердцу правительства, то, при его *богатствѣ*, оно можетъ обойтись и безъ ихъ взносовъ. Богатство, разумѣется, понималось нравственное: вліяніе Бюффè на легіонъ префектовъ, подпрефектовъ и подчиненныхъ имъ административныхъ дѣятелей. Имя Шангарнье—имя африканскаго героя—тоже принималось въ соображеніе, а этотъ воитель, съ самаго 1848 года, иначе о себѣ не выражается, какъ словами: «чтò же мнѣ дѣлать, если

я не могу не побѣждать!» Кромѣ того, оффиціальнымъ органомъ комитета былъ «Фигаро», а, такъ какъ Виллемессанъ «ничего для общаго блага не жалѣетъ», то и казалось, что дѣло комитета вообще отлично обезпечено. Виллемессанъ, впрочемъ, наканунѣ дня выборовъ, не преминулъ заявить, что борьба съ республикою и республиканцами стоила ему во время избирательнаго періода по 4,500 килограммовъ... бумаги ежедневно!

Чтобы не терять такого количества бумаги ежедневно... въ чистомъ видѣ, Барнумъ придумалъ выдавать ежедневныя прибавленія или, вѣрнѣе, вылазки въ лагерь республиканцевъ, съ «честною шпагою» во главѣ и не особенно честнымъ перомъ публициста Сен-Женѐ, въ аррьергардѣ. Въ этихъ добавочныхъ листахъ преподносилось курево консервативнымъ кандидатамъ и бросалось грязью и всяческими нечистотами въ кандидатовъ республиканскихъ. Довольно одного примѣра, чтобы показать, до чего доводили дѣло ревностные строчилы продажнѣйшаго изъ редакторовъ журналовъ въ цѣломъ мірѣ. Тьеру вмѣнена въ преступленіе нѣкоторая его выходка, правда, нѣсколько дурного вкуса, но совершенная имъ *сорокъ одинъ годъ тому назадъ!*.. По ея поводу сотрудникъ Виллемессанъ воскресилъ цѣлую картину прошедшаго!.. Клеветы и выходки противъ республиканцевъ сопровождались постоянно родительскими наставленіями къ избирателямъ. Беру любой изъ нумеровъ на удачу, и вотъ что̀ нахожу въ немъ. Руководящая статья *разъясняетъ* избирателямъ, что, если большинство выбранныхъ депутатовъ не будутъ макмагоніанцами, то это равнозначительно «страшному бѣдствію, отстраненію отъ управленія Мак-Магона, уличной рѣзнѣ, внѣшней войнѣ, а, можетъ быть, и такой грозной катастрофѣ, которая обусловитъ собою окончательное исчезновеніе Франціи съ лица міра!»... Статья, обращенная исключительно къ женщинамъ, убѣждаетъ ихъ вліять на голосованіе своихъ мужей и прибѣгать для этого «къ тѣмъ ловкимъ манёврамъ, которые имъ всегда удаются, если онѣ желаютъ, напримѣръ, добиться отъ мужей покупки платьевъ, которыя имъ нравятся». Наконецъ, въ третьей статьѣ, ученически преподносится такой совѣтъ консервативнымъ избирателямъ о томъ, *ка̀къ слѣдуетъ* вотировать. Поступайте по примѣру республиканцевъ, говорится въ ней. «Въ дни выборовъ они подымаются рано утромъ и толпятся около избирательной урны. Они слѣдятъ другъ за другомъ, подаютъ ли они голоса за тѣхъ именно лицъ, какъ это было между ними условлено. Каждый ждетъ своей очереди, чтобы опустить свой избирательный бюллетень, *если удастся даже дважды* (!!). Почему же консерваторамъ не поступать по ихъ примѣру и не выказывать такой же ловкости и предусмотрительности» (!!).

И подобные совѣты предлагаются чуть-чуть не отъ имени правительства! Оффиціальная кандидатура, словомъ, не стѣснялась прибѣгать ко всякимъ средствамъ, какъ это дѣлалось въ 1852 г. Если же, при всемъ этомъ, она не удалась, то, во-первыхъ, глав-

ною причиною этого то, что уровень честности и развитія во Франціи значительно повысился за это время, а во-вторыхъ—то, что руководители коррупціи до самаго начатія выборовъ не умѣли между собою согласиться въ общемъ планѣ дѣйствій и не пожертвовали для этого ни интересами партій, ни интересами своего личнаго честолюбія. Ни «Фигаро», ни «Français», ни президентская прокламація 19-го января, появившаяся на стѣнахъ повсюду передъ началомъ голосованія, ни циркуляры къ префектамъ не достигли ни того, чтобы бонапартисты и легитимисты заявили себя «конституціонными консерваторами», ни того, чтобы за орлеанистами праваго центра обезпечить многочисленность сторонниковъ. Все искуство изобрѣтателей септенната оказалось безсильнымъ, чтобы соединить всю реакцію около одного имени Мак-Магона. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ проявлялось соперничество монархистовъ, населеніе подавало голоса безразлично и за бѣлыхъ, и за трехцвѣтныхъ, и за фіолетовыхъ кандидатовъ; тамъ же, гдѣ макмагоніанцы, повидимому, могли бы первенствовать за малочисленностью кандидатовъ другихъ фракцій, населеніе съ негодованіемъ отстранилось отъ подачи голосовъ за безцвѣтныхъ кандидатовъ этого неопредѣленнаго направленія.

Было бы утомительно слѣдить за всѣми интригами оффиціальной кандидатуры по всей Франціи. Обо всѣхъ нихъ можетъ дать понятіе, впрочемъ, исторія кандидатуры самого Бюффѐ, поддерживавшаяся правительствомъ въ четырехъ различныхъ мѣстностяхъ.

Понявъ, что своею неудачею на сенаторскихъ выборахъ первый министръ обязанъ былъ антипатіи къ себѣ бонапартистовъ, онъ рѣшилъ, что можетъ выиграть ихъ расположеніе на выборахъ депутатскихъ, пожертвовавъ имъ наиболѣе непріятнымъ для нихъ администраторомъ—полицейскимъ префектомъ. Леонъ Рено былъ кандидатомъ въ Корбейльскомъ Округѣ и выступилъ соперникомъ бонапартиста, князя Ваграмскаго. Когда общій ихъ соперникъ, республиканецъ Валантенъ, былъ выбранъ въ сенаторы, отъ Ронскаго Департамента, то онъ поспѣшилъ написать къ своимъ избирателямъ любезное письмо, въ которомъ, отказываясь отъ своей депутатской кандидатуры, совѣтовалъ имъ подавать голоса за Рено. Бюффѐ тотчасъ же указалъ Мак-Магону на это письмо и убѣдилъ его, что было бы до-нѐльзя неблаговидно допускать, чтобы начальника полиціи могъ рекомендовать... радикалъ. Мак-Магонъ потребовалъ къ себѣ Рено и предложилъ ему немедленно печатно отказаться отъ голосовъ-революціонеровъ, любезно уступленныхъ ему бывшимъ префектомъ Страсбурга при правительствѣ народной обороны и префектомъ Ліона при правительствѣ... страшно сказать... Тьера. Уступчивый Рено соглашается въ новомъ циркулярѣ повторить изложеніе своихъ убѣжденій характера консервативнаго и, въ то же время, конституціонно-республиканскаго. Этого оказывается мало, и отъ него

требуютъ невѣжливаго разрыва съ Валантеномъ; ему даже просто предлагаютъ подписать по этому поводу уже заготовленное объясненіе, которое маршалъ тутъ же вынимаетъ изъ кармана. Леонъ Рено, однако же, этого заявленія не подписываетъ, а садится и пишетъ прошеніе объ отставкѣ. Такое дѣло во всякое другое время вызвало бы министерскій кризисъ, но, въ минуту избирательнаго періода, самъ Рено очень хорошо понимаетъ, что вызывать его неблагоразумно. Отставка принимается, и, подъ вліяніемъ Дюфора, управленіе полиціей поручается одному изъ членовъ междуцентральной группы Лавернья, который нигдѣ не явился кандидатомъ—Вуазену. Бюффè, однако, отстраняетъ отъ введенія новаго префекта въ управленіе дѣлами общественной безопасности (sureté générale) и подчиняетъ это учрежденіе министерству внутреннихъ дѣлъ. Такимъ манёвромъ онъ гарантируетъ бонапартистскимъ конспираторамъ полнѣйшую безопасность для ихъ продѣлокъ на все время, пока онъ останется министромъ.

Но, чтобы оставаться министромъ послѣ двойной неудачи попасть въ сенатъ, какъ въ собраніи, такъ и въ средѣ избирателей Вогезскаго Департамента, Бюффè необходимо выйти тріумфаторомъ изъ депутатскихъ выборовъ, за благопріятный для реакціи результатъ которыхъ онъ принялъ на себя отвѣтственность—ему, словомъ, надобно съумѣть заставить выбрать самого себя.

Разсчитывать на успѣхъ въ мѣстѣ своего рожденія — въ Вогезскомъ Департаментѣ—послѣ неудачи съ сенаторскими выборами, хотя они и производились ограниченнымъ числомъ избирателей и при самыхъ выгодныхъ, повидимому, условіяхъ, было трудно. Изъ тщеславія, однакоже, Бюффè рѣшился выставить свою кандидатуру въ Мирекурскомъ Округѣ, гдѣ у него значительная собственность, гдѣ онъ былъ выбранъ впервые въ 1848 году и былъ выбираемъ при всѣхъ послѣдующихъ выборахъ. Двадцать префектовъ сразу изъ наиболѣе скомпрометированныхъ, т. е. такихъ, которые будутъ немедленно отставлены, если только новая палата не захочетъ продолжать «политики борьбы», предложили министру свои услуги. Такимъ образомъ, министру предстоялъ выборъ наиболѣе благопріятныхъ для его избранія округовъ въ двадцати департаментахъ. При сосредоточеніи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ всякихъ свѣдѣній о всѣхъ мѣстностяхъ во Франціи, Бюффè было не трудно выбрать для себя именно такіе округа, гдѣ всѣ условія соединились для возможности его полнаго успѣха. Выборъ его остановился на трехъ мѣстностяхъ: на округахъ Коммерси, Буржѣ и Кастель-Саразенѣ. Первый округъ былъ выбранъ имъ потому, что Мозельскій Департаментъ по сосѣдству съ Вогезскимъ, и, въ случаѣ неудачи въ Вогезскомъ — выборъ въ Мозельскомъ могъ послужить доказательствомъ, что, если на родинѣ онъ и не выбранъ, то только вслѣдствіе личностей, такъ какъ по сосѣдству

его также хорошо знають и, несмотря на это, считають достойнымъ выбора. Буржъ выбранъ былъ потому, что префектъ Шерскаго Департамента—іезуитъ чистѣйшей воды, а населеніе отличается образцовою наивностью и послушаніемъ, и всѣ его представители до сихъ поръ были самые отъявленные реакціонеры. Префектъ былъ вполнѣ увѣренъ, что успѣетъ повліять благопріятно на такихъ избирателей и что они будутъ внѣ себя отъ восторга, что первый министръ удостоиваетъ ихъ чести явиться ихъ представителемъ. Кастель-Саразенъ былъ выбранъ потому, что въ этой мѣстности первый министръ, въ прошломъ году, являлся вмѣстѣ съ Мак-Магономъ съ первою помощью и утѣшеніями среди пострадавшихъ отъ наводненій. Префектъ, кромѣ того, такъ какъ раздача пособій еще неокончена, имѣлъ возможность въ этой мѣстности обѣщать бо̀льшую сумму вознагражденія за убытки тѣмъ изъ избирателей, которые станутъ вотировать за Бюффѐ. Къ счастію, нашлось не мало честныхъ людей, не соблазнившихся подкупомъ, и дѣло это было предано гласности газетою «Le Républicain de Tarne-et-Garonne», которую нельзя было за это предать суду, такъ какъ онъ напечаталъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и документальныя доказательства этого факта коррупціи. Въ этомъ случаѣ, Бюффѐ пришлось удовольствоваться только тѣмъ, что онъ распорядился, чтобы во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ выставлялась его кандидатура, были вывѣшены приговоры суда парижской исправительной полиціи, которыхъ онъ только-что добился по своимъ жалобамъ на недавнія статьи газеты «France» и «La République Française». Кромѣ того, во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ распространялись его агентами слухи, что тамъ, гдѣ будетъ избранъ депутатомъ первый сановникъ Франціи — край можетъ ожидать всякой благодати отъ его могущества. Обѣщались новыя желѣзныя дороги и общеполезныя учрежденія; вліятельнымъ избирателямъ сулились всякія награды—отъ орденовъ до концессіи табачныхъ бюро̀. Мелкихъ чиновниковъ застращивали отставкой въ случаѣ дурнаго исхода дѣла; по церквамъ произносились проповѣди, въ которыхъ проводилась мысль о томъ, ка̀къ Богу будетъ угодна подача голосовъ за такого христіанина, какъ Бюффѐ. Военные и гражданскіе чиновники появляясь на рынкахъ и повсюду, гдѣ собирается народъ, раздавали бюллетени съ его именемъ и коментаріями о его доблестяхъ. Въ кабачкахъ методически производились даровыя угощенія виномъ, а порою—и завтраками. Въ Вокулерѣ (Мозельскаго Департамента) какой-то агентъ Бюффѐ даже роздалъ избирателямъ даромъ двѣ повозки мяса. Кромѣ того, повсюду распространялось, что вотировать за Бюффѐ значитъ вотировать за самого маршала, за внѣшній и внутренній миръ, тогда, какъ вотировать противъ (и для доказательства раздавались прибавленіи «Фигаро», о которомъ я уже говорилъ) значитъ навлекать на страну междоусобную войну, уличную рѣзню, иностранное нашествіе и чуть ли даже не чуму и холеру.

Не странно ли, не изумительно ли, что во всѣхъ четырехъ округахъ, въ средѣ отсталаго населенія, всѣ эти чрезвычайныя мѣры не повели ни къ чему? Это покажется еще тѣмъ страннѣе читателю, что бонапартисты, послѣ отставки Рено, внесли Бюффè въ свои списки и отклонили въ этихъ округахъ всѣ свои соперничествовавшія съ нимъ кандидатуры. Тоже самое сдѣлали орлеанисты и легитимисты. Мало того: въ средѣ его республиканскихъ соперниковъ не было ни одного извѣстнаго имени. Кандидаты эти были, гг. Брессонъ, Ліонвилль, Ласервъ и Девуку, и всѣ они были выбраны! Бюффè былъ одновременно разбитъ повсюду и буквально вышвырнутъ всеобщимъ голосованіемъ съ политической арены, подобно тому, какъ былъ уже отвергнутъ дважды—національнымъ собраніемъ и ограниченнымъ избирательствомъ! Никогда еще, ни въ одной странѣ и ни въ одну историческую эпоху, ни одинъ государственный человѣкъ не подвергался такому жестокому паденію и посрамленію!

Такое наказаніе понесъ на себѣ Бюффè, и не вслѣдствіе своей личности, а въ качествѣ послѣдняго представителя ратоборства противъ общественнаго мнѣнія и развратителя страны. Его система управленія вполнѣ заслуживала такого наказанія—и она-то и погребена на днѣ избирательныхъ урнъ 20-го февраля 1876 года. Въ правѣ всеобщаго голосованія страна увидала возможность отвѣтить на 24-е мая 1873 г. — и она осудила безапелляціонно всѣ послѣдствія этого рокового дня, всѣ монархическія попытки, всякія реакціи, чѣмъ бы онѣ ни прикрывались. Она, въ то же время, этимъ актомъ утвердила и республику, пока въ томъ видѣ, какой придала ей сила неблагопріятныхъ обстоятельствъ, но съ надеждою, что, путемъ мира и свободы, она въ возможно скоромъ времени обратится въ республику прогрессивную и настоящую.

До 5-го марта—дня, назначеннаго для перебаллотировки—нельзя еще приводить окончательныхъ статистическихъ данныхъ о выборахъ 20-го февраля, такъ какъ перебаллотировывать придется болѣе, чѣмъ въ 100 округахъ, но, пока, сторонниковъ программы Бюффè и прокламаціи маршала отъ 19-го января выбрано не болѣе 50, считая даже въ томъ числѣ «конституціонистовъ», которые не выразили особенныхъ желаній, чтобы конституція подверглась пересмотру въ 1880 г.

Конституціонистовъ, рѣшительно не желающихъ ревизіи, но которые, вѣроятно, будутъ вотировать одинаково съ мак-магоніанцами по клерикальнымъ и реакціоннымъ вопросамъ, не болѣе 20. Легитимистовъ выбрано тоже около 20, а бонапартистовъ—60. Всѣ остальные выбранные депутаты—республиканцы, такъ, что каковъ бы ни былъ исходъ перебаллотировки—въ результатѣ огромное большинство второй палаты будетъ республиканское. Можетъ же оно дойти до двухъ третей всего количества депутатовъ.

Такой успѣхъ превзошолъ самыя смѣлыя надежды демокра-

тіи. Окружное избирательство, принятое собраніемъ противъ нея, принесло, такимъ образомъ, ей же пользу. Гнѣвъ отчаянія и негодованія реакціонеровъ на такой результатъ выборовъ трудно даже и передать. Они совершенно сбиты съ толку, изнуряются въ брани, неистовствахъ, угрозахъ и готовы требовать, во что бы то ни стало, государственнаго переворота, увы! въ настоящее время невозможнаго! Они не могутъ ничего ни понять, ни объяснить себѣ, такъ какъ, забравъ почти всю власть въ свои руки три года тому назадъ, они сдѣлали со своей стороны все, чтобы заглушить и извратить народную волю — и, несмотря на все это, она все-таки высказалась съ поразительною ясностью *противъ* нихъ!

Благочестивый редакторъ «Univers» Луи Вёльйо просто помѣшался съ отчаянія. «Эти выборы, говоритъ онъ:—нечто иное, какъ продолженіе убійствъ заложниковъ и даже болѣе — отмщеніе за религіозныя процессіи, которыя мы устроивали! Но, несмотря ни на что, *святое сердце* все-таки спасетъ Францію, даже, еслибы она того не желала».

II.

Высокая степень значенія результатовъ всеобщаго голосованія: отрицаніе клерикализма и монархизма и утвержденіе прогрессивной республики. — Изумительная дѣятельность Гамбетты и выборъ его въ четырехъ мѣстностяхъ.—Оппозиція непримиримыхъ.—Нѣсколько эпизодовъ изъ парижскаго избирательнаго движенія.—Избраніе Луи Блана.—Неловкій маневръ лѣваго центра.—Избраніе Тьера.—Общіе итоги выборовъ.

Возрожденіе свободной и демократической Франціи, начало которому положено счастливыми выборами, разумѣется, принесло не мало огорченій католическому Риму и, вообще, клерикализму. Въ добавокъ къ тому, скорбь ихъ должна была еще увеличиться при извѣстіи, что, одновременно съ торжествомъ демократіи во Франціи, въ Испаніи послѣдовало окончательное пораженіе карлистовъ. Между тѣмъ, никогда еще клерикалы не проявляли такой усиленной дѣятельности для пропаганды своихъ ученій и не предпринимали такихъ разнообразныхъ мѣръ для достиженія избирательной побѣды. По всей Франціи служились молебны, организовались нескончаемыя религіозныя процессіи, епископы особыми посланіями назначали экстренныя мессы (neuvaines électorales), деньги для пріобрѣтенія благопріятныхъ для благочестивыхъ кандидатовъ голосовъ собирались повсюду. Кромѣ того, гражданскія и военныя власти покровительствовали возникновенію и распространенію значительнаго числа якобы религіозныхъ ассоціацій противуреволюціоннаго и противосвѣтскаго характера, между тѣмъ какъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, всякія попытки къ подобнымъ же ассоціаціямъ

другихъ партій преслѣдовались и уничтожались. Несмотря на все это, результаты всеобщаго голосованія показали положительную невозможность достиженія клерикалами ихъ идеала, т. е. обращенія Франціи въ послѣдній оплотъ феодальнодемократическаго характера противъ духа времени, противъ всего, что̀ только есть свободнаго въ существующихъ учрежденіяхъ и всего, что̀ справедливо въ концепціяхъ будущаго.

Но это—только одинъ еще изъ результатовъ голосованія 20-го февраля. Другой и не менѣе важный, это — отрицаніе всякихъ монархическихъ попытокъ во Франціи и признаніе окончательной республики, конституція которой можетъ подвергаться въ будущемъ измѣненіямъ, но только въ благопріятномъ для демократіи смыслѣ. Знаменитый планъ политическихъ акробатовъ — замаскировать реакціонеровъ всякихъ партій и самыхъ разнообразныхъ стремленій въ нарядъ временныхъ конституціоналистовъ (до 1880 г.) и безъименныхъ консерваторовъ и интересовъ управляющихъ классовъ—потерпѣлъ самое жалкое пораженіе въ столкновеніи съ порядочностью и здравымъ смысломъ населенія самыхъ деревень.

Только въ самой глуши нѣкоторыхъ департаментовъ Бретани, Прованса и Гаскони, гдѣ жители почти не говорятъ по французски, нашлись депутатскія мѣста для чистыхъ легитимистовъ; только въ центральной Франціи и на Югозападѣ, т. е. тамъ, гдѣ населеніе не страдало отъ огня и меча пруссаковъ во время нашествія, могъ восторжествовать бонапартизмъ. Такимъ образомъ, меньшинство (около трети) будущей палаты будетъ состоять преимущественно изъ бонапартистовъ. И вотъ единственный результатъ, котораго могли достигнуть знаменитые дѣятели національнаго собранія, провозгласившаго нѣкогда съ такимъ торжествомъ низложеніе наполеоновской династіи, послѣ всѣхъ интригъ своихъ и продѣлокъ захватившіе 24-го мая власть въ свои руки! Этого ли они хотѣли, изобрѣтая послѣ 25-го февраля всякихъ конспираторовъ, которые до опредѣленнаго срока стали бы скрывать свои настоящія стремленія и такимъ образомъ послужить дѣлу реставраціи? А, между тѣмъ, эти правительственные дѣятели, несмотря на свою парламентскую несостоятельность и рядъ пораженій, вынесенныхъ ими въ послѣднюю сессію, держали все-таки во всей своей власти какъ опредѣленіе формы, въ которой должно было проявиться выраженіе народной воли, такъ и всяческія нравственныя и матеріальныя средства для достиженія того, чтобы извратить выраженіе этой воли въ личную свою пользу!

Я попрошу вспомнить читателей, въ теченіи сколькаго времени и съ какой жестокою безцеремонностью бѣдная Франція подвергалась самому утонченному произволу, со времени низверженія Тьера, ка̀къ цѣлый рядъ министровъ, начиная съ Бѣлэ, Фурту, де-Брольи и кончая Шабо-Латуромъ и Бюффѐ, покушался извратить ея право всеобщаго голосованія и запугать ее. А

у нихъ, при этомъ, въ распоряженіи находилось болѣе 100,000 преданныхъ имъ чиновниковъ; мэры отдаленнѣйшихъ деревушекъ были совершенно въ ихъ рукахъ, да, кромѣ того, въ половинѣ департаментовъ господствовало осадное положеніе, а въ другой половинѣ свирѣпствовали префекты «борьбы», лучшимъ типомъ которыхъ можетъ служить знаменитый Дюкро. Вспомнивъ все это, читатели легко поймутъ, что я не впадаю въ преувеличеніе, позволивъ себѣ назвать населеніе Франціи достойнымъ всякой похвалы за его образъ дѣйствій. Оно проявило героическое терпѣніе во время всѣхъ преслѣдованій, какимъ оно подвергалось и когда отъ него было отнято слово, чтобы съ полнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ сказать, когда оно было ему возвращено: «я хочу республики, понимая подъ этимъ названіемъ свое самоуправленіе, свободу и порядокъ! Долой же обманщиковъ, прикидывающихся государственными людьми! Я хочу имѣть во главѣ честныхъ исполнителей народной воли—и жить при свободныхъ учрежденіяхъ».

Я полагаю, что читатели неразъ имѣли случай обвинять меня въ оптимизмѣ, когда я, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, при каждой неудачѣ демократовъ въ версальскомъ собраніи, не терялъ надежды на торжество дѣла свободы во Франціи и повторялъ неоднократно, что, когда странѣ будетъ возвращено слово, то она выскажется за республику. Голосованіе 20-го февраля—это величайшее событіе, какое только происходило во Франціи съ самаго 1789 года—надѣюсь, вполнѣ оправдало правильность моихъ соображеній.

Значеніе его еще тѣмъ важнѣе, что, какъ извѣстно, республиканцы, которыхъ я, для того, чтобы быть понятнымъ, назову *оффиціальными,* не могли подготовить его достаточно заблаговременно и придать избирательному движенію ту стройность и единство, какихъ они могли бы достигнуть, еслибы имѣли возможность организовать исподволь правильную и методическую пропаганду. Поглощенные ежедневной борьбой въ версальскомъ собраніи, парламентскіе республиканцы едва могли имѣть время на подготовленіе только личныхъ своихъ кандидатуръ; и сенаторскіе, и депутатскіе выборы, быстро мѣнявшіеся одни за другими, вслѣдствіе краткости своихъ періодовъ, не дали возможности республиканцамъ согласиться между собою на какомъ-нибудь общемъ планѣ дѣйствій. Республиканскіе дѣятели, не состоявшіе депутатами въ версальскомъ собраніи, тоже вынуждены были дѣйствовать въ разбросъ, и дѣятельность ихъ также могла ограничиваться только пріобрѣтеніемъ себѣ сторонниковъ между избирателями. Конечно, еслибы при депутатскихъ выборахъ была принята система списочнаго избирательства, то дѣло республиканцевъ было бы значительно облегчено составленіемъ департаментскихъ списковъ; но одноименное окружное избирательство донельзя затруднило дѣло. Поэтому-то, какъ начался

избирательный періодъ для депутатскихъ выборовъ, неизбѣжно должна была проявиться значительная неурядица.

Въ большихъ центрахъ, и особенно въ Парижѣ, тамъ, гдѣ успѣхъ демократіи казался заранѣе обезпеченнымъ, вмѣсто одного кандидата, появилось сразу по шести; въ тѣхъ же сельскихъ округахъ, гдѣ предстояла вѣроятность пораженія, не было охотниковъ затѣвать борьбу съ сомнительнымъ исходомъ. Замѣтьте при этомъ, что у республиканцевъ не было комитетовъ, какъ у реакціонеровъ, которые могли бы, съ одной стороны, нравственно поддерживать своихъ кандидатовъ, а съ другой—доставлять матеріальныя средства для избирательной борьбы.

Всякій, кто знакомъ близко съ внутренней и, такъ сказать. хозяйственной стороной выборовъ, легко пойметъ, насколько все это затрудняло успѣхъ для республиканцевъ. Можно сказать, что три четверти кандидатовъ прошли бы, при другихъ условіяхъ, прямо безъ баллотировки, и она понадобилась бы, всего на все, въ какихъ-нибудь 30 мѣстностяхъ, вмѣсто 108, какъ это произошло. Поэтому я нисколько не ошибусь, если приму, что двѣ трети пораженій реакціонерныхъ кандидатовъ слѣдуетъ приписать одному только одушевленію населенія, которое, даже въ такихъ мѣстностяхъ, куда никакая республиканская пропаганда не проникала, дѣйствовало съ изумительной дисциплиной и, несмотря ни на какія препятствія, шло дружно къ своей цѣли.

Но откуда же появилось и это одушевленіе, и эта цѣль, и сознаніе необходимости дисциплины? Все это вызвано было въ населеніяхъ! администраціей, которая съ 1873 г. дѣлала все, чтобы идти противъ ихъ прямыхъ и непосредственныхъ интересовъ. Ненависть къ ней положила первое основаніе для республиканской манифестаціи. Вторымъ поводомъ къ этому послужили оффиціальныя кандидатуры и ихъ неудачная маскировка. Здравый смыслъ сельчанъ рѣшительно отказывался видѣть въ легитимистахъ защитниковъ республиканской конституціи, а въ бонапартистахъ—лицъ, не заботящихся о наискорѣйшемъ провозглашеніи имперіи. Кромѣ того, тѣ изъ правительственныхъ заявленій, изъ которыхъ явствовало, что Мак-Магонъ желаетъ законно поддерживать республиканскую конституцію— не мало способствовали тому, что, голосуя за республиканцевъ, сельчане нисколько не сомнѣвались, что исполняютъ свой долгъ во имя сохраненія существующаго порядка.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда могли проникнуть многочисленныя брошюры, о которыхъ я упоминалъ въ прошломъ своемъ письмѣ, и онѣ сдѣлали свое дѣло, такъ какъ объясняли политическое *положеніе* вполнѣ понятно и доступно для людей, лишенныхъ возможности понимать всякія парламентскія исхищренія.

Такою же ясностью отличались и программы республиканскихъ кандидатовъ, появлявшіяся во время избирательнаго періода. Всѣ онѣ, при различіи внѣшнихъ формъ изложенія, отличались

одинаковою опредѣленностью демократическихъ и либеральныхъ стремленій и, такимъ образомъ, служили подспорьемъ для пріобрѣтенія многочисленныхъ сторонниковъ республиканскимъ кандидатамъ въ средѣ избирателей.

Но больше всѣхъ послужилъ дѣлу выборовъ Гамбетта своею изумительною дѣятельностью и ораторскимъ искуствомъ. Въ теченіе пятнадцатидневнаго избирательнаго періода, онъ успѣлъ сказать четыре чрезвычайно замѣчательныя рѣчи въ четырехъ различныхъ пунктахъ Франціи, отдаленныхъ одинъ отъ другого значительными разстояніями. Вліяніе ихъ было на столько значительно, что я считаю необходимымъ остановиться на каждой изъ нихъ отдѣльно.

Первую свою рѣчь онъ сказалъ въ Лиллѣ, въ одномъ изъ округовъ котораго ему приходилось соперничать съ одною значительною личностью изъ клерикаловъ. Произнесъ онъ ее въ городскомъ театрѣ, среди большаго числа избирателей. Началъ ее онъ съ заявленія, что республика уже учреждена, благодаря содѣйствію сельскихъ общинъ, обусловившихъ своими избраніями республиканскій характеръ сената. Этотъ фактъ онъ разсматривалъ, какъ выраженіе возрожденія Франціи. При этомъ онъ заявлялъ увѣренность, что и во второй будущей палатѣ большинство будутъ составлять депутаты-республиканцы и демократы, «настолько] же либеральные, насколько миролюбивые». Объясняя эту послѣднюю фразу, онъ коснулся злосчастнаго закона о высшемъ образованіи, который, по его словамъ, слѣдовало бы вѣрнѣе назвать «закономъ объ уменьшеніи образованія», и обѣщалъ, что законъ этотъ будетъ пересмотрѣнъ и отмѣненъ. Онъ выставилъ при этомъ на видъ всѣ опасности системы іезуитскаго воспитанія, которую «слѣдуетъ называть римскою, а никакъ не французскою» и которая со школьной скамьи учитъ людей бороться со всѣмъ, что̀ составляетъ завоеваніе современной цивилизаціи и неотъемлемое право новаго общества, представляя, такимъ образомъ, элементы для междоусобій и внѣшнихъ войнъ. Отрицая всякую возможность того, чтобы Францію могъ кто либо довести до того жалкаго состоянія, чтобы она стала послѣднимъ оплотомъ «отживающихъ стремленій Ватикана» и, такимъ образомъ, самою отсталою между націями, онъ находитъ, что и 20 февраля она не можетъ проявиться иначе, какъ свободною и республиканскою, и какъ бы скажетъ своими выборами другимъ народамъ: «я и теперь—таже Франція, какой вы меня привыкли видѣть съ конца прошлаго столѣтія, страна свободнаго изслѣдованія и свободной мысли».

Не успѣла еще печать подробно познакомить публику съ этою рѣчью оратора, какъ уже Гамбетта былъ въ противуположномъ концѣ страны и говорилъ уже другую рѣчь въ Авиньонѣ. Согласившись на выставленіе своей кандидатуры въ Воклюзскомъ Округѣ противъ могущественнаго клерикала, одного изъ мэровъ, назначенныхъ правительствомъ борьбы, онъ не расчитывалъ на

успѣхъ своего избранія, но хотѣлъ только имѣть случай высказаться противъ оффиціальныхъ кандидатуръ именно въ такой мѣстности, гдѣ одинъ изъ самыхъ безстыдныхъ префектовъ имѣлъ полную возможность дѣйствовать по своему произволу съ наибольшею развязностью. Поэтому, вопервыхъ, онъ началъ съ утвержденія того, что, несмотря на всѣ происки и продѣлки администраціи, на всякія коррупціи, къ какимъ она прибѣгаетъ и о чемъ онъ своевременно заявитъ съ трибуны въ будущемъ собраніи, выборы 20 февраля, по его мнѣнію, должны дать большинство отъ 80 до ста голосовъ республиканцамъ (мы знаемъ, что обстоятельства нетолько оправдали, но даже значительно превзошли эти его ожиданія). Разъ напавъ на эту тэму, Гамбетта развилъ передъ своими слушателями полную картину злоупотребленій власти, къ какимъ прибѣгало правительство борьбы за все время своего существованія, и перечислилъ всѣ тѣ свободы, какія новые депутаты, по его мнѣнію, обязаны доставить Франціи. Онъ особенно настаивалъ на свободѣ сходокъ и ассоціацій, подвергавшихся преимущественнымъ преслѣдованіямъ на югозападѣ Франціи, на избраніи мэровъ изъ среды муниципальныхъ совѣтовъ и на замѣнѣ департаментскихъ *пашей* такими префектами, которые «были бы вѣрными и искренними исполнителями республиканскаго обновленія страны».

На недѣлѣ, слѣдовавшей за произнесеніемъ этой рѣчи, Гамбетта объѣхалъ весь Авиньонскій Округъ, былъ принятъ съ энтузіазмомъ въ Карпантрà, освистанъ и даже отчасти *избитъ каменьями* (въ него бросали каменьями изъ оконъ одного легитимно-клерикальнаго клуба) въ Кавальонѣ. Власти послѣдней мѣстности заявили ему, что они не берутся отвѣчать за порядокъ, если онъ захочетъ воспользоватся своею свободою въ качествѣ кандидата и вздумаетъ держать рѣчь къ избирателямъ. Гамбетта потребовалъ, чтобы ему выдали протоколъ этого страннаго заявленія, и, когда его получилъ, то явился въ залу, гдѣ уже собирались жители, и сталъ просить ихъ разойтись. «Потерпите еще три недѣли для торжества республики, сказалъ онъ имъ:—и все устроится какъ нельзя лучше».

Между двумя своими посѣщеніями воклюзскаго населенія, Гамбетта заѣхалъ въ Бордо, гдѣ противъ его кандидатуры боролись административный и бонапартистскій кандидаты. Предъ лицомъ очевидцевъ его дѣятельности при окончаніи послѣдней войны онъ счелъ своимъ долгомъ очистить правительство народной обороны отъ тѣхъ клеветъ и нареканій, какими преисполненъ слѣдственный парламентскій отчетъ о дѣятельности этого правительства депутата Баро-Лажоноди. (Составитель этого отчета понесъ, впрочемъ, надлежащую кару—онъ не былъ снова выбранъ своими избирателями въ Гаронскомъ Департаментѣ). Напомнивъ слушателямъ свою программу дѣйствій, высказанную имъ передъ ними въ іюнѣ 1871 г., онъ показалъ этимъ, что его дѣятельность не случайна, а представляетъ собою непрерывное

осуществленіе однихъ и тѣхъ же принциповъ, и, чтобы убѣдить ихъ въ томъ, что республика во Франціи утвердилась, онъ напомнилъ главнѣйшія положенія знаменитой рѣчи Тьера, произнесенной послѣднимъ, въ прошломъ году, въ Аркашонѣ. Потомъ онъ сталъ доказывать, что въ будущемъ собраніи должно составиться громадное республиканское большинство, что Бюффè придется неизбѣжно оставить министерство (оба эти предсказанія уже сбылись), а съ нимъ вмѣстѣ упадетъ навсегда и та лицемѣрная и мелочная система управленія, какой онъ былъ полнѣйшимъ выразителемъ. Онъ засвидѣтельствовалъ достойный образъ поведенія тѣхъ изъ прямыхъ монархистовъ, которые, убѣдясь въ невозможности реставраціи, честно примкнули къ республиканцамъ и своимъ патріотическимъ присоединеніемъ къ нимъ сдѣлали возможнымъ возникновеніе конституціи 25 февраля. Онъ ручался за ихъ будущую искренность, твердость и добросовѣстность въ отстаиваніи національной свободы. Что̀ же касается до самой конституціи, полученной путемъ соглашеній и уступокъ, то онъ характеризовалъ ее названіемъ «примирительнаго конкордата между народомъ и буржуазіей» и высказалъ при этомъ, что радикалы изъ непримиримыхъ, хотя на ея признаніе и не согласились, но, съ своей стороны, не представили ничего, чѣмъ бы ее можно было съ успѣхомъ замѣнить. Кромѣ того, онъ заявилъ, что и на избирательной почвѣ, какъ на почвѣ парламентской, республиканцы могутъ разсчитывать на успѣхъ только подъ условіемъ полнаго между собою согласія въ образѣ дѣйствій, главнымъ основаніемъ котораго должно служить правило «не отдѣлять никогда защиту свободы отъ защиты демократіи». Что̀ касается до враговъ республики, то онъ еще разъ разоблачилъ тотъ легальный маскарадъ, при помощи котораго они желали бы обмануть все народное голосованіе: «Я не признаю, сказалъ онъ:—никакихъ другихъ консерваторовъ, кромѣ консерваторовъ тѣхъ соціальныхъ условій, какія созданы французскою революціей... Всѣ, непризнающіе настоящей конституціи, вносящей принципъ равенства какъ въ семью, такъ и въ общину и въ самое государственное управленіе—вовсе не консерваторы, а, совершенно напротивъ, люди безпорядка и опасные авантюристы. Съ нихъ надобно сорвать ту маску, подъ которой они являются, такъ какъ она прикрываетъ ложь и обманъ. Отнынѣ у насъ могутъ быть только консерваторы республиканскихъ учрежденій!»

Мѣстами эта бордоская рѣчь заключаетъ въ себѣ намёки на неправильность взглядовъ непримиримыхъ: такъ, противъ нихъ направлено все заключеніе рѣчи, настаивающее на необходимости «благоразумной, твердой и осмотрительной» политики—политики, которая была бы вмѣстѣ «и наукою, и искусствомъ», и представляющее неизбѣжною обязанностью будущей палаты быть собраніемъ «твердо и искренно республиканскимъ, рѣшительно демократическимъ, вполнѣ либеральнымъ, но, главнѣйше и преимущественно—политическимъ».

Такъ какъ кандидатура Спюллера, друга Гамбетты, и редактора газеты «La République Française» въ 3-мъ округѣ Парижа встрѣтила соперничество въ лицѣ муниципальнаго совѣтника Боне-Дювердье, которому за его вражду къ Гамбеттѣ досталось-таки уже во время сенаторскихъ выборовъ, то, проѣзжая черезъ Парижъ изъ Лилля въ Авиньонъ, Гамбетта могъ посвятить одинъ вечеръ въ пользу своего друга и явился на многочисленное частное собраніе, происходившее въ этотъ день въ тампльскомъ кварталѣ. Тэмой для его рѣчи, въ этотъ разъ, послужило то измѣненіе роли республиканской партіи, которое необходимо вызывается перемѣнами въ образѣ правленія. При монархіи, эта партія должна была, конечно, составлять оппозицію правительству, но при республикѣ, представляя собою партію правительственную, она обязывается измѣнить свой образъ дѣйствій. «Дѣло демократовъ теперь, сказалъ онъ: — не въ непрерывномъ протестѣ по всякому поводу, а въ умѣньи проявить свою способность въ дѣлахъ государственнаго управленія». Желая помочь также кандидатурѣ бывшаго представителя Эльзаса, Виктора Шофура, противъ кандидатуръ клерикала Ріана, безпокойнаго бонапартиста Рауля Дюваля и министра иностранныхъ дѣлъ, герцога Деказа, Гамбетта заглянулъ и въ частное собраніе 8-го парижскаго округа, гдѣ разгромилъ Деказа, какъ и всѣхъ орлеанистовъ праваго центра, присоединившихся къ конституціи 25 февраля только тогда, когда они сочли это для себя выгоднымъ. Этими словами ораторъ показалъ своимъ врагамъ изъ непримиримыхъ, что, если онъ и относится снисходительно къ такимъ республиканцамъ, которые обратились въ нихъ изъ прежнихъ роялистовъ, то только подъ условіемъ искренности такого ихъ обращенія, и стараясь, съ другой стороны, чтобы двери собранія были заперты на всегда для всѣхъ тѣхъ орлеанистовъ, которые маскируются конституціонистами только ради личной своей выгоды.

Лично Гамбетта былъ заинтересованъ своею кандидатурою въ двухъ округахъ, которыми онъ былъ впервые избранъ въ депутаты въ 1869 году, а именно—въ Марсели и Парижѣ. Въ Марсели онъ былъ два раза—въ началѣ и при концѣ избирательнаго періода—для того, чтобы помѣряться силами съ кандидатомъ, выставленнымъ противъ него бывшимъ центральнымъ комитетомъ—Альфредомъ Накэ. Но словесное состязаніе, довольно ожесточенное между двумя соперниками, не могло повести ни къ какому положительному результату, такъ какъ, по случаю нахожденія Марсели въ осадномъ положеніи, избиратели не могли на публичномъ собраніи произвести какую-нибудь манифестацію въ пользу одного изъ нихъ и вообще рѣшать вопросъ избранія раньше дня подачи голосовъ. Въ бельвильскій округъ Парижа Гамбетта не могъ поспѣть раньше того именно дня, въ который прекращаются публичныя собранія (за пять дней до дня подачи голосовъ), и онъ пошелъ въ собраніе улицы Пансіо, гдѣ собрались его противники, выставившіе противъ

него рабочую кандидатуру и приготовившіеся озадачить его цѣлымъ рядомъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ соціальнаго характера. Онъ не пошелъ туда потому, что еще раньше принялъ приглашеніе присутствовать на частномъ собраніи въ Шаронской Улицѣ, устроенномъ республиканскимъ комитетомъ. Собраніе это открылось чтеніемъ заявленія делегатовъ отъ избирателей Гамбетты 1869 года, въ которомъ говорилось, что онъ вполнѣ и во всѣхъ подробностяхъ выполнилъ своею дѣятельностью тѣ обязательства, какія принялъ отъ нихъ при своемъ избраніи, и давались ему новыя инструкціи въ духѣ «политики, сообразной съ научными требованіями», которою, при настоящемъ положеніи вещей, должна быть замѣнена прежняя политика «непримиримой оппозиціи» противъ имперіи. Вотъ программа, которой предлагалось ему слѣдовать: «Конституція 1875 г., какъ исходный пунктъ, искреннее и честное слѣдованіе ей до 1880 г. Мирное и правильное развитіе тѣхъ улучшеній республиканскаго характера, которыя предусмотрѣны въ этой конституціи и основанія которыхъ въ ней лежатъ, для того чтобы прогрессивно достигнуть осуществленія демократической республики, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова». Отвѣчая на это заявленіе, Гамбетта постарался не опредѣлять различія между «политикой, стремящейся достигать результатовъ, и политикой утопій». Онъ подробно развилъ мысль о томъ, что выйти изъ неслыханныхъ бѣдствій и невзгодъ послѣдней войны Франція не могла иначе, какъ *больною*, почему и политическій уходъ за нею долженъ былъ уподобиться уходу за дорогимъ больнымъ. Онъ показалъ, какъ, благодаря различнымъ пріемамъ такого ухода, страна, которой угрожали безпрестанно то монархическія конспираціи, то опасенія государственныхъ переворотовъ, могла достигнуть такой степени возстановленія своихъ силъ, что стала въ состояніи сама вполнѣ располагать какъ своимъ настоящимъ, такъ и будущимъ. «Сенатъ, сказалъ онъ:— который думали сдѣлать цитаделью реакціи, уже въ рукахъ республиканскаго гарнизона, а черезъ нѣсколько дней страна выскажется въ такомъ смыслѣ, что большинство членовъ будущей палаты будетъ рѣшительно республиканское». Политика, которой республиканцы слѣдовали за послѣднія пять лѣтъ, обусловила собою то, что всѣ враги свободы Франціи разсѣялись, попытки ихъ сдѣлались неосуществимыми, и страна вообще «выведена изъ того ущелья, въ какихъ бываетъ такъ легко душить свободу народовъ». Теперь, когда для республиканцевъ наступила побѣда, когда обстоятельства требуютъ, чтобы она выказала свою способность къ управленію, она, разумѣется, должна продолжать тотъ же образъ дѣйствій, которому она уже обязана столькими успѣхами и такими результатами. «Но теперь-то преимущественно и требуется отъ республиканцевъ, продолжалъ онъ:—полнѣйшая сознательность дѣйствій и самое тщательное самонаблюденіе, чтобъ не дѣлать ни одного шагу

впередъ, не убѣдившись предварительно въ прочности почвы, на которую придется ступить, и въ томъ, что и сзади ограда прочна, такъ какъ единственный способъ пойти далеко состоитъ въ томъ, чтобы идти увѣренно, рѣшившись уже никогда болѣе не отступать и не возвращаться назадъ, если только наше знамя намъ удастся водрузить на однажды завоеванной позиціи... Я лично хотѣлъ бы для демократіи и Франціи, которую она должна пересоздать, не множество декретовъ въ ея пользу, которые сегодня издаются, а назавтра разрываются реакціей, но такихъ реальныхъ и осязательныхъ пріобрѣтеній, которыя своимъ благотворнымъ вліяніемъ отражались бы на ней самой, внося воздухъ, свѣтъ и мысль въ самыя низменные слои общества... Я хотѣлъ бы, чтобы, на этотъ разъ, еслибы мое отечество-республика предприняло какую-нибудь реформу, то неоставляло бы ея неоконченной, неполной, дурно осуществившейся и не встрѣчающей достаточной поддержки, для того чтобы гнаться за другой попыткой, все спутывая, ничего не доводя до конца и не представляя въ послѣднемъ результатѣ ничего, кромѣ печальнаго зрѣлища стремленій партіи, до всего касавшейся и ничего не создавшей и не упрочившей. Я хотѣлъ бы, чтобы, при всякой реформѣ, точно опредѣлялось, съ чего надобно начать и какъ продолжать, не задаваясь вопросомъ, чѣмъ дѣло окончится, такъ какъ прогрессъ безконеченъ... его нельзя ни опредѣлить, ни предвидѣть окончательно... Очень можетъ быть, что такая политика потребуетъ болѣе реально-страстнаго къ себѣ отношенія, нежели политика отвлеченныхъ теорій и метафизики, но я вижу въ такой политикѣ полное согласіе со своимъ философскимъ міросозерцаніемъ: я ни въ чемъ не признаю абсолюта... Я принадлежу къ той философской школѣ, которая вѣритъ только въ относительное, въ анализъ, наблюденіе и изученіе фактовъ, въ сближеніе и комбинацію идей, къ школѣ, которая принимаетъ во вниманіе среду, въ которой происходятъ расовыя и другія отличія народовъ, тенденціи, предразсудки и ненависти, господствующія въ той или другой странѣ... все это надобно принимать въ соображеніе, рѣшаясь на что-либо... Политика настоящаго дня, политика 1876 г. не можетъ быть политикой ни 1877, ни 1878, ни 1880 гг.: она должна измѣняться съ измѣненіемъ нашихъ нуждъ, потребностей, интересовъ, нашихъ враговъ, сообразно съ тѣми перемѣнами, которыя произойдутъ въ Европѣ, на томъ или другомъ рынкѣ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ экономическихъ, финансовыхъ или стратегическихъ условій, могущихъ повліять на перемѣщеніе повсюдной политической оси. Такъ бываетъ необходимо измѣнять и политическій образъ дѣйствій, чтобы идти въ уровень съ міромъ. Такимъ образомъ, политика становится дѣломъ такта, изученія, наблюденія и точнаго опредѣленія».

Эта рѣчь Гамбетты произвела значительный энтузіазмъ между слушателями, по бо̀льшей части, рабочими. Въ концѣ ея онъ за-

явилъ, что онъ—противникъ всякой диктатуры какъ военной, такъ и гражданской, и особенно дорожитъ тѣмъ, чтобы съ его взглядами были согласны бельвильскіе избиратели—и конецъ этотъ вызвалъ нескончаемыя рукоплесканія.

Согласіе избирателей съ его взглядомъ подтвердилось 20-го февраля тѣмъ, что въ этомъ округѣ онъ получилъ 11,589 голосовъ, а его соперникъ—рабочій изъ непримиримыхъ—Донэ, всего только 1,490. Въ Марсели онъ былъ выбранъ большинствомъ 6,357 голосовъ, тогда какъ Накэ получилъ только 2,000. Въ Бордо онъ вышелъ побѣдителемъ съ 8,000 голосами, а въ Ліонѣ избранъ почти единогласно. Не успѣлъ онъ, какъ онъ это и предвидѣлъ, только въ Авиньонѣ; но успѣхъ его противника, ультрамонтанскаго роялиста Дюдемена, вызванъ былъ такими продѣлками администраціи, что, по всѣмъ вѣроятностямъ, при повѣркѣ полномочій въ собраніи, выборъ этотъ будетъ кассированъ.

Четыре побѣды Гамбетты, въ виду четырехъ пораженій Бюффè, дѣлаютъ изъ него настоящаго предводителя республиканской партіи во Франціи—партіи, соединяющей строгую законность съ стремленіями къ безостановочному прогрессу. Значеніе его, какъ главы этой партіи, при этомъ не мало выиграло отъ того ожесточенія, съ какимъ преслѣдовали его непримиримые, желавшіе его паденія. Можетъ быть, это ожесточеніе и возбудило въ немъ то одушевленіе, благодаря которому, онъ могъ такъ краснорѣчиво высказаться, что привязалъ къ себѣ народныя массы и сталъ страшенъ для враговъ республики.

У меня не хватаетъ духу разсказывать во всей подробности объ агитаціи, затѣянной непримиримыми противъ Гамбетты и происходившей въ Парижѣ въ теченіи двадцати дней на частныхъ публичныхъ собраніяхъ. Реакція очень много на нее разсчитывала, надѣясь встрѣтить на ея сходкахъ обильный матерьялъ для доказательства существованія общественной опасности и для запугиванія провинціальныхъ избирателей. Но, хотя на этихъ собраніяхъ и высказывались порою нѣкоторыя несоотвѣтственныя мысли и взгляды, безъ чего, конечно, не могли они и обойтись, такъ какъ на нихъ высказывались люди, часто лишенные всякаго образованія, и послѣ того, какъ они цѣлые годы осуждены были на молчаніе, но ничего особенно чудовищнаго, однако, не произошло. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ непримиримыхъ, какъ, наприм. Лоранъ Пишà, заранѣе озабочивались о томъ, чтобы пренія не выходили изъ опредѣленныхъ границъ. Соціальный вопросъ нигдѣ не поднимался, за исключеніемъ развѣ 6-го парижскаго округа, гдѣ, въ качествѣ кандидата, явился преподаватель права Аккола; но, когда онъ началъ развивать свою крайнюю программу, то встрѣтилъ недовольство въ средѣ слушателей и даже не могъ довести ея до конца посреди криковъ неодобренія. Собраніе было закрыто полицейскимъ комиссаромъ. Кандидатъ этотъ не имѣлъ успѣха, не смо-

тря на то, что Гарибальди депешей рекомендовалъ его парижскимъ избирателемъ. Идеи его логичны, если хотите, но къ практикѣ, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, непримѣнимы. При выборахъ, онъ могъ получить талько 1,900 голосовъ и былъ побѣжденъ весьма умѣреннымъ кандидатомъ Данферомъ - Рошеро, который былъ выбранъ въ качествѣ защитника Бельфора. Другой крайній кандидатъ, изъ-за рѣчи котораго въ 15-мъ округѣ тоже было закрыто полиціей собраніе, Гюббаръ, могъ собрать только 57 голосовъ. Вообще, непримиримые повсюду противодѣйствовали кандидатурамъ, выставленнымъ газетою «La République Française» и протежировали кандидатамъ газеты «Rappel», которыхъ послѣдняя газета выставляла чуть-ли не для того только, чтобы не дѣйствовать согласно съ своимъ соперникомъ—органомъ Спюллера. Благодаря фондамъ богатаго шоколаднаго фабриканта Менье—который самъ не безъ труда былъ выбранъ въ депутаты департаментомъ Сены-и-Марны—они могли вести свою пропаганду противъ Гамбетты въ арендуемой Менье газетѣ «Bien public» и основать новую «Les Droits de l'homme», но, несмотря на это, побѣдили только въ одной мѣстности (во второмъ округѣ Ссо̀) и достигли только того, что изъ 10 перебаллотировокъ, которыя произойдутъ 5-го марта—для окончанія сенскихъ выборовъ—9 вызваны ими. Такимъ образомъ, они, между прочимъ, задержали на 15 дней выборъ двухъ редакторовъ «République Française» — Спюллера и Алэна Тарже. Главное, на что̀ они разсчитывали—въ отмщеніе за соглашеніе Гамбетты съ умѣренными во время сенаторскихъ выборовъ, изъ-за котораго Луи Бланъ не попалъ въ сенатъ, а Викторъ Гюго избранъ не первымъ, а третьимъ, выставить Луи Блана противъ Тьера и достигнуть его повсюднаго выбора въ 25-ти округахъ—имъ не удалось. Луи Бланъ не согласился выступить кандидатомъ ни противъ Тьера, ни противъ Гамбетты, и вообще отклонилъ отъ себя честь повсюднаго выставленія своей кандидатуры, считая подобный манёвръ противнымъ демократическому принципу. Онъ согласился только на выставленіе своей кандидатуры въ двухъ парижскихъ и въ одномъ изъ подгородныхъ округовъ, гдѣ, при существованіи разногласій, соціальному кандидату представлялось наиболѣе шансовъ на успѣхъ избранія. «La République Française», съ своей стороны, чтобъ загладить свое содѣйствіе неуспѣху Луи Блана при сенаторскихъ выборахъ, три раза помѣстила его имя во главѣ кандидатовъ на своихъ столбцахъ, и онъ былъ выбранъ во всѣхъ трехъ округахъ. Такимъ образомъ, выборы Луи Блана не способствовали нисколько усиленію разногласій между демократами.

Бюро̀ лѣваго центра гораздо болѣе прегрѣшило въ этомъ смыслѣ своею неловкою и безтактною выходкою. За три дня до 20-го февраля, оно сочло почему-то нужнымъ разразиться весьма рѣзкимъ заявленіемъ противъ *радикализма* и рекомендовать

избирателямъ весьма сомнительныхъ кандидатовъ, выставленныхъ газетами «Temps» и «Journal des Débats». Никто изъ этихъ кандидатовъ не былъ выбранъ. Бародэ, которому это бюро противупоставляло Вотрэна, чуть не орлеаниста, прошелъ безъ перебаллотировки. Герцогъ Деказъ получилъ только нѣсколькими голосами болѣе радикальнаго кандидата Шофура—и между ними произошла перебаллотировка. Двумя послѣдними кандидатурами разбитъ извѣстный бонапартистъ Рауль Дюваль, который въ Эрскомъ Департаментѣ долженъ подвергнуться случайностямъ перебаллотировки.

Тьеръ, уже выбранный въ сенаторы въ качествѣ «освободителя территоріи», получилъ безъ особеннаго труда и депутатское кресло въ 9-мъ парижскомъ округѣ, въ качествѣ «побѣжденнаго 24-го мая». Его соперникъ, мак-магоніанецъ Дагенъ, получилъ вдвое менѣе его голосовъ (Тьеръ 10,000, Дагенъ 5,000). Несмотря на всѣ старанія непримиримыхъ, никто изъ республиканцевъ не согласился явиться кандидатомъ-соперникомъ бывшаго президента *третьей республики*.

Изо всего мною изложеннаго читатели легко поймутъ, что парижскіе выборы послѣ перебаллотировки, въ общемъ своемъ составѣ, вовсе не будутъ представлять того рѣзкаго и крайняго характера, какой хотѣли бы имъ придать монархисты и орлеанисты. Выбраны, по бо̀льшей части, передовые республиканцы, но не непримиримые. Въ остальной Франціи, за исключеніемъ десяти непримиримыхъ изъ республиканцевъ, выбраны, по бо̀льшей части, такіе, которые въ версальскомъ собраніи принадлежали бы къ умѣренной лѣвой. Опасаться, слѣдовательно, чтобы они могли пойти на какое-нибудь опасное для Франціи соглашеніе съ главою исполнительной власти—нельзя. Въ тоже время, они—горячіе противу - бонапартисты и искренніе республиканцы, такъ что, конечно, въ самоскорѣйшемъ времени озаботятся о томъ, чтобы администрація была очищена отъ всей плеяды бонапартистовъ и усердныхъ слугъ «правительства борьбы».

Безвозвратное окончаніе жестокаго фарса, имѣвшаго названіе «нравственнаго порядка», наступленіе господства дѣйствительнаго порядка, основаннаго на свободѣ, замѣна шальной реакціи благоразумнымъ прогрессомъ, мирное выступленіе на широкую дорогу демократизма изъ затхлыхъ котакомбъ схороненныхъ династій—таковы желанія и надежды современной Франціи, выразившіяся всеобщимъ голосованіемъ 20-го февраля 1876 г. Цифрами эта побѣда республики выразилась такъ:

За республиканцевъ подано 4,484,515
За сторонниковъ другихъ партій. 2,924,066
Итого, республиканское большинство составило 1,560,449 голосовъ!

II.

Театры за два послѣднихъ мѣсяца.—«Данишевы», Александра Дюма и К°.—«Иностранка», того же автора. — «Госпожа Каверлэ», Эмиля Ожье. — Возобновленіе «Миссъ Мюльтонъ» Бело и Нюса.—«Рыцари отчизны», Дельпи.—«Очарователь» и «Конёкъ». — «Le Prix Martin», Э. Ожьè и Лабиша. — «Fleur de baiser», оперетка.—Отсутствіе серьёзныхъ музыкальнымъ новостей.—Исполненіе «Фауста» Берліоза въ консерваторіи.

Избирательная борьба, отъ исхода которой находится въ прямой зависимости ближайшая будущность Франціи, нисколько не помѣшала общественнымъ увеселеніямъ идти своимъ обычнымъ путемъ. Въ январѣ и февралѣ почти на всѣхъ парижскихъ сценахъ появлялись различныя новинки, и директоры театровъ пожинали обильную жатву съ публики, какъ это бываетъ всегда въ разгаръ парижской зимы. Самый значительный успѣхъ выпалъ за это время на долю театра «Одеонъ», гдѣ шла комедія изъ русскаго быта, написанная вашимъ соотечественникомъ и передѣланная Александромъ Дюма, подъ названіемъ «Данишевы». Въ качествѣ корреспондента русскаго журнала, я, можетъ быть, долженъ былъ бы особенно подробно остановиться на разборѣ этой комедіи, но не дѣлаю этого, во-первыхъ, потому, что не считаю себя довольно компетентнымъ, чтобы судить, насколько въ этой пьесѣ, послѣ передѣлки Дюма, осталось дѣйствительно русскаго, вѣрно ли она изображаетъ ваши нравы и т. д., а, во-вторыхъ—потому, что, по моему мнѣнію, пьеса эта даже не заслуживаетъ сколько-нибудь подробнаго разбора по своей крайней ординарности и заурядности. Успѣхъ ея лежитъ не въ ней самой, а, такъ сказать, внѣ ея и обусловливается многоразличными обстоятельствами, какъ, напримѣръ, именемъ Дюма, рекламами, какія производились въ теченіи цѣлаго года до ея появленія газетами, падкостью парижанъ на все, что обѣщаетъ имъ что-нибудь новое, если хотите—модой на все русское, появившейся между нами въ послѣднее время, хорошею обстановкою пьесы и дѣйствительно великолѣпнымъ ея исполненіемъ. Идеи въ пьесѣ—никакой; сюжетъ самый незамысловатый; главный герой, кучеръ Осипъ—типъ фантастическій. Но эти основные недостатки выкупаются мастерскою скомпановкою пьесы, интересомъ, который поддерживается до самаго ея конца, и блестящимъ, вполнѣ литературнымъ языкомъ, какимъ она написана. Все дѣло въ ней состоитъ въ томъ, что нѣкоторая надменная графиня Данишева, видя, что ея сынъ, гусаръ, влюбляется въ ея воспитанницу изъ крѣпостныхъ и хочетъ на ней жениться, обѣщаетъ ему выдать ее за него въ такомъ случаѣ, если годъ разсѣянной жизни въ одной изъ русскихъ столицъ не заставитъ его разлюбить ее. Сынъ, довѣряя словамъ своей мате-

ри, тотчасъ же уѣзжаетъ, а она, *минутъ чрезъ пять* послѣ его отъѣзда, выдаетъ ее силою, тутъ же на сценѣ, замужъ за кучера Осипа, надушеннаго, распомаженнаго и щеголяющаго въ шелковой рубашкѣ и бархатныхъ шароварахъ. Ваши соотечественники находятъ, что онъ болѣе, чѣмъ на кучера, похожъ на вашихъ оперныхъ теноровъ изъ придворныхъ пѣвчихъ Когда, черезъ годъ, молодой Данишевъ, узнавъ о продѣлкѣ матери, возвращается влюбленный въ Анну Ивановну еще болѣе, чѣмъ былъ до отъѣзда, то первою его мыслью—отвалять хлыстомъ (sic!) неблагодарнаго кучера. Недальній молодой человѣкъ, вѣроятно, не понимаетъ, что, при существованіи крѣпостнаго права, отъ Осипа была отнята всякая возможность сопротивляться распоряженіямъ его повелительницы. Когда гусаръ врывается самымъ казацкимъ образомъ въ избу Осипа (очень большая и хорошая комната съ кабинетнымъ піанино у одной изъ стѣнъ), то оказывается, что этого добродѣтельнаго возницу не слѣдуетъ нетолько бить, а надо препрославить. Онъ, зная, что Анна Ивановна любитъ другого, во все время своего годоваго съ ней сожительства, не воспользовался супружескими своими правами и соглашается на разводъ съ ней. Разводъ этотъ, однакоже, не разрѣшается... и добродѣтельный Осипъ, чтобы освободить отъ себя свою супругу, которая нисколько не замѣчаетъ его самоотверженія и продолжаетъ пылать нѣжною страстью къ гусару, вступаетъ въ монахи...

Все это и очень мало правдоподобно, и едва ли было бы остроумно, еслибы Дюма не пересыпалъ всего произведенія цѣлымъ фейерверкомъ громкихъ фразъ, остротъ, чуть не каламбуровъ, главнымъ извергателемъ которыхъ—нѣкто Тальдѐ, молодой фатъ, состоящій при французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ...

Съ какою цѣлью написана пьеса? сатира ли это на русскіе нравы, или не сатира? — понять это очень трудно, даже невозможно. Почему авторъ (русскій), желая познакомить парижанъ съ русскими нравами, взялъ уже умершую эпоху существованія крѣпостнаго права? Почему ему понадобилось, чтобы ея герой былъ непремѣнно самоотверженнымъ кучеромъ?.. На всѣ эти и подобные вопросы отвѣтить не легко. Какъ бы то ни было, но кучеръ, благодаря содѣйствію Александру Дюма, на этотъ разъ *вывезъ* автора... и г. Корвину-Крюковскому остается пожинать лавры парижскаго успѣха за такое произведеніе, которое у васъ едва ли могло бы его имѣть. «Данишевы» удостоились даже пародіи, которая подъ названіемъ «Дюмашѐвы» идетъ на сценѣ театра» «Variétés»—вся разница между *Остипомъ* въ «Дюмашѐвыхъ» съ Осипомъ въ «Данишевыхъ»—та, что первый прежде, нежели сдѣлался крѣпостнымъ г-жи Дюмашѐвой, состоялъ евнухомъ при одномъ изъ константинопольскихъ гаремовъ.

Другая пьеса Дюма̀, появившаяся на сценѣ театра «Французской Комедіи», называется «Иностранка».

Газеты объ ней тоже много рекламировали, ея ждали, какъ событія, и она, благодаря имени своего автора и изумительной игрѣ исполнителей, также имѣла успѣхъ, по крайней мѣрѣ, денежный.

Но, собственно говоря, это—такая же галиматья, но только еще въ гораздо бо̀льшей степени, чѣмъ «Данишевы».

Дюма̀-сынъ представляетъ собою, въ самомъ дѣлѣ, весьма странное и интересное явленіе... въ психіатрическомъ смыслѣ. Въ каждомъ новомъ своемъ произведеніи онъ проявляетъ все бо̀льшую и бо̀льшую степень совершенства въ постройкѣ пьесы, въ мастерствѣ ея веденія, въ блескѣ изложенія и выработкѣ разговорнаго языка, но, въ то же время, каждая новая его комедія представляетъ собою послѣдовательную ступень потери имъ всякаго здраваго смысла до совершеннаго его исчезновенія. Характеры его дѣйствующихъ лицъ пожертвованы удивительнымъ тирадамъ, настолько же восхитительнымъ по формѣ, насколько ложнымъ и фальшивымъ по проводимымъ ими идеямъ; интрига пьесъ имъ какъ-то вывертывается наоборотъ для того, чтобы привести къ двумъ-тремъ сценамъ, поразительно эффектнымъ и замѣчательно законченнымъ. Зритель остается пораженнымъ, иногда даже увлеченнымъ и... ровно ничего не можетъ понять, что̀ хотѣлъ сказать авторъ. Обвиняя себя въ недостаткѣ проницательности, напрасно онъ захочетъ провѣрить себя и просмотритъ во второй разъ пьесу, желая въ нее внимательно вдуматься. Результатъ получается тотъ же самый. Съ кѣмъ-то изъ насъ неладно—со мною или съ авторомъ, невольно думаетъ озадаченный зритель.

Нѣчто подобное произошло и со мною, когда я, два дня сряду, ходилъ слушать «Иностранку», желая понять смыслъ метафизико-соціологической теоріи, положенной авторомъ въ ея основу. Теорію эту въ пьесѣ развиваетъ весьма пространно и краснорѣчиво докторъ Ремоненъ. По мнѣнію этого ученаго мужа, вся общественная неурядица и порча происходятъ только отъ того, что между людьми порою проявляются *вибріоны*, вся земная миссія которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы вносить, помимо даже своего желанія, заразу всюду, куда они ни появляются. *Ихъ надобно убивать*, и тогда все оканчивается благополучно. Просто и... глупо.

Для фактическаго подтвержденія этой теоріи въ пьесѣ являются два такихъ вибріона: промотавшійся герцогъ де-Септмонъ и американка мистрисъ Кларксонъ, поклявшаяся ненавистью ко всѣмъ людямъ мужскаго пола за то, что она, рожденная плантаторомъ отъ рабы-мулатки, проданной своимъ господиномъ, только чудомъ могла подыскать себѣ мужа. Насколько смысла въ этой мести ничѣмъ неповиннымъ за то, что ея отецъ былъ не изъ добродѣтельныхъ рабовладѣльцевъ, почтенная мистрисъ

не разсуждаетъ. Она является въ средѣ парижскаго полусвѣта, увлекаетъ и разоряетъ великосвѣтскихъ хлыщей, передавая заработанныя ею такимъ путемъ деньги своему мужу, который употребляетъ ихъ на дѣло разработки золотыхъ розсыпей. Для полной характеристики мистрисъ Кларксонъ слѣдуетъ прибавить одну подробность, нѣсколько пикантную... но что̀ дѣлать, на ней основана пьеса: она, хотя и замужемъ, хотя, и проводитъ все свое время въ самыхъ возмутительныхъ оргіяхъ, но, такъ сказать, сохраняетъ вполнѣ свою дѣвственность. Герцогъ де-Септмонъ на нее-то именно и разорился, хотя и испыталъ только платоническую любовь къ этой, какъ она себя называетъ, «дѣвѣ зла» (vierge du mal). Вообще, герцогу-вибріону въ нѣкоторомъ смыслѣ не везетъ. Онъ женился на героинѣ пьесы, дочери богатаго буржуа, но молодая супруга его, соглашаясь жить съ нимъ въ одномъ домѣ, не пустила его ни разу даже на порогъ своей спальни, такъ какъ она желаетъ сохранить свою дѣвственность и быть, по ея словамъ, «дѣвой добра» (vierge du bien) и влюблена, разумѣется, платонически, въ нѣкотораго (тоже дѣвственнаго) инженера Жерара, бѣдность котораго послужила препятствіемъ къ ея съ нимъ браку. Въ Жерара же влюблена платонически и мистрисъ Кларксонъ. При этомъ всѣ страдаютъ, и почему-то оказывается, что причиною всѣхъ бѣдствій то, что герцогъ-вибріонъ живъ. Онъ перехватываетъ письмо жены своей къ Жерару, вызываетъ его на дуэль и жаждетъ убить, для чего и ищетъ себѣ секунданта. Выборъ его останавливается на мистерѣ Кларксонѣ, который, какъ deus ex machina, является въ пьесу изъ Америки. Но американецъ не соглашается быть секундантомъ и не хочетъ, чтобы Жераръ былъ убитъ — инженеръ своими свѣдѣніями и изобрѣтеніями полезенъ для его наживы и розсыпей—*поэтому* онъ вызываетъ герцога и убиваетъ его. Герцогиня становится вдовою и, слѣдовательно, можетъ выдти замужъ за инженера, который этимъ способомъ избавляется, по спопутности, и отъ козней влюбившейся въ него иностранки. Мистрисъ Кларксонъ мужъ ея увозитъ съ собою въ Америку. Такимъ образомъ, съ убійствомъ одного вибріона и отъѣздомъ другого въ Америку... все оканчивается благополучно, если не въ цѣлой Европѣ, то въ отелѣ герцогини — вдовы-дѣвственницы...

Можетъ быть, я дурно разсказалъ содержаніе пьесы, но я и тому радъ, что могъ хоть такъ ее разсказать — я совершенно растерялся въ этомъ омутѣ различныхъ дѣвственностей, дѣвственности добра и дѣвственности зла, дѣвственности въ бракѣ и въ развратѣ, дѣвственности отечественной, иноземной и инженерной... но какъ вамъ покажется вѣроятнымъ такое сцѣпленіе исключительныхъ положеній въ одной и той же пьесѣ? Не должно ли само собою придти въ голову каждому зрителю, что, принеси къ какому-нибудь директору театровъ пьесу съ подобнымъ содержаніемъ кто-либо, не называющійся Александромъ Дю-

мà, никто положительно не рѣшился бы принять и поставить на сцену такую чепуху? Не должно ли невольно придти каждому въ голову, что, допустивъ даже случайность ея принятія и представленія, не будь эта пьеса все того же счастливаго Дюмà-сына, она была бы неизбѣжно освистана самымъ безпощаднымъ образомъ? А, между тѣмъ, она и смотрится, и даже имѣетъ успѣхъ. Таково у насъ обаяніе извѣстности, и это я еще до нѣкоторой степени понимаю, но вотъ чего я уже рѣшительно понять не могу и чтò превосходитъ мое воображеніе: я знаю нѣсколькихъ очень серьёзныхъ людей, которые утверждаютъ, что идея пьесы весьма остроумна и глубока, а сюжетъ вполнѣ правдоподобенъ!

Такой миражъ возможенъ развѣ, только благодаря дѣйствительно чуть не геніальному исполненію ея лучшими въ мірѣ артистами театра Французской Комедіи, да тому еще, что два дѣйствія въ ней въ сценическомъ отношеніи написаны съ изумительнымъ мастерствомъ.

Совершенно другое впечатлѣніе производитъ пьеса другого академика, Эмиля Ожье, «Госпожа Каверлэ», появившаяся на сценѣ театра «Вòдевиля» и написанная въ защиту необходимости развода, которому пора бы было быть признаннымъ нашимъ законодательствомъ. Все въ ней просто, ясно, естественно и правдоподобно. Всѣ характеры выдержаны съ начала до конца и положеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ невольно вызываетъ симпатіи зрителей. Этой пьесѣ было бы несравненно болѣе кстати явиться на сценѣ театра Французской Комедіи, чѣмъ на сценѣ Водевиля. Можно поручиться, что она надолго удержится въ репертуарѣ и ее съ удовольствіемъ будутъ смотрѣть даже тогда, когда всякія «Иностранки» и «Деми-монды» совершенно забудутся. Содержаніе этой пьесы—сама жизнь. Госпожа Каверлэ, ведущая уединенную жизнь со своей семьей въ Швейцаріи—не госпожа Каверлэ и не жена этого честнаго и высоко развитаго человѣка. Она—госпожа Мерсонъ, имѣвшая несчастіе быть выданной замужъ за негодяя, бросившаго ее и дѣтей. Встрѣча съ Каверлэ и благотворное вліяніе его на ея дѣтей возбуждаютъ въ бѣдной женщинѣ къ нему полнѣйшую симпатію и... любовь. Благоговѣя передъ умомъ и благородствомъ этого человѣка, она рѣшается не обращать вниманія на общественные предразсудки и соглашается ѣхать съ нимъ въ Швейцарію, подъ видомъ его жены. Союзъ ихъ—олицетвореніе счастія, какое только можетъ быть доступно на землѣ честнымъ и хорошимъ людямъ. Но дѣти госпожи Мерсонъ выростаютъ, и ея положеніе измѣняется. Они требуютъ отъ нея въ немъ отчота, такъ какъ ихъ судьба въ зависимости отъ него. У дочери г-жи Мерсонъ былъ уже женихъ, но отецъ его, узнавъ, что она—не г-жа Каверлэ, не позволяетъ ему жениться... Сцены объясненія молодыхъ Мерсоновъ съ матерью и Каверлэ—верхъ драматизма и мастерства. Ихъ нельзя разсказывать—надобно видѣть. Когда молодой Мерсонъ

лярные концерты стоятъ на сторожѣ вкуса публики и не даютъ ему возможности окончательно извратиться... Кромѣ того, на одномъ изъ послѣднихъ концертовъ консерваторіи парижанамъ удалось присутствовать на такомъ исполненіи солистами (Боскенъ, Бугй и Обенъ), хорами и оркестромъ «Фауста» Берліоза, какія вообще весьма рѣдко удаются, гдѣ бы то ни было.

Людовикъ.

Парижъ, 1 марта 1876 г.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПОСМЕРТНОЕ СОЧИНЕНІЕ ПРУДОНА О ЖЕНЩИНАХЪ

и

ЕГО ВЗГЛЯДЪ НА НИХЪ.

La pornocratie ou les femmes dans les temps modernes. P. J. Proudhon. 1875. Paris.

III.

Cet homme est dans une sphère d'idées inaccessible au vulgaire; qui nous répond de sa culpabilité? (Отвѣтъ присяжныхъ въ процессѣ Прудона по поводу его письма къ Консидерану).

Теорія Прудона въ «Justice» обнимаетъ цѣлый рядъ міровыхъ процессовъ и пытается объяснить ихъ смыслъ для человѣчества. Понятно, что, задавшись такою цѣлью, Прудонъ долженъ обращаться къ метафизикѣ, запутаться въ которой легко и непростому читателю. Поэтому, мы постараемся изложить его теорію какъ можно проще и будемъ воздерживаться отъ коментаріевъ.

Всякое бытіе, говоритъ Прудонъ, опредѣлено въ своемъ существованіи средою, въ которой ему суждено жить, и назначеніемъ, которое оно должно выполнить. Природа предназначила человѣчеству дѣйствовать на всемъ пространствѣ земли; поэтому, оно не могло быть создано въ образѣ одного, гигантскаго человѣка, а должно состоять изъ множества отдѣльныхъ людей, имѣющихъ, однако, одну общую миссію. Само собою разумѣется, что исполненіе такой миссіи огромною массою свободныхъ, надѣленныхъ разумомъ существъ возможно только при томъ условіи, если они будутъ повиноваться одному общему закону и, притомъ, написанному, такъ сказать, въ душѣ у каждаго, ле-

жащему въ человѣческой природѣ, а не предписанному извнѣ. Этотъ законъ и есть справедливость, которая составляетъ сущность того, что̀ мы называемъ совѣстью. Прудонъ называетъ справедливость закономъ 4-го царства природы—царства человѣчества, идеала, права. Справедливостью должны обусловливаться всѣ наши дѣйствія, права̀ и обязанности; она должна управлять всѣмъ: семьей, общиной, трудомъ, наукой, искуствомъ.

Но если справедливость не есть чистая идея, а, какъ говоритъ Прудонъ, способность души, то, подобно всякой другой способности, она должна проявляться, дѣйствовать, имѣть свой о̀рганъ; иначе она будетъ казаться миѳомъ, гипотезой. Какой же можетъ быть о̀рганъ у справедливости? Мы знаемъ о̀рганы пяти внѣшнихъ чувствъ; знаемъ, что у любви есть свой о̀рганъ, у мысли свой и т. д. Прудонъ говоритъ, что и у свободы, которую онъ также считаетъ способностью человѣческой души, есть о̀рганъ—человѣкъ, и это на томъ основаніи, что свобода обнимаетъ собою всю сумму нашихъ способностей; стало быть, ея о̀рганомъ можетъ быть только весь человѣкъ.

Но, по самому понятію своему, справедливость не можетъ выражаться въ одномъ человѣкѣ; разсматриваемая про̀сто, какъ функція, она есть способность человѣка сознавать въ себѣ человѣческое достоинство, а это достоинство имѣетъ для него значеніе лишь постольку, поскольку оно проявляется и сознается другими. Стало быть, справедливость еетъ синонимъ равенства или равновѣсія и необходимо предполагаетъ, по крайней мѣрѣ, двухъ лицъ. Кромѣ того, она, какъ и всякая способность души, можетъ развиться культурой и атрофироваться варварствомъ. Слѣдовательно, для развитія ея между людьми нужны благопріятныя условія. Если взять двухъ лицъ, говоритъ Прудонъ, равныхъ между собою или даже только тожественныхъ, то это будутъ два независимыхъ организма, вліяніе которыхъ другъ на друга будетъ ничтожно. Опытъ даже показываетъ, что между такими лицами необходимо возникаетъ антагонизмъ, борьба, распри, война — условія, очевидно неблагопріятныя развитію справедливости; въ нихъ мало простора взаимному уваженію, привязанностямъ, преданности, безъ которыхъ справедливость не можетъ такъ сильно развиться въ человѣкѣ, чтобъ стать для него религіей, двигателемъ всѣхъ его дѣйствій. Но, если взять два лица, надѣленныхъ неодинаковыми и неравными качествами, различными склонностями, характерами, напримѣръ—говоритъ Прудонъ—отца и сына, старика и ребенка, взрослаго человѣка и юношу, то они будутъ отчасти дополнять другъ друга, и тутъ ужь есть начало справедливости. Всего же сильнѣе, прибавляетъ онъ, проявится она между мужчиной и женщиной, couple androgyne. Такой выводъ Прудонъ объясняетъ тѣмъ, что человѣкъ можетъ полнѣе уважать свое достоинство въ другомъ и его достоинство въ себѣ, если этотъ другой ему симпатиченъ,

если между ними есть взаимное влеченіе; одного различія въ темпераментахъ, силѣ, склонностяхъ мало для полнаго проявленія справедливости; тутъ надо еще присутствіе того, что̀ теологи называютъ grâce, что̀ для насъ резюмируется словомъ любовь, которая можетъ быть только между лицами разнаго пола.

Этой высшей цѣлью—служить о̀рганомъ справедливости, а не произрожденія—Прудонъ объясняетъ раздѣленіе половъ въ человѣкѣ. Еслибы, говоритъ онъ, природа, создавая человѣка, имѣла въ виду только воспроизведеніе человѣческаго рода. то она скорѣе бы достигла своей цѣли, сдѣлавъ его гермафродитомъ.

Итакъ, о̀рганъ справедливости, по Прудону, есть couple androgyne—мужчина и женщина; но это не уясняетъ намъ, какимъ образомъ въ этой парѣ справедливость получаетъ свое выраженіе. Мы сказали, что полное проявленіе ея возможно при посредствѣ любви, которая лежитъ въ организмѣ человѣка. Мы понимаемъ роль любви въ произрожденіи, но ка̀къ она можетъ служить обществу, принципъ котораго есть справедливость—это можно понять только изъ анализа Прудона.

У животныхъ, говоритъ онъ, любовь проявляется чисто физіологически, безъ примѣси какого-нибудь нравственнаго или интеллектуальнаго элемента. У разумнаго и свободнаго существа, человѣка, эти элементы играютъ большую роль. Чѣмъ болѣе человѣкъ развивается, тѣмъ сильнѣе онъ стремится къ свободѣ, и, прежде всего, это стремленіе проявляется въ немъ желаніемъ освободиться отъ всего органически фатальнаго, въ побѣдѣ духа надъ плотью. Отвращеніе, внушаемое ему рабствомъ плоти, обнаруживается въ цивилизованномъ человѣкѣ стыдливостью и цѣломудріемъ, а каждая побѣда его надъ собою въ этомъ смыслѣ сопровождается такимъ пріятнымъ чувствомъ—результатомъ удовлетворенной свободы и избѣгнутаго стыда, что это чувство превышаетъ наслажденіе сладострастія, которое онъ испыталъ бы, удовлетворивъ животному влеченію. Если это такъ, то надо допустить, что, развиваясь все болѣе и болѣе, человѣчество когда-нибудь придетъ къ полной побѣдѣ духа надъ плотью, т. е. къ полному воздержанію, и тогда родъ человѣческій прекратится. Это такъ и случилось бы, говоритъ Прудонъ, еслибы въ человѣческой любви, кромѣ чувственнаго элемента, не было еще силы, дѣйствующей неотразимѣе перваго. Эта сила—красота и идеалъ. Человѣкъ не можетъ не идеализировать предмета своей любви и, увлекаемый идеаломъ, невольно облагораживаетъ чисто животную страсть. Такимъ образомъ, благодаря этой способности, отталкивающая фатальность нашего организма преобразовывается, теряетъ свой первоначальный характеръ. Физическое влеченіе, въ связи съ идеаломъ, превращается въ человѣкѣ въ такое сильное чувство, что оно овладѣваетъ сердцемъ и воображеніемъ его; въ немъ онъ видитъ пер-

вое и чуть не единственное свое благо, безъ котораго жизнь не имѣетъ никакой цѣны для него.

Но и такая идеализированная любовь имѣетъ свои законы, гибельные для человѣка. Прудонъ очень подробно анализируетъ ее. Это, говоритъ онъ—драма, которая, по своей природѣ, можетъ быть разъиграна только разъ въ жизни каждаго человѣка, а развитіе ея рѣзко обозначается двумя періодами: одинъ—восходящій, періодъ желанія; другой—убывающій, періодъ удовлетворенія.

Въ первомъ періодѣ человѣкъ поддается полной блаженства галлюцинаціи, душа его жаждетъ того, что̀ ей представляется высшимъ благомъ; она захлебывается, поглощается, исчезаетъ въ любимомъ существѣ; для этого существа человѣкъ готовъ жертвовать собою, становится рабомъ его, видитъ въ немъ божество. Однимъ словомъ, онъ не владѣетъ собою, мечтаетъ объ интимномъ, непрерывномъ, вѣчномъ союзѣ съ предметомъ своей любви вдали отъ людей и міра. Такую любовь испытываютъ всѣ неразвращенные прежде времени молодые люди.

Но это седьмое небо скоро для нихъ исчезаетъ. Лишь только мечты осуществились, сердце насладилось, плоть удовлетворена, начинается движеніе, обратное первому. Идеалъ блѣднѣетъ, всѣ усилія воображенія не могутъ удержать душу въ экстазѣ, разумъ и совѣсть пробуждаются, свобода заявляетъ свои права̀; на мѣсто идеала является дѣйствительнозть во всей своей наготѣ; а ея слѣдствія, беременность, кормленіе, окончательно убиваютъ идеалъ. Еще хорошо, говоритъ Прудонъ, если человѣкъ настолько владѣетъ собою, чтобъ не перейти отъ обожанія къ отвращенію и ненависти.

Таковъ, по мнѣнію Прудона, неизбѣжный результатъ обладанія; онъ приводитъ въ отчаяніе и женщину, и мужчину; оба проклинаютъ любовь· Но женщина отрезвляется медленнѣе и поэтому сильнѣе страдаетъ отъ измѣны любовника; это же и предаетъ ее всецѣло въ его власть. Мужчину результатъ обладанія приводитъ къ разврату. За первымъ разочарованіемъ обыкновенно слѣдуютъ новыя вспышки любви, но, по интенсивности и качеству, эти вспышки не могутъ сравниться съ первоначальнымъ чувствомъ; съ каждымъ разомъ въ нихъ прогрессивно убываетъ страстная энергія и способность идеализаціи, энтузіазмъ смѣняется опытомъ сладострастія, и любовь мало по малу переходитъ въ тиранническую привычку и распущенность. Тогда, за полнымъ паденіемъ идеала, мужчиною овладѣваетъ какое-то тревожное смутное чувство душевной пустоты и потребность ее наполнить, начинается погоня за новымъ идеаломъ, и мужчина дѣлаетъ невѣрность прежде, чѣмъ успѣетъ дать себѣ въ томъ отчетъ.

Такимъ образомъ, выходитъ, что непостоянство въ природѣ вещей; нѣтъ, говоритъ Прудонъ, человѣка, мужчины и женщины, который былъ бы отъ него обезпеченъ. Только оно обнару-

живается скорѣй или медленнѣе, смотря по качествамъ любимаго существа; рѣдкость сближеній съ нимъ также поддерживаетъ иллюзію дольше; наконецъ, характеръ, занятія, сильная склонность идеализировать могутъ дѣлать человѣка болѣе стойкимъ, менѣе податливымъ на новыя искушенія. Но, ужъ если онъ разъ не устоялъ противъ нихъ, то переходъ отъ одного идеала къ другому дѣлается почти обязательнымъ рессурсомъ любви. И, въ тоже время, чѣмъ чаще смѣняется идеалъ, тѣмъ сильнѣе развивается въ человѣкѣ чувственность, тѣмъ больше онъ приближается къ животному.

Конечно, говоритъ Прудонъ, соединенная съ уваженіемъ къ нравственнымъ качествамъ любовь можетъ навсегда сохраниться въ человѣкѣ, но это—чувство особаго рода, эта преобразованная любовь, о которой скажемъ ниже.

Въ томъ же видѣ, какъ она проявляется подъ вліяніемъ инстинкта и идеала, ее слѣдуетъ признать, говоритъ Прудонъ, источникомъ блаженства, если вѣрить нашему сердцу и сомнительному свидѣтельству малаго числа избранныхъ, или же океаномъ позора, если вѣрить опыту большинства испытавшихъ ее. Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что это самая могучая фатальность нашей природы, посредствомъ которой она затемняетъ нашъ разсудокъ, оскорбляетъ совѣсть, сковываетъ свободу воли, ради выполненія одной цѣли—воспроизведенія человѣческаго рода.

Ясно, что въ этомъ видѣ любовь создана на горе человѣка; она ведетъ общество къ испорченности, цивилизацію—къ гибели. Въ ней нѣтъ мѣста справедливости, которой она должна служить. Имѣя свою точку отправленія въ животности, двигателемъ—воображеніе, любовь колеблется между двумя неразъединимыми крайностями — чувственностью и духовностью, плотью и идеаломъ. Но именно это противорѣчіе ея показываетъ, говоритъ Прудонъ, что любовь, какъ всѣ страсти, всѣ силы души, такъ же, какъ собственность, трудъ и пр., по своей природѣ антиномична и, слѣдовательно, составляетъ только часть системы, законъ которой долженъ подчинить ее и уравновѣсить.

Безсознательно повинуясь этому закону и имѣя прямой цѣлью парализовать испытываемыя человѣкомъ съ испоконъ вѣку слѣдствія любви—неминуемое развращеніе мужчины, тиранію его надъ женщиной, опасность, грозящую дѣтямъ, которыя, по словамъ Прудона, прежде, во время и послѣ произрожденія, ненавистны свободнымъ любовникамъ—люди пришли къ мысли о необходимости такого учрежденія, какъ бракъ, и обставили его различными церемоніями, которыя, по мнѣнію Прудона, всѣ имѣютъ смыслъ. Бракъ, какъ таинство, имѣлъ въ виду: превратить непостоянную по своей природѣ любовь въ ровное, прочное, неразрывное чувство, смягчить рѣзкость его перемежающихся періодовъ, сдѣлать болѣе продолжительными вспышки первоначальнаго чувства; обратить женщину—существо, говоритъ Прудонъ, съ

весьма слабыми рессурсами—въ полезную помощницу семьи; заставить родителей видѣть въ дѣтяхъ не бремя, а продолженіе самихъ себя, гордость своей жизни, утѣшеніе и опору въ старости. Однимъ словомъ, учреждая бракъ, законодатели видѣли въ немъ союзъ, которымъ супруги пріобрѣтаютъ власть надъ любовью, женщина получаетъ экономическое значеніе, дѣти служатъ благословеніемъ и источникомъ богатства для родителей.

Но во имя чего они надѣялись видѣть осуществленіе этихъ цѣлей въ бракѣ? Предполагая даже дѣйствительною гарантію, представляемую имъ противъ уклоненій любви, она была бы только извращеніемъ ея, такъ какъ любовь, въ смыслѣ физическаго влеченія и идеала, соединенныхъ вмѣстѣ, не можетъ служить какимъ-нибудь инымъ, кромѣ произрожденія, цѣлямъ, т. е. чистаго сладострастія или чистой нравственности. То и другое одинаково противно природѣ любви. Точно также, говоритъ Прудонъ, законодатели ошибались, разсчитывая на экономическую производительность женщины, содержаніе которой никогда не можетъ окупаться ея трудомъ. Что касается до дѣтей, то... «ради Бога, не будемъ говорить о плодахъ любви, восклицаетъ Прудонъ:—по природѣ, которая одна участвуетъ въ ихъ произведеніи на свѣтъ, неблагодарность—ихъ удѣлъ, я чуть этимъ не сказалъ, ихъ право».

Такимъ образомъ выходитъ, что, если въ бракѣ видѣть только освященный церковью и признанный обществомъ контрактъ между мужчиной и женщиной, то отъ него нельзя ожидать тѣхъ результатовъ, на которые разсчитывали законодатели. Но эти результаты, по словамъ Прудона, возможны, если видѣть въ бракѣ другой, высшій смыслъ, хотя и не сознанный людьми, но подсказанный имъ совѣстью. «Что бы человѣкъ ни дѣлалъ, онъ не можетъ, говоритъ Прудонъ:—отвергнуть свою душу. Во всякой любви между мужчиной и женщиной болѣе или менѣе присутствуетъ тотъ элементъ, который составляетъ сущность человѣческой души; только онъ проявляется сильнѣе или слабѣе, смотря по наклонностямъ и качествамъ данной пары. Этимъ и обусловливаются три главныхъ формы проявленія любви въ человѣкѣ: блудъ, наложничество, бракъ. Въ первомъ преобладаетъ чувственность, во второмъ—идеалъ, въ третьемъ—совѣсть. Изъ этихъ трехъ формъ только въ бракѣ человѣкъ достигаетъ побѣды надъ любовью, которая, подъ вліяніемъ совѣсти, преобразовывается, очищается, одухотворяется, страсть въ ней гаснетъ, и это придаетъ любви незнакомый дотолѣ характеръ ясности и нѣжности и создаетъ между супругами такую привязанность, которая, по единодушному признанію всѣхъ испытавшихъ ее, можетъ продолжаться до конца жизни, несмотря на внѣшнія перемѣны въ любимомъ человѣкѣ. Въ этой привязанности участвуетъ все: чувство, идеалъ и совѣсть. Соединенные любовью и совѣстью, супруги служатъ другъ для друга судьей и свидѣтелемъ; въ этомъ смыслѣ бракъ можетъ быть названъ школой

взаимнаго усовершенствованія. Высшій же его смыслъ, по мнѣнію Прудона, заключается въ томъ, что въ бракѣ, т. е. союзѣ, основанномъ преимущественно на совѣсти, человѣкъ нетолько освобождается отъ двойного фанатизма плоти и идеала, но подчиняетъ ихъ новому, высшему закону и заставляетъ служить къ утвержденію справедливости какъ въ самомъ человѣкѣ, въ его совѣсти, такъ и во внѣшнихъ его проявленіяхъ.

Только этимъ стремленіемъ къ сохраненію собственнаго достоинства какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни, или, какъ говоритъ Прудонъ, стремленіемъ реализировать въ самомъ себѣ и внѣ себя справедливость, онъ объясняетъ то, что мужчина нетолько согласился на бракъ, въ которомъ добровольно отказывается отъ природнаго своего главенства въ пользу слабѣйшаго существа и жертвуетъ ему своей свободой, но самъ придумалъ и сдѣлался законодателемъ такого договора.

Кромѣ того, если разсматривать бракъ въ связи съ судьбою цѣлыхъ націй, то, говоритъ Прудонъ, нельзя не видѣть, что между обществомъ и семьей существуетъ самая тѣсная солидарность, и стало быть, подобно тому, какъ мы признаемъ, что произрожденіе есть функція организма, мы должны признать, что бракъ есть функція человѣчества: внѣ его любовь становится бичомъ, раздѣленіе половъ не имѣетъ смысла, увеличеніе человѣческаго рода новыми членами представляетъ существенныя невыгоды для тѣхъ, которые родились раньше, справедливость противна цѣлямъ природы.

Изъ этого слѣдуетъ, что бракъ есть нетолько идея и нетолько реальность; онъ необходимъ, и необходимость его—соціальная.

Въ бракѣ беретъ начало семья; это, говоритъ Прудонъ—зародышъ республики, гдѣ проглядываетъ равенство въ лицѣ дѣтей подъ іерархической, но временной властью матери и отца. Въ этомъ маленькомъ государствѣ ясно опредѣлены права̀ и обязанности каждаго. Отецъ, какъ болѣе сильный, кормитъ всѣхъ, защищаетъ; поэтому ему принадлежитъ главенство въ семьѣ; дѣти—наслѣдники и продолжатели его мысли. Мать воспитываетъ дѣтей и передаетъ имъ то, что̀ сама получила отъ ихъ отца. Дѣти повинуются отцу и матери, но только до совершеннолѣтія, послѣ котораго родители не имѣютъ правъ надъ ними. Такимъ образомъ, въ семьѣ, состоящей изъ отца, матери и дѣтей, справедливость получаетъ свою организацію, которая, черезъ скрещиваніе семей, распространяется далѣе и находитъ свое развитіе въ общинѣ. У семьи есть и своя религія, въ которой, говоритъ Прудонъ, мужъ или отецъ можетъ быть названъ жрецомъ, жена—идоломъ, дѣти—народомъ. И, въ то время, какъ различное истолкованіе символовъ, движеніе науки, разумъ, ослабляютъ повсюду религію, она сохраняется въ семьѣ, сосредоточивается въ ней и не можетъ быть поколеблена, благодаря чисто идеальному откровенію женщины, которое не поддается анализу и, въ то же время, не можетъ быть ни отрицаемо, ни уничтожено.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, теорія брака по Прудону. Но последняя его мысль объ идеальномъ откровеніи женщины совсѣмъ ужь непонятна безъ предварительнаго знакомства съ его взглядомъ на женщину и ея назначеніе въ обществѣ.

Не каждая женщина бываетъ матерью; да и прежде и послѣ того, какъ она ею сдѣлается, такъ же, какъ и во время исполненія своихъ материнскихъ обязанностей, она живетъ своею жизнью; стало-быть, у нея есть правà и обязанности въ обществѣ помимо семейныхъ. Какая же ея роль въ обществѣ?

Въ послѣднемъ, такъ же, какъ и въ жизни, физическая сила не составляетъ всего; но тѣмъ не менѣе, говоритъ Прудонъ, она имѣетъ значеніе при опредѣленіи правъ человѣка. Женщина физически слабѣе мужчины; отношеніе между ними, по мнѣнію Прудона, будетъ какъ 2 къ 3; стало-быть, если взять ихъ обоихъ въ смыслѣ рабочей силы, гдѣ бы то ни было—въ семьѣ или мастерской—то работа мужчины будетъ представлять 3, работа женщины—2. Слѣдовательно, при распредѣленіи продуктовъ общаго труда, на долю мужчинъ, при равномъ числѣ ихъ съ женщинами, придется 3 части изъ 5. Это обусловливаетъ, говоритъ Прудонъ, экономическое подчиненіе женщины. Но и воля мужской половины, по той же причинѣ, должна преобладать въ правительствѣ надъ женской волей въ той же пропорціи, какъ 3 къ 2-мъ. Стало-быть, и въ политическомъ отношеніи женщина и мужчина будутъ представлять 2 и 3.

Далѣе. Если женщина физически слабѣе мужчины, то, разсуждаетъ Прудонъ, и умственныя ея способности должны быть слабѣе, такъ какъ душа и тѣло взаимно вліяютъ другъ на друга; физическая сила столько же необходима для работы мысли, сколько для работы мускуловъ, и, слѣдовательно, во всякомъ здоровомъ человѣкѣ сила мысли пропорціональна физической силѣ. По своему устройству, женщина никогда не можетъ сравняться съ мужчиной въ физической силѣ, а, стало-быть, и въ умственномъ отношеніи она всегда будетъ стоять ниже его.

Здѣсь мы обязаны сдѣлать небольшое отступленіе. Говоря о физической силѣ мужчины и объясняя источникъ ея, Прудонъ дѣлаетъ непозволительныя ошибки по физіологіи, которой, по собственному сознанію, онъ не изучалъ; провѣрить эти ошибки не трудно любому физіологу или доктору. Тѣмъ не менѣе, на совершенно ложномъ основаніи, Прудонъ высказываетъ слѣдующую курьёзную мысль: «женщина-философъ или женщина - писательница убиваетъ свою прогенитуру мозговой работой и своими поцѣлуями, отзывающимися мужчиной (?)... Она должна отказаться отъ семьи и материнства, судьба заклеймила ее; созданная, однако, для любви, какъ всякая женщина, она должна довольствоваться положеніемъ наложницы, если ужь не хочетъ быть куртизанкой».

Въ одномъ мѣстѣ мы сказали, что Прудонъ обладалъ не столько логикой мысли, сколько механизмомъ логики. Эта черта

особенно проявляется въ его анализѣ женщины. Такъ, выводя заключеніе объ умственной слабости ея изъ того, что она физически слабѣе мужчины, онъ изъ ея умственной слабости дѣлаетъ выводъ, что и совѣсть ея слабѣе мужской совѣсти. У женщины, говоритъ онъ, и нравственность совсѣмъ отличная отъ мужской: она понимаетъ добро и зло не такъ, какъ мужчина, и «сравнительно съ нами, женщина можетъ быть названа существомъ безнравственнымъ». Такое смѣлое заключеніе Прудонъ основываетъ на томъ, что только сознаніе собственной силы и разума придаетъ мужчинѣ энергію воли, увѣренность въ себѣ, откровенность, смѣлость, однимъ словомъ — всѣ тѣ качества, которыя резюмируются словомъ нравственность. Это же сознаніе внушаетъ ему, вмѣстѣ съ чувствомъ собственнаго достоинства, отвращеніе ко лжи, ненависть къ произволу, ужасъ ко всякому подчиненію. Сознавая свою силу, мужчина, поэтому, уважаетъ себя и другихъ и понимаетъ, что такое право—понятіе, преобладающее во всякой мужской душѣ. Всѣ языки, прибавляетъ Прудонъ: — признаютъ аналогію, что сила обусловливаетъ добродѣтель. У женщины же, по его мнѣнію, происходитъ наоборотъ. Она сознаетъ свою слабость; отсюда, говоритъ онъ:—ея прирожденная робость, инстинктъ покорности и подчиненія, легкость, съ которою она плачетъ, отсутствіе гордости, позволяющее ей унижаться, умолять, просить прощенія, не испытывая при этомъ ни стыда, ни паденія. По своей природѣ, женщина всегда находится въ состояніи деморализаціи, всегда переходитъ въ ту или другую сторону за черту справедливости; неравенство, думаетъ Прудонъ, свойственно ея душѣ; у ней нѣтъ никакой тенденціи къ установленію того равновѣсія между правами и обязанностями, которое составляетъ мученіе мужчины и изъ-за котораго онъ ведетъ ожесточенную борьбу съ себѣ подобными. Прислужничество, по увѣренію Прудона, также гораздо менѣе антипатично женщинѣ, чѣмъ мужчинѣ; она нетолько не бѣжитъ отъ него, но сама ищетъ, *если только не испорчена и не эмансипирована.* И замѣтьте, восклицаетъ Прудонъ:—въ противоположность мужчинѣ, оно не унижаетъ ея. «Заговорите съ женщиной о любви, симпатіи, милосердіи—она пойметъ васъ; заговорите съ ней о справедливости—это будетъ ей непонятно». Женщина, продолжаетъ разсуждать онъ:—сдѣлается сестрой милосердія, дамой-благотворительницей, сидѣлкой, служанкой—всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно, но о равенствѣ она и не подумаетъ, ей оно какъ будто противно. Всѣ ея мечты сводятся на то, чтобъ быть хоть на часъ важной барыней, принцессой, королевой или феей. Выше всего она ставитъ внѣшнія отличія, предпочтеніе, привилегіи. Она любитъ театръ, публичныя церемоніи. Чтò ее, главнымъ образомъ, привлекаетъ туда? Вы думаете, самое зрѣлище? Ни чуть—привилегированное мѣсто».

Приведя эту тираду, Прудонъ заключаетъ, что женщина, это—такое существо, которое можетъ привести въ отчаяніе человѣка,

любящаго справедливость, что, если основываться только на элементахъ ея природы, то надо придти къ тому, что она создана исключительно для любви и произрожденія, поэтому *должна* стремиться всѣми силами своего существа къ этой цѣли и въ доставленіи побѣды любви надъ добродѣтелью видѣть свое торжество. Стало-быть, ея цѣль идетъ въ разрѣзъ съ справедливостью. Въ противоположность мужчинѣ, въ которомъ такъ сильно, по мнѣнію Прудона, выражено чувство собственнаго достоинства, оно не существуетъ въ женщинѣ, если она предоставлена сама себѣ. Кромѣ того, ни къ какому дѣлу, даже къ пониманію его, она неспособна, въ экономическомъ смыслѣ—непроизводительна. Послѣ этого ясно, замѣчаетъ онъ, что, по своей природѣ, женщина не имѣетъ правъ на равенство съ мужчиной: ея роль исключительно въ семьѣ, а въ обществѣ она не имѣетъ никакого значенія. Но и мужчина, разсматриваемый въ своей индивидуальности, представляется также существомъ неполнымъ, лишеннымъ разумности, неспособнымъ проявить свое достоинство. Это и понятно. Онъ есть только часть цѣлаго, внѣ котораго его существованіе не имѣетъ смысла. И съ этимъ цѣлымъ, т. е. обществомъ, его связываетъ женщина, подобно тому, какъ ребенокъ связанъ съ матерью до своего рожденія на свѣтъ. Что̀ же станется съ мужчиной и обществомъ, если допустить, что женщина создана на несчастіе ихъ? Она и любовь, по словамъ Прудона—два необходимые элемента жизни, а, если въ любви видѣть ядъ ея, то въ женщинѣ надо признать обольстительницу, вѣчно подносящую къ устамъ мужчины роковую чашу. Къ такому отчаянному заключенію надо придти, если вѣрить Прудону. «Но, говоритъ онъ:—если природа создала мужчину и женщину неравными и хотѣла, чтобъ они были соединены на законахъ подчиненности, а не тожественности, то, конечно, она имѣла при этомъ виды болѣе глубокіе и болѣе цѣлесообразные, чѣмъ утопіи философовъ; эти виды должны быть направлены къ выгодѣ не одного мужчины, но и женщины, ребенка, семьи, всего общества?»

До сихъ поръ Прудонъ разсматривалъ женщину въ отдѣльности, бралъ ее самою въ себѣ, дѣйствовалъ посредствомъ анализа. «Посмотримъ, говоритъ онъ:—къ чему приведетъ насъ синтезисъ, который одинъ обусловливаетъ разумность вещей».

«Женщина прекрасна»... Написавъ эту фразу, Прудонъ говоритъ: «Я сожалѣю, что не обладаю перомъ Ламартина, чтобъ описать женщину. Но такъ многіе, кромѣ меня, прославляютъ ту, которой поклоняется весь міръ, при взглядѣ на которую ребенокъ приходитъ въ экстазъ, старость вздыхаетъ. Послѣ всего, что̀ я сказалъ о несовершенствахъ ея природы, я не смѣю иначе говорить о доставляемыхъ ею радостяхъ, какъ съ спокойствіемъ и простотою». И такъ, женщина прекрасна и она прекрасна во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Въ этомъ Прудонъ видитъ ея миссію. «Въ принципѣ, говоритъ онъ:—нѣтъ некрасивой женщины; всякая женщина въ цивилизованномъ обществѣ красива потому,

*

что всякая являетъ собою какую-нибудь черту того божественнаго элемента, который присущъ человѣку. Истинно безобразная въ условіяхъ цивилизованной жизни — существо, стоящее внѣ природы, вызывающее сострораданіе или заслуживающее кару (?)».

Цѣль природы при созданіи женщины и мужчины ясна. Послѣднему она дала силу, первой красоту. Женщина растетъ быстро и, достигнувъ полной—красоты, какъ будто останавливается. Можно даже сказать, говоритъ Прудонъ:—что, согласно видамъ природы, вся жизнь женщины должна быть постоянной молодостью. Въ возможности этого убѣждаютъ примѣры Діаны Пуатье, Маріи Стюартъ, Нинонъ-де-Ланкло, Г-жи Мэнтенонъ и др., которыя до конца жизни сохранили красоту и молодость. Но общественныя неурядицы, пороки, портятъ женщину и затемняютъ ея прозрачный свѣтлый образъ, въ которомъ, говоритъ Прудонъ, мужчина любуется самимъ собою, присутствіе котораго скрашиваетъ для него все: природу, искуство, всякій трудъ. Чѣмъ обусловливается красота женщины? спрашиваетъ Прудонъ и отвѣчаетъ: несовершенствомъ ея природы. Сама по себѣ, женщина—ничто, но, благодаря своей красотѣ, она становится всѣмъ. Красота ея пробуждаетъ въ мужчинѣ любовь, которая сначала обнаруживается въ немъ чувственнымъ опьяненіемъ; но, увлекаемый идеаломъ, онъ быстро переходитъ отъ поклоненія тѣлесной красотѣ къ обожанію души и изъ страстнаго любовника, незамѣтно для самого себя, становится человѣкомъ праведнымъ и святымъ. Точно также преобразовывается и женщина. Она, какъ зеркало, въ которомъ отражается совѣсть мужчины, подъ его таинственнымъ дѣйствіемъ становится такою, какою онъ желаетъ ее видѣть. Горе ей, восклицаетъ Прудонъ, если она не осуществила его идеала, обманула откровеніе любви!

И такъ, въ красотѣ, женскаго образа мужчина проникается уваженіемъ къ собственному тѣлу; это впечатлѣніе усиливается въ немъ впечатлѣніемъ, производимымъ на него женскимъ умомъ, относительная слабость котораго сообщаетъ ему юношескую грацію. Женскій умъ менѣе смѣлъ, менѣе аналитиченъ, менѣе способенъ къ дедукціи и къ синтезису, но онъ конкретенъ и привлекателенъ, и именно эти свойства его служатъ мужчинѣ какъ провѣркой его собственнаго ума. Въ женскомъ умѣ мысли мужчины отражаются подъ такимъ угломъ, который придаетъ имъ особенную прелесть, если онѣ вѣрны, а въ противномъ случаѣ обнаруживается вся ихъ нелѣпость. Эти же качества женскаго ума заставляютъ мужчину выражать свои мысли ясно, стягивать ихъ въ простыя предложенія, которыя могутъ быть легко схвачены. При этомъ, интуитивное, образное пониманіе женщины, дѣлая ее участницей спекулятивныхъ и философскихъ идей мужчины, запечатлѣваетъ и уясняетъ ему самому эти идеи. Такое общеніе мужскаго ума съ женскимъ освѣжаетъ мужчину, и этимъ путемъ распространяются знанія въ массахъ. Вульгаризаторы вообще имѣютъ женскій умъ, но мужчина, говоритъ Прудонъ,

не любитъ служить славѣ себѣ подобнаго, и предусмотрительная природа предназначила для этой цѣли женщину.

Точно также преображаются подъ взаимнымъ вліяніемъ мужчина и женщина въ нравственномъ отношеніи. У мужчины есть сила, женщина слаба, но въ этой слабости лежитъ ея сила. Какъ существо слабое, она обладаетъ долготерпѣніемъ, живучестью надеждъ, постоянствомъ; эти качества — атрибутъ слабости—встрѣчаясь съ мужской гордостью, энергіей, смѣлостью взаимно уравновѣшиваются, производятъ гармонію. Въ несчастіи мужчина сначала приходитъ въ ярость, а потомъ впадаетъ въ уныніе; женщина плачетъ, и въ ея слезахъ мужчина почерпаетъ новую силу бороться, становится героемъ. Женщина не понимаетъ, что̀ такое право, не способна бороться за него, мстить за нарушеніе справедливости; но она одарена чувствительностью сердца, тонкой впечатлительностью, нѣжностью души, однимъ словомъ—въ ней такое обиліе любви, что она смягчаетъ суровость справедливости, округляетъ, говоритъ Прудонъ, острые углы ея, превращаетъ ея заостренный мечъ въ вѣтвь мира и изъ божества ужаса дѣлаетъ ее божествомъ милосердія. Женщина лишена стыдливости; принципъ этой добродѣтели, какъ и всѣхъ другихъ, по убѣжденію Прудона, лежитъ въ мужчинѣ. Но на что̀ она ему? спрашиваетъ онъ. Мужчина такъ созданъ, что краснѣетъ только оттого, что способенъ покраснѣть; даже, совершивъ преступленіе, онъ болѣе всего боится обнаружить стыдъ. Женщина слаба и не стыдится своей слабости; видя ее такою, мужчина побѣждаетъ себя, смягчается и склоняется къ справедливости.

Поэтому можно сказать, говоритъ Прудонъ, что красота женщины, будучи могучимъ средствомъ къ проявленію справедливости, въ то же время есть и выраженіе ея. Благодаря красотѣ и идеалу, слабое, безпомощное существо, неспособное ни на физическую, ни на умственную работу, становится двигателемъ справедливости, науки, промышленности—всего высокаго и прекраснаго въ жизни,

Сравнивая мужскую и женскую природу съ двойной точки зрѣнія, силы и красоты, Прудонъ допускаетъ между ними равновѣсіе; если, говоритъ онъ, способность и энергія мужчины въ трудѣ его, геній, стремленіе къ справедливости даютъ ему перевѣсъ надъ женщиной въ такой пропорціи, положимъ, какъ 27 и 8, то умственная и тѣлесная красота женщины, привлекательныя свойства ея характера, нѣжность души будутъ представлять такое же отношеніе къ мужскимъ качествамъ, т. е. 27 и 8.

Но сила и красота несоизмѣримы; оцѣнивать ихъ одну другою значитъ уничтожать обѣ; точно также нельзя сдѣлать ихъ предметомъ обмѣна, потому что платить произведеніями силы за обладаніе красотой будетъ униженіемъ для послѣдней; это равносильно осужденію женщины на рабство, мужчины—на позоръ. Пусть попробуетъ женщина, говоритъ Прудонъ, требо-

вать себѣ реальныхъ правъ въ обществѣ во имя красоты и умственныхъ своихъ качествъ; попробуйте вывести какія-нибудь реальныя для нея права, основываясь на ея стыдливости; попробуйте обратить въ какую-нибудь экономическую спеціальность или общественную функцію ея добродѣтели: духъ терпимости, покорность, терпѣніе и, вмѣсто того, чтобъ возвысить женщину, вы ее унизите. Красота и сила или, иначе говоря, идеалъ и справедливость, конечно, соприкасаются интимно, но это—двѣ различныя категоріи, а всякая власть въ обществѣ основывается только на началахъ экономическаго, философскаго или юридическаго порядка. Ни къ одному изъ нихъ не подходитъ красота, даже умственная и нравственная. Стало быть, она не можетъ быть принимаема въ разсчетъ при опредѣленіи реальныхъ правъ человѣка, и, стало быть, женщина, повидимому, осуждена фатальнымъ образомъ на подчиненную роль въ обществѣ.

И такъ, задача не можетъ быть рѣшена: женщина должна остаться рабой, а слѣдовательно, мужчина и общество должны погибнуть. Но, въ такомъ случаѣ, надо признать планъ созданія нелѣпымъ, говоритъ Прудонъ, а этого допустить нельзя. Очевидно, что женщина должна быть искуплена чѣмъ-нибудь, что̀ опредѣляетъ ея значеніе въ обществѣ. Что̀ такое женщина? Синтезисъ Прудона привелъ его къ заключенію, что она есть олицетворенная совѣсть мужчины. Въ ней воплотилась его молодость, его разумъ, его справедливость—все, что̀ есть въ немъ самаго чистаго, высокаго; ея живой, говорящій и дѣйствующій образъ всегда передъ нимъ—чтобъ поддерживать, утѣшать, любить его. Говоря другими словами, женщина, это—олицетворенный идеалъ человѣчества, послѣднее и совершеннѣйшее созданіе природы, восклицаетъ Прудонъ. Этимъ опредѣляется роль ея, которая, очевидно, можетъ быть только чисто идеальною. Женщина служитъ помощницей мужчины—но ка̀къ? Являя собою идеальную сторону его существа, она одушевляетъ его, дѣлаетъ энергичнымъ, смѣлымъ, осторожнымъ, чистымъ, поддерживаетъ въ немъ надежду, служитъ ему утѣшеніемъ; безъ нея онъ не былъ бы въ состояніи вынести бремя жизни, не утративъ своего достоинства, не могъ бы даже выносить самого себя. Она помогаетъ ему въ трудѣ—но чѣмъ? Своими заботами, обществомъ, совѣтами, добротою. Пусть только она поддерживаетъ его хоть немного, и мужчина работаетъ за двухъ. Сдержанность, простота, осторожность, прелесть ея наведеній и рѣчей помогаютъ мужчинѣ придавать жизнь и реальность своимъ идеямъ, безпрестанно приводя ихъ къ конкретному; съ нею онъ дѣлится своими планами и открытіями до тѣхъ поръ, пока они не достигнутъ полной зрѣлости и блеска. Отъ нея одной онъ готовъ выслушать возраженіе и даже неодобреніе; она одна можетъ убѣдить его отказаться отъ дурнаго или несправедливаго и расположить къ прощенію. Даже противъ увлеченій любви она служитъ единственнымъ его спасеніемъ или тѣмъ, что отказывая удовлетво-

рить его желаніямъ, заставляетъ его стыдиться себя, или, уступивъ ему, утрачиваетъ свою красоту и этимъ вызываетъ въ немъ раскаяніе.

Однимъ словомъ, съ какой бы стороны мужчина ни смотрѣлъ на женщину, она всегда представляется ему оплотомъ его совѣсти, источникомъ счастья, путеводной звѣздой, вѣнцомъ всего его существа. Она одна можетъ увѣнчать его торжество, точно такъ же, какъ одна можетъ простить и утѣшить его въ бѣдѣ и пораженіи, потому что ей одной извѣстны его намѣренія, причины, оправдывающія его поступки, т. е. то, чего не хочетъ знать людская справедливость.

Вотъ въ чемъ заключается смыслъ словъ Прудона о таинственномъ откровеніи женщины, которымъ, по его мнѣнію, поддерживается религія въ семьѣ. Что̀ же касается до спеціальныхъ занятій, выпадающихъ на ея долю, то онъ признаётъ, что женщина можетъ быть полезна во множествѣ случаевъ, но, подобно тому, какъ въ литературѣ ея участіе всегда будетъ сводиться къ интимному роману, значеніе котораго состоитъ въ вульгаризаціи справедливости при посредствѣ любви и чувства, такъ и въ промышленности вся ея производительность, въ концѣ-концовъ, сводится къ домашней работѣ. И въ этомъ нѣтъ для нея ничего обиднаго, говоритъ Прудонъ. Мужчина—работникъ, женщина — хозяйка. Когда спроведливость, все болѣе и болѣе развиваясь между людьми, уравняетъ ихъ общественное положеніе и состояніе, тогда мужчина и женщина возвысятся одинъ, какъ работникъ, другая—какъ хозяйка. И неужели, въ то время, какъ мужчина будетъ всѣми силами стремиться къ уничтоженію патронатства и эксплуатаціи, женщина захочетъ пользоваться трудомъ прислуги? Да и гдѣ тогда взять ее? Поэтому, роль женщины въ домашней и общественной экономіи должна состоять, по мнѣнію Прудона, въ воспитаніи дѣтей и молодыхъ дѣвушекъ подъ наблюденіемъ городскихъ властей, въ общественной благотворительности и заботахъ о хозяйствѣ. Еслибы въ наше время, прибавляетъ онъ, сохранились національныя празднества и зрѣлища, то она должна бы была участвовать въ нихъ. Но аристократическая безнравственность и религіозные предразсудки всегда обращали принимавшую участіе въ такихъ торжествахъ женщину въ жертву сладострастія. Это можетъ и должно перемѣниться.

И такъ, вотъ серія мыслей, приведшихъ Прудона къ выясненію роли женщины: безъ положительной и преобладающей способности человѣческой души—справедливости—нѣтъ общества; безъ глубокаго чувства собственнаго достоинства въ человѣкѣ—нѣтъ справедливости; безъ идеала—нѣтъ достоинства; безъ женщины и любви—нѣтъ идеала или, лучше сказать, идеалъ безсиленъ—его дѣйствіе пропадаетъ; женщина можетъ проявить идеальность своего существа не иначе, какъ при содѣйствіи мужчины; въ свою очередь, мужчина безъ женщины никогда не вышелъ

бы изъ грубаго первобытнаго состоянія; онъ насиловалъ бы свою самку, душилъ бы своихъ дѣтенышей, охотился за себѣ подобными и пожиралъ бы ихъ.

Послѣ этого ясно, говоритъ Прудонъ: — что основанный на такихъ данныхъ союзъ между мужчиной и женщиной не можетъ быть взаимно обязывающимъ договоромъ, такъ какъ подобный договоръ возможенъ только между относительно равными или тождественными лицами; а мужчина и женщина, въ нравственномъ и физическомъ отношеніи, неравны и не тождественны: они составляютъ одно органическое цѣлое, взаимно дополняя другъ друга. Это — одно лицо, состоящее изъ двухъ личностей, одна душа, надѣленная двумя разумами и волями. Такой организмъ имѣетъ цѣлью сдѣлать возможнымъ оправданіе человѣчества посредствомъ самого себя, то-есть цивилизацію и всѣ ея чудеса. Оно совершается при помощи идеала; то-есть, какъ его называютъ поэты любви. Возрастъ любви, по словамъ Прудона, и есть эпоха пробужденія въ человѣкѣ сознанія справедливости. Конечно, красота женщины съ годами пропадаетъ, другія вліянія оказываютъ свое дѣйствіе на мужчину; но, разъ получивъ закалъ справедливости въ любви къ женщинѣ, онъ ужь больше не отступитъ отъ нея. Всѣми признано, говоритъ Прудонъ: — что испорченность проникаетъ въ общество не черезъ поколѣнія, которыя любили и признавали любовь, а черезъ тѣ, которыя не любили или замѣнили любовь чувственностью.

Но, сближенные любовью и идеаломъ, мужчина и женщина не могутъ избѣгнуть экономическихъ условій существованія; надо работать, пробиваться въ жизни. Кàкъ сложатся между ними отношенія? Въ такомъ союзѣ, кромѣ любви, очевидно, замѣшано и право. Мужчина и женщина, говоритъ Прудонъ: — вступаютъ въ бракъ подъ условіемъ полной преданности другъ другу, полнаго самоотреченія и самопожертвованія съ обѣихъ сторонъ, отдаютъ свою жизнь и личность, не ожидая за это никакого матеріальнаго, положительнаго вознагражденія. Чтò получитъ мужчина, спрашиваетъ Прудонъ:—въ награду за свой трудъ, борьбу, неизбѣжныя неудачи, которыя онъ долженъ выносить для чести общества и жены, отъ послѣдней?—улыбку. Чѣмъ вознаградитъ онъ жену за ея заботы, нѣжность и доброту? — поцѣлуемъ. Это — чисто-идеальное вознагражденіе: въ немъ и есть освященіе справедливости; это и составляетъ сущность брака.

Но равны ли въ такомъ союзѣ мужчина и женщина? Прудонъ отвѣчаетъ: дà, въ результатѣ равны, но въ принципѣ и на практикѣ—нѣтъ. Между силой и идеаломъ обмѣна быть не можетъ. Идеальностью своего существа женщина стоитъ выше мужчины, но она можетъ достигнуть этой высоты не иначе, какъ при его помощи. Этой идеальностью, говоритъ Прудонъ:—и опредѣляется роль женщины въ обществѣ. Представляя собою человѣческую совѣсть, ея миссія ясна: женщина предназначена охранять чистоту нравовъ и характеровъ въ обществѣ. Сколько мужчинъ,

восклицаетъ Прудонъ: — обязаны женщинѣ тѣмъ, что избѣжали паденія! сколько женщинъ, мечтавшихъ найти въ своемъ му; жѣ всевозможныя добродѣтели, зачахли, увидавъ себя связанными съ мертвецомъ, трусомъ! И мужчина гордится тѣмъ, что властвуетъ надъ такимъ чудеснымъ созданіемъ, что можетъ сказать себѣ: «это существо — идеализированный я самъ, оно выше меня, но оно—ничтò безъ меня».

И такъ, соціальная миссія женщины, по Прудону—стоять на стражѣ нравовъ и характеровъ общества. Исполненіе этой миссіи всего лучше достигается, по его мнѣнію, въ бракѣ, но можетъ быть достигнуто и помимо его, потому что справедливость, которая есть конечная цѣль любви или идеала, даже чаще достигается прежде, чѣмъ мужчина и женщина отдадутся другъ другу. Но, тѣмъ не менѣе, законы любви таковы, что всѣ люди должны подчиняться имъ; а надѣяться на возможность удержать любовь въ періодъ ея убыванія такъ же безплодно, какъ надѣяться видѣть полное осуществленіе идеала въ дѣйствительности; съ другой стороны, избѣгнуть любви также невозможно. Чтò остается дѣлать человѣку, чтобъ избавиться отъ терзаній ея, отъ нравственнаго паденія? Прудонъ совѣтуетъ поступать съ любовью такъ, какъ разумъ предписываетъ намъ поступать съ идеаломъ, то-есть поклоняться ему въ универсальности его объекта, отказываясь отъ надежды видѣть осуществленіе его въ частныхъ проявленіяхъ. Говоря точнѣе, это значитъ любить умомъ и сердцемъ всѣхъ лицъ другого пола, обладая однимъ или одной. Высказывая такой чудовищный парадоксъ, Прудонъ говоритъ, что исполненіе его не такъ трудно, какъ кажется съ перваго разу; вѣдь, всего дороже для человѣка нравственная красота; поэтому, если бракъ заключается по совѣсти, а не по любви, то въ немъ, по мнѣнію Прудона, есть всѣ задатки счастія, хотя бы между вступающими въ бракъ не было никакого любовнаго влеченія. Послѣднее, по словамъ его, даже гарантируетъ несчастіе мужчины и женщины, если они не обладаютъ въ значительной степени другими добродѣтелями, которыя пересилятъ любовь въ бракѣ. А сколько смѣшнаго, восклицаетъ онъ:—любовь представляетъ для комическаго поэта!...

На этомъ основаніи Прудонъ полагаетъ возможнымъ вступать въ бракъ за глаза. Какого мужчину, спрашиваетъ онъ:—должна выбрать молодая дѣвушка себѣ въ мужья?—Самаго справедливаго, потому что въ мужѣ всего важнѣе для жены трудолюбіе и нѣжность, а эти качества гарантируются справедливостью. Какую женщину долженъ мужчина выбирать себѣ въ жены?—Самую прилежную, потому что для мужа всего важнѣе въ женѣ цѣломудріе и преданность—а эти качества гарантируются прилежаніемъ. Въ такомъ бракѣ Прудонъ видитъ единственное утѣшеніе и въ несчастіи вслѣдствіе утраченной любви, потому что, говоритъ онъ, во всякомъ горѣ только служеніе справед-

ливости приноситъ дѣйствительное облегченіе, а проявить ее во всей ея полнотѣ человѣкъ можетъ только въ союзѣ, заключенномъ на совѣсти. Но если только въ бракѣ, какъ утверждаетъ Прудонъ, человѣкъ можетъ вполнѣ проявить свое достоинство и справедливость, то что̀ остается дѣлать тѣмъ, которые, по независящимъ отъ нихъ причинамъ, не имѣли возможности вступить въ бракъ? Прудонъ говоритъ, что, уразумѣвъ высшій смыслъ брака, ясно, что обладаніе и сожительство не составляютъ необходимаго условія счастья человѣка. Это счастье заключается въ возможности для каждаго выполнить общую миссію, которая достигается водвореніемъ справедливости на землѣ. Двигатель послѣдней, любовь, по своей эссенціи, такова, что каждый взрослый, здоровый тѣломъ и душой человѣкъ носитъ ее въ сердцѣ и, даже не вступая въ дѣйствительный бракъ, ужь тѣмъ, что любитъ, заключаетъ въ своей душѣ мистическій, который также можетъ служить ему средствомъ къ достиженію справедливости. Кромѣ того, бракъ, семья и община составляютъ одинъ о̀рганъ, и каждый человѣкъ, черезъ кровное родство, семейныя связи, усыновленіе, испытываетъ на себѣ дѣйствіе брака, а, такъ какъ съ судьбой послѣдняго, по мнѣнію Прудона, связана судьба всего общества, то и черезъ гражданское общеніе человѣкъ также участвуетъ въ исполненіи общей миссіи. Такимъ образомъ, черезъ мистическую любовь, семейныя связи и гражданское общеніе человѣкъ во всякомъ возрастѣ и положеніи достигаетъ того, чѣмъ обусловливается его счастье, и можетъ утѣшаться мыслью, что живетъ столько же, сколько и весь родъ человѣческій.

Мы думаемъ, что, познакомившись съ теоріей Прудона, всякій согласится съ нами, что какъ въ своихъ воззрѣніяхъ на бракъ, такъ и въ воззрѣніяхъ на женщинъ, Прудонъ былъ прежде всего— мистикъ. Конечно, если задаться цѣлью полемизировать съ нимъ, то можно сдѣлать множество возраженій противъ его теоріи какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Но мы хотѣли лишь показать, что посмертное его сочиненіе, Pornocratie, не только не даетъ полнаго представленія объ его взглядѣ на женщинъ, но даетъ о немъ понятіе ложное, особенно если судить по второй половинѣ книги, состоящей, какъ мы сказали, изъ случайныхъ замѣтокъ, заносимыхъ Прудономъ, очевидно, подъ минутнымъ раздраженіемъ.

Въ этомъ насъ окончательно убѣждаетъ послѣдняя замѣтка, въ которой Прудонъ говоритъ: «уничтожить все, что̀ я сказалъ о красотѣ женщинъ» (Avoir bien soin de condamner ce que j'ai écrit sur la *beauté* des femmes). Уничтожить это для Прудона значило бы разрушить все узорчатое зданіе, которое онъ возвелъ на фундаментѣ женской красоты. Но, если уничтожить

этотъ фундаментъ, то нѣтъ никакихъ основаній оставить и анализъ Прудона женской природы, такъ какъ въ этомъ анализѣ всякій, надѣемся, увидитъ не болѣе, какъ пріемъ, который Прудонъ употребилъ для доказательности своего основнаго воззрѣнія. Такимъ образомъ, и вся теорія Прудона падаетъ, а этого онъ, конечно, не имѣлъ въ виду, пиша Pornocratie.

Е. Л.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ НА 1876 Г.

и

ОТЧЕТЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО КОНТРОЛЯ ЗА 1874 ГОДЪ.

II.

Въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» я высказалъ соображенія по поводу нашего бюджета, продиктованныя мнѣ общими его итогами и теперь, приступая къ разсмотрѣнію его частностей, я сдѣлаю это въ порядкѣ, принятомъ государственною росписью, и въ своихъ сужденіяхъ буду опираться на цифры отчетовъ государственнаго контроля.

Прежде всего обращаюсь къ доходному бюджету. Всѣхъ общихъ государственныхъ доходовъ, не считая опредѣленныхъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, по росписи предположено, какъ мы указали въ предыдущей статьѣ, 559,244,519 руб.; но, такъ какъ въ этой цифрѣ заключаются 24,453,229 руб. доходовъ оборотныхъ, которые, въ сущности, не составляютъ дохода, а заносятся въ роспись только для счета, то мы и будемъ принимать общую сумму доходовъ за вычетомъ послѣдней цифры, т. е. въ количествѣ 534,791,290 руб., и, прежде всего, обращаю вниманіе читателя на то, какъ эта сумма распредѣляется по главнымъ рубрикамъ и статьямъ дохода.

	Руб.	Въ % ея къ общей суммѣ.
1. Прямые налоги:		
a) Подати	115,762,255	21,6
b) За право торговли	14,889,000	2,8
Итого .	130,651,255	24,4
2. Налоги съ предметовъ потребленія:		
a) Питейный доходъ.	191,787,700	35,9
b) Соляной	11,231,441	2,1
c) Табачный.	10,819,000	2
d) Свеклосахарный	3,899,000	0,7
e) Таможенный	60,470,000	11,3
Итого .	278,207,141	52

3. Пошлины:	Руб.	Въ % ея къ общей суммѣ.
a) Гербовыя.	9,722,000	1,8
b) Крѣпостныя и канцелярскія .	7,212,000	1,4
c) Съ паспортовъ	2,540,000	0,4
d) Разныя	3,263,757	0,6
Итого .	22,737,757	4,2
4. Правительственныя регаліи . .	21,455,018	4
5. Казенныя имущества.	28,788.908	5,3
6. Доходы разнаго рода.	45,854,958	8,5
7. Доходы Закавказскаго Края . .	7,106,253	1,3
		0,3 усѣч. др.
Всего . .	534,791,290	100

При первомъ взглядѣ на эти цифры, невольно поражаетъ то, что главная тяжесть бюджета лежитъ не на имуществѣ, а на трудѣ. Такъ, изъ числа податей достаточными классами можетъ оплачиваться только половина поземельнаго государственнаго налога и значительная часть налога на городскую недвижимую собственность, что̀, въ общей сложности, не можетъ превышать 7 м. р. Изъ суммы налога на право торговли и промысловъ трудно предположить, чтобы ²/₃ его оплачивались за гильдейскія свидѣтельства, а потому изъ этой статьи болѣе 10 милл. на достаточные классы отнести рѣшительно невозможно. Изъ суммъ питейнаго сбора и соляного налога, конечно, не болѣе 10% оплачивается капиталомъ и имуществомъ, что̀ составитъ не болѣе 20 милл. руб. Изъ числа табачнаго, свеклосахарнаго и таможеннаго, а также пошлинъ разнаго рода, около одной трети необходимо отнести на классы неимущіе. Что̀ касается до всѣхъ остальныхъ доходовъ, составляющихъ болѣе 100 милл. руб., я не сдѣлаю большой ошибки, ежели отнесу четвертую часть также на неимущіе классы. Если, на основаніи этихъ предположеній, составить таблицу платежей съ неимущихъ классовъ, то она выразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

Подати, (оброчныя, общественный сборъ, государственныя повинности и проч.).	110,762,255
За право промысловъ	4,889,000
Питейный и соляной доходъ	183,019,141
Табачный свеклосахарный и таможенный. . . .	25,062,666
Пошлины всѣхъ наименованій	7,579,232
Остальные доходы.	25,801,304
Итого. . .	357,113,598

Если вычесть эту цифру изъ общей суммы предположенныхъ доходовъ, оказывается, что достаточными классами уплачивается 177,677,692 руб., т. е. менѣе ¹/₃ части бюджета, тогда какъ трудъ оплачиваетъ болѣе ²/₃. Если мнѣ возразятъ, что этотъ разсчетъ ошибоченъ, то я позволю себѣ замѣтить, что эта

ошибка скорѣе можетъ быть въ уменьшеніи цифры, платимой неимущими классами общества, такъ какъ доходы, отнесенные нами на счетъ достаточныхъ классовъ, въ значительной степени оплачиваются трудомъ людей, не имѣющихъ никакого состоянія, но принадлежащихъ по своимъ занятіямъ къ интеллигентнымъ классамъ.

Такимъ образомъ, при самомъ поверхностномъ взглядѣ на нашъ бюджетъ, ненормальность распредѣленія податныхъ тягостей между имущими и неимущими классами бросается въ глаза. Кромѣ подушныхъ сборовъ, составляющихъ главную массу податей, питейный доходъ превышаетъ третью часть всего дохода и падаетъ почти всею своею тяжестью на бѣднѣйшіе классы. Если мы сравнимъ въ этомъ отношеніи поступленія 1867 и 1874 года, то увидимъ, что наше финансовое положеніе не улучшается, а, напротивъ, идетъ къ худшему, такъ какъ сумма податей и питейнаго дохода въ общей суммѣ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ составляла въ 1867 году 52,5%, а въ 1874 году составляетъ уже 55,7%, слѣдовательно—процентное отношеніе наиболѣе обременительныхъ налоговъ увеличилось на 3,2%. Эти послѣднія цифры представляютъ особенную и чрезвычайно характеристичную черту нашей государственной росписи, черту, которой мы не видимъ ни въ одномъ современномъ намъ бюджетѣ. Двѣ статьи, падающія почти исключительно на самый многочисленный и бѣднѣйшій классъ народа, составляютъ болѣе половины всѣхъ доходовъ государства. При взглядѣ на эти цифры, невольно представляется, что основныя начала нашего бюджета составляютъ до сихъ поръ остатокъ того стараго порядка, при которомъ всѣ матеріальныя тягости лежали на низшихъ классахъ общества, а высшіе обязаны были личною службою въ пользу государства, т. е. остатокъ крѣпостныхъ порядковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ крѣпостное право въ его чистомъ видѣ уничтожено, вокругъ насъ все измѣнилось: государственная служба сдѣлалась не обязательствомъ, не тягостью, а привилегіей высшихъ сословій и вознаграждается во многихъ ея видахъ, если не въ большей, то, конечно, не въ меньшей степени въ сравненіи съ частною дѣятельностью. Между лицами, состоящими на государственной службѣ, и народомъ выросъ цѣлый классъ капиталистовъ, собственниковъ и людей свободныхъ профессій, живущій въ довольствѣ и часто въ роскоши; но, въ силу установившихся началъ нашего бюджета, остающійся почти внѣ всякаго обложенія на удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Несмотря, однакожъ, на всѣ эти перемѣны, несмотря на то обстоятельство, что нашъ бюджетъ возрастаетъ въ теченіе семи лѣтъ на 32% и притомъ, собственно въ видахъ достиженія тѣхъ результатовъ, о которыхъ мы говорили, характеръ нашего бюджета остается прежній, т. е. низшіе классы оплачиваютъ бо̀льшую его часть. Мало этого; обложеніе низшихъ классовъ возростаетъ сильнѣе, чѣмъ обложеніе достаточ-

ныхъ. Но этимъ еще не ограничивается невыгодная сторона нашего экономическаго быта. Необходимо принять въ соображеніе, что тяжесть прекращенія крѣпостнаго права — этой вѣковой несправедливости, завѣщанной намъ исторіей — возложена на бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, такъ какъ они обязаны, кромѣ платежей, вносимыхъ въ бюджетъ, уплачивать выкупныя ссуды, превышающія, по окладу 1874 года, 40 милл. руб., и оброки въ пользу помѣщиковъ около 20 милл. руб. Если присоединить эти 60 милл. къ общей цифрѣ нашего бюджета, то окажется, что три статьи сборовъ изъ общей суммы доходовъ составляютъ почти 62%.

При такомъ порядкѣ вещей, финансовое положеніе Россіи не можетъ не быть шаткимъ, такъ какъ главный центръ его тяжести лежитъ на самомъ несостоятельномъ, въ имущественномъ отношеніи классѣ, народа. Всякая случайность, какъ, напримѣръ, неурожай въ значительной полосѣ Россіи, война, пріостановка требованій заграницу нашихъ хлѣбныхъ товаровъ, даже пріостановка дальнѣйшаго расширенія нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ, постройка которыхъ даетъ значительный заработокъ народу, могутъ чувствительно отозваться на нашемъ бюджетѣ, потому что подрываютъ въ корнѣ народный трудъ, доходомъ съ котораго оплачивается бо̀льшая часть нашего бюджета.

Обращаясь къ первой статьѣ доходовъ, къ податямъ, мы видимъ, что она составляетъ болѣе одной пятой всѣхъ вообще сборовъ (115,762,255), и, сравнивая ее съ бюджетнымъ предположеніемъ прошлаго 1875 года (116,132,290), мы замѣчаемъ въ ней уменьшеніе на 377 слишкомъ тысячъ рублей серебромъ. Для сравненія же этой цифры съ дѣйствительнымъ ея поступленіемъ въ предыдущіе годы, мы должны принять въ соображеніе, что съ начала прошедшаго года къ суммѣ податей, причислялся также и государственный земскій сборъ, по скольку онъ поступаетъ въ видѣ поземельнаго и подушнаго налога. Обращаясь за тѣмъ къ отчету государственнаго контроля за 1874 годъ, мы видимъ, что подушнаго и поземельнаго государственнаго земскаго сбора въ томъ году поступило болѣе 22 милліоновъ рублей. Что̀-же касается поступленій, числившихся прежде въ этой статьѣ дохода, то, въ послѣднее пятилѣтіе, въ среднемъ выводѣ они представляли доходъ около 95 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ, въ сметѣ на 1876 годъ предполагается уменьшеніе этого дохода болѣе, чѣмъ на 1.200,000 руб. Конечно, мы не имѣемъ въ виду причинъ, по которымъ предполагается такое уменьшеніе, но думаемъ, что поводомъ къ этому служило то бѣдственное состояніе, въ которомъ находится весь южный край Россіи, а равно и положеніе крестьянъ внутреннихъ губерній, ходившихъ такъ неудачно въ истекшемъ году на заработки въ южныя губерніи и возвращавшихся оттуда христовымъ именемъ. Имѣя въ виду такое положеніе значительной части Россіи и обращаясь къ цифрѣ предположеннаго

уменьшенія, мы находимъ ее слишкомъ незначительною, даже прибавивъ къ ней цифру въ два милліона рублей, предположенную на недоборъ въ окладныхъ доходахъ. Такое заключеніе мы основываемъ на соображеніяхъ, заслуживающихъ, какъ намъ кажется, полнаго вниманія. Дѣло въ томъ, что неблагопріятныя послѣдствія неурожая выражаются въ цифрахъ государственныхъ доходовъ всегда въ слѣдующемъ за неурожаемъ году. Такъ, по Самарской Губерніи неурожай былъ въ 1873 г., а отразился онъ вполнѣ на платежахъ государственному казначейству только въ 1874 году, въ продолженіе котораго недоимки возрасли по всѣмъ сборамъ, какъ видно изъ отчета государственнаго контроля, на 1.492,714 руб. и, въ томъ числѣ, въ податяхъ болѣе, чѣмъ на милліонъ рублей. Если въ 1874 году недоборъ въ доходахъ по одной губерніи, вслѣдствіе неурожая, могъ доходить почти до $1^1/_2$ милліона рублей, то до какой же цифры онъ долженъ простираться въ 1876 году, когда не уродилось не только хлѣба, но и травы въ 8 губерніяхъ и, притомъ, гораздо болѣе населенныхъ, чѣмъ Самарская Губернія? Если изъ дохода, приносимаго Самарской Губерніей въ 7 мил. руб., оказался недоборъ въ $1^1/_2$ мил. рублей, то изъ дохода въ 87 мил., приносимыхъ 8 губерніями, въ которыхъ оказался неурожай въ 1875 году, можно ожидать $18^1/_2$ мил. рублей недобора. Мнѣ могутъ сказать, что неурожай истекшаго года вовсе не имѣетъ такого остраго характера, какъ самарскій въ 1873 году: тамъ былъ просто голодъ, тогда какъ подобнаго бѣдствія на югѣ Россіи въ настоящее время нѣтъ. Я не буду спорить противъ этой разницы, но вѣдь это нисколько не поправляетъ дѣла, о которомъ мы говоримъ. Положимъ, что населеніе южныхъ губерній будетъ имѣть возможность прокормиться, но отъ этого еще нисколько не увеличатся его платежныя средства, такъ какъ, въ истекшемъ году, ни заработковъ не было, ни хлѣбъ не уродился, и, сверхъ того отъ безкормицы крестьяне распродали за безцѣнокъ свой рабочій скотъ. Все это нисколько не увеличиваетъ шансовъ лучшаго поступленія податей въ означенныхъ 8 губерніяхъ въ текущемъ году, въ сравненіи съ поступленіемъ ихъ въ самарской въ теченіи 1874 года. Затѣмъ, неурожай въ восьми южныхъ губерніяхъ не могъ не отразиться, конечно, и на благосостояніи крестьянъ тѣхъ внутреннихъ губерній, отъ куда рабочія силы идутъ на заработокъ въ степную полосу Россіи. Всѣ эти массы рабочаго люда возвратились домой съ пустыми руками, а многіе проѣли дорогой и свою обувь и свою одежду. Мы сами видѣли подобныя факты, проѣзжая по южному краю прошедшимъ лѣтомъ. Но положимъ, что наши предположенія ошибочны, что недоборы въ податяхъ не дойдутъ до цифры, пропорціональной съ самарскимъ недоборомъ за 1874 годъ, положимъ, что недоборъ, вмѣсто $18^1/_2$ мил., какъ выходитъ по разсчету, не превыситъ цифры 10 мил. рублей—все же это будетъ въ трое болѣе, чѣмъ цифра, предположенная по государственной росписи, хотя мы значительно уве-

личили шансы лучшаго поступленія въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ было въ Самарской Губерніи. На основаніи этихъ соображеній, намъ кажется, что количество податей, ожидаемое къ поступленію въ теченіи 1876 года, едва ли можетъ поступить въ дѣйствительности, и мы нисколько не будемъ удивлены, если оно сократится на 10 милліоновъ рублей и даже болѣе.

Если мы будемъ, затѣмъ, анализировать цифру предположенныхъ доходовъ по этой статьѣ, то увидимъ, что въ этой цифрѣ заключаются: налогъ съ недвижимой собственности въ городахъ, который, по росписи 1874 года, значится въ количествѣ 2.227,622 руб., особый поземельный сборъ въ западныхъ губерніяхъ около 2.500,000 рублей, разные поземельные и подымные сборы въ привислинскихъ губерніяхъ на сумму около 7.500,000 рублей, государственный земскій поземельный сборъ въ количествѣ 8.000,000 и наконецъ, оброчная подать государственныхъ крестьянъ, приносящая около 34.500,000 руб. Складывая всѣ эти цифры, какъ не составляющія подушныхъ сборовъ, увидимъ, что онѣ равняются почти 55 милліонамъ рублей и, вычитая эту цифру изъ предположенной къ поступленію въ 1876 году, получимъ цифру въ 60.762,255 руб., которая должна быть оплачена 25 милліонами душъ крестьянскаго сословія, что̀ составитъ, въ среднемъ выводѣ, 2 руб. 43 коп. съ души или 6 руб. 7½ коп. съ работника однихъ подушныхъ сборовъ, за исключеніемъ поземельныхъ. Для опредѣленія же податной тягости, упадающей на землю крестьянскихъ надѣловъ, необходимо принять въ соображеніе 34.500,000 рублей оброчной подати, половину поземельнаго государственнаго сбора, упадающаго на крестьянскую землю, что̀ составитъ около 4.000,000 руб., выкупные платежи за земли государственныхъ крестьянъ 2.600,000 руб., выкупные платежи бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ въ размѣрѣ 3.064,000 р., выкупные платежи крестьянъ-собственниковъ, окладъ которыхъ въ 1874 году доходилъ до 40.000,000 рублей, и, наконецъ, оброки въ пользу помѣщиковъ, не приступившихъ къ выкупу. Хотя этотъ послѣдній поземельный сборъ и неизвѣстенъ въ точности, но такъ какъ количество душъ крестьянъ, остающихся въ положеніи временно-обязанныхъ еще и теперь болѣе двухъ милліоновъ, то и оброчная сумма по 9 руб. съ души, платимая этими крестьянами, составляетъ не менѣе 19.000,000 руб. Складывая эти цифры вмѣстѣ, получимъ сумму около 103 милліоновъ, которую оплачиваетъ крестьянская земля, что̀ составитъ, въ общемъ среднемъ выводѣ, налогъ почти по 1 руб. съ десятины, такъ какъ крестьяне всѣхъ наименованій, въ общей сложности, получили въ надѣлъ до 107 мил. десятинъ. Если же принять въ соображеніе, что многіе крестьяне прекратили свои обязательныя отношенія къ помѣщикамъ, получивъ отъ нихъ даровой надѣлъ и, слѣдовательно, не участвуютъ въ платежѣ поземельныхъ сборовъ и что распредѣленіе этихъ платежей между государственными крестьянами и крестьянами-собствен-

никами не одинаково, а падаетъ на послѣднихъ въ бо́льшемъ размѣрѣ, то эти сборы представляются обременительными, въ особенности тамъ, гдѣ вся рента съ земли не въ состоянiи оплачивать подобный налогъ. Между тѣмъ, такихъ мѣстностей, въ которыхъ рента далеко ниже рубля съ десятины, у насъ очень много, въ особенности въ сѣверной и средней полосѣ Россiи. Насколько обременительны эти платежи для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ видно изъ слѣдующихъ цифръ: число ихъ составляетъ около 10 мил., а земли въ надѣлъ они получили до 35 мил. десятинъ, съ которой уплачиваютъ выкупныхъ платежей и оброковъ до 59 мил. и поземельнаго государственнаго сбора 2 мил., всего 61 мил., что̀ составляетъ 1 р. 74 коп. съ десятины, кромѣ подушныхъ налоговъ и мѣстныхъ земскихъ сборовъ.

Въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», говоря объ общихъ итогахъ нашихъ бюджетовъ, я обѣщалъ читателю указать, какими средствами достигнуто у насъ возвышенiе доходовъ, а также, какими путями часть народнаго капитала переходитъ въ кассы государственнаго казначейства, образуя въ народной промышленности тотъ дефицитъ, который пополняется займами промышленности. Разсмотрѣнiе первой цифры нашего бюджета представляетъ къ этому очень удобный поводъ.

Чтобъ отвѣчать на первую часть вопроса, необходимо сравнить цифру предположеннаго на 1876 годъ дохода съ цифрою 1866 года, но, такъ какъ въ предположенныхъ сметахъ на 1875 и 1876 годы, въ число податей включены какъ подушный, такъ и поземельный государственный земскiй сборъ, и такъ какъ изъ публикованной росписи не видно, какая часть этой суммы ожидается отъ этихъ послѣднихъ сборовъ, то мнѣ приходится сдѣлать сравненiе между поступленiемъ 1867 и 1876 годовъ. Сопоставляя же цифры этихъ годовъ, найдемъ, что количество податей возрасло съ 65 мил. до 95 мил., но въ послѣднюю цифру включены доходы Царства Польскаго, не заключавшiеся въ первой и доходящiе до 7 мил. руб. Слѣдовательно, доходъ отъ податей, вслѣдствiе возвышенiя подушной подати въ 1867 году и болѣе исправнаго поступленiя недоимокъ, возросъ на 23 мил., т. е. на 35%. Возвышенiе существовавшаго въ то время оклада въ 1 руб. 29 коп. съ души, въ общей сложности на 50 коп., хотя и сопровождалось нѣкоторой болѣе уравнительной раскладкой по мѣстностямъ, начиная отъ 1 р. 18 коп. съ осѣдлыхъ инородцовъ Тобольской Губ. до 2 р. 61 коп. съ колонистовъ Одесскаго Уѣзда (см. вѣдом., приложенную къ мнѣнiю государственнаго совѣта, высочайше утвержденному 18-го iюня 1867 года), но тѣмъ не менѣе оно не согласовалось съ общими началами, которыя положены въ основанiе положенiя 19-го февраля, и съ закономъ о переложенiи подушной подати съ мѣщанъ на городскую недвижимую собственность. Оба эти закона имѣли въ виду облегчить положенiе рабочаго класса и позволяли надѣяться, что

послѣдній законъ составляетъ только первый шагъ къ уничтоженію подушной подати, между тѣмъ, подобнымъ ожиданіямъ не суждено было исполниться, и налогъ, возвышенный въ 1864 году на 20 к. съ души вновь возвышенъ на 50 к. въ 1867 году. Между тѣмъ, неудовлетворительность подушной подати сознана была еще въ 1858 году, и тогда же учреждена была комиссія для изысканія средствъ къ замѣнѣ этого налога другимъ, менѣе обременительнымъ и болѣе соотвѣтствующимъ раціональнымъ началамъ финансовой науки. Послѣдняя давно уже осудила налогъ на трудъ, какъ падающій на самый необезпеченный въ имущественномъ отношеніи классъ общества и потому нетолько обременительный, но и невыгодный въ фискальномъ отношеніи. Я говорю невыгодный на томъ простомъ основаніи, что значительная цифра его въ бюджетѣ лишаетъ бюджетъ необходимой твердости, такъ какъ нѣтъ никакихъ гарантій въ вѣрности его поступленій. Въ настоящее время, недоимки въ податяхъ превышаютъ 23 мил. рублей, и онѣ возрастали бы постоянно и въ значительныхъ размѣрахъ, еслибъ не складывались со счетовъ по безнадежности взысканій. Такъ въ 1874 году сложенныя недоимки по этой причинѣ составляютъ болѣе 10% всей суммы недоимокъ, т. е. доходятъ почти до $2^1/_2$ мил. руб. (см. прил. къ отчету госуд. контр. № 9). Но и такіе результаты получаются только при содѣйствіи особенныхъ мѣръ взысканія недоимокъ. Успѣшное ихъ взысканіе, по странному стеченію обстоятельствъ, признается въ нашей практикѣ лучшимъ признакомъ, рекомендующимъ полицейскаго чиновника: послѣдній можетъ ожидать вѣрнаго отличія по службѣ, если дѣйствуетъ усердно на этомъ поприщѣ. Между тѣмъ, причины неплатежа могутъ быть весьма различны, но совершенно неуловимы для законодательства и, потому опредѣленіе ихъ зависитъ только отъ усмотрѣнія командированнаго для взысканія чиновника. Понятно, что, если начальство цѣнитъ заслуги послѣдняго по степени успѣшности поступленія недоимокъ, то недостатка въ строгихъ мѣрахъ взысканія быть не можетъ: за это ручается вся наша служебная практика. Такимъ образомъ, является или продажа скота съ торговъ, или отдача людей въ заработокъ за дешевую цѣну; а жаловаться на подобныя мѣропріятія и не куда, да и нѣтъ повода, хотя причины неплатежа могутъ быть таковы, что, въ интересахъ фискальныхъ, для того, чтобъ не подрывать самые источники государственнаго дохода, слѣдовало бы нетолько отсрочить взысканіе, но даже сложить его. Подобныя мѣры падаютъ прямо на народный капиталъ, составляющій будущій источникъ государственнаго дохода, а, между тѣмъ, эти мѣры нетолько не порицаются, но составляютъ чиновнику хорошую репутацію, а иногда ведутъ и къ отличію по службѣ. Подобные факты извѣстны каждому, кто живалъ въ провинціи, и намъ нѣчего указывать на примѣры. Эта истина до того несомнѣнна, что земства всѣхъ губерній почти единогласно высказались противъ сохра-

ненія нынѣшней подушной подати, и, хотя сами члены земскихъ собраній принадлежатъ къ классамъ имущественнымъ, но неудобства этого налога такъ значительны, что собранія ходатайствовали о замѣнѣ его подоходнымъ налогомъ. Неравномѣрность, и обременительность подушной подати увеличивается въ громадныхъ размѣрахъ именно вслѣдствіе строгихъ мѣръ, употребляемыхъ довольно часто безъ особой осмотрительности. При той степени умственнаго и нравственнаго развитія, на которой находится большинство чиновъ, завѣдывающихъ взысканіемъ недоимокъ и при системѣ наградъ и поощреній за ихъ успѣшное поступленіе, нельзя и требовать отъ нихъ подобной осмотрительности и вѣрной оцѣнки положенія дѣлъ. Не говоря уже о томъ, что мѣрою продажи скота съ торговъ и, разумѣется, за безцѣнокъ, налогъ взыскивается не съ дохода, а съ капитала плательщика и что невыгодность подобной мѣры въ видахъ фискальныхъ очевидна, я долженъ замѣтить, что принудительная отдача въ заработокъ приноситъ едва ли еще не большій вредъ, вслѣдствіе того, что эта мѣра употребляется чаще и на ней основана цѣлая масса злоупотребленій, которыми эксплуатируется самый бѣдный классъ населенія. Ловкіе эксплуататоры, по стачкѣ съ волостными правленіями и полицейскими чинами, пользуются тѣми моментами, когда производится взысканіе и являются съ предложеніями задатковъ на будущую работу. Крестьянинъ, вынужденный выбирать между полученіемъ задатка и продажей его имущества съ торговъ, разумѣется, идетъ на всякія условія, и вотъ причина нетолько его постояннаго обѣднѣнія, о которомъ получаются извѣстія со всѣхъ сторонъ, но и источникъ жалобъ на недобросовѣстность исполненія заключенныхъ договоровъ найма. На подобный договоръ крестьянинъ не можетъ смотрѣть иначе, какъ на вынужденный заемъ, заключенный имъ вслѣдствіе необходимости, на весьма невыгодныхъ для него условіяхъ. Мнѣ кажется, что прежде, чѣмъ говорить о недобросовѣстности рабочихъ и необходимости обезпечить святость договоровъ личнаго найма, нужно исправить несправедливость по отношенію къ рабочему люду, и избавить его отъ налога на его личный трудъ — налога, поступленіе котораго даетъ поводъ къ эксплуатаціи народа. Если составленный проектъ о наймѣ рабочихъ, разсмотрѣніе котораго происходило недавно въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, не встрѣтилъ одобренія со стороны гг. членовъ, то мнѣ кажется, что эта послѣдняя мысль была главнымъ мотивомъ просвѣщеннаго взгляда гг. членовъ государственнаго совѣта, хотя, быть можетъ, она и не высказана была въ ихъ рѣшеніи. Мое личное уваженіе къ нимъ заставляетъ меня такъ думать, и я убѣжденъ, что рѣшеніе государственнаго совѣта по этому поводу составляетъ важную заслугу передъ отечествомъ—заслугу, которой исторія не забудетъ. Еслибъ послѣдствіемъ такого рѣшенія была даже только одна отсрочка въ разсмотрѣніи закона объ обезпеченіи дого-

вора найма, то и она имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ время укажетъ всю несостоятельность раздающихся возгласовъ о бѣдственномъ положеніи нанимателей и заставитъ людей, ихъ высказывающихъ, устыдиться своихъ мнѣній.

Несмотря, однако-жь, на всю необходимость замѣны подушной подати другимъ, болѣе справедливымъ налогомъ—необходимость, сознанную еще до отмѣны крѣпостнаго права, вопросъ этотъ остается до сихъ поръ только вопросомъ и не переходитъ въ дѣйствительность. Въ 1871 году, казалось, что онъ былъ поставленъ на очередь. Комиссія, работавшая надъ нимъ долгое время, составила, наконецъ, проектъ, который былъ переданъ на обсужденіе земскихъ собраній. Проектъ этотъ не встрѣтилъ одобренія въ этихъ собраніяхъ, и почти всѣ они высказались за окончательное перенесеніе этого налога съ труда на имущество и такимъ единодушно выраженнымъ желаніемъ, повидимому, облегчили разрѣшеніе весьма труднаго вопроса. Я говорю облегчили, потому что всякій новый законъ, къ которому относится общество сочувственно, конечно, удобнѣе и легче войдетъ въ жизнь. Тѣмъ не менѣе, съ той поры всякій слухъ о реформѣ въ податной системѣ прекратился, и мнѣ, конечно, неизвѣстны причины, которыя мѣшаютъ дальнѣйшему движенію этого вопроса въ офиціальныхъ сферахъ. Но въ обществѣ объ этомъ говорятъ и говорятъ очень различно. Многіе думаютъ, что нѣтъ никакой надобности приступать къ финансовымъ реформамъ на томъ основаніи, что положеніе государственнаго казначейства вполнѣ удовлетворительно, такъ какъ дефицита нѣтъ, а есть, напротивъ, избытокъ доходовъ: кредитъ же Россіи такъ проченъ, что она можетъ заключить какой угодно заемъ, даже не прибѣгая вовсе къ заграничнымъ биржамъ. Впрочемъ, я не думаю, чтобъ этотъ оптимистическій взглядъ господствовалъ въ нашихъ правительственныхъ сферахъ, такъ какъ заботиться объ лучшемъ устройствѣ финансоваго дѣла только и возможно тогда, когда положеніе дѣлъ благопріятно, а не тогда, когда стѣсненныя обстоятельства окончательно связываютъ руки и заставляютъ по необходимости оставаться при старыхъ порядкахъ, изъ опасенія потерять извѣстную часть дохода, хотя бы временно, и тѣмъ затруднить дѣйствіе административнаго механизма. Къ тому же я не считаю возможнымъ думать, чтобы одинъ только недостатокъ средствъ былъ побудительнымъ мотивомъ къ болѣе правильному и справедливому распредѣленію государственныхъ тягостей. Но есть и другія мнѣнія, повидимому, болѣе основательныя. Говорятъ, что дѣйствительное обремененіе составляетъ не подушный окладъ, а выкупные платежи, такъ какъ первый составляетъ для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ только четвертую часть платимыхъ ими сборовъ, а потому замѣна подушной подати другимъ налогомъ будетъ мѣрою пальятивной, мало поправляющей дѣло; что, если предпринимать серьёзное улучшеніе быта крестьянскаго сословія, то необходимо облегчить крестьянъ въ дѣлѣ выкупа

ихъ надѣловъ, такъ какъ возлагать только на нихъ однихъ тяжесть прекращенія крѣпостныхъ отношеній несправедливо уже потому, что они вовсе неповинны въ установленіи этихъ отношеній и страдали отъ существованія ихъ болѣе, чѣмъ другіе классы общества. Въ теоріи, справедливость подобнаго взгляда на дѣло не можетъ быть отрицаема; скажу болѣе: даже и на практикѣ, препятствія къ пониженію выкупныхъ платежей представляются не въ существѣ дѣла, а только съ той точки зрѣнія, съ которой у насъ привыкли смотрѣть на значеніе этого вопроса. Но, каковы бы ни были практическія затрудненія, они есть и ихъ отрицать нельзя, а потому подобный взглядъ не выдерживаетъ критики. Нельзя отказывать людямъ въ облегченіи ихъ положенія только потому, что нельзя для нихъ сдѣлать бо̀льшаго. Мнѣ кажется, что люди, разсуждающіе подобнымъ образомъ, желая вполнѣ справедливаго рѣшенія вопроса, только отдаляютъ возможность какихъ бы то ни было улучшеній именно тѣмъ, что указываютъ людямъ другаго сорта приличный предлогъ, оправдывающій удержаніе старыхъ порядковъ. Мнѣ кажется, что усложнять вопросъ о переложеніи подушной подати съ душъ на имущество и доходы указаніемъ на то обстоятельство, что выкупные платежи все-таки остаются тяжелымъ бременемъ, по меньшей мѣрѣ, неосновательно и въ высшей степени непрактично. Вопросъ о переложеніи подушной подати созрѣлъ совершенно, и даже общество наше, какъ показали мнѣнія земскихъ собраній, вполнѣ готово къ подобной мѣрѣ и встрѣтитъ ее очень сочувственно, тогда какъ вопросъ о выкупныхъ платежахъ представляется гораздо болѣе затруднительнымъ нетолько для общественнаго сознанія, но и для практическаго выполненія подобной реформы. Скажу болѣе: необходимость разрѣшенія податнаго вопроса въ настоящее время сдѣлалась очевидной и служитъ препятствіемъ нетолько къ разрѣшенію многихъ другихъ вопросовъ, но ко всякому дальнѣйшему развитію нашего отечества. Насколько, прежде, крѣпостное право было камнемъ преткновенія для всѣхъ другихъ реформъ, настолько, въ настоящее время, податной вопросъ парализуетъ всякое улучшеніе. Вопросы о паспортахъ, о наймѣ рабочихъ, о переселеніяхъ тѣсно связаны съ вопросомъ податнымъ и не могутъ сдѣлать шагу впередъ, чтобы не встрѣтить затрудненій въ нашей податной системѣ, а, вслѣдствіе этого, у насъ есть рабочія руки тамъ, гдѣ нѣтъ работъ, и лежатъ не тронутыя богатства тамъ, гдѣ нѣтъ рабочихъ рукъ. Возможно ли думать, при такихъ обстоятельствахъ, о развитіи промышленности и дѣйствительномъ, а не призрачномъ только улучшеніи нашего финансоваго положенія?

Другая статья нашихъ прямыхъ налоговъ, а именно за право торговли и промысловъ, представляется мнѣ также ненормальной, но по совершенно другимъ основаніямъ. Насколько подушная подать является обременительною, настолько налогъ на торговлю оказывается ничтожнымъ по своимъ размѣрамъ. За по-

слѣднія пять лѣтъ этотъ налогъ даетъ отъ 12 до 13 мил. р.— не болѣе, между тѣмъ какъ онъ, безъ малѣйшаго обремененія плательщиковъ, могъ бы дать нетолько двойную, но даже тройную сумму. Говоря такимъ образомъ, мы нисколько не закрываемъ глазъ на то обстоятельство, что часть этого налога, по скольку онъ падаетъ на промыслы, является въ высшей степени обременительной. Въ самомъ дѣлѣ, если мы сравнимъ плату за различнаго рода свидѣтельства на торговлю и промыслы, если мы, при этомъ, взглянемъ на громадную разницу тѣхъ оборотовъ, на которые даютъ право эти свидѣтельства, то мы поймемъ ничтожность обложенія крупныхъ оборотовъ и то бремя, которое лежитъ на простомъ работникѣ, заработывающимъ себѣ и своей семьѣ насущный хлѣбъ. Возьмемъ въ примѣръ с.-петербургское общество взаимнаго кредита, которое ведетъ постоянный оборотъ на 50 мил. рублей и котораго барыши заходятъ далеко за полмилліона рублей, и простаго ремесленника, лишившагося почему-либо мѣста и работающаго у себя на квартирѣ за свой собственный счетъ. Первое обязано имѣть свидѣтельство въ 265 рублей, которые составятъ лишь часовой барышъ этого учрежденія, а второй обязанъ заплатить 2 руб. 50 коп. за одно право на трудъ. Не говоря уже о томъ, что человѣкъ имѣетъ естественное и неотъемлемое право трудиться и безъ нарушенія справедливости нельзя заставлять его покупать это право, необходимо замѣтить, что подобное правило на практикѣ дѣлается положительно неисполнимымъ. Человѣкъ, не имѣющій средствъ къ жизни, долженъ, прежде всего, ихъ заработать, и только излишекъ его труда можетъ подлежать налогу, если только признаётся возможнымъ подвергать обложенію всякій избытокъ труда. Но здѣсь законъ является болѣе строгимъ; онъ говоритъ человѣку: нѣтъ, ты прежде заплати налогъ, потомъ ты получишь право работать и, заработавши деньги, будешь въ состояніи удовлетворять свои потребности. Но возможенъ ли подобный порядокъ на практикѣ? Положительно—нѣтъ; и человѣкъ поставленъ въ необходимость или обходить законъ или продавать свой трудъ другому лицу, не имѣя никакой возможности трудиться самостоятельно. Такимъ образомъ, законъ, содѣйствуетъ расширенію наемнаго труда въ ущербъ самостоятельнаго и, слѣдовательно, косвенно вліяетъ на увеличеніе предложенія труда, т. е. на пониженіе заработной платы. Всякая попытка работать за свой счетъ у себя дома, въ своей семьѣ, но безъ взятія свидѣтельства, подвергаетъ рабочаго штрафу втрое противъ цѣны этого свидѣтельства, т. е. 7 р. 50 к. Если у насъ и существуетъ еще самостоятельный трудъ, то благодаря только невозможности наблюдать за строгимъ исполненіемъ этого закона. Но мы не можемъ себѣ представить всѣхъ вредныхъ послѣдствій для мелкихъ городскихъ ремесленниковъ, еслибъ исполненіе закона было вполнѣ обезпечено. Представьте себѣ, читатель, человѣка, работавшаго гдѣ-либо по найму и по какимъ-либо обстоятельствамъ потерявшаго

мѣсто. До полученія новаго мѣста ему жить надо и необходимо что-нибудь работать, но онъ не имѣетъ права взять на квартиру къ себѣ никакой работы, не имѣя свидѣтельства на мѣщанскіе промыслы, платить за которое было бы слишкомъ дорого, если онъ намѣренъ вновь поступить по найму и беретъ работу только временно. Одна невозможность наблюденія со стороны торговыхъ депутацій за строгимъ примѣненіемъ закона спасаетъ этихъ бѣдняковъ отъ голода или преступленія; иначе имъ пришлось бы плохо.

Если мы возьмемъ другой разрядъ свидѣтельствъ, а именно свидѣтельствъ на мелочной торгъ, то найдемъ, что и они несутъ налогъ гораздо болѣе обременительный по средствамъ плательщиковъ, чѣмъ гильдейскія свидѣтельства. Законъ дѣлитъ торговлю на оптовую, розничную и мелочную и, въ размѣрахъ платежа съ каждаго изъ этихъ разрядовъ торговли, установляетъ различную сумму сборовъ. Свидѣтельства 1-й гильдіи оплачиваются одинаково для всей Россіи суммою въ 265 руб. и торгующимъ по свидѣтельствамъ этого рода дозволяется право оптоваго торга. За свидѣтельсва 2-й гильдіи установляется плата отъ 65 руб. въ мѣстности 1 класса, до 25 руб. въ мѣстности 5 класса правомъ розничной торговли. Наконецъ, для мелочной торговли устанавливаются промысловыя свидѣтельства, за которыя взыскивается отъ 20 руб. въ мѣстности перваго класса, до 8 руб. въ мѣстности 5 класса. Кромѣ того, каждое торговое заведеніе оплачиваетъ особый билетный сборъ, который различается какъ по роду свидѣтельствъ, такъ и по мѣстности отъ 30 до 2 руб.

Начать съ того, что привести правильное разграниченіе между оптовой, розничной и мелочной торговлей въ законѣ положительно невозможно и тѣмъ менѣе возможно наблюсти за исполненіемъ этого закона на практикѣ. Повидимому, составители закона сознавали это неудобство и потому нѣкотораго рода торговые обороты отнесены къ разрѣшеннымъ только по свидѣтельствамъ первой гильдіи, другіе же — къ мелочнымъ. Такъ, напримѣръ, банковыя операціи или комиссіонныя могутъ производиться только по свидѣтельству 1 гильдіи. Для торговли же по свидѣтельству на мелочной торгъ существуютъ въ законѣ два отдѣльныхъ росписанія, изъ которыхъ, по первому, можно торговать въ гостиныхъ дворахъ, а по другому—въ мелочныхъ лавочкахъ.

Въ настоящей статьѣ я считаю неудобнымъ перечислять товары того и другого росписанія, но не могу не замѣтить, что эти росписанія составлены безъ особыхъ основаній и безъ всякаго знакомства съ торговлей. Въ подтвержденіе сказаннаго укажу только, что въ росписаніи товаровъ, которыми дозволено торговать по свидѣтельствамъ на мелочной торгъ въ лавочкахъ внѣ гостиныхъ дворовъ, поименованы всѣ товары, которыми торгуютъ наши колоніальные магазины, и, кромѣ того, многіе

другіе. Такимъ образомъ, по этимъ свидѣтельствамъ можно вести огромную торговлю на сотни тысячъ рублей, и такое же точно свидѣтельство нужно имѣть для ничтожной табачной лавочки. Пусть читатель сравнитъ эти росписанія со всѣми другими предметами розничной торговли и онъ рѣшительно не будетъ въ состояніи понять, почему для торговли другими товарами нужно имѣть гильдейское свидѣтельство, а для помѣщенныхъ въ росписаніи—свидѣтельство на мелочной торгъ. Тѣми и другими можно торговать и въ огромныхъ размѣрахъ, и въ ничтожномъ количествѣ. Въ первомъ случаѣ, налогъ можетъ быть выручень барышомъ отъ одной значительной сдѣлки, тогда какъ, во второмъ, весь барышъ состоитъ только въ заработной платѣ, которую торговецъ получаетъ за свой трудъ, такъ какъ весь товаръ, находящійся въ его лавкѣ, представляетъ ничтожную цѣнность, часто даже взятую въ кредитъ. Выше было замѣчено, что сдѣлать различіе между оптовой и розничной торговлей рѣшительно нѣтъ никакой возможности, и всякій торговецъ, по отношенію къ болѣе крупному торговцу, можетъ быть названъ розничнымъ, а, по отношенію къ болѣе мелкому—оптовымъ. Указать на практикѣ, когда торговецъ долженъ имѣть свидѣтельство 1-й и когда 2-й гильдіи, положительно нѣтъ никакихъ средствъ, если онъ не входитъ въ подряды съ казною болѣе, чѣмъ на сумму въ 15,000 руб. или не обязывается векселями на эту сумму. Впрочемъ, свидѣтельство 2-й гильдіи нисколько не стѣснитъ его право обязываться векселями, такъ какъ онъ имѣетъ возможность, вмѣсто одного, выдать нѣсколько векселей. Для бо̀льшаго уясненія нашей мысли, возьмемъ въ примѣръ с.-петербургское общество взаимнаго кредита, которое имѣетъ пять милліоновъ оборотнаго капитала, и табачную лавочку, въ которой товару не болѣе, какъ на 100 руб. Первое заплатитъ 265 руб. за свидѣтельство и 30 руб. за билетъ, а вторая—20 р. за свидѣтельство и 8 руб. за билетъ. Въ первомъ случаѣ, это будетъ 0,006% съ капитала, тогда какъ во второмъ—28%. Эти двѣ послѣднія цифры говорятъ весьма убѣдительно о неравномѣрности распредѣленія налога. Если капиталъ мелочнаго торговца предположить даже въ 1,000 руб., то и тогда это будетъ налогъ на капиталъ въ 2,8%, и, если въ этомъ размѣрѣ обложить банковые обороты, то съ капитала въ 5 милліоновъ руб. пришлось бы заплатить налога 140,000 рублей, вмѣсто нынѣшнихъ 295 руб.

Мнѣ бы казалось, что торговые обороты въ Россіи могли бы, безъ всякаго обремененія, выдержать значительный налогъ, способный вполнѣ замѣнить собою подушную подать, но для этого нужны другія основанія обложенія. Наша биржа, которая совершаетъ громадные обороты, не несетъ никакого налога; наши банки, банкирскія конторы, громадные магазины, производящіе милліонные обороты, безъ сомнѣнія, могли бы удѣлить извѣстный процентъ съ тѣхъ барышей, которыми они пользуются, благода-

ря существующему государственному порядку, а этотъ процентъ, конечно, далеко бы оставилъ за собою нынѣшній ничтожный налогъ въ 295 руб., если бы количество оборотовъ было принято во вниманіе при распредѣленіи налога. Если точный учетъ торговыхъ оборотовъ и соразмѣрное съ ними обложеніе торговли, при настоящихъ условіяхъ общественной жизни, не могутъ осуществиться на практикѣ, то это все-таки не составляетъ препятствія къ болѣе правильному обложенію торговли. Совершенство не есть удѣлъ человѣческихъ учрежденій, и на первый разъ достаточно было бы и того, чтобы неравномѣрность налога не бросалась въ глаза, а это въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію. Долго думая объ этомъ вопросѣ, я рѣшаюсь высказать нѣсколько мыслей, которыя могли бы, какъ мнѣ кажется, служить основаніемъ болѣе равномѣрнаго обложенія торговли. Прежде всего, я думаю, что предметомъ обложенія долженъ быть не родъ занятія, а торговое заведеніе. Различіе же между безчисленными торговыми заведеніями должно быть установлено на основаніи нѣкоторыхъ характеристичныхъ признаковъ. Такъ, одинъ изъ этихъ признаковъ, по которымъ различается доходность торговли, принимается въ разсчетъ и нашимъ законодательствомъ: это—мѣстность, въ которой находится торговое заведеніе. Это условіе различія имѣетъ полное основаніе, и доказывать его раціональность я не считаю нужнымъ, такъ какъ она очевидна для всякаго. Мнѣ бы казалось только необходимымъ въ этомъ отношеніи дополнить наше законодательство тѣмъ правиломъ, чтобъ мѣстные органы самоуправленія имѣли право раздѣлить городъ, также по различію мѣстности, и установленную закономъ цифру обложенія повысить или понизить для отдѣльныхъ мѣстностей города съ тѣмъ, чтобы общая сумма, налога слѣдующая по количеству единицъ обложенія, не уменьшалась. Другимъ условіемъ различія между торговыми заведеніями слѣдовало бы принять предметы торговли, и въ этомъ отношеніи, въ видахъ упрощенія задачи, принять только три класса: предметы роскоши, предметы обыкновенныхъ потребностей достаточнаго класса людей и, наконецъ, предметы первой необходимости человѣка. Я нисколько не закрываю глазъ на то обстоятельство, что провести границы между тремя видами этой торговли будетъ отчасти затруднительно; но мнѣ кажется, что разрѣшеніе этой задачи, всетаки, гораздо легче, чѣмъ опредѣлить, напримѣръ, какими товарами можно торговать по гильдейскому свидѣтельству, или по свидѣтельству на мелочной торгъ, и притомъ—въ гостинномъ дворѣ и внѣ онаго; во всякомъ случаѣ, для разрѣшенія указанной мною задачи могутъ быть пріисканы менѣе произвольныя основанія. Затѣмъ, третьимъ признакомъ различія торговыхъ заведеній слѣдовало бы принять пространство, занимаемое торговымъ помѣщеніемъ, единицей же облаженія—кубическую сажень этого пространства, возвышая его по роду торговли и мѣстности. Что же касается банковыхъ опе-

рацій всѣхъ видовъ, акціонерныхъ обществъ, комиссіонныхъ и нотаріальныхъ конторъ и, вообще, такихъ торговыхъ операцій, которыя могутъ подлежать публичной отчетности, то обложеніе таковыхъ сверхъ означеннаго торговаго сбора можетъ быть сдѣлано по количеству приносимаго ими дохода. Что̀ касается до цифры обложенія, то она не составляетъ предмета теоретическаго изслѣдованія и должна опредѣлиться въ видахъ практическихъ, т. е. зависитъ отъ той цифры, которую было бы признано необходимымъ получить посредствомъ этого налога. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что, при подобныхъ основаніяхъ, финансовое управленіе могло бы возвышать цифру обложенія съ гораздо меньшимъ рискомъ обременить самыя источники государственнаго дохода, такъ какъ налогъ упалъ бы не на потребленіе, а на доходъ торгующаго капиталиста, который не въ состояніи переложить налогъ на цѣну своихъ товаровъ: конкуренція не допуститъ возможности этого переложенія. Налогъ на подобныхъ основаніяхъ сохранилъ бы, какъ мнѣ кажется, характеръ налога на ренту, который никогда не можетъ быть переведенъ на потребителя и всегда упадетъ на доходъ собственника, и потому налогъ этотъ будетъ гораздо менѣе обременительнымъ и поступленіе его будетъ болѣе обезпеченнымъ.

Изложивъ главныя основанія болѣе равномѣрнаго распредѣленія налога на торговлю, я считаю излишнимъ входить въ подробности; точно также я оставляю въ сторонѣ способы практическаго примѣненія и мѣры, необходимыя для наблюденія за исполненіемъ закона, но не могу не замѣтить, что ревизія торговыхъ заведеній дѣлается и нынѣ, а, при указанныхъ мною условіяхъ, она значительно облегчается, такъ какъ признаки различнаго рода торговыхъ заведеній болѣе очевидны, нежели установленные нынѣ дѣйствующимъ законодательствомъ. Конечно, противъ этихъ предложеній можно сказать очень многое, но мнѣ кажется, что такой налогъ ближе подойдетъ къ характеру подоходнаго налога, а опытъ и практика дадутъ впослѣдствіи средства къ дальнѣйшему его усовершенствованію и выработаютъ данныя для опредѣленія дѣйствительной доходности этой промышленности; настоящія же условія взиманія этого налога не подвигаютъ въ этомъ отношеніи нисколько впередъ.

Слѣдуя по порядку государственной росписи, я перехожу къ разсмотрѣнію нашихъ косвенныхъ налоговъ. Что̀ бы ни говорили чистые теоретики о вредѣ косвенныхъ налоговъ, государства не въ состояніи обойтись безъ нихъ при существующихъ условіяхъ общественной жизни. Громадныя государственныя потребности, обусловливаемыя всѣмъ политическимъ строемъ Европы, требуютъ средствъ для ихъ удовлетворенія во что̀ бы то ни стало, а, между тѣмъ, финансовая техника не выработала еще сколько-нибудь правильныхъ пріемовъ для справедливаго взиманія подоходнаго налога, составляющаго, къ сожалѣнію, только идеалъ нашего времени. Такимъ образомъ, для всѣхъ европей-

скихъ государствъ остается печальная необходимость оставаться при системѣ косвенныхъ налоговъ, несмотря на неуравнительность ихъ распредѣленія въ средѣ плательщиковъ. Я говорю *печальная* именно потому, что налоги съ потребленія предметовъ роскоши даютъ весьма немного по каждой отдѣльной статьѣ и, слѣдовательно, для того чтобъ дать значительную сумму, должны падать на множество предметовъ, вслѣдствіе чего издержки взиманія поглощаютъ бо̀льшую часть налога и правительственная дѣятельность усложняется до невозможности слѣдить за правильностію сборовъ. На этомъ основаніи бо̀льшая часть европейскихъ государствъ поставлена въ необходимость облагать предметы потребленія, въ которыхъ нуждаются или всѣ классы общества, или большинство ихъ, т. е., вопреки требованіямъ справедливости, облагать бѣднаго наравнѣ съ достаточнымъ или богатымъ человѣкомъ. При этомъ необходимо принять въ соображеніе, что налогъ этотъ уплачивается въ казну первоначально производителемъ и взимается съ потребителя только впослѣдствіи, въ видѣ цѣны продукта, вслѣдствіе чего самый продуктъ монополизируется и возвышается въ цѣнѣ гораздо болѣе, чѣмъ на цифру налога. Само собою разумѣется, что это возвышеніе цѣны тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше налогъ и чѣмъ бо̀льшее число посредниковъ является между производителемъ и потребителемъ. Но, такъ какъ бѣдный потребитель пріобрѣтаетъ предметы своего потребленія въ незначительныхъ количествахъ изъ мѣстъ раздробительной продажи, онъ, естественно, несетъ налогъ въ бо̀льшихъ размѣрахъ въ сравненіи съ человѣкомъ достаточнымъ, который можетъ обойти мелкаго торговца и пріобрѣсти товаръ отъ болѣе крупнаго. Такія условія взиманія косвенныхъ налоговъ (а другихъ условій взиманія мы не знаемъ) дѣлаютъ ихъ еще болѣе неравномѣрными, въ особенности при высокой цифрѣ обложенія.

Несмотря, однакожь, на всѣ неудобства косвенныхъ налоговъ, система взиманія ихъ только съ нѣкоторыхъ болѣе общихъ предметовъ потребленія является почти исключительной въ Европѣ, и эти доходы составляютъ главную массу государственныхъ доходовъ. Только Франція, послѣ послѣдней войны, будучи въ необходимости возвысить разомъ налоги на 25%, установила цѣлую массу новыхъ косвенныхъ налоговъ, между которыми встрѣчаются и такіе, которые не составляютъ предметовъ общей потребности, какъ напримѣръ, налогъ на экипажи и билліарды, но насколько эти налоги будутъ производительны и окупятъ ли они издержки взиманія—покажетъ время. Что̀ же касается налоговъ на предметы общаго потребленія, то удобство взиманія нѣкоторыхъ изъ нихъ и значительность цифры доставляемаго ими дохода заставляетъ финансистовъ Европы считать эти налоги главными рессурсами фиска. Государственные люди Европы заботятся только о томъ, чтобъ каждый отдѣльный налогъ не являлся, такъ сказать, центромъ тяжести бюджета и не возвышалъ бы предметъ потребленія настолько, чтобъ

контрабанда была особенно заманчива. Эти два условія финансовой практики необходимы на томъ простомъ основаніи, что слишкомъ большая цифра бюджета, упадающая на одну его статью, ставитъ самый бюджетъ въ довольно шаткое положеніе, въ зависимость отъ какихъ-либо случайныхъ обстоятельствъ, могущихъ вызвать значительное ограниченіе потребленія, а слишкомъ высокая цифра обложенія вызываетъ контрабанду, которая, въ виду значительныхъ выгодъ, не можетъ быть уничтожена никакимъ бдительнымъ и безупречнымъ надзоромъ. Это послѣднее обстоятельство тѣмъ враднѣе, что оно подрываетъ въ корнѣ самую промышленность, доставляющую значительный государственный доходъ и положительно деморализуетъ общество.

Изъ числа нашихъ косвенныхъ налоговъ, по цифрѣ доставляемаго дохода, само собою разумѣется, стоитъ на первомъ планѣ нитейный; затѣмъ идетъ таможенный, а далѣе—соляной, табачный и, наконецъ, свеклосахарный. Выше я указалъ, что питейный доходъ, по сметѣ на текущій годъ, составляетъ 35,9% общаго количества дохода, но, въ дѣйствительности, за 1874 годъ онъ превышаетъ этотъ процентъ и равняется 37,4%, т. е. отношеніе его къ общей цифрѣ дохода по сметѣ 1876 года понижено на $1^1/_2$%. Между тѣмъ, за 1867 годъ доходъ этотъ не составлялъ и 33% общей суммы дохода. Стало быть, въ теченіи 7-ми лѣтъ отношеніе это повысилось на $3^1/_2$%. Самая же цифра дохода за эти годы повысилась съ 133.929,646 р. до 200.792,573 руб. или на 66.862,927 р., т. е. доходъ возросъ на 50%. Впрочемъ, для правильной оцѣнки такого значительнаго и быстраго возрастанія этого дохода необходимо взглянуть на возрастаніе двухъ главныхъ статей этого дохода, а именно—акциза съ вина и патентнаго сбора, такъ какъ остальныя статьи не имѣютъ большаго значенія. Нижеслѣдующая таблица представляетъ цифры изъ отчета государственнаго контроля.

Годы.	Количество ведеръ безводнаго алкоголя, оплаченнаго акцизомъ.	Сумма поступившаго акциза съ вина.	Сумма патентнаго сбора.
1867	24.356,314	121.781,572	9.545,643
1868	24.252,170	121.260,852	9.089,140
1869	22.311,620	121.699,744	12.727,047
1870	24.856,328	149.137,973	11.079,773
1871	26.084,048	156.504,258	14.232.568
1872	25.900,896	155.405,376	13.143,530
1873	25.384,850	157.931,511	17.446,430
1874	25.072,271	175.505,899	20.446,918

Изъ этой таблицы оказывается, что наибольшее количество оплаченнаго акцизомъ спирта было въ 1871 году, и наиболѣе значительное уменьшеніе въ 1869 и 1873 годахъ, т. е. въ тѣ годы, когда акцизъ повышенъ. Очень значительное уменьшеніе, почти на 2 милл. ведеръ, въ 1869 году можетъ быть объяснено тѣмъ, что эта цифра—приблизительная. Такъ какъ съ

15-го іюня вино подлежало уже оплатѣ по 6 копеекъ съ градуса, то я предположилъ половину спирта, оплаченнаго акцизомъ въ этомъ размѣрѣ, но слишкомъ большая разница въ сравненіи съ 1868 годомъ заставляетъ думать, что виноторговцы оплатили до 15-го іюня значительное количество спирта прежнимъ размѣромъ акциза; поэтому очень возможно допустить, что эта цифра ниже дѣйствительной. Обстоятельство это указываетъ, какъ вредно дѣйствуютъ всякія перемѣны въ условіяхъ производства, въ особенности въ промышленности, обложенной такимъ высокимъ налогомъ: извѣстно, что въ 1869 году цѣны на вино, вслѣдствіе повышенія акциза, поднялись значительно. Между тѣмъ, казна, вслѣдствіе преждевременной оплаты спирта, ничего не получила, а потребитель, въ теченіи полугода, платилъ уже возвышенный налогъ, который поступилъ въ пользу виноторговцевъ. Количество акциза за 1868 и 1869 годы прямо подтверждаетъ это.

Въ послѣдніе три года, количество ведръ безводнаго алкоголя, оплаченнаго акцизомъ, понизилось болѣе, чѣмъ на милліонъ ведръ. На основаніи этихъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что и количество вообще выкуриваемаго спирта должно было уменьшиться, такъ какъ заводчикамъ предоставляется только извѣстный процентъ перекура. Между тѣмъ, въ винной торговлѣ замѣчается весьма странное и необычайное явленіе: цѣны на вино, въ особенности въ 1875 году, упали въ такой степени, какъ никто не запомнитъ. Въ Москвѣ цѣна на спиртъ не превышаетъ 1 коп. за градусъ, т. е. 40 коп. за ведро полугару, а, между тѣмъ, пудъ муки, изъ которой получается это количество спирта, стòитъ гораздо дороже. Вмѣстѣ съ этимъ, мы видимъ, что въ послѣдніе годы начинается вывозъ нашего спирта за границу. Кàкъ объяснить всѣ эти явленія, совершающіяся одновременно? Производство сокращается, рынокъ расширяется, а между тѣмъ, цѣны нетолько не повышаются, но падаютъ почти на половину, и нетолько не покрываютъ издержекъ производства, но не выручаютъ и цѣнъ за сырой матеріалъ, изъ котораго приготовляется продуктъ. И въ такомъ положеніи находится отрасль заводской промышленности, наиболѣе распространенная въ нашемъ очечествѣ, въ которой затрачены громадные капиталы и которая доставляетъ государству 200 милл. рублей годоваго дохода, т. е. болѣе, чѣмъ третью часть всѣхъ вообще доходовъ. Дà, отъ такого положенія дѣлъ нельзя ожидать ничего хорошаго въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что и объяснить его трудно. Только одно сокращеніе въ громадныхъ размѣрахъ внутренняго потребленія могло бы объяснить это сильное пониженіе цѣнъ на вино; но возможно ли предположить, что у насъ въ Россіи могло произойти сокращеніе потребленія въ такихъ размѣрахъ, чтобъ вызвать подобное небывалое паденіе цѣнъ? Смѣло даемъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, и читатель, конечно, согласится съ нами. Подобное сильное паденіе цѣнъ никогда не можетъ зави-

сѣть отъ сокращенія потребленія, такъ какъ первымъ его послѣдствіемъ всегда явится сокращеніе производства настолько, что цѣны не въ состояніи понижаться, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это происходитъ у насъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, еслибъ потребленіе вина у насъ сократилось значительно, то необходимо предположить какое-нибудь нравственное перерожденіе нашего рабочаго люда, которое совершилось внезапно, или полное разореніе, вслѣдствіе чего народу не на что̀ было бы покупать вина. Ни того, ни другого мы не видимъ, слѣдовательно, необходимо искать причинъ такого порядка вещей въ правилахъ, регулирующихъ нашу винокуренную промышленность и винную торговлю.

Разсматривая бюджетъ 1873 года, въ брошюрѣ «Вопросы государственнаго хозяйства», на стр. 20 я сказалъ: «Контрольные снаряды, которые теперь вводятся на заводахъ, отнимая возможность пользоваться улучшеніями и правомъ на безакцизную продажу извѣстнаго количества перекура, могутъ повести только къ тому, что нѣкоторые заводчики будутъ изыскивать средства, ка̀къ *бы заставить самый снарядъ дѣйствовать въ ихъ пользу*». Настоящее положеніе нашей винокуренной промышленности прямо доказываетъ, что предположеніе мое было вполнѣ основательно. Только значительной массой корчемнаго вина и можно объяснить тѣ явленія, на которыя я указывалъ выше. Кромѣ того, это подтверждается еще и судебной практикой. Знаменитое виленское дѣло доказало во очію справедливость моихъ предположеній, такъ какъ средства къ тому, чтобъ контрольный снарядъ дѣйствовалъ въ пользу заводчика, нетолько найдены, но и практикуются на дѣлѣ. Перегонка при высшей температурѣ, доходящей до перегонки чистой воды, вполнѣ достигаетъ цѣли. Но замѣчательно въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что департаментъ неокладныхъ сборовъ не нашелъ въ подобномъ пріемѣ ничего неправильнаго, хотя показанія контрольнаго снаряда при этомъ значительно понижались. Вліяніе температуры на измѣненіе крѣпости спирта, остающагося въ контрольномъ снарядѣ и служащаго мѣриломъ выкуреннаго вина, было упущено изъ вида, и такимъ образомъ виновные въ открытомъ злоупотребленіи были освобождены судомъ отъ всякой отвѣтственности.

Мнѣ могутъ возразить, что такой случай не повторится, потому что противъ него могутъ быть приняты мѣры. Я не буду спорить, но замѣчу, что подобный пріемъ могъ имѣть гибельныя послѣдствія для тѣхъ заводчиковъ, которые вели дѣло честно, а долго ли онъ практиковался и на сколькихъ заводахъ — это покрыто мракомъ неизвѣстности. Кромѣ того, исчерпывается ли этимъ однимъ пріемомъ возможность злоупотребленій на винокуренныхъ заводахъ? Положительно нѣтъ. Сегодня вы откроете злоупотребленіе и примите мѣры противъ него; завтра будетъ найдена возможность новыхъ приспособленій для того, чтобъ избѣжать дѣйствительнаго контроля и пріобрѣсти выгоды, въ особенности, когда чест-

нымъ веденіемъ дѣла можно только разориться. Частная изобрѣтательность и способность приспособляться къ извѣстнымъ условіямъ производства съ цѣлію избѣжать платежа налога всегда будутъ идти впереди законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій. Пока акцизный надзоръ замѣтитъ и откроетъ способъ злоупотребленій, пока будутъ установлены противъ нихъ извѣстныя мѣры, эти злоупотребленія пойдутъ своимъ порядкомъ, будутъ ставить всю промышленность на ложный путь и деморализировать даже такихъ заводчиковъ, которые, при другихъ условіяхъ, не рѣшились бы прибѣгать къ какимъ-либо изворотамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можно требовать отъ человѣка безусловной честности, когда онъ затратилъ свое достояніе въ промышленность и видитъ, что долженъ разориться вслѣдствіе того, что на другихъ заводахъ происходятъ злоупотребленія! Нельзя ставить человѣка въ такую дилемму, что онъ долженъ или потерять достояніе, или допустить злоупотребленіе. Все, чего можно ожидать даже отъ честнаго человѣка, это—то, что онъ передастъ дѣло съ значительной потерей въ руки афериста, который не остановится ни передъ чѣмъ въ виду извѣстныхъ выгодъ. Свѣдѣнія, получаемыя изъ провинціи, указываютъ все чаще и чаще на подобный переходъ винокуреннаго дѣла, и, если существующій порядокъ продолжится, то деморализація этой промышленности будетъ полная: тогда никакія мѣры не помогутъ.

Главная причина такого положенія дѣлъ лежитъ въ ошибочномъ взглядѣ на возможность получать большой доходъ съ одного предмета обложенія, т. е. въ чрезмѣрномъ возвышеніи налога. Даже принимая цѣну полугара въ оптовой продажѣ въ 60 коп. за ведро, акцизъ въ 7 коп. за градусъ, составляетъ налогъ въ 466% со стоимости продукта. Такимъ образомъ, выгода отъ корчемнаго вина представляется настолько громадною и заманчивою, что предотвратить корчемство не въ силахъ никакой надзоръ, а, при извѣстномъ уровнѣ нравственности въ нашемъ обществѣ, и притомъ сравнительно незначительномъ обезпеченіи низшаго акцизнаго надзора, можетъ случиться, что злоупотребленія, совершающіяся даже довольно явно, останутся незамѣченными и, притомъ, въ продолженіи долгаго времени. Но если злоупотребленія сдѣлались возможными настолько, что вліяютъ на пониженіе стоимости вина, тогда они должны идти *crescendo*, и усилія правительства искоренить ихъ будутъ тѣмъ болѣе парализованы, чѣмъ выше акцизъ. Чѣмъ усиленнѣе будетъ надзоръ, чѣмъ бо̀льшими формальностями будетъ обставлено это производство для избѣжанія злоупотребленій, тѣмъ меньше будетъ честныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ и тѣмъ вѣрнѣе будетъ укореняться убѣжденіе въ обществѣ, что дѣло это не можетъ обходиться безъ злоупотребленій. Но, разъ такое убѣжденіе проникнетъ въ общество, тогда трудно будетъ удержать честныхъ людей на службѣ въ акцизномъ надзорѣ, и личный его составъ замѣнится другимъ

сортомъ людей, который, конечно, не будетъ думать объ открытіи злоупотребленій. Всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ винный налогъ въ нашемъ бюджетѣ, далеко не вселяютъ убѣжденія въ прочности того положенія, до котораго, повидимому, достигли наши финансы. Упадокъ виннаго дохода, весьма вѣроятный по ходу дѣлъ, можетъ отозваться весьма чувствительно на нашихъ финансахъ.

Положеніе нашей винокуренной промышленности представляетъ мнѣ другой поводъ указать читателю, какимъ путемъ народный капиталъ переходитъ, въ видѣ налоговъ, въ доходъ государственнаго казначейства. Если читатель знакомъ съ ходомъ дѣлъ въ провинціи, то онъ, конечно, знаетъ не мало заводовъ, которые понесли огромные убытки. Многіе заводчики потеряли значительные капиталы. Между владѣльцами винныхъ складовъ также было много случаевъ несостоятельности, вслѣдствіе паденія цѣнъ на вино и выжиданія болѣе выгодныхъ условій продажи, тогда какъ товаръ этотъ подвергается ежедневной убыли на усышку и утечку. При этой послѣдней потерѣ, торговецъ несетъ убытокъ нетолько на всю стоимость товара, но и на всю сумму акциза. Не мало было потерь со стороны лицъ, которыя или ставили въ кредитъ припасы несостоятельнымъ заводчикамъ, или вино несостоятельнымъ складчикамъ. За послѣдніе годы всѣ складчики несли большія потери, и обстоятельство это не можетъ не отозваться впослѣдствіи на исправномъ поступленіи этого дохода.

Единственнымъ средствомъ къ предупрежденію предстоящихъ вредныхъ послѣдствій было бы, конечно, пониженіе акциза. Но возможно ли оно? Вотъ вопросъ, который заставитъ задуматься. Начать съ того, что самое возвышеніе акциза сдѣлано въ видахъ необходимости на покрытіе государственныхъ потребностей, и едва ли представится какая-нибудь возможность значительно сократить расходы. Затѣмъ, возвышеніе акциза не имѣло для лицъ, торгующихъ виномъ, никакихъ непосредственно вредныхъ послѣдствій. Хотя, въ концѣ концовъ, эти лица и несли потери, но въ первое время они имѣли выгоду, продавая по возвышеннымъ цѣнамъ оплаченное меньшимъ акцизомъ вино. Здѣсь только терялъ потребитель, и казна начинала нѣсколько позднѣе получать усиленный доходъ. Совсѣмъ другія послѣдствія явятся при пониженіи акциза. При этомъ случаѣ, всѣ лица, которыя будутъ имѣть оплаченное акцизомъ вино, понесутъ убытки. Единственное средство избавить торговцевъ отъ убытковъ, это — одновременное въ цѣлой Россіи освидѣтельствованіе наличности вина и возвратъ или зачетъ въ уплату суммы, взятой излишне. Но такой одновременный учетъ нетолько въ мелкихъ торговыхъ заведеніяхъ, но даже въ складахъ, положительно невозможенъ, а разновременная повѣрка поведетъ къ тому, что одно и тоже вино можетъ явиться въ видѣ оплаченнаго вина въ разныхъ мѣстахъ. Даже заблаговременное объявленіе, что будущій періодъ вино-

куренія будетъ нести меньшій акцизъ, не возвратитъ потерь, потому что къ началу періода все же останется значительное количество вина, оплаченнаго высшимъ акцизомъ. Стало быть, пониженіе акциза необходимо повлечетъ за собой значительные убытки для той промышленности, которая и въ настоящее время находится въ затруднительномъ положеніи. Такимъ образомъ, настоящее положеніе вопроса о высотѣ акциза съ вина ставитъ на разрѣшеніе слѣдующую дилемму: или оставить все въ прежнемъ порядкѣ и ожидать неизбѣжно естественныхъ послѣдствій, на которыя мы указывали, или вызвать затрудненія къ удовлетворенію государственныхъ потребностей и нанести значительные убытки частнымъ лицамъ, ни въ чемъ неповиннымъ. Вотъ послѣдствія, когда налогъ выходитъ изъ предѣловъ умѣреннаго обложенія. Разрѣшеніе вопроса, какого пути было бы выгоднѣе держаться, представляется весьма и весьма затруднительнымъ.

Но этимъ еще не ограничивается вредъ высокой цифры обложенія. Всякій налогъ вызываетъ монополизацію облагаемаго предмета и возвышаетъ его цѣну гораздо болѣе, чѣмъ на сумму налога. Въ настоящее время, мы видимъ, что въ розничной торговлѣ вино продается ведрами по 4 р. 20 коп., а въ мелкой посудѣ и распивочно цѣна его доходитъ до 7 руб. При этомъ необходимо принять въ соображеніе, что ведерная продажа ни въ какомъ случаѣ не превышаетъ $^1/_2$ продаваемаго количества и, слѣдовательно, въ средней сложности, потребитель платитъ, по крайней мѣрѣ, 15 к. за градусъ. Между тѣмъ, изъ выше приведенной таблицы о поступленіи акциза и патентнаго сбора оказывается, что налогъ составляетъ не болѣе 7 $^1/_2$ к. на градусъ, если цифру оплаченнаго акцизомъ спирта нѣсколько увеличить въ виду существующаго перекура; вычитая изъ 15 к. продажной цѣны цифру стоимости вина, т. е. 1$^1/_2$ коп. за градусъ, оказывается, что потребитель платитъ въ пользу казны 7$^1/_2$ коп., да въ рукахъ торговли остается 6 коп., т. е.—что потребитель платитъ на 80% болѣе, чѣмъ сколько получаетъ казна. Изъ этого разсчета слѣдуетъ, что, если казна получаетъ акциза съ вина и патентнаго сбора 195.952,817 руб., то народъ уплачиваетъ сумму 352.715,070 руб. При этомъ послѣднемъ разсчетѣ, цифра перекура и цифра корчемнаго вина вовсе не принята въ соображеніе, и, слѣдовательно, указанная цифра далеко ниже дѣйствительности. Если мы эту цифру отнесемъ къ количеству взрослаго мужскаго населенія Россіи, которое мы считаемъ не болѣе 16 милліоновъ, тогда окажется, что налогъ на вино падаетъ на каждаго взрослаго человѣка въ размѣрѣ 22 руб., что составляетъ болѣе третьей части средней заработной платы. Я считаю необходимымъ принять въ соображеніе эти цифры при оцѣнкѣ значенія налога въ народномъ хозяйствѣ на томъ основаніи, что цифры государственнаго дохода далеко не выражаютъ дѣйствительной потери, которую народъ несетъ вслѣдствіе значительнаго обложенія. Въ настоящемъ примѣрѣ громадная разница, существующая между

заводской и продажной цѣной въ разницу, объясняется высотою налога, т. е. тѣмъ рискомъ, который несетъ, вслѣдствіе этого, торговецъ. Въ самомъ дѣлѣ, на $1^{1}/_{2}$ к. дѣйствительной заводской стоимости вина, розничный торговецъ беретъ съ потребителя чистаго барыша 6 к. или 400%. Я спрашиваю каждаго практическаго человѣка: въ какого рода торговлѣ можетъ встрѣтиться подобное явленіе? Въ самыхъ выгодныхъ ея отрасляхъ разница между фабричной и розничной цѣной никогда не превышаетъ 25 или 30%; между тѣмъ, какъ здѣсь она доходитъ до 400%. Такія послѣдствія я отношу единственно къ высокому обложенію вина. Представимъ себѣ, читатель, что налога на вино вовсе не существуетъ. Спрашивается: какія цѣны будутъ существовать тогда на вино въ розничной продажѣ? Смѣло отвѣчаю на этотъ вопросъ, что эти цѣны будутъ отъ 2 до $2^{1}/_{2}$ к. за градусъ — не болѣе. Въ доказательство этого я могу привести слѣдующее обстоятельство: въ 1861 и 1862 годахъ, въ Полтавской Губерніи, гдѣ существовала тогда вольная розничная продажа и откупъ взималъ лишь акцизъ въ размѣрѣ 1 р. 15 коп. съ ведра полугара, продажныя цѣны вина стояли отъ 1 р. 80 коп. до 2 руб., а, за исключеніемъ акциза, отъ 65 до 85 к. и не дороже одного рубля, при мелочной торговлѣ. Ясно, что высокое обложеніе вина порождаетъ монополію, вслѣдствіе которой платежныя средства народа значительно сокращаются. Если государство получаетъ 200 мил., то народъ теряетъ 350 мил. Эти лишне взятые изъ народнаго хозяйства 150 мил. рублей составляютъ не бездѣлицу и, конечно, въ состояніи нетолько повредить развитію народнаго богатства, но парализовать успѣшное поступленіе другихъ налоговъ.

До сихъ поръ я говорилъ только о вредѣ высокой цифры акциза, но не менѣе вредна и система высокаго патентнаго сбора. Эта система содѣйствуетъ значительно монополизаціи предмета и возвышенію той разницы, которая существуетъ между заводской и продажной цѣной вина. Она ограничиваетъ число мѣстъ раздробительной продажи вина до послѣдняго предѣла и тѣмъ уничтожаетъ всякую конкуренцію между торгующими и, слѣдовательно, возвышаетъ цѣну продукта въ той степени, какъ указано выше. Я говорю не о тѣхъ мѣстахъ раздробительной продажи вина, которыя существуютъ теперь. По моему мнѣнію такихъ мѣстъ должно быть, напротивъ, какъ можно меньше. Въ спеціализаціи торговли лежитъ весь корень зла, весь растлѣвающій характеръ винной торговли. Я думаю, что торговля виномъ на выносъ должна быть дозволена въ каждомъ торговомъ заведеніи, какими бы предметами оно ни торговало. Тогда широкое развитіе конкурренціи въ торговлѣ на выносъ уменьшитъ выгоды распивочной торговли и при извѣстной высотѣ питейнаго сбора съ послѣдней, искуственная ея спеціализація сдѣлается немыслимой, а вмѣстѣ съ тѣмъ это развитіе конкуренціи понизитъ цѣну вина въ раздробительной продажѣ до возможнаго минимума. Само собою разумѣется, что говоря о свободной

торговлѣ виномъ, мы понимаемъ эту свободу только въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ признаетъ ее полезной для себя то или другое общество. Право ограниченія и разрѣшенія мѣстъ раздробительной продажи вина должно принадлежать только обществу, которое одно можетъ судить о степени его необходимости и полезности, но, во всякомъ случаѣ, спеціальная распивочная продажа вина не должна быть допускаема.

Многіе утѣшаются тѣмъ фактомъ, что количество оплаченнаго вина акцизомъ уменьшается, нетолько не уменьшая, но увеличивая государственный доходъ, и считаютъ, что нынѣшняя система, достигшая подобныхъ результатовъ, разрѣшаетъ трудную задачу о винномъ налогѣ вполнѣ удовлетворительно. Люди эти, не вникая въ дѣйствительное значеніе нынѣ дѣйствующей системы, убѣждены, что этимъ путемъ интересы общества соглашены съ интересами фискальными, что высокая цѣна на вино, вмѣстѣ съ рѣдкостью мѣстъ раздробительной продажи, ограничиваетъ пьянство. Но мнѣ кажется, что эти мѣры ведутъ прямо къ противуположнымъ результатамъ. Онѣ могутъ сократить правильное потребленіе вина—это правда; но на уменьшеніе пьянства никогда не будутъ имѣть вліянія. Напротивъ того, пьянство можетъ увеличиться, несмотря на сокращеніе потребленія, потому что увеличится количество мѣстъ тайной продажи вина, чего никакой зоркій глазъ полиціи не усмотритъ. Довольно упомянуть о томъ фактѣ, что здѣсь, въ Петербургѣ, гдѣ существуютъ всѣ средства надзора, съ уменьшеніемъ числа кабаковъ, стали торговать виномъ въ нѣкоторыхъ домахъ старшіе дворники, и уличить ихъ въ этомъ рѣшительно невозможно. Если такіе факты могутъ имѣть мѣсто въ столицѣ — что̀ же можетъ быть въ провинціи? Высокая цѣна на вино не удерживаетъ пьяницы, а ведетъ только къ тому, что даетъ виноторговцамъ поводъ и возможность взыскивать съ народа въ свою пользу новый налогъ и, такимъ образомъ, подрывать въ корнѣ самый источникъ государственнаго дохода.

Если русскій народъ, вслѣдствіе одного налога на вино, теряетъ, какъ мы видѣли, сумму, превышающую 352 мил. рублей серебромъ, то ка̀къ же удивляться тому обстоятельству, что наша промышленность не развивается и слышатся жалобы на повсемѣстное обѣднѣніе народа! Вотъ, гг. протекціонисты, въ чемъ заключаются причины нашего промышленнаго застоя, а отнюдь не въ недостаткѣ огражденія нашей промышленности отъ заграничной конкуренціи. Высокій таможенный тарифъ не имѣетъ такой чудодѣйственной силы, чтобъ создать капиталы, которые поглощаются налогомъ на вино—капиталы, изъ которыхъ только четыре седьмыхъ идутъ на удовлетвореніе народныхъ нуждъ, а три седьмыхъ расходятся по карманамъ виноторговцевъ. Къ довершенію же всего, въ концѣ-концевъ, эти капиталы не остаются даже и въ рукахъ торговцевъ, такъ какъ рѣдкій изъ нихъ, при томъ рискѣ, съ которымъ со-

пряжена винная торговля, въ состояніи вести свои обороты съ такимъ разсчетомъ, чтобъ избѣжать потерь. Я готовъ поручиться, что читатель, знакомый съ этимъ дѣломъ, знаетъ много примѣровъ утраченныхъ капиталовъ въ этого рода торговлѣ и рѣдко въ состояніи указать человѣка, имѣвшаго успѣхъ въ послѣдніе годы. Такое положеніе винной торговли весьма естественно, и трудно было бы считать возможнымъ установленіе болѣе правильнаго хода дѣлъ въ этой отрасли промышленности. Всякая промышленность рутинна, а у насъ въ Россіи, въ силу недостатка образованія, она рутинна по преимуществу. На этомъ основаніи, для успѣшнаго хода дѣлъ всякая промышленность нуждается въ прочности установленныхъ правилъ, ее регулирующихъ, для того, чтобъ примѣнить свой образъ дѣйствій къ этимъ правиламъ и составить извѣстный разсчетъ. Но, спрашивается, чѣмъ можетъ руководиться разсчетъ торговцевъ, когда правила, регулирующія винную торговлю, измѣняются чуть не съ каждымъ годомъ? Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, торговецъ ведетъ свои дѣла̀ на авось, безъ всякаго раціональнаго разсчета, и, разумѣется, по необходимости встрѣчается и съ неудачами, и съ потерями. И въ такомъ положеніи находится наиболѣе развитая наша промышленность, приносящая государству до 200 милл. рублей дохода. Ни въ одномъ изъ бюджетовъ западныхъ народовъ не встрѣчается ничего подобнаго: по крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ нихъ не уклоняется настолько отъ правилъ финансовой науки, чтобъ поставить болѣе, чѣмъ третью часть своихъ доходовъ, въ зависимость отъ исправнаго поступленія одного какого-нибудь налога. Англія взимаетъ очень высокій налогъ съ спиртныхъ напитковъ, болѣе нежели какая-либо другая страна въ Западной Европѣ; но и тамъ налогъ со спирта, какъ внутренняго приготовленія, такъ и привознаго, не составляетъ и 23% общаго бюджета, тогда какъ у насъ, только со спирта внутренняго приготовленія и не считая привознаго, доходъ этотъ составляетъ 37% нашего бюджета.

Заканчивая мои замѣтки о нашемъ винномъ налогѣ, я не могу пройти молчаніемъ нѣкоторыя сужденія, которыя мнѣ случалось слышать въ обществѣ. Есть люди, которые, сознавая недостатки и обременительность дѣйствующихъ правилъ, утверждаютъ, что ошибка заключается въ главныхъ основаніяхъ системы взиманія налога и что необходимо возвратиться къ бывшей откупной системѣ. Съ такою мыслію я положительно не согласенъ и убѣжденъ, что главныя основанія нашей акцизной системы гораздо болѣе правильны, чѣмъ бывшей откупной, и только подробности ея примѣненія вредятъ дѣлу. Высокая цифра акциза и патентнаго сбора, спеціализація торговли, распивочная продажа,—вотъ причины, которыя возвышаютъ цѣну вина почти вдвое противъ цифры налога и, вмѣстѣ съ тѣмъ, порождаютъ цѣлую массу безобразій, которыми сопровождается эта торговля. Уменьшите цифру обложенія, уничтожьте спеціализацію винной

торговли и распивочную продажу, и государственный доходъ будетъ возрастать, въ силу увеличенія количества правильнаго потребленія вина при уменьшеніи пьянства. Мало этого; наша винокуренная промышленность разовьется на столько, что отпускъ нашего спирта заграницу возвысится значительно, и тогда возможно будетъ установить даже пошлину на вывозъ этого продукта и, такимъ образомъ, привлечь заграничнаго потребителя къ оплатѣ части нашего бюджета.

А. Головачовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Либеральные книжные магазины въ Петербургѣ.—Ихъ неустойчивость.—Отбытіе А. Ѳ. Базунова въ чужіе края. — Магазины на солнечной сторонѣ Невскаго Проспекта: Таблена, Кожанчикова.—Матвѣй Яковлевичъ Свириденко.—Магазины: Звонарева, Черкесова.—Авторы-издатели книгъ и иногородные подписчики. — Какъ гарантировать иногородныхъ подписчиковъ отъ хищничества книгопродавцевъ.

Между фирмами петербургской книжной торговли фирма А. Ѳ. Базунова считалась всегда одной изъ солидныхъ, а изъ либеральныхъ книжныхъ магазиновъ, къ которымъ почему-то причислялся и магазинъ г. Базунова, этотъ магазинъ былъ почти единственно благонадежный.

Иногороднымъ читателямъ, а, можетъ быть, нѣкоторымъ и изъ петербургскихъ, пожалуй, неизвѣстно, что всѣ книжные магазины въ Петербургѣ раздѣляются на два разряда: *либеральные и нелиберальные*. Человѣку, далеко стоящему отъ міра литературнаго и міра книжной торговли, трудно, конечно, примѣтить разницу между этими двумя разрядами магазиновъ. Ибо, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, онъ, все равно, можетъ покупать что̀ ему угодно, изданія либеральныя и нелиберальныя. Тѣмъ не менѣе, разница эта, несомнѣнно, есть.

Всѣ нелиберальные магазины — магазины дореформенные, явившіеся задолго до крестьянской реформы. Основатели ихъ— люди стараго закала и воззрѣній. Какъ они и чѣмъ, и когда привлеклись къ книжной торговлѣ, почему пошли въ ходъ, какъ нажили свои капиталы?—современнымъ поколѣніямъ неизвѣстно. Общее между ними—одно: что они, слѣдуя своимъ старымъ воззрѣніямъ, смотрятъ на книгу исключительно, какъ на товаръ, и готовы радѣть всякой книгѣ, которая идетъ ходко и даетъ хорошую прибыль, каково бы ни было ея содержаніе и достоинство. Въ либеральныхъ магазинахъ замѣтно выступаетъ

уже другое отношеніе къ книгамъ; тутъ есть уже тенденція, любовное или нелюбовное отношеніе къ той или другой книгѣ, смотря по ея достоинству и цвѣту. Правда, и здѣсь, какъ и во всякихъ магазинахъ дореформенныхъ, вы можете купить, какъ я уже сказалъ, книгу и либеральную, и нелиберальную, хорошую и плохую. Но, если вы попросите въ либеральномъ магазинѣ совѣта: какую книгу вамъ выбрать изъ двухъ или трехъ однородныхъ? то вамъ навѣрное порекомендуютъ книгу извѣстнаго разряда—и не на обумъ или не потому, что она идетъ ходко, а по ея дѣйствительному достоинству и цвѣту; далѣе, либеральные магазины въ предпринимаемыхъ ими изданіяхъ держатся опредѣленной идеи и ни подъ какимъ видомъ не будутъ издавать книгъ, несогласныхъ съ ихъ тенденціей. Либеральные магазины всѣ—послѣреформеннаго времени, вызваны новымъ направленіемъ, созданнымъ реформами, и твердо держатся новыхъ воззрѣній или, по крайней мѣрѣ, дѣйствуютъ въ ихъ духѣ. Оттого они пользуются преимущественнымъ сочувствіемъ поколѣнія, воспитавшагося уже на реформахъ, и главный покупатель у нихъ—люди молодые или среднихъ лѣтъ; равнымъ образомъ, къ этому же возрасту принадлежатъ и основатели или владѣльцы этихъ магазиновъ; рѣдко между ними проскальзываютъ люди почтенныхъ лѣтъ; но и то—только такіе, которые давно примкнули къ направленію новаго времени и которые, пожалуй, крѣпче еще къ нему привязаны, чѣмъ даже люди молодые. Свое самоотверженное служеніе новой идеѣ нѣкоторые изъ маститыхъ владѣльцевъ магазиновъ простираютъ до того, что даже внѣшность свою стараются приспособить къ главному контингенту своихъ покупателей. Такъ, ради этой, надобно думать, цѣли, почтенный А. Ѳ. Базуновъ, за послѣднее время, перекрасилъ свои волосы не просто въ темный цвѣтъ, а въ смѣсь темнаго съ зеленымъ—цвѣтомъ молодости и надежды. Въ районѣ главнаго мѣстоположенія русской книжной торговли въ Петербургѣ, съ давняго времени занимающей на Невскомъ проспектѣ пространство между Казанскимъ и Аничковымъ Мостами, либеральные магазины обыкновенно помѣщаются на солнечной сторонѣ Невскаго Проспекта, а нелиберальные на противоположной ей, какъ бы въ ознаменованіе того, что здѣсь, на тѣневой сторонѣ проспекта, все—магазины стараго, темнаго времени, а тамъ, на солнечной, все—блескъ и краса новаго послѣреформеннаго времени.

Замѣчательно, однакожь, что магазинамъ новаго времени какъ-то вообще не везетъ. Въ то время, какъ старыя дореформенныя фирмы книжной торговли почти всѣ стоятъ крѣпко и прочно, какъ онѣ были, новыя фирмы то и дѣло вылетаютъ въ трубу или пошатываются время отъ времени. Единственное исключеніе изъ этого общаго правила составляла до сихъ поръ фирма А. Ѳ. Базунова. Но теперь и она какъ будто пошатнулась. Я

говорю *какъ будто*, потому что опредѣленно пока неизвѣстно еще, что такое произошло съ А. Ѳ. Базуновымъ.

Первое извѣстіе, сообщенное «Биржевыми Вѣдомостями», гласило, что онъ бѣжалъ за границу. Но Ѳ. П. Баймаковъ поспѣшилъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» немедленно поправить это извѣстіе и разъяснить, что изъ того, что человѣкъ внезапно отъѣхалъ изъ родиой страны на чужбину, еще отнюдь не слѣдуетъ, что онъ бѣжалъ. Можетъ быть, ему, дескать, и бѣжать-то было не отъ чего. Признаюсь, это замѣчаніе Ѳ. П. Баймакова мнѣ очень понравилось. Своей мудростію оно напомнило мнѣ одного изъ самыхъ осторожныхъ въ своихъ сужденіяхъ философа Эпиктета, который говорилъ, что, «если ты видѣлъ мужчину и женщину запершимися въ одной комнатѣ и лежащими на одной постели, то ты отнюдь еще не имѣешь права заключить изъ этого о ихъ нецѣломудренности: ты можешь сказать только, что видѣлъ ихъ вмѣстѣ, на одной постелѣ—и ничего болѣе».

И Ѳ. П. Баймаковъ оказался дѣйствительно правъ: извѣстіе, сообщенное «Биржевыми Вѣдомостями», было очень поспѣшно. На другой же день послѣ него, сестра А. Ѳ. Базунова объявила, что братъ ея вовсе не бѣжалъ, а только, такъ сказать, на время отбылъ отъ насъ въ чужія страны для своего обновленія, тѣлеснаго и душевнаго. Ему, дескать, измученному своею неутомимою дѣятельностію, огорченному разстройствомъ дѣлъ, нужно было пробыть нѣкоторое время въ полномъ уединеніи отъ мѣста своей обыкновенной дѣятельности, чтобы придти въ себя, успокоиться и собраться съ силами для новой дѣятельности!

Теперь и это сообщеніе сестры А. Ѳ. Базунова оказывается, повидимому, преждевременнымъ и поспѣшнымъ. Когда городское екатеринославское управленіе объявило, что оно командировало на деньги почтенныхъ обывателей Екатеринослава одного изъ своихъ членовъ Шишкина для изученія муниципальныхъ порядковъ въ Германію, Англію и Францію, съ цѣлію, конечно, ввести потомъ эти порядки въ городѣ Екатеринославѣ, то нѣкоторымъ изъ приверженцевъ фирмы Базунова стало приходить на мысль: не командировалъ ли и А. Ѳ. Базуновъ самъ себя за границу для изученія новѣйшихъ пріемовъ въ книжной торговлѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ примѣнить ихъ въ Россіи? Если принять это предположеніе, то будетъ понятно, почему онъ считалъ себя въ правѣ отправиться на общественный счетъ, воспользовавшись для своего путешествія деньгами, присланными ему разными частными лицами на книги и журналы. Конечно, такой фактъ самокомандированія себя заграницу на общественный счетъ даже въ нашей странѣ, могущей представить самые рѣдкіе образцы всевозможныхъ нравственныхъ шатаній, былъ бы необычаенъ, и строгая мораль не могла бы отнестись къ нему иначе, какъ съ полнымъ порицаніемъ. Но, еслибы оказалось, что А. Ѳ. Базуновъ искренно убѣжденъ въ томъ, что, ради общаго блага, онъ имѣлъ полное право захватить частныя деньги, то

и строгая мораль должна была бы взглянуть на него снисходительно, не какъ на человѣка преступнаго, а какъ на человѣка заблуждающагося, а сдѣланный имъ захватъ признать неосторожнымъ *позаимствованіемъ*, сдѣланнымъ притомъ *временно*. Ибо, при означенномъ предположеніи, А. Ѳ. Базуновъ не могъ и захватить чужихъ денегъ иначе, какъ въ томъ твердомъ намѣреніи, что, когда онъ основательно изучитъ книжную торговлю заграницею и приложитъ пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія къ нашей книжной торговлѣ, то изъ полученныхъ барышей онъ тогда съ лихвою вознаградитъ всѣхъ частныхъ лицъ, которыхъ онъ теперь подвергъ позаимствованію.

Есть, однакожь, нѣкоторыя обстоятельства, препятствующія принять это предположеніе. Первое изъ этихъ обстоятельствъ есть то, что А. Ѳ. Базуновъ показалъ необыкновенную жадность въ позаимствованіи. Внезапное для публики исчезновеніе изъ Петербурга А. Ѳ. Базунова для самого него, какъ оказывается, было далеко не внезапное. «Московскія Вѣдомости» повѣствуютъ, что онъ захватилъ нетолько всѣ деньги, которыя присланы были въ его магазинъ на выписку журналовъ, но и по другимъ магазинамъ ходилъ и бралъ себѣ подписныя на журналы деньги, съ обязательствомъ, конечно, доставить подписчикамъ требуемые журналы. Мало того: по послѣднимъ извѣстіямъ оказывается, что онъ даже герцеговинцевъ не пощадилъ. Съ порученнаго ему для продажи сборника *Братская Помощь*, изданнаго въ пользу послѣднихъ, онъ также захватилъ 280 р. и увезъ съ собою.

Такимъ образомъ, онъ собралъ сумму весьма значительную—говорятъ, будто бы, до 50,000 р.—на свое заграничное путешествіе. Въ газетахъ не было сообщено, сколько екатеринославское городское управленіе назначило Шишкину для изученія муниципальныхъ порядковъ въ Европѣ, но я увѣренъ, что оно не дало и десятой части этой суммы. А изученіе муниципальныхъ порядковъ требуетъ несомнѣнно бо́льшихъ расходовъ и трудовъ, чѣмъ изученіе пріемовъ книжной торговли. Впрочемъ, это обстоятельство еще не особенно важно. Очень возможно, что А. Ѳ. Базуновъ недостаточно знакомъ съ языкомъ Германіи, Франціи, Англіи и Италіи, и ему въ каждомъ городѣ этихъ странъ, куда прибудетъ для своихъ занятій, нужно нанимать заграничнаго русскаго дьячка или другого толмача для объясненій съ нехристями; нужно нанимать далѣе другихъ толмачей для добыванія нужныхъ свѣдѣній и для записыванія и т. п. Все это должно сильно увеличивать расходы. Кромѣ того, А. Ѳ. Базуновъ могъ позаимствовать больше, чѣмъ нужно, по невѣдѣнію того, какъ велики будутъ его расходы заграницей, въ твердомъ намѣреніи, все, что̀ останется, привезти назадъ и отдать по принадлежности. Особенно важнымъ обстоятельствомъ, заставляющимъ меня не довѣрять, что А. Ѳ. Базуновъ предпринялъ путешествіе заграницу ради общественной пользы, служитъ то, что, избравъ повѣ-

реннаго для управленія своимъ магазиномъ г. Ходоровскаго, онъ не снабдилъ его никакою такою инструкціею, изъ которой было бы видно, что, при отъѣздѣ своемъ заграницу, онъ заботился по мѣрѣ возможности удовлетворить или, по крайней мѣрѣ, успокоить подвергшихся неожиданному позаимствованію своихъ различныхъ довѣрчивыхъ вѣрителей. Такъ, по крайней мѣрѣ, надобно думать по слѣдующему пассажу, разсказанному въ 4-мъ № суворинскаго «Новаго Времени».

«Г. Базуновъ взялъ у г. Никитина пять разсказовъ и издалъ ихъ однимъ отдѣльнымъ томомъ въ издаваемой имъ «Библіотекѣ современныхъ писателей» — но г. Никитину за его авторское право ничего не заплатилъ и не далъ ему никакого формальнаго обязательства объ уплатѣ. По отъѣздѣ г. Базунова заграницу, г. Никитинъ является къ Ходоровскому и проситъ его уплатить ему что слѣдуетъ или выдать документъ. Ходоровскій, удостовѣрившись изъ торговыхъ книгъ Базунова и отъ свидѣтелей, что г. Никитинъ ничѣмъ неудовлетворенъ, сначала обѣщаетъ его снабдить комиссіонною квитанціею, но потомъ и отъ этого отказывается. Дескать, если изданіе находится въ магазинѣ Базунова, значитъ: «оно—его собственность, доколѣ не будетъ доказано противное».

Я, впрочемъ, долженъ оговориться и заявить, что не имѣю никакихъ твердыхъ основаній утверждать, что А. Ѳ. Базуновъ намѣренно не оставилъ никакихъ инструкцій относительно своихъ вѣрителей. Очень можетъ быть, что въ попыхахъ, весь поглощенный мыслію о томъ, чтобъ захватить какъ можно больше денегъ, онъ совершенно забылъ о своихъ вѣрителяхъ, а теперь, находясь вдали отъ родной стороны, глубоко раскаевается и сокрушается объ этомъ и думаетъ, какъ бы поправить дѣло. Потому, вопросъ объ отъѣздѣ А. Ѳ. Базунова въ чужіе края, въ его цѣляхъ и послѣдствіяхъ, я все-таки не могу не признать пока вполнѣ открытымъ. Почему онъ уѣхалъ? Куда уѣхалъ? На долго ли насъ покинулъ, даже воротится ли къ намъ когда нибудь, или, подобно Тиблену, останется навсегда на чужбинѣ? Далѣе, возвратятся ли имъ когда-нибудь по принадлежности тѣ деньги, которыя онъ насильственно позаимствовалъ и увезъ съ собою?—ничего этого неизвѣстно. Одно только видно, что дѣла А. Ѳ. Базунова находятся не въ блестящемъ положеніи и что у него своихъ денегъ, очевидно, нѣтъ: иначе онъ не захватилъ бы чужихъ денегъ.

Этого для насъ и довольно. Для насъ пока важны не тѣ или другія практическія послѣдствія отъѣзда А. Ѳ. Базунова заграницу и даже не фактъ его отъѣзда, а именно фактъ его обѣднѣнія. Ибо фактъ этотъ служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что и единственная, самая твердая фирма книжной торговли на солнечной сторонѣ Невскаго Проспекта оказалась пошатнувшеюся, по крайней мѣрѣ, не такъ твердою и солидною, какъ о ней всѣ думали.

Отчего это произошло, различные люди объясняютъ весьма различно. Люди легкомысленные, неспособные проникать въ корень вещей, привыкшіе объяснять всѣ явленія ближайшими, чисто случайными ихъ поводами, видятъ причину обѣднѣнія А. Ѳ. Базунова въ его личномъ настроеніи, говорятъ много нелестнаго о его излишнемъ увлеченіи молодыми чувствами и т. п. Но мы не будемъ повторять этихъ сплетней, которыя, само собою разумѣется, нетолько дѣла не разъяснитъ, а еще больше запутаютъ его. Цѣль наша—не диффамировать личность, а понять дѣло. Ошибка легкомысленныхъ людей состоитъ въ томъ, что они на обѣднѣніе фирмы А. Ѳ. Базунова смотрятъ, какъ на явленіе единичное, не обращая никакого вниманія на множество подобныхъ явленій, стоящихъ рядомъ съ нимъ. Но никакое явленіе не можетъ быть правильно понято и объяснено изолированно отъ другихъ однородныхъ съ нимъ явленій. Не одна фирма А. Ѳ. Базунова пошатнулась на солнечной сторонѣ Невскаго Проспекта. Здѣсь въ книжной торговлѣ не было такой фирмы, которая не потерпѣла бы крушенія или, по крайней мѣрѣ, не подвергалась бы по временамъ разнымъ невзгодамъ. Слѣдовательно, должны быть какія-нибудь общія причины, отъ которыхъ книжная торговля на солнечной сторонѣ Невскаго Проспекта не могла до сихъ поръ пріобрѣсти должной устойчивости и прочности. Гдѣ надобно искать этихъ причинъ—я не знаю; можетъ быть, онѣ скрываются въ характерѣ тѣхъ моральныхъ и соціальныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ возникаетъ и ведется здѣсь книжная торговля; можетъ быть, тутъ дѣйствуютъ естественныя причины, въ родѣ какой-нибудь пока неизвѣстной никому трухи, погубившей овсянниковскую мельницу, или, можетъ быть, особой злокачественности петербургскаго солнца, разрушительно дѣйствующаго на книжную мудрость, однимъ словомъ—я не берусь розъискивать эти причины, предоставляя заняться этимъ г. Ходоровскому, который, вѣроятно, съ неменьшею проницательностію, чѣмъ г. Потѣхинъ въ овсянниковскомъ дѣлѣ, можетъ выслѣдить здѣсь всякую портящую дѣло труху, если таковая есть. Я же принимаю на себя обязанность рядомъ фактовъ утвердить только ту истину, что на солнечной сторонѣ Невскаго въ книжной торговлѣ не бывало еще доселѣ фирмы, которая не подвергалась бы какимъ-нибудь злостраданіямъ, и что, слѣдовательно, должна быть какая-нибудь общая причина ихъ непрочности. Вотъ краткій перечень магазиновъ на солнечной сторонѣ Невскаго Проспекта, въ порядкѣ ихъ слѣдованія отъ Казанскаго до Аничковскаго Моста, съ указаніемъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли здѣсь со времени ихъ основанія.

Почти рядомъ съ книжнымъ магазиномъ А Ѳ. Базунова, въ домѣ Рогова, противъ думы, былъ магазинъ г. Гайдебурова. Магазинъ этотъ былъ открытъ преимущественно для иногородныхъ. Надобно полагать, что г. Гайдебуровъ не нашелъ возможнымъ вести дѣло, не предвидѣлъ барышей въ будущемъ, потому про-

далъ магазинъ г. Павленкову, который вскорѣ выѣхалъ изъ Петербурга и передалъ магазинъ г. Надѣину, во владѣніи котораго онъ состоитъ и теперь, хотя уже и въ другомъ помѣщеніи.

Магазинъ «Русской книжной торговли», въ домѣ армянской церкви, сначала былъ просто книжный магазинъ и принадлежалъ г. Печаткину; отъ г. Печаткина перешелъ къ г. Тиблену, принялъ наименованіе магазина «Русской книжной торговли»; послѣ бѣгства г. Тиблена поступилъ во владѣніе гг. Яковлева и Дурышкина; послѣдніе сдали его какимъ-то новымъ двумъ хозяевамъ, но не такъ давно носились слухи, что послѣдніе его переуступили или переуступаютъ кому-то.

Магазинъ *Кожанчикова*, въ домѣ Демидова, нынѣ соединенный магазинъ Кожанчикова, Черкесова и комп., принадлежалъ сначала одному г. Кожанчикову и долго держался въ такомъ видѣ. Кажется, въ 1868 г., г. Кожанчиковъ нашелъ почему-то нужнымъ перемѣститься въ гостиный дворъ; мѣсто его занялъ Черкесовъ. Долгое время гг. Кожанчиковъ и Черкесовъ процвѣтали отдѣльно другъ отъ друга, одинъ—въ гостиномъ дворѣ, другой—на старомъ пепелищѣ кожанчиковой фирмы и конкурировали другъ съ другомъ; но за послѣднее время ихъ вдругъ какъ-то обоихъ подвело, и они сочли за лучшее соединить свои фирмы въ одну, чтобы съобща побратски бороться съ наступившими для нихъ трудными временами.

На солнечной же сторонѣ Невскаго Проспекта былъ также значительный магазинъ г. Давыдова, противъ аничкина дворца, бывшая контора «Современника» — этотъ уже совсѣмъ улетучился.

Точно также улетучился и магазинъ Звонарева, помѣщавшійся также противъ аничкина дворца, въ нынѣшней конторѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» и замыкавшій собою рядъ означенныхъ магазиновъ у Аничкина Моста.

Всѣ эти непрестанныя передачи магазиновъ изъ рукъ въ руки, ихъ переходы отъ начала конкуренціи къ началу ассоціаціи, ихъ колебанія и закрытія по разнымъ причинамъ, наконецъ, ихъ крушеніе ясно показываютъ, что книжной торговлѣ на солнечной сторонѣ Невскаго Проспекта до сихъ поръ было, что̀ называется, не къ двору. Можно, конечно, полагать, что нѣкоторые изъ владѣльцевъ магазиновъ были сами виною своего неблагополучія или потому, что, взявшись за книжную торговлю, дѣло понимали мало, относились къ нему небрежно, хотѣли все дѣлать чужими руками, сами же думали только собирать ба̀рыши и барствовать; другіе—потому, что принялись торговать безъ денегъ, были не въ состояніи держать магазины въ должной полнотѣ и исправности, отъ безденежья неаккуратно исполняли требованія публики, зажиливали чужія деньги и т. п. Но изъ исчисленныхъ мною владѣльцевъ были и такіе, которые имѣли всѣ шансы справиться съ принятымъ ими на себя дѣломъ и вести его успѣшно.

Таковъ былъ Тибленъ, человѣкъ способный, дѣятельный, предпріимчивый и не безъ нѣкотораго состоянія. Онъ стоялъ въ уровень съ своимъ временемъ, нетолько, какъ книгопродавецъ, понимавшій требованія послѣ реформенной публики, но и какъ издатель, отличавшійся тактомъ въ выборѣ сочиненій для изданія. Онъ далъ публикѣ нѣсколько очень хорошихъ переводныхъ сочиненій. Вообще, магазинъ Тиблена былъ поставленъ и обставленъ очень хорошо. Никто не думалъ, что этотъ магазинъ его когда-нибудь рушится; всѣ полагали, напротивъ, что торговля его цвѣтетъ и съ каждымъ днемъ идетъ все въ гору и въ гору. Начатое, въ 1868 году, г. Тибленомъ изданіе новаго толстаго журнала «Современное Обозрѣніе» окончательно удостовѣрило всѣхъ, что онъ имѣетъ хорошій денежный доходъ. Ибо начать издавать новый толстый журналъ безъ достаточнаго количества денегъ, притомъ человѣку, неимѣющему извѣстнаго литературнаго имени—дѣло очень рискованное. На подобную удочку могъ попасть г. Ханъ, но никакъ не Тибленъ, который обладалъ большимъ чутьемъ и сметкою насчетъ того, гдѣ зимуютъ раки. Самая мысль журнала показывала, что у г. Тиблена есть это чутье и сметка. Извѣстно, что наша литература въ началѣ шестидесятыхъ годовъ совершенно сбилась съ пути или, какъ выражается «Русскій Вѣстникъ», «потеряла всякое нравственное содержаніе и превратилась въ вальпургіеву ночь». Эта вальпургіева ночь начинаетъ проходить только теперь, и литература начинаетъ становиться мало по малу все нравственнѣе и нравственнѣе по мѣрѣ того, какъ во главѣ ея становятся банкиры, закладчики, заводчики, цѣховые и даже люди никому неизвѣстныхъ въ литературныхъ кругахъ профессій. Г. Тибленъ, хотя и основалъ свой журналъ только въ 1868 году, но предвидѣлъ скорое окончаніе вальпургіевой ночи и наступленіе нравственнаго періода литературы, и, вмѣсто того, чтобы болтать о *распредѣленіи*, чѣмъ занималась въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, во время своего распутства, литература, прямо объявилъ, что онъ будетъ учить *накопленію*. Этимъ заявленіемъ г. Тибленъ зарекомендовалъ себя и свой магазинъ, я полагаю, у большинства публики. Ибо очень многіе давно уже тяготились гнетомъ литературы начала шестидесятыхъ годовъ, совершенно не соотвѣтствовавшей ихъ внутреннимъ влеченіямъ; а, кромѣ того, человѣкъ, проповѣдующій теорію накопленія съ присовокупленіемъ, что распредѣлять пока ему рано и нѣчего, и самъ по себѣ представляетъ нѣчто хорошее, благонадежное, безопасное. Потому въ магазинъ Тиблена несли деньги съ такою же увѣренностію въ ихъ цѣлости здѣсь, какъ въ своемъ сундукѣ. Какъ вдругъ г. Тибленъ, выставившій своимъ знаменемъ принципъ накопленія, въ одинъ прекрасный день занялся распредѣленіемъ. Точно такъ же, какъ и А. Ѳ. Базуновъ, онъ взялъ изъ магазина всѣ находившіяся здѣсь деньги и отъѣхалъ отъ насъ навсегда въ чужіе края. Случилось это такъ неожиданно, что даже ближайшіе

его помощники по журналу на другой день его отъѣзда были внѣ себя отъ изумленія. Не далѣе, какъ наканунѣ, онъ бесѣдовалъ съ ними о статьяхъ въ журналѣ, о необходимыхъ улучшеніяхъ въ немъ, заказывалъ новыя статьи—и вдругъ, на другой день, и слѣдъ простылъ. Г. Тибленъ далъ, впрочемъ, изъ чужихъ краевъ вѣсть о себѣ своимъ сотрудникамъ по магазину. Посланіе, говорятъ, было очень умилительное и дышало пастырскимъ назиданіемъ. «Я точно, такъ, говорятъ, писалъ г. Тибленъ своимъ сотрудникамъ по магазину:—взялъ всѣ деньги изъ магазина, но я оставилъ вамъ книгъ на сумму, гораздо бо̀льшую того, что̀ я взялъ. Все это нажилъ я своимъ неутомимымъ трудомъ—трудитесь и вы также неутомимо, пользуясь тѣмъ, что̀ я вамъ оставилъ, и—вѣрьте—Господь благословитъ ваши труды, какъ благословилъ мои».

Не менѣе, если не болѣе еще, шансовъ на успѣшное веденіе торговли имѣлъ г. Кожанчиковъ—человѣкъ, понимающій торговое дѣло, осторожный, одаренный великороссійскою ловкостію найти всюду нужные входы и выходы и умѣньемъ не упустить своего интереса тамъ, гдѣ онъ сколько-нибудь наклевывается. Не знаю, было ли у Кожанчикова какое-нибудь состояніе, когда онъ началъ книжную торговлю, но дѣла̀ его съ самаго начала быстро пошли въ гору. Г. Кожанчиковъ такъ умѣлъ обрядить свой магазинъ, что, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, это былъ самый блестящій изъ всѣхъ петербургскихъ магазиновъ. Онъ пользовался нетолько сочувствіемъ всей образованной публики новыхъ воззрѣній, но около него группировалась почти вся либеральная пресса тогдашняго времени.

Центромъ для послѣдней былъ здѣсь одинъ изъ прикащиковъ магазина Кожанчикова—кандидатъ московскаго университета Матвѣй Яковлевичъ Свириденко, едва ли не единственный кандидатъ въ Россіи, который, по своимъ личнымъ качествамъ, могъ составить себѣ блестящую карьеру, но который этой карьерѣ предпочелъ скромное мѣсто прикащика въ книжномъ магазинѣ. Воспитанный въ Москвѣ среди двухъ кружковъ, славянофильскаго и западническаго, на постоянныхъ спорахъ между тѣмъ и другимъ, въ которыхъ и самъ принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ сторонника западничества, Матвѣй Яковлевичъ Свириденко былъ хорошо приготовленъ къ тѣмъ новымъ вѣяніямъ, которыя реформами принесены были въ общество и литературу шестидесятыхъ годовъ, и, въ то время, когда послѣдняя, въ бо̀льшей части своего персонала, шла ощупью въ своемъ поступленіи впередъ, подталкиваемая съ одной ступени на другую событіями, онъ владѣлъ уже опредѣленною идеею, которая, можетъ быть, и привела его въ книжный магазинъ, такъ какъ магазинъ давалъ ему возможность близкаго соприкосновенія съ литературнымъ персоналомъ, а литература только и могла служить проводникомъ для идеи. Какъ бы то ни было, но я не видывалъ человѣка, который бы такъ страстно былъ привязанъ къ литературѣ, который бы съ такою

жадностію ловилъ въ ней каждое новое, живое слово, какъ онъ. Оттого и его любовь къ сочувственному ему персоналу литературы была безгранична. Онъ для каждаго здѣсь готовъ былъ жертвовать всѣмъ, чѣмъ онъ могъ — своими услугами, временемъ, доставленіемъ полезныхъ свѣдѣній и т. д.; тѣмъ болѣе, разумѣется, онъ дѣлалъ все, что̀ было въ его средствахъ, для успѣха сочувственной ему литературы. Хохолъ умный, въ преслѣдованіи своей цѣли упорный, съ характеромъ безукоризненно честнымъ и правдивымъ, съ наружностію въ высшей степени симпатичною, стоявшій, по своей должности, на такомъ мѣстѣ, гдѣ ежедневно толпилась все интеллегентная петербургская публика, отъ самыхъ высшихъ слоевъ, до самыхъ низшихъ, Свириденко, при своей практической сметкѣ и при своемъ практическомъ умѣньи пользоваться людьми, могъ знать и дѣлать многое, чего не въ состояніи былъ бы знать и дѣлать даже человѣкъ одинаковыхъ съ нимъ талантовъ и съ самыми богатыми средствами, находящійся въ другомъ положеніи. Въ нашемъ маленькомъ движеніи, вызванномъ крестьянскою реформою, онъ всегда напоминалъ мнѣ, конечно, въ миніатюрныхъ размѣрахъ флорентинскаго Дольфи или Беппо, который дѣйствовалъ тогда во Флоренціи. Я нарочно упомянулъ имя Дольфи, чтобы дать читателю понятіе, какимъ образомъ на самомъ маленькомъ мѣстѣ можно сдѣлаться центромъ для всѣхъ. Кто такой былъ Дольфи? Не болѣе, какъ простой, незначительный булочникъ. Но въ немъ природа— по словамъ корреспондента одной малораспространенной газеты 60 годовъ, откуда я заимствую свѣдѣнія объ этой личности — въ обиліи насадила всѣ тѣ качества, которыя, по словамъ Данте, отличаютъ флорентинца: «соединеніе силы и тонкой деликатности, необычайной энергіи и нѣжности, здравый смыслъ и эту способность угадывать, смекать то, чего не вычитаешь въ книгахъ». Къ этому присоединялась глубокая любовь къ народу и всецѣлая преданность его интересамъ—и вотъ тѣ качества, которыя Дольфи изъ ничтожнаго лавочника сдѣлали душой и центромъ нетолько Флоренціи, но и цѣлой Тосканы. «Устраивалась ли воскресная школа для народа, общество взаимнаго вспомоществованія рабочихъ, библіотека для низшаго класса и т. п.—всякой зналъ, что затѣялъ это дѣло не кто другой, какъ Дольфи». Съ шести часовъ утра, въ лавкѣ Дольфи толпились бѣдняки, которымъ раздавали вчерашній хлѣбъ—и, въ это же время, въ глубинѣ этой лавки, Дольфи за конторкой давалъ свои аудіенціи: къ нему приходили совѣтоваться: хорошо ли купить такой-то домъ? выгодно ли предпринять такую-то торговлю? надеженъ ли такой-то человѣкъ? потому что Дольфи всѣхъ зналъ во Флоренціи, точно такъ же, какъ его всѣ знали». «Всѣ тосканскіе волонтеры, отправлявшіеся въ армію Гарибальди, прошли черезъ лавку Дольфи; всѣ денежныя пособія, которыя дѣлались въ Тосканѣ для довершенія освобожденія Италіи, собирались тутъ; здѣсь устраивалось все, что̀ дѣлалось для образованія и улучшенія по-

ложенія работниковъ во Флоренціи; черезъ эту же лавку получали пособіе тѣ воины южной арміи Гарибальди, которыхъ пьемонтское правительство оставило безъ хлѣба». Въ лавкѣ Дольфи былъ даже президентъ совѣта министровъ Рикасоли, чтобы посовѣтываться съ Дольфи о присоединеніи Тосканы къ Пьемонту; отсюда вышелъ совѣтъ народу вотировать въ пользу присоединенія. Вотъ кто былъ Дольфи! Повторяю, что я заговорилъ о Дольфи вовсе не съ тѣмъ, чтобы приравнивать къ его дѣятельности дѣятельность Свириденко, а единственно для того, чтобы показать: какъ на ничтожныхъ на видъ мѣстахъ бываетъ возможна великая дѣятельность. У насъ подобныхъ примѣровъ пока не бывало. Даже въ тѣхъ маленькихъ размѣрахъ, въ какихъ являлась дѣятельность Свириденки, она была раритетъ въ своемъ родѣ. И тѣмъ болѣе прискорбно, что эта дѣятельность прошла безслѣдно для общественнаго сознанія, неоцѣненная и даже непримѣченная. Ясный знакъ, что общество стоитъ еще не на высокой степени развитія, что ему бросаются въ глаза пока только тѣ силы, которыя являются на сценѣ дѣйствія въ ореолѣ власти, богатства, знаменитости рода, оффиціальности положенія, и что его зрѣніе остается пока закрытымъ для силъ моральныхъ; которыя, между тѣмъ, только однѣ и могутъ вести общество по пути дѣйствительнаго прогресса и вливать въ него истинную жизнь.

Читатель извинитъ меня, что я такъ долго остановился на личности Свириденко и счелъ своею обязанностію положить хотя и поздній вѣнокъ на его гробъ, теперь всѣми почти забытый. Обращаюсь снова къ магазину г. Кожанчикова. Свириденко умеръ въ 1864 году. Съ смертію его, магазинъ г. Кожанчикова, хотя и потерялъ немаловажную часть своего прежняго внутренняго значенія, но внѣшнимъ образомъ продолжалъ процвѣтать и даже шелъ въ гору. Г. Кожанчиковъ открылъ, кромѣ Петербурга, книжные магазины въ Казани, Варшавѣ, Харьковѣ. Все, повидимому, шло прекрасно и заставляло надѣяться, что фирма г. Кожанчикова сдѣлается солиднѣйшею изъ всѣхъ фирмъ по книжной торговлѣ и пуститъ современемъ отъ себя филіаціи по всѣмъ главнѣйшимъ городамъ Россіи. Какъ вдругъ, неизвѣстно почему, наступили какія-то запутанныя обстоятельства въ дѣлахъ г. Кожанчикова, которыя заставили его закрыть свой магазинъ въ гостиномъ дворѣ и соединиться съ г. Черкесовымъ. Отъ души желаю г. Кожанчикову съ честью выйдти изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ и вновь разцвѣсти.

Наконецъ, я думаю, что магазинъ книжной торговли могъ бы хорошо идти и процвѣтать и въ рукахъ г. Черкесова, хотя, по моему мнѣнію, г. Черкесовъ и не имѣетъ многихъ качествъ, необходимыхъ для истиннаго книгопродавца. Г. Черкесовъ, какъ мнѣ кажется, неспособенъ къ черной, кропотливой и усидчивой работѣ. Онъ не будетъ торчать цѣлый день въ магазинѣ, корпѣть надъ счетами и отчетами, бѣгать каждый день рано утромъ на толкучку, заводить пріятельское знакомство съ ведущими здѣсь

торговлю Сидорычами и Панфнутьичами и т. п., чтобы знать: кàкъ, что̀ и гдѣ? Г. Черкесовъ выше всего этого: по своему воспитанію и привычкамъ, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые могутъ сказать о себѣ:

> Не для житейскаго волненья,
> Не для корысти, не для битвъ,
> Мы рождены для вдохновенья,
> Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Въ прежнее время г. Черкесовъ, навѣрное, съ отличіемъ служилъ бы въ гвардіи или въ дипломатіи. Но новое время толкнуло его въ другія сферы, и онъ очутился книгопродавцемъ. Профессія, мало подходящая къ его характеру и качествамъ; тѣмъ не менѣе, дѣло могло бы идти. Г. Черкесовъ—человѣкъ ловкій, подвижной, бойкій, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, по французски говоритъ, какъ природный французъ, знаетъ заглавія всѣхъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій—этого было бы очень довольно, чтобы быть даже блестящимъ представителемъ фирмы въ магазинѣ въ тѣ часы, когда стекается въ него избранная публика. Затѣмъ средства г. Черкесова были очень достаточны, чтобы поставить и вести книжную торговлю какъ слѣдуетъ. Ему нуженъ былъ только честный, дѣльный и дѣятельный помощникъ или товарищъ. Найти такой кладъ у насъ — дѣло очень нелегкое, и найденъ ли онъ г. Черкесовымъ, или нѣтъ—я не знаю. По послѣдствіямъ могу только заключить, что нѣтъ. Впрочемъ, въ соединеніи другъ съ другомъ, гг. Черкесовъ и Кожанчиковъ представляютъ рѣдкое и, можно сказать, особенно счастливо комбинированное цѣлое — и нѣтъ сомнѣнія, что, если они будутъ дружно работать для общей цѣли, они могутъ вывести свои дѣлà на хорошую дорогу.

Мнѣ слѣдовало бы сказать еще нѣсколько словъ о покойномъ Звонаревѣ. Этотъ человѣкъ, по своему трудолюбію, выдержкѣ, по своему честному отношенію въ торговыхъ дѣлахъ, былъ бы достоинъ лучшей участи. Жаль, что онъ не получилъ никакого школьнаго образованія и не могъ имѣть никакой самостоятельности въ веденіи внутренней стороны книжно - торговаго дѣла.

Всѣми приведенными мною фактами, читатель, конечно, вполнѣ убѣдился, что солнечная сторона Невскаго Проспекта до сихъ поръ не благопріятствовала книжной торговлѣ. Какую изъ всего мною сказаннаго можно вывести мораль?

Еслибы было несомнѣнно доказано, что̀ существуютъ такія неустранимыя натуральныя причины или даже только трудно побѣдимыя соціальныя условія, которыя всегда будутъ и впредь разрушительно дѣйствовать на книжную торговлю на солнечной сторонѣ Невскаго Проспекта, то я бы сказалъ, что основывать книжную торговлю здѣсь небезопасно, равно какъ небезопасно имѣть дѣлà съ тѣми, кто здѣсь основываетъ свою торговлю. Но этого не доказано; даже изслѣдованій до сихъ поръ по этому вопросу никто не предпринималъ. Я первый лишь сдѣлалъ пред-

положеніе: нѣтъ ли какихъ-нибудь причинъ неизмѣняемыхъ или трудно измѣняемыхъ, которыя не благопріятствуютъ книжной торговлѣ на солнечной сторонѣ Невскаго Проспекта? Данныя, на основаніи которыхъ я пришелъ къ такому предположенію, я высказалъ выше; но насколько они даютъ мѣсто моему предположенію—предоставляю обсудить это безпристрастной критикѣ.

Я же, пока, могу говорить только о прошедшемъ, о томъ, что̀ было до сихъ поръ. До сихъ поръ было небезопасно основывать магазины книжной торговли на солнечной сторонѣ Невскаго Проспекта, равно какъ было небезопасно ввѣрять авторамъ свои книги, покупателямъ свои деньги для комиссіи этимъ магазинамъ. Страдали и книгопродавцы, страдали и тѣ, которые имѣли необходимость или неосторожность дѣлать имъ комиссіи. Кто болѣе страдалъ — опредѣлить трудно; но я полагаю, что болѣе страдали книгопродавцы, потому что они нетолько раззорялись сами, но и раззоряли другихъ—а послѣднее, вѣроятно, для нихъ было очень тяжело, ибо я никакъ не думаю, чтобы у нихъ совсѣмъ не было совѣсти.

Главнымъ соблазномъ для грѣхопаденій книгопродавцемъ, а, слѣдовательно, главнымъ источникомъ ихъ нравственныхъ страданій—при сдѣланномъ нами предположеніи—служатъ авторы-издатели книгъ и иногородные подписчики.

Книгопродавцу, и не потерявшему окончательно совѣсть, но съ моральнымъ характеромъ слабымъ, очень трудно удержаться отъ покушенія обобрать довѣряющаго ему на комиссію свою книгу сочинителя. Прежде всего, его располагаетъ къ этому личность самого сочинителя. Передъ нимъ, въ качествѣ сочинителя, предстаетъ обыкновенно или, по крайней мѣрѣ, бо̀льшею частью, существо скромное, мягкое, застѣнчивое, безъ малѣйшихъ признаковъ воинственнаго пошиба въ осанкѣ, манерахъ, взорѣ, голосѣ. Книгопродавецъ сразу смекаетъ, что̀ это за птица, и въ умѣ его немедленно пробѣгаетъ цѣлый рядъ мыслей, располагающихъ его къ обиранію. Если мы этакимъ будемъ спускать, думаетъ про себя книгопродавецъ, то намъ совсѣмъ жить будетъ нечѣмъ. Вѣдь, ужь тутъ опасаться совсѣмъ нѣчего... Бокса отъ такой персоны ожидать ни въ какомъ случаѣ нельзя; въ судъ, въ полицію, къ мировому онъ тоже ни подъ какимъ видомъ не пойдетъ. Куда ему! онъ своей тѣни боится. Одно возможно... пожалуй, гласности предастъ—распишетъ; на перѣ, пожалуй, зубастъ; да и то нѣтъ!—не сдѣлаетъ. У всѣхъ этихъ сочинителей мозги не совсѣмъ въ исправности: когда дѣло идетъ объ эксплуатаціи другихъ, они выходятъ изъ себя, готовы на стѣну лѣзть, кричать о необходимости строгихъ законовъ, строгихъ судовъ, строгихъ наказаній для эксплуататоровъ; когда ихъ самихъ оберутъ--шишкни! не пикнуть! Куда, дескать, я въ судъ потянусь—вѣдь это—скандалъ! да и что̀ за жадность такая!» Пробѣжавши въ умѣ своемъ этотъ процессъ мыслей съ быстротою молніи, книгопродавецъ обращается къ явившемуся передъ нимъ сочи-

нителю съ вопросомъ: «что̀ вамъ угодно?» «Да, вотъ, я книгу издалъ, говоритъ покаяннымъ голосомъ сочинитель, точно дѣйствительно грѣхъ учинилъ:—такъ не возьмете ли на комиссію?»—«Отчего же, съ удовольствіемъ, отвѣчаетъ книгопродавецъ:—за комиссію съ публикаціей мы беремъ 35 процентовъ.» — «Это какъ-будто дорогонько», процѣживаетъ въ полголоса, сквозь зубы, сочинитель.—«Ну, нѣтъ, не скажите, бойко возражаетъ книгопродавецъ.—Мы вѣдь то и дѣло публикуемъ о книгахъ, находящихся у насъ на комиссіи (въ дѣйствительности, никогда не публикуютъ), а эти публикаціи обходятся намъ въ золотую копейку».—«Хорошо, я согласенъ», отвѣчаетъ сочинитель.—А ка̀къ же полученіе денегъ будетъ?..»—«А получать деньги будете по мѣрѣ продажи книги... Навѣдывайтесь почаще, заключаетъ книгопродавецъ.—Что̀ получимъ, не задержимъ». Сочинитель привозитъ книгопродавцу все изданіе своей книги, обѣщаясь черезъ мѣсяцъ придти навѣдаться, ка̀къ идетъ книга, и получить что̀ будетъ ему слѣдовать. Какъ школьникъ ждетъ вакаціоннаго времени, та̀къ онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ дня, въ который истечетъ мѣсяцъ со времени отдачи изданія въ магазинъ, чтобъ имѣть право придти сюда и узнать судьбу своей книги. Наконецъ, этотъ мѣсяцъ, для сочинителя самый тревожный мѣсяцъ—мѣсяцъ самыхъ радужныхъ мечтаній и самыхъ мрачныхъ опасеній, мѣсяцъ надеждъ и страха, тянувшійся чуть не цѣлую вѣчность—оканчивается. Сочинитель является къ книгопродавцу въ волненіи, съ вопросомъ: «Что̀ книга?» — «Да не ходко пока идетъ. Экземпляровъ десять разошлось—что̀ ли?» обращается онъ къ одному изъ своихъ прикащиковъ. «Точно такъ, десять» — отвѣчаетъ послѣдній. «Не угодно ли будетъ получить деньги за десять экземпляровъ? обращается онъ къ сочинителю, прибавляя: — понавѣдайтесь черезъ мѣсяцъ; въ публикѣ еще не распространились свѣдѣнія о вашей книгѣ. Авось на будущій мѣсяцъ будетъ лучше».—Получивъ въ первый мѣсяцъ продажи шестнадцать рублей съ копейками за сочиненіе, надъ которымъ работалъ не одинъ годъ, сочинитель сразу съ неба упадаетъ на землю; всѣ радужныя мечты—долой. Сначала, нравственно разбитый и уничтоженный, онъ возвращается домой. Но потомъ по маленьку отходитъ и оживаетъ; надежда все-таки не покидаетъ его. «Что̀-же, въ самомъ дѣлѣ!—думаетъ онъ:—можетъ быть, книгопродавецъ и правъ; можетъ быть, публика еще дѣйствительно не успѣла еще познакомиться съ моей книгой. Положимъ, публикаціи я дѣлалъ; но, вѣдь, когда-то соберутся купить книгу тѣ, которые могутъ сдѣлать ей реномѐ, когда-то прочтутъ ее! На все это надо время; я слишкомъ скоро пошелъ въ магазинъ. Надобно имѣть терпѣніе подождать мѣсяца три и потомъ уже понавѣдаться». Надобно быть сочинителемъ самому, имѣть порядочную дозу авторскаго самолюбія и, при этомъ, для изданія книги войдти, можетъ быть, въ долги, чтобы понять то, что̀ перечувствуетъ сочинитель въ эти долгіе, нескончаемые мѣсяцы ожиданія. На-

конецъ, срокъ кончается. Сочинитель съ замирающимъ сердцемъ летитъ въ магазинъ и чуть слышно произноситъ вопросъ: «Чтò книга?»—«Да неходко идетъ, отвѣчаетъ хладнокровно книгопродавецъ.—Сколько—экземпляровъ около двадцати, кажется, разошлось?» спрашиваетъ онъ прикащика. «Нѣтъ, только пятнадцать»—отвѣчаетъ послѣдній. «За пятнадцать экземпляровъ, за вычетомъ 35% комиссіонныхъ, слѣдуетъ, бормочетъ про себя книгопродавецъ и потомъ, подавая деньги сочинителю, говоритъ:—вы бы понавѣдались...» Но сочинитель ничего не слышитъ и не видитъ; онъ положительно убитъ. Схвативъ деньги, онъ опрометью бросается изъ магазина и затѣмъ нетолько не заходитъ въ магазинъ справляться о своей книгѣ, а даже, когда случайно приходится на улицѣ встрѣтить книгопродавца, онъ отворачивается отъ него, какъ будто не замѣтилъ. Такъ проходитъ мѣсяцевъ восемь, девять. Наконецъ друзья начинаютъ приставать къ сочинителю и требовать, чтобы онъ сходилъ въ магазинъ понавѣдаться о своей книгѣ, и непрестаннымъ надоѣданіемъ, увѣщаніями, шутками поднимаютъ его на ноги. Сочинитель собирается съ духомъ и отправляется въ магазинъ. «Чтò вамъ угодно?» спрашиваетъ его книгопродавецъ, точно видитъ въ первый разъ въ жизни. «Да тутъ у васъ книга моя есть на комиссіи»,—объясняетъ едва слышно, смущенный вопросомъ книгопродавца сочинитель. «Кàкъ названіе книги?»—спрашиваетъ книгопродавецъ. Сочинитель сказываетъ названіе. Книгопродавецъ показываетъ видъ, что усиливается припомнить названную книгу, потомъ, послѣ нѣскольких секундъ припоминанія, говоритъ сочинителю: «Извините, совсѣмъ не помню вашей книги», и приказываетъ своимъ молодцамъ справиться о ней. Молодцы справляются и докладываютъ, что такая книга дѣйствительно есть и что, въ теченіи восьми мѣсяцевъ, ея продано три экземпляра. «За вычетомъ комиссіонныхъ, вамъ слѣдуетъ...» обращается книгопродавецъ съ своей обычной рацеей къ сочинителю. Но сочинителя уже и слѣдъ простылъ. При извѣстіи, что его книга, въ теченіи восьми мѣсяцевъ, разошлась всего въ трехъ экземплярахъ, у него вся кровь бросилась въ голову, и онъ не вышелъ, а выпрыгнулъ изъ магазина стремглавъ. «Экъ, я его огрѣлъ, думаетъ про себя, смѣясь, книгопродавецъ:—теперь плетьми не загонишь его въ магазинъ справляться о книгѣ».

«Но кàкъ же все это понимать? спроситъ меня читатель. Дѣйствительно-ли нейдетъ книга, или она идетъ, и книгопродавецъ только скрываетъ?»—Идетъ-ли книга, или нейдетъ, политика у книгопродавцевъ почти одинаковая—оттягивать, не давать денегъ автору елико возможно. Я представилъ образецъ книгопродавческаго обмана прямо наглаго. Такъ не всегда бываетъ, да и невозможно всегда держаться такой политики. Вопервыхъ, сочинители бываютъ люди болѣе или менѣе знакомые книгопродавцу, которымъ нельзя сказать въ глаза: я васъ запамятовалъ,

*

не знаю; вовторыхъ, есть книги, о которыхъ всѣмъ извѣстно, что онѣ идутъ болѣе или менѣе порядочно и о которыхъ, слѣдовательно, нельзя заявить, что ихъ вышло три экземпляра въ восемь мѣсяцевъ; втретьихъ, не всѣ книгопродавцы безъ совѣсти; у нѣкоторыхъ и совѣсть есть, и они никогда не имѣютъ твердаго и рѣшительнаго намѣренія обобрать автора, но затянуть на неопредѣленное, болѣе или менѣе отдаленное время отдачу денегъ—это, по книгопродавческимъ принципамъ, не считается предосудительнымъ. Ну, а потомъ—что̀ Богъ дастъ...

На это оттягиваніе уплаты денегъ сочинителямъ есть разные пріемы, совершенно приличные. Книгопродавецъ можетъ сказать сочинителю: «Книга ваша идетъ очень недурно, но вы меня извините: я еще не сводилъ счетовъ, дѣлъ у насъ теперь такое множество; потерпите, пожалуйста, вамъ же лучше—получите все гуртомъ». Сочинители почти всѣ, какъ я уже сказалъ—народъ очень скромный и деликатный. При такой просьбѣ книгопродавца, они будутъ ждать годъ и два, въ особенности, если книгопродавецъ ловокъ и, прося объ отсрочкѣ, увѣряетъ сочинителя, что его книга идетъ; у сочинителя отъ этого ушки на макушкѣ. Потомъ книгопродавецъ, каждый разъ, когда является къ нему сочинитель, можетъ говорить ему: «Я, право, такъ занятъ, что не успѣваю слѣдить за ходомъ всѣхъ изданій. Вы, пожалуйста, потрудитесь сами справиться о вашемъ изданіи въ нашихъ книгахъ». Затѣмъ сочинитель можетъ, если пожелаетъ, хоть цѣлые дни проводить надъ этими книгами и всетаки уйдетъ ни съ чѣмъ. Это—такая тарабарская грамата, въ которой чортъ ногу переломитъ. А, кромѣ того, рѣдкій сочинитель найдется такой храбрый, который рѣшится рыться въ книгахъ книгопродавца. Вѣдь, это значитъ показать недовѣріе къ книгопродавцу! А между тѣмъ, что̀ такое сочинитель безъ книгопродавца?—пропащій человѣкъ. Захочетъ его книгу пустить книгопродавецъ—она пойдетъ; нѣтъ—она сгніетъ въ кладовыхъ, несмотря на всѣ свои достоинства. Есть очень немного книгъ писателей, давно извѣстныхъ публикѣ и любимыхъ ею, которыхъ не можетъ окончательно затереть книгопродавецъ, но ходъ и этихъ книгъ значительно можетъ затормозить.

Одинъ переводчикъ, извѣстный у насъ своими солидными изданіями, разсказывалъ, что, назадъ тому не мало уже лѣтъ, издалъ онъ на нѣсколько тысячъ книгъ, отчасти на деньги, отчасти въ долгъ, въ надеждѣ, что все, что̀ имъ было потрачено на изданіе книгъ, должно въ непродолжительномъ времени возвратиться съ лихвою, такъ какъ изданы книги примѣнительно къ вкусамъ публики и, по всѣмъ соображеніямъ, ходкія. Издалъ онъ книги и сидитъ у моря, ждетъ погодки. Время отъ времени, навѣдывается въ книжный магазинъ. Когда дадутъ 50 руб., когда 25 р., а то и совсѣмъ ничего, а на изданіе потрачены тысячи. Плохо дѣло! Въ отчаяніи, издатель ѣдетъ заграницу. Живетъ тамъ годъ, другой; на третій думаетъ: «а дай-ко я понавѣдаюсь,

не пошли ли книги получше безъ меня». Пишетъ письмо къ своему другу: «Сходи, дескать, любезный, въ магазинъ, справься, что̀ дѣлается съ моими изданіями, да основательно справься». Другъ идетъ, справляется; говорятъ: «нейдутъ изданія». Другу показываютъ, въ удостовѣреніе, и книги, и по книгамъ выходитъ, что изданія нейдутъ. Другъ съ горестію отписываетъ объ этомъ издателю заграницу. Издатель порѣшилъ взять неудавшіяся изданія изъ магазина и какъ-нибудь, по уменьшеннымъ цѣнамъ, сбыть ихъ съ рукъ, хоть бы что̀-нибудь выручить. По возвращеніи изъ-заграницы, онъ является въ магазинъ и требуетъ назадъ свои изданія. Оказывается: изданія всѣ проданы; ему слѣдуетъ получить 20,000 р. А деньги? И денегъ нѣтъ. Фирма, которой ввѣрены были изданія, оказалась значительно прогорѣвшею.

Вы думаете, читатель, это—примѣръ единственный? Совсѣмъ нѣтъ; это происходитъ сплошь и рядомъ, что книгопродавцы обираютъ сочинителей. Но признаюсь, я нахожусь въ затрудненіи: кого тутъ обвинять— книгопродавцевъ или сочинителей? По моему личному, внутреннему расположенію, я желалъ бы стать на сторону слабаго противъ хищника, желалъ бы обвинить книгопродавцевъ, какъ хищниковъ, но не могу, ибо многіе изъ нихъ попали въ запутанное положеніе, точно куры во щи, безъ всякаго злаго умысла. Натурально, что, когда имъ предъявляютъ вексель, они заплатятъ скорѣе по векселю, чѣмъ тому заимодавцу, у котораго нѣтъ никакого документа, хотя бы они отъ всей души желали заплатить послѣднему скорѣе, чѣмъ имѣющему вексель. И поступаютъ въ этомъ случаѣ весьма резонно и возможно справедливо даже по отношенію къ бездокументальнымъ кредиторамъ. Ибо, не уплати они по векселю, у нихъ сейчасъ опишутъ и запечатаютъ магазинъ и приступятъ къ продажѣ. А какъ скоро до этого дѣло дошло, то и тѣ, которые имѣютъ документы, получатъ пять, много десять копеекъ за рубль, а неимѣющіе документовъ ничего не получатъ. Слѣдуя здравой логикѣ, мнѣ слѣдовало бы обвинить сочинителей: зачѣмъ они среди развращеннаго міра сего, оставаясь незлобивы, яко голуби, не дѣлаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, мудры, яко зміи? Зачѣмъ они не ограждаютъ себя документами? Зачѣмъ они вводятъ въ соблазнъ даже и самыхъ совѣстливыхъ, но слабохарактерныхъ книгопродавцевъ? Но я не могу обвинять и сочинителей. Я вижу, что это — бо̀льшею частію младенцы въ дѣлахъ міра сего. У кого достанетъ духу обвинить младенца, какое бы криминальнѣйшее, на взглядъ взрослыхъ, преступленіе онъ ни сдѣлалъ? Младенецъ, какъ младенецъ, eo ipso ни въ чемъ невмѣняемъ. Приходитъ ко мнѣ разъ сочинитель, издавшій нѣсколько книгъ. По разнымъ разсказамъ его, я вижу, что онъ сильно нуждается въ деньгахъ и видимо желаетъ гдѣ-нибудь перехватить малую толику, ибо деньги нужны, какъ видно, до зарѣзу. Но прямо этого онъ, я думаю, и въ виду неминуемой голодной смерти,

никому не скажетъ, изъ опасенія, чтобы лицо, съ которымъ онъ говоритъ, не подумало, что онъ имѣетъ виды на позаимствованіе изъ его кошелька. И это—не исключительный какой-нибудь случай! У многихъ сочинителей деликатность въ денежныхъ дѣлахъ доведена до самой крайней щепетильности! Среди разговоровъ о томъ, о семъ, я, между прочимъ, вставляю: «А чтò, говорю, я васъ давно хотѣлъ спросить:—хорошо идутъ изданныя вами книги?»—«Кàкъ же, отвѣчалъ онъ, видимо одушевлясь и сіяя:—бойко идутъ; я и не ожидалъ такъ; нѣкоторыя почти совсѣмъ разошлись». — «Ну, чтò-жъ, замѣчаю я: — давай Богъ; значитъ, у васъ теперь денегъ куча». — «Да нѣтъ, говоритъ: — ничего не даютъ издатели» (книги его издавалъ магазинъ).—«Кàкъ такъ?» спрашиваю я.—«Да такъ, говоритъ:—сначала, при изданіи, немного дали — очень мнѣ нужно было, потомъ обѣщали принести, да все не приносятъ». — «А! говорю я:—такъ вы ждете, что вамъ сами принесутъ. Значитъ, у васъ надежный документикъ есть?» — «Нѣтъ, говоритъ: — документа ровно никакого нѣтъ».—«Кàкъ никакого? говорю я. — Даже и простой росписки?» — «Даже и простой росписки». Ну, однимъ словомъ, весь договоръ объ изданіи совершился точно такъ же, какъ и у вышеупомянутаго г. Никитина съ А. Ѳ. Базуновымъ. «Послушайте, серьёзно сказалъ я сочинителю:—вы бы сходили въ магазинъ, да попросили себѣ если не немедленной выдачи денегъ, то немедленной выдачи какого-нибудь документа; слухи носятся, что фирма, которой вы отдали вашу книгу, не совсѣмъ надежна. Сохрани Богъ, если она лопнетъ—вы не получите ни копейки; да и безъ этого она всегда прежде будетъ оплачивать по необходимости документальные долги, и, такъ какъ таковыхъ документальныхъ претензій у ней очень много, то вамъ трудно надѣяться чтò-нибудь получить. Вамъ надобно непремѣнно заручиться отъ нея какимъ-нибудь документомъ, и, притомъ, непремѣнно срочнымъ». Сочинитель послѣдовалъ моему совѣту и пошелъ въ магазинъ; въ успокоеніе, ему дали тамъ какой-то лоскутокъ бумаги, на которомъ было изображено, что магазинъ ему долженъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣрили его, что по маленькимъ частямъ долгъ ему постоянно будетъ уплачиваться, время отъ времени. Для полученія первой изъ такихъ частей назначили и день на слѣдующей недѣлѣ. Сочинитель приходитъ въ назначенный день — ничего не даютъ, извиняются, что какой-то непредвидѣнный, экстренный расходъ заставилъ ихъ истратить отложенную для него часть. Просятъ придти на слѣдующей недѣлѣ въ тотъ же день, въ такой-то часъ—и тогда ужъ непремѣнно уплата будетъ сдѣлана. Приходитъ сочинитель на слѣдующей недѣлѣ, въ назначенный день и часъ—не находитъ вовсе и хозяина въ магазинѣ. Чтò было дальше—не знаю; слышалъ только, что сочинитель розъискивалъ адресъ какого-то адвоката для вчинанія иска въ мировомъ судѣ. Но все это, по моему мнѣнію, съ его стороны—пустое препровожденіе времени

и ни къ чему не поведетъ. Я твердо убѣжденъ, что онъ ничего не получитъ, а только умается хожденіемъ по дѣламъ, отнимающимъ у него время и разстроивающимъ нервы, и потомъ пожалѣетъ, что не плюнулъ на все раньше.

Такова судьба сочинителей, ввѣряющихъ свои изданія книжнымъ магазинамъ на продажу! Но судьба иногородныхъ подписчиковъ, присылающихъ въ эти магазины деньги на книги и журналы, еще плачевнѣе! О сочинителѣ можно сказать, что онъ страдаетъ, главнымъ образомъ, по собственной винѣ. Не будь онъ младенецъ, онъ всегда имѣлъ бы возможность оградить себя самыми прочными документами отъ хищничества книгопродавцевъ. Иногородный подписчикъ — совсѣмъ другое дѣло. Онъ совершенно беззащитенъ. Его отношенія къ книгопродавцу такія же, какъ отношенія просителя къ своему начальству или бывшихъ крѣпостныхъ къ своему барину. Отправилъ онъ книгопродавцу деньги съ просьбой выслать книги или журналы, и сиди смирно, жди, что̀ книгопродавцу угодно будетъ сдѣлать. Вышлетъ онъ требуемыя книги или журналы — ладно; говори: «слава Богу»; нѣтъ—и дѣло съ концомъ; значитъ, деньги пропали.

Замѣтьте, читатель, что я говорю о подписчикѣ только иногородномъ, а никакъ не петербургскомъ. Петербургскій подписчикъ—совсѣмъ другое дѣло. Относительно книгъ онъ—вовсе и не подписчикъ, а покупатель, выдающій деньги только тогда, когда ему дадутъ требуемую книгу. Относительно журналовъ и его, конечно, можно назвать подписчикомъ, то-есть человѣкомъ, дѣлающимъ магазину комиссію съ уплатою денегъ впередъ. Но этотъ подписчикъ всегда на лицо въ Петербургѣ, и едва ли какой-нибудь книгопродавецъ, если онъ не имѣетъ намѣренія немедленно отъѣхать въ чужіе края, рискнетъ не доставить петербургскому подписчику выписанный имъ журналъ, исключая какихъ-нибудь развѣ крайнихъ случаевъ. Потому что между подписчиками, состоящими на лицо, могутъ найтись люди нетолько разныхъ неспокойныхъ нравственныхъ качествъ, неудобныхъ для книгопродавца, желающаго зажилить чужія деньги, но и тѣлеснаго сложенія, еще болѣе для этой цѣли неблагопріятнаго. Между подписчиками попадаются люди съ такими атлетическими формами, съ такими крѣпкими мускулами и развитыми дланями, что книгопродавецъ только посматриваетъ на нихъ искоса и думаетъ: «нѣтъ, чортъ возьми, не пошли этому журнала, такъ онъ такъ неосторожно заѣдетъ въ харьковскую, что, пожалуй, рыло своротитъ на сторону, или такого дастъ бокса, что потомъ реберъ не досчитаешься».

Я полагаю, что въ этомъ постоянномъ присутствіи петербургскихъ подписчиковъ на лицо въ Петербургѣ и въ ихъ разнообразныхъ, нравственныхъ и физическихъ качествахъ, нелишенныхъ значенія въ регулированіи русской книгопродавческой дѣятельности, и заключается единственная гарантія бо̀льшей или

меньшей исправности по отношенію къ нимъ петербургскихъ книгопродавцевъ. Иногородный подписчикъ лишенъ такой гарантіи и потому остается совершенно беззащитенъ. Ибо у него нѣтъ болѣе никакихъ средствъ заставить книгопродавца быть исправнымъ. Ну, скажите, пожалуйста, что онъ можетъ дѣлать? Будетъ къ книгопродавцу писать письма? Книгопродавецъ не будетъ отвѣчать. Пошлетъ жалобу въ петербургскую полицію? Полиція не имѣетъ никакихъ правъ по гражданскимъ взысканіямъ. Въ мировой судъ? Но иски въ мировыхъ судахъ обставлены такими формальностями, что тутъ надобно непремѣнно пригласить адвоката, снабдить его законною довѣренностію и т. п. Не говоря уже о томъ, что тутъ хлопотъ полонъ ротъ, адвокатъ не возьметъ за дѣло менѣе 50 р. А подписчикъ, можетъ быть, и книгъ-то всего выписалъ на 10 или на 20 р. Кто же согласится, если онъ и можетъ, терять minimum 50—60 р. для того, чтобы возвратить съ книгопродавца 10 или 20 руб. Такимъ образомъ, иногородный подписчикъ поставленъ совершенно внѣ покровительства законовъ, и, вѣроятно, десятки, сотни тысячъ денегъ, посылаемыхъ имъ на книги петербургскимъ и московскимъ книгопродавцамъ, пропадаютъ въ лапахъ послѣднихъ безслѣдно и безнаказанно.

Это — ужаснѣйшее зло, и зло не частное только, а зло государственное. Благосостояніе государства неразрывно связано съ распространеніемъ образованія въ народѣ. За послѣднее время, наше правительство съ неослабною энергіею стремится къ достиженію этой цѣли, заботясь объ умноженіи народныхъ школъ, учреждая школы для солдатъ, сокращая сроки военной службы для обучавшихся въ школахъ, удешевляя почтовую плату за пересылку книгъ и т. д. И вдругъ тормазомъ на пути къ этой великой цѣли является гнусная алчность книгопродавцевъ, людей, которые, по самой своей профессіи, болѣе всѣхъ должны бы были сочувствовать и содѣйствовать стремленіямъ правительства. И въ дѣйствительности, этотъ тормазъ вовсе не такъ незначителенъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Когда бѣдный человѣкъ, собравъ свои послѣдніе гроши на покупку книги, отсылаетъ ихъ книгопродавцу, а послѣдній ихъ проглатываетъ, то этимъ отбивается охота покупать книги нетолько у того бѣднаго человѣка, у котораго онѣ проглочены книгопродавцемъ, но и у стоящихъ за нимъ десяти, можетъ быть, сотни человѣкъ, которые также желали бы купить книгъ, но боятся потерять деньги. Такимъ образомъ, на дѣйствіе книгопродавца, зажиливающаго деньги, посланныя ему на книги, нельзя смотрѣть только, какъ на частное правонарушеніе—оно, въ самомъ прямомъ и точномъ смыслѣ, является противодѣйствіемъ стремленію государственному. Поэтому, мнѣ кажется, было бы вполнѣ справедливо неисполненіе книгопродавцами комиссій иногородныхъ подписчиковъ по высылкѣ книгъ отнести въ разрядъ дѣлъ уголовныхъ, и всякое неисполненіе такихъ комиссій въ

опредѣленный срокъ преслѣдовать, какъ воровство-мошенничество. Этимъ путемъ вполнѣ гарантировались бы и частные интересы иногородныхъ подписчиковъ, находящихся нынѣ рѣшительно внѣ покровительства закона, отъ хищничества книгопродавцевъ.

Тогда порядокъ преслѣдованія книгопродавцевъ по злоупотребленіямъ комиссіями иногородныхъ подписчиковъ могъ бы установиться слѣдующій:

Каждый иногородный подписчикъ, пославшій книгопродавцу деньги на книги и неполучившій книгъ въ теченіи полутора, двухъ, трехъ мѣсяцевъ, смотря по разстоянію его мѣста жительства отъ Петербурга, посылаетъ заявленіе объ этомъ прокурору петербургскаго окружнаго суда съ приложеніемъ почтовой квитанціи въ отсылкѣ денегъ.

Прокуроръ по этой квитанціи наводитъ справки въ подлежащемъ магазинѣ о полученіи денегъ. И, если окажется, что со дня полученія денегъ въ теченіи двухъ недѣль требованныя подписчикомъ книги не были высланы книгопродавцемъ, то привлекаетъ послѣдняго къ суду за воровство-мошенничество.

У книгопродавца, который такимъ образомъ будетъ три раза привлеченъ къ суду, отнимается навсегда право книжной торговли.

Я увѣренъ, что, еслибы такой порядокъ былъ учрежденъ, то современемъ сами книгопродавцы были бы очень благодарны правительству за то, что оно отняло у нихъ искушеніе грязнить себя и свою профессію. Что̀ касается до иногородныхъ подписчиковъ—о тѣхъ и говорить нѣчего. Тѣ просто были бы въ восторгѣ!

ОТРѢЗАННЫЙ ЛОМОТЬ.

1-й Золотарь. «Давича мнѣ дядя Николай говоритъ: не понимаю я, дядя Павелъ, какъ вы, золотари, это дѣлаете: и должность свою справляете, и хлѣбъ ѣдите. А я ему: не твоего разума это задача, дядя Николай! за то мы въ день цѣлковый получаемъ, а тебѣ и вся цѣна—грошъ.

2-й Золотарь. Ну, а онъ чтò на это?

1-й Золотарь. Ничего. «Отчаянные! говоритъ. Ихъ и вправду объ васъ забыть нужно!»

Изъ неизданной книги «Житейскіе разговоры въ мусорной ямѣ».

Отъ времени до времени, наша печать оживляется, и поводомъ для этого оживленія обыкновенно служатъ уголовные скандалы. Много и безбоязненно было писано объ матери Митрофаніи, еще болѣе обильную пищу для литературныхъ изліяній далъ купецъ Овсянниковъ; наконецъ, теперь выступаетъ на сцену уголовный процессъ г. Кронеберга и грозитъ на долгое время наполнить столбцы газетъ.

Процессъ этотъ немногосложенъ: г. Кронебергъ сѣкъ свою дочь и давалъ ей пощечины. О существованіи этой дочери онъ узналъ уже спустя значительное время послѣ ея рожденія, и потому первоначальное ея воспитаніе было болѣе, чѣмъ небрежное. Немедленно по появленіи на свѣтъ, она была отдана своею матерью въ одно крестьянское семейство въ Швейцаріи, гдѣ и нашелъ ее г. Кронебергъ. Затѣмъ, онъ отдалъ ее въ семью пастора Комбà, въ Женевѣ, но и тутъ удовлетворительныхъ результатовъ не получилъ. Оставалось поселить ребенка вмѣстѣ съ собою и лично заняться его воспитаніемъ, чтò г. Кронебергъ и исполнилъ. Но, задавшись мыслью сдѣлать изъ своей дочери «женщину не блестящую, но полезную», молодой отецъ съ огорченіемъ замѣтилъ, что въ ребенкѣ уже укоренились нѣкоторыя дурныя привычки, при существованіи которыхъ женщина, хотя и можетъ быть блестящею (въ благонамѣренномъ мірѣ кокотокъ), но ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права на названіе полезной. Надлежало воздѣйствовать на эти привычки, устроить такъ, чтобъ ребенокъ забылъ объ нихъ. Намѣреніе отличное, но, къ сожалѣнію, г. Кронебергъ—педагогъ-самоучка,

воспитанный внѣ вліянія педагогическаго общества, и, притомъ, человѣкъ раздражительный, пылкій и самонадѣянный. Онъ сказалъ себѣ: «не нужно мнѣ никакихъ совѣтовъ, ни чьей помощи! я сдѣлаю все самъ. «Но такъ какъ человѣкъ, неприготовленный къ извѣстнаго рода дѣятельности, можетъ только производить путаницу, то весьма естественно, что самонадѣянный педагогъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ сознаться въ своей несостоятельности и, за недостаткомъ времени для изученія новѣйшихъ педагогическихъ системъ, прибѣгнуть къ тѣмъ воспитательнымъ пріемамъ, которые въ ходу въ той средѣ, гдѣ онъ живетъ. А въ средѣ этой педагогика одна: плюхи, ежели дѣло не терпитъ отлагательства, и розги, ежели можно вести дѣло искорененія пороковъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. И дѣйствительно, розги, умѣряемыя плюхами, выступили на сцену.

Но система тѣлесныхъ воздѣйствій имѣетъ троякую невыгоду. Вопервыхъ, она дѣйствуетъ медленно, ибо относится къ злой волѣ ребенка не непосредственно, а при участіи нѣкоторыхъ посредствующихъ членовъ, каковыми являются: со стороны воспитывающаго — розги и кулакъ, а со стороны воспитываемаго — бренная оболочка безсмертной его души и, преимущественно, заднія ея части. Понятно, что черезъ спину и, притомъ, при помощи розги, не имѣющей въ себѣ ничего духовнаго, гораздо труднѣе проникнуть до души, нежели при помощи убѣжденія, которое, какъ начало тонкое, имѣетъ свойство дѣйствовать на душу непосредственно. Во-вторыхъ, тѣлесныя наказанія, не удовлетворяя условіямъ быстроты дѣйствія, что̀ собственно и ожидается отъ нихъ педагогами-самоучками, раздражаютъ послѣднихъ и заставляютъ ихъ тѣмъ сильнѣе упорствовать въ избранной системѣ, чѣмъ сомнительнѣе получаемые отъ нея результаты. Втретьихъ, они вынуждаютъ наказываемыхъ свидѣтельствовать объ испытываемой ими боли болѣе или менѣе громкими криками, которые впослѣдствіи могутъ служить несовсѣмъ пріятнымъ для педагоговъ поводомъ для начатія противъ нихъ судебнаго преслѣдованія.

Это послѣднее обстоятельство въ особенности важно; оно оказалось и въ дѣлѣ г. Кронеберга. Марія Кронебергъ такъ сильно и часто кричала, что возбудила состраданіе въ двухъ сердобольныхъ женщинахъ (дворничихѣ и кухаркѣ), которыя и заявили въ участкѣ объ *истязаніяхъ*. Педагогическіе эксперименты были прерваны; на сцену явился участковый приставъ, затѣмъ прокуратура, врачъ, судебный слѣдователь, судебная палата и проч. А г. Кронебергъ поспѣшилъ обратиться къ помощи г. Спасовича, о которомъ даже стѣны судебныхъ зданій вопіютъ: vir bonus, dicendi peritus.

Судебное слѣдствіе состоялось 23-го прошлаго января и, какъ и слѣдовало ожидать, было направлено къ разъясненію слѣдующихъ трехъ капитальныхъ пунктовъ: 1) не было ли какихъ по-

стороннихъ причинъ, заставившихъ упомянутыхъ выше двухъ сердобольныхъ женщинъ довести до участка дѣло объ истязаніяхъ? или, другими словами: заявили ли онѣ объ этомъ дѣлѣ безкорыстно, или же руководились какими-либо личными непохвальными побужденіями? 2) заслуживала ли Марія Кронебергъ, чтобы на порочную волю ея воздѣйствовали при посредствѣ розогъ и оплеухъ, то есть обладала ли она такими наклонностями, которыя могли ей впослѣдствіи воспрепятствовать сдѣлаться полезною женщиной? 3) выходили ли употребленныя г. Кронебергомъ мѣры и исправленія изъ предѣловъ, очерченныхъ закономъ, на столько, чтобы потребовать вмѣшательства въ формѣ судебнаго преслѣдованія?

По первому вопросу, на возбудительницъ была накинута темная тѣнь. Дворничиха была замѣшана въ исторію о пропавшемъ цыплёнкѣ, за что подвергнута г. Кронебергомъ вычету изъ жалованья, въ количествѣ 80-ти копеекъ. Кухарка тоже состояла съ дѣвочкой въ какихъ-то преступныхъ отношеніяхъ, которыя, однакожъ, на судоговореніи разъясненія не получили. Вообще, этотъ вопросъ былъ поставленъ довольно ребячески, и защита поняла, что опираться на него нѣтъ надобности (достаточно и того, что онъ промелькнулъ на слѣдствіи); но сомнѣніе все-таки было возбуждено, и чистый образъ сердобольной дворничихи значительно потемнѣлъ въ глазахъ людей, которые изъ всѣхъ побужденій, двигающихъ человѣкомъ, вѣрятъ только въ побужденіе, заставляющее, ради, 80-ти копеекъ, предавать своего ближняго.

По второму вопросу, свидѣтель, докторъ Суслова, показала, что дѣвочка занималась онанизмомъ и не умѣла управлять своими естественными нуждами. Затѣмъ, изъ другихъ показаній (ихъ давали: поосудимый Кронебергъ, г-жа Жезингъ и пасторъ Комба̀, который уже выказалъ свою несостоятельность въ дѣлѣ воспитанія), можно замѣтить, что Марія Кронебергъ позволяла себѣ лгать и однажды даже подала поводъ заподозрить ее въ намѣреніи присвоить себѣ изъ запертаго помѣщенія (кража со взломомъ) принадлежащій г-жѣ Жезингъ черносливъ.

И такимъ образомъ, передъ присяжными невольно возникала слѣдующая дилемма: ежели уже до начала судебнаго преслѣдованія Марія Кронебергъ не умѣла управлять своими естественными надобностями, то не будетъ ли вынесенный подсудимому обвинительный приговоръ косвеннымъ для нея поощреніемъ и впредь упорствовать въ томъ же ложномъ направленіи?

По третьему пункту, свидѣтели неученые отчасти показывали, что наказанія были жестокія, отчасти отзывались невѣдѣніемъ. Свидѣтели ученые, т. е. эксперты-врачи, путались. Врачъ Лансбергъ сначала высказывался не въ пользу г. Кронеберга, но потомъ началъ мало-по-малу отступать и кончилъ тѣмъ, что, собственно говоря, провести границу между легкими и тяжкими повреждениями «мы не можемъ» и что иногда и отъ легкихъ

поврежденій люди умираютъ, а другіе и отъ тяжкихъ выздоравливаютъ. Такъ что, когда г. Спасовичъ обратился къ нему съ вопросомъ, нашелъ ли онъ на тѣлѣ прорѣзы кожи или только пятна и полосы (этотъ вопросъ слѣдовало бы вырѣзать золотыми буквами на мраморной доскѣ и повѣсить послѣднюю въ залѣ засѣданій совѣта присяжныхъ повѣренныхъ), то г. Лансбергъ отвѣтилъ уже совсѣмъ темно, что «поврежденія относятся къ тяжкимъ по отношенію наказанія, а не по отношенію нанесенныхъ ударовъ», желая этимъ, вѣроятно, выразить, что солдатъ могъ бы вынести такія поврежденія безъ особеннаго вреда, но для ребенка они могли составить и вредъ. Врачъ Чербышевичъ свидѣтельствовалъ по части рубцовъ и выразилъ то мнѣніе, что поврежденія особеннаго вліянія на здоровье ребенка не имѣли, но рубцы остались на всю жизнь и, судя по формѣ ихъ, произошли не отъ ушибовъ, а отъ ударовъ прутьями. Давность же происхожденія рубцовъ г. Чербышевичъ опредѣлилъ такъ: можетъ быть, за нѣсколько лѣтъ, а, можетъ быть, и за три недѣли. Экспертъ Флоринскій тоже отнесъ наказаніе не къ тяжкимъ, причемъ присовокупилъ, что Марія Кронебергъ принадлежитъ къ числу такихъ субъектовъ, у которыхъ раздраженіе кожи бываетъ рѣзче, чѣмъ у другихъ. Наконецъ, экспертъ докторъ Корженевскій выразился, что дѣвочка принадлежитъ къ субъектамъ, малѣйшее прикосновеніе къ тѣлу которыхъ производитъ синяки. Словомъ сказать, экспертиза нетолько не внесла никакой ясности въ дѣло, но еще болѣе запутывала его въ лабиринтѣ противорѣчій и оговорокъ. Никто ничего не сказалъ прямо, такъ что для слушателей этого безплоднаго разговора защиты съ экспертами могъ даже возникать совсѣмъ особаго рода вопросъ: да ужь не Марія ли Кронебергъ виновата тѣмъ, что принадлежитъ къ числу субъектовъ, малѣйшее прикосновеніе къ тѣлу которыхъ производитъ синяки? Хотя, съ другой стороны, слушателямъ болѣе сообразительнымъ могъ представиться и такой вопросъ: для чего же, однако, г. Кронебергъ предметомъ своихъ педагогическихъ воздѣйствій избралъ дочь, а не солдата, малѣйшее прикосновеніе къ тѣлу котораго, навѣрное, синяковъ не произведетъ?

Г. Спасовичъ безподобно воспользовался неопредѣленнымъ характеромъ матерьяла, добытаго на судебномъ слѣдствіи. Вообще, независимо отъ талантливости, это—самый солидный и дѣльный изъ нынѣ дѣйствующихъ адвокатовъ. Онъ всегда стоитъ на почвѣ фактовъ и прежде всего интересуется не тѣмъ, дѣйствительно ли преступленіе имѣло мѣсто, а тѣмъ, не имѣется ли для него оправданій въ законѣ и могутъ ли быть опровергнуты представляющіяся въ дѣлѣ улики. Онъ не допускаетъ лакейской чувствительности—и безплодныхъ набѣговъ въ область либеральнаго бормотанья. Онъ помнитъ, что онъ—адвокатъ, только адвокатъ, а не философъ и не публицистъ, и приглашаетъ присяжныхъ засѣдателей помнить объ этомъ. Въ его глазахъ, преступленіе не имѣетъ

въ себѣ ничего чудовищнаго, изумляющаго, и онъ мало ожидаетъ, чтобы суды перестали дѣйствовать за прекращеніемъ уголовныхъ преступленій. Онъ знаетъ законы со всѣми продолженіями и дополненіями, умѣетъ толковать ихъ и всегда хранитъ про запасъ кассаціонный поводъ. Свидѣтеля онъ изучилъ до тонкости и потому не учитъ его и не надоѣдаетъ назойливыми вопросами, а только слегка направляетъ, ибо знаетъ, что свидѣтель, предоставленный самому себѣ, гораздо скорѣе приподнесетъ ему сущій медъ, нежели свидѣтель, котораго адвокатъ беретъ подъ опеку. Присяжныхъ засѣдателей тоже проникъ и нерѣдко упрощаетъ ихъ обязанности, объясняя (обыкновенно, въ заключеніе), что о преступленіи уже по тому одному не можетъ быть и рѣчи, что самое судебное преслѣдованіе возбуждено несогласно съ такими-то и такими-то требованіями закона. Сверхъ того, судя по репутаціи, г. Спасовичъ принадлежитъ къ числу адвокатовъ, не обуреваемыхъ жаждой легкаго и быстраго стяжанія, что̀ еще больше влечетъ къ нему сердца подсудимыхъ.

Таковъ адвокатъ, выступившій въ роли защитника г. Кронеберга на судоговореніи 23 января.

Сдѣлавши довольно краткій, хотя, нужно сознаться, не особенно замѣчательный очеркъ жизни и семейныхъ отношеній подсудимаго, г. Спасовичъ прежде всего приступаетъ къ вопросу: имѣютъ ли право родители наказывать своихъ дѣтей?—и разрѣшаетъ его не на основаніи какихъ-либо произвольныхъ умозаключеній, но ссылкою на статью закона, которая гласитъ прямо, что родители, недовольные поведеніемъ дѣтей, могутъ наказывать ихъ способами, невредящими ихъ здоровью и не препятствующими успѣхамъ въ наукахъ. Отсюда—выводъ: да̀, г. Кронебергъ наказывалъ свою дочь, и имѣлъ на это право, гарантированное ему закономъ. Но, можетъ быть, онъ злоупотреблялъ этимъ правомъ и пускалъ въ ходъ такіе способы наказанія, которые могли вредить ея здоровью?—Чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, Спасовичъ входитъ въ подробное, хотя и утомительное разсмотрѣніе качества побоевъ, слѣды которыхъ найдены на тѣлѣ ребенка. Знаки отъ побоевъ раздѣляются на три категоріи. Прежде всего, представляются *знаки на лицѣ*, которыхъ такъ много, что, по признанію самой защиты, «если пристально вглядѣться въ лицо ребенка, то это лицо точно исписано по всѣмъ направленіямъ тонкими шрамами». Но это ничего не значитъ, ибо показанія экспертовъ такъ неопредѣленны, что защитѣ нѣтъ никакого труда вывести заключеніе, что «нѣтъ ни одного знака, о которомъ можно было бы сказать, что онъ произошелъ отъ удара, нанесеннаго отцомъ». Жаль, что подсудимый самъ сознался въ пощечинахъ, а, не будь этого сознанія, не было бы и пощечинъ, такъ какъ нѣтъ синихъ и синебагровыхъ пятенъ. Но ежели и были синяки, то развѣ присяжнымъ не памятно показаніе доктора Корженевскаго, который удостовѣрилъ, что суще-

ствуютъ субъекты, малѣйшее прикосновеніе къ тѣлу которыхъ производитъ синяки? Ребенокъ золотушный, изобилующій лимфой—что же тутъ мудренаго, что тѣло его покрыто синяками! И такъ, знаки на лицѣ есть, но нѣтъ увѣренности, нѣтъ уликъ и доказательствъ, что они произошли отъ побоевъ, нанесенныхъ отцомъ. И, притомъ, это, знаки мелкіе, ничтожные. Затѣмъ, слѣдуютъ знаки *на рукахъ и на ногахъ*. Что касается до нихъ, то они произошли очень просто: дѣвочку держали за руки и за ноги во время сѣченія. Сѣченіе было — этого никто не отрицаетъ: самъ подсудимый сознался въ этомъ и на этотъ разъ сознался кстати, потому что иначе нельзя было бы объяснить происхожденіе знаковъ на рукахъ и на ногахъ. Tout se lie, tout s'enchaîne dans ce monde, сказалъ нѣкогда Ламартинъ, и прибавилъ: alea jacta est!, т. е.: когда собираешься сѣчь, то имѣй въ виду, что сѣкомаго нужно будетъ держать за руки и за ноги, вслѣдствіе чего у него несомнѣнно образуются синяки. Дальше: переходъ отъ знаковъ на рукахъ и на ногахъ къ знакамъ *на заднихъ частяхъ тѣла* — самый естественный. Эти знаки тоже есть, но, прежде всего, самъ экспертъ Лансбергъ засвидѣтельствовалъ, что «прорѣзовъ кожи» не было, а были только синебагровыя пятна и полосы, а, коль скоро «прорѣзовъ кожи» не было, то стоитъ ли о подобныхъ знакахъ и толковать! Хотя же, сверхъ полосъ и пятенъ, найдены были на ягодицахъ слѣды струпьевъ, то струпья эти, по объясненію эксперта Корженевскаго, суть не что иное, какъ мѣстное омертвѣніе кожи, которая сходила и замѣнялась новой. Да и самый вопросъ этотъ не медицинскій, а педагогическій, ибо медикъ не можетъ опредѣлить ни предѣловъ власти отца, ни силы неправильнаго наказанія (?)— все это скорѣе могутъ опредѣлить инспекторы и учители гимназій. Но на столѣ, въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, тѣмъ не менѣе, лежитъ пукъ розогъ, которыя экспертъ Флоринскій назвалъ шпицрутенами, несомнѣнно бывшій въ употребленіи, и именно въ рукахъ г. Кронеберга — этого, конечно, отрицать нельзя. Нельзя, однако-жь, отрицать и того, что г. Кронебергъ пользовался этимъ педагогическимъ орудіемъ *только одинъ разъ*. Онъ сорвалъ эти рябиновые прутья за нѣсколько дней до наказанія, а, срывая ихъ, *быть можетъ*, не зналъ, что придется употреблять ихъ въ дѣло. Правда, что случай не заставилъ себя ждать; но до тѣхъ поръ г. Кронебергъ наказывалъ свою дочь только «маленькими вѣтками», да и то раза три, въ промежуткахъ времени довольно значительныхъ. Хотя же нѣкоторые и показываютъ, что дѣвочка кричала сильно и часто, но она вообще «кричать горазда, кричитъ и тогда, когда ее ставятъ въ уголъ или на колѣни».

И такъ, о происхожденіи знаковъ на лицѣ нельзя сказать ничего вѣрнаго; что же касается до сѣченія, то, хотя оно и производилось, но при посредствѣ совсѣмъ «маленькихъ вѣтокъ», за исключеніемъ лишь *одного раза*, когда употреблены были въ

дѣло шпицрутены, срѣзанные за нѣсколько дней до наказанія, но безъ ясно-сознаннаго намѣренія употребить ихъ въ дѣло. Можно ли назвать тяжкимъ это *единократное* наказаніе, не сопровождавшееся даже прорѣзами кожи?—отвѣтъ на это дастъ кассаціонная судебная практика, изъ которой до очевидности ясно, что въ настоящемъ случаѣ самое возбужденіе подобнаго вопроса представляется немыслимымъ.

Совсѣмъ иное дѣло—вопросъ: была ли достаточная причина для употребленія мѣры домашняго исправленія въ тѣхъ увеличенныхъ размѣрахъ, которые допущены были при томъ единократномъ наказаніи, когда г. Кронебергъ употребилъ шпицрутены? Само собою разумѣется, что была. Дѣвочка имѣетъ много пороковъ, которые требуютъ педагогическаго воздѣйствія: она — лгунья и воровка... Пропадаетъ сахаръ, черносливъ и, наконецъ, является поползновеніе (слѣдствіемъ, впрочемъ, неподтвержденнное) добраться и до денегъ. Равнодушно къ такимъ поступкамъ относиться нельзя. «Я полагаю, сказалъ г. Спасовичъ: — что отъ чернослива до сахара, отъ сахара до денегъ, отъ денегъ до банковыхъ билетовъ—путь прямой, открытая дорога». Словà сильныя, но неосновательныя, свойственныя тѣмъ остервенѣлымъ педагогамъ, которымъ до того опостылѣло воспитательное ремесло, что они въ каждомъ воспитываемомъ готовы усматривать будущаго злодѣя. Едва ли также можно согласиться съ мнѣніемъ г. Спасовича, что отецъ, наказывая своего сына (кàкъ?), избавляетъ его отъ каторжныхъ работъ и поселенія, а, наказывая дочь, избавляетъ ее отъ того, чтобъ она сдѣлалась распутною женщиной; ибо можно указать на множество лицъ, которыя, никогда не бывъ сѣчены ни съ разсѣченіемъ кожи, ни безъ разсѣченія оной, нетолько не угодили на каторгу, но занимаютъ болѣе или менѣе значительныя общественныя должности. Тѣмъ не менѣе, несмотря на пародоксальность и ребяческую несостоятельность подобныхъ мнѣній, высказывать ихъ въ защитительной рѣчи, обращенной къ присяжнымъ засѣдателямъ—все-таки, недурно. Хорошо поразишь воображеніе присяжнаго, сказавъ: вотъ дѣвочка, которая была на пути къ банковымъ билетамъ, но г. Кронебергъ ее остановилъ! И еще: сѣки своего сына, ибо это избавляетъ его отъ каторги! сѣки свою дочь, ибо это воспрепятствуетъ ей сдѣлаться жертвой распутства! Нужды нѣтъ, что все это—вздоръ и галиматья и что подобныя мнѣнія отзываются не то старческимъ безсиліемъ, не то ребяческими пеленками—г. Спасовичъ очень хорошо знаетъ, что существуютъ аудиторіи, въ средѣ которыхъ подобныя преспективы пользуются силою почти неотразимою, и, покуда эти аудиторіи будутъ существовать, и онъ будетъ рисовать свои преспективы въ интересахъ подсудимыхъ, которые прибѣгнутъ къ его адвокатской помощи.

Изъ всего изложеннаго выше оказывается, что г. Кронебергъ—отнюдь не истязатель, а только плохой педагогъ. Наказывая

дѣвочку сильно, больно, такъ что остались слѣды наказанія (вотъ кабы найти такой способъ, чтобы можно было наказывать сильно и больно, а слѣдовъ бы не оставалось!), онъ «сдѣлалъ двѣ логическія ошибки: во-первыхъ, поступилъ слишкомъ рьяно, предположивъ, что можно однимъ ударомъ искоренить все зло, которое годами посѣяно въ душу ребенка и годами же взращено», и, во-вторыхъ, онъ «дѣйствовалъ не какъ осторожный судья, и не вошелъ въ изслѣдованіе обстоятельствъ, которыя склоняли дѣвочку къ кражѣ».

Плохой педагогъ, неосторожный судья—и больше ничего. Вотъ, еслибъ его за это предали суду, тогда былъ бы другой разговоръ! Тогда его можно было бы даже присудить къ высшей мѣрѣ наказанія, то-есть къ отдачѣ на покаяніе въ педагогическое общество (но тогда можно было бы также доказывать, что сужденіе о достоинствѣ той или другой педагогической системы до присяжныхъ не относится), а то, помилуйте! предаютъ человѣка суду за истязаніе! Да гдѣ же оно? гдѣ его признаки? вотъ вамъ сводъ законовъ, вотъ кассаціонная судебная практика и вотъ, наконецъ, показанія экспертовъ-врачей! Истязанія! тяжкія поврежденія! И это говорится въ виду показаній, совершенно опредѣлительно установившихъ, что не было даже просѣченія кожи!

Однимъ словомъ, какъ адвокатъ, г. Спасовичъ исполнилъ свое дѣло вполнѣ исправно—съ знаніемъ законовъ и кассаціонной судебной практики, съ тонкимъ пониманіемъ свидѣтелей и присяжныхъ засѣдателей. Съ своей стороны, и присяжные отнеслись къ его усиліямъ съ полнымъ довѣріемъ и вынесли г. Кронебергу оправдательный вердиктъ.

Собственно говоря, здѣсь бы и слѣдовало кончить настоящую статью. Всѣ сдѣлали свое дѣло. Г. Кронебергъ сѣкъ свою дочь, но безъ просѣченія кожи, а, ежели она кричала, то потому только, что вообще «кричать горазда». Г. Спасовичъ исполнилъ свое провиденціальное назначеніе безподобно, то-есть доказалъ, что кліентъ его наказывалъ не произвольнымъ аллюромъ, но на точномъ основаніи указаній, представляемыхъ кассаціонною судебною практикой. Присяжные засѣдатели вынесли оправдательный вердиктъ. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего ни необычнаго, ни удивительнаго. Неудивительно даже и то, что въ такомъ дѣлѣ фигурировалъ г. Спасовичъ, а не адвокатъ чувствительной школы г. Языкова. Вѣдь, г. Спасовичъ, помнится, уже заявилъ однажды, что адвокатская дѣятельность должна не посторонними какими-либо соображеніями руководствоваться, но преслѣдовать лишь тѣ чисто-художественно-юридическія цѣли, которыя непосредственно вытекаютъ изъ свода законовъ и кассаціонной судебной практики...

Но есть въ защитительной рѣчи г. Спасовича одна сторона, которая какъ-то не клеится съ идеаломъ чисто-художественно-юридическихъ цѣлей, рекомендуемымъ имъ адвокатскому сосло-

вію. Въ началѣ этой рѣчи существуетъ небольшое вступленіе, въ которомъ знаменитый адвокатъ желаетъ какъ бы выгородить свою личную солидарность съ розгами и пощечинами, и внушить слушателямъ, что его личныя понятія насчетъ способовъ педагогическаго воздѣйствія далеко не сходны съ тѣми, которыя исповѣдуетъ г. Кронебергъ. Въ виду такого заявленія, конечно, всего естественнѣе было бы обратиться къ г. Спасовичу съ вопросомъ: если вы не одобряете ни пощечинъ, ни розогъ, то зачѣмъ же ввязываетесь въ такое дѣло, которое сплошь состоитъ изъ пощечинъ и розогъ? Но, повидимому, это нравственное и умственное двоегласіе имѣетъ особенную и вполнѣ уважительную причину, а именно: г. Спасовичъ, не будучи лично сторонникомъ пощечинъ и розогъ (и онъ родился въ Аркадіи, и онъ не чуждъ *постороннихъ соображеній!*), видитъ въ нихъ, тѣмъ не менѣе, своего рода воспитательный пантеонъ, къ которому надо приближаться съ осторожностью, а всего лучше— ожидать съ терпѣніемъ, пока онъ самъ собой рухнетъ. А не рухнетъ онъ никогда, невольно проговаривается при этомъ уважаемый ораторъ и адвокатъ.

Вотъ объ этой-то сторонѣ защитительной рѣчи и предстоитъ теперь сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что она значительно подрываетъ солидно-дѣловую, изъятую отъ всякихъ мечтательностей дѣятельность г. Спасовича, какъ адвоката.

Существуетъ въ Европѣ и, вѣроятно, въ цѣломъ мірѣ политическое и философское ученіе, извѣстное подъ именемъ ученія о компромиссахъ и сдѣлкахъ. Сущность этого ученія заключается въ томъ, что человѣчество должно подвигаться впередъ, отступая. Нѣкоторые адепты этого ученія еще сохранили память о кой-какихъ идеалахъ и, во имя ихъ, въ особенности рекомендуютъ уступки и компромиссы; но другіе до того завертѣлись въ бѣличьемъ колесѣ компромиссовъ, что уже ничего впереди не видятъ и ничего назади не помнятъ, а смотрятъ на жизнь, какъ на исторически организованную игру, въ которой никакой цѣли никогда не достигается, но всѣ формы неуклоннаго поступательнаго движенія имѣются на лицо. Игра эта бываетъ болѣе или менѣе сложная, смотря по бо́льшей или меньшей сложности этого замысла и бо́льшему или меньшему количеству силъ, которыя въ нее введены; но, во всякомъ случаѣ, она съ избыткомъ наполняетъ досуги людей, любящихъ поступательное движеніе ради него самого.

Въ настоящее время, въ Европѣ существуетъ какъ бы повѣтріе на компромиссы и сдѣлки. Всюду чувствуется смутная боязнь, и потому всюду раздаются клики: Осторожнѣе! Не спѣшите! Отступайте! Заманивайте! Не раздражайте! На этой наклонности компромисса основанъ союзъ германскихъ національныхъ либераловъ съ Бисмаркомъ, и этимъ же явленіемъ объясняется и то, что́ происходитъ теперь въ Франціи.

Практика компромиссовъ до такой степени втягиваетъ, что

заставляетъ забывать прежнія связи и прежнихъ друзей. Люди дѣлаются придирчивѣе, подозрительнѣе, приходятъ въ одичаніе и, въ концѣ концовъ, до такой степени погрязаютъ въ мелочахъ, что начинаютъ все прикидывать на золотники и вершки и отъ этихъ вершковъ ставить въ зависимость успѣхъ поступательнаго движенія въ бѣличьемъ колесѣ. Каждый открытый шагъ друзей-единомышленниковъ кажется компрометирующимъ; каждое слово, разоблачающее дѣйствительныя цѣли стремленій партіи, представляется рискованнымъ, преждевременнымъ. Хотѣлось бы достигнуть этихъ цѣлей «потихоньку», не въ смыслѣ бо́льшей или меньшей медленности процесса достиженія, а такъ, чтобы никто не замѣтилъ. Всѣ бы на минуту задремали, а мы бы взяли да и воспользовались. И, такъ какъ, при такомъ безпокойномъ состояніи ума, послѣдній всѣ усилія направляетъ лишь къ устройству внѣшнихъ формъ движенія, т. е. къ дисциплинѣ и субординаціи, то нерѣдко случается, что первоначальныя цѣли мало по малу стираются, и отходятъ очень далеко назадъ. Такъ что, не безъ удивленія можно видѣть, что человѣкъ, который первоначально ни о чемъ не хотѣлъ слышать, кромѣ maximum'a, преспокойно съѣзжаетъ себѣ на minimum и упорно сидитъ въ новосозданной имъ раковинѣ умѣренности до тѣхъ поръ, пока новая горячая волна жизни не вымоетъ его оттуда.

Вѣяніе времени, носящееся въ воздухѣ, сказывается до того рѣшительно, что подчиняетъ себѣ, напримѣръ, Луи Блана, который до сихъ поръ гораздо сочувственнѣе относился къ требованіямъ «мечтателей», нежели къ «политикѣ разсудка» и «политикѣ результатовъ». Въ недавнемъ письмѣ къ избирателямъ XIII округа города Парижа, онъ уже прямо выражается, что уступки необходимы и что однимъ скачко́мъ очутиться у цѣли невозможно...

Тоже явленіе встрѣчается и въ современной Россіи, хотя и въ иныхъ примѣненіяхъ. У насъ нѣтъ широкихъ интересовъ, волнующихъ Францію и Германію; у насъ человѣческая мысль можетъ, отъ времени до времени, высказываться лишь по поводу частныхъ случаевъ, проявляющихся преимущественно на судоговореніяхъ. Поэтому, и въ дѣятеляхъ чувствуется нѣкоторая разница: во Франціи проводителями ученія о компромиссахъ являются Гамбетта и Луи Бланъ, у насъ—г. Спасовичъ. Съ этою оговоркой, письмо Луи Блана, безъ всякой натяжки, можетъ стоять рядомъ съ рѣчью г. Спасовича, и читателю, при сравненіи ихъ, остается только уменьшать размѣры въ той степени, въ какой онъ самъ заблагоразсудитъ.

Изложивъ свою избирательную программу, и установивъ тѣ политическіе «общественные идеалы, торжеству которыхъ была всецѣло посвящена его жизнь и въ пользу коихъ онъ и впредь обязывается нелѣностно ратовать, Луи Бланъ вдругъ дѣлаетъ переходъ, въ сущности, ничѣмъ не мотивированный, кромѣ смут-

наго представленія: а что ежели честный солдатъ Мак-Магонъ, за такія мои слова объ республиканскихъ идеалахъ, республику прихлопнетъ, а намъ всѣмъ «фельдфебеля въ Вольтеры дастъ»? Вотъ этотъ переходъ: «Мнѣ, конечно, не безъизвѣстно, любезные согражданe, что въ трудномъ шествіи человѣчества къ царству правды необходимы извѣстныя станціи; что побѣды прогресса не совершаются въ одинъ день; что нужно терпѣніе, нужна осторожность, нуженъ практическій смыслъ вещей; что, идя впередъ съ излишней быстротой, человѣчество рискуетъ быть поставленнымъ въ необходимость отступить». То-есть, другими словами: ваше превосходительство! господинъ маршалъ Мак-Магонъ! Вы слышали, что я сейчасъ говорилъ о рабочемъ вопросѣ, о церкви, о народномъ образованіи, но вѣдь это *Улита ѣдетъ, когда-то будетъ.* Желая всѣмъ сердцемъ реформъ въ моемъ отечествѣ, я, однакожь, понимаю, что на хотѣнье есть терпѣніе и что въ настоящее время мы уже и тѣмъ совершенно счастливы, что имѣемъ такого снисходительнаго начальника, какъ ваше превосходительство. Успокойтесь же на счетъ нашей благонамѣренности и имѣйте въ виду, что, ежели въ 1880 году, потребуется устроить для васъ новый септенатъ, мы, хотя, быть можетъ, ради приличія, не будемъ дѣятельно участвовать въ этомъ торжествѣ, но и препятствовать оному не станемъ, такъ какъ идеалы наши трудные, а въ 1880 году пословица «скорость потребна только блохъ ловить» будетъ существовать въ той же силѣ, какъ и въ настоящую минуту.

Тоже говоритъ и г. Спасовичъ въ той скромной сферѣ сѣченія, въ которой онъ, въ качествѣ адвоката, вынужденъ вращаться. «Я, гг. присяжные, объясняетъ онъ:—не сторонникъ розги; я вполнѣ понимаю, что можетъ быть проведена система воспитанія, изъ которой розга будетъ исключена, но... нормальныя мѣры употребляются въ нормальномъ порядкѣ вещей». Или другими словами: хорошо воспитать безъ розги, но нужно запастись терпѣніемъ, осторожностью и практическимъ смысломъ вещей, и съ этимъ можемъ ждать нормальнаго порядка вещей. А до тѣхъ поръ слѣдуетъ довольствоваться необходимыми станціями, въ числѣ коихъ г. Кронебергъ составляетъ такую, на которой поѣздъ, стремящійся въ царство правды, останавливается для сѣченія до тѣхъ поръ, покуда объ этомъ не будетъ заявлено въ участкѣ.

Далѣе Луи Бланъ продолжаетъ: «Было бы несомнѣнно неблагоразумно думать, что можно однимъ прыжкомъ очутиться у цѣли путешествія, для совершенія котораго потребно продолжительное время». А г. Спасовичъ, изъ скромной сферы розогъ вступая въ еще болѣе скромную сферу пощечинъ, объясняется такъ: «Остается открытымъ вопросъ о пощечинахъ и о тѣхъ синякахъ, которые были, *можетъ быть* (г. Спасовичъ твердо держится показанія доктора Корженевскаго о принадлежности Маріи Кронебергъ къ такимъ субъектамъ, малѣйшие прикоснове-

ніе къ тѣлу которыхъ производитъ синяки, и только по страсти къ компромиссамъ допускаетъ, что синяки, *можетъ быть*, произошли и отъ пощечинъ), послѣдствіемъ пощечинъ. Кронебергъ давалъ пощечины ребенку—это вѣрно: онъ самъ признаётъ, что ударилъ дѣвочку по лицу раза три или четыре (Іоаннъ Грозный поступилъ искреннѣе, записавъ въ синодикъ убіенныхъ и потопленныхъ имъ подъ рубрикой «имена же ихъ Ты, Господи, вѣси!»). *Я признаю, что пощечина не можетъ считаться достойнымъ одобренія способомъ отношенія отца къ дитяти.* И я знаю также, что есть весьма уважаемыя педагогики, которыя считаютъ ударъ рукой по щекѣ нисколько не тяжелѣе, а, можетъ быть, и предпочтительнѣе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, сѣченія розгами. Причины, почему пощечина считается особенно обиднымъ ударомъ, кроются въ нравахъ, въ прошедшемъ. Слѣдя въ исторіи за возникновеніемъ этого понятія, мы отыщемъ его въ тѣ рыцарскія времена, когда рыцари ходили въ шлемахъ съ забраломъ, когда ударять ихъ по лицу въ обыкновенномъ ихъ нарядѣ было невозможно, а подобные удары сыпались только на смердовъ, на вилановъ (см. въ одномъ изъ будущихъ №№ «Вѣстника Европы» статью: «О значеніи пощечинъ во времена рыцарства»). Разбирая же власть родительскую, трудно сказать, чтобъ она не доходила ни въ какомъ случаѣ до пощечинъ: отъ посторонняго человѣка ударъ по лицу можетъ сдѣлаться кровной обидой, но не отъ отца». Иными словами—тоже самое, что говоритъ и Луи Бланъ, только переведенное на языкъ пощечинъ. Шествуйте впередъ къ царству, изъятому отъ пощечины, но знайте, что васъ ждетъ путь долгій и трудный, у цѣли котораго нельзя очутиться однимъ прыжкомъ, и что путь этотъ весь усѣянъ пощечинами. Конечно, Луи Бланъ былъ бы очень изумленъ, узнавъ, что существуетъ «открытый вопросъ» о пощечинахъ, но съ насъ, по нашему мѣсту, и это сойдетъ-съ.

Сходство, впрочемъ, на этомъ и оканчивается. Высказавъ изложенныя выше мысли насчетъ уступокъ, Луи Бланъ прибавляетъ: «Но необходимо имѣть идеалъ и никогда не терять его изъ вида, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда допускаются жертвы въ пользу дѣйствительности. Неразумно думать, что одинъ прыжокъ достаточенъ для того, чтобы достигнуть цѣли долгаго пути, но еще неразумнѣе пускаться въ путь, не зная, куда онъ ведетъ, и выбирать окольныя дороги, не будучи увѣреннымъ, что онѣ ведутъ именно къ тому пункту, котораго предполагаешь достигнуть». Г. Спасовичъ, напротивъ того, давъ сначала понять, что для него вполнѣ понятна система воспитанія безъ розогъ и безъ пощечинъ и что, слѣдовательно, нельзя отрицать возможности и дѣйствительныхъ, вполнѣ безпощеченныхъ отношеній родителей къ дѣтямъ, тѣмъ не менѣе относится къ этому идеалу безпощеченности мрачно, почти безнадежно. «Я, говоритъ онъ:—также мало ожидаю совершеннаго и безусловнаго искорененія тѣлеснаго наказанія, *какъ мало ожидаю, чтобъ вы* (присяжные

засѣдатели) *перестали въ судѣ дѣйствовать, за прекращеніемъ уголовныхъ преступленій и нарушеній той правды, которая должна существовать какъ дома, въ семьѣ, такъ и въ государствѣ*».

Люди придирчивые могутъ сказать, что послѣднія, подчеркнутыя сейчасъ фразы или затѣмъ только пущены въ ходъ, чтобъ сдѣлать гг. судьямъ и присяжнымъ засѣдателямъ комплиментъ, внушивъ имъ, что царствію ихъ не будетъ конца, или же представляютъ собой наборъ пустыхъ и безсодержательныхъ словъ, высказанныхъ безъ всякаго соображенія съ исторіей тѣхъ усилій—исторіей далеко не безплодною—которыя дѣлаются въ видахъ ежели не окончательнаго и немедленнаго упраздненія преступленій, то, по крайней мѣрѣ, значительнаго сокращенія числа ихъ. Есть выраженія готовыя, къ которымъ уже изстари пріучено человѣческое ухо и къ которымъ, въ случаѣ отсутствія мысли, можно прибѣгать точно такъ же, какъ прибѣгаютъ къ магазину готовыхъ платьевъ, чтобы выйти оттуда франтомъ. Но пусть будетъ такъ, какъ утверждаетъ г. Спасовичъ: пусть розги не прекратятся, пусть пощечины господствуютъ вѣчно; пусть преступленія умножаются и процвѣтаютъ, на утѣшеніе адвокатамъ, in secula seculorum—спрашивается: зачѣмъ же было заводить разговоръ о педагогическихъ идеалахъ? Зачѣмъ было говорить: «Я вполнѣ понимаю, что можетъ быть проведена система воспитанія, изъ которой розга будетъ исключена?» Странное дѣло! объявлять себя «не сторонникомъ» розги и, въ тоже время, вступаться въ дѣло, въ основаніи котораго лежитъ исключительно розга, намекать на возможность какихъ-то безпощеченныхъ педагогическихъ идеаловъ и вслѣдъ за тѣмъ объявлять, что идеалы эти слѣдуетъ положить въ шкафъ и навсегда запереть на ключъ.

Ежели слова о возможности существованія безпощеченной педагогики были высказаны не ради щегольства (чего даже нельзя предположить со стороны г. Спасовича, зная его всегдашнюю трезвость въ этомъ смыслѣ), то ихъ не слѣдовало говорить совсѣмъ, особливо въ виду того, что вся остальная рѣчь представляетъ лишь категорическое опроверженіе этого опрометчиво выраженнаго афоризма. Правда, жалкія слова имѣютъ еще очень большое значеніе въ современномъ обществѣ; но все-таки туманъ, ими напускаемый, начинаетъ мало по малу разсѣяваться. Ясно, что г. Спасовичъ вышелъ изъ своей роли и сдѣлалъ ошибку. Его умъ, по преимуществу дѣловой, наклонный къ политикѣ результатовъ, долженъ тщательно отмѣтать отъ себя чувствительныя примѣси, которыя составляютъ удѣлъ гг. Языкова, Плевако, а равно и тѣхъ, которые, за прогоны, готовы посѣтить какую угодно область теоретическихъ общностей. И, навѣрное, рѣчь г. Спасовича не утратила бы своей цѣнности и не сдѣлалась бы менѣе убѣдительною, еслибъ онъ, не выгораживая своей личности отъ подозрѣній въ солидарности съ пощечинами,

выразилъ прямо и просто, чего онъ требуетъ отъ присяжныхъ засѣдателей. Скомпанованная такимъ образомъ рѣчь могла бы имѣть приблизительно слѣдующій видъ: «Гг. судьи! гг. присяжные засѣдатели! передъ вами на скамьѣ подсудимыхъ находится г. Кронебергъ, который обвиняется въ истязаніи своей дочери. Для того, чтобы вы могли судить правильно, дѣйствительно ли г. Кронебергъ виновать въ томъ преступленіи, *за которое онъ преслѣдуется* (всякій опытный адвокатъ долженъ подчеркнуть эти послѣднія слова, чтобъ присяжные не смѣшивали: подсудимый, можетъ быть и виноватъ, но *не въ томъ* преступленіи, за которое судится), необходимо разрѣшить три вопроса: 1) имѣлъ ли г. Кронебергъ право подвергать свою дочь тѣлесному наказанію?—отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ такая-то статья свода законовъ, которая вполнѣ это право за нимъ подтверждаетъ; 2) подавала ли Марія Кронебергъ поводъ для педагогическихъ воздѣйствій на тѣлѣ?—на это служатъ отвѣтомъ показанія свидѣтелей, и 3) можно ли назвать употребленные г. Кронебергомъ педагогическіе пріемы истязаніемъ?—на это дастъ вамъ отвѣтъ, во-первыхъ, кассаціонная судебная практика, и, во-вторыхъ, достаточно удовлетворительный видъ, который представляла кожа Маріи Кронебергъ при освидѣтельствованіи. Я кончилъ».

И только.

Можно быть увѣреннымъ, что эта простая и безъискусственная рѣчь оказала бы на присяжныхъ засѣдателей, по малой мѣрѣ, такое же вліяніе, какъ и тѣ темные намёки, которые допустилъ г. Спасовичъ, чтобы установить свою личную непричастность къ педагогической практикѣ г. Кронеберга.

Кажется, не будетъ ошибки, ежели сказать, что всѣ указанныя выше оговорки и недомолвки суть плодъ неясныхъ отношеній, въ которыя стала русская адвокатура къ органамъ нашей печати, носящимъ названіе либеральныхъ. Адвокатура наша, по началу довольно горячо заявила о своей солидарности съ вопросами жизни и потому весьма естественно встрѣтила со стороны либеральной прессы самое горячее сочувствіе. Но симпатизируя защитнику вдовы и сироты, литература, какъ старшая сестра въ либерализмѣ, до того простерла свое усердіе, что, подвергая дѣйствія адвокатовъ неусыпному контролю, заявила претензію держать это сословіе въ постоянной опекѣ. Начались обличенія, взысканія, выговоры, почти угрозы, и долгое время сходило это съ рукъ, потому что въ самой средѣ адвокатовъ не установилось еще совершенно опредѣленныхъ понятій о тѣхъ цѣляхъ, которымъ она призвана служить.

Такое отношеніе литературы едва ли можетъ быть названо правильнымъ. Франція—классическая страна адвокатуры, представители которой, со времени первой революціи, играли въ ея исторіи очень значительную политическую роль, но и тамъ объ адвокатахъ, какъ объ адвокатахъ, въ литературѣ нѣтъ и рѣчи.

Адвокатъ, за очень рѣдкими случаями, никого не занимаетъ, покуда изъ него не образуется политическій дѣятель, а, разъ сдѣлавшись министромъ, сенаторомъ, депутатомъ, онъ уже и самъ забываетъ о первородномъ грѣхѣ, въ которомъ валялся до того времени. Въ послѣднее время, даже какъ политическіе дѣятели, адвокаты утратили много изъ прежняго обаянія. Перенося на политическую и административную арену изнурительныя привычки своего ремесла, они никогда не приходили къ дѣйствительно плодотворнымъ результатамъ, а только вертѣлись въ бѣличьемъ колесѣ, вслѣдствіе чего, въ настоящее время, Франція, послѣ четырехъ революцій, находится подъ начальствомъ у Мак-Магона. Поэтому, на послѣднихъ избирательныхъ сходкахъ въ Парижѣ уже слышались голоса, что адвокатовъ довольно. Но, во всякомъ случаѣ, какъ служители своего ремесла, и литература, и даже публика (кромѣ нуждающихся въ ихъ услугахъ) ихъ игнорируетъ, и, право, едва ли можно указать на примѣръ, чтобы въ послѣднее время въ какомъ бы то ни было французскомъ органѣ печати, было заявлено кому-либо изъ адвокатовъ, что онъ поступаетъ недостойно, защищая французскихъ Овсянниковыхъ и Мясниковыхъ. Единственное исключеніе составляетъ защита Базѐна адвокатомъ Лашо, но это статья особенная.

У насъ ремесленное значеніе адвокатуры, по настоящему, должно бы выказаться еще рѣзче, потому что наши адвокаты уже окончательно не имѣютъ никакого отношенія къ политической жизни государства. Не вопросы жизни стоятъ для нихъ на первомъ планѣ, а вопросы, истекающіе изъ свода законовъ и изъ кассаціонной судебной практики. Ловкое обращеніе съ статьями законовъ — вотъ что̀ имѣется прежде всего въ виду, точно такъ же, какъ въ нѣкоторыхъ ремеслахъ главную роль играетъ ловкое обращеніе съ иглою, шиломъ, заступомъ и т. д. Спрашивается: почему никому не приходило въ голову обвинять въ недостоинствѣ башмачника, который шьетъ матери Митрофаніи башмаки, или портного, который одѣваетъ Овсянникова, и, напротивъ того, оттовсюду сыплются обвиненія на адвоката, который, видя Овсянникова покрытымъ сажею пожарища, взялся омыть его банею пакибытія?

Наша печать долгое время не рѣшалась принять этотъ взглядъ, но въ послѣднее время сама адвокатура рѣшилась заявить, что онъ представляетъ единственное правильное мѣрило, съ которымъ можно относиться къ ней. Опекунскія замашки печати произвели неизбѣжную реакцію въ той самой средѣ, которая еще такъ недавно увлекалась желаніемъ доказать, что ничто человѣческое ей не чуждо, хотя, на самомъ дѣлѣ, всегда имѣла въ виду только то, ка̀къ бы «слопать боженьку», чтобъ никто этого не замѣтилъ. Возникъ бунтъ; долгое время онъ тлѣлъ, такъ что нельзя было разобрать, откуда гремитъ громъ, изъ тучи или изъ навозной кучи, но, наконецъ, въ адвокатскую похлёбку попалъ

такой жирный кусъ, что долго сдерживаемыя страсти не устояли. Поводомъ къ разрыву съ литературой послужило знаменитое Овсянниковское дѣло, и, помнится, г. Спасовичъ (конечно, какъ добрый товарищъ, ибо лично онъ игралъ въ этомъ дѣлѣ роль противо-овсянниковскую) первый поднялъ знамя бунта, сказавши на какомъ-то обѣдѣ, что адвокатура должна шествовать *своимъ* путемъ, независимо отъ внушеній и контроля печати. За нимъ послѣдовалъ и г. Потѣхинъ, который безъ церемоніи обвинилъ русскую литературу въ идіотствѣ. Такъ что очередь теперь за Плевакò... [1].

Вѣроятно, эти случаи измѣнятъ взглядъ нашей печати на русскую адвокатуру и укажутъ, какой долженъ быть характеръ ихъ взаимныхъ отношеній. Во всякомъ случаѣ, это не могутъ быть отношенія товарищества, ибо общей почвы для этого здѣсь найти нельзя, кромѣ развѣ того, что и литераторъ, и адвокатъ обладаютъ однимъ и тѣмъ же орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей—словомъ. Затѣмъ, и объэктъ дѣйствія, и характеръ его—все разное. Литература служитъ обществу, адвокатура—кліенту; честность литературы состоитъ въ разработкѣ идеаловъ и перспективъ будущаго, честность адвокатуры—въ строгомъ согласіи съ дѣйствительностію и подчиненіи идеаламъ, выработаннымъ въ прошедшемъ и ввѣреннымъ охранѣ положительнаго закона. А что̀ касается до общаго орудія дѣйствія, слова, то вѣдь оно раздается и на Сѣнной.

Коль скоро адвокатура выказала намѣреніе отмежеваться отъ области общихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, надо воспользоваться этими ея поползновеніями, не навязывать ей общенія и отвести то мѣсто, которое она должна дѣйствительно занимать въ кругу разнообразныхъ ремеслъ. Что адвокатура ничего не выиграетъ отъ этой эмансипаціи—это несомнѣнно. Тяготѣя все больше и больше къ независимости отъ общихъ интересо въ жизни, которая, въ настоящее время, сгоряча, кажется ей чѣмъ-то въ родѣ рая, она скоро очутится въ томъ же незавидномъ положеніи, въ какомъ еще недавно находились ябедники и строчители просьбъ. Т. е., настоящей независимости не достигнетъ, а только перемѣнитъ господина и, вмѣсто литературы пріобрѣтетъ себѣ таковаго въ лицѣ кліента, который до сихъ поръ сдерживалъ свои инстинкты, именно благодаря тому, что думалъ, будто адвокатура и печать солидарны

---

[1] Ремесленность адвокатуры нашей еще ярче выразилась въ томъ недоразумѣніи, жертвою котораго былъ г. Герардъ въ Овсянниковскомъ дѣлѣ. Вслѣдъ затѣмъ, въ Москвѣ былъ такой случай: г. Плевакò, узнавъ отъ одного изъ обвиняемыхъ по дѣлу обанкрутившагося банка, что онъ желаетъ привлечь къ защитѣ мѣстнаго адвоката г. Громницкаго, сравнилъ послѣдняго съ коровой а себя уподобилъ коню, забывъ, конечно, что вѣдь и конь — тоже животное четвероногое.

другъ съ другомъ. Чтò же касается печати, то, освободившись отъ кошмара кляузы, она несомнѣнно выиграетъ. Кляуза въ послѣднее время отнимала слишкомъ много досуга у публики и заслоняла отъ ея глазъ другіе интересы, гораздо болѣе важные. Это не соотвѣтствуетъ ея дѣйствительному значенію въ общей экономіи жизни общества, и, къ счастію для человѣчества, у него на очереди стоятъ вопросы гораздо болѣе животрепещущіе, нежели вопросъ объ отношеніяхъ адвокатовъ къ кліентамъ и къ суду.

Молодой человѣкъ.

1-го марта вышла и разослана подписчикамъ III-я, мартовская, книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА".

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ: I. Записки **Гарновскаго**: дворъ Екатерины II въ 1787 г.—II. Павелъ Полуботокъ, историческій очеркъ **Н. И. Костомарова**.—III. Бунтъ Беньевскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г., историческій очеркъ по документамъ Сибирскихъ архивовъ. — IV. Высылка изъ Россіи братьевъ Массоновъ въ декабрѣ 1796 г.— V. Сперанскій въ 1828 г.: его объяснительныя записки и замѣтки. Сообщ. акад. **А. Ѳ. Бычковъ**.—VI. Илья Васильевичъ Буяльскій, біографическій очеркъ (оконч.), состав. проф. **Я. А. Чистовичъ**. — VII. Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, разсказъ академика **Ѳ. Г. Солнцева**: подвигъ Телушкина; воспоминанія объ И. А. Крыловѣ, К. П. Брюловѣ, А. Н. Оленинѣ и проч.—VIII. Событія на Кавказѣ въ 1837 г.: попытка къ вызову Шамиля въ Россію, переписка и свиданіе съ Шамилемъ генерала Клугенау и проч.—IX. Восточная война 1854—1855 гг.: переписка кн. **И. Ѳ. Паскевича** съ кн. **М. Д. Горчаковымъ** (окончаніе).—X. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Епископъ Кирилъ Флоринскій въ 1761 г. Сообщ. акад. **С. М. Соловьевъ**.—2) Парикмахеръ графини Салтыковой.—3) Увольненіе В. Г. Бѣлинскаго изъ университета. — XI. Двадцатипятилѣтіе «Исторіи Россіи», соч. **С. М. Соловьева** (1851—1876), статья профес. **К. Н. Бестужева-Рюмина**. — XII. Библіографическій листокъ.

Приложенія. Къ этой книгѣ приложены: I. Портретъ **Клугенау**, гравировалъ акад. **Л. А. Сѣряковъ**. — II. Крестьянинъ **Телушкинъ** на шпицѣ Петропавловскаго собора въ Петербургѣ, въ 1830 г., чертежи акад. **Ѳ. Г. Солнцева**.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ" 1876 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ съ гравированными на мѣди и на деревѣ портретами русскихъ дѣятелей, со снимками и рисунками — **восемь** рублей съ пересылкой.

Главная контора «Русской Старины» въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42.

Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

☛ Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ главной конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Старины» въ Спб., Надежденская, д. № 42, съ сообщеніемъ вполнѣ точнаго адреса.

Amé. Etude sur les tarifs des douanes et sur les traités de commerce. 2 vol. in-8°; prix 6 r.

Figuier. Année scientifique, pour l'année 1875. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Daniel. Année politique pour l'année 1875. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Desmaze. L'Université de Paris. (1200—1875). 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Caro. Problèmes de morale sociale. 1 vol. in-8°; prix 3 r.

Gasparin. Pensées de liberté. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Hegel. Philosophie de la religion, traduite pour la première fois et accompagnée de plusieurs introductions et d'un commentaire par Véra. Tome premier. 1 vol. in 8°; prix 4 r.

Montépin. Le secret de la comtesse. 2 vol. in-12°; prix 2 r. 40 c.

George Sand. La tour de Percemont. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Ducamp (Maxime). Souvenirs de l'année 1848. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Marcillac. Histoire de la musique moderne et des musiciens célèbres en Italie, en Allemagne et en France depuis l'ère chrétienne jusqu'à nos jours. 1 vol. in-8°; prix 3 r. 20 c.

Bréhat. Le mari de M-me Cazot. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Rondelet. Mon voyage au pays des chimères. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Leterrier et Vanloo. La petite mariée, opéra-comique en 3 actes, musique de Ch. Lecocq; prix 80 c.

Gramont. Des vers français et de leur prosodie. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 cop.

Franck Dictionnaire des sciences philosophiques. Fascicule 10-e dernier; prix 1 r. 40 cop. L'ouvrage complet 1 gros volume gr. in-8° relié, prix 16 r.

Gros. Les vertiges (Roman). 1 vol. in-12; avec gravure; prix 1 r. 20 c.

Pailleron. Petite pluie... comédie en 1 acte; prix 60 c.

Victor de Saint-Genis. L'ennemi héréditaire. Les Invasions germaniques en France. L'Europe délimitée par la Prusse. 1 vol. in-12°, avec 8 cartes; prix 1 r. 40 c.

Achard (Amédée). La trésorière. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Glady. Jouir. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Arène (Paul). La Chine familière et galante. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Deroulède. Chants du soldat. 2 vol. in-32°; prix 80 c.

Courdaveaux. Etudes sur le comique. Le rire dans la vie et dans l'art. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.

Doré. Histoire des croisades de Michaud, illustrée par Gustave Doré. 8-e fascicule, prix 2 r. 40 c.

Eaux-fortes et gravures des maîtres anciens. 5-me vol. 3-me série. 1 livraison in-folio, contenant 10 planches; prix 16 r.

Rambaud (Alfred). La Russie épique. Etude sur les chansons héroïques de la Russie. 1 vol. in-8°; prix 4 r.

Figuier. Merveilles de l'industrie. Tome III. Industries chimiques. 1 vol. gr. in-8° illustré; prix 4 r.

Jacolliot. Les législateurs religieux. Manou—Maïse—Mahomet. 1 vol. in-8°; prix 2 r. 40 c.

Album du paysagiste pour l'arrangement des parcs et des jardins, 1 album in-folio oblong cartonné, contenant 28 planches renfermant 800 croquis, composés et dessinés par le vicomte de Courval; prix 10 r.

---

personnes de l'intérieur sont priées dajouter 1 prix indiqués les frais de transport d'après le tarif de la poste.

— Боже мой! Она спрашиваетъ отчего! воскликнулъ Викторъ, поднимая глаза къ потолку:—оттого, что въ ста миляхъ отсюда живутъ братъ и сестра Грэсъ Конрой. Я ихъ видѣлъ.

— Хорошо.

— Хорошо? повторилъ Викторъ:—чтожъ тутъ хорошаго? Выслушайте меня и вы увидите, хорошо ли это.

Онъ пододвинулъ свой стулъ и продолжалъ пламеннымъ, но тихимъ голосомъ.

— Я, наконецъ, отыскалъ руду. Описаніе мѣстности въ найденной мною бумагѣ совершенно вѣрно. А, вы начинаете интересоваться моими словами? Самая руда еще никому неизвѣстна. Это мѣсто называется Одноконный Станъ; почему?—никто не знаетъ. Это—богатое селеніе рудокоповъ. Вокругъ разрабатываются драгоцѣнные рудники, но на вершинѣ небольшой горы никто не работаетъ, а тамъ именно и есть руда. Никто не подозрѣваетъ ея присутствія, но она совершенно точно описана въ этой бумагѣ.

Онъ вынулъ изъ кармана конвертъ а изъ него сложенную бумагу (ту самую, которую докторъ Деваржъ далъ Грэсъ Конрой) и указалъ на начерченную на ней карту.

— По этому описанію, продолжалъ онъ:—я отправился къ источникамъ Американской Рѣки и прослѣдилъ весь кряжъ небольшихъ горъ, шагъ за шагомъ, до тѣхъ поръ, что на прошлой недѣлѣ достигъ Одноконнаго Стана. Вотъ его мѣстность здѣсь обозначена совершенно ясно.

Онъ указалъ на бумагу, и его собесѣдница схватила ее за уголъ своими тонкими, длинными пальцами, какъ бы когтями ястреба.

— Мнѣ необходимо было остаться тамъ дней пять, чтобы навести справки, но какъ поступить? Я—чужестранецъ, а рудокопы подозрѣваютъ всѣхъ чужестранцевъ и потому со мною говорили не откровенно. Но я услышалъ, что между ними живетъ одинъ добрый человѣкъ, ухаживающій всегда за больными, по имени Гэбріель Конрой. Хорошо! Вдругъ я занемогъ. Меня схватилъ ревматизмъ въ колѣнкѣ. Я лежу безпомощный, какъ ребенокъ въ домѣ мистера Бригса. Вотъ приходитъ ко мнѣ Гэбріель Конрой, сидитъ со мною, разговариваетъ и разсказываетъ все. Онъ приводитъ ко мнѣ свою маленькую сестру; потомъ я посѣщаю его хижину на горѣ и вижу портретъ его сестры Грэсъ. Ну, теперь вы понимаете, что все кончено?

— Отчего?

— Эта женщина спрашиваетъ отчего, произнесъ Викторъ поднимая глаза къ потолку:—если этого мало, такъ слушайте.

Домъ Гэбріеля Конроя стоитъ на той самой землѣ, которую губернаторъ подарилъ доктору Деваржу. Понимаете? этотъ Гэбріель фактически владѣетъ землею.

— Онъ знаетъ о рудѣ?

— Нѣтъ, это—одна случайность, судьба.

Она подошла къ окну и смотрѣла впродолженіи нѣсколькихъ минутъ на дождь. Лице ея казалось теперь такъ старо, такъ искажено, что одинъ изъ зѣвакъ на улицѣ, посмотрѣвъ въ окно, не узналъ хорошенькой француженки. Быть можетъ, это обстоятельство заставило ее очнуться, и она возвратилась къ Рамиресу съ очаровательной, нѣжной улыбкой.

— Такъ вы отъ меня отказываетесь? спросила она мягкимъ голосомъ.

Викторъ не смѣлъ взглянуть на нее. Онъ смотрѣлъ въ пространство и, пожавъ плечами, произнесъ:

— Это—судьба.

Она слегка щелкнула своими тонкими пальцами и, остановившись передъ нимъ, сказала:

— У васъ хорошая память, Викторъ.

Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Но позвольте, все-же, напомнить вамъ обстоятельства нашего знакомства. Годъ тому назадъ, я получила въ Берлинѣ письмо мистера Питера Думфи изъ Сан-Франциско, который увѣдомлялъ меня, что у него находятся важныя бумаги относительно недвижимой собственности моего покойнаго мужа, доктора Поля Деваржа, и просилъ меня вступить съ нимъ въ письменныя сношенія. Я ничего не отвѣчала, но сама пріѣхала сюда. Быть можетъ, умный человѣкъ выразилъ бы колебаніе или сомнѣніе, но я въ такихъ случаяхъ не разсуждаю. Я—только бѣдная, слабая женщина и прямо пріѣхала. Конечно, не такъ слѣдовало поступить, и вы хитрые, осторожные мужчины прежде переписались бы. Но я прямо пріѣхала.

Викторъ вздрогнулъ, но не прервалъ молчанія.

— Я видѣла мистера Думфи въ Сан-Франциско. Онъ показалъ мнѣ нѣсколько бумагъ, которыя, по его словамъ, онъ нашелъ въ потаенномъ мѣстѣ, гдѣ ихъ спряталъ докторъ Деваржъ. Тутъ былъ документъ о пожалованной губернаторомъ землѣ моему мужу, и въ другихъ бумагахъ находились важныя, научныя открытія. Онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться за дальнѣйшими свѣдѣніями въ миссіонерную станцію и *presidio* Сан-Изабель, откуда была послана экспедиція на помощь пропавшимъ поселенцамъ. Онъ былъ просто торговецъ, и для него этотъ вопросъ

представлялъ чисто денежную сдѣлку. Поэтому онъ согласился мнѣ помогать за извѣстный процентъ. Не такъ ли все это?

Викторъ поднялъ на нее свои черные глаза и махнулъ головой.

— Я поѣхала въ миссіонерную станцію и увидала тамъ васъ, секретаря прежняго коменданта, хранителя архива и единственное лице, помнившее экспедицію. Вы мнѣ показали копію съ донесенія о дѣйствіяхъ экспедиціи и держали себя со мною очень холодно, пока я вамъ не разсказала своей исторіи. Тогда вы, повидимому, заинтересовались мною и объяснили, какъ неожиданно появилась въ комендатскомъ домѣ Грэсъ Конрой, имя которой внесено въ списокъ мертвыхъ. Вы мнѣ сказали, что сочли молодую дѣвушку за самозванку. Такъ, вѣдь, было?

Викторъ снова махнулъ головой.

— Вы разсказали, какъ она пришла въ отчаяніе, прочтя донесеніе о дѣйствіяхъ экспедиціи, какъ упала въ обморокъ, какъ женщины открыли ея несчастное положеніе, какъ комендантъ ее сожалѣлъ, какъ она таинственно исчезла, какъ комендантъ хранилъ объ этомъ молчаніе, какъ вы сами подозрѣвали, что она родила. Не такъ ли, Викторъ?

Онъ хотѣлъ взять ее за руку, но она тихонько ее выдернула, не измѣняя своего нѣжнаго тона.

— Потомъ вы сказали мнѣ, что нашли на полу, гдѣ молодая дѣвушка упала въ обморокъ, бумагу, которая теперь у васъ въ рукахъ, и объяснили мнѣ, почему вы ее спрятали. Потомъ, вы, Викторъ, предложили мнѣ планъ дѣйствія для возвращенія себѣ того, что мнѣ должно было принадлежать по праву; вы посовѣтывали мнѣ взять на себя роль этой дѣвушки и перехитрить обманщицу. Вы не просили процентовъ, вы не старались зашибить копейки. Вы просили только моей любви. Быть можетъ, я—глупая, слабая женщина, но ваше безкорыстіе меня подкупило, и я послушалась скорѣе голоса сердца, чѣмъ разсчета. Я обѣщала вамъ мою руку и все мое состояніе по достиженіи успѣха. Теперь, вы приходите ко мнѣ и просите, чтобы я нарушила нашъ договоръ и освободила васъ отъ принятаго на себя обязательства. Нѣтъ, нѣтъ, вы уже сказали довольно.

Испуганный Рамиресъ бросился передъ нею на колѣни и, схвативъ за руку, хотѣлъ что-то произнести, но она съ усиліемъ освободилась отъ него и продолжала тѣмъ же тономъ упрека.

— Нѣтъ, нѣтъ! отправляйтесь къ этому брату, отыскать котораго, повидимому, составляло вашу главную цѣль. Ступайте къ нему и возвратите бумагу, находящуюся въ вашихъ рукахъ. Скажите ему, что вы украли ее у его сестры, которую заподо-

зрили въ обманѣ; скажите, что она родила незаконнаго ребенка. Скажите также, что этимъ поступкомъ вы отнимаете послѣднюю надежду у несчастной брошенной жены, которая пріѣхала за тысячи миль, чтобъ потребовать хоть малость отъ человѣка, обязаннаго еще при жизни ее содержать. Скажите ему все это, и, если онъ—дѣйствительно такой добрый и хорошій человѣкъ, какъ вы говорите, то онъ васъ благословитъ. Потомъ вы прибавьте, что эта бумага не можетъ принести ему никакой пользы, такъ какъ сокровища принадлежатъ, по закону, ребенку его сестры, если онъ живъ. Наконецъ, покажите ему донесеніе экспедиціоннаго отряда, удостовѣряющее смерть его обѣихъ сестеръ и возбуждающее сильное сомнѣніе въ его личности. Тогда онъ пойметъ, какое вы сдѣлали ему благодѣяніе.

— Простите меня, произнесъ Викто̀ръ, съ страннымъ смѣшеніемъ стыда, опасенія и восторга:—простите меня, Жюли. Я—негодяй, я—неблагодарный, я—трусъ. Я сдѣлаю все, Жюли, все, что̀ вы скажете.

Г-жа Деваржъ была слишкомъ умна, чтобъ настаивать на своей побѣдѣ, и слишкомъ осторожна, чтобъ вывести изъ себя легко увлекающагося Рамиреса.

— Шш! произнесла она и какъ бы незамѣтно позволила ему привлечь ее къ себѣ.—Послушайте, Викто̀ръ, чего вамъ бояться этого человѣка? Развѣ его показаніе можетъ пересилить мое, если я его не признаю. Тѣмъ болѣе, что онъ незаконно владѣетъ моей собственностью. Кто можетъ подтвердить, что онъ—дѣйствительно Гэбріель Конрой, когда его единственная родственница не посмѣетъ явиться, для его отождествленія, а, еслибъ она и явилась, то вы можете подъ присягой засвидѣтельствовать, что она вамъ выдавала себя за другую? Какое значеніе можетъ имѣть одно пристрастное показаніе, когда вы подтвердите, что я—та самая Грэсъ Конрой, которая явилась въ миссіонерную станцію, когда тоже самое покажетъ и одинъ изъ членовъ несчастной партіи эмигрантовъ, погибшихъ въ снѣгу—Питеръ Думфи.

— Думфи! произнесъ Рамиресъ съ удивленіемъ.

— Да̀, Думфи, повторила г-жа Деваржъ:—когда онъ убѣдился, что я, какъ разводная жена доктора Деваржа, не могу имѣть никакого законнаго права на его наслѣдство, онъ одобрилъ вашъ планъ и предложилъ быть свидѣтелемъ для подтвержденія того факта, что я—дѣйствительно Грэсъ Конрой. Да̀, Викто̀ръ, я не дремала, пока вы приходили въ отчаяніе отъ найденныхъ вами затрудненій.

— Простите меня! воскликнулъ онъ и, схвативъ ея руку, покрылъ пламенными поцѣлуями:—я лечу. Прощайте.

— Куда? спросила г-жа Деваржъ, вставая.

— Въ Одноконный Станъ.

— Нѣтъ, садитесь и выслушайте меня. Вы должны отправиться въ Санъ-Франциско и сказать Думфи о сдѣланномъ вами открытіи. Быть можетъ, намъ придется взять адвоката, но прежде надо привести въ извѣстность наши силы. Вы должны разыскать, во что бы то ни стало, Грэсъ. Поѣзжайте въ Санъ-Франциско, повидайтесь съ Думфи и возвратитесь сюда.

— Но вы здѣсь одни, безъ защитника, среди мужчинъ, произнесъ Рамиресъ, съ блестящими отъ ревности глазами.

— Повѣрьте, мужчины менѣе опасны для насъ, чѣмъ женщины! Развѣ вы мнѣ не вѣрите, Викторъ, сказала она, смотря на него съ чарующей улыбкой.

Онъ хотѣлъ было броситься къ ея ногамъ, но она остановила его быстро, указавъ пальцемъ на потолокъ и бросивъ знаменательный взглядъ на стѣну.

— Прощайте, уѣзжайте скорѣе, промолвила она:—нѣтъ, подождите. Гэбріель женатъ?

— Нѣтъ.

— Прощайте.

Дверь затворилась за его смуглой и энергичной фигурой, и онъ исчезъ.

Спустя минуту, раздался громкій звонокъ изъ № 92, находившагося рядомъ съ комнатою, занимаемой г-жею Деваржъ.

Слуга немедленно явился, постучалъ въ дверь и почтительно вошелъ. Личность, занимавшая этотъ нумеръ, не возбуждала никакихъ подозрѣній. Это былъ всѣмъ извѣстный игрокъ, мистеръ Джокъ Гатлинъ.

— Чортъ возьми! Зачѣмъ вы такъ долго заставили меня ждать! воскликнулъ Джокъ, лежа въ постелѣ и съ яростью схватывая машинку для снятія сапоговъ.

Слуга промолвилъ что-то въ свое оправданіе.

— Принесите горячей воды.

Слуга поспѣшно направился къ двери, но Джокъ остановилъ его.

— Дьяволъ! чего побѣжалъ? Кто только-что вышелъ изъ сосѣдней комнаты?

— Не знаю, сэръ.

— Узнайте и скажите.

Джокъ бросилъ золотую монету въ оторопѣвшаго слугу, поправилъ себѣ подушку и отвернулся къ стѣнѣ. Слуга пере

нался съ ноги на ногу, и Джокъ черезъ мгновеніе снова обратился къ нему:

— Вы еще не ушли? Кой чортъ...

— Извините, сэръ, вы знаете что-нибудь о ней?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Джокъ, приподнимаясь на локтяхъ: — но, если я увижу еще разъ, что вы, какъ пять минутъ тому назадъ, подсматриваете въ ея дверь, то я вамъ...

Мистеръ Гатлинъ понизилъ голосъ и очень тихо, но энергично погрозилъ лишить слугу одного изъ необходимыхъ органовъ человѣческаго тѣла.

— Ступайте.

Послѣ ухода слуги, затворившаго за собою дверь, Джокъ лежалъ безмолвно около часа. Потомъ онъ всталъ и началъ медленно одѣваться, напѣвая, какъ всегда, въ полголоса своимъ нѣжнымъ теноромъ, которымъ онъ такъ славился. Окончивъ свой туалетъ подъ это птичье чириканье, онъ положилъ въ карманъ жилета маленькій пистолетъ съ костяной ручкой, надѣлъ шляпу на свою красивую голову, быть можетъ, болѣе на бекрень, чѣмъ обыкновенно, и вышелъ въ залу. Запирая свою дверь, онъ крѣпко ее захлопнулъ, и отъ этого удара отворилась дверь въ сосѣднюю комнату; проходя мимо, мистеръ Гатлинъ механически взглянулъ въ ту сторону и увидалъ г-жу Деваржъ, стоявшую у конторки, закрывъ лицо платкомъ. Онъ тотчасъ прекратилъ свое чириканье и серьёзно пошелъ по лѣстницѣ. На нижней площадкѣ онъ встрѣтилъ слугу, который, почтительно снявъ шляпу, сказалъ:

— Онъ—не здѣшній, сэръ.

— Кто не здѣшній? спросилъ Джокъ рѣзко.

— Человѣкъ.

— Какой человѣкъ?

— О которомъ вы спрашивали.

Мистеръ Гатлинъ спокойно вынулъ изъ кармана сигару, закурилъ ее и, пустивъ два или три клуба дыма, пристально взглянулъ на слугу.

— Я ни о комъ у васъ не спрашивалъ.

— Я думалъ, сэръ...

— Вамъ не слѣдуетъ такъ рано пить, Майкль, продолжалъ мистеръ Гатлинъ спокойно, не спуская глазъ съ слуги:—вы натощахъ слишкомъ пьянѣете. Подождите до обѣда.

XII.

Мистрисъ Маркль.

Замѣчаніе Олли о мистрисъ Маркль и ея критическій отзывъ о своемъ туалетѣ не выходили изъ головы Гэбріеля всю ночь, и, вставъ рано на другое утро, онъ взглянулъ на свою работу, лежавшую на столѣ, съ мрачнымъ сомнѣніемъ въ своемъ искусствѣ по этой отрасли домашняго хозяйства.

— Да̀, вѣроятно, я не вполнѣ исполняю свой долгъ въ отношеніи ребенка, думалъ онъ, взявъ со стола одежду Олли и положивъ ее бережно въ постелѣ спавшей дѣвочки: — это платье, не говоря о прочности и крѣпости матеріи, немного устарѣло и не совсѣмъ прилично. Конечно, ты не требуешь моднаго туалета, прелестное личико (обратился онъ къ спящему ребенку съ разсыпавшимися кудрями и раскраснѣвшимися щечками), но это возбуждаетъ замѣчанія другихъ дѣтей. Все наше селеніе что̀-то слишкомъ переполняется жителями. Въ послѣдніе полгода явилось новыхъ три семейства... Это—ужъ слишкомъ быстрое увеличеніе населенія. А мистрисъ Маркль! (Гэбріель вспыхнулъ, подумавъ о ней даже одинъ въ безмолвной комнатѣ). Каковъ ребенокъ! въ девять лѣтъ такъ говоритъ объ этой вдовѣ! Просто непонятно. И, подумаешь, я все время избѣгалъ этого только ради Олли, ради того, чтобъ женскій надзоръ ея не мучилъ.

Однако, во время своего скромнаго завтрака съ Олли, Гэбріель впервые замѣтилъ съ безпокойствомъ нѣсколько странностей, никогда прежде его не поражавшихъ въ ея одеждѣ и даже манерахъ.

— Вообще, Олли, сказалъ онъ, осторожно оставаясь на точкѣ общихъ вопросовъ:—въ порядочномъ обществѣ молодыя дѣвушки не возятся, сидя на стулѣ, и каждыя пять минутъ не поправляютъ своихъ сапогъ.

— Вообще, Гэбъ, дѣвочки не носятъ сапогъ, отвѣчала Олли, обмакивая кусокъ хлѣба въ соусъ на сковородѣ.

Искусно избѣгая разрѣшенія вопроса, составляютъ ли высокіе резинковые сапоги необходимую принадлежность туалета молодой дѣвушки, Гэбріель произнесъ съ спокойнымъ равнодушіемъ.

— Я думаю, что, идя на работу, я загляну къ мистрисъ Маркль.

Онъ изъ подлобья посмотрѣлъ на ту незначительную часть лица сестры, которая виднѣлась изъ за большаго, уничтожаемаго ею ломтя хлѣба.

— Возьми меня съ собою, Гэбъ.

— Нѣтъ, ты останешься здѣсь и приберешь комнату. Да смотри, не убѣгай въ лѣсъ прежде, чѣмъ все кончишь. Къ тому же, прибавилъ онъ, гордо поднимая голову:—мнѣ надо поговорить о дѣлѣ съ мистрисъ Маркль.

— О, Гэбъ! воскликнула Олли, поднимая голову.

Все ея лице сіяло хитрымъ лукавствомъ и говяжьимъ жиромъ.

— Что̀ съ тобою, Олли? спросилъ Гэбріель съ спокойнымъ достоинствомъ.

— Чего ты стыдишься, Гэбъ?

Онъ не отвѣчалъ, но, вставъ, собралъ инструменты, надѣлъ шляпу и пошелъ къ двери. Потомъ неожиданно вернулся и взялъ обѣими руками Олли за голову.

— Если что-нибудь случится со мною, сказалъ онъ: — то ты, голубушка, знай, что я всегда и болѣе всего заботился о тебѣ.

Мысль о рѣкѣ блеснула тотчасъ въ головѣ ребенка.

— Ты не пойдешь сегодня въ воду, Гэбъ? спросила она, слегка вздрогнувъ.

— Нѣтъ, Олли, не бойся: я вернусь здравъ и невредимъ, произнесъ онъ поспѣшно, взглянувъ на ея испуганное лицо: — прощай.

Онъ нѣжно поцѣловалъ ее; она провела рукою по его бѣлокурымъ кудрямъ, пригладила бороду и поправила галстухъ.

— Ты лучше перемѣнилъ бы рубашку, Гэбъ; эта не довольно чиста. Вѣдь, ты идешь къ мистрисъ Маркль. Погоди, я достану твою соломенную шляпу.

Она побѣжала за холщевую занавѣску, но, когда возвратилась, то Гэбріеля не было уже въ комнатѣ.

Ночью шелъ дождь; земля дышала свѣжестью, а небо было покрыто живописными облаками, что̀ въ Калифорніи бываетъ очень рѣдко, исключая дождливаго сезона. Гэбріель обыкновенно не очень поддавался метеорологическимъ вліяніямъ и не особенно восторгался красотами природы; но въ это утро онъ вполнѣ сознавалъ, что погода была прекрасная, что окружающая его природа великолѣпна, а потому, я полагаю, онъ былъ впечатлительнѣе обыкновеннаго и въ отношеніи всѣхъ проявленій красоты на землѣ. Для нѣкоторыхъ натуръ, спасеніе которыхъ зависитъ отъ ихъ практичности, очень опасно восторгаться природой: деревомъ, цвѣткомъ, лучемъ солнца; отсюда одинъ

только шагъ до роковой сантиментальности въ отношеніи женскаго пола. А случаю было угодно, чтобъ Гэбріель, подойдя къ хижинѣ мистрисъ Маркль, увидѣлъ послѣ красотъ природы и царицу природы — мистрисъ Маркль, которая мыла посуду въ кухнѣ передъ окномъ.

Тутъ произошла сцена, ясно обнаружившая одну изъ тѣхъ несообразностей женскаго характера, которыя плѣняютъ обыкновенныхъ людей, но иногда не имѣютъ никакого вліянія на своеобразный характеръ. Мистрисъ Маркль всегда обращалась съ застѣнчивымъ Гэбріелемъ очень мягко, радушно и естественно; но теперь, замѣтивъ на его лицѣ тѣнь энергичнаго одушевленія, тотчасъ приняла воинственный тонъ.

— Если вы желаете меня видѣть, Гэбріель Конрой, сказала она, обтирая щелокъ со своихъ загорѣлыхъ, но красивыхъ рукъ: — вы должны подойти къ лохани, потому что я не могу бросить посуду невымытой. Джо Маркль всегда мнѣ говорилъ: «Когда у тебя есть работа, то не позволяй себѣ думать ни о чемъ другомъ». Солли, подай стулъ Гэбріелю; онъ не довольно часто ходитъ къ намъ, чтобъ постоять для разнообразія. Мы — работящія женщины, Солли, и намъ не время болѣть, а мистеръ Конрой только находитъ удовольствіе въ посѣщеніи больныхъ.

Гэбріель былъ совершенно изумленъ этимъ саркастическимъ пріемомъ, но онъ, въ то же время, какъ бы успокоился.

— Олли ошибается, сказалъ онъ самъ себѣ: — эта женщина думаетъ только о своихъ жильцахъ и посудѣ. Впрочемъ, еслибъ она всегда была такой и не приставала, не надоѣдала, а занималась бы преспокойно хозяйствомъ, то недурно было бы на ней жениться. Но женщинамъ довѣрять нельзя; онѣ измѣнчивы. Какъ бы то ни было, я могу успокоить Олли.

По счастью, мистрисъ Маркль не знала, какія мысли таились въ головѣ безмолвно стоявшаго передъ нею человѣка, и поспѣшно продолжала свой монологъ и мытье посуды.

— Говоря, что мы—работящія женщины, Солли, продолжала она, попрежнему обращаясь къ своей худощавой помощницѣ, которая, стоя спиною къ хозяйкѣ, вытирала посуду и съ улыбкой посматривала на Гэбріеля:—говоря, что мы—работящія женщины, Солли, я не забываю, что мужчины, смотрящіе на насъ, могутъ также и еще болѣе работать.

Въ эту минуту мистрисъ Маркль разбила тарелку и, послѣ непродолжительнаго молчанія вздохнула, посмотрѣла вокругъ себя и, покраснѣвъ, объявила, что чувствуетъ себя нервной и не можетъ продолжать мытья посуды.

Снова наступило неловкое молчаніе. Къ счастью Гэбріеля

худощавая Солли возобновила разговоръ и, вовсе не замѣчая его присутствія, сказала, обращаясь болѣе къ стѣнѣ, чѣмъ къ хозяйкѣ.

— Вы можете быть нервны, Сюзанъ, работая на сорокъ жильцовъ и случайныхъ путешественниковъ. Вѣдь, у васъ нѣтъ помощника. Вотъ, еслибъ вы слегли отъ ревматизма, то, пожалуй, кто-нибудь и сталъ бы за вами ухаживать. Случись смерть въ вашемъ семействѣ, то друзья, не оставляющіе иначе своихъ занятій, пожалуй, явятся къ вамъ на помощь. Маленькая Манти такъ кашляла въ послѣднія недѣли, что другая мать отъ страху дошла бы до чахотки.

Въ эту минуту Гэбріель вспомнилъ съ упрекомъ, что, подходя къ дому мистрисъ Маркль, онъ замѣтилъ маленькую Манти въ канавѣ и ощутилъ къ ней какое-то необъяснимое чувство будущаго родственника. Но теперь это родство показалось ему столь невозможнымъ и нелѣпымъ, что онъ счелъ себя чѣмъ-то въ родѣ самозванца и пришелъ въ сильное смущеніе, которое выразилось совершенно своеобразно. Вынувъ изъ кармана маленькій гребешокъ, онъ началъ медленно, съ смутной улыбкой, причесывать свои бѣлокурыя кудри. Мистрисъ Маркль часто видывала это внѣшнее выраженіе внутренняго чувства, отгадала его причину и приняла его, какъ слѣдуемую ей дань. Она смилостивилась, но, по таинственной женской симпатіи, это выразилось въ словахъ ея помощницы.

— Вы сегодня не въ духѣ, Сюзанъ, сказала Солли: — послушайтесь моего глупаго совѣта, бросьте работу и, усѣвшись преспокойно въ гостиной, разговаривайте съ Гэбріелемъ, если онъ не предпочитаетъ остаться въ кухнѣ, чтобъ собрать полезныя свѣдѣнія по части хозяйства. Я никогда не могла бы работать при мужчинѣ. Дайте мнѣ вашъ передникъ, и я перемою всю посуду, если вы согласны лишиться моего общества; впрочемъ, двое—славное общество, а трое—никуда негодится. Вамъ, Сюзанъ, никогда не время заниматься туалетомъ; посмотрите, у васъ волосы совсѣмъ растрепались.

Тутъ Солли, какъ бы замѣтивъ присутствіе Гэбріеля, стала поправлять прическу мистрисъ Маркль, но та ее оттолкнула.

— Оставьте, Солли, мнѣ не время заниматься такимъ вздоромъ; это—не волосы, а швабра, сказала она строгимъ тономъ самоуниженія:—ну, вотъ, что̀ вы надѣлали? Я такъ и знала.

Дѣйствительно, Солли съ чисто-женской хитростью неожиданно распустила черную, роскошную гриву мистрисъ Маркль, раскинувшуюся волною по ея полнымъ плечамъ. Она засмѣялась и хотѣла убѣжать въ гостиную, но Солли, какъ истинный худож-

никъ, не пустила ея прежде, чѣмъ эта поэтическая картина не произвела полнаго эффекта на воображеніе невиннаго Гэбріеля.

— Швабра, нѣчего сказать, произнесла Солли: — хорошо, что не всѣ одинаковаго мнѣнія и что самовосхваленіе безчестно. Но вчера стряпчій Макевель сказалъ мнѣ на этомъ самомъ мѣстѣ, смотря на васъ, когда вы разливали супъ и одна изъ прядей вашихъ волосъ случайно распустилась: «Много красавицъ въ Фриско дорого бы дали за волоса Сюзанъ Маркль...

Въ эту минуту рѣчь, Солли была прервана быстрымъ бѣгствомъ мистрисъ Маркль въ гостиную.

— Вы не знаете, Гэбріель, имѣетъ ли здѣсь какое-нибудь дѣло стряпчій Макевель? спросила Солли, принимаясь за свою работу.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гэбріель, столь же не понимая тайнаго смысла ея словъ, сколько и опаснаго для его спокойствія эффекта распущенныхъ волосъ мистрисъ Маркль.

— Онъ гораздо чаще проѣзжаетъ здѣсь, чѣмъ прежде, и въ одинъ день, кажется, пять разъ обѣдалъ. Когда вы вошли, я подумала, что это—онъ. Сюзанъ этого не замѣчаетъ; она не любитъ такихъ, какъ стряпчій, продолжала Солли, бросивъ знаменательный взглядъ на могучія плечи и высокій ростъ Гэбріеля:—какъ вы находите ее теперь? Я васъ спрашиваю, какъ друга семейства.

Гэбріель поспѣшилъ увѣрить Солли, что мистрисъ Маркль была на взглядъ совершенно здоровой; но сухощавая служанка тяжело вздохнула и покачала головой.

— Наружность обманчива, Гэбріель! Никто не знаетъ, что̀ переноситъ эта бѣдная женщина. Она, въ послѣднее время, очень разстроена и постоянно бьетъ посуду. Вы видѣли, какъ она только что разбила тарелку. Быть можетъ, мнѣ не слѣдовало бы этого говорить, но вы—другъ дома и человѣкъ вѣрный; поэтому я не скрою отъ васъ, что по количеству разбитой посуды можно положительно сказать, когда вы были здѣсь. Конечно, еслибъ она узнала, что я вамъ это выболтала, то убила бы меня, такъ какъ она горда, какъ я. Вотъ хоть, напримѣръ: вы заходили двѣ недѣли тому назадъ, и столько въ этотъ день она перебила чашекъ, что не хватило ихъ вечеромъ на всѣхъ жильцовъ.

— Можетъ быть, у нея лихорадка, произнесъ испуганный Гэбріель, вскакивая съ мѣста:—у меня дома есть индійское лекарство, и я его тотчасъ принесу или пришлю.

Онъ думалъ теперь только о бѣгствѣ и непремѣнно спасся бы такимъ постыднымъ образомъ, еслибъ Солли не остановила его, принявъ таинственный видъ.

— Если она вернется и не застанетъ васъ, то, при ея нервномъ положеніи, я не отвѣчаю за ея жизнь. Если вы уйдете послѣ того, что̀ случилось сегодня, послѣ того, что̀ произошло между вами, то она просто умретъ.

— Что̀ же произошло? спросилъ Гэбріель съ испугомъ.

— Не мое дѣло, отвѣчала торжественно Солли:—судить о поведеніи другихъ и объяснять, что̀ значитъ то или другое: посѣщеніе мужчинами женщинъ, битье посуды, причесываніе волосъ гребнемъ (Гэбріель вздрогнулъ) и молчаніе передъ посторонними. Не мое дѣло разсуждать, почему одна выходитъ изъ себя, а другой бросается, какъ съумасшедшій за лекарствомъ. Я сама знаю про себя и молчу. Часто мнѣ говоритъ Сюзанъ: «Никто на свѣтѣ не умѣетъ такъ запереть свои мысли и бросить отъ нихъ ключъ, какъ вы, Солли». Ну, вотъ и вы, сударыня; давно уже пора, а то я теряю время, разговаривая съ джентльменомъ.

Излишне прибавлять, что послѣднія слова̀ обращались къ мистрисъ Маркль, которая въ эту минуту показалась въ дверяхъ въ новомъ ситцевомъ платьѣ, рельефно выставлявшемъ ея роскошныя формы, и что Солли относилась къ обоимъ дѣйствующимъ лицамъ съ чрезвычайнымъ уваженіемъ, какъ бы въ доказательство, что минута была торжественная.

— Я надѣюсь, что не помѣшала вашему разговору, сказала вдова съ лукавой улыбкой, останавливаясь на порогѣ:—но если вы еще не покончили, то я подожду.

— Я не думаю, чтобъ Гэбріель имѣлъ еще что-либо мнѣ сказать по секрету отъ васъ, мистрисъ Маркль, отвѣчала Солли, намекая на то, что Гэбріель открылъ ей тайну, которую она изъ деликатности не могла обнаружить:—не мнѣ станутъ довѣрять джентльмены свои чувства.

Трудно сказать, что̀ болѣе пугало Гэбріеля, лукавыя ли замѣчанія мистрисъ Маркль, или ясные намёки Солли. Онъ всталъ и убѣжалъ бы даже въ виду истерики мистрисъ Маркль и насильственныхъ дѣйствій Солли, на которыя онъ считалъ ее вполнѣ способной, но его удерживали страшное подозрѣніе, что онъ уже безвозвратно запутался, надежда, что онъ найдетъ случай для объясненія, и, быть можетъ, роковая, притягательная сила опасности. Какъ бы то ни было, онъ нерѣшительно послѣдовалъ за мистрисъ Маркль въ ея гостиную. Тамъ она пригласила его сѣсть, и онъ безпомощно опустился на стулъ, тогда какъ Солли въ кухнѣ стала громко шумѣть посудой и пѣть во все горло, съ явною цѣлью убѣдить застѣнчивыхъ влюбленныхъ, что она

не можетъ подслушать ихъ нѣжной бесѣды; это было такъ очевидно, что Гэбріель покраснѣлъ до корня волосъ.

Въ этотъ день Гэбріель возвратился домой вечеромъ серьёзнѣе обыкновеннаго. На всѣ вопросы Олли онъ отвѣчалъ коротко и уклончиво. Но не въ его натурѣ было хранить въ тайнѣ что̀-либо, даже непріятное, а потому Олли терпѣливо ждала той минуты, когда онъ самъ все ей разскажетъ. Эта минута наступила послѣ ихъ скромнаго ужина, который прошелъ безъ всякихъ критическихъ замѣчаній со стороны Гэбріеля. Олли, какъ всегда, поставила между ногъ брата маленькій ящикъ и сѣла на него, прислонясь головою къ его жилеткѣ. Гэбріель закурилъ трубку и, выпустивъ нѣсколько клубовъ дыма, сказалъ тихо:

— Это невозможно.

— Что̀ невозможно, Гэбъ? спросила хитрая Олли, очень хорошо понимая, о чемъ онъ говорилъ.

— Дѣло, о которомъ мы говорили.

— Какое дѣло, Гэбъ?

— Женитьба на мистриссъ Маркль, сказалъ Гэбріель съ искуственнымъ хладнокровіемъ.

— Отчего?

— Она не хочетъ идти за меня.

— Отчего? воскликнула Олли, посиѣшно обернувшись.

Гэбріель уклонился отъ взгляда сестры и твердо повторилъ, смотря на огонь:

— Ни за что̀ не хочетъ.

— Низкая, противная, старая дрянь! воскликнула съ сердцемъ Олли:—развѣ есть человѣкъ лучше тебя, Гэбъ? Какое безстыдство!

Гэбріель махнулъ трубкою по воздуху, но съ такимъ тономъ невозмутимой покорности, что Олли снова взглянула на него подозрительно.

— Что̀ она сказала?

— Она сказала, отвѣчалъ Гэбъ медленно:—что ея сердце отдано другому. Кажется, она выразилась стихами:

Сердце отдано другому
И не бывать твоимъ ему.

Я не помню именно, что̀ она сказала, но ты знаешь, Олли, что женщины въ такую минуту всегда говорятъ стихами. Во всякомъ случаѣ смыслъ былъ такой.

— Кого же она предпочла тебѣ? неожиданно спросила Олли.

— Она не сказала, отвѣчалъ Гэбріель съ безпокойствомъ:—а я не считалъ себя въ правѣ спрашивать.

— Ну?

— Чтò? спросилъ Гэбріель, съ еще бòльшимъ смущеніемъ.

— Чтò ты сказалъ?

— Потомъ?

— Нѣтъ, прежде; кàкъ ты объяснился, Гэбъ? произнесла Олли, смотря въ глаза брату и поддерживая рученками свой подбородокъ.

— О! какъ всегда, въ подобныхъ случаяхъ, сказалъ Гэбріель, махая трубкой въ знакъ того, что всѣмъ извѣстно, какъ дѣлается вообще предложеніе руки и сердца.

— Но кàкъ именно? Гебъ, разскажи мнѣ все.

— Ну, вотъ видишь, началъ Гэбріель, смотря на потолокъ:— женщины обыкновенно, застѣнчивы, и мужчины всего лучше привлекаютъ ихъ къ себѣ смѣлостью. Вотъ, Олли, я, войдя въ домъ, потрепалъ Солли по щекѣ и, обнявъ вдову, поцѣловалъ ее раза два или три, знаешь, изъ любезности и для приличія.

— И подумать, Гэбріель, что, послѣ этого, она не захотѣла выдти за тебя!

— Ни подъ какимъ видомъ, произнесъ Гэбріель рѣшительно.

— Отвратительная бестія! воскликнула Олли:—я желала бы, чтобъ Манти посмѣла теперь придти сюда, прибавила она, дико грозя перстомъ: — и подумать только, что сегодня я позволила ей выбрать лучшаго щенка.

— Тише, Олли: это для всѣхъ должно остаться тайной, произнесъ поспѣшно Гэбріель:—я только тебѣ и довѣряю; между нами не можетъ быть ничего скрытнаго. Къ тому же, прибавилъ онъ убѣдительнымъ тономъ: — прежде, чѣмъ жениться, всякій долженъ перенести съ дюжину отказовъ. Это такъ водится. Одинъ мой знакомый, съ безстыдствомъ продолжалъ Гэбріель, вполнѣ сознавая, что онъ лгалъ: — получилъ пятьдесятъ отказовъ, а былъ гораздо лучше меня и имѣлъ тысячу долларовъ. Знаешь, Олли, нѣкоторые это любятъ, какъ сильное ощущеніе, въ родѣ разыскиванія руды.

— Но чтò-жь ты сказалъ, Гэбъ? спросила Олли, снова возвращаясь къ главному факту и не понимая удовольствія, доставляемаго отказомъ по словамъ Гэбріеля.

— Я всталъ и говорю: «Сюзàнъ Маркль, вотъ въ чемъ дѣло: я и Олли живемъ на горѣ, а вы съ Манти въ ущельѣ; горы и долины раздѣляютъ два любящихъ сердца, а нѣтъ причины, почему бы намъ всѣмъ не составить одно семейство въ моемъ домѣ; вамъ назначить день». Потомъ я пустился немного въ поэзію, ввернулъ это кольцо (Гэбріель указалъ на толстое зо-

лотое кольцо, красовавшееся на его мизинцѣ), поцѣловалъ опять вдову, потрепалъ по щекѣ Солли—вотъ и все.

— И она, послѣ всего этого, не хотѣла выдти за тебя, Гэбъ? произнесла задумчиво Олли:—ну, такъ что̀-жь, кому она нужна? Право, не мнѣ.

— Я очень радъ слышать это отъ тебя, Олли, отвѣчалъ Гэбріель.—Но ты не должна говорить ей объ этомъ ни слова. Она собирается купить ту часть стараго участка на нашей горѣ, гдѣ я начиналъ работы въ прошломъ году, и выстроить домъ подлѣ насъ. Она говоритъ, что хочетъ быть поближе къ намъ и ухаживать за тобою. Поэтому, Олли, продолжалъ Гэбріель серьёзно:—если она будетъ попрежнему приставать ко мнѣ, то ты не обращай вниманія—такъ поступаютъ всѣ женщины.

— Я желала бы это видѣть, произнесла Олли.

Гэбріель взглянулъ на нее съ невольнымъ удовольствіемъ и обнялъ.

— Теперь все кончено, Олли, сказалъ онъ: — и, право, такъ лучше. Мы будемъ жить съ тобою попрежнему. Я надняхъ говорилъ съ товарищами о томъ, чтобъ выписать учительницу изъ Морисвиля, и мистриссъ Маркль одобряетъ эту идею. Ты будешь ходить въ школу, Олли; на будущей недѣлѣ я съѣзжу въ Морисвиль за новой для тебя одеждой, и мы будемъ жить припѣваючи. Потомъ, Олли, вдругъ—счастье всегда является вдругъ—я найду руду въ этой горѣ, и мы будемъ богаты. Я всегда говорилъ, что здѣсь руда. А, разбогатѣвъ, мы съ тобою поѣдемъ въ Сан-Франциско. Я куплю большой домъ, у тебя будутъ всевозможные учителя и множество подругъ изъ лучшихъ дѣвочекъ въ городѣ. Тогда, можетъ быть, я полажу и съ мистриссъ Маркль...

— Никогда! воскликнула Олли съ сердцемъ.

— Да̀, никогда, отвѣчалъ хитрый Гэбріель, сіяя удовольствіемъ, но чувствуя въ тоже время упреки совѣсти: — однако, маленькимъ дѣвочкамъ пора спать.

Повинуясь этому замѣчанію, Олли удалилась за холщевую занавѣску, взявъ съ собою свѣчку и оставивъ брата курить трубку при мерцающемъ свѣтѣ потухающаго огня. Но Олли не заснула, а, спустя полчаса, выглянула изъ-за занавѣски. Гэбріель сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, закрывъ лицо руками. Она тихонько подошла къ нему и, поднявъ его голову, нѣжно обняла. На одной изъ ея рукъ она почувствовала что̀-то влажное.

— Ты не грустишь объ этой женщинѣ, Гэбъ? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гэбріель, засмѣявшись.

Олли взглянула на свою руку, а Гэбріель пристально посмотрѣлъ на потолокъ.

— Крыша течетъ, произнесъ онъ: — ее надо завтра починить. Но, ступай, Олли, спать, ты простудишься въ одной рубашонкѣ.

XIII.

Гэбріель выдаетъ себя.

Хотя Гэбріель принялъ на себя маску спокойствія и дѣйствительно чувствовалъ нѣкотораго рода облегченіе, онъ далеко не былъ доволенъ результатомъ своего посѣщенія мистрисъ Маркль. Чтò бы ни произошло на этомъ свиданіи, о которомъ читатель знаетъ только по разсказу самого Гэбріеля, его дальнѣйшее поведеніе нисколько не согласовалось съ смѣлымъ и рѣшительнымъ отзывомъ, который онъ далъ Олли. Впродолженіи двухъ дней, онъ съ неудовольствіемъ прекращалъ разговоръ, когда Олли наводила его на этотъ предметъ; но на третій онъ самъ завелъ съ однимъ изъ рудоконовъ въ тавернѣ Эврики бесѣду, имѣвшую нѣкоторое отношеніе къ данному случаю.

— Въ послѣднее время въ газетахъ много говорятъ о процессахъ по поводу отказа отъ брака, началъ онъ очень осторожно:—поэтому, мнѣ кажется, что всякій, любезно обращающійся съ женщиной, всегда находится въ опасности попасть подъ судъ— не правда ли?

Собесѣдникъ Гэбріеля искавшій, по слухамъ, въ Одноконномъ Станѣ убѣжища отъ своей жены, грубо отвѣчалъ, что всѣ женщины—дуры и имъ никогда не слѣдовало довѣряться.

— Я полагалъ бы необходимымъ издать по этому поводу общій законъ, продолжалъ Гэбріель.—Чтò бы вы сказали, еслибъ вамъ пришлось сидѣть присяжнымъ по слѣдующему дѣлу? Это случилось съ моимъ пріятелемъ въ Фриско—вы его не знаете. Одна женщина, скажемъ вдова, ухаживала за нимъ года два или три, но онъ ни разу не говорилъ ей ничего о женитьбѣ. Однажды, онъ преспокойно отправляется къ ней въ домъ, чтобъ дружески провести...

— Это плохо, перебилъ его циническій собесѣдникъ.

— Быть можетъ, съ виду оно и нехорошо; но мой пріятель не имѣлъ никакого дурного намѣренія.

— Ну?

— Вотъ и все.

СТРАН.

А. Краевскій.